

Российская академия наук
Институт лингвистических исследований

Лексический атлас русских народных говоров

Материалы и исследования 2012

Издательство «Нестор-История»
С-Петербург ММХII

УДК 81'28
ББК 81.2Рус
Л43

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2012 / Ин-т лингв. исслед. — СПб.: Нестор-История, 2012. 481 с.

ISBN 978-5-90-598776-2

В сборнике опубликованы статьи и материалы участников проекта «Лексический атлас русских народных говоров». В работах освещен широкий круг вопросов исследования диалектной лексики, семантики, структуры отдельных тематических групп и словообразования. Значительную часть книги составляют статьи по диалектной фразеологии, синонимии, истории слов и ономастике. Освещаются также практические вопросы картографирования и некоторые теоретические проблемы лингвогеографии.

Сборник вносит вклад в теорию и практику лингвогеографических исследований и представляет интерес для широкого круга исследователей русского языка.

Ответственный редактор А. С. Герд

Редколлегия:

С. А. Мызников, Е. Ж. Кузнецова,
О. В. Глебова, О. Н. Крылова

Рецензенты:

доктор филологических наук Л. Е. Кругликова,
кандидат филологических наук Ю. Ф. Денисенко

Сборник подготовлен к изданию при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 10-04-00167

ISBN 978-5-90-598776-2

© ИЛИ РАН, 2012

Оглавление

Т. И. ВЕНДИНА. Лексический атлас русских народных говоров и его интерпретационные возможности	7
Л. Я. КОСТЮЧУК. Актуальность принципа оппозиций при сборе и анализе материала для ЛАРНГ	41
А. А. БУРЫКИН. Некоторые соображения по вопросам Программы ЛАРНГ о терминологии родства	50
Л. П. БАТЫРЕВА. Термины родства в частной переписке середины XX века	63
Е. В. КУЗНЕЦОВА. Исследование лингвогеографического ландшафта региона. Информационная система «Лексический атлас Волгоградской области»	75
О. Г. БОРИСОВА, Л. Ю. КОСТИНА. Диалектный ландшафт Щербиновского района Краснодарского края	96
Т. Е. БАЖЕНОВА. Типы лексических диалектных различий в самарских говорах	109
Л. Ф. АБУБАКИРОВА. Оренбургские русские говоры: историографический и генетический аспекты	119
Е. А. ЖДАНОВА. Лингвогеографическое изучение русских говоров Удмуртии	133
Л. В. ДЮСУПОВА. О составлении «Лингвистического атласа Оренбургского края»	138
С. А. ГАНИЧЕВА. К вопросу о картографировании глаголов, обозначающих в русских народных говорах звуки, издаваемые жаворонком	142
Н. С. ГАНЦОВСКАЯ. Словарь «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» А. В. Громова как источник ЛАРНГ	149
В. С. КАРТАВЕНКО. Способы описания и представления слов-фитонимов в «Словаре смоленских говоров»	157

А. А. ЛОПУХИНА. О некоторых фонетических изоглоссах в двух архангельских говорах (история и современное состояние)	164
Р. И. КУДРЯШОВА. Глаголы, мотивированные именами существительными со значением времен года, в донских казачьих говорах	172
И. И. БАКЛАНОВА. Фразеологизмы с глаголами движения (на материале пермских говоров)	183
М. А. ЗАХАРОВА. Донские диалектные глаголы со значением «трудовая деятельность», составляющие словообразовательный круг	191
Т. В. КАРАСЁВА, А. А. КОЛЕСНИКОВ. Глагол, причастие и деепричастие в говоре села Измалково Измалковского района Липецкой области	199
Я. В. МЫЗНИКОВА. Особенности функционирования некоторых наречий в архангельских говорах	209
Г. В. МИХЕЕВА, Т. Ф. ЗИБРОВА. Судьба среднего рода в самарских говорах	217
Т. Ф. ЗИБРОВА, Ю. Д. ФУРМАН. Об одном междиалектном явлении в говорах территории позднего заселения	229
Е. В. БРЫСИНА. Семантическая оппозиция «страх/отвага» в языковом сознании казачества	237
А. Б. КОКОНОВА. Семантика глаголов родить/рожать, родиться/рождаться (на материале архангельских говоров)	244
И. В. ЛЕБЕДЕВА. Семантические особенности лексики по теме «Питание» в костромских говорах	252
Н. В. БУРКО. О номинации географических объектов в орловских говорах	260
И. А. БУКРИНСКАЯ, О. Е. КАРМАКОВА. Традиционная народная культура и ее отражение в диалектном тексте	265
А. Д. ЧЕРЕНКОВА. Признаки речевой активности (на материале беседы со 100-летним информантом)	282
Н. Ю. БАЖЕНОВ. Лексика по теме «Нравственная характеристика личности» в самарских говорах	289

З. В. СМЕТАНИНА. Диалектная лексика и фразеология, характеризующая человека по его отношению к труду (на материале идиолектного словаря)	300
Т. Е. НИКУЛИНА. К специфике функционирования анатомической лексики в костромских говорах (на материале речи пыщуган)	310
М. С. КАРТЫШЕВА. Образ дороги в архангельских говорах	318
О. С. ФОМИЧЕВА. Символика предметного кода свадебного обряда (на материале тульских говоров)	326
М. С. МИРОНОВИЧ. Наименования участников свадебного обряда Калужской области	332
Е. В. ЦВЕТКОВА. Общее наименование травы, растущей на болоте, в русских народных говорах (на материале карты ЛАРНГ Л 132)	338
Т. М. МАЛЫХИНА, Л. Е. ПИСАРЕВА. Наименования растущего дерева в курских говорах (по материалам лексикографических источников и полевых данных)	348
М. В. ФЛЯГИНА, Е. В. СЕРДЮКОВА. Наименования берёзы в русских говорах (к вопросу о картографировании видовых апеллятивов)	351
С. Ю. ДУБРОВИНА. Русские названия растений, производные от орнитонима «воробей», на общеславянском фоне	358
Н. А. КРАСОВСКАЯ. Названия лопуха и репейника в русских говорах	373
Л. И. ЛАРИНА. Наименования пресмыкающихся (ящерица, змея) в курских говорах	383
Е. Г. МЕЛЬНИКОВА. Псковские наименования дней недели	390
А. С. ЩЕРБАК. О происхождении фамилии Замятин (к использованию лингвогеографических данных бытования диалектных слов и территориальной отнесенности личных имен в этимологических исследованиях ономастических единиц)	399
И. В. БРОДСКИЙ. Номинация растений по признаку цвета в финно-пермских языках	404

Р. В. ГАЙДАМАШКО. Новые данные о дистрибуции финно- угорских заимствований в русских говорах Верхнего Прикамья (по материалам Картотеки ЛАРНГ)	451
С. А. МЫЗНИКОВ. О некоторых наименованиях картофеля в русских говорах	460
Сокращения	469

Лексический атлас русских народных говоров и его интерпретационные возможности

Т. И. Вендина

Развитие лингвистической географии, «создание лингвистических атласов и оперирование их данными в значительной степени изменили гносеологический облик лингвистики: пространственный дискурс вместе с исследованием внутренней структуры и диахронии языковых единиц образует гносеологическое триединство лингвистики, исследующей язык в трех измерениях — структуры, пространства и времени» [Гриценко, 2004, 86]. Картографирование сегодня рассматривается как эвристический метод, с помощью которого осуществляется не просто сопоставление изучаемых явлений, но их систематизация и стратификация во времени и пространстве.

Это позволило не только усовершенствовать приемы и методы лингвогеографического анализа, но и расширить саму парадигму исследования. Такой теоретический прорыв в лингвистической географии, наметившийся в конце XX в., во многом способствовал ее переходу от экстенсивного изучения диалектов к интенсивному погружению в сущность лингвоареальных явлений.

В связи с этим в лингвогеографическом изучении диалектной лексики выявились новые проблемы и среди них самая важная — проблема интерпретации картографируемого материала. Разрозненная фиксация диалектно-языковых фактов, представленная на картах атласа, требует сегодня своего теоретического осмысления, де-

кодирования их в логически последовательные цепи, отражающие реальную связь изучаемых явлений во времени и пространстве.

Хотелось бы напомнить, что «лингвистическая география не сводится к картографированию, будучи сугубо исторической наукой, а значит, это не составление атласов, а их интерпретация, использующая понятие ареала, изоглоссы, очага распространения и такой критерий, как обращенность в прошлое» [Трубачев, 2002, 7].

Вот почему современный этап развития лингвистической географии можно с полным основанием охарактеризовать как этап становления «**объясняющей лингвогеографии**», имеющей своей целью глубинную интерпретацию лингвистической карты и сопряженный с ней анализ эксплицированных языковых явлений.

Какие в этом смысле имеются возможности у ЛАРНГ?

Следует сразу сказать — значительные!

Интерпретационный потенциал Атласа связан прежде всего с тем иллюстративным материалом, который сопровождает каждую карту. Этот иллюстративный материал имеет своей целью не просто показать «жизнь слова» в реальном диалектном контексте, но и обосновать его появление на карте (ср., например, включение в карту ‘опенок’ лексемы *поганка*, которая в русских диалектах может являться обозначением и съедобных грибов, ср. в СРНГ: *поганка* ‘название съедобных грибов’: а) ‘опенок’ Шенк., Арх., Волог.; б) ‘дождевик’ Вят.; в) ‘летний мелкий гриб’ Ворон.; г) ‘сыроежка и лисичка’ Том., Орл., СРНГ, 27, 287). Об этом красноречиво свидетельствуют и материалы самой карты, в которых лексемы *опенок* и *поганка* часто выступают в одном синонимическом ряду. Судя по контекстам, опенок часто оценивается как несъедобный гриб, что также способствует синонимизации лексем *опенок* и *поганка*, ср., например, следующие контексты: *Росли опёнки куль берёз — это поганки* (п. 217). *Опята росли, да поганки это* (п. 62). *Опята около пней. На берегах бывает такой плетень, один за одним растут. Поганки это* (п. 55). *Пень уже вёсной гадостью обростает — вот и вырос такой гриб, опёнок. Я эти поганки жарить не буду. Но голодные люди и опёнки съедя — опята то есть* (п. 70). *Опёшки мы и за еду не считали. Опята тоже поди поганки. Около пенька рас-*

тут опята. Опят у нас много, но мы их не берём, наверно других грибов много, хватает (п. 472).

Наличие этого иллюстративного материала выгодно отличает ЛАРНГ от большинства славянских атласов, обогащая его интерпретационные возможности (в связи с этим замечу, что опубликованные недавно македонский и словенский диалектологические атласы иллюстративного материала к картам не имеют).

Однако этим интерпретационные возможности атласа не исчерпываются.

Известно, что по технике своего исследования лингвистическая география обращена прежде всего к синхронии. Это ощущение синхронного состояния, совпадения во времени присутствует у читателя при знакомстве с атласами, составленными даже в начале XX в. Между тем в этом синхронном отражении «живого» слова на картах Атласа запечатлена вся его история, а это значит, что сама лингвистическая география прокладывает путь исследования от синхронии к диахронии. И поскольку на картах Атласа эксплицитно выражена топологическая и имплицитно хронологическая маркированность диалектных явлений, исследователь имеет уникальную возможность изучать механизмы развертывания диахронии в синхронии, более того, проследивать цепочечное развитие диалектных зон, которые, образуя звенья такой цепочки, представляют последовательные этапы исторического развития как картографируемого явления, так и самой лингвотерритории.

Поэтому глубинная интерпретация лингвистической карты должна иметь своей целью анализ эксплицированного материала не только в пространстве, но и во времени, что предполагает использование такого критерия, как «обращенность в прошлое».

Однако здесь возникают определенные трудности.

Они связаны прежде всего с тем, что в отечественной лингвистической географии (как, впрочем, и в зарубежной) еще довольно плохо проработаны методологические основы приемов и принципов научного осмысления картографических данных в пространственно-временном аспекте, а тем более методика чтения карт раз-

ного типа. Возможно, именно поэтому материалы атласов еще довольно медленно вводятся в научный оборот.

Это во многом объясняется тем, что лингвистическая карта трудна для восприятия, причем не только для неподготовленного читателя, но и для специалиста, так как это довольно «специфический текст, несущий слишком большой объем разноплановых языковых сведений, зачастую не только не известных ранее из других источников информации, но и противоречащих устоявшимся языковедческим стереотипам и постулатам. . . Кроме того, недовостребованность атласов может быть объяснена и недостаточной разработкой приемов истолкования данной информации» [Гриценко, 2004, 86].

Существующий сегодня разрыв между эмпирическими успехами лингвистической географии и состоянием разработки ее теоретическо-методического аппарата является одним из парадоксов лингвистической географии. Будучи увлеченной своими реальными достижениями в решении масштабных задач, связанных с изучением территориального варьирования единиц того или иного языка, лингвистическая география довольно долго шла по пути экстенсивного развития, оставляя без должного внимания вопросы, связанные с используемым ею методическим инструментарием. В результате сложилось неадекватное соотношение диапазона накопленных диалектных фактов и их интерпретации, которая в лучшем случае сводится к описательной процедуре.

В настоящее время разработка методов лингвистической географии является по существу своеобразным «побочным» продуктом ареальных исследований, хотя нельзя не отметить, что ее успехи были бы более впечатляющими при целенаправленной разработке ее теории и методов (например, методов отграничения праславянских образований от некоторых инноваций, возникающих параллельно и являющихся фактами собственной истории отдельных славянских языков или методов хронологической стратификации эксплицируемого на карте материала и т. д.).

Думается, однако, что возможность пространственной визуализации межъязыковых схождений делает реальной и временнóу

стратификацию картографируемых лексем, ибо в соответствии с постулатом лингвистической географии карта, являясь пространственной проекцией элементов языковой системы диалектов, позволяет исследователю описать формирование диалектных различий в их исторической перспективе, поскольку фактор пространства всегда неразрывно связан с фактором времени. Языковые различия в пространстве тождественны языковым различиям во времени: «существование языка в пространстве и существование языка во времени — одно и то же явление существования языка во времени-пространстве» [Степанов, 1975, 304].

В связи с этим возникает вопрос, существуют ли какие-либо критерии, дающие ключ к хронологической интерпретации материала, представленного на карте?

Следует сразу сказать, что ареальная лингвистика пока не располагает **надежными** критериями для хронологического расслоения языкового материала. Однако, как показала лингвогеографическая практика, и в частности работа над Общеславянским лингвистическим атласом, при рассмотрении этого вопроса следует, по видимому, принимать во внимание следующие признаки.

Формально-картографические признаки ареала

1. Качественная характеристика ареала — обширный или островной (или даже точечный), непрерывный или разорванный, характер границ ареала (ровные границы или резаные) и самой его «плотности» (является ли ареал сплошным или дисперсным).

2. Пространственный контекст, в котором существуют ареалы, место их локализации.

3. Пространственная характеристика ареалов (являются ли ареалы дистантными или контактными).

Помимо ареальных признаков при определении относительной хронологии выявленных изоглосс чрезвычайно важную роль играют и собственно лингвистические критерии.

Лингвистические признаки ареала

1. Тип основы лексемы (производный/непроизводный).
2. Ее этимология (наличие ~ отсутствие и-е соответствий).
3. Определение самого характера ее значения (прямое или переносное).
4. Наличие/отсутствие дериватов, однокоренных с данной лексемой.
5. Локализация дериватов (в рамках одной или разных языковых (или диалектных) групп).
6. Наличие/отсутствие явления конкуренции с другой лексемой в данном ареале.
7. Характер диалектного противопоставления, представленного на карте (двучленное или многочленное).
8. Типология выявленных лексических соответствий (являются ли они случайными или вписываются в некую микросистему).
9. Количественный показатель выявленных соответствий (являются ли они массовыми или единичными: массовость выявленных схождений невозможно приписать случайности, поэтому она лежит за границей произвола исследователя).

О чем говорят топографические характеристики ареала?

Следует сразу признать, что однозначного ответа нет, но определенная повторяемость ареальных сценариев прослеживается, что позволяет говорить о типологии ареалов.

Для определения относительной хронологии того или иного ареала чрезвычайно важным является не просто его локализация, а пространственный контекст, в котором он существует, так как один и тот же ареал, но в разном пространственном контексте может иметь разную интерпретацию в плане его хронологической отнесенности.

Известно, например, положение одного из основателей ареальной лингвистики М. Бартоли об интерпретации явления как архаического, если оно зафиксировано в изолированных, периферийных или в обширных ареалах. Между тем это положение нуждается в

корректировке, так как те же ареалы могут являться иллюстрацией и поздних новообразований.

Так, например, **обширный ареал** в русских диалектах, когда картографируемое языковое явление плотно покрывает **всю русскую** территорию, в разных пространственных контекстах может иметь разную интерпретацию.

1) Первый тип ареалов существует в **общеславянском** контексте, т. е. языковое явление имеет не только русское, но и общеславянское распространение, при этом лексема равномерно покрывает всю территорию Славии, ср., например, ареалы таких праславянских лексем, как *vod-a*, *kon-j-ъ*, *pol-j-e*, *mor-j-e*, *osm-ъ*, *moj-ъ*, *moj-a*, *sol-ъ*, *snop-ъ*, *rog-ъ*, *ros-a*, *kor-a* и др. в фонетическом томе Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА) «Рефлексы *о»; или распространение лексем *zem-j-a*, *med-ъ*, *sedm-ъ*, *šest-ъ*, *tret-ъj-ъ*, *vesel-ъj-e*, *ber-e-tъ*. *devet-ъ*, *(j)ezer-o* // *ozero-o*, *(j)elen-ъ* // *olen-ъ*, *per-o*, *sestr-a* и др. в томе «Рефлексы *е»; сюда же относятся такие ареальные сценарии, когда лексема не имеет общеславянского распространения, но представлена в диалектах всех трех славянских языковых групп, но при этом плотно покрывает территорию русских диалектов (ср., например, ареалы таких праславянских лексем, как *měk-a* к. 11 ‘мука, из которой пекут хлеб’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *pros-i-tъ* к. 68 ‘просит’ т. 9 «Человек»: *sq-sěd-ъ* к. 2 ‘сосед, человек, живущий в соседнем доме’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и др.);

Этот тип ареала может служить иллюстрацией **праславянских языковых отношений**. Сплошной характер ареалов лексем, равномерно покрывающих всю территорию Славии, являются убедительным свидетельством их архаичности.

Об этом говорит и тот факт, что все эти лексемы являются праславянскими, более того многие из них имеют и-е параллели, ср.: **morje* < и-е **mōri* [Фасмер, II, 654]; **kora* < и-е **(s)ker-/ (s)kēr-/ (s)kor-* [Фасмер, II, 321]; **medъ* < и-е **medhu-* [Фасмер, II, 589]; **polje* < и-е **p(e)lā-* или **pel-/pol-* [Фасмер — Трубачев, III, 307]; **pero* < и-е **per-*, *pet-* [Фасмер — Трубачев, III, 243]; **(j)ezero* // **ozero* < и-е **eǵhero-* [Фасмер — Трубачев, III,

125]; *(j)elenь//*olenь < и-е *el- [Фасмер, III, 134]; *beretъ < *bъ-rati < и-е *bher- [Фасмер — Трубачев, I, 159]; *zemja < и-е *ǵhđem-, *ǵhđom- [Фасмер II, 93]; *solъ < и-е *sal- [Фасмер III, 715]; *sestra < и-е *suce- (*se-), *sor- [Фасмер — Трубачев, III, 612]; *snopъ < и-е *(s)nē(u)- [Фасмер, III, 700]; *rogъ < и-е *rogo-s [Фасмер, III, 489]; *rosa < и-е *ere-s-/rōs-/rōs- [Фасмер III, 503];

2) Второй тип ареалов существует лишь в западнославянском контексте (т. е. языковое явление плотно покрывает не только русские, но и другие восточнославянские диалекты, а также всю западную Славью, но не выходит за ее пределы), ср., например, ареалы таких лексем, как *nož-ik-ъ* к. 20 *dem* 'ножик, ножичек' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *poirīžъn-ъ* к. 3 'пустой, ненаполненный' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *glin-j-an-ъ* к. 50 'сделанный из глины' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ušъk-o* к. 15 *dem* 'ухо' т. 9 «Человек»; *rěčъk-a* к. 32 *dem* 'рука' т. 9 «Человек»; *palъcъ* к. 34 'палец руки' т. 9 «Человек»; *nožъk-a* к. 43 *dem* 'нога' т. 9 «Человек»; *slov-o* к. 76 'слово' т. 9 «Человек»; *gorъk-a* к. 28 *dem* 'гора' т. 5 «Рефлексы *о» и др.

Этот тип ареала говорит о том, что он сформировался, видимо, в позднепраславянский период, когда южнославянские диалекты были уже отрезаны от севернославянских, но до окончательного распада славянского языкового единства. Показательно также, что многие из корреспондирующих восточно-западнославянских лексем представлены словообразовательными деминутивами (*ušъk-o* к. 15 *dem* 'ухо' т. 9 «Человек»; *rěčъk-a* к. 32 *dem* 'рука' т. 9 «Человек»; *nožъk-a* к. 43 *dem* 'нога' т. 9 «Человек»; *gorъk-a* к. 28 *dem* 'гора' т. 5 «Рефлексы *о» и др.), которые сами по себе являются вторичными по отношению к своим производящим, что является еще одним доказательством позднего формирования их ареалов, а наличие в сравниваемых языках общих инноваций, в соответствии с постулатом лингвистической географии, является свидетельством предшествующего им диалектного континуума, т. е. совместного пути развития, продолжавшегося еще в относительно позднюю эпоху. Примечательно, что другие лексем, не являющи-

еся деминутивами и входящие в эту группу, надежных и-е соответствий не имеют (ср. *pal-ьс-ь* к. 34 ‘палец руки’ т. 9 «Человек»; *slov-o* к. 76 ‘слово’ т. 9 «Человек»; *poiríž-ьn-ъ* к. 3 ‘пустой, ненаполненный’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

3) Третий тип ареалов существует лишь в южнославянском контексте (т.е. языковое явление имеет плотный ареал в русских и других восточнославянских диалектах, а также в южнославянских диалектах), ср. распространение лексем *rěž-e-tь*, к. 17 ‘режет’ (хлеб) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *lic-e* к. 2 ‘лицо’ т. 9 «Человек»; сюда же можно отнести и ареал лексемы *sel-o* к. 1 ‘небольшой сельский населенный пункт’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет плотный ареал в восточнославянских диалектах и практически во всех южнославянских, за исключением словенских, где приблизительно с XV в. широко распространяется лексема *vs-b*; на былое существование лексемы *selo* в словенском языке указывают многочисленные дериваты с этим корнем, ср. dem. *selce*; *seljak*, *seljan*, *selski*, *naselje*, а также топонимы *Selo*, *Selce* и др. [Bezljaj, 225]; *gord-ъ* к. 45 ‘город’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь», лексема широко распространена в восточно- и южнославянских диалектах (за исключением словенских, где в XIV в. в топонимии появляется лексема *měst-o*, ср. *Novo Mesto*, а с XVI в. она получает широкое распространение и в апеллативах [Bezljaj, 179]); о былом существовании лексемы *gordъ* в словенских диалектах указывают прежде всего топонимы (ср. *Podgrad*, *Zagrad*, *Stari grad*, *Slovenj Gradec*, а также производные с этим корнем, ср. *graščan*, *gra(j)ščina*, *gra(j)ščak*, *gra(j)ščakinja* [Bezljaj, 168]);

Этот тип ареала свидетельствует о том, что перед нами древние диалектизмы, ареал которых сложился еще до того, как венгерские племена вклинились между словаками и южными славянами, вследствие чего южнославянские диалекты оказались оторваны от севернославянских.

В отличие от предшествующего ареального сценария, лексемы, представляющие этот тип ареала, являются праславянскими, имеющими нередко и-е параллели: **selo* < и-е **sedlo* [Фасмер, III, 596]; **gordъ* < и-е **ghordh-/ġhordho* (ЭССЯ, 7, 36); **rěžetь* < **rězati* <

и-е **urēg*'-/**urōg*'- [Фасмер, III, 461];

4) Четвертый тип ареалов существует лишь в восточнославянском контексте (т. е. языковое явление локализуется в русских, украинских и белорусских диалектах и не выходит за пределы восточной Славии), ср. распространение таких лексем, как *skor-o-lupa*, *skor-o-lup-šk-a* к. 41 'скорлупа' (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-ěd-a-j-e-tь* к. 60 'ест обед' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sz-kaž-e-tь* к. 64а 'скажет' (слово) т. 9 «Человек»; *běd-ьn-ost-ь* к. 62 'бедность, нужда' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *o-χ* // *ot-ьn-ik-ъ* к. 56 'человек, который охотится' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *deš-ev-ъ* к. 54 'дешевый' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *plot-ьn-ik-ъ* к. 4 'человек, который строит деревянный дом' т. 8 «Профессии и общественная жизнь».

Этот тип ареала свидетельствует о том, что он сформировался еще до распада восточнославянского языкового единства, т. е. является древним восточнославянским диалектизмом, образовавшимся на базе праславянских основ. Показательно, что все эти лексемы фиксируются памятниками древнерусской письменности (ср. *скорлупа* СРЯ XI–XVII, 24, 240; *бѣдность* СРЯ XI–XVII, 1, 88; *охотникъ* СРЯ XI–XVII, 14, 85; *дешевый* СРЯ XI–XVII, 4, 240; *плотникъ* СРЯ XI–XVII, 15, 102 и т. д.;

5) Пятый тип ареалов существует вне общеславянского контекста, в рамках лишь русских диалектов, ср. распространение таких лексем, как: *gъrb-uš-ьk-a* к. 18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *prost-o-kvaš-a* к. 35 'сырое кислое молоко' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *ob-čist-ъk-y* к. 51 'кожура, снятая со старой картошки' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; // *už-in-ъ* к. 62 'ужин, вечерняя еда' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; // *už-in-a-j-e-tь* к. 64 'ест ужин' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *glaz-a* т. 9 «Человек».

Этот тип ареала говорит о том, что он сформировался довольно поздно, в рамках собственной истории русского языка, что подтверждается и памятниками древнерусской письменности (так, напри-

мер, лексемы *už-in-ъ* к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ и *už-in-a-j-e-tъ* к. 64 ‘ест ужин’ утверждаются в русском языке не ранее XVI–XVII вв. (см. Черных, II, 285); к этому же периоду относится и появление лексемы *glaz-a*. Примечательно, что многие из этих эксклюзивных лексем вообще не фиксируются памятниками древнерусской письменности, например, *gъrb-uš-ъk-a*, *ob-čist-ъk-y*, либо фиксируются только в составе личного имени (как например, Гришка Простокваша Дон., 1660; СРЯ XI–XVII, 20, 233), т. е. являются продуктом развития диалектов русского языка.

Таким образом, между типом ареала, его локализацией в пространстве и временем образования существует определенная связь, т.к. один и тот же тип ареала (в данном случае обширный сплошной ареал) имеет разную интерпретацию в плане его хронологической отнесенности.

То же относится и к **островным ареалам**, так как островной ареал в русских диалектах может являться свидетельством как праславянского архаизма, так и собственно русского новообразования.

Здесь также можно выделить несколько типов ареалов:

1) Первый тип островного ареала существует в общеславянском контексте (т. е. языковое явление имеет островной ареал в русских диалектах, при этом оно может быть широко распространено в других славянских диалектах), ср.:

(j)elx-a (**(j)elx-a* < и-е **alisa*, *elisa*, *olisa* [Фасмер, III, 137]) к. 37 ‘ольха’ т. 3 «Растительный мир»: лексема имеет ограниченный ареал практически во всех славянских диалектах, за исключением словацких и лужицких, где ее ареал является сплошным; в восточнославянских, польских и чешских диалектах ее распространение ограничивает лексема *olvš-in-a*, а в южнославянских — лексемы *olvš-ik-a* и *olvš-ъk-a*;

sěr-a (**sěra* родств. лат. *sērum* [Фасмер — Трубачев, III, 603]) к. 32 ‘молоко коровы сразу после отела, молозиво’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет ареальные ограничения во всех славянских диалектах, за исключением польских, где она представлена довольно плотным ареалом.

Подобные ареалы образует также лексема *per-et-ь* (**peretъ* < и-е *рег- [Фасмер, III, 240] к. 30 т. 6 «Рефлексы *е»), имеющая островные ареалы в русских диалектах и довольно плотный в украинских и белорусских, и лексема *pas-t-yr-ь* (**pastyrъ* < и-е *раск- [Фасмер, III, 215] к. 23 ‘человек пасущий скот’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»), имеющая ограниченный ареал во всех восточнославянских диалектах, особенно в русских, тогда как в западно- и южнославянских диалектах обе лексемы имеют обширные ареалы.

Несмотря на то, что ареалы этих лексем со временем подверглись разрушениям, общеславянский характер их распространения не может не свидетельствовать в пользу их архаичности. Все они являются живым свидетельством диалектальности праславянского языкового континуума. Показательно, что эти лексемы имеют и-е соответствия, что также подтверждает их праславянскую древность.

2) Второй тип ареалов существует лишь в **западнославянском** контексте (т. е. языковое явление имеет островной ареал в русских диалектах, при этом оно может быть широко распространено в других восточнославянских диалектах, а также в западной Славии, однако не выходит за ее пределы), ср., например, ареалы таких лексем, как:

živ-ic-a к. 3 ‘смола’ т. 3 «Растительный мир»: лексема имеет обширные ареалы в польских и украинских диалектах и островные — в русских, белорусских, лужицких, чешских и словацких; в русских диалектах она локализуется преимущественно в севернорусских архангельских и костромских говорах, а также в западной группе среднерусских — псковских и тверских;

sъn-ěd-an-ь, sъn-ěd-an-ьj-e к. 58 ‘завтрак, утренняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексемы хорошо известны в польских, чешских, лужицких, белорусских и украинских диалектах, тогда как в словацких и русских диалектах они локально ограничены: в русских диалектах лексемы встречаются в западной группе некоторых южнорусских говоров (смоленских, брянских), а также в отдельных среднерусских (псковских), при этом во всех случаях они употребляется параллельно с распространенной

на всей территории лексемой *za- // utr-ѳk-ѳ*; в словацких диалектах лексема имеет точечный ареал в западнословацких говорах (п. 208), граничащих с чешскими диалектами;

šřv-ѳc-ѳ*, *šřv-ѳc-ѳ* к. 13 ‘человек, который шьет и чинит обувь’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема широко распространена в польских, чешских, лужицких, белорусских и украинских диалектах; тогда как в словацких диалектах она имеет лишь островной ареал в западнословацких говорах, так как ее активно теснит заимствованная из немецкого языка лексема (šuster*)-ѳ, а в русских диалектах она сохраняется еще в архангельских и вологодских говорах, в то время как на остальной территории получила широкое распространение заимствованная из тюркских языков лексема (*sapož*)-ѳn-ik-ѳ;

nqd-j-a к. 62 ‘нужда бедность’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема известна всем восточно- и западнославянским диалектам, однако везде в ее распространении наблюдаются ареальные ограничения;

tuk-ѳ в значении ‘подкожный слой жира в свинине’ к. 27 ‘подкожный слой жира в свинине’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет довольно обширный островной ареал в говорах севернорусского наречия (архангельских, вологодских, костромских) и точечный ареал в лужицких диалектах (п. 234). Существование лексемы *tuk-ѳ* в лужицких диалектах подтверждается дериватом *tuč-ѳn-o* в том же значении, известным и в ниже-, и в верхнелужицких диалектах.

Этот ареальный сценарий свидетельствует о том, что он сформировался, скорее всего, после распада позднепраславянского восточно-западнославянского единства. На это указывает, с одной стороны, континуальный характер распространения данных лексем в большинстве восточно- и западнославянских диалектов, а с другой — факт имеющихся ареальных ограничений.

Показательно, что все эти лексеммы с широким спектром значений фиксируются в памятниках древнерусской письменности, ср., например, лексему *nqd-j-a*: среди ее многочисленных значений отмечено и значение ‘нужда, бедность’: ср. *нужа* ‘нужда, недоста-

ток, бедность'; 'тягость, трудные условия существования, лишения' [СРЯ XI–XVII, 11, 440]. Встречается она и в старопольских и старочешских памятниках письменности в том же значении [Boryś, 355; Rejzek, 413]. Обращает на себя внимание отсутствие на карте этой лексемы в южнославянских языках, при том, что это старославянизм, который фиксируется и в ЭССЯ [26, 37]; или лексему *sn-ěd-an-vj-e*: памятники древнерусской письменности свидетельствуют о том, что она была известна русскому языку на ранних этапах его развития, поскольку встречается в источниках XI в., хотя и в более общем значении, ср. *снѣданіе* 'пища' [Срезн., III, 78]: *тако млада овоца и нова снѣданша* (Мин. 1096); данные древнерусских памятников письменности говорят о том, что и лексема **šv-ъc-ъ* была известна русскому языку на ранних этапах его развития (швьць 'башмачник, сапожник' [Срезн., III, 1601]), об этом свидетельствует и дериват *швея*, а также пословица: *и швец, и жнец, и на дуде игрец*; известны по древнерусским памятникам и лексемы *tuk-ъ*: (*тукъ* 'сало, жир' [Срезн., III, 1036], ср. в связи с этим ее дериват в русском языке *тучный* 'толстый, жирный' [МАС, 4, 430] и **živ-ic-a* (*живица* 'смола' [СРЯ XI–XVII, 5, 100]).

3) Третий тип ареалов существует лишь в южнославянском контексте (т. е. языковое явление имеет островной ареал в русских диалектах, однако оно может быть широко распространено в других восточнославянских диалектах, а также в южной Славии, но при этом не выходит за ее пределы), ср. распространение следующих лексем:

gèst-j-a к. 10 'густые заросли в лесу' т. 3 «Растительный мир»: лексема имеет небольшие островные ареалы в восточнославянских диалектах, в словенских (преимущественно в приморских говорах и в говорах Каринтии), хорватских и сербских; в русских диалектах она встречается в некоторых вологодских и псковских говорах;

nòkt-ъv-a (**nòktjъvy* [ЭССЯ, 26, 54; ЕСУМ, 4, 115; Фасмер, III, 86]) к. 12 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет широкое распространение в украинских, македонских, болгарских, хорватских и сербских диалектах, тогда как в русских и

белорусских диалектах ее ареалы являются островными: в русских диалектах она локализуется преимущественно в южнорусских говорах (смоленских, брянских, курских, орловских), реже — в севернорусских (вологодских, костромских, ярославских) и среднерусских (псковских); в белорусских — в основном в говорах юго-западного наречия;

kor-a к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (**kora* < и.-е. **ker-* в значении ‘резать’ [ЭССЯ, 11, 44]): лексема образует островные ареалы в севернорусских (архангельских и вологодских) говорах, кроме того, она широко распространена в хорватских, сербских и болгарских диалектах. Эти сепаратные ареальные связи русских диалектов находят продолжение в представленных на той же карте эксклюзивных лексемах *kor-in-a* и *kor-šk-a*, известных также преимущественно в севернорусских говорах;

soilid-šk-š к. 65 ‘вкусный’ (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (**soilidškšjь* и-е **swed-*, **swod-*, **swad-* [Шапошников, II, 331]): в русских диалектах лексема имеет островной ареал в севернорусских архангельских и среднерусских владимирско-поволжских говорах; кроме того, она широко распространена в сербских, македонских и болгарских диалектах.

Ограниченные дистантные ареалы этих праславянских лексем, многие из которых имеют и-е соответствия, являются свидетельством тех древних диалектных отношений славянских языков, которые оказались разрушены их многовековой историей.

4) Четвертый тип островных ареалов существует лишь в **восточнославянском контексте** (т. е. языковое явление имеет островной ареал в русских диалектах, однако оно может быть широко распространено в других восточнославянских диалектах, при этом оно не выходит за пределы восточной Славии), ср. распространение следующих лексем:

vyriš-šk-y к. 36 ‘густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема характерна в основном для украинских диалектов, в которых она имеет широкое распространение; в русских диалек-

тах она образует островные ареалы в севернорусских (вологодских и ярославских) и в южнорусских (брянских и курских) говорах; в белорусских диалектах она распространена в основном в северо-восточных говорах и спорадически встречается в западнополесских, в юго-западных и в среднебелорусских говорах. Локализация ареалов этой лексемы говорит о том, что они появились в результате междиалектных контактов, причем центром иррадиации являются говоры Украины, откуда она распространялась чаще всего в приграничные с ними южнорусские (особенно брянские) и белорусские диалекты. Очертания границ этих ареалов свидетельствует о том, что они сформировались довольно поздно, уже в рамках собственной истории украинского языка;

syр-o-kvaš-a к. 35 'сырое кислое молоко' т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет островной ареал в западной группе южнорусских, а также среднерусских говоров; в белорусских диалектах она распространена в основном в северо-восточных говорах, в пунктах, пограничных с русскими диалектами, кроме того, она встречается в некоторых среднебелорусских говорах; в украинских диалектах эта лексема отмечена в некоторых полесских и юго-восточных говорах;

**še-lup-aj-ъk-a* к. 41 'скорлупа' (яйца) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема распространена преимущественно в западной группе южнорусских — брянских и курских говоров; в белорусских диалектах она локализуется в основном в среднебелорусских говорах и в отдельных пунктах северо-восточных говоров; в украинских диалектах лексема имеет островной ареал в полесских говорах;

Островной характер ареалов всех этих лексем, а также отсутствие их в древнерусских памятниках письменности в зафиксированном значении является убедительным свидетельством того, что их ареалы сформировались довольно поздно, в процессе междиалектных контактов.

5) Пятый тип ареалов существует вне общеславянского контекста (т. е. языковое явление имеет островной ареал в русских диалектах, при этом не выходит за их пределы), ср. распространение

таких лексем, как:

běl-yš-ь к. 42 ‘белая часть яйца’, **žvilit-yš-ь* к. 43 ‘желтая часть яйца’, *pa-už-ьn-a* к. 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»), которые имеют островные ареалы в севернорусских (архангельских, вологодских, ладого-тихвинских, костромских, ярославских) и среднерусских говорах (владимирско-поволжских и новгородских), однако в других славянских языках не встречаются;

sъ-kès-ьn-ъ к. 65 ‘вкусный’ (о еде) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширные островные ареалы в севернорусских (архангельских, вологодских, ладого-тихвинских, костромских, ярославских), в среднерусских говорах (владимирско-поволжских, новгородских и тверских) и небольшой ареал в южно-русских (тамбовских) говорах;

prost-o-kyš-a к. 35 ‘сырое кислое молоко’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена в севернорусских (архангельских, вологодских, ладого-тихвинских) и среднерусских (новгородских, тверских) говорах, при этом в других славянских диалектах она отсутствует.

Вторичный характер словообразовательной структуры этих эксклюзивных русских лексем является свидетельством позднего формирования их ареалов. Обращение к древнерусским словарям подтверждает это предположение, так как данные лексемы отсутствуют в памятниках древнерусской письменности. Все это говорит о том, что ареалы этих эксклюзивов сформировались довольно поздно, т. е. являются продуктом собственной истории русского языка.

Существует еще один достаточно часто встречающийся тип ареала — **латеральный**. Он также может образовывать различные ареальные сценарии, хотя их репертуар менее разнообразен:

1) Первый тип ареалов существует в **общеславянском** контексте, т. е. языковое явление имеет общеславянский характер распространения, но в русских диалектах его ареал является латеральным, ср. распространение таких лексем, как:

večer-j-a к. 62 ‘ужин, вечерняя еда’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема широко распространена во всех славянских диалектах, однако в русских диалектах ее ареал является латеральным, так как ее распространение ограничено в основном южнорусскими говорами, причем преимущественно смоленскими, брянскими и примыкающими к ним с юга белгородскими;

oč-i к. 6 ‘глаза человека’ т. 9 «Человек»: лексема имеет ограниченный ареал в южнорусских смоленских и брянских говорах, при этом она плотно покрывает всю западную и южную Славию, а также украинские и белорусские диалекты;

Следует отметить, что обе эти лексемы были известны русскому языку на ранних этапах его развития, а лексема *oči* до сих пор продолжает свое существование, хотя и является стилистически маркированной. Об этом говорят памятники древнерусской письменности, в которых они употреблялись в том же значении (ср.: *вечеря* ‘ужин, вечерняя трапеза’: *егда твориши обѣдѣ или вечерю*. Панд. Ант. XI в.; *Сладзката вечеря и сласть, хлѣбъ ти соль, новага гадѣ*. Гр. Наз. XI в.; *очи* ‘глаза’ [Срезн., II, 642]: *сѣмотря бываемыхъ съ вѣрою тѣлеснымима очима и доушевнымима* Изб. Св. 1076). И лишь значительно позднее, но не ранее XVI–XVII вв., появляются в современном значении лексем *ужин* и *глаза* [Черных, I, 190; II, 285]. Витальность этих древних лексем в русских диалектах, граничащих с украинскими и белорусскими, во многом поддерживается благодаря именно этим диалектам, в которых они имеют повсеместное распространение.

2) Второй тип ареалов существует лишь в западнославянском контексте (т. е. языковое явление имеет латеральный ареал в русских диалектах, однако оно может быть широко распространено в других восточнославянских диалектах, а также в западной Славии, но при этом не выходит за ее пределы), ср., например, ареалы таких лексем, как:

kov-al-ъ к. 10 ‘человек, который работает в кузнице’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема получила широкое распространение в польских, белорусских и украинских диалектах и ограниченные в восточнословацких, чешских (ляшских), лужицких и в

западной группе южнорусских (в основном смоленских и брянских) говоров; в этих диалектах ее ареал ограничен другими лексемами — *kov-ar-ь* (чеш.), *kov-ač-ь* (слц., луж.), *ku-zn-ьс-ь* (рус.). Можно, однако, предположить, что эта лексема имела ранее более обширный ареал, так как она встречается в памятниках древнерусской письменности XI в. [ср., например, надпись на мече: *тако же и коваль стдя близ наковални...* СРЯ XI–XVII, 7, 211]. Ф. Славский относит эту лексему к севернославянским диалектизмам [Slawski, III, 21; ЭССЯ, 12, 7];

krav-ьс-ь к. 16 ‘портной’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема широко распространена в польских, лужицких, украинских и белорусских диалектах и имеет латеральный ареал в южнорусских (смоленских и брянских) говорах. Лексема фиксируется в памятниках древнерусской письменности, относящихся, однако, лишь к XVII в. (*кравецъ* ‘портной’ СРЯ XI–XVII 7: 402), причем уже в XVIII в. ее вытесняет лексема *портной*, образовавшаяся путем субстантивации сочетания *пъртный швьць* [Шанский, 356; Шапошников, II, 176]. География этого слова свидетельствует о том, что в восточнославянских диалектах это, скорее всего, заимствование из польского языка (см. также [ЭСБМ, 5, 108]);

(ogur)-ъk-ъ к. 16 ‘огурец’ т. 4 «Сельское хозяйство»: эта заимствованная из греческого языка лексема имеет латеральный ареал в западной группе южнорусских (смоленских, брянских) говоров, при этом она широко распространена в польских, украинских и белорусских диалектах, но имеет ограниченный ареал в чешских моравских и западнославяцких говорах. По свидетельству А. Брюкнера, эта лексема появляется в польском языке не ранее XVI в. [Brückner, 1985, 376], т. е. можно предположить, что в восточнославянских диалектах и этот ареал сформировался в значительной степени под влиянием польского языка;

(bur)//-ak-ъ к. 14 ‘свекла’ т. 4 «Сельское хозяйство»: эта заимствованная из латинского языка лексема имеет латеральный ареал в западной группе среднерусских (псковских, тверских) и южнорусских (смоленских, брянских, курских, белгородских) говоров, при этом она широко распространена в польских, украинских и бело-

русских диалектах и имеет микроареал в чешских говорах. О том, что этот ареал сформировался довольно поздно говорят данные этимологических словарей: по свидетельству А. Брюкнера, в польском языке эта лексема утверждается не ранее XV–XVI в., откуда она распространилась на восточнославянскую территорию [Brükner, 1985, 49; ЕСУМ 1: 305];

(*cibul*)-*j-a* к. 19 ‘лук’ т. 4 «Сельское хозяйство»: эта заимствованная из немецкого языка лексема имеет латеральный ареал в западной группе среднерусских (псковских, тверских) и южнорусских (смоленских, брянских) говоров, при этом она широко распространена во всех западнославянских диалектах, а также в украинских и белорусских; по свидетельству А. Брюкнера, в польском языке эта лексема утверждается не ранее XIV–XV вв. [Brükner, 1985, 56];

Эта группа соответствий, имеющих латеральные ареалы в русских (чаще всего в южнорусских смоленских и брянских) говорах в хронологическом отношении является довольно пестрой: с одной стороны, здесь представлены корреспонденции, которые являются свидетельством праславянских инноваций (ср. *kov-al-ъ*), а с другой — поздних междиалектных контактов (ср. *krav-ъc-ъ*, (*ogur*)-*ъk-ъ*, (*bur*)//*-ak-ъ*, (*cibul*)-*j-a*), связанных нередко с освоением заимствованной лексики.

3) Третий тип ареалов существует лишь **в восточнославянском контексте** (т. е. языковое явление имеет латеральный ареал в русских диалектах, при этом оно может быть широко распространено в других восточнославянских диалектах, но не выходит за пределы восточной Славии), ср. распространение таких лексем, как:

pol-u-dьn-ъ к. 61 ‘еда между обедом и ужином, полдник’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: ареал этой лексемы локализуется в пограничье украинских, белорусских и западной группы русских говоров. Такой характер ареала лексемы *pol-u-dьn-ъ*, отсутствие ее в древнерусских памятниках письменности в этом значении является убедительным свидетельством того, что он сложился довольно поздно, в процессе междиалектных контактов;

sun-ic-a, *sun-ič-ъk-a* к. 46 ‘один плод земляники’ т. 3 «Расти-

тельный мир»: лексема широко распространена в украинских и белорусских диалектах и имеет латеральный ареал в южнорусских брянских и белгородских говорах;

věd-ъ-med-ic-a к. 6 ‘самка медведя’ т. 1 «Животный мир»: лексема имеет обширный ареал в украинских диалектах, микроареал — в белорусских и латеральный ареал в южнорусских говорах, граничащих с украинскими диалектами.

Таким образом, латеральный ареал в русских диалектах может служить иллюстрацией явления, возникшего, как правило, довольно поздно, в процессе междиалектных контактов, причем в роли языка-реципиента выступали русские говоры.

Наконец, существуют и так называемые мерцающие или **микроареалы**, статус которых также будет различным в зависимости от пространственного контекста, в котором они существуют.

1) Первый тип ареалов существует в общеславянском контексте (т. е. языковое явление в русских диалектах образует микроареал, однако в целом оно имеет общеславянское распространение), ср. распространение таких лексем, как:

(*j*)*agnę* к. 29 Nsg ‘(j)agnę’ (**agnę* < и-е * $\check{a}gn^hno-$, $\check{a}gn^hno-$ [ЭС-СЯ, 1, 54]) т. 2 «Животноводство»: лексема широко распространена в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских говорах, имеет островные ареалы в белорусских юго-западных и западнополесских говорах и микроареал — в южнорусских говорах на Белгородчине (пп. 841, 846); несмотря на микроареал этой лексемы в русских диалектах, существование ее в древнерусском языке (*гачня* [Срезн. III, 1638]) заставляют предположить, что ранее она имела более обширный ареал, однако со временем (приблизительно с XVII в.) в связи с широким распространением словообразовательной модели с суф. = *онок* ареал этой лексемы подвергся разрушению;

čel-o* (*čelo* < и-е **kelom* [ЭС-СЯ, 4, 45]) к. 5 ‘лоб человека’ т. 9 «Человек»: лексема плотно покрывают территорию западной и южной Славии и имеют небольшие островные ареалы в украинских говорах и микроареалы — в южнорусских (Курск. п. 832 и Белгород. пп. 839, 841) говорах. Следует отметить, что в восточнославянских

языках эта лексема имела ранее более широкое распространение, о чем свидетельствуют материалы памятников древнерусской письменности (ср. др.-рус. *чело* [Срезн., III, 1488]), а также данные современных восточнославянских языков, в которых эта лексема продолжает свою жизнь, хотя иногда и как стилистически маркированная (ср. в русском литературном языке *чело* устар. и народ.-поэтич. 'лоб' [МАС, 4, 659]; укр. яз. *чоло* 'лоб' [СУМ, 11, 348]; блр. *чалю* 'лоб' [ТСБМ, V/2, 291), фразеологические обороты (типа рус. *бить челом*; укр. *дати чолом, віддавати чолом*; блр. *біць чалом*), производные (ср. рус. *челобитная, челобитчик*; укр. *челобиття, чоловий*; блр. *чалабітняя, чалабітчык, чалабітчыца*) и фольклорные тексты;

ust-a к. 16 'рот' (**usta* < **ōus-t*/**əus-t* [Boryś, 671]) т. 9 «Человек»: лексема плотно покрывает территорию южной Славии, имеет островные ареалы в западно- и среднесловацких говорах, а также в западных чешских говорах и дискретный ареал в польских диалектах; в восточнославянских диалектах у нее отмечены микроареалы в украинских говорах (пп. 421, 504), в севернорусских (костромских пп. 689, 709), среднерусских (тверских п. 698, псковских п. 691) и южнорусских (брянских п. 811) говорах. Можно предположить, что в восточнославянских диалектах эта лексема имела ранее более широкое распространение, о чем свидетельствуют памятники древнерусской письменности (ср. др.-рус. *уста* с широким спектром значений 'рот', 'губы', 'язык', 'слова', 'устье' и др., [Срезн., III, 1273]), данные русского литературного языка, где эта лексема продолжает свою жизнь, хотя и как стилистически маркированная, многочисленные дериваты (ср. *устный, устно, устье*), а также фольклорные тексты;

ryb-ar-ь (<**rybarь* [Slawski, 2, 21]) к. 58 'человек, который ловит рыбу' т. 8 «Профессии и общественная жизнь»): лексема широко распространена во всех южнославянских диалектах (за исключением словенских, где представлена лексема *ryb-itj-ь*), а также в чешских и словацких говорах; кроме того, она имеет островной ареал в украинских юго-западных говорах и микроареалы в русских (вологодских п. 625) и старожильческих говорах в Эстонии (п. 527), в польских (силезских и малопольских) и верхнелужицких диалек-

тах. Между тем эта лексема в восточнославянских диалектах имела ранее более обширный ареал (ср. лексему *рыбарь*, зафиксированную в Остромировом евангелии, а также производную от неё *рыбаринѣ*). В украинском языке имеется целое словообразовательное гнездо от этой основы, ср.: *рибарка*, *рибарик*, *рибарівка*, *рибарня*, *рибарство* и др.), а в русском литературном языке еще в XIX в. эта лексема была живым языковым явлением (ср. известные пушкинские строки из стихотворения «Деревня»: Здесь парус *рыбаря* белеет иногда...);

běd-a к. 62 ‘бедность, нужда’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет обширный ареал в западнославянских диалектах, ограниченный в хорватских, сербских, украинских диалектах и микроареалы в македонских, болгарских, белорусских и русских говорах (в русских диалектах она зафиксирована в тверских говорах п. 714). ЭССЯ указывает на то, что лексема *běd-a* в этом значении является архаизмом, который восходит к праславянскому глаголу *běditi* < и-е *bhejdhō [ЭССЯ, 2, 54]; ср. также др.-рус. *бѣда* ‘нужда’ [СРЯ XI–XVII, 1, 87];

kraj-ъ (**krajъ* < **krojiti* [ЭССЯ, 12, 89]) к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет микроареалы в русских (севернорусских Арх. п. 578 и среднерусских Твер. п. 715) и в среднесловацких диалектах (п. 216); в хорватских она образует латеральный ареал в чакавских (п. 37) и икавских (п. 45) говорах; в сербских диалектах лексема имеет островные ареалы в говорах Черногории и Сербии.

Сохранение этих праславянских лексем, большинство из которых имеет и-е соответствия, в диалектах всех трех славянских языковых групп, несмотря на ограниченный характер их распространения в русских диалектах, свидетельствует о том, что эти ареалы могли сформироваться еще в праславянский период, однако в дальнейшем подверглись разрушениям. Показательно также и то, что все эти лексемы существовали и в древнерусском языке.

2) Второй тип ареалов существует лишь в западнославянском (т. е. языковое явление имеет микроареал в русских диалектах,

однако в целом оно может быть достаточно широко распространено в других восточнославянских диалектах, а также в западной Славии), ср., например, ареалы таких лексем, как:

kaš-ьk-a к. 22 ‘утка’ (о.н.) т. 2 «Животноводство»: лексема широко распространена в польских, лужицких, украинских и белорусских диалектах, имеет островной ареал в восточно- и среднесловацких говорах и микроареалы в собственно чешских и ляшских говорах (пп. 181, 207) и в русских белгородских говорах (п. 841), пограничных с украинскими, а также в старожильческих говорах на территории Эстонии (п. 527);

xoš-e-tь к. 68 ‘находится в состоянии течки’ (об овце) т. 2 «Животноводство»: лексема имеет островные ареалы в украинских полесских, юго-западных и юго-восточных говорах, в польских кашубских, мазовецких и великопольских говорах, в чешских моравских и ганацких говорах и микроареалы — в белорусских юго-западных (п. 364) и в русских ярославских говорах (пп. 683, 703);

zbl-o-děj-ь к. 55 человек, который крадет т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема широко распространена в польских, чешских, украинских и белорусских диалектах, имеет островные ареалы в словацких и микроареалы — в лужицких (п. 234) и в русских смоленских (п. 784) говорах. География этого слова свидетельствует о том, что значение этого слова в украинских и белорусских диалектах сформировалось, скорее всего, под влиянием польского языка (см. также [ЕСУМ, 2, 267; ЭСБМ, 3, 335]);

ob-kraj-ьc-ь к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема имеет обширный ареал в украинских диалектах и ограниченный — в польских, словацких, русских, белорусских: в польских диалектах лексема зафиксирована лишь в двух пунктах (пп. 266, 267), жители которых являются переселенцами с восточнославянских территорий; в словацких диалектах — в единичном пункте восточнословацких говоров (п. 233), языковая система которого по происхождению является украинской; в русских диалектах она также отмечена лишь в двух южнорусских брянских пунктах (пп. 811, 813); в белорусских диалектах лексема *ob-kraj-ьc-ь* имеет более ши-

рокий, но также ограниченный ареал, в основном это отдельные пункты в северо-восточных (пп. 328, 333, 358, 370), среднебелорусских (пп. 331 346, 347, 357, 399) и юго-западных говорах (пп. 353, 355, 356, 382, 383, 385, 386, 390);

Эта группа соответствий, имеющих микроареалы в русских диалектах, в большинстве своем является новообразованиями, возникшими в результате поздних междиалектных контактов или же независимого параллельного развития в результате сохранения элементов праславянского лексического фонда. Примечательно, что в памятниках древнерусской письменности эти лексемы в указанных значениях отсутствуют.

3) Третий тип ареалов существует лишь в южнославянском контексте (т. е. языковое явление имеет микроареал в русских диалектах, но при этом оно может быть достаточно широко распространено в других восточнославянских диалектах, а также в южной Славии), ср. распространение лексем

kukurič-e-tь к. 64 ‘поет’ (о петухе) т. 2 «Животноводство»: лексема широко распространена в сербских и хорватских диалектах, имеет островные ареалы в говорах правобережной Украины и микроареал в русских владимирско-поволжских говорах (п. 770);

ryb-o-lov-ьс-ь к. 58 ‘человек, который ловит рыбу’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет островные ареалы в украинских (юго-западных), белорусских (юго-западных и среднебелорусских) и сербских (шумадийско-воеводинских) диалектах и микроареал в русских старожильческих говорах в Эстонии (п. 527) и в вологодских говорах (п. 625);

pekt-j-ьk-ar-ь к. 7 ‘человек, который делает печи’ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»: лексема имеет островные ареалы в болгарских (северо-восточных и западных говорах), украинских (полесских) и белорусских (западнополесских) диалектах и микроареалы в сербских (п. 55) и русских (Пск. п. 725) говорах.

Ограниченные дистантные микроареалы этих лексем в русских диалектах являются результатом, скорее всего, независимого параллельного развития.

4) Четвертый тип ареалов существует лишь в восточнославянском контексте (т. е. языковое явление локализуется в русских, украинских и белорусских диалектах и не выходит за пределы восточной Славии, при этом в русских диалектах оно имеет лишь микроареал), ср. распространение таких лексем, как:

lušp-aj-ьk-a к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: центр ареала этой лексемы лежит в говорах Правобережной Украины, однако она имеет довольно заметные «выбросы» в полесские и юго-восточные говоры; в русских диалектах эта лексема зафиксирована лишь в единичном пункте курских говоров (п. 837), граничащих с украинскими диалектами; в белорусских диалектах она отмечена в отдельных пунктах юго-западных, западнополесских и среднебелорусских говоров;

kys-ьl-j-ak-ъ к. 35 ‘сырое кислое молоко’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема составляет принадлежность в основном украинских диалектов, в которых она имеет широкое распространение, особенно в юго-восточных говорах, а также в некоторых юго-западных и полесских; в белорусских диалектах эта лексема ареально ограничена и встречается в отдельных среднебелорусских, юго-западных и западнополесских говорах; в русских диалектах она зафиксирована лишь в единичном пункте южнорусских говоров (Белгор. п. 838);

**še-lup-aj-ьk-a* к. 51 ‘кожура, снятая со старой картошки’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: в русских диалектах лексема имеет точечный ареал в южнорусских брянских говорах (п. 811); в белорусских диалектах она распространена преимущественно в среднебелорусских и примыкающих к ним с юга северо-восточных говорах; в украинских диалектах лексема отмечена в основном в говорах Полесья, но встречается и в среднеподнепровских говорах;

stag-a к. 9 ‘желание, потребность пить’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: лексема составляет принадлежность в основном белорусских диалектов, в которых она имеет широкое распространение; в русских диалектах лексема зафиксирована

в единичном пункте брянских говоров (п. 797), граничащих с белорусскими диалектами; в украинских диалектах она распространена в основном в полесских говорах, но встречается в отдельных пунктах юго-западных (п. 500) и юго-восточных говоров (пп. 478, 492).

Мерцающий характер ареалов всех этих лексем в русских диалектах, а также отсутствие их в древнерусских памятниках письменности является убедительным свидетельством того, что эти ареалы сформировались довольно поздно, в процессе междиалектных контактов, причем в роли языка-донора выступали украинские и белорусские диалекты.

5) Пятый тип ареалов существует вне общеславянского контекста, в рамках лишь русских диалектов, причем все эти русские эксклюзивы имеют микроареалы, ср.: *kop-an-j-ъ* к. 1 ‘вырытая в земле яма для добывания воды, колодец’ (Курск. п. 830); *u-stoj-ъk-ъ* к. 37 ‘густой жирный верхний слой кислого молока, сметана’ (Пск. п. 629, Новг. п. 634); *gъrb-ux-a* (Арх. п. 569, Моск. п. 779), *gъrb-uš-a* (Твер. п. 678) к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’; **čer-uš-i* к. 30 ‘пережаренные кусочки сала’ (Волог. пп. 568, 591); *koirív-o-doj-ъn-ic-a* к. 34 ‘женщина, которая доит коров’ (Брян. п. 812); *syр-o-pěn-j-a* к. 35 ‘сырое кислое молоко’ (Смол. п. 728) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи».

Точечный характер ареалов всех этих лексем, а также отсутствие их в древнерусских памятниках письменности в зафиксированном значении является убедительным свидетельством того, что их ареалы сформировались довольно поздно, в процессе собственной истории русских диалектов.

Таким образом, микроареалы в русских диалектах являются в большинстве своем величинами позднего времени, хотя иногда могут служить и иллюстрацией архаического явления.

Итак, первое, что следует отметить, что все эти типы ареалов, существующих в различных пространственных контекстах, повто-

ряются. И это само по себе является значимым, так как позволяет отвести фактор случайности.

Второе, на что следует обратить внимание, статус этих ареалов оказывается разным в зависимости от того, в каком пространственном контексте они существуют.

Таким образом, приведенный материал убедительно свидетельствует о том, что между типом ареала, его локализацией в пространстве и временем образования существует определенная связь, т.к. **один и тот же тип ареала имеет разную интерпретацию в плане его хронологической отнесенности в разных пространственных контекстах.**

Существование различных типов ареалов в русских диалектах является ярким свидетельством процесса их постоянного изменения и языковой эволюции. Это еще раз подтверждает тезис о том, что ареалы — это пространственно-временные образования, ибо время — лишь одна из форм существования материи, тогда как другой ее формой является пространство. Поэтому разные временные фазы находят соответствия в своих пространственных структурах.

В связи с этим можно сделать **вывод, что именно пространство является центральным понятием для всего комплекса проблем, связанных с диалектной интерпретацией карты**, именно оно структурирует многообразные частные диалектные системы русского языка, которые по ряду причин оказались втянутыми в данное языковое пространство.

Что касается лингвистического критерия, то здесь чрезвычайно важным является характер основы лексемы, образующей ареал, поскольку лексемы с производной основой будут обладать большим классификационным весом при хронологической стратификации материала.

Это связано с тем, что именно эти лексемы имеют чаще всего и-е соответствия, что свидетельствует об их древности. Это хорошо видно из приведенного материала, относящегося к лексемам, имеющим общеславянское распространение (ср. **morje* < и-е **mōri* [Фасмер, II, 654]; **kora* < и-е **(s)ker-/ (s)kēr-/ (s)kor-* [Фасмер,

II, 321]; **medǫ* < и-е **medhu-* [Фасмер, II, 589]; **polje* < и-е **p(e)lā-* или **pel-/pol-* [Фасмер — Трубачев, III, 307]; **pero* < и-е **per-*, *ret-* [Фасмер — Трубачев, III, 243] или праславянское происхождение (ср. **selo* < и-е **sedlo* [Фасмер, III, 596]; **gordǫ* < и-е **ghordh-/ǵhordho* [ЭССЯ, 7, 36]; **rězetь* < **rězati* < и-е **urēg’-/urōg’-* [Фасмер, III, 461] и др.

Наличие же возникших на их базе производных является еще одним усиливающим фактором, так как словообразовательные дериваты как бы расширяют «радиус их действия». Это положение можно проиллюстрировать на примере распространения лексемы *kraj-ь* к. 18 ‘первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». Данная лексема может быть отнесена к несомненным архаизмам несмотря на то, что она имеет лишь островные ареалы в русских (архангельских и тверских), хорватских (чакавских и штокавских икавских), сербских (штокавских зетских и призренско-тимокских) и словацких (среднесловацких) диалектах. Основанием для отнесения ее к архаизмам служит то, что она имеет дистантные ареалы, которые локализуются в диалектах трех славянских языковых групп. Кроме того, эта лексема обладает непроизводной основой, на базе которой образовались многочисленные дериваты, расширившие радиус ее распространения практически до общеславянского, ср.: рус. *kraj-их-а* (*kra’juxa*), *kraj-uš-ьk-ѳ* (*k’rajušek*); рус.-блр. *kraj-uš-ьk-а* (рус. *kra’juška*; блр. *kra’juška*); рус.-укр.-блр.-слн.-хрв.-слц. *kraj-ьc-ь* (рус. *k’rajic*; укр. *k’rafc*; блр. *k’raic*; слн. *krajc*; хрв. *k’ra:jec*; слц. *krajec*); рус.-блр.-укр.-плс.-слц. *ob-kraj-ьc-ь* (рус. *ak’raic*; блр. *ak’rajic*; укр. *ok’rajec*’; плс. *okrajec*; слц. *’okrajec*’); блр.-укр. *ob-kraj-ьč-ik-ѳ* (блр. *ak’rajčыk*; укр. *ok’rajčyк*); хрв.-укр. *sѳ-kraj-ьc-ь* (хрв. *sk’rAjec*; укр. *sk’rajec*’); серб.-плс. *sѳ-kraj-ьk-а* (серб. *skrájka*; плс. *skrajka*); слц. *kraj-ik-ѳ* (слц. *kraji:k*); чеш.-слц. *kraj-ič-ьk-ѳ* (чеш. *krajičěk*; слц. *kraji:ček*); серб.-мак. *kraj-ьk-а* (серб. *krà:jka*; мак. *krajka*); серб. *kraj-ik-а* (серб. *kra’ika*); мак.-блг. *kraj-itj-ьn-ik-ѳ* (мак. *kraišnik*; блг. *k’ra-ešnik*); *kraj-ьč-ѳ* (мак. *krajče*; блг. *k’rajči*) и т. д.

Лексемы же, структура которых в словообразовательном отношении является прозрачной, оказываются, как правило, более позд-

ними.

Важным лингвистическим критерием при хронологической стратификации материала является и сохранение лексемой прямого этимологического значения. В качестве иллюстрации можно привести ареал лексемы *tuk-š* в значении 'подкожный слой жира в свинине' к.27 т.6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». Несмотря на то, что она имеет лишь островной ареал в говорах севернорусского наречия, однако она до сих пор сохраняет связь с прямым этимологическим значением (этимологически лексема соотносится с глаголом **tyti* 'жиреть, тучнеть' [Преображенский, III, 12], родственна лит. *táukas* 'кусок сала', лит. *tūkti* 'тучнеть, жиреть' [Фасмер, IV, 116], что позволяет отнести ее к праславянским архаизмам. Кроме того, эта лексема подтверждается данными древнерусских памятников письменности. Праславянский характер этой лексемы, до сих пор сохраняющей связь с этимологическим значением, ее дистантные островные ареалы свидетельствует о том, что эти соответствия могут быть свидетельством независимого сохранения общего архаического фонда.

То же можно отнести и к лексеме *kraj-ь* к.18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка', которая сохраняет свое прямое этимологическое значение, соотносящееся с глаголом **krojiti* 'резать' [ЭССЯ, 12, 89], т. е. то, что отрезано, «место отреза или разрыва», что также свидетельствует в пользу ее архаичности.

Диалектные названия, «возникшие в результате метафорического употребления, эвфемизации, табу и проч., обыкновенно являются более поздними сравнительно с обыкновенным названием на широком ареале» [Дзендзелевский, 1963, 97]. Это положение можно проиллюстрировать на примере ареала лексемы *gъrb-uš-ьk-a* к.18 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' т.6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». О том, что этот ареал сформировался достаточно поздно, по-видимому, уже в рамках самостоятельного существования русского языка, свидетельствует не только очертания его границ, практически совпадающих с государственной границей России, но и метафорический характер значения, а также мотивационного признака, лежащего в основании

внутренней формы этой лексемы.

Важным (хотя и не определяющим) является и характер условий бытования лексемы, в частности, отсутствие явления конкуренции с другой лексемой в данном ареале, что свидетельствует о ее своеобразной «стойкости», устойчивости к переменам, ибо хорошо известно, что чем больше зафиксировано лексем в том или ином ареале, тем больше оснований говорить о нестабильности языкового явления в этом ареале. Иллюстрацией этого положения может служить распространение лексемы *gǫrb-uš-ьk-a* в украинских и белорусских диалектах: о позднем ее появлении в этих диалектах свидетельствует не только островной характер ее ареала, но, что, пожалуй, более существенно — отсутствие проявления последовательности в ее распространении, так как в большинстве украинских и белорусских диалектов, где она зафиксирована, наблюдается явление конкуренции с другой лексемой, ср. п. 454 *čěl-uš-ьk-a*, *gǫrb-uš-ьk-a* (*c'í'tuška*, *har'buška*); пп. 328, 519 *ob-kraj-ьc-ь*, *gǫrb-uš-ьk-a* (*ak'rajic*, *γar'buška*); пп. 349, 368, 388 *ob-kraj-ьč-ik-ь*, *gǫrb-uš-ьk-a* (*ak'rajčyk*, *γar'buška*); п. 363 *ob-suš-ьk-ь*, *gǫrb-uš-ьk-a* (*o'sušok*, *γor'buška*) и т. д.

Таким образом, при использовании лингвистического критерия важное значение приобретает фактор системных отношений.

Наконец, чрезвычайно важным критерием, позволяющим провести стратификацию материала в хронологическом аспекте, является тип диалектного противопоставления, зафиксированный на карте — двучленное или многочленное, так как двучленные противопоставления хронологически являются более древними, чем многочленные. Использование ретроспективного метода, т. е. приема последовательного снятия более поздних образований, позволяет выделить на карте исходное двучленное противопоставление (а иногда даже нулевое, т. е. отсутствие противопоставления в связи с распространением на всей территории лишь одного явления). Это положение можно проиллюстрировать ситуацией на к. 54 'съедобный гриб' т. 3 «Растительный мир», где после снятия более поздних лексем обнаруживается двучленное противопоставление лексемы *grib-ь* (<*gribati [ЭССЯ, 7, 126]), которая распространена лишь

в северной Славии (она имеет плотный ареал в восточнославянских диалектах, а также в польских и лужицких, островной ареал в словацких говорах и микроареал в чешских ганацких и моравских говорах) и *gqb-a* (**gqba* < и-е *sg^hhombhā [ЭССЯ, 7, 78]), которая имеет более обширный ареал, так как распространена в диалектах всех трех славянских языковых групп (она имеет обширные ареалы в словенских, болгарских и чешских диалектах, островные — в говорах Эгейской Македонии, в словацких, польских, русских, украинских диалектах и микроареалы в белорусских). Такой характер двучленного противопоставления этих лексем позволяет высказать предположение, что эта ареальная оппозиция сформировалась в позднепраславянский период, когда южнославянские диалекты уже были оторваны от севернославянских.

Все эти классификационные признаки позволяют, как представляется, соотнести генетическое и ареальное в межславянских лексических соответствиях и установить их относительную хронологию. Несмотря на это вопрос о временной стратификации лексем, представленных на карте, решать по-прежнему трудно, так как «в лексике более, чем в какой-либо иной области языка, имеют значение междиалектные контакты, в результате чего может явиться экспансия одних лексем и утрата других» [Клепикова, Попова, 1968, 106]. Думается, однако, что в решении этого вопроса важная роль принадлежит именно ареальному критерию, ибо локализация лексемы на всем пространстве *terra Slavia* (даже если она будет представлена в виде островных ареалов) является убедительным свидетельством ее архаичности (при условии, конечно, что это не позднее заимствование из неславянских языков).

В заключение следует отметить, что информация, которую несет в себе лингвистическая карта, еще только начинает изучаться. Умение «читать карту» открывает широкие перспективы не только в исследовании эволюции единиц языка, но и в решении вопроса об истории формирования этнических общностей, ибо во многом карта имеет бесспорные преимущества перед другими лингвистическими источниками, а иногда она просто безальтернативна (подробнее см. [Гриценко, 2004, 86]).

В этой связи невозможно не вспомнить слова Р. И. Аванесова, говорившего о том, что «из лингвистических карт нельзя непосредственно вывести историю языковых явлений и диалектов. Однако лингвистическая география оказывается чрезвычайно важной для истории языка и исторической диалектологии и может помочь установлению пути развития данного явления, времени его возникновения и первоначальной территории его распространения, если... используются данные языка письменных памятников, языковые данные сопоставляются с данными истории материальной культуры, исторической географии, археологии разных эпох» [Вопросы, 1962, 25].

Поэтому, чтобы усилить интерпретационный потенциал Лексического атласа русских народных говоров необходимо в комментариях к картам привлекать данные исторических и этимологических словарей, а также других славянских атласов, и прежде всего Общеславянского лингвистического атласа.

Литература

Вопросы теории лингвистической географии /под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962.

Гриценко П. Е. Об интерпретации лингвистических карт // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 2004.

Дзедзелевский И. А. Некоторые вопросы интерпретации лингвистических карт // Вопросы языкознания. 1963. № 4.

Клепикова Г. П., Попова Т. В. О значении данных лингвистической географии для решения некоторых вопросов истории болгарского языка // Вопросы языкознания. 1968. № 6.

Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914. Т. I–II.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 2003. Т. I–III.

СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–. М., 1975–.

Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики М., 1975.

СУМ – Словник української мови. Т. 1–. Київ, 1970–.

Трубачев О. Н. Из истории и лингвистической географии восточно-славянского освоения // *Материалы и исследования по русской диалектологии.* М., 2002.

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. I–V. Мінск, 1977–1984.

Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.

Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка. М., 2010. Т. 1–2.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1985.

Rejzek J. Český etymologický slovník. Leda, 2001.

Słownik prasłowiański (red. *Sławski F.*) Т. 1–. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk. 1974–.

Актуальность принципа оппозиций при сборе и анализе материала для «Лексического атласа русских народных говоров»

(из наблюдений конца XX — начала XXI веков)

Л. Я. Костючук

Оглянувшись на без малого четверть века работы над «Лексическим атласом русских народных говоров» [Программа 1994; Пробный выпуск (ЛАРНГ 2004)], ты вдруг почувствовал, что особенно на рубеже веков не только в лингвогеографии (но в то же время особенно в этом направлении исследований) в методах (приемах) исследования актуальным оказался (для атласов разных типов) принцип оппозиций (см. об этом и статью А. С. Герда в последнем «ларнговском» сборнике за 2011 год [Герд, 7–8]). И это не случайно. Постараемся обнаружить и оценить значимость оппозиций, в частности, в работе над народным словом.

Известно, что системность в языке и обнаружение специфических черт единиц и самих языковых единиц основывается прежде всего на противопоставлении (вспомним работы, касающиеся общих вопросов языкознания [Соссюр, 31–285], фонологии [Трубецкой]). В зависимости от языковых уровней и в зависимости от свойств языковых единиц на этих уровнях противопоставление может быть более или менее строгим.

При работе над «Лексическим атласом русских народных говоров», имея дело с номинативными единицами, мы сталкиваемся с лексическим материалом, который труднее всего укладывается в оппозиционные отношения своих единиц. И если противопоставление обнаруживается, то оно не приводит к безостаточному распределе-

нию единиц по принципу противопоставления. И все-таки, только подойдя к системности в лексике в середине XX века, ученые смогли выявлять какие-то группировки лексических единиц именно по принципу оппозиций: однозначные и многозначные единицы; безусловные антонимы; прямые и не прямые значения, а среди не прямых (переносных) — организованные по разным видам переноса; «виноградовские» типы лексических значений ведь тоже выявляются с учетом разных «этажей»/ступеней дифференциальных признаков [Виноградов, 162–189].

Известно, что лексика — особая система с массой асистемных проявлений с учетом соответствующих свойств, которые тоже стремятся к каким-то противопоставлениям, обеспечивая порядок в организации лексико-семантических единиц-слов при наличии двух планов для значимых единиц (плана содержания и плана выражения).

И если «штучные» лексические реалии не всегда с четкостью позволяют обнаруживать оппозиции, то на помощь приходят прежде всего объединения слов в соответствующие группы. Теория разграничения тематических и семантических группировок позволяет исследовать свойства лексических единиц. Даже грамматические (особенно морфологические) исследования, например о выработке норм в области морфологических форм с помощью соответствующих окончаний в морфологической словоизменительной системе, выглядят более доказательными, если исследователи прибегают к выяснению системы в лексическом материале (ср. обнаруженный родительный падеж единственного числа *синцу* с окончанием *-у* вместо закономерного окончания *-а* у слова для названия рыбы потому, что конкретное название «втягивается» в систему типично вещественных существительных, о чем пишет в своем исследовании аспирантка С. Н. Романенко, изучая хозяйственные книги XVII века Псково-Печерского монастыря [ср. Романенко 159–165]). И тогда исследования лексики в синхронии и диахронии являются наиболее интересными, если построены на группировке всей массы лексических единиц по принципу семантического поля, а внутри поля прежде всего по лексико-семантическим группам с учетом и лекси-

ко-тематических групп в определенной системе (изучение названий растений, грибов, реалий в свадебном обряде, лиц на материале живых псковских говоров и псковских памятников письменности и т. д.).

Работа по сбору и обработке материала для «Лексического атласа» чрезвычайно трудна для студентов (да и для руководителя диалектологической практикой). Прежде всего потому, что необходимо собрать очень сложный, достаточно обширный материал за небольшой срок. Молодой же собиратель неопытен, для него вопросник Программы — это какой-то атомарный набор изолированных вопросов, не поддающихся студенческому осознанию.

Информанты же, даже хорошо настроенные на помощь собирателю (обычно своему родственнику или хорошему знакомому), не всегда могут уловить логику вопросов, логику темы для беседы. Поэтому бессистемность пунктов Программы при опросе, «перескакивание» с объекта на объект не позволяет подчас пожилому человеку (информанту) достаточно хорошо сосредоточиться на материале и вспомнить прошлое, сообразить, какие реалии интересуют собирателя (сам собиратель не «образован» в этой области), и, что самое главное, давно ушли из активного употребления многие названия этих реалий. Причина в том, что неудачи часто зависят от того, что настрой работающего с диалектоносителями часто не достигает нужного уровня осознания внутреннего плана и логики вопросов из выбранного раздела Программы-вопросника и, прежде всего, недостаточна логика тех фрагментов действительности, которые должны быть поименованы соответствующими словами при ответе на соответствующий вопрос.

Опыт ежегодных экспедиций убедил, что необходимо выяснить причины неудач в получении ответов на вопросы Программы и, значит, неизбежно следует выработать методику предварительной подготовки студентов (собирателей) к экспедиции. Поэтому важно заранее изучить Программу и провести своеобразное исследование возможных противопоставлений в самой основе объектов действительности при сформированности понятийного представления о них. Затем необходимо установить возможное лексико-фразео-

логическое название и частеречную принадлежность получаемого названия, чтобы они соответствовали понятийной составляющей о выясняемой реалии. Тогда полученное в беседе название по своему лексическому значению будет соответствовать отражению действительности.

Значит, работа по подготовке к встрече с диалектоносителями прежде всего предполагает первое противопоставление — это реалия и ее название с их активным/неактивным бытованием в жизни диалектоносителя.

Так, для получения, например, прилагательного от соответствующего субстантива при общем названии грибов целостными единицами (*гриб, бли́ца, гúба*) или описательными (*едóмый гриб* ‘съедобный гриб’) нельзя использовать неверно построенный вопрос типа «Что готовили у вас из грибов?». Нельзя потому, что это, естественно, приведет к неверному ответу, например, просто о супе, пирогах с грибами. Дальнейший побуждающий вопрос-просьба типа «*Расскажите о... (супе, грибах)*» еще дальше уведет от цели, к которой должен стремиться собиратель. С одной стороны, такое побуждение показывает, что собиратель понимает значимость контекста-рассказа от диалектоносителя, но, с другой стороны, демонстрирует непонимание задачи-результата своей беседы с добросовестным в своих рассказах информантом. Куратор-преподаватель в районе пребывания собирателя, не вникнув в Программу, часто разрешает студенту в связи с соответствующим номером Программы оставить интересный рассказ-рецепт пирога, супа... Но это абсолютно чуждо содержанию указанного атласа. И тут важна роль отвечающего за работу над «Лексическим атласом» в том, чтобы не допустить брака в архиве «Лексического атласа русских народных говоров».

Для нас, работающих и по проблеме «Псковского областного словаря» (ПОС), такой «бракованный» для «Лексического атласа русских народных говоров» материал ценен (он сохраняется на запасных страницах архивных тетрадей): такие рассказы способны украсить иллюстративную часть диалектного словаря. Значит, (для нас, псковичей) «Лексический атлас русских народных говоров» — «Псковский областной словарь» — это тоже линия оппозиции, начи-

ная с методики работы: с одной стороны, целенаправленные беседы, отбор-фиксация и обработка материала в соответствии с требованиями Программы при работе по «Лексическому атласу» и, с другой стороны, вольная беседа с информантами, в которой свою волю, интересы проявляет диалектоноситель, а собиратель поддерживает его инициативу (при сборе материала) для «Псковского областного словаря».

Во время подготовки к экспедиции под руководством преподавателя студенту важно обнаружить те противопоставления/сопоставления в собираемом материале, предполагаемые Программой. Приведем некоторые примеры из работы лета 2011 года по разделу III «Трудовая деятельность» в подразделе «Зерновые культуры. Процессы, связанные их возделыванием и обработкой»: прежде всего должен был быть получен такой результат, который обнаруживает противопоставление частеречной принадлежности наименований.

С общей семой 'пахать' требуются ответы именными и глагольными единицами.

Среди именных единиц могут быть целостные и описательные субстантивные, как свидетельствуют образцы ответов в Программе. Прежде всего это «вспашка поля» (№ 6075). Затем роль играют частные семы, предполагающие 1) 'время': 'весенняя пахота' (№ 6073), 'осенняя пахота' (№ 6074); 2) 'количество раз повторяющегося действия': а) 'второй раз', б) 'третий раз' и т. д. (№ 6075).

Среди глагольных единиц для выяснения общего названия действия независимо от его объекта важен № 6070 с семой 'пахать/вспахать'. Учет семы 'объект указанного действия' предполагает уточнение объекта: для вопроса «целина» в № 6071 возможен ответ типа *взды́нуть*.

Сема 'результат действия пахать' предполагает ответы только именами. Прежде всего с общей семой 'пашня' (№ 6078) допускает цельные и описательные наименования. А семе 'результат действия пахать' 1) в зависимости от дополнительной семы 'объект' отвечает реалия, которая названа в Программе как «вспаханный пар» (№ 6077);

2) в зависимости же от дополнительной семы ‘количество раз повторяющегося действия’ — это такие реалии: «поле, вспаханное дважды», «поле, вспаханное трижды». . . (№ 6076) (что фактически не актуально для нынешней действительности);

3) а в зависимости от дополнительной семы ‘место действия’ — это реалия «пашня на месте сведенного леса» (№ 6079). И т. д.

Если заранее переформулированные и приспособленные для предполагаемого общения с информантами вопросы изучить внимательнее; если постараться объединить их по темам, подтемам с учетом необходимости получать наиболее адекватные ответы словами соответствующих частей речи, то можно достичь меньшего брака в ответах. Это тесно связано с неизбежной организацией тематических бесед с прогнозированием верных по лексико-грамматическому материалу результатов, тогда самому собирателю будет ясно, насколько он справляется с задачей своей деятельности.

Детальное обследование противопоставления «похожих» вопросов как будто с направленностью на похожие реалии обнаруживает (часто благодаря полученным от информантов ответов), что вопрос уже изначально содержит заведомо спорное понятие. Так, № 6077 «вспаханный пар» должен бы означать прекращение «пара» быть «паром». Поэтому ответ: «*Залог* — это отдыхающая земля» тактично «указывает», что вопрос поставлен некорректно. Что же имелось в виду? Вероятно, № 6077 требовал такого вопроса: «Как назовут у вас то, что *было* паром, но что *после* вспашки приспособили для посевов (значит, это то, что перестало быть паром)?».

Ответ со словом *елáнь* («*Елáнь* — это вспáханное пóле») на № 6078 «Пашня (о.н.)» для современной жизни кажется удивительным. Оказывается, он возник у диалектоносителя в ответ на формулировку собирателя, сразу нацеленную на «экзотическое» название: «Как у вас *по-другому* (!) называлась пашня?». И, видимо, фраза явилась ответом на созданный ответственным собирателем верно построенный вопрос (но не совсем своевременно заданный). Вся система продуманных студенткой Ю. Морозовой вопросов и вся система полученных от информанта ответов летом 2011 года в деревне Михалево Островского района говорит о степени подготовки

участника экспедиции к работе в поле.

Так выявляется еще одна оппозиция при сборе, обработке, а потом и при исследовании материалов для «Лексического атласа русских народных говоров»: «раньше» и «теперь». Иногда информант, давая ответ на подобным образом организованный вопрос, при несложившихся доверительных отношениях с собирателем (ведь обычно сельские жители к студенту относятся с сочувствием, понимая, что от работы студента с ними, местными жителями, зависит оценка студенческого похода за народным словом) или, может быть, из-за невозможности по какой-то причине вспомнить народные названия, часто дает ответы типа «Нé было тако́го», «Не помню». . . И тогда номер даже объективно прозрачного вопроса Программы остается пустым, и создается впечатление, что и не было в этом пункте реалии (самой обычной), не было понятия о такой реалии, не было соответствующего названия.

А все получилось потому, что собиратель упустил возможность задать сначала *прямой вопрос*: «Как называют у вас пашню вообще/любую пашню?». И если последует ответ типа «А так и назывáют/назывáли *пáшня* — как инáче?», тогда-то и удобно собирателю задать сопроводительные, углубляющие вопросы: «А по-другому называли это как-нибудь еще?». Значит, наблюдаем тоже разновидность оппозиций, которую приходится учитывать, приобретая опыт сбора материала для атласа.

Очень трудные оппозиции для выяснения названий — это такие: 1) среди именных частей речи различать существительное и прилагательное (дериват от данного существительного). Может быть, удобно сформулировать вопрос для прилагательного так: «*Какой* же это сок (суп, . . .), если он сделан из тыквы. . .?»;

2) различать оппозицию отвлеченное существительное и глагол, обозначающий действие, состояние (то есть предполагающий то, что названо однокоренным существительным). Вспомним в подразделе «Болезни» такие вопросы: № 3005 «Болезнь» (глагол) и № 3001 «Болезнь (о.н.)» (отвлеченное существительное); № 3007 «Нездоровиться» (безличный глагол) и № 3006 «Недомогание (о.н.)» (отвлеченное существительное). Часто, без акцентиро-

вания внимания на частеречное различие ответов, в обоих случаях скорее всего в ответах оказывается один и тот же глагол. Этого допустить нельзя. Значит, приходится переформулировать вопросы, например: «Как у вас называется действие, состояние “болеть”» (предполагается ответ глаголом), с одной стороны; «Как у вас называют состояние “болезнь”?» (предполагается ответ существительным).

Можно было бы продолжать разговор о значимости оппозиций в процессе собирания, обработки (систематизации) диалектного материала. И, конечно, все это важно для последующего исследования. А до этого был еще путь к составлению карты при ответственной работе, когда определяется легенда к карте, а потом пишется комментарий, защищающий и поясняющий выбор картографа через показ (обнаружение!) оппозиций в разнообразии лексических и лексико-фразеологических единиц для основы карты — избранной реалии. Успех зависит от трудного и ответственного решения, что отбирать для картографирования, и что признать «героем карты», и как это богатство и разнообразие подавать средствами картографических образов. И, как убеждаемся (в частности, и во время картографических семинаров), лексика, со своей своеобразной системой, заставляет подчас подменять противопоставление сопоставлением, а еще чаще совмещать эти два приема (или метода!) исследования языкового материала, причем не всегда логично будет выглядеть принятое решение. Но это оправдывается главной целью, связанной с оппозициями/сопоставлениями: заботой о том, насколько убедительно будет выглядеть карта.

И все-таки самым простым будет то, что является подходом исследователя (лексиколога, лексикографа, картографа). А вот предыдущий этап (добывание материала и его первичная обработка для сохранения в соответствующих архивах) — очень трудный и ответственный, но тоже включающий исследование, лежащее на плечах в основном мало опытного участника, отправившегося в поход за народным словом. Поэтому приходится коллективно искать пути наиболее адекватного доведения вопросов до тех, кто готов сотрудничать с собирателями, — до информантов.

Литература

Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слов // *Виноградов В. В.* Лексикология и лексикография. Избранные труды. М., 1977. С. 162–189.

Герд А. С. Лексический атлас русских народных говоров. Антиномии. Антиномия IV. Диалект — атлас // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011. СПб., 2011. С. 7–8.

Романенко С. Н. Формы родительного падежа множественного числа имен существительных в хозяйственных книгах Псково-Печерского монастыря XVII века // Русская речь в современных парадигмах лингвистики. Псков, 2010. С. 159–165.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию/Перев. с франц. под ред. А. А. Холодовича. М., 1977. С. 31–285.

Трубецкой Н. С. Основы филологии. М., 1960.

Некоторые соображения по вопросам программы ЛАРНГ о терминологии родства*

(к материалу для будущих карт)

А. А. Бурыкин

Терминология родства в русских народных говорах, как и в литературном языке, явно не избалована вниманием исследователей. Библиография, которую удалось собрать автору по данной проблеме несколько лет назад [Бурыкин 2009], оказалась весьма немногочисленной. Появление новых исследований [Качинская 2009, 2011] можно только приветствовать. Привлекают внимание и более ранние исследования, которые не были своевременно востребованы [Емельянова; Решетов 1969, 1995], однако и они не снимают новых вопросов, возникающих вследствие недостаточной изученности материала в предшествующие десятилетия. Некоторые вопросы освещения терминологии родства в Программе ЛАРНГ уже были предметом обсуждения в одной из наших работ [Бурыкин 2008а].

Настоящая работа — это некоторые ремарки и замечания к материалам по терминологии родства, представленным в Программе ЛАРНГ, цель их — конкретизировать вопросы и потенциальные ответы, ибо в дальнейшей работе специалисты будут изучать и картографировать то, что будет записано в ответ на вопросы программы.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание, — **обилие явных синонимов** в рядах примеров, которые не принадлежат разным говорам (см. СРНГ) и могут встречаться в одном и том же

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 11-01-00467а «Традиционные и современные системы родства восточных славян: опыт исследования структурно-типологической специфики в исторической динамике».

говоре не создавая оснований для выбора одного-двух ответов на вопрос программы. В качестве примера приведем четыре вопроса программы:

ЛСЛ 4004. Бабушка: *баба, бабака, бабашка, бабока, бабухна, бабушица. . . деданка, деданя, дедка. . . маманя, мамуша, матика. . . няня. . . старка*

ЛСЛ 4007. Прабабушка: *бабуха, прабаба, правбабушка, правдушка, прабабка. . . дедила, дедилка, дедухна. . .*

ЛСЛ 4013. Внук: *внук, внука, внуч, внуча, внучак, мнук, мнучек. . .*

ЛСЛ 4015. Внучка: *внука, внуча, внучи, внучатка, внучка, мнука. . .*

Изучение данных СРНГ, где зафиксированы данные термины во всех вариантах, показывает, что в таких рядах слов обобщаются либо общеизвестные варианты, либо единичные фиксации, не имевшие репрезентативной географической характеристики. В таких случаях за количеством примеров остаются в тени весьма примечательные факты словообразования, например, суффикс *-хна*, характерный для многих русских диалектных терминов родства и свойства, или суффикс *-ил(а)*.

Вторая проблема, проявившаяся весьма неожиданно, — это **неразграничение референтивных и вокативных терминов родства** в вопросах программы ЛАРНГ. Само по себе противопоставление терминов родственной и свойственной номенклатуры — кто кому кем приходится (референтивные термины родства) — и форм обращения к соответствующим родственникам (вокативные термины родства), чаще всего не совпадающих друг с другом, давно стало классикой описания систем терминов родства и краеугольным камнем представления диалектных материалов¹, однако в вопросах программы ЛАРНГ референтивные термины родства сплошь и рядом стоят в одном ряду с вокативными, и в этом случае становится неясным и сам вопрос: как называют того или иного родственника или как к нему обращаются? Конкретные уточнения (см. ниже

¹ Рязанская диалектная лексика // http://rjaz.net/publ/rjazanskaja_dialektnaja_leksika/tematicheskie_gruppy_dialektnykh_slov/2--1-0--46

вопрос СМ 4023) тут мало помогают: обращение «батя» распространяется на любого незнакомого человека, который на вид старше говорящего на поколение (для молодого — к человеку средних лет, для человека средних лет — к пожилому), кроме того, это обращение имеет явную гендерную специфику — оно определено почти не характерно для речи женщин.

ЛСЛ 4021. Отец: *аки, ата, атя, бабай, батя, батеня, бачка, баша, ботатушко, нянька, папаша, тата, тятя, родитель, чача, отец. . .*

СМ 4023. Употребляется ли и в каких значениях слово *батя*? Обозначает ли оно: 1) отца; 2) деда; 3) старшего брата; 4) обращение к отцу..?

ЛСЛ 4025. Мать: *мата, матерь, мати, матика, матри, мама, ня, мамень, мамушь, манка, мачка, няня, нянька, родительница. . .*

ЛСЛ 4157. Брат жены (шурин): *brateц, братчик, шурак, шурья. . .*

В этих вопросах программы для терминов отец и мать преобладают вокативы, для термина шурин вокативы и референтивы оказываются в одном ряду, что не позволяет прояснить ни форму самого названия брата жены, ни форму или самое существование вокатива для данной степени родства.

Есть и еще две сложности в описании этого материала — это **текнонимия, или перенос термина родства** в именование человека всеми членами семьи (ср. *дедушка* и *бабушка* для обозначения старейших родственников без учета родственных отношений) и **транспозиция вокативных терминов родства в речи** — случай, когда, собственно, только многозначность и широкая сфера употребления вокатива показывает его заместительное употребление. Вот примеры вопросов, не позволяющих различать разные типы употребления терминов:

ЛСЛ 4163. Тесть (отец жены): *батя, бачка, батюшка, тесь. . .*

ЛСЛ 4164. Теща (мать жены): *мамаша, мамуха, мачка, матушка, теща. . .*

ЛСЛ 4165. Свекор (отец мужа): *батенька, батька, батюш, большак, богодан, свекор, тятя. . .*

ЛСЛ 4166. Свекровь (мать мужа): *матушь, матушка, маманя, свекрова, свекра, свекровка, богоданная. . .*

В подобных случаях вопрос программы распадается на два или на три самостоятельных вопроса: 1) как обозначается данная степень родства (при том, что слова *тесть, теща, свекор, свекровь* не имеют ни собственно лексических вариантов, ни синонимов во всех восточнославянских языках) — и здесь можно фиксировать уже и описательные обозначения, хотя бы это и не было предусмотрено Программой; 2) как обращаются к человеку, находящемуся в данной степени родства; 3) как говорящий может назвать человека, находящегося в данной степени родства с ним (здесь важно зафиксировать варианты, в общем предсказуемые, но способные образовать систему). Ясно тут, пожалуй, одно — словообразовательные варианты от терминов *папа, батя, мама, мать* в применении к родителям супруга/супруги едва ли где-то покажут семантическую дифференциацию по отношению к тем же формам, используемым для названий собственных родителей. В этом можно быть уверенным, исходя из анализа словарных данных на соответствующие примеры, в частности, исходя из материалов СРНГ.

Третья проблема описания терминов родства, равно как и проблема собирания и верификации диалектного материала — это узкая речевая синонимия терминов родства половозрастных наименований. Типичные примеры:

ЛСЛ 4028. Сын: *сын, сына, пацанишко, племятко. . .*

ЛСЛ 4033. Дочь: *доча, дочина, дочь, доня, девка, девушка. . .*

Надо отдавать себе отчет в том, что мы не можем изначально представить себе диалект или говор русского языка, в котором не было бы слов *сын* и *дочь* или эти слова не имели бы разнообразного набора производных с эмоционально-экспрессивной окраской. Вопрос о том, в каком возрастном спектре говорящего и называемого так родственника слова *пацан, девка* и им подобные являются употребимыми или допустимыми, и в каком возрастном спектре они не могут составить конкуренции собственно терминам родства *сын*

и дочь, относится скорее к сфере этнолингвистики, нежели к сфере диалектной лексики и семантики. Однако, вероятно, такой материал — как примеры ответов на вопросы, так и сами конкретные ответы — надо дифференцировать уже сейчас, не доводя дело до отвода материала от картографирования и тем более — до самого картографирования лексических единиц, не отвечающих статусу терминов родства.

Четвертая проблема, связанная непосредственно с материалами и вопросами Программы ЛАРНГ — это потенциальная и реальная систематика терминов родства, зависящая от локальных и стадияльно-хронологических вариантов системы родства и ожидаемый состав терминов родства для обозначения конкретных степеней родства. Обратим внимание на два вопроса Программы ЛАРНГ:

ЛСЛ 4059. Дядя: *дядя, дядека, дядина, дядь, дяйна, батя, батько, братька, брательник, божат, стрый, стрыйко, вуй. . .*

ЛСЛ 4061. Тетя: *тетя, тетка, тетюха, тецка, аба, божата, божатка, дедина, деденка, дядна, ляля, лелька, ляляка, няня, нянька, стрия, стрыня. . .*

Здесь, как и в ряде уже рассмотренных случаев, мы встречаемся с неразличением вокативных и референтивных терминов (соответственно вокативы тут должны были быть выделены в отдельный вопрос хотя бы в практике сбора). Кроме этого, в данных вопросах программы эксплицитно не учтена потенциальная противопоставленность терминов родства по мужской и женской линиям, и слова *стрый* «дядя по отцу, брат отца» и *вуй* «дядя по матери, брат матери» стоят в одном ряду, хотя различение мужской и женской линий родства предусмотрено Программой для названий племянников (см. ниже). Здесь принципиальный вопрос заключен в источниках материала для Программы ЛАРНГ и в ожиданиях на выходе при наличии в программе подобных прецедентных примеров.

Можно думать, что источником примеров *вуй* и *стрый* для программы стал словарь В. И. Даля (впрочем, в последнем — *уй* с совершенно неясными источниками для данной формы и особенно для производных (Даль, 4, 492–493)), однако нельзя сбрасывать со счетов того, что эти термины не имеют никаких аналогов в рус-

ской диалектной терминологии родства. Так, в СРНГ, отражающем собственно диалектный материал, не отмечено ни одной формы с основой *вуй*, и то же самое можно сказать о терминах с основой *стрый*. Нет слов с данными основами и в тех диалектных словарях, которые завершены изданием и позволяют судить об этом с должной определенностью (словари вологодских, смоленских говоров, Словарь русских говоров Мордовии, Новгородский областной словарь). Более того, мы можем с уверенностью говорить о том, что слово *вуй* «дядя по матери» и производные от него отсутствовали в русском языке уже в XVI–XVII веках (Сл. обих. яз. вып. 3). Тем не менее — и в этом нас убеждает опыт техники сбора диалектных материалов — если в Программе для сбора лексики будут присутствовать слова *вуй* и *стрый*, мы почти гарантировано получим случайные единичные фиксации этих слов, и возникнет вопрос, что с ними придется делать при картографировании.

Далее, этот материал неизбежно заставляет вспомнить проблему противопоставления и потенциального разграничения номинации «дядя — родной брат отца или матери — дядя — муж родной сестры отца или матери», «тетя — родная сестра отца или матери» и «тетя — жена родного брата отца или матери». Хотя такое разграничение в известном нам весьма объемном материале по восточнославянским терминам родства на референтивном уровне пока не прослеживается, а в области вокативных терминов его можно и не ждать, данный вопрос требует к себе пристального внимания.

Группа вопросов Программы ЛАРНГ, относящихся к наименованиям племянников — потомков сиблингов эго (говорящего) представляется сформулированной едва ли не образцово — в ней учтены и реальные примеры, и противопоставление родства по мужской и женской линиям. Не совсем понятна только иерархия вопросов, отраженная в их номерах:

ЛСЛ 4051. Племянник: *племник, племяш, племянник, братаннич, братана, брателко, братенник, сыновец, сестренич, сестрич, сестринец, утробник. . .*

СЛ 4052. Племянник по сестре: *сестрениц, сестренок, сестренич, сестрич, сестринец. . .*

СЛ 4053. Племянник по брату: *братанич, братана, братанко, братанина, братанчик, брателко. . .*

ЛСЛ 4054. Племянница: *племянка, племянница, племенка. . .*

ЛСЛ 4055. Племянница по сестре: *сестрина, сестрична, сестреница. . .*

ЛСЛ 4056. Племянница по брату: *братанка, сыновица. . .*

Неясным тут является одна деталь, далеко не очевидная для исследований по русской терминологии родства: есть основания думать, что племянник и племянница — это не просто дети брата или сестры, а дети *умершего* брата или сестры. На это указывают контексты со словом племянник в документах [Бурыкин 20086], различная мотивация для потомка сиблинга, в том числе мотивация по нетипичным признакам — соотносительность слова *племянник* с *племя* (проявления родства индивидуума с коллективом: так сказать, «пусть считается пока сын полка» [В. Высоцкий]), и яркая социальная мотивированность названия племянников *небіж, небожа* в украинском языке.

Вопросы программы ЛАРНГ, связанные с названиями брата и сестры, причем как родных братьев и сестер, так и двоюродных, в достаточной мере определяют характер отношений родства и насыщены нужными, ожидаемыми примерами. Приведем их:

ЛСЛ 4038. Брат: *брат, братак, братанич, братич, братка, братя. . . бат, батан, алдай. . .*

ЛСЛ 4043. Двоюродный брат: *братак, братан, братанник, братуха, батяня, брашень, стрыйчич, сестрич, сестринец, двоюродник, двуродник, двоеродный, одвуродный, изродный, сродный, второе колено. . .*

ЛСЛ 4044. Сестра: *сестра, сестренка, сестрица, няня, тетя, тятя, сянюшка, чика. . .*

ЛСЛ 4048. Двоюродная сестра: *сестрейка, сестренка, сестреница, сестрея, пасестра, пасестрина, братаница, братанка, братынь, двоюродня, двоюродница, сдвуродная. . .*

Исходя из самих вопросов и примеров можно ожидать следующее: для названий брата и сестры Программа ЛАРНГ даст достаточное количество синонимов, весь представленный в ней мате-

риал хорошо соотносится с известными диалектными словарями, в первую очередь с СРНГ. Вместе с тем здесь обозначается серьезная проблема — как именно наносить на карты те слова, которые являются многозначными или имеют одинаковую форму, но показывают семантические различия по говорам — например, слова *братан*, *братанич*, *сестрица*, *сестреница* и т. п., которые могут различаться не только по прямому, единственному значению, но и по системе значений, будучи многозначными в тех или иных говорах. На этом фоне номинации родственников по статусу или хозяйственному применению (для сестры — *тетя*, *няня*) будут малозначимыми: такие факты явно будут отведены от картографирования. Однако вопрос о том, какой тип карт может объективно отразить разные наименования племянников и кузенов с характеристикой их мотивации и различий в семантике, представляется весьма сложным. Представление материала на лексико-словообразовательной карте оставит открытым вопрос о полисемии картографируемых терминов, составление одной лексико-семантической карты для каждого слова увеличит число карт, и едва ли мотивационные карты для племянника и племянницы смогут снять все возникающие вопросы.

Представляет интерес для обсуждения и группа вопросов Программы ЛАРНГ, относящихся к родственникам по свойству в 0 или –1 поколении (среди родственников по свойству в +1 поколении, теща, свекра и их супруг мы не видим значимых различий по говорам, и вопрос, что именно там придется картографировать, выглядит довольно праздным, если отпадают вокативы, образующие иллюзию вариантов). Рассмотрим эти вопросы:

ЛСЛ 4155. Брат мужа (деверь): *братец*, *братчик*, *девер*, *деверило*, *деверишка*, *деверилушко*. . .

ЛСЛ 4156. Сестра мужа (золовка): *братанина*, *братова*, *золова*, *золва*, *кумка*, *мужова*, *няня*, *нянюшка*, *сестрица*, *сестреница*, *ятровь*, *ятровка*. . .

ЛСЛ 4158. Сестра жены (свояченица): *свойка*, *своякиня*, *своячина*, *свесь*, *свесьтя*, *своятина*, *ятровья*, *ятровица*. . .

ЛСЛ 4159. Жена брата: *братова*, *сноха*, *сношеница*, *ятрова*, *ятровка*. . .

ЛСЛ 4160. Муж сестры: *сояк, сойчат*. . .

ЛСЛ 4161. Зять (муж дочери): *зять, зяти, зятелко, богодан*. . .

ЛСЛ 4162. Невестка (жена сына): *бабка, братова, невеста, невеха, невестка, сноха, сношеница, сыновка, сыноха, ятровка*. . .

Здесь в вопросе о наименовании брата мужа явно лишними оказываются вокативные формы, образованные от *брат-* (подтверждения об их референтивном употреблении отсутствуют), на фоне укр. *дiвер*, белор. *дзевер* при отсутствии диалектных вариантов (см. Чалавек, 57), вместе с тем сам набор вариантов производных от основы *девер-* выглядит весьма интересным.

Ожидаемый набор для названий сестры мужа в общем укладывается в то, что мы знаем из словарных данных, ср. *золова, золовка, золовица, золовь* ‘золовка, сестра мужа’ (СРНГ 11, 327–328).

В вопросе **ЛСЛ 4158** «Сестра жены (свояченица)» сгруппирован разнородный материал. Лексемы *свестка, свѣстка, свесть, свесь, свестья, свестюха, свестя, свесья* фиксируются в значении «сестра жены, свояченица» (СРНГ 36, 251–252). Названия жены сына, образованные от основы *сын-* в русских говорах не фиксируются (см. СРНГ 43), но встречаются в украинских говорах, ср. *синова* ‘невестка’ [Слов. буковин. гов. 486], *синова* ‘жена сына, невестка’ [Москаленко, 66], и в белорусских говорах, ср. *сынава, сынавая, сынова, сыновая* ‘невестка — жена сына’ (Чалавек, 60).

Что касается слова *ятровка*, фигурирующем в материалах к вопросам **ЛСЛ 4159** и **ЛСЛ 4162**, то достоверные его фиксации в современных русских говорах в каких бы то ни было значениях по словарным данным отсутствуют. Единственное исключение — форма *ятровица* в орловских говорах: «Еще встречается в орловских говорах термин «ятровица» — жена деверя и шурина (брат жены). Это жына диверя и шурина» (из Картотеки словаря орловских говоров цит. по [Жукова, 22–23]) Варианты этой лексемы, различающиеся по форме и значению, присутствуют в украинских и белорусских говорах, ср. укр. диал. *ятровь ятроха, ятрівка* ‘жена мужнина брата’ (Гринченко 4, 546), *ятровица, ятровка, ятроха, ятрошка* ‘жена брата мужа’ (Аркушин, 2, 289), *ятровка* ‘жена брата мужа’ [Лысенко, 239], белор. диал. *ятровка, ятравка, ятрошка,*

ятровица, ятрыноука, вятроука, патроука, также *братовуха, трывинка, нявестка* ‘жена одного брата по отношению к жене другого брата, жена брата мужа’ (Чалавек, 71), *ятроука* ‘сестра мужа’ (Чалавек, 59), *ятровица, ятровка, трывінка* ‘жена брата’ (Чалавек, 57), *утрывінка, трывінка, ятроука* ‘жена деверя’ (Чалавек, 57). Пока не вполне ясно, имеет ли смысл продолжать поиски слов *ятровь, ятровка* в русских говорах, используя для этого по умолчанию подсказку Программы, как это имеет место в случаях со словами *вуй* и *стрый* (см. выше) и единичную фиксацию этого термина на Орловщине.

Нам хорошо известно, что слова *невестка* и *сноха* в значении «жена сына» практически повсеместно являются синонимами, и слово *сноха* отнюдь не является диалектным. Термины *сношенница* и *свесть* не относятся к невестке-жене сына или брата, это название жен братьев по отношению друг к другу или обозначение сестры жены — свояченицы, для которой реально свидетельствуются следующие наименования: *сваякня, своячельница, своячина, своячиня, своячинка, своячинья, своячиня, своячица, своячка, своячня, свояшина, свояшница* (СРНГ 36, 330).

От форм слова *зять* можно ожидать только некоторый набор эмоционально-экспрессивных форм: данный термин в значении «муж дочери» не имеет альтернативных вариантов ни в одном из восточнославянских языков.

Довольно странно то, что в вопросе ЛСЛ 4160. «Муж сестры: *свояк, свойчат. . .*» отсутствует слово *зять*. Что касается слова *сво-як*, то его употребление в русских говорах должно бы стать предметом специальной лексико-семантической карты, поскольку все возможные значения этого слова так или иначе представлены в словарях русского литературного языка: хотя форма *свояки* в значении «любовники одной женщины» есть только в СРНГ (СРНГ 36, 329), единичные примеры такого употребления слова *свояк* встречаются в художественной литературе.

В заключение обратим внимание на группу присутствующих в программе ЛАРНГ вопросов и слов, которые не имеют прямого отношения к системе русских терминов родства.

ЛСЛ 4041. Старший брат: *большак, батя, батяка, божатко, нянька, братец, братка, братан, братя, брашкя. . .*

ЛСЛ 4042. Младший брат: *малка, малушко, малой, меньшеак, меньшеута, братейник, бретелко, братанчик. . .*

ЛСЛ 4046. Старшая сестра: *большуха, большунья, первуха, первуша, няня, нянька, нянюха, божя, лелька, сеструха, сеструхна, аба. . .*

ЛСЛ 4047. Младшая сестра: *малка, малуха, меньшеуха, меньшеутка, няня. . .*

Эти слова не являются терминами родства в строгом смысле слова, ибо это слова родства с коллективным эго.

ЛСЛ 4154. Муж, вошедший в дом жены: *дворник, дворянин, домач, домовник, животник, животан, приемыш, примыш, привал, привалень, надомник. . .*

Эти вопросы абсолютно уместны в программе ЛАРНГ, но к системе терминов родства они не имеют прямого отношения, поскольку отражают некие инвариантные коллективные семейно-родственные отношения и не относятся к терминам индивидуального родства.

Иллюстративный материал к последнему из вопросов «Муж, вошедший в дом жены» может быть пополнен неожиданным примером — словом *снохач* в интересующем нас значении ‘зять, живущий в хозяйстве тещи’: «*Вот так и остался мои отец в старом тещином доме, как он говорил, в “снохачах” и ни с чем.*» [Курдюков В. Верность России]¹. Единичная фиксация данного употребления не снижает его ценности.

Тот лексический материал, который может быть собран по рассмотренным выше вопросам Программы ЛАРНГ, бесспорно будет представлять большой интерес и иметь ценность для дальнейшего изучения терминов родства в русских говорах в лексическом, семантическом и лингвогеографическом отношении. Однако уже опыт работы над словарями и в еще большей степени опыт ана-

¹ Цитата найдена при помощи подготовленного автором электронного ресурса «Библиотека лексикографа», используемого в Словарном отделе ИЛИ РАН.

лиза словарных материалов по терминологии родства и свойства в русских народных говорах показывает, что собранные объемы примеров и ответов на вопросы требуют критического отношения — отделения вокативов от референтивных терминов родства, учета полисемии терминов, ожидания разных типов синонимических рядов в обозначении родственных отношений, тщательного анализа контекстов в текстовых фиксациях диалектного материала. Несоблюдение этих условий приводит к двум крайностям — с одной стороны, явной неполноте, оставляющей нерешенными многие важные проблемы (например, наименования кузенов), с другой стороны — к неистощимому изобилию эмоционально-экспрессивных или вокативных форм в картотеках и словарях русских народных говоров, что мы наблюдаем ныне при исследовательской работе.

Литература

- Аркушин Г.* Словник західнополіських говірок. Ч.1–2. Луцьк, 2000.
- Бурыкин А. А.* Терминология родства и свойства как средство характеристики социальных отношений (на материале вологодских имущественных описей конца XVIII века) // Алгебра родства. Вып. 11. СПб., 2006. С. 204–213.
- Бурыкин А. А.* Современная русская система терминов родства и свойства: материал, лингвистическая и этнографическая проблематика // Алгебра родства. Вып. 12. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 208–290.
- Гринченко Б.* Словарь української мови. Т. 1–4. Київ 1907–1909.
- Емельянова С. А.* Термины родства и свойства в русском и белорусском языках/Автореф. канд. дис. Гродно, 1991.
- Жукова Н. А.* Названия, примыкающие к терминологии родства // Русская речь в современном вузе. Сборник материалов Четвертой международной научно-практической интернет-конференции 1 ноября 22 декабря 2007 г. Орел 2008. С. 20–24. www.ostu.ru, <http://rudocs.exdat.com/download/docs-19459/19459.doc>
- Качинская И. Б.* Термины родства в словарях и проект словаря терминов родства // Regionala un sociala dialektologija. Komparativistikas instituta almanahs. 18. sejums. Daugavpils Universitate. Daugavpils, 2009. S. 110–171.
- Качинская И. Б.* Термины родства и языковая картина мира. Автореф. дис. . . канд филол. наук. М., 2011.

Москаленко А. А. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958.

Решетов А. М. Некоторые вопросы изучения систем родства // Тезисы докладов годичной научной сессии [ЛЮ Института этнографии АН СССР]. 1969. Л., 1969. С. 28–32.

Решетов А. М. Об употреблении вокативных терминов родства в повседневном быту русских (по воспоминаниям и наблюдениям) // Алгебра родства. Вып. 1. СПб., 1995. С. 217–230.

Сокращения

Чалавек — Чалавек. Тэматычны слоўнык. Мінск, 2006.

Слов. буковин. гов. — Словник буковинських говірок. За заг. ред. Н. В. Гуйванюк. Чернівці, 2005. <http://gorodnit.progressor.ru/text.par?id=911> — 2001 год.

Бурыкин 2008а — *Бурыкин А. А.* Заметки к проблеме изучения терминов родства в русских народных говорах (в связи с Программой ЛАРНГ) // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования). 2008. СПб., 2008. С. 146–155.

Бурыкин 2008б — *Бурыкин А. А.* Наблюдения над употреблением терминов родства в вологодских имущественных описях конца XVIII века и задачи дальнейшего историко-лексикологического изучения русских терминов родства и свойства // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 7. СПб., СПбГУ, 2008. С. 167–176.

Лысенко — *Лысенко П. С.* Словник поліських говорів. Київ, 1974.

Сл. обих. яз. — Словарь обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. /Вып. 1–4. СПб., 2012.

Термины родства в частной переписке середины XX века

Л. П. Батырева

Фактический материал для ЛАРНГ по теме «Семья и семейные отношения», в том числе термины родства, необходимость изучения которых не вызывает сомнений [Бурькин, 146–147], можно обнаружить в частной переписке военного времени (1940–1945 гг.), причем номенклатура терминов родства в письменных источниках представлена шире, нежели в живой разговорной речи, т. к. многие диалектные слова данной группы уже пребывают в пассивном языковом запасе.

Обратившись к письмам жителей Ивановской области — крестьянина из д. Чашёво Шуйского р-на Н. Г. Ковалькова (далее — Ков.), жителей г. Шуи — ветеринара И. С. Котова (Кот.), слесаря А. Г. Крайкина (Кр.), школьного завхоза В. Ф. Хренова (Хр.), жителя д. Соймицы Палехского р-на А. Н. Савельева (Сав.), жителя с. Помогалова Палехского р-на В. К. Абрамова (Абр.), жителя д. Красники Тейковского р-на Ф. А. Баранова (Бар.), жителя с. Хомутова Тейковского р-на (Н. А.), уроженца д. Лукояниха Южского р-на Ф. А. Бушкова (Буш.), жителей д. Башево Вичугского р-на Н. И. Хабурова (Хаб.) и Д. И. Лебедева (Леб.), — мы обнаружили следующее.

Адресатами солдатских писем являются, прежде всего, жены. Авторы текстов называют их по-разному: *Добрый день здравстуй дорогая моя жена Нюра. Бар.*¹; *Вот и досвиданьецо милые мои же-*

¹ Фрагменты писем даются с соблюдением пунктуации и орфографии оригинала, отражающей местные языковые черты, представляющей авторов

*на Юля. . . Папа Мама. Хаб; Я получил письмо только одно от жены главди завсе време. Кр.; Наля ты мне севодня наснилась очень хорошо бутто целовались, ия товарищам рассказываю севодня говорю получу письмо жена наснилась, и правда получил письмо. Ков.; Где-то вдалеко заброшенной дереушке оставил свое кровное наследство родителей и жену с которами мечтаеш встретится. Сав.; Отдохнуть сосвоей милай женкай; Прощайте милочки мое милая женка Наля и милые мое деточки. Ков. Здравствуйте много уважаемые мои родители. Тятя, Мама, уважаемая Жинка Аня и любимые мои детки. Сав. Ср. также притяжательное прилагательное, образованное от существительного **жинка**: Ни бывали на фронте, а сидели дома пряталис за **жинкину** спину. Сав.*

Термины родства, выступающие в функции обращения, сопровождаются местоимением *мой*, актуализирующим точку отсчета — «я» — в акте номинации. Отсутствие притяжательного местоимения актуализирует её «по умолчанию» [Доброва]. Кроме того, в сочетании с термином родства используется имя собственное, а также прилагательное, выявляющее отношение пишущего к адресату. В данных примерах — *дорогая, милая, уважаемая*, а в одном из писем Н. Г. Ковалькова — *любая* (*Любай женке пишу письмецо, и отлюбай женки жду также снетерпеньем письмеца*).

Употребляются другие лексемы фольклорного характера — *залётка, милка, милок*, причем только в вокативной функции: *Смотриши валяются убитые и раненые, вот это война и наступление, а скоро Наля ведь я опять туда попаду, и вот из этих трех пунктов милая залетка меня один ожидает. Ков.; Маня хлеб 650 гр. суп. жидк. миска чутли не вода и все тоже милка хорошо и делать нечего потому что война; Маня милок постарайся насчет покурить. Кот.*

Особую степень уважения призвано продемонстрировать обращение *супруга*, заимствованное из официально-делового стиля: *До-*

писем как диалектоносителей, а также презентующей образовательный уровень пишущих. Разные примеры отделяются друг от друга точкой с запятой, пропущенные и нечитаемые фрагменты текстов отмечаются многоточием.

свиданья милочки мое супруга Настя и детки Шура Муза Юра. Ков.; Затем досвидание мои родители Тятя, Мама, Супруга Аня и детки. Сав. Представлениям А. Г. Крайкина о нормах речевого этикета соответствует словосочетание **многоуважаемая супруга** (Здрастуйте много уважаемая супруга Клавдея Василевна шлю я вам свои Красноармейской привет и много наилучших пожеланий и т. п.), вероятно, кажущееся ему особенно значительным и солидным. Официальный тон при употреблении слова **супруга** может нивелироваться эмоционально-оценочным определением, а также синонимичной номинацией, более «тёплой» и, возможно, свойственной устной речи тоже, — **милая жёнка**: *Доброй день здравствуйте дорогая моя семейка, милая моя супруга Наля и милые мое детки; Здравствуйте моя милая и родная семейка дорогая супруга и милая женка Настя.* Ков.

Обращение к детям — это, как правило, существительное с уменьшительно-ласкательным суффиксом: *Наетом милые вы мое досвиданья милинькие **детки** Шура Муза Юра и милая супруга Настя; Прощайте милочки мое милая женка Наля и милые мое **деточки** Шура Муза Юра.* Ков.; *Здравствуйте моя милая семья. Дорогая Наля и милые **детки** Шура и Люся.* Хр. В номинативной функции наряду с субъективно-оценочными образованиями выступает нейтральное **дети**, например: *Неверится что я вернусь домой и мы стобои будем жить как жили, а может какая судьба целую милое **дитетко**.* Хаб.; *Милая Наля вы мне обе ночи подрят снились и Тятя и Мама и Мамаша часто снятся только **детки** ретко снятся и Музочка вовсе неразу здесь не снилась.* Ков.; *Аня как-бы вы знали как мне хочится посмотреть на своих кровных **деток** и полипетать с ним детским языком.* Сав.; *А в Башеве работа ваша попусту пропала и труд Ваш председатель не оплатил. Хватило совести обманывать ему работников своих, поди наверно сам себя не позабыл, **детям** защитников родины он труд не оплатил приедем спросим мы его, какую помощ он давал красноармейским **детям** как он помогал.* Леб.; *Не отчаивайся, будешь дела одно за другим, только не перегружаться, у нас есть **дети**, они никому не нужны а сейчас их воспитывать, Маруся, должна ты.* Н. А.; *Пусть мы уже*

маемся но наши **дети** ни должны с гитлеровцами встречаться. Сав.

Широко употребляются общерусские лексемы **дочь, дочка, сын, сынок** в сочетании с именами собственными: *Добрый день родная доч Глафира, я шлю тебе родительский привет; Дочка Гра-ня Бога ты забываешь а о нем всегда читаешь. Господь тебя за это наградит на жизненном твоём пути.* Леб.; *Посылаю вам свой горячий привет и крепко крепко целую вас Нюра и милою мою дочку Галю.* Бар.; *Клавдя я все смотрю насына аличку что он безменя очен изменился; Шлю Красноармейский привет сыну Альберту; Здрастуйте много уважаемые Клавдя и сынок Аличка имамаша.* Кр. и т. п.

Отмечено существительное **ребёнок** (*Когда я был дома делов хватало для обеих а сейчас я и незнаю а особенно с малиньким ребенкам да ивсе хозяйство одних рук касается милая Наля это я все сознаю но нечем не помогу.* Ков.); **ребята** ‘дети’ (*Прописывая Аня больше ребрят моих как они чувствуют себя и разные ниhi сюрпризы.* Сав.); **ребятишки** (*Аня вы пишете что ребятишки просят чтобы с шили ним по платью, убязательно Аня с ший и не жалей пусть носят.* Сав.), от которого образуется притяжательное прилагательное **ребятишкин** (*Милая супруга Настя собцаю я тебе большую радость для меня что я получил оттебя два письма закоторые сердечно благодарю иочень я обрадовался и повеселел, получил оба вместе 10 октября, которые я ждал каждый день, и вот Настя оне были писаны сребятишкиным вместе 25 сентября а оне пришли после.* Ков.).

В текстах А. Н. Савельева отражена такая архаичная севернорусская языковая черта, как употребление слов среднего рода — наименований младенцев [см.: Колесов, 76; Захарова, Орлова, 77; Ворошилова, 280–281], причем это могут быть любые лексемы, обозначающие маленьких детей, в том числе субстантиваты, ср.: *Утебя Нюра грудное ребенок нельзя уехать отнего; Атеперь Нюра я вам наказываю а также и своими родителями что после двух месяцев и илиже даже меньше, которое народилось унас маленькое сын Вита отдайте его вясли; Здравствуйте Ваня сестра Клавдя и детки ваши Надя и **ваши маленькое** но всожаление что звать незнаю*

как него. Обнаруживаются грамматические изменения в этой группе имен, отмечен, например, случай нарушения согласования подлежащего и сказуемого: *Мне... приснилось восне что **народился** тебея **маленькое***. Следующий пример отражает усвоение литературной нормы: ***Народился** у вас **Сын** этой новости я ожидал вкаждом письме, но наконец дождался, но коли так дак проздравляю я вас Нюра с новорожденным сыном Виталием*.

Любимых и почитаемых в семье старших родственников, бабушку и дедушку, было принято называть ласково: *Люся передаи от меня привет твоеи маме и **бабиньке**; Шура Люда Тома как вам не стыдно обижать **дедю** ведь он стар и естли неможить работать то нему пора он уже поработал*. Кот. В письмах шуянина И. С. Котова фиксируется «городская» номинация *баба* (*Прошу вас слушатся мамы, деди, **бабы** и жит ладно между себя*) — «окультуренное» бабка» [Осипов, 14]. И. С. Котов — носитель так называемого «первичного» городского просторечия, представляющего специфику речи горожан первого поколения, «для кого овладение городской манерой говорить — вопрос престижа» [Осипов, 9]. Отмечено существительное 2-ого склонения *дедушко*: *Милая Наля уехал я от тебя очень далеко на 4е тысячи километров в город Ташкент маленький когда был читал книжку прогород Ташкент а теперь уже пришлось самому ввоенное время побыват. И кое что повидал ехал степями прокоторые ты росказывала про дедушка Василия что чуть незамерз едши помашине куда не поглядиши одна степь и ездят на верблюдав*. Ков.

Адресуясь главным образом к женам, солдаты не забывают передать поклон матери: *Люся прошу тибя передаи привет и от души niskий поклон **Маме** и Бабе и Деди*. Кот.; *Наля передаи поклон дорогим родителям я тоже поних скупился Тяте **Маме** Мамаше*. Ков. и т. п.

Чрезвычайно частотно в текстах провинциалов середины XX в. слово *тятя* ‘отец’. Оно используется и в вокативной, и в номинативной функции: *Здравстуйте дорогие родители Тятя и Мама и сестра Маня*. Буш.; *Затем досвидание остаюсь я жив и здоров того и вам желаю мои родные Тятя, Мама Жена Аня детки Шу-*

ра Слава Витя и все прочие; Придется Тяте опять беспокоиться и выходить исположения находить какойто выход чтобы прокормится год; Вы Нюра пишите что тятя ездил в Шую и купил мне машину, большое спасибо тятя тебе за проявленную заботу комне; Аня когда я стятей и свами прощался я чувствовал себя ниасобо растроенным но когда приехал на место я просто сам насебя удивился как будто-бы я что потерял и мне очень зделалось тошно и разболелос мое сердце я готов был горько заплакать. Сав.; Тяте я посылал письмо ответа не получил как оне живут и какую оне держут скотинку, и как мамаша живет и тоже что держит исскотины. Ков.

Слово **nana** тоже встречается: *Здрастуйте дорогие родители папа мама Нина Маня Сережа Валя и Леня ваше письмо я получил и шлю я вам побольшому привету и желаю вам всего хорошего в вашей гражданской жизни, папа мы наверно сегодня от суда уедем и еще ждите письмо с дороги. Абр. Единственный раз употребил слово И. С. Котов: *Еще кланяюс Папе и Маме.* Более привычным для него, горожанина, является всё же слово *тятя*.*

Солдаты не только обращаются в письмах к своим отцам, но и, будучи сами отцами, называют себя «детским» словом **nana**: *Война могла лишить вас папы своего Бесчастной ты могла остаться. . . век, такой несчастный человек; Граня я тебе эту посылку шлю за ваше хорошее отношение к своему папе а по этому я вас ценю как хорошую сознательную девочку и я вас Граня неспокину никогда толькобы вернуться живым на родину. Леб.; Теперь дочке Музе Муза учись писать и папе напишеш письмо, а Юра пускай растет и песни поет; А Шурка ленится папе письмо написать. Ков.; И теперь лично мне уже неверится что я услышу хотя одно слово папа отсвоего Любимого Сына Висчеслава Алексеевича. Сав.*

Нейтральное слово **отец** (*Вот мама ищят отца а он иныряет по домам и опять пьянай. Ков.*), использованное в качестве самоназвания, привносит в текст приватного характера торжественное звучание: *Клавдя я вам шлю денги всуме 50 руб. . . наети денги прибретите аличке что нибуд изыгрушок и ли изодежы назиму нему но сит что б нему было нехолодно зимои Клавдя это вы пребрете-*

*те аличке то это будет вспоминане меня как отца. Кр.; Уезжая из Тейкова, я со станции сбегал на 3–5 минут к Нюре. Дочку Малю поцеловал, она открыла глазки, но не поняла, что отец прощался с ней, может быть, в последние. Н. А. Патетический тон снимает просторечное **папка** (Дорогая Юля Воспитаи и смотри на Венечку это я это кровь моя дорогой Вена расти сынок а вырастеш небудеши знать папку какой был, а ты мой самый хороший сын. Хр.) или шутливо-ироничное **папанька** (Клавдя я насмотрелся насвоево сына но я думаю послат обратно тебе <фотокарточку> ато рано находится вместе спапанкой начужжои стороне ему как твое мене. Кр.).*

Другой случай самоидентификации — обозначение себя в качестве мужа, часто — в составе формул прощания: *Досвиданя Клавдя и сынок аличка имамаша устаюся жыв издоров ивам все етова желаю Писаль Ваш муж шура Крайкин; Сприветом к вам Аня ваш супруг Леша. Сав.*

Обращаясь же к родителям, солдат называет себя **сыном**: *Когда оне оба наетои воине воевали снемцем вот я ветом них заменил когда-то был отец но и пришло сыну Александру Г.К. Кр.; Привет из города Витебска отизвесного вам Сына Алексея Николаевича и шлю низжающие почтение, атак-же чисто сердечный привет. Сав.* Книжную стилистическую окраску имеет использованное А. Н. Савельевым слово **сыны**, оно пришло из публицистического стиля, что часто случается в письмах военного времени, ср.: *Я передаю вам вчесть 25 годовщины великого праздника свое искреннее пожелание честно трудится вколхозном хозяйстве чтоб втылу этим самым крепить оборону и мощ нашей страны забывать отом что ваши сыны сейчас находятся на защите своей родины крепко сражаемся сненавистным врагом в условиях суровой холодной зимы неимея ниднем ни ночь никакого спокойя.*

В письмах могут употребляться одновременно разные самоназвания, предназначенные разным адресатам, например: *Крепко жму вобъятия роднаю мою семейку, ваш супруг Наля Коля и ваш папа детки. Ков.*

Наконец, ещё одно слово, определяющее место мужчины в се-

мье, — *хозяин*. Так подписался Н. Г. Ковальков: *Хозяин От Коли, Нале жду ответ и карточки*. Наряду со словом *хозяйка* его по сей день можно услышать в речи местных жителей.

Лексемы *мамаша* и *папаша* выступают в значении ‘тёща’ и ‘тесть’: *Здравствуйте премного уважаемые мои родители Тятя, Мама любимая супруга Аня и милые мои детки... а так-же... Папаша Мамаша всем я вам дорогие свои родные посылаю нижайшие почтение и горячий любовно душевный привет; Сообщаю Нюра что Папаша у меня был, но был очень мала... часа два. Но и наетом большое спасибо что зашел хотя я посмотрел на него; Вы Нюра вкаждым письме сообщайте как поправляется Папаша. Сав.; Сегодня прислала комне мамашу и маму а самой говориши некогда. Ков.; Привет издаলেখ краев Клавдя я вам шлю красноармейской привет и мамаше и аличке; Клавдя пока досвидане доприятнова сна и аличка пока и мамаша пока. Кр.; От Бога вам здоровья пожелаю еще привет мамаше передай, от миня ты ней здоровья пожелай; Передавай привет мамаше еще жене моей Елене дочкам. Леб.; Юля передай привет... Папаше Мамаше Жене Наде и остальным родным и знакомым. Абр. Комментарий по поводу данных лексем, а также по поводу именованя свекрови дала жительница Шуйского р-на: «А мамаша — это мамина мама. Так раньше называли. Сейчас — всё мамы: и тётца — мама, и мама — мама. А мама его мать тоже звала “мамаша”, не “мама”, а “мамаша”. “Мамаша”, “папаша” — правило такое было, да».*

В письмах И. С. Котова, менее консервативного, более восприимчивого к языковым новациям, к изменениям привычного «деревенского» на новое, литературное, вместо *мамаша* появляется слово *тётца*: *Прошу передать от меня Привет... Мамаше Елизавете Александровне, но также: Еще привет шлю... теще Лизавете Александровне*.

Взаимодействие местного и общерусского обнаруживаем в речи Н. Г. Ковалькова. Кроме литературного *брат* (*Где брат Михаил находится пропиши него адрест*) и *братья* (*Смотрю подходит комне товарищ спрашивает ты Шуйскай я говорю да ая говорит Колочковскай волкав Колька после Натальи Волковай сын вот мы с*

ним и подружались как родные братья. Ков.), он использует слово **братчик** (*И вот братчик Миша попал наеат трудной фронт*), **брательник** (*Теперь Настя опишу и передай родителям что пишет брательник Миша, пишет он состалинградскаго направления очень иззаводы тяжело подвое сутак бывает непивши и кругом степи и отсамолетав некуда спрятатся, и пишет что уже товарищей давно убило и я пишет неуцел. . . не придется говорит брательник наверно повидатся, да настя я ему верю я сама знаеи был нае- том направле. . . летом когда меня ранило, в ногу*), **брательничек** (*Скучился я тоже побрательничку*).

Диалектное слово **своячина** употребляется в значении ‘сестра жены’ (*Привет. . . своячине Ленушке*. Ков.), слово **зять** — в значении ‘муж сестры’ (*Аня мне думается както писали что зять ваяня взял мой адрест и как-бутьто хотел на писать мне письмо Сав.; Клавдя пропиши мне где находится зят ишетли писма*. Кр.), **шурин** — ‘брат жены’ (*Привет избелорусии Вам дорогой зять Ваня от извесного вам шурина Алексея Николаевича*). Использована форма множественного числа существительного **шурин** — **шурья** (*Но очень печально для меня то что погибли мои шурья*. Кот.). Контекст, в котором употреблены эти лексемы, недостаточно пространен и информативен, поэтому с целью прояснения значения слов мы обращались к родственникам авторов писем. Но и в этом случае не всегда получали определенный ответ. Так, относительно слова **свояк** (*Нюра известили что свояк почил ета весь печальная я уже слышел эту весть от Папаши*. Сав.) мы услышали, что так называли, вероятно, «какого-то родственника жены, двоюродного», при этом наши респонденты отметили, что слово сейчас употребляется редко.

Для российских провинциалов была и остается значимой сфера духовного родства. Это находит отражение и в перечне наименований ««персонажей» родства» [Толстая], и в содержании писем, касающихся именуемых духовных родственников, и в эмоциональной окраске соответствующих фрагментов текстов.

Употребляется слово **кока** ‘крёстная мать’: *Пропиши домали Панфиловскои Николай и как живет Кока*. Сав.; *Юля передай при-*

вет коке Гале. Абр. Заметим, что значение слова в данном контексте не очевидно, так же, как и в текстах жителей д. Привалье Палехского р-на второй половины XX в., ср.: *Приезжала кока Фая привозила ботинки но я их не взял, говорю хорошо мне и в валенках правда здесь все ходят в ботинках даже все пожилые ботинки кока необменяла потому что их нет они были венгерские и все разобрали но ладно; Галя был у коки Фаи она болеет с 20 ч. по 5 е марта у неё ренген признали язву; Ночевал у коки; Кока купила треко и ботинки.* Слово, однако, активно бытует в этом значении в устной речи местных жителей.

В письме 1961 г. уроженки Палехского р-на крёстная мать названа **хресной** (авторская орфография): *С горячим приветом квам ваши родные хресна и Леонтий желаем мы вам самых хороших успехов в вашей жизни аглавное добраго здоровья надолдия годы. Другой субъект духовного родства — хресница (Здравствуите много уважаемые наши родные Валерий Павлович и моя дарогая хресница Галя и ваши детки), она же — кресинка (Дарогая моя кресинка Галя хочу тебя известить в том что я твою открытку получила), а в лексиконе А. Н. Савельева — крестница (Затем Ваня досвидание и уважаемая сестра Клавдя досвидание а так-же и ваши детки Надя моя кресница остаюсь я жив и здоров. Того и вам желаю).*

Лексика тематической группы «Семья и семейные отношения» представляет человека как частное лицо, как члена тесного семейного круга. Она отражает взаимоотношения близких людей, обнаруживает понимание ими семьи как главной ценности в жизни. В письмах используются не только и не столько нейтральные номинации родственников по разным линиям, сколько эмоционально насыщенные обращения, которые передают накал чувств авторов писем, понимающих, что каждое их послание, каждый акт общения может оказаться последним (*Может мы с тобой больше не увидимся, так совет лишним не будет. Проживи средства денежные, натуральные, будь побдительнее, т. е. храни от жуликов, убирай дальше спички.* Н. А.; *Письмо писал а слезы каполи неуспевал вытирать писал на кухне один в 10 часов вечера прощайте все Может последнее письмо еще раз целую Юля Вену Пишите шибче письма.*

Хр.; *Может когда ивернусь, но ненадеюсь, Придется ли мне свами повидатся надежи нет. Ты и сама пишеш что сколь уже у битых.* Ков.). Эмоции в письмах проявляются открыто, солдаты без стеснения демонстрируют отношение к *родной, милой, любимой, уважаемой, дорогой* семье в целом и каждому ее члену в отдельности. Данную тематическую группу отличает обилие разного рода оценочных образований, носителем коннотации часто является суффикс, при этом репертуар суффиксальных морфем даже в речи одного человека может отличаться большим разнообразием.

Выбор обращения к адресату, предпочтение той или иной номинации родственника обусловлены не только стереотипами, привычкой именовать так, а не иначе, но и ситуацией общения, психологическим состоянием пишущего, индивидуальными особенностями конкретной языковой личности. Имеется разница в формуляре писем горожан (хотя и в первом поколении) и деревенских жителей. Следует отметить различия между устной и письменной формой общения: трудно представить, чтобы в обыденной жизни в данной социальной среде муж называл жену «уважаемой супругой Клавдией Васильевной» и обращался к ней или к дочери на «Вы», как это бывает в письмах.

Наименования родственников в изучаемых текстах представлены не исчерпывающе. В них, по понятным причинам, отсутствуют термины свойства для женщины (*свекровь, свёкор* и др.). Тем не менее, можно констатировать, что частная переписка середины XX в. представляет собой ценный источник изучения диалектного слова, специфики его бытования в говоре, содержит интересный фактический материал для ЛАРНГ.

Литература

Бурыкин А. А. Заметки к проблеме изучения терминов родства в русских говорах (в связи с программой ЛАРНГ) // ЛАРНГ (Материалы и исследования) 2008 /ИЛИ РАН. СПб, 2008.

Ворошилова Т. С. Характерные особенности шуйских говоров // Уч. зап. Шуйского гос. пед. ин-та. Вып. 9. Шуя, 1960.

Доброва Г.Р. Эгоцентричность прономинальной и «пара-прономинальной» лексики (сравнительный анализ онтогенеза личных местоимений и терминов родства) // <http://iling.spb.ru/grammatikon/child/dob.html>

Осипов Б.И. Воспоминания работницы М. Н. Колтаковой «Как я прожила жизнь»: Публикация и исследование текста /Подготовка текста, предисловие и комментарий Б. И. Осипова. Омск: Омск. гос. ун-т. 1997.

Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре. М., 2009. С. 7–22 /Philology.ru

Исследование лингвогеографического ландшафта региона. Информационная система «Лексический атлас Волгоградской области»

Е. В. Кузнецова

В последние десятилетия круг и характер научных источников лингвистики вообще и диалектологии в частности существенно меняется. В лингвистических исследованиях, помимо классических источников, все более широкое применение находят электронные ресурсы различных типов: автоматизированные информационно-поисковые системы, электронные словари, базы данных, текстовые корпуса, системы передачи данных в сети Интернет. В современном мире в целом изменились методы и средства получения, хранения, передачи информации о языке и его функционировании. Любой информационный ресурс представляет сейчас реальную ценность только в том случае, если к нему организован простой, логичный и широкий доступ. Такой доступ к научным данным и источникам информации обеспечивают информационные технологии и Интернет.

Источником материала нашего исследования являются карты электронного «Лексического атласа Волгоградской области», ресурса, доступного в сети Интернет (<http://dialekt.vspu.ru/node/2/>)¹, созданного в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете для обработки диалектных данных и построения лексических диалектных карт. Информационная система ори-

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке гранта РГНФ (дог. № 111434002а/В), гранта «Преподаватель онлайн» БФ В. Потанина.

ентирована на наиболее упрощенную, логичную и продуктивную методику хранения и обработки диалектных данных¹. Система перерабатывает материал, собранный по «Программе собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров» (далее «Программа») [Программа ЛАРНГ] в рамках диалектологических практик и экспедиций студентов и преподавателей ВГСПУ за время сотрудничества (с 1993 г.) университета с ИЛИ РАН по федеральной теме «Лексический атлас русских народных говоров». Карты электронного атласа составлены по вопросам «Программы». Нумерация карт соответствует нумерации вопросов «Программы». Ответы на вопросы, визуализированные, представленные в виде диалектологических карт, позволяют проследивать функционирование лексических единиц диалекта в пространственном аспекте, методом рекартографирования [Бородина, 1966; Вендина, 2009] «читать» диалектные лексические карты. Проект находится на стадии разработки, однако уже готовые карты могут служить источником исследования диалектной лексики.

Исследования диалектов конца XX — начала XXI вв. показали, что диалектная лексика как система в целом не только не отмирает под воздействием литературного языка, но и вновь возрождается путем структурных, семантических и функциональных преобразований единиц. Анализ лексики современных диалектов в лингвогеографическом аспекте с использованием информационных технологий расширяет диагностические возможности диалектных карт. Объективно и профессионально и быстро составляемые карты при их сопоставительном изучении служат не только источником исследования структурных, семантических, функциональных особенностей лексических единиц в диалектах, но и помогают прояснить диалектную картину мира в целом, поскольку дают возможность учитывать при исследовании географические (а, следовательно, и культурологические, исторические) факторы формирования диалектной лексики, что, в свою очередь, вносит в клад в разработ-

¹ Подробнее об организации и функциях информационной системы «Лексический атлас Волгоградской области» мы писали в сборнике материалов «Лексический атлас русских народных говоров» 2011 г.

ку методологии лингвогеографических исследований XXI в., описания лингвогеографического ландшафта региона. Особенно актуально исследование диалектной лексики в ареальном аспекте для говоров позднего формирования, переселенческих, каковыми и являются диалекты Волгоградской области.

То, что составление лингвогеографического (или диалектного) ландшафта региона может осуществляться не путём ручного рисования карт, а технически гораздо быстрее, однако, не снимает вопросов теоретического характера. Укажем далее некоторые принципы, которых мы придерживаемся, и методики лингвогеографического исследования говоров Волгоградского региона, опираясь на карты электронного атласа.

Первая особенность исследования лингвогеографического ландшафта любого региона обусловлена современным состоянием говоров русского языка в целом: активное влияние литературного языка на диалекты при исследовании лексической системы говора должно учитываться в большей степени, чем при исследовании других уровней языка.

Рис. 1. Карта 10. «Редкий лес».

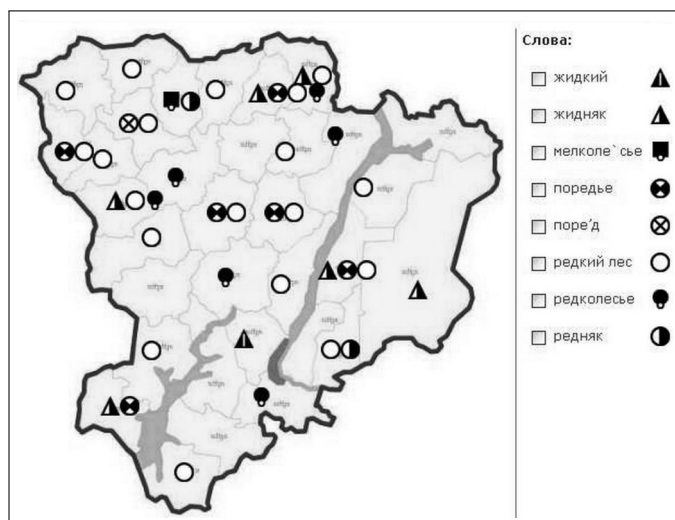
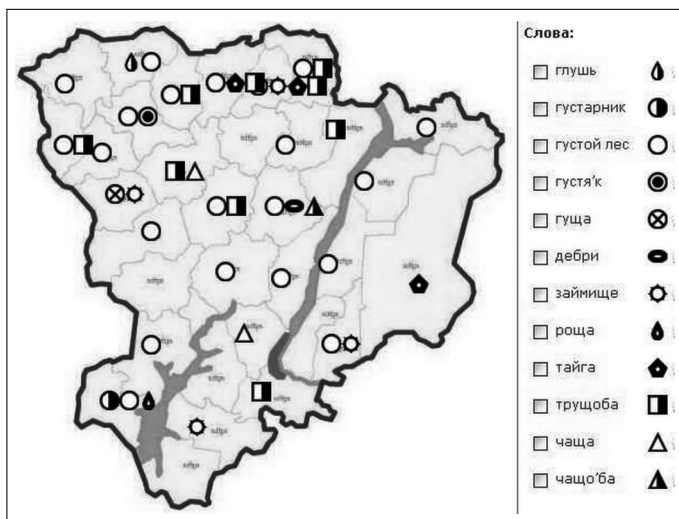
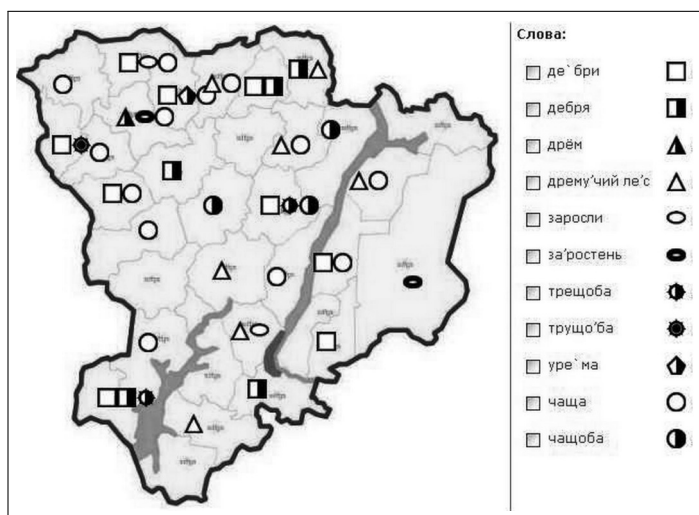

Рис. 2. Карта 11. «Густой лес».

Рассмотрим в качестве примера карты 10 «*Редкий лес*» (рис. 1), 11 «*Густой лес*» (рис. 2), 13 «*Чаща, дремучий лес*» (рис. 3). Описательные общерусские наименования, повторяющие формулировку вопроса, *редкий лес* (в 18 районах области), *густой лес* (в 20 районах области), *чаща* (в 11 районах), *дремучий лес* (в 7 районах) безусловно, доминируют указанных на картах. Более того, мы вполне можем предполагать их бытование и на территории других районов, в которых они пока не отмечены. Наше предположение основано на знании специфики сбора диалектного материала. Исследователь говора задаёт диалектоносителю вопрос о названии того или иного явления или объекта и, получая в ответ наименование, отличное от общерусского, несомненно, записывает его. Однако наличие собственно диалектной номинации ни в коем случае не исключает бытования в говоре общерусского наименования. В другом случае исследователь слышит в ответ общерусское наименование (как правило, полностью или частично совпадающее с формулировкой вопроса) и записывает его, тогда мы видим на карте только общерусское наименование. Последнее, в свою очередь, не исключает наличия

Рис. 3. Карта 13. «Чаща, дремучий лес».

в говоре не зафиксированного пока диалектного наименования. Однако, мы в своём исследовании основываемся на уже имеющихся в настоящий момент в электронной базе атласа данных. Здесь следует упомянуть, что информационная система «Лексический атлас Волгоградской области» является принципиально открытой, т. е. может пополняться материалом ежегодно.

Тезис Л. И. Баранниковой о взаимопроникновении систем литературного языка и диалектов, о необходимости учета и собственно диалектных, и общих элементов в составе диалектной системы становится всё более актуальным с каждым десятилетием с момента его формулировки [Баранникова, 1967, 83]. В современных условиях развития русского языка в сверхинформатизированном обществе, как нам кажется, невозможно изучение лексики говора (в каком-либо аспекте) строго дифференцированно: собственно диалектная и литературная. Дифференцированное описание и картографирование только диалектных различий в отвлечении от общерусских языковых явлений даёт не полное, а лишь фрагментарное знание об устройстве диалектной системы. В нашем исследова-

нии мы осуществляем недифференцированное лингвогеографическое описание лексики говоров волгоградского региона: на карты электронного атласа наносятся и собственно диалектные, и общерусские наименования. В состав общерусских единиц включаются и просторечные, диалектно-просторечные единицы, а также так называемые интердиалектизмы, т. е. слова частотные, квалифицирующиеся в словарях как диалектные с широким ареалом бытования в разных говорах русского языка.

Например, кроме упомянутых выше общерусских наименований, на карту «*Редкий лес*» (рис. 1) нанесены лит. прил. *жидкий*, лит. сущ. *редколесье*. На карты «*Густой лес*» (рис. 2) и «*Чаща, дремучий лес*» (рис. 3), являющиеся по сути синонимичными, — лит. сущ. *чаща*, *чащоба*, *трущоба*, *дебри*, *глушь*.

Вторая особенность, которую мы считаем важным учитывать при исследовании лингвогеографического ландшафта региона, связана с взаимодействием разных диалектных лексических систем друг с другом. Вопрос такого взаимодействия особо актуален на территориях позднего заселения, каковой является территория Волгоградской области.

Как отмечают исследователи говоров Волгоградской области, диалектологическая карта региона не является однородной с точки зрения времени формирования диалектов, не смотря на общий переселенческий характер говоров области. На территории Волгоградской области представлены все три типа переселенческих говоров, описанные Л. И. Баранниковой: (а) ранние переселенческие говоры — донские казачьи южнорусские по своей основе говоры, на западе Волгоградской области; (б) собственно переселенческие говоры — волжские говоры, неоднородные вследствие пестроты заселения, расположенные в центральной и восточной части области; (в) поздние переселенческие говоры — крайние восточные (заволжские) районы Волгоградской области [Баранникова, 1975, 23].

Если говорить конкретно о донских говорах Волгоградской области, необходимо учитывать описанную Р. И. Кудряшовой социальную изоляцию этих диалектов [Кудряшова, 1998], способствующую их еще большей устойчивости к влиянию других диалектных

систем и их большей *престижности* по сравнению с другими окружающими говорами. В отличие от устойчивости, которая ярко проявляется в фонетической и грамматической системах диалекта, престижность говора может быть изучена и проиллюстрирована также лексическим материалом в рамках лингвогеографического исследования региона. Проникновение лексики, традиционно принадлежавшей престижному говору, в говоры окружающие его иллюстрируют, например, лексические системы территориально изолированных говоров Волгоградской области (с. Перещепное Котовского района и с. Крайшево Еланского района), которые в значительной степени переняли лексику окружающих говоров. Особенно это заметно в Крайшево, говор которого соседствует с донскими диалектами (по данным наших экспедиций 2009–2011 гг.).

Исследованию лексики волжских говоров области — пёстрых и неоднородных (в отличие от донских) в значительно большей степени вредит недостаточность собранных данных. Поскольку в одном районе рядом могут располагаться населенные пункты с совершенно разными говорами, то для создания наиболее точной картины необходима проработка максимально большего числа населенных пунктов.

Каким образом учет пестроты или однородности говоров может влиять на построение лексической карты? Например, на карте «*Редкий лес*» (рис. 1) видим наименования *жидняк* и *редняк*, построенные по одной модели и имеющие более одной фиксации: *жидняк* — в 6 районах, *редняк* — в 2 районах. Указанные лексемы упомянуты В. И. Далем в его «Толковом словаре живого великорусского языка» без указания конкретной территории бытования, что, видимо, свидетельствует о широте распространения этих лексем в русском языке XIX в. (Даль, 1, 540; 4, 120), а также зафиксированы в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) со ссылкой на Далея, лексема *редняк*, кроме того, помечена как *прионежская* (СРНГ, 9, 170; 35, 21). На карте «*Густой лес*» (рис. 2) видим единичную фиксацию сущ. *густяк*, не упоминаемого ни в СРНГ, ни Далем и, вероятно, построенного по аналогии (структурное сходство) с первыми двумя (речь об одной словообразовательной модели не может

идти в данном случае, поскольку задействованы разные словообразовательные форманты (-няк- и -як-).

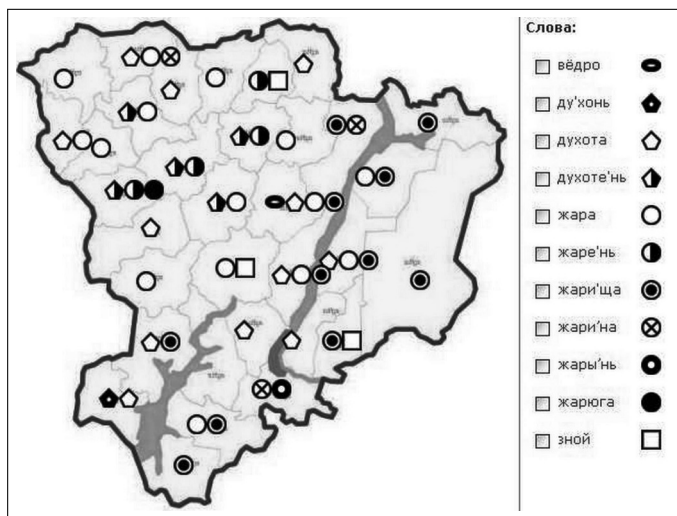
При составлении карты возникает вопрос: оставлять ли на ней единичную лексему *густяк*? Мы считаем, что слово имеет право быть на карте, поскольку (а) его форма поддержана системой языка (т. е. в одной ТГ «Названия леса» имеются подобные по структуре слова) и (б) в условиях переселенческих говоров вполне возможно его единичное бытование. Безусловно, в данном случае необходима дополнительная информация, подтверждающая бытование этого слова.

Далее рассмотрим более конкретные методики и результаты работы с лексическими картами электронного атласа.

Поскольку вопросы «Программы» представляют ту или иную часть действительности детально, подробно, следовательно, система электронного атласа позволяет картографировать и проследить на картах (при их сопоставлении) функциональные особенности лексем в говорах региона, отслеживать их семантические изменения и структурные преобразования, реализованные в пространстве диалектологической карты. Анализируемые лексемы, часто фиксируются более чем на одной карте (на двух или даже трёх). Это свидетельствует о большом семантическом объёме и семантическом варьировании лексем в диалекте. Следовательно, семантическое варьирование необходимо проследить по нескольким лексическим картам. Структурные же преобразования, результаты словотворчества диалектоносителей возможно проследить по одной отдельной карте. Однако сопоставление карт, отражающих какой-либо один более или менее объёмный сегмент действительности, позволяет выявить новые особенности функционирования явлений словообразования в диалектах.

Итак, параллельный анализ нескольких диалектных лексических карт, позволяет делать выводы об особенностях семантики как общерусских, так и собственно диалектных лексем в говорах региона. Такой анализ позволяет проследить по картам лексико-семантические варианты единиц, в том числе видеть появление в говорах ареалов значений общерусских лексем, отличных от литературных

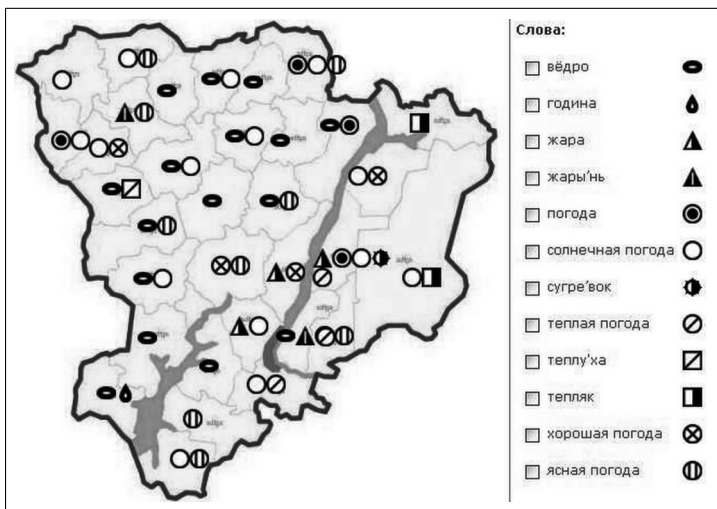
Рис. 4. Карта 532. «Жаркая погода, жара, зной».

словарных.

Например, рассмотрим слово *жара* на разных картах атласа. На карте 532 «*Жаркая погода, жара, зной*» (рис. 4) лексема показывает 15 фиксаций по всей территории области, где предстаёт в своём общерусском значении (ср. лит.: 'высокая температура воздуха, нагретого солнцем, зной' (МАС, 1, 472)). На карте 531 «*Ясная, солнечная погода*» (рис. 5), видим небольшой его ареал лексемы *жара* в восточной части области (в Быковском, Городищенском и Дубовском районах). На карте же 533 «*Засушливая погода, засуха*» (рис. 6) лексема *жара* помимо двух отдельных фиксаций в восточных районах области также образует ареал, но уже на юге (Котельниковский, Октябрьский, Светлоярский, Суrowsикинский, Чернышковский). Последние два значения лексемы *жара* ('ясная погода' и 'засушливая погода') отнюдь не являются литературными, а сформировались в диалектах. «Диалектность» этих значений доказывается наличием их ареалов на карте, т. е. территориального ограничения. Несколько фиксаций в виде компактного ареала исключают возможность случайности и окказиональности значения зафиксированного слова.

Рис. 5. Карта 531. «Ясная, солнечная погода».

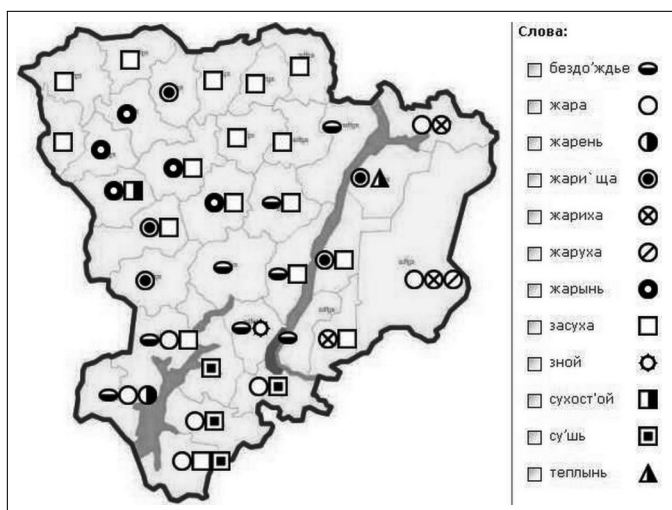

Лексико-сематические варианты лексем, представленные картах, показывают разные ареалы: общерусские значения лексем, как правило, распространены повсеместно на территории региона; значения же, стоящие вне литературной нормы, образуют ареалы (что свидетельствует об устойчивости значения) или показывают немногочисленные разрозненные фиксации (что говорит о неустойчивости, переходном характере значения слова).

Помимо прослеживания по картам лексико-семантических вариантов лексем в говорах, безусловно, информативным оказывается сопоставление карт в плане наличия или отсутствия ареалов и количества фиксаций единиц относительно других, присутствующих на карте.

Например, устаревшее и просторечное (в литературном языке) (МАС, 1, 145) существительное *вёдро* 'ясная солнечная погода', согласно карте 531 «Ясная, солнечная погода» (рис. 5), распространено повсеместно на территории области (16 фиксаций). Практически везде на карте лексема *вёдро* фиксируется совместно с одним из составных общерусских наименований, что, как нам кажется, вытека-

Рис. 6. Карта 533. «Засушливая погода, засуха».

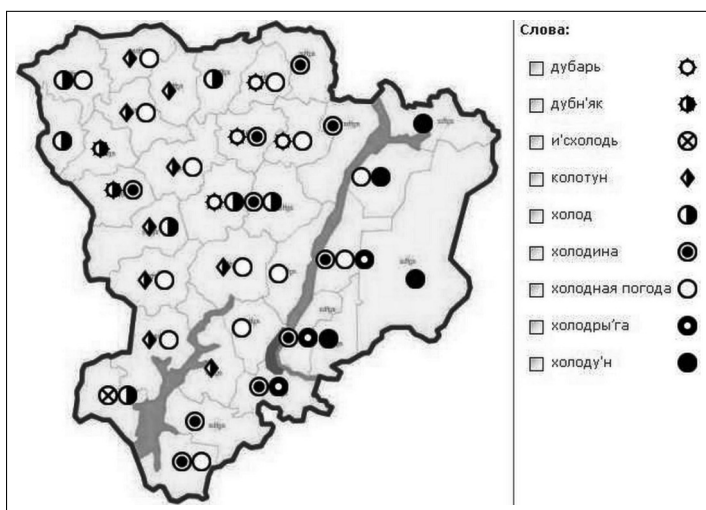
ет из функциональных особенностей этой лексемы как устаревающей: параллельно с ней функционирует наименование, относящееся к активному словарю. Тем не менее, следует отметить большое количество фиксаций этой лексемы наравне с общерусскими наименованиями, что может свидетельствовать в пользу большей её активности в диалектах в целом, нежели в литературном языке.

Практически на всех рассмотренных картах наряду с повсеместным распространением общерусских лексических единиц (такой пример описан выше) мы наблюдаем иные варианты их локализации.

Первый вариант — образование ареалов словами, входящими в состав литературного лексикона. Так, например, на карте 533 «Засушливая погода, засуха» (рис. 6) вырисовывается ареал общерусской лексемы *сушь* в 4-х южных районах области к востоку от реки Дон; на карте 532 «Жаркая погода, жара, зной» (рис. 4) видим ареал разг. слова *жарища*.

Второй вариант — общерусское наименование не образует на карте ареала, а показывает небольшое количество разрозненных

Рис. 7. Карта 535. «Холодная погода».

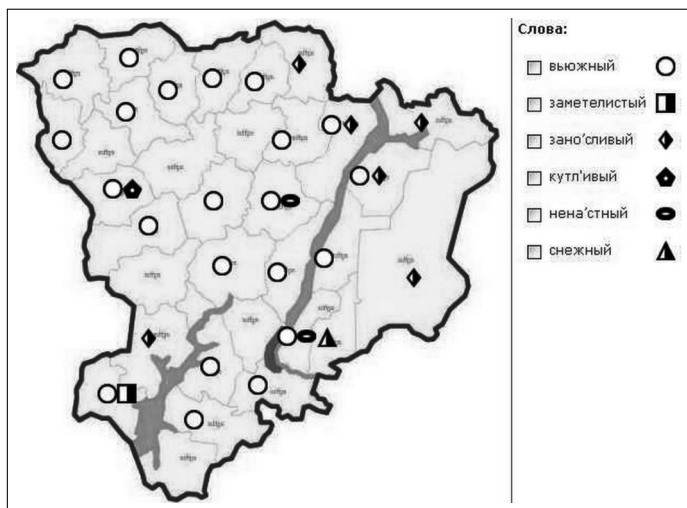

фиксаций в разных частях области, как, например, существительное *зной* 'жаркая погода, жара' на карте 532, или составное наименование *хорошая погода* 'ясная, солнечная погода' на карте 531. Образование общерусскими наименованиями ареалов или разрозненные единичные фиксации на территории региона, как нам кажется, свидетельствуют о функциональных особенностях слова в речи диалектоносителей: возможных семантических оттенках, отличиях в сочетаемости или стилистической нагрузке, которые могут быть выявлены при дополнительном обследовании говоров.

Далее приведем несколько примеров анализа явлений словообразования путём рекартографирования лексической карты.

Появление новых единиц и развитие вариантов различного характера — яркая особенность говоров позднего формирования [Баранникова, 1975; Вендина, 2010]. Словообразовательно варьирование лексики является ярким примером этого тезиса. Более того, мы заметили, что в поздних переселенческих говорах (восточные районы области) чаще образуют ареалы именно структурные варианты лексем, нежели семантические варианты.

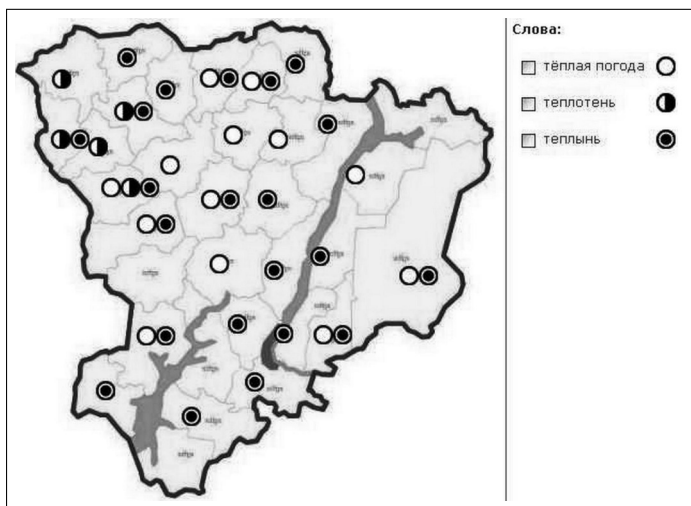
Рис. 8. Карта 548. «Сопровождаемый метелями, вьюжный (день, погода)».

Рассмотрим карту 535 «Холодная погода» (рис. 7). Существительное *холодина* на этой карте показывает 10 фиксаций преимущественно в восточной части региона, в собственно переселенческих говорах (словарь С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой фиксирует его как разговорное со значением «очень сильный холод» (Ожегов, 1999, 866), МАС не фиксирует). В крайних восточных районах (Ленинский, Николаевский, Палласовский, Старополтавский) видим 4 фиксации словообразовательного варианта *холодун* (можем предположить, что слово это образовалось под действием влияния лексемы *колотун*, которая тоже зафиксирована на рассматриваемой карте). Ареалы этих лексем практически не пересекаются (за исключением двух районов). Здесь же (крайние юго-восточные районы — Быковский, Светлоярский, Среднеахтубинский) сконцентрированы три фиксации лексемы *холодрыга* (прост. «сильный мороз, пронизывающий холод» (Ожегов, 1999, 866), МАС не фиксирует).

Необходимо отметить, что лексемы *холодина*, *холодрыга*, *холодун* не упоминаются в словаре Даля, что свидетельствует, как нам

Рис. 9. Карта 534. «Теплая погода».

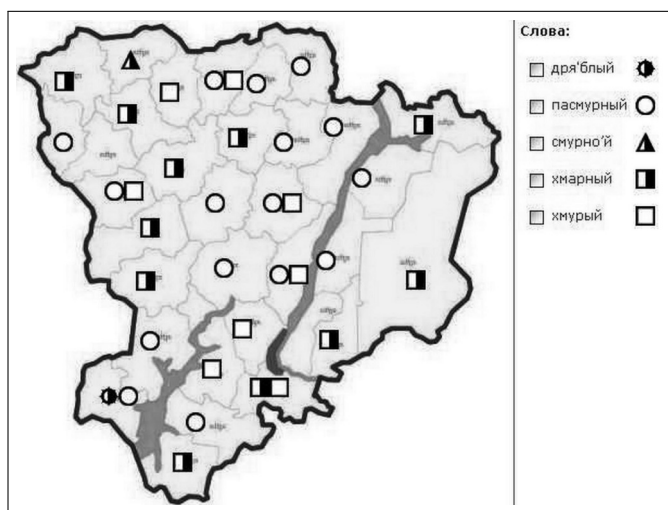

кажется, об их более позднем образовании. Отсутствие же слова *холодун* кроме того и в словарях литературного языка (с пометой *разг.* или *прост.*) доказывает, по нашему мнению, еще более позднее его образование по сравнению с двумя другими рассмотренными единицами.

Жизнеспособность диалектов и активное словотворчество их носителей ярко иллюстрируется наличием в тематической лексике говоров отдельных единиц и, более того, словообразовательных моделей на месте лакун литературного языка. Снова примеры этого мы видим на карте в восточной части волгоградского региона, на территории волжских говоров.

На карте 548 «Сопровождаемый метелями, вьюжный (день, погода)» (рис. 8) наблюдаем ареал прилагательного *заносливый*, образуемый 5 фиксациями на востоке и северо-востоке области. Модель образования прилагательных с суффиксом *-лив-*, реализующим словообразовательное значение «склонный к чему-либо, характеризующийся наличием в большой степени чего-либо, названного мотивирующим словом» (Ефремова, 252) (по типу общерус-

Рис. 10. Карта 546. «Пасмурный (день, погода)».

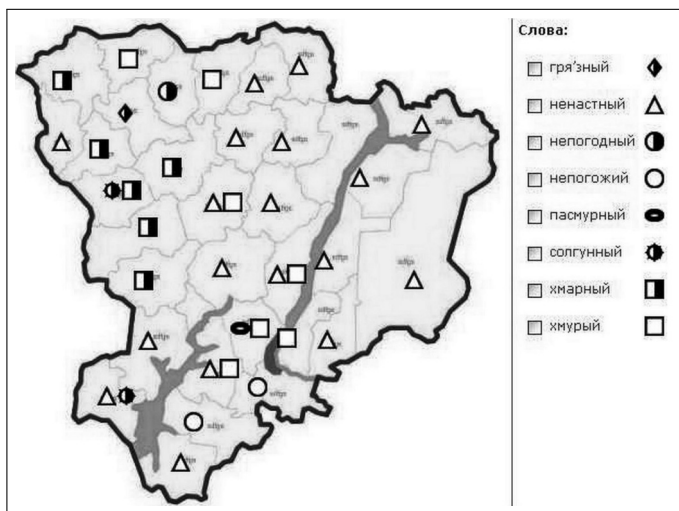

ских *дождливый, засушливый*) регулярна и продуктивна в диалектной метеорологической лексике. Так, в метеорологической лексике донских говоров ранее нами описаны прилагательные *мочливый, можливый, кутливый, масливый* [Кузнецова, 293]. Прилагательное *заносливый* отмечается СРНГ со значениями «относящийся к заносу, Пск., Твер.», «клонящийся к ненастью (о погоде), Вят.», т. е. в среднерусских и севернорусских говорах (СРНГ, 10, 284), откуда, вероятно, и пришло в поздние переселенческие диалекты Волгоградской области. Эта лексическая единица восполняет в диалектах лауну литературного языка: «прилагательное, характеризующее погоду, день и пр. по реализации действия, названного глаголом заносить».

Судя по обработанным данным атласа, на территории поздних переселенческих говоров фиксируется большая часть новообразованных лексем. Как правило, это образования от общерусских корней по общерусским словообразовательным моделям.

Карты атласа позволяют проследить различные варианты ареальной репрезентации словообразовательных моделей (как обще-

Рис. 11. Карта 547. «Ненастный (день, погода)».

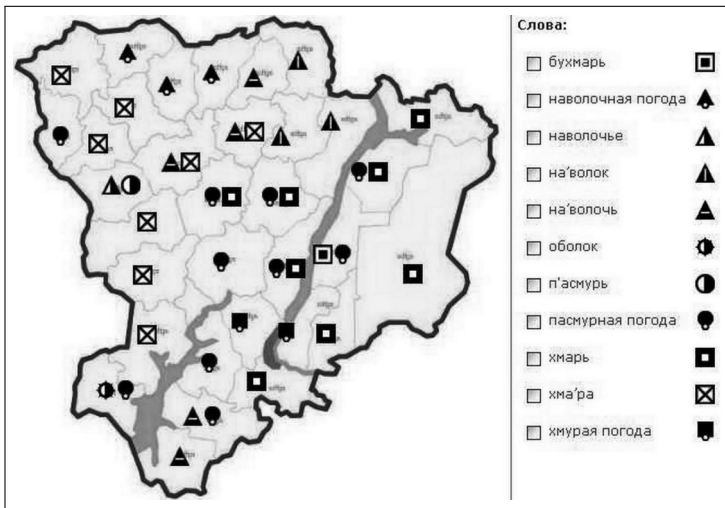

русских, так и собственно диалектных) и словообразовательных гнезд (однокорневых наименований) в лексике говоров региона. Мы предлагаем методику сопоставления ареалов близких по значению и структуре лексем на разных картах.

Рассмотрим карту 532 «Жаркая погода, жара, зной» (рис. 4). Среди других наименований явления, обозначенного в названии, на карте отмечено существительное *жарёнь*. Оно показывает 4 фиксации в граничащих друг с другом районах области (Руднянский, Даниловский, Михайловский, Кумылженский), образуя непрерывный ареал, протянувшийся с северо-востока на юго-запад в северной части области. На этой же карте видим существительное *духотёнь*, показывающее 5 фиксаций в соседних районах, также образующее непрерывный ареал. 3 из 5 его фиксаций (Даниловский, Михайловский, Кумылженский районы) пересекаются с фиксациями лексемы *жарёнь*.

На карте 534 «Теплая погода» (рис. 9) зафиксировано существительное *теплотёнь*, также образующее ареал в северо-западной части области (в 5 районах — Алексеевский, Кумылженский, Неха-

Рис. 12. Карта 538. «Пасмурная погода».

евский, Новоаннинский, Урюпинский). Как видим, ареал лексемы *теплотень* пересекается в двух районах с ареалами существительных *жарень* и *духотень*.

Параллельный анализ двух карт даёт нам возможность видеть, что ареалы *духотень* и *жарень* практически совпадают, и частично пересекаются с ареалом *теплотень*, что говорит об активности словообразовательной модели существительных женского рода на *-ень* в северной части Волгоградской области (преимущественно северо-запад). Предполагаем, что указанные лексемы образованы от основы существительных (*жара*, *духота*, *теплота*) прибавлением форманта *-ень*. По данным «Русской грамматики» [АГ-80] и «Толкового словаря словообразовательных единиц» Т. Ф. Ефремовой, в литературном языке нет соответствующей словообразовательной модели.

Интересен тот факт, что ни в МАС, ни в СРНГ, ни в словаре В. И. Даля не фиксируются образования на *-ень* с указанными корнями. Это может свидетельствовать о недавнем появлении рассмотренной словообразовательной модели. Формы *красотень*, *жарень*, *духотень*, *вкуснотень* и т. п. функционируют в современной разго-

ворной речи и просторечии; образование ареала рассмотренными лексемами и территориальная закреплённость словообразовательной модели свидетельствуют о «диалектности» словообразовательной модели и особенностях функционирования единиц в говорах.

Итак, в проанализированном случае мы имеем дело с ситуацией, когда на разных лексических картах пересекаются ареалы слов, построенных по одной словообразовательной модели. В результате мы считаем возможным говорить об *ареале словообразовательной модели*, не активной в литературном языке, но активной в просторечии, разговорной речи и диалектах.

Далее проследим по нескольким лексическим картам ареальную репрезентацию группы лексем с корнями *-хмар-* и *-хмур-* (*хмарный*, *хмурый*, *хмареть*, *нахмаривать*, *хмуриться*, *нахмуриваться*), которые в сознании современных носителей диалектов, как нам кажется, осознаются как родственные по происхождению и близкие (а иногда и совпадающие) по значению. Одним из доказательств являются, например, высказывания информантов типа: «*Хмарна — эта значит пасмурна, хмура...*» (СДГВО, 628).

В лексикографических и этимологических исследованиях мнения ученых по поводу происхождения и родства корней *-хмар-* и *-хмур-* расходятся. М. Фасмер пишет о разном происхождении этих корней, (Фасмер, 4, 249). П. Я. Черных, говорит о родстве прилагательного *хмурый*, с белорусским *хмарны* и о происхождении этих корней от одной и.-е. базы (s)mau-go- (Черных, 2, 345). В словаре В. И. Даля в заглавие словарной статьи вынесен глагол *хмарить* «замолаживать, заволакивать, становиться пасмурным». Статья объединяет корни *-хмар-*, *-хмур-*, *-хмыр-* и *-хмор-*, следовательно, Даль, относит все перечисленные корни к одному словообразовательному гнезду (Даль, 4, 554). По данным рассмотренных источников, лексем с корнями *-хмар-* и *-хмур-* с момента возникновения функционировали с близкими или совпадающими значениями как в области метеорологической лексики, так и в области лексики, характеризующей человека.

Безусловно, информативными для анализа функционирования рассматриваемых корней в диалектах являются лексические карты,

детально отражающие отрезок действительности, связанный с метеорологией. На карте 546 «Пасмурный (день, погода)» (рис. 10) видим, что прилагательное *хмарный* распространено практически на всей территории области (11 фиксаций), кроме центральной части. В центральной же части региона полосой с севера на юг фиксируется общерусское прилагательное *хмурый* (в лит. знач. «пасмурный, сумрачный») (МАС, 4, 609).

На карте четко видно, что ареалы *хмурый* и *хмарный* практически не пересекаются (кроме одновременной фиксации в Светлоярском районе), они дополняют друг друга, компенсируют, охватывая в целом всю территорию области. Ареал прилагательного *хмурый* рассекает ареал прилагательного *хмарный* на две части. При этом в большинстве районов видим одновременные фиксации рассмотренных прилагательных с общерусским *пасмурный*, следовательно, судя по данным карты, возможно параллельное функционирование *хмурый/пасмурный*, *хмарный/пасмурный*, но невозможно *хмурый/хмарный*. На востоке же области (в поздних переселенческих районах) лексема *хмарный* фиксируется в качестве единственного наименования, отсутствуют фиксации общерусских *пасмурный* и *хмурый*.

На карте 547 «Ненастный (день, погода)» (рис. 11) также зафиксированы обе рассматриваемые лексемы. Прилагательное *хмарный* здесь показывает 6 фиксаций, в западной части региона, *хмурый* — 7 фиксаций в центральной части области. Хотя ареалы прилагательных *хмарный* и *хмурый* не охватывают на карте 547 всю территорию области, однако они, также как и на предыдущей карте, не пересекаются, являясь компенсирующими по отношению друг к другу.

Ареалы обоих прилагательных на обеих картах практически совпадают, что свидетельствует об устойчивости указанных прилагательных в этой местности, и в первом, и во втором значении: 'пасмурный' и 'ненастный'.

Анализ других карт атласа также показал непересечение ареалов однокоренных лексем, например, на карте 538 «Пасмурная погода» (рис. 12) видим севере области (9 районов) объединенный ареал наименований с корнем *-волок-/волоч-* (*наволок, наволочь, на-*

волочная погода), который образован тремя небольшими (по 3 фиксации каждый) ареалами, расположенными рядом. Они контактируют, но не пересекаются друг с другом (пересекаясь при этом с наименованиями от других корней).

Подобные явления, как нам кажется, доказывают, что в сознании носителей диалектов эти единицы дублируют друг друга, осознаваясь как родственные и близкие (или равные) по значению. Напротив: если бы мы видели преобладание параллельных фиксаций в одних и тех же пунктах однокоренных лексем, это свидетельствовало бы об их дифференциации в речи (различиях в семантике, стилистике и т. п.).

Таким образом, диагностические возможности лексических диалектных карт широки и позволяют анализировать лексику говоров в различных аспектах. Материал, визуализированный в виде карты, в большей степени даёт возможность комплексного взгляда на жизнь диалектов, возможность учета экстралингвистических факторов их развития. Так, с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов, особенностей региона, возможно составление его лингвогеографического ландшафта путём картографирования лексики с последующим комментированием карт, углубленным анализом единиц и их ареалов в рамках региона, с привлечением диалектного материала других областей России. Одновременно сам электронный атлас может служить источником информации при исследовании говоров других регионов.

Литература и лексикографические источники

Баранникова Л.И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания, 1975. №2. С. 22–31.

Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967.

Бородина М.А. Проблемы лингвистической географии (На материале диалектов франц. яз.). М.-Л., 1966.

Вендина Т.И. К вопросу о диагностических возможностях карты // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009 /ИЛИ РАН. СПб., 2009. С. 7–30.

Вендина Т. И. Русские диалекты в настоящем и будущем: социокультурный аспект // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010 /ИЛИ РАН. СПб., 2010. С. 6–38.

Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообразов. Единиц — 2-е изд., испр. М., 2005.

Кудряшова Р. И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области): монография. Волгоград, 1998.

Кузнецова Е. В. Мотивационный потенциал диалектного слова (на материале метеорологической лексики донских говоров): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.

Лексический атлас Волгоградской области. <http://dialekt.vspu.ru/node/2/> (дата обращения: 25.01.12).

Орлов Л. М. Русские говоры Волгоградской области: Учеб. пособие. Волгоград, 1984.

Диалектный ландшафт Щербиновского района Краснодарского края*

(по материалам полевой экспедиции)

О. Г. Борисова, Л. Ю. Костина

В июле 2012 года была проведена полевая экспедиция в Щербиновский район Краснодарского края, в ходе которой обследовались говоры следующих населённых пунктов: станиц Старощербиновской (1794 г.) и Новощербиновской (1821 г.), сёл Глафировка (1784 г.), Ейское укрепление (1768 г.), Екатериновка (1796 г.), Николаевка (1824 г.), Шабельское (1783 г.), хутора Молчановка. Изучение языковой ситуации в районе показало, что степень сохранности говора в разных населённых пунктах неодинакова. Заметно нивелировал диалект станицы Старощербиновской — одной из старейших казачьих станиц края, которая была основана казаками как куренное селение Щербиновское. Отчасти причиной разрушения традиционного диалектного континуума явился голодомор 1933–34 гг., когда в станице погибло около 18 тысяч человек. Впоследствии в Старощербиновскую переселялись жители других населённых пунктов Краснодарского края. Другим экстралингвистическим фактором, объясняющим размывание диалекта, является статус станицы как административного центра Щербиновского района, образованного в 1966 г. [География Кубани]. Современные жители станицы Старощербиновской в подавляющем большинстве своем подчёркивают приоритетность русского литературного языка. Довольно часто нам приходилось фиксировать следующее высказывание: *Мы ни балáкаим — мы разгавáриваим*. Диалектную речь можно было услы-

* Статья публикуется при поддержке гранта РГНФ № 12-04-00184.

шать, как правило, только от представителей старшего поколения. Однако в пассивном запасе коренных старощербиновцев продолжают оставаться многие диалектные слова и устойчивые сочетания. Возможно, этому в некоторой степени способствуют возрождение казачества, работа местного музея и краеведов, многие из которых являются потомственными казаками (Д. И. Бублик, В. М. Мудрак, Ю. А. Сковорода).

В других сёлах и станицах района местный диалект проявил большую устойчивость, на что указывали и сами люди, советуя нам записывать говор не в районном центре. Следует отметить, что практически все наши информанты осознают свою речь как естественную, привычную, в то время как говор соседей порождает смех и желание передразнить. Так, очевидную иронию вызывает выговор жителей Ейского укрепления, которые не *балакают*. Фраза *Чабák как тарéлка* является своеобразным устойчивым выражением, отражающим характерные фонетические черты речи жителей этого села, которое здесь называют *городок*: спорадическое яканье и веляризация [р] перед гласными переднего ряда. В свою очередь ейукрепленцы, или, по-местному, *горожане*, считают: *Мы чiста гавóрым*. Необходимо подчеркнуть, что в говорах Кубани оппозиция *балакать* ‘говорить на местном диалекте, имеющем украинскую языковую основу’ — *говорить* ‘говорить на местном диалекте, имеющем южнорусскую языковую основу’ достаточно устойчива. Подобная языковая ситуация наблюдается и в Щербиновском районе. Отличия фонетических особенностей, мелодики речи, речевое поведение в целом создают своеобразный лингвистический ландшафт изучаемой территории.

Что касается лексики и фразеологии, которые были основным объектом исследования, то, как показывают наблюдения, большинство слов и ФЕ входит в общекубанский лексико-фразеологический пласт. Традиционно наиболее наполненными являются тематические группы, отражающие географические, климатические, природные особенности района, хозяйственную деятельность, быт.

Запад и север Щербиновского района омываются водами Ейского лимана и Азовского моря, села Сёла Ейское укрепление, Нико-

лаевка, Глафировка, Шабельское, хутор Молчановка расположены на их берегах, поэтому многие жители из поколения в поколение занимались и продолжают заниматься рыбной ловлей — *рыбалыть*, в том числе профессионально: *робыть в рыбаках*. В активном словарном запасе наших информантов находятся многие диалектные лексические единицы, относящиеся к ТГ «Рыболовство». См., например, названия рыб: *бѣлая ры́ба* ‘частиковые рыбы: лещ, судак, чехонь и др.’, *бокивня́к* ‘судак среднего размера’, *ко́роб*, *шара́н* ‘сазан’, *кочега́р* ‘рыба бычок чёрного цвета’, *кругля́к* ‘кефаль’, *ма́мка* ‘икряная рыба’, *пидсу́лок/подсу́лок*, *чо́пник* ‘судак небольшого размера’, *ры́ба* ‘рыба’, *ры́бчик* ‘рыбец’, *са́бля*, *чехня́* ‘чехонь’, *сула́* ‘судак’, *тара́нька* ‘тарань’, *чеба́к* ‘лещ’, *чекома́с* ‘окунь’, *пласто́к* ‘рыба, разрезанная вдоль спины’. Большой улов в с. Глафировка называют *орѣл*: *Сѣдня арѣл*.

Рыба и блюда из нее продолжают оставаться важной частью рациона шербиновцев. Многие старожилы признаются, что в *голодовку* выжили именно благодаря рыбной ловле. Были записаны некоторые диалектные наименования рыбных блюд и способов приготовления рыбы: *жучо́к* ‘мелкая рыба, засоленная с вечера и поджаренная на следующий день или через два-три дня без муки’: *Жучёк засолюют и жа́рят без муки, цэ са́ма вку́сна ры́ба* (с. Глафировка); *икря́ники* ‘оладьи из икры’: *Икря́ник — котле́та из икры́, как ала́дьи; коренна́(я) ры́ба, ры́ба в ко́рень*, ‘рыба, засоленная в крепком рассоле’, *солю́ть в ко́ре[э]нь* ‘солить рыбу в крепком рассоле’: *Ры́ба в ко́рэнь — с укро́пом, га́нус, с лы́сьтями вѣшнѣ. Оцэ па́хнэ. Три часа́ соли́ла* (с. Глафировка); *А салѣли, называ́ли «в ко́ринь»*. *Рассо́л де́лаица пагу́ци, и ана́ вот «каринна́я ры́ба» гаваря́т. Каринна́ ры́ба* (с. Шабельское); *пробо́и* ‘жареная рыба икра’: *Жа́рым мишо́чик из икры́ в плѣначки, цэ прабо́и* (с. Глафировка); *струганѣ́на* ‘маринованная рыба’: *Струга́ни́на — цэ ма́рынѣвана ры́ба* (с. Глафировка). В станице Новошербиновской даже кубанский борщ варят с красными карасями, которых предварительно прижаривают и бросают в кипящее блюдо.

Разнообразны наименования рыболовных снастей и снаряжения рыбака. См., например: *аха́н*, *оха́н* ‘ставная крупноячеистая

сеть, которой ловят красную рыбу’, *баба́йки* ‘вёсла’, *волочо́к* ‘небольшая сетка, сачок’, *габа́* ‘провода для протягивания верёвки подо льдом во время подлёдного лова’, *глы́чка* ‘челнок для вязки сетей’, *деля́*, *деля́ка* ‘сетное полотно’, *де́мень* ‘подвесной руль моторной лодки’, *каю́к*, *каючо́к* ‘лодка’, *кука́н* ‘бечева, на которую нанизывают пойманную рыбу’, *лещэ́та* ‘приспособление, на которое вешают посуду’, *накы́дка* ‘круг с сеткой, чтобы накрывать рыбу; большой сачок’, *несочка* ‘рыболовная сеть из тонкой нити’, *пихти́рь* ‘мешок из сетки для рыбы’, *посу́да* ‘верёвки, крюки для ловли крупной рыбы’, *ра́ма* ‘деталь рамчатой сети, квадратная ячея из шнура’, *рэ́жка* ‘сетное полотно с крупной ячеей в двустенной сети’, *те[э]льма́к* ‘палка с крючком, чтобы брать крупную рыбу’, *шост* ‘шест, используемый как весло’. Диалектными наименованиями снаряжения рыбака являются *забрóды*, *чэ́боты* ‘высокие рыбацьи сапоги’, *кобинзо́н* ‘прорезиненный комбинезон для рыбалки’. Зафиксирован глагол *буртижа́ть* ‘лабировать против ветра на парусной лодке’. В с. Глафировка были записаны лексемы, номинирующие особенности местного берегового рельефа: *перебо́ина* ‘расстояние между двумя частями Глафировской косы’: *Андрóнова пэрэбо́ина — цэ разóрванная коса́*; *дзэ́нзык* ‘край косы’: *На дзэ́нзыку, там, где пэрэбо́ина*; *миля́к* ‘мель, отмель’: *Миля́к — цэ обры́в упáл из глы́ны*.

Как известно, погодные условия — важная составляющая удачной рыбной ловли. Общерусское существительное *пого́да* во многих русских говорах представляет собой энантиосемант. Не являются исключением и диалекты изучаемого района. См. записанные контексты: *На мо́рэ пого́да, цэ нызо́вка, во́ду вы́гнало. — Пого́да — цэ хоро́ша пого́да*. Были отмечены и другие лексические единицы, номинирующие погодные условия: глаголы *куры́ть* ‘мести (о позо́мке)’, *мыгы́чить*, *мрячи́ть* ‘моросить (о дожде и снеге)’, существительные *жарю́ка* ‘сильный жар’, *морозя́ка* ‘сильный мороз’, *ме[э]рэ[э]жка* ‘мелкий дождь’, *мыжы́чка* ‘мелкий холодный дождь’. В станице Новошербиновской информант Ф. А. Каламбет (1935 г. р.) дал лексеме *мыжы́чка* народное толкование, отражающее важные для носителей диалекта характеристики этого природ-

ного явления: *Мыжычка — та, шо забырае лошат. Оны мочуця и прибáлюют.*

Улов также во многом зависит от направления ветра, его силы, вследствие чего для говоров данной территории характерна дифференциация наименований ветров, приводящая в образованию гиперо-гипонимической парадигмы с гиперонимом *ветер, вите*[э]р и различными гипонимами: *верховый* ‘1) восточный ветер’ (хут. Молчановка); ‘2) ветер с суши’ (с. Глафировка), *верховина* ‘северный север’ (ст-ца Новошербиновская), *заходный* ‘западный ветер’ (хут. Молчановка), *крымунтан* ‘северный ветер’ (хут. Молчановка, с. Глафировка), *нызовка* ‘1) западный ветер’ (хут. Молчановка); ‘2) ветер с моря’ (с. Глафировка); ‘3) южный ветер’ (ст-ца Новошербиновская), *со сте*[э]ну, *жабрик* ‘южный ветер’ (хут. Молчановка), *щербиняк* ‘ветер со стороны станица Старошербиновской’ (с. Глафировка).

Помимо рыбной ловли жители района традиционно занимаются сельским хозяйством. На *городах* выращивают *баклажаны* ‘помидоры’, *картоплю*, *квасоль/квасоллю*, *моркву*, *окроп* ‘укроп’, *орох* ‘горох’, *рипу* ‘топинамбур’, *синенькие* ‘баклажаны’, *сонях*, *соняшник*, *сбешник*, *сояшник*, ‘подсолнух’, *цибулю* ‘лук’, *часнык*. К диалектным наименованиям фруктовых деревьев относятся *баргарбона* ‘сорт черешни’, *вишня*, *бочоночек*, *кубышечка* ‘сорт сливы’, *майка* ‘сорт ранней вишни’, *медовка* ‘сорт сладкой сливы’, *раечка* ‘сорт яблони с мелкими плодами’, *склянка* ‘сорт вишни’, *шпанка* ‘сорт крупной вишни’. Среди наименований домашних животных зафиксированы следующие диалектизмы: *бугай* ‘бык-производитель’, *вутка*, *качка* ‘утка’, *гуска* ‘гусыня’, *индюк* ‘индюк’, *качур*, *утак* ‘селезень’, *квочка* ‘наседка’, *кнур*, *хряк* ‘некастрированный кабан’, *кроль*, *трус* ‘кролик’, *крольха*, *труска* ‘крольчиха’, *курчата* ‘цыплята’, *лошак* ‘жеребёнок до двух лет’, *пе*[э]рвитка ‘первотелка, животное, впервые давшее приплод’, *стригун* ‘лошадь на третьем году жизни’. В с. Глафировка были записаны подзывные для утят *тани-тани-тани*, для гусей *гуси-гуси-гуси*, для кур *типа-типа-типа*, для цыплят *типули-типули-типули*. Животных отгоняют словом *гыля*. Узколокальным синони-

мом общерусского междометия *брысь* является *дзу*, функционирующее в с. Глафировка.

Одним из главных элементов материальной культуры любой этнической общности является жилище. Тип традиционного сельского жилища кубанских казаков — это комплекс признаков, характерных для жилых построек данного субэтноса в разные периоды его этнической истории. Специфическим для Кубани, как и для Дона, наименованием жилища человека являются фонетические варианты *курень*, *куринь*, отражающие живой фонетический процесс в кубанских говорах (ср. *лето* — *лито*). Существительное *курень* зарегистрировано в толковом словаре русского языка в следующих значениях: ‘1) *обл.* шалаш, сторожка (на огородах, бахчах и т. п.); 2) *обл.* жилой дом в некоторых местах Украины и в казачьих станицах на Дону; 3) *ист.* отдельная часть Запорожского войска, а также военный стан такой части (с 1600 г. до половины XVIII в.) (МАС, 2, 152). Функционирование данного лексического диалектизма в речи жителей Щербиновского района позволяет выявить 3 ЛСВ: ‘1) казачье поселение, станица; 2) казачья хата; 3) шалаш в степи’.

Повсеместно употребляемым в районе синонимом диалектизмов *курень*, *куринь* во втором значении выступает слово *хата* — ‘жилище в одну или две комнаты из самана’. Саман в данной местности часто называют *цёглой*, а кирпич — *кámнем*, соответственно, дома из кирпича — *кáменными*. Этнографы отмечают, что в восточных районах края примерно с 80-х гг. XVIII в. широко распространяются *кру́глые дома́*, состоящие из трёх жилых помещений с двумя входами; подобные постройки были особенно характерны для крупных торговых станиц (Кавказской, Темижбекской, Прочнокопской и др.) [ср. Кубанские станицы 1967, 119]. В станице Новощербиновской устойчивое сочетание *кру́глый дом* находится в активном словарном запасе и в наши дни. Первой фразой, которую мы услышали в станице, был ответ на вопрос, где найти старожила станицы казака Бехтеря: «*Бíля стоянки* (‘остановка автобуса’) *в кру́глом до́ми жыве́т*». Лексема *дом*, являясь в литературном языке нейтральной, в местном диалекте в целом несёт положительную коннотацию, актуализируя в сознании жителей Кубани семы ‘бога-

тый', 'добротный', 'большой'.

Диалектными наименованиями частей дома или хаты являются следующие лексические единицы: *виконница* 'ставня', *глух(я) стена* 'стена дома или хаты без окон', *горйще, горйще* 'чердак', *долівка* 'земляной пол', *дымарь* '1) печная труба; 2) дымоход', *ляда* 'дверца на чердак', *порбжок* 'ступени крыльца', *пробныч* 'засов', *сте[э]ля* 'потолок', *шыбка* 'стекло оконной рамы'. Достаточно полно представлена лексика, характеризующая сельское подворье: *бассейня* 'зацементированная или обложенная кирпичом яма во дворе для сбора воды', *винбарь* 'амбар', *груба, ка(о)быця* 'печь во дворе', *курнык* 'куратник', *лыска* 'плетённый забор', *погребнык* 'надстройка над погребом', *половник* 'сарай для хранения половы', *сажык/сажок, свининец* 'помещение, где содержат свиней', *тынок* 'забор из камыша или мелкого хвороста', *фйрточка, хвйрточка* 'калитка'.

Весьма масштабно в говорах Щербиновского района представлены структурные варианты, что объясняется устной формой существования диалектов и отсутствием кодифицированных норм. Традиционно под структурным (формальным) варьированием слова понимается его способность иметь несколько лексем. Структурному варьированию подвергаются как общерусские, так и диалектные лексемы.

Приведём некоторые примеры структурных вариантов общерусских слов, зарегистрированных в изучаемом диалекте. Акцентологические варианты: *дочка́, зо́ла, корбмысло, крбватъ, очки, хлопок* и др.; фонематические: *бумазе́я — помазе́я, кероси́н — карасы́н, коридо́р — колидо́р, колиндо́р, куви́ин — ку́шин, крепжоржэ́т — кре[э]пжоржэ́, лебеда́ — лобода́, огоро́д — горо́д, сва́дьба — свáйба, скарлати́на — шкарлати́на, тэ́сто — кй́сто, тротуа́р — протуа́р* и др.; словообразовательные: *захотéть — схотéть, изнаси́ловать — знаси́ловать, сперва́ — повперва́х, так — та́кочка, та́кычка, там — та́мочки, та́мычки* и др.

Среди структурных диалектных вариантов обнаружены фонематические *каву́н — кау́н* 'арбуз', *кизе́к — кизя́к* 'топливо из сухого навоза, перемешанного с соломой, в виде кирпичей или лепёшек',

огúдина — *гúдина* ‘стебли (плети) и листья огородных растений’, *пры́зба* — *пры́зба* ‘завалинка’, *чавун* — *чаун* ‘чугунок’; грамматические: *квасо́ль* — *квасо́ля*; словообразовательные: *гру́ба*, *гру́бка* ‘печь, напоминающая голландскую’, *защíта* — *защíтка* ‘лесополоса’ и др.

Наблюдения показывают, что колебания корня, ударения, аффикса и др. могут совмещаться в одном варьируемом слове. Учитывая данное обстоятельство, выделяют различные структурные виды комплексных (по всем внешним различиям компонентов) вариантов: акцентно-корневые, акцентно-грамматические, акцентно-словообразовательные, «словообразовательно»-корневые, «словообразовательно»-грамматические, «грамматически»-корневые, «словообразовательно»-«грамматически»-корневые, акцентно-«словообразовательно»-корневые, акцентно-«словообразовательно»-грамматические. Имеющийся языковой материал позволяет рассмотреть следующие из них. Это акцентно-корневые (акцентологические и фонематические) варианты: *богáтенький* — *богтé*[э]нький, *дышáть* — *ды́хатъ*, *родно́й* — *ри́дный*, *ста́ренький* — *старé*[э]нький, *фа́ртук* — *фарту́х*. Акцентно-словообразовательные (акцентологические и словообразовательные) варианты: *вдвоём* — *вдвох*, *доклáдывать* — *докладáть*, *заклáдывать* — *закладáть*, *петь* — *спевáть*, *пешко́м* — *пéшки*, *уж* — *ужáк*. «Словообразовательно»-корневые (словообразовательные и фонематические) варианты: *вчетверо́м* — *вчетыре́х*, *ма́рлечка* — *ма́рлочка*, *сидéть* — *сидáть*, *со́лнышко* — *со́не*[э]чко. «Грамматически»-корневые: *скарлатíна* — *шкарлатíн*. «Словообразовательно»-грамматические (словообразовательные и грамматические) варианты: *прице́п* — *прице́пка*, *свекро́вь* — *свекру́ха*, *сте́нь* — *сте*[э]п (м. р.), *фасо́ль* — *квасо́ля*, *це́рковь* — *це́ркава*. «Словообразовательно»-«грамматически»-корневые (словообразовательные, грамматические и корневые) варианты: *кость* — *кíстка*, *сидéнье* — *сиду́шка*. Акцентно-«словообразовательно»-корневые (акцентологические, словообразовательные и фонематические) варианты: *вытя́гивать* — *вытяга́ть*, *женá* — *жéнка*, *куль* — *кулёк* ‘охапка травы, сена’, *курятник* — *ку́рник*. Акцентно-«словообразователь-

но»-грамматические (акцентологические, словообразовательные и грамматические) варианты: *мэсто* (ср. р.) — *месты́на* (ж. р.), *чу́лок* (м. р.) — *чу́лка* (ж. р.). Акцентно-корневые-грамматические: *морко́вь* — *мо́рква*, *чехо́нь* (рыба) — *чехня́*. Акцентно-«словообразовательно»-корневые-грамматические: *вэ́тер* — *ветрю́га*, *срам* — *страмота́*.

Семантических вариантов, по нашим наблюдениям, больше среди общерусских лексем. Приведём примеры семантических диалектизмов: *барáн* ‘сердцевина, мякоть арбуза’, *бй́ться*, *бй́ться*, *колóться* ‘бодаться’, *горá* ‘чердак’, *ка́шка* ‘1) цветы акации; 2) цветок пастушья сумка’, *кóврик* ‘портулак крупноцветный’, *красный* ‘коричневый’, *найтй́* ‘родить’, *сентя́брь* ‘садовое растение астра альпийская’, *сметáна* ‘сливки’, *са́бля* ‘чехонь’, *сыр* ‘творог’, *ча́шка* ‘небольшой таз’ и др.

Среди диалектных слов зафиксированы следующие полисеманты: *балáкать* ‘1) говорить; 2) говорить на местном говоре с украинской языковой основой’, *дро(а)бы́на* ‘1) приставная лестница; 2) боковые борта телеги’, *дыма́рь* ‘1) печная труба; 2) дымоход’, *каву́нейка* ‘1) женская особь арбуза; 2) худая, плоская девушка или женщина’, *калáчик* ‘1) герань; 2) просвирник низкий’, *каргá* ‘1) ворона; 2) галка’, *пырjáть* ‘1) таскать, носить; 2) воровать’, *чёботы* ‘1) сапоги; 2) высокие рыбацьи сапоги’ и др.

Зарегистрированы частичные омонимы — существительное *за́миж*¹ ‘замужество’ и наречие *за́миж*² ‘замуж’.

Достаточно развиты в изучаемом говоре синонимические отношения. Нами зарегистрированы следующие диалектные синонимические пары и ряды: *ба́бка*, *шепту́ха/шепоту́ха* ‘знахарка’, *вутка*, *ка́чка* ‘утка’, *га́рбуз*, *каба́к* ‘тыква’, *горобé[э]ц(ь)*, *жид* ‘воробей’, *грать*, *спевáть/спивáть* ‘петь’, *за́лозы*, *па́холки* ‘ангина’, *ко́чет*, *пй́вень* ‘петух’, *кнур*, *хряк* ‘некастрированный кабан’, *люды́на*, *чёлóвик* ‘человек’, *пьянды́га*, *яры́га* ‘пьяница’, *самокáтка*, *лисáпéд/велисáпéд* ‘велосипед’, *ополóнник/ополóнник*, *пóварька*, *чолба́* ‘половник’, *опына́чка*, *фарту́х*, *хва́ртук* ‘фартук’, *са́бля*, *чехня́* ‘чехонь’, *све[и/ы]рблю́чка*, *кроповá* ‘крапива’, *свини́нец*, *сажны́к/сажо́к* ‘помещение, где содержат свиней’ и др.

На территории распространения кубанских говоров зафиксировано 16 диалектизм, номинирующих растение перекати-поле: *курáй*, *курá*, *курáйна*, *курáнда*, *курáндра*, *курóй*, *курóйй*, *матрѐшка*, *матрѐнка*, *матрѐха*, *верблѐдка*, *волчек*, *жабрóйй*, *колю́чки*, *рукóйй*, *си(е)ря́к* [Костина, 196]. В говорах Щербинского района функционируют 3 из них: *курáйй*, *курáнда*, *жабрóйй*, а также локализм *не[э]трѐ[э]ба*. По данным лингвогеографического анализа лексический диалектизм *курáйй* является самым распространѐнным на территории Кубани (52 % обследованных населѐнных пунктов), имеет обширный ареал, охватывающий север, северо-запад, запад, центр Краснодарского края, и в большинстве случаев является единственным наименованием соответствующего растения [Костина, 201]. Лексема функционирует во многих русских говорах (СРНГ, 16, 109). Слово отмечено также и в других лексикографических источниках (БАС, 5, 1856; СУМ, 4, 406). В Словаре В. И. Даля существительное имеет следующее толкование: «юж. растение *Salsola kali*, камочка, верблѐжье сено, зольник, поташник, содержит много щелочи» (Даль, 2, 221). В СРНГ диалектизм многозначен, ЛСВ ‘растение перекати-поле’ не зарегистрирован, но в 4-ом значении это «сорная степная трава (используемая как топливо). Таврич., Самар., Иссык-Кульск.» (СРНГ, 16, 109). Тот факт, что на Кубани *кураѐм* называют не любую «сорную степную траву», а именно растение перекати-поле, не вызывает сомнений: об этом свидетельствуют многочисленные контексты, в которых носители говоров параллельно употребляют существительные *курáйй* и *перекати-поле*: *Курáй — цэ пирикаті-пóле* (ст-ца Старощербиновская). В словаре М. Фасмера слово подается как восточно-русское наименование растения *Salsola cali* (колючка), заимствованное из казахского языка (Фасмер, 2, 422).

На территории Краснодарского края зафиксировано несколько различных структурных модификаций лексемы *курáйй* (*курá*, *курóйй*, *курáндра*, *курáйна*), из которых в Щербиновском районе встретились лексические диалектизмы *курáнда* и *жабрóйй*. Отметим, что на Дону зарегистрирован фонематический вариант *жабрѐй* (БТСДК, 251). Произношение в кубанском варианте [и] на месте этимоло-

гического *ятя* обусловлено влиянием украинского языка. Локализм *не[э]трé[э]ба* (хут. Молчановка) представляет собой существительное, образованное в результате субстантивации предикатива *не[э]трé[э]ба*, сопровождающейся изменением морфологического статуса отрицательной частицы.

Необходимо отметить, что лексемы с одинаковым значением, противопоставленные друг другу территориально, то есть представляющие собой межсистемные синонимические соответствия, могут функционировать также и как внутрисистемные синонимы, см., например, записанные контексты: *У нас жабрiй, а у глафирiян — курáнда* (с. Николаевка); *В Глафирiровки курáнда, а у нас нэтрэба; У нас коломáшка, в Глафирiровки фурмáнка* (хут. Молчановка). Это явление, названное Г. А. Раковым смешанной (одновременно и разно- и однодиалектной) синонимией [Раков, 10], — характерная особенность кубанского диалекта.

Образность местной речи придают устойчивые выражения, аккумулирующие в себе народную мудрость, народное видение окружающего мира. Приведём примеры зарегистрированных ФЕ: *наказáть/набалáкать sóрок бóчек арестáнтов/арестáнтив* ‘наговорить, наболтать всякой всячины’, *казáцкому рóду не[э/ы]мá перевóду* ‘1) словесная реакция на радостное известие о рождении мальчика; 2) характеристика положительных качеств человека’; *побыжу–прыбыжу* ‘о быстром, проворном в делах человеке’, *в(у) вóдку кýнуться* ‘стать алкоголиком’, *в(у) укóлы кýнуться* ‘стать наркоманом’, *на грóшах робыть* ‘работать за зарплату’, *в чужéй рýкы уйтý* ‘выйти замуж’, *тямы не хватáе(т)* ‘об отсутствии умения, навыка, таланта’ и др. Записаны также УС, которые носят в большинстве своем денотативный характер, порождаются окружающей человека внеязыковой действительностью: *злýй як зiньске[э] щеня́/як зiньске[э] щеня́* ‘о злом человеке’, *крупный, як намýсто* ‘о чём-л. крупном, округлой формы’, *нажрáться як Мартýн мыла* ‘сильно напиться спиртного’, *як скаженный* ‘как сумасшедший’, *солёный як ропá/як рона* ‘о чём-л. очень солёном’, *стрóйная як кобыльця́* ‘о стройной, статной девушке’, *холóдный як каменю́ка* ‘о чём-л. очень холодном’. Лексические диалектизмы, вхо-

дящие в состав устойчивых выражений, употребляются и в свободном значении. См., например: *зіньске щеня́* ‘слепыш’, *намы́сто* ‘бусы’, *ропа́* ‘соль’.

Новыми фиксациями являются обрядовые ФЕ *Хоху водить*, эквивалентная глаголу *хоховать* ‘ходить с песнями компанией на Троицу с наряженной, как цыганка, *Хóхой*’, *на пупкы́* ‘о праздновании четвертого дня после свадьбы’, *на потрусыны* ‘о сборе свадебных подарков по подворьям’.

Идеал женской красоты воплощается в устойчивом выражении *хоть пид стріху не веди* ‘о румяной, красивой девушке’, записанном от Д. А. Бехтерея (1935 г.р.). Приведем развернутый контекст, подчеркивающий взаимосвязь в языковом сознании носителей говора красоты и здоровья: *Умирала, умирала моя́ ма́ма. Я иду́ на рабо́ту, а́на ка́жэ: «Сыно́к, нэ ходы́ сёдня на рабо́ту, я буду́ ужэ́ сёдня умирати́. Сыно́к, скажы́ хоть мыни́, прожыла́ пошти́ дэвяно́сто лит, скажы́, сыно́к, сыно́к, дэ, з яко́ бо́ку хочь у мэ́нэ сэ́рцэ». О́на нэ зна́е, дэ у нэ́й сэ́рцэ. А са́му тоды́ хочь пид стрі́ху нэ вэды́. Ро́зова, кра́сна, красі́ва лы́чко, щёчки ро́зови. А щас по-жытї́ли дэвча́та фси круго́м. Есть така́ ста́ра послóвица: хоть пид стрі́ху нэ вэды́. Ро́зова, кра́сна на лы́чко. Нэ вэды́, а то и ха́та згоры́т. Нэ вэды́ ийї́ пид стрі́ху, бо стрі́ха згоры́т. Ну и щас, как пока́зуют по тэ́лэві́зору, як нарисо́ваны дивча́тки, чи их рису́ют.*

Многие наши информанты оказались чрезвычайно интересны не только как типичные диалектоносители, но и как люди, обладающие индивидуальными речевыми особенностями, языковым чутьём, способностью к языковой рефлексии. В хуторе Молчановка В. П. Малюченко (1928 г.р.) так объяснил происхождение существительного *жабри́к* ‘южный ветер’: *Жабри́к всих жа́б уни-чтожа́е, воны́ хова́юцца*. Он же предположил, что название чаек *га-лай*, синонимичного для информанта существительному *мартыны́*, в основе своей звукоподражательно: *Литя́т мартыны́ и крича́т: «Га-га!»* Глагол *блакува́ть* ‘конопатить раскалённой смолой лодку с целью заделывания щелей’ был записан от В. П. Самсонова (1965 г.р.) из с. Глафировка. Внутреннюю форму он объяснил иноязычным происхождением от английского *black* ‘чёрный’. Ин-

формант из с. Николаевка Н. И. Якушова (1929 г.р.) считает, что *жабриём* колючее растение перекасти-поле названо из-за сходства с жабрами рыбы. Р. И. Недорез (1936 г.р.) мотивировала существительное *вы́ступцы* ‘тапки без задников’ следующим образом: *Вы́ступцы — ступы́в и пишо́в* (с. Глафировка).

При сборе лексического материала особого внимания заслуживает определение методов работы с носителями говоров. Помимо традиционных (беседы, опроса) эффективным оказалось применение метода, образно нами названного *мозговым штурмом*. Суть его заключается в привлечении одновременно нескольких информантов разных возрастных и социальных групп, которым собирателем заранее даётся установка на выявление диалектных лексических единиц, характерных для данного населённого пункта. Важным условием является создание естественной, непринуждённой обстановки общения. В качестве источников фактического материала был привлечён рукописный словарь говора с. Шабельского, составленный учениками местной школы под руководством Л. И. Петренко. Полагаем, что именно использование различных методов позволило представить как типичность, так и самобытность диалектного ландшафта Щербиновского района.

Литература

География Кубани: Энциклопедический словарь /Автор-составитель И. П. Лотышев. Майкоп, 2007.

Костина Л. Ю. Диалектная лексика говора станицы Архангельской Краснодарского края: структурно-лингвистический и лингвогеографический аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2008.

Раков Г. А. Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии: семасиологический и ономасиологический анализ системных отношений в лексике. Томск, 1988.

Типы лексических диалектных различий в самарских говорах*

Т. Е. Баженова

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы показать особенности лексики одной из территорий позднего заселения, входящей в ЛАРНГ. Проблема определения основных типов лексических диалектных различий является актуальной и для определения места самарских говоров среди диалектов русского языка.

Актуальность настоящего лингвогеографического исследования обусловлена достаточным количеством материалов, накопленных за семь десятилетий диалектологической работы в Самаре. Изучение лексических особенностей самарских говоров началось в конце 1930-х годов под руководством профессора В. А. Малаховского, в связи с подготовкой X тома ДАРЯ. Ещё в 1979 г. О. А. Безугловой были опубликованы первые карты, отражающие диалектно противопоставленные лексические явления: *баять — калякать, брезговать — гребовать, коромысло — хлуд, петух — кочет, зыбка — люлька* [Безуглова, 6–10]. В дальнейшем ею были подготовлены пробные лексические карты почти по всем явлениям вопросника ИРЯ, некоторые из которых (16 карт) были использованы при составлении Атласа говоров Среднего и Нижнего Поволжья [Баранникова, 70–103]. Научная необходимость регионального атласа, в который вошли бы все имеющиеся данные по лексике, стала первостепенной задачей в связи с участием самарских диалектологов в научном проекте «Лексический атлас русских народных говоров». В настоящее время к ранее опубликованным картам прибавились рабочие варианты ещё

* Статья публикуется при поддержке гранта РГНФ № 12-14-63001.

12 карт, подготовленных с учетом новых данных, собранных диалектологическими экспедициями по программе ЛАРНГ. В ПГСГА ведется работа по созданию электронной версии лексического атласа самарских говоров.

На картах лексического атласа, составленных на основе бланковки «Атласа говоров Самарского края» [Зиброва, Барабина], в равной мере представлены различные по типологии говоры.

Окающие говоры, однородные по своему составу (все они относятся к владимирско-поволжскому типу), отмечены на картах в 63 селах, что составляет около 39% из числа всех обследованных населённых пунктов. Достаточно плотный массив неполноокающих говоров отмечается по северу и северо-западу области, в пределах которого диалектологическими экспедициями были зафиксированы наиболее яркие лексические особенности, прежде всего, в районах самарского правобережья Волги и Самарской Луки: Шигонский, Сызранский, Ставропольский, а также Красноярский, Елховский, Кошкинский, Челно-Вершинский, Шенталинский районы. Окающие говоры встречаются, кроме того, в северо-восточной и центральной восточной части области — в Иса克林ском, Клявлинском, Камышлинском, Сергиевском, Похвистневском, Кинельском районах. Характерной чертой русских сел северо-восточных районов является разнотничность населения — наряду с русскими здесь живут мордва, чуваша, татары, по численности не уступая русским, а в некоторых случаях и преобладая над ними. Отдельные островки владимирско-поволжских говоров встречаются по западу области — в Приволжском и Безенчукском районах.

В говорах Шигонского, Сызранского, Красноярского, Клявлинского, Шенталинского и др. северных районов сохраняется типично севернорусская лексика (например, *назём* ‘навоз’, *падерун* (*надера*) ‘плохая погода, буран с мокрым снегом и ветром’, *жнивё* ‘убранное поле’, *кладеный* ‘кастрированный, холощенный (о быке, борове, баране)’, *суягная* ‘беременная (об овце)’, *баской* ‘хороший, красивый, подходящий’; *стайка* ‘помещение для скота в хлеву, загон’ и др.). Тем не менее, участие полноокающих говоров в становлении самарских окающих говоров, по историческим сведениям, бы-

ло минимальным. Окающую основу многих раннепереселенческих говоров Самарского края составили главным образом владимирско-поволжские говоры с правобережья Волги и прилегающих северо-восточных земель Среднего Поволжья.

Акающие говоры численно преобладают на нашей территории, из них значительную часть составляют среднерусские говоры.

Основная масса среднерусских акающих говоров (на картах они отмечены 47 пунктами — 29%) расположена в средней полосе Самарской области. Наиболее однородный массив среднерусских акающих говоров отмечается в центральных западных районах области — на территории Самарской Луки и прилегающего к ней левобережья Волги (Ставропольский, Безенчукский, Шигонский районы). Небольшие компактные группы среднерусских говоров встречаются в центре области (сёла Волжского и Кинельского районов), в северо-восточной и центральной восточной части (территории Красноярского, Кошкинского, Сергиевского, Кинель-Черкасского и Борского районов), а также в западных районах области (Сызранский, Безенчукский, Приволжский районы). Подавляющее большинство среднерусских акающих говоров имеет владимиرو-поволжскую основу.

В целом, с точки зрения типологии лексических особенностей, самарские среднерусские говоры примыкают к восточным среднерусским говорам. На территории Самарского края преобладают общедиалектные лексические явления, характерные для многих восточных окающих и акающих говоров (*кладь, лагун, кут, шиши, калда, вёдро, шобоны, чуни, келья* ‘вечерние собрания молодежи’ и др.). Особенно много лексических параллелей отмечается среди лексики природы (метеорологическая и ландшафтная лексика), характеристики человека (внешность, названия болезней), сельскохозяйственной терминологии (наименования угодий, инвентаря, выращиваемых культур, домашних животных и птиц), названий построек (жилые помещения и помещения хозяйственного назначения), названий некоторых реалий материальной культуры (организации сельского труда, обстановки, посуды, предметов одежды), названий отдельных реалий духовной культуры (родственные отношения, традиции

(свадебная лексика), народный календарь).

Южнорусские говоры (46 пунктов на картах атласа — 28%) рассредоточены по всей территории Самарской области. Однако в отдельных районах юга и юго-востока области они образуют небольшие ареалы: это Пестравский, Большеглушицкий, Большечерниговский, Алексеевский районы. В центральных восточных районах отмечаются отдельные островки южнорусских говоров — в Нефтегорском, Красноармейском и Богатовском районах.

В южных селах области изредка встречается типично южнорусская лексика (*хата*, *ёмка* ‘ухват’, *играть* песни, *дюже*), наблюдаются также случаи отражения в диалектной лексике результатов межязыковых контактов (например, *ирян* ‘кислое молоко, разбавленное водой’, *байгуш* ‘пьяница’, *саб́ан* ‘вид плуга, предназначенный для упряжки быков’, *аи́ать* ‘есть, кушать’). Самарские южнорусские говоры генетически неоднородны, однако анализ отдельных лексических групп позволяет предполагать, что современные говоры характеризуются прежде всего лексическими параллелями с говорами восточной группы южнорусского наречия. Это подтверждается историческими фактами участия выходцев из центральных и юго-восточных губерний, носителей южновеликорусских говоров, в формировании акающих говоров степных районов Самарского края.

Кроме того, в 5 населённых пунктах (около 2%) наблюдается сосуществование говоров разных типов.

Основные диалектные различия самарских говоров на уровне лексики следующие.

1. Собственно лексические диалектные различия, т. е. ответственные разнокорневые названия одних и тех же предметов и понятий в различных говорах. Среди оппозиций, образованных собственно лексическими диалектными особенностями, имеющими полярную диалектную приуроченность, на территории Самарской области отмечены следующие: *ухват* — *рогач*, *пороз* — *бугай*, *ковш* — *корец*, *зыбка* — *люлька*, *квашня* — *дежа*, *сковородник* — *чпельник*, *суягная* — *сукотная*, *баять* — *гутарить*, *брезговать* — *гребовать*, *больно* — *резко*, *восейко* — *надысь*. Разнокорневые лексические соответствия, в силу их очевидности, принято рассматривать

в первую очередь при характеристике отдельных говоров [см.: Жуковская, 104]. Как это уже было отмечено Т. Ф. Зибровой, эти наиболее очевидные лексические различия встречаются в самарских говорах нечасто и проводятся непоследовательно [см.: Зиброва 1998, 47].

Примером противопоставления разнокорневых слов с одинаковым значением на территории Самарской области является различная репрезентация диалектных названий льдин в среднерусских акающих и окающих говорах (лексемы *льдины* и *чки*), и в говорах южнорусских (*икры* и *крыги*). Указанные различия нашли отражение на соответствующих картах Атласа говоров Среднего и Нижнего Поволжья [см.: Баранникова: 77–89, 94–95, 98–103] и на картах самарского лексического атласа.

В большинстве случаев данный тип лексических оппозиций соответствуют внутрдиалектному членению самарских говоров, составленному на основании фонетических и морфологических диалектных особенностей. Так, на одной из карт самарского лексического атласа в обозначении мужской разновидности конопли доминирует вариант *пóсконь*, который зафиксирован в подавляющем большинстве пунктов с окающими (владимирско-поволжскими), южнорусскими и среднерусскими акающими говорами различного происхождения. Другие варианты этой реалии — *замáшки*, *мочíнец*, *мочéнец*, *брáник*, *дёрганцы* — зафиксированы только в южнорусских говорах (Большечерниговский, Большеглушицкий р-ны). Следовательно, лексические различия могут служить характеристикой самарских говоров наряду с фонетическими и грамматическими диалектными особенностями.

Среди собственно лексических диалектных особенностей выделяются такие члены оппозиций, которым в разных говорах соответствуют предметы не вполне одинаковые, что обусловлено этнографическим противопоставлением реалий материальной культуры. Так, широко распространенное на нашей территории слово *изба* в южнорусских говорах употребляется только для обозначения усовершенствованной постройки, хорошего дома и любого помещения в нем — и противопоставлено лексемам *мазанка*, *землянка*, *саманка*,

кухня, обозначающим жилые постройки худшего качества и имеющим принципиальные различия в устройстве. Подобные члены диалектных соответствий также отражаются на картах лексического атласа.

С лексическими явлениями, имеющими этнографическую основу, в ряде случаев связаны диалектные различия структурного характера. В окающих говорах нередко наблюдается дифференциация лексического значения междиалектных слов. Так, одинаково известные многим говорам разного типа слова *зыбка* и *люлька* различаются тем, что в окающих и акающих среднерусских говорах они обозначают подвесную колыбель, в отличие от напольной (*качка*, *качель*), а в южнорусских говорах слово *люлька* служит единственным обозначением детской колыбели.

В области значения разнокорневых членов лексических оппозиций можно наблюдать побочные диалектные соответствия, осложняющие общую картину бытования диалектного слова. Например, слово *крынка* ‘узкогорлый горшок для молока’ на территории Самарской области распространено повсеместно — в отличие от *махотка* в том же значении, которое зафиксировано только в южнорусских говорах в Большечерниговском, Нефтегорском, Большеглушицком, Хворостянском, Борском р-нах. При этом самарским говорам известно и другое значение слова *махотка* — ‘маленький горшок для каши с одной ручкой’, которое образует в оппозицию со словом *кашник* и выходит за рамки основного ареала южнорусских говоров.

Чаще всего осложняют картину члены оппозиций, обусловленные особенностями этнографического характера, которые не соответствуют внутридиалектному членению самарских говоров и не образуют устойчивых ареалов (например, *коромысло* — *хлуд*, *овин* — *рига*, *амбар* — *половня*, *потолок* — *подловка*, *закута* — *котух*).

2. Лексико-семантические диалектные различия, т. е. представляющие в говорах особые значения одного и того же слова или одного и того же звукового комплекса. В случае различий в вещественных значениях слова и фонетическом и грамматическом единстве слова соответственный ряд слов образуется различными зна-

чениями того или иного слова (многозначность) или омонимами.

Так, широко распространенное в самарских диалектах слово *изба* (*избёнка*), помимо основного значения (общего наименования традиционного дома), в окающих говорах служит обозначением 1) лучшей комнаты в доме; 2) усовершенствованной постройки, обычно двухкамерной; 3) любого помещения в доме; 4) хозяйственной постройки; 5) вечернего собрания молодежи в помещении. В южно-русских говорах слово *изба* известно, но оно не имеет такой сложной семантической структуры и обычно означает любое помещение в доме.

В некоторых говорах парадное помещение называется *горницей* (например, в южнорусском говоре с. Украинки Большечерниговского р-на). В других говорах, если речь идет о двухкамерной постройке среднерусского типа, *горница* — сруб в пятистенном доме по другую сторону от сеней, без печи, используемое зимой как хозяйственное помещение, а летом для жилья (как в южнорусском говоре с. Криволучья-Ивановки Красноармейского р-на).

Явление омонимии в самарских диалектах носит, по-видимому, такой же случайный характер, как в литературном языке. Например: *кўрник* ‘печеное изделие из сдобного теста с начинкой’ и *кўрник* ‘помещение для домашней птицы, курятник’; *кля́дка* ‘денежный выкуп за невесту’ и *кля́дка* ‘длинная укладка снопов, кладь’; *кўрень* ‘куст растения, чаще картофеля, или рассады’ и *кўрень* ‘небольшая пекарня’. Подобные оппозиции фиксируются спорадически.

3. Лексико-словообразовательные диалектные различия, т. е. соответственные однокорневые названия одних и тех же предметов и понятий, различающиеся в говорах словообразовательными аффиксами. См. примеры: *конюшня* — *конюшник*, *усадыба* — *усад*, *частокол* — *частокольник*, *загородь* — *городьба*, *качка* — *качель*, *варок* — *варушка*, *зимовник* — *зимовьё*, *шиш* — *шишовина*, *пятистенник* — *пятистенка*, *горбунь* — *горбыль* — *горбач* — *горбатик*, *морква* — *моркошка*, *беловик* — *белянка*, *колоколец* — *колокольчик* — *колокол*, *муравь* — *муравей* — *мурашек* и др.

Спецификой данного типа диалектных различий является наличие конкретных словообразовательных различий или особенных, не

встречающихся в литературном языке, комбинациях морфем. Определенные лексико-грамматические группы могут представлять собой целые словообразовательные системы. Разнообразие способов образования основы с общим корнем и одинаковым значением и различными аффиксами богато представлено в разделах «Природа» и «Человек». Несмотря на обилие фактического материала, этот тип лексических различий в самарских говорах до сих пор специально не изучался. Остается надеяться, что с созданием лексического атласа этот пробел будет восполнен.

4. Лексико-грамматические диалектные различия, представленные в говорах словами с одинаковым значением звуковым составом, но имеющими разную грамматическую принадлежность. Например: *кудель — куделя, конопля — конопи*. В самарских говорах часто наблюдаются лексические различия, связанные с характеристикой слова по грамматическому роду. Например: *плеть — плетня, закут — закута, коромысло — коромыс, коромысел*. Примером различия соответственных слов в диалектах по категории грамматического рода является слово *коромысло*, которое в литературном языке и в говорах, прилегающих к Москве, относится к среднему роду. Утрата говорами среднего рода — явление, очень характерное для самарских диалектов, и вариант *коромыс* является основным для наших говоров, так же, как для восточных среднерусских говоров.

Иногда лексико-грамматические различия связаны только с одной из форм слова и образуют в каждом из сравниваемых говоров своеобразную систему. Например: *забор — мн. ч. заборы и забры; комар — комаров и комарей, клохтать — 3 л. ед. ч. клохчет и клохчит*. Подобные явления пока мало изучены и, несомненно, требуют особого внимания.

5. Лексико-фонетические диалектные различия, представленные в звуковом (фонематическом) оформлении отдельных слов и морфем (*крынка — кринка, рыга — рига, клев — хлев, клохтать — клоктать, штахетник — штакетник, комарь — комар, амбар — анбар, лабаз — лапас, позьмо — пазьмо, ворок — варок*). Лингвогеографические характеристики слов с лексикализованными фонетиче-

скими особенностями обычно не соответствует внутридиалектному членению самарских говоров и учитываются в качестве равноправных вариантов. Исключение могут составить слова с фонетическими особенностями спорной этимологии (например, *карда* — *калда*).

6. Акцентологические различия диалектных слов. Соответственные слова в разных диалектах могут употребляться с разным ударением. Например, для обозначения мужской особи конопли в южнорусских говорах Самарской области употребляется вариант *поскóнь*, тогда как в окающих говорах фиксируется обычное для наши говоров *пóсконь*. Акцентологические варианты диалектных слов — не редкость для самарских говоров: *кóты* и *коты́*, *крóсна* — *кросна́*. Гораздо чаще встречаются акцентологические варианты общеупотребительных слов *сóдом*, *нужóн*, *студенó*.

В ряде случаев в качестве члена диалектной оппозиции выступает описательный оборот, т. е. в одном из сравниваемых говоров для выражения определенного значения имеется определенное слово, в другом говоре эквивалентное по значению слово отсутствует. Например: в некоторых селах северных, северо-западных и западных районов области для обозначения быка-производителя употребляется сочетание *мирской бык*, которому соответствуют слова *бугай* и *пороз* в других говорах.

В целом, с точки зрения типологии лексических различий, для самарских переселенческих говоров характерна «усреднённость». Среди наиболее устойчивых собственно лексических диалектных явлений собирателями отмечается прежде всего лексика междиалектная и широко употребительная (*шабёр*, *горница*, *ярка*, *подловка*, *благой*, *квёлый*, *буровить*, *калякать*, *клохтать*, *шибко*, *утрость* и др.). Фиксируются в основном лексические различия, основанные на противопоставлении словообразовательных, грамматических, фонетических особенностей. Как следствие этого, носители диалектов скорее осознают особенности своего говора на фонетическом и грамматическом уровне, чем на уровне лексики.

В ходе лингвогеографических исследований было замечено, что для нашей территории характерна большая вариативность в диалектном обозначении той или иной реалии и нередко отмеча-

ется сосуществование нескольких вариантов в пределах говора одного села.

Особенности самарских говоров объясняются многими факторами, связанными с историей их формирования и функционирования, среди которых определяющими являются вторичность по отношению к говорам раннего (исконного) русского заселения и широта междиалектных и межъязыковых контактов. В этих условиях языковые процессы трансформации говоров и нивелирования языковых особенностей протекают более активно. Лексика, как наиболее подвижный ярус языка, оказывается в центре указанных языковых процессов.

Литература

Жуковская Л. П. Типы лексических различий в диалектах русского языка // Вопросы языкознания, 1957, № 3. С. 102–112.

Баранникова Л. И. Атлас говоров Среднего и Нижнего Поволжья. Саратов, 2000.

Безуглова О. А. Лексика говоров Куйбышевской области (опыт картографирования лексического материала) // Лексическая семантика и словообразование в русском языке. Вып. 1. Научные труды. Т. 228. Куйбышев, 1979. С. 3–13.

Зиброва Т. Ф. Говоры Самарского края и особенности бытования лексических единиц в условиях диалектной пестроты // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995 / ИЛИ РАН. СПб., 1998. С. 43–48.

Зиброва Т. Ф., Барабина М. Н. Атлас говоров Самарского края. Самара, 2009.

Оренбургские русские говоры: историографический и генетический аспекты

Л. Ф. Абубакирова

Исконная территория, которую сейчас занимает Оренбургская область, длительное время служила южными воротами для кочевых народов — гуннов, сарматов, скифов, татаро-монгол, кочевников-скотоводов ногайской орды, калмыков и др. — при их движении из Азии в Европу в различные исторические эпохи. Русские «появились здесь в ходе поступательного движения на восток уже в XVI веке. Русскими первопоселенцами в нашем крае были вольные казаки, перешедшие с Волги на Яик (Урал) и основавшие в 1586 году в устье реки Илек казачий городок Кош-Яик. Это было первое русское поселение в пределах современной Оренбургской области, положившее начало переселению русских в Заволжье и на Южный Урал и складыванию здесь славянского этнокультурного мира» [Зобов, 17].

Оренбургская область, по мнению большинства исследователей, может быть отнесена к территориям позднего заселения русскими. И в силу того что «говоры территорий позднего заселения обычно характеризуются значительной сложностью и пестротой, . . . не всегда легко определить их основной тип» [Баранникова, 83]. Сложность выделения диалектных ареалов и основных типов переселенческих говоров связана также с их динамичностью, существованием переходных форм и изменением во времени.

Статья посвящена обзору научных работ, посвященных прежде всего проблеме выявления основ оренбургских говоров.

Впервые этноязыковую ситуацию в Оренбургском крае описал В. И. Даль в 1852 г. в своей статье «О наречиях русского языка». Основные признаки, характеризующие оренбургские говоры, также впервые были отмечены им: «... Оренбургская губерния, заселенная искони инородцами, большей частью кочевыми, наполнилась русскими двадцати губерний в течение последних 100 лет; поэтому общего наречия в губернии нет... , но у старожилов образовались уже некоторые особенности, т. е. такие характерные и устойчивые для их говора диалектные черты, которые позволяют уже отличить их говор от говора жителей других мест и объединить их говор с более близкими говорами», «... в Оренбургской губернии взял верх владимирский (северный) говор, т. е. говор, сходный с говором жителей губерний: Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Симбирской и отчасти Вятской и Пермской» (Даль, 1, 58). Далее Даль даёт подробную фонетическую и морфологическую характеристику этому оренбургскому наречию: «говор окающий, самый низкий... ; в окончании прилагательных: аго, яго, его — произносят «в» вместо «г», но не по-московски, а с оканьем: хорóшово, лишнёво, своёвò» (Даль, 1, 66).

В начале 50-х годов XIX в. занялся собиранием слов разных говоров Оренбургской губернии для составления областного словаря другой исследователь — В. С. Лосиевский. В нескольких номерах «Оренбургских губернских ведомостей» за 1851 год он представил небольшой список (178 слов) «местноупотребляемых слов», но без более точного указания мест их употребления и их значения [Лосиевский].

Объяснение тому, почему именно владимирско-поволжский говор взял верх над другими говорами, попытался дать другой исследователь — профессор Д. К. Зеленин. Описывая в 1906 г. говор станицы Благодоленька, он приводит отзыв станичных казаков, переселившихся сюда из разных мест, о говоре сакмарских казаков: «У них (сакмарцев) говор близок нашему, но мы не дошли до них: они говорят твёрже». «Отзыв этот, пояснил Д. К. Зеленин, свидетельствует о том, что оренбургские казаки, так сказать, преклоняются перед старыми, закоренелыми в казачестве сакмарцами (ураль-

цами). . . », «в образовании тепершнего говора благословенцев действует «сознательный принцип», сознательный выбор того, что считается лучшим, образцовым или самым модным, а именно: тот самый принцип, в силу которого «питерский» и «московский» говоры распространились в целом ряде русских губерний» [Зеленин, 236–237].

Как правильно позже заметил оренбургский диалектолог Н. И. Зорин, утверждение В. И. Даля и его последователей о преобладании севернорусских говоров над другими говорами в Оренбургской губернии имело полное основание, но только для его времени [Зорин, 1956, 307].

В. И. Даль совершил продолжительную поездку по обширному Оренбургскому краю в первый год приезда, в 1833 г. В состав Оренбургской губернии (до 1865 г.) тогда входили земли современных Башкирии, Челябинской, Самарской, Пермской и др. областей общей площадью 1,5 млн. км. Следовательно, состав населения и границы губернии значительно отличались от сегодняшних и выводы Даля-диалектолога о типе и структуре говоров представляли собой своего рода синхронный срез оренбургского русского диалектного языка 30-х гг. XIX в. Согласно историческим материалам, на тот период значительную часть населения губернии на самом деле составляли переселенцы из северных, из приволжских губерний и из Сибири. Но уже через несколько лет, когда начался новый этап заселения края и население губернии стремительно стало увеличиваться за счет переселенцев из центрально-черноземных губерний — в основе своей севернорусские говоры начинают приобретать среднерусские или южнорусские черты.

Спустя ещё 100 лет, в первой половине XX в., исследователи двух институтов — Чкаловского и Бугурусланского, обследовав 150 населенных пунктов Чкаловской (Оренбургской) области, обнаружили на её территории 87 пунктов с говорами южнорусскими, 35 пунктов — с севернорусскими и 28 пунктов с среднерусскими говорами [Зорин, 1956, 307].

О преобладании южнорусских говоров в пределах Оренбургской области писал в своей статье «Краткие сведения о говорах

Чкаловской области», напечатанной в 1949 г. в «Бюллетене Диалектологического сектора Института русского языка», известный диалектолог, доктор филологических наук, профессор Чкаловского пединститута В. И. Лыткин. В ходе полевых исследований в 1946 г. *южнорусские говоры* им были выявлены в восьми районах Чкаловской области: Гавриловский р-н (Студенцы, хутор Холодный), Краснохолмский р-н (с. Никольское), Павловский район (с. Павловка, с. Сергеевка), Шарлыкский р-н (с. Шарлык, Константиновка (другое название — Смоленка), Александровский р-н (с. Александровка), Покровский р-н (Верхняя Платовка, Покровка), Пономарёвский р-н (Романовка, другое название — Карболак), Чкаловский р-н (Подгородняя Покровка); населённые пункты с *севернорусскими* чертами — в трёх районах: Чкаловский р-н (Бёрды), Сакмарский р-н (Майоровское), Екатериновский р-н (Никольское); в пяти районах области были отмечены говоры со *среднерусскими* чертами: Гавриловский р-н (Александровка), Павловский р-н (Немятовка, другое название — Приютовка), г. Соль-Илецк, Буранный район (Буранное), Зиянчуринский р-н (Лещево) [Лыткин, 1949, 35].

О южнорусском происхождении говоров многих населенных пунктов Пономаревского, Матвеевского и других районов Оренбургской области писал Н. А. Мещерский в 1946 г. в работе «Южнорусские диалекты на северо-западе Чкаловской области (по материалам диалектологической экспедиции Бугурусланского государственного учительского института в 1946 г.) [Мещерский, 81].

Для лингвогеографического изучения говоров русского языка и их классификации громадное значение имело сплошное обследование их по единой программе. Со второй половины 30-х гг. в Ленинградском отделении АН СССР начались подготовительные работы по созданию диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ), был составлен «Вопросник для создания диалектологического атласа русского языка» (1936 г.). И уже в июле 1939 года кафедра русского языка Чкаловского (Оренбургского) пединститута организовала первую диалектологическую экспедицию по Оренбургской области под общим руководством профессора Леонида Николаевича Воробьёва. Однако работа по сбору диалектных материалов была

приостановлена из-за начала Великой Отечественной войны и возобновлена лишь в конце 40-х годов XX в., но уже по новой обширной академической «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (М.; Л., 1947), включающей около 300 вопросов по всем языковым уровням.

По Оренбургской области собиранием материала для ДАРЯ занялись студенты и преподаватели кафедры русского языка Чкаловского и Бугурусланского институтов. Кафедра Бугурусланского учительского института проводила работу в северо-западных районах Чкаловской области, кафедра Чкаловского пединститута — в остальных районах области вплоть до 57-го меридиана. Задачей Атласа была исследование лишь Европейской части России, и по этой причине восточная зона Оренбуржья, включая территории современных Саракташского, Кувандыкского, Адамовского, Гайского, Домбаровского, Кваркенского, Кувандыкского, Новоорского, Светлинского и Ясненского районов не вошли в программу экспедиций. Указанная зона долгое время была обделена вниманием исследователей, вероятно, ещё и потому, что заселение и освоение территории области в XVIII–XX вв. происходило с северо-запада на восток и юг. Между тем восточные и крайние южные районы Оренбургской области отличаются более суровыми природными условиями для жизни населения и ведения сельского хозяйства и потому стали активно заселяться (представителями разных национальностей) лишь в 30-е гг. XX в. Плотность населения крайних восточных районов области и сегодня остается невысокой и составляет менее 4 человека на 1 км², тогда как в центральных и северо-западных районах она составляет от 8 до 10 чел. на 1 км² [Атлас, 22].

Широко развернув диалектологическую работу в 1947–1948 гг. под руководством доцента Никиты Александровича Мещерского, кафедра Бугурусланского института успешно закончила её в 1949 г. Энергично начала и проводила работу и кафедра русского языка Чкаловского пединститута под руководством зав. кафедрой языкознания, доктора филологических наук, профессора Василия Ильича Лыткина, опытного исследователя и хорошего знатока народных говоров [Зорин, 1956, 304].

В тяжёлый послевоенный год на страницах газеты «Чкаловская коммуна» выходит его статья «К изучению говоров нашей области», где он сетует на то, что «на диалектологических картах Чкаловскую область покрывает белая полоса. Даже обширные пространства Сибири в этом отношении изучены лучше. . . Важность изучения местных говоров далеко не всеми осознается. . . Более того, на наши обращения местные работники отвечают: “У нас нет никаких говоров!”, “Зачем изучать «неправильности» языка — надо изучать литературный язык” и т. д. Между тем фиксация каждого нового языкового явления — это целая археологическая находка» [Лыткин, 1945].

Большое значение в деле развёртывания диалектологической работы по области имела Межобластная диалектологическая конференция, организованная в Чкаловском пединституте в мае 1946 года под председательством заведующего Куйбышевским межобластным кабинетом русского языка В. А. Малаховского. Летом 1950 г. на помощь Чкаловскому пединституту в собирании диалектологического материала приходят соседние институты, закончившие работу в своих областях: Куйбышевский, Уральский и Бугурусланский. Позднее, уже в 60–80-х гг. XX в., собранные преподавателями и студентами указанных вузов материалы, представляющие собой записи диалектной речи, были включены в «Хрестоматию оренбургских говоров» Б. А. Моисеева (Оренбург, 2005).

В сборе, обработке и систематизации диалектных материалов в разные годы большую работу провели руководители оренбургских экспедиций — профессора и доценты Чкаловского пединститута Л. Н. Воробьёв, Н. И. Зорин, В. И. Лыткин, И. И. Иrimiца, Г. Г. Тоболкина, Н. Я. Лойфман, В. Г. Руделёв, Б. А. Моисеев и др. Результатом многолетних исследований оренбургских диалектологов явились 4 диссертации (Н. И. Зорин, Б. А. Моисеев, Э. А. Московская, Л. В. Иванова), большое количество научных статей и студенческих дипломных работ, а также «Хрестоматия оренбургских говоров», «Оренбургский областной словарь» Б. А. Моисеева.

Направления и результаты исследований были разными: уточ-

нение типов говоров, выявление характера основ вторичных говоров, определение сохранности генетически родственных или разнодиалектных систем в пределах одного села и др.

Диссертационная работа Николая Ивановича Зорина «О говоре сакмарских казаков Чкаловской области» (1946) была посвящена изучению структуры севернорусского говора. Автор указывает на своеобразные черты сакмарского говора: «Из всей группы северновеликорусских говоров Чкаловской области говор сакмарского казачества особенно выделяется своим твёрдым произношением. На сакмарский говор обратил внимание А. В. Луначарский во время своего путешествия по среднему Поволжью и Уралу в 1929 году. Вот что он пишет в своей брошюре “По Среднему Поволжью” об этом говоре: «Приехав на Сакмарскую станцию, мы нашли там огромное количество казаков и казачек, собравшихся не только из самой станицы, но и из прилегающих местностей. На мою речь, которую я говорил с площадки вагона, отвечали с энтузиазмом и готовностью на поразившем меня великолепном русском языке, очевидно свойственном оренбургскому казачеству, граждане Сакмарской станицы и представители местной власти. Особенно яркой фигурой оказалась одна казачка-беднячка. Она брала слово больше всех и говорила на языке, который мог бы восхитить Пушкина: громко, четко и необыкновенно» [Зорин, 1948, 68].

Диссертационное исследование Бориса Александровича Моисеева «Словарный состав говора села Саратовка Соль-Илецкого района Чкаловской области (К вопросу о развитии лексики одного из южнорусских говоров в инодиалектном и иноязычном окружении)» 1956 года позволяет проследить судьбу южнорусского говора, оказавшегося в окружении владимирско-поволжской группы севернорусского говора, а также казахских и других наречий, спустя 90 лет после отделения от материнского говора.

Сочетаемость свойства глаголов в говорах и литературном языке анализируются в исследовании Эммы Анатольевны Москвой «Опыт системного исследования глагольной диалектной лексики (на материале села Татищево Переволоцкого района Оренбургской области)» (1968 г.).

Диссертационное исследование доцента кафедры русского языка, риторики и культуры речи ОГПУ Людмилы Владимировны Ивановой «Структурно-семантическая типология глаголов (на материале говора с. Татищево Переволоцкого района Оренбургской области)» (1972 г.) посвящена способам глагольного словообразования в системе диалектного языка.

«Хрестоматия оренбургских говоров» (2005 г.) Б. А. Моисеева, в которую включены «тексты с севернорусскими, южнорусскими или среднерусскими говорами», — это образцы разговорной речи представителей ряда районов Оренбургской области, записанные во время диалектологических экспедиций в 50–70-х годов XX в. [Моисеев, 2005, 8].

Подобные же тексты, отображающие историю, этнографию, верования, народную философию, народную педагогику, мораль и идеалы, можно найти и в другой, не менее ценной книге, выпущенной преподавателями Оренбургского педагогического института, — «Фольклор Чкаловской области» [Фольклор, 1949].

Увидевший свет в 2010 г. «Оренбургский областной словарь» — итог многолетнего изучения Б. А. Моисеевым лексического богатства народных говоров Оренбургского края. По отбору лексики — это дифференциальный словарь. Материалом для Словаря послужили «диалектные слова и сведения о них, взятые из многочисленных записей живой диалектной речи, сделанных автором в различных населённых пунктах области. . . авторские выписки из различных источников, как рукописных, так и печатных. . . из оренбургских газет. . . книг оренбургских писателей, в произведениях которых встречаются диалектизмы» [Моисеев, 2010, 4].

Таким образом, в целом лингвогеографическая изученность русского языка в Оренбургской области в 70-е годы XX в. была достаточной, чтобы иметь возможность приступить к теоретическим и практическим обобщениям — к созданию лингвистических карт и атласов. Забегая вперед, нужно сказать, что успешно справились с этой нелегкой задачей учёные-диалектологи многих урало-поволжских вузов, выпустившие, хотя и после большого перерыва, свои региональные атласы: Баранникова Л. И. Атлас говоров Среднего и

Нижнего Поволжья. Саратов, 2000; Здобнова З. П. Атлас русских говоров Башкирии. Уфа, 2008; Зиброва Т. Ф., Барабина М. Н. Атлас говоров Самарского края. Самара, 2009 и др.

Однако с середины 70-х годов XX в. интерес к диалектологии в Оренбургском крае стал постепенно угасать. Последние диалектологические экспедиции преподавателей, аспирантов и студентов Оренбургского госпедуниверситета состоялись в 1986 г. в Тюльганский, Саракташский и Оренбургский районы. Часть картотечных ящиков, представляющие большую ценность (так как информаторов, из уст которых записаны языковые данные, уже нет в живых), — многолетний труд сотни людей — затеряны, а имеющиеся не были использованы в полной мере. Несмотря на наличие значительного количества накопленного диалектного материала, многие аспекты оренбургских русских говоров надолго остались неизученными.

Анализ историографии по оренбургским говорам позволил нам наметить пути решения проблем изучения территориального распространения русских говоров и определения их структурных типов. В частности, целесообразным представляется создание таблиц, которые помогли бы охарактеризовать состояние оренбургских русских говоров в 60–70-е гг. XX в. Так, таблица, отображающая фрагмент сводной карты говоров, создана нами на материале 244 населенных пунктов из 26 районов Оренбургской области. Источниковый материал представляет собой список говоров с указанием территорий их распространения. В основной своей части он был извлечен в 70-х годах XX в. из архива Межобластного диалектологического кабинета В. А. Малаховского (Самара) и дополнен полевыми исследованиями и архивными материалами известного оренбургского диалектолога и топонимиста Б. А. Моисеева.

Данные, приведённые в таблице, показывают, что в пределах Оренбургской области в 60–70-е годы XX в. имели место все основные типы русских говоров, характерные для славянской территории: говоры северного наречия (в 49 насел. пунктах), говоры южного наречия (в 121 насел. пункте) и среднерусские говоры (в 77 насел. пунктах). Предки современного оренбургского русского

населения — это переселенцы из северных, западных и центральных губерний Российской империи, и потому на территории одного и того же района и даже населённого пункта Оренбургской области можно наблюдать разнообразие говоров, зачастую перемежающихся, которые впоследствии образовали новые варианты местного языка. Однако, несмотря на одновременность переселения и территории размещения, русские говоры более или менее сохранили диалектные особенности, присущие языку населения губерний и уездов, откуда переселенцы эти прибыли [Мещерский, 81].

При предварительном нанесении табличного материала на карты обнаруживается, что северновеликорусские говоры неизменны в своих границах и занимают в пределах Оренбургской области:

1) северо-западные районы области¹: Северный — 63 %, Бугурусланский — 44 %, Асекеевский — 37 %, Бузулукский — 33 %;

2) образуют своего рода языковое кольцо вокруг Оренбурга: Беляевский (Буртинский, Зианчуринский) — 100%, Сакмарский — 57 %, Соль-Илецкий — 54 %, Тюльганский — 40 %, Саракташский — 38 %, Переволоцкий — 29 %, Оренбургский — 26 %, Илекский (Краснохолмский) — 25 %;

3) распространены в прежних форпостах, городах-крепостях, построенных на территории Оренбургской области в 1736–1743 гг.: Бузулукской, Переволоцкой, Чернореченской, Рассыпной, Татищевской, Оренбургской, Илецкой защиты, Бёрдской, Пречистенской, Воздвиженской, Красногорской, Верхне-Озёрной, Ильинской, Губерлинской, Орской (бывш. Оренбургской).

По данным переписи, проведенной в 1740 году, в Бузулукской крепости проживало 613 чел. из 36 уездов; из них 129 чел. из

¹ «В 40–60-х годах (XVIII в. — Л. А.) Оренбургская канцелярия «жалует» дворян землями по рекам Большому и Малому Кинелю с притоками, нижнему течению Тока и Боровке (территория современных Бузулукского, Бугурусланского, Северного и частично Грачёвского районов)... Здесь они основали поселения своих крепостных крестьян... В 1830 году бузулукский помещик Владимир Племянников писал, что старожилы Бузулукского уезда «переселились сюда в последней половине столетия, большею частью из Симбирской губернии, ... и из смежных с ней районов Поволжья» (С. Попов. Заселение оренбургских степей // Южный Урал. 26 января 1982).

Яицкого казачьего городка, из Симбирского уезда — 78, Нижегородского — 63, Алатырского — 42, Владимирского — 35 и т. д., в Тоцкой крепости — из Нижегородского и Симбирского, в Сорочинской — из Симбирского уезда. Этнический состав жителей новопостроенных крепостей к 1741 г. выглядел следующим образом: русских — 1 718 чел., «инородцев» — 167, черкас — 150 [Буканова, 186].

В 1739 г. был издан указ о приеме на поселение в крепости добровольцев из черкас, и начиная с 1741 г. малороссийские черкасы — всего 3730 чел. — из Полтавского, Сумского, Харьковского, Прилуцкого и Переяславского, Галицкого, Лубянского, Нежинского полков партиями стали отправляться в Оренбургский край. Следующее массовое переселение носителей южнорусского наречия наблюдается в 30–50-х гг. XIX в.

Говоры южного наречия, как показывают иллюстрирующие материалы, к середине XX в. были распространены в основном в центральной части области: Шарлыкский район — 100 %, Октябрьский — 100 %, Пономарёвский — 91 %, Оренбургский — 93 % и др.; на северо-западе области наблюдается — южно- и севернорусская чересполосица.

«Наблюдения, производившиеся диалектологами в 1930-х — 50-х годах, показали, что в районах Куйбышевской и Оренбургской области встречаются южновеликорусские говоры, относимые ко всем основным группам южновеликорусского наречия, в зависимости от того, откуда именно переселялись на новые места предки современных носителей того или иного конкретного говора» [Русская диалектология, 46]. Спустя полвека после последних масштабных диалектологических исследований экспедиция под руководством С. А. Мызникова из Санкт-Петербурга, происходившая в 2009 г., обследовав территории южных районов области и окрестности г. Оренбурга, также выявила «следующие характеристики русских говоров Оренбургской области: 1) преобладание говоров с южнорусскими фонетическими особенностями; 2) морфологические характеристики также являются южнорусскими; 3) в лексике имеется некоторое число лексем с ограниченной данным регионом территорией распространения» [Мызников, 191].

Среднерусские говоры встречаются преимущественно среди потомков уральских казаков и простираются вдоль всей Оренбургской укрепленной линии, образуя причудливый коридор: Ташлинский (Мустаевский) — 100 %, Первомайский (Тёпловский) — 100 %, Бузулукский — 50 %, Соль-Илецкий — 39 %, Илекский — 37 % и др.

По территории размещения, времени и принципу образования и некоторым другим признакам оренбургские говоры можно делить на две большие группы: говоры первичного (раннего) формирования — севернорусские говоры (30-е гг. XVIII в. — 30-е гг. XIX в.) и говоры позднего формирования — южнорусские говоры (30–50-е гг. XIX в. — XX в.).

С позиции современной лингвогеографии на территории Оренбургской области выделяются несколько групп оренбургских говоров: 1) краевой севернорусский говор (с неполным оканьем); 2) сакмарский (оренбургский) казачий говор с оканьем; 3) уральский (яицкий) казачий говор с аканьем, исторически примыкающий к территории Уральского казачьего войска; 4) «новоилекский» с оканьем; 5) южнорусские говоры.

Хронологическая стратификация русских народных говоров на территории Оренбургской области показывает, что распространение языковых черт от одного диалекта к другому — процесс длительный и постепенный. Очень интересный материал в этом плане даёт старожильческий сакмарский говор, в котором донныне сохранились севернорусские черты. История формирования данного говора достаточно хорошо изучена оренбургскими диалектологами и историками и наглядно показывает, что аканье здесь постепенно затрагивает окающие говоры, но окончательно так и не утвердилось. «... Объединившись в Сакмарске со сходцами Сибири, с исетскими и самарскими казаками, ... и находясь в окружении представителей севернорусских говоров, яицкие (уральские) казаки, поселившиеся в Сакмарске в 1725 г. и переселившиеся сюда в 1736 г., — не могли сохранить всех типичных черт своего уральского говора, ассимилировались в произношении с новыми своими соседями и, таким образом, положили начало новому говору в Оренбургском крае, основу которого составил окающий севернорусский сибирский говор,

а наслоение — акающий уральский говор» [Зорин, 1948, 71].

Таким образом, как показывает проанализированный материал, русский лингвистический ландшафт Оренбуржья претерпел за три столетия глубокие и существенные изменения. Если данная территория исторически характеризовалась преимущественно севернорусским языковым типом, то за последние почти два столетия старожильческие казачьи говоры здесь не являются определяющими.

Изложенные выше соображения, естественно, носят предварительный характер. В целях последовательного и всестороннего изучения диалектной основы оренбургских говоров «... необходима кропотливая исследовательская работа, в результате которой будут подробно описаны микродиалектные системы на современном этапе, проведена реконструкция материнской основы отдельного говора <...> и только при сопоставлении точно установленных диалектных основ, лексических систем и закономерностей в формировании различных говоров <...> можно будет провести объективно классификацию русских говоров...» [Бухарева, 44].

Вопросы живой русской речи в Оренбуржье продолжают оставаться перспективными для изучения и ждут своих исследователей.

Литература

- Атлас Оренбургской области. М., 1992.
- Баранникова Л. И.* Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. Саратов, 2000.
- Бухарева Н. Т.* Сибирская лексика и фразеология. Новосибирск, 1983. ГАОО. Ф. 2. Оп.1. Д. 13. Л. 48–50 // Цитируется по изданию: Буканова, Р. Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. Уфа, 1997.
- Даль В. И.* О наречиях русского языка // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. М., 1989.
- Здобнова З. П.* Типология русских говоров в Башкортостане (по данным лингвогеографии): Учебное пособие по спецкурсу. Уфа, 1981.
- Зеленин Д. К.* О говорах оренбургских казаков // Русский филологический вестник. 1906 г. Т. LVI. № 3–4.
- Зобов Ю. С.* История формирования русского населения Оренбуржья // Мы — оренбуржцы. Историко-этнографические очерки/Под общ. ред. В. В. Амелина. Оренбург: ОАО ИПК «Южный Урал», 2007.

Зорин Н. И. Говоры Чкаловской области // Известия Чкаловского отдела Географического общества Союза ССР. Чкалов, 1948. Вып. 1.

Зорин Н. И. К истории изучения оренбургско-чкаловских говоров // Учёные записки Чкаловского гос.педагогического института им. Чкалова, 1956. Вып. 8.

Курбангалеева Г. М. О некоторых перспективах изучения лексики русских говоров Башкортостана // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы X региональной конференции. Уфа, 2010.

Лосиевский В. Слова, местно употребляемые в Оренбургской губернии // Оренбургские губернские ведомости, 1851. № 43, 44, 51.

Лыткин В. И. К изучению говоров нашей области // газ. Чкаловская коммуна. 8 декабря 1945 г. № 240.

Лыткин В. И. Краткие сведения о говорах Чкаловской области // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка. Вып. 6. М.-Л., 1949.

Мещерский Н. А. Южнорусские диалекты на северо-западе Чкаловской области (по материалам диалектологической экспедиции Бугурусланского государственного учительского института в 1946 г.) // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка. Вып.5. М., Л., 1949.

Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь. 5698 слов и словосочетаний // Моисеев Б. А. Оренбург, 2010.

Моисеев Б. А. Хрестоматия оренбургских говоров. Учебное пособие. Оренбург, 2005.

Мызников С. А. Русские говоры Оренбуржья в полиэтничном окружении // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2010. № 1 (58).

Оренбургская область. Административно-территориальное деление. По состоянию на 1 сентября 1960 г. Оренбург, 1960.

Русская диалектология /Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972. С. 46. // Цитируется: Малаховский, В. А. Несколько поправок к диалектологической карте русского языка (к вопросу о границах поволжского южновеликорусского «острова») /В. А. Малаховский // Ученые записки Куйбышевского пединститута, 1955. Т. 13.

Фольклор Чкаловской области /Сост. А. В. Бардин. Чкалов, 1949.

Лингвогеографическое изучение русских говоров Удмуртии*

Е. А. Жданова

Необходимость и целесообразность использования методов лингвистической географии для изучения диалектного языка сегодня не нуждается в подтверждении. А появляющиеся и стремительно совершенствующиеся технические средства дают исследователям все более широкие возможности.

В 2011 году благодаря поддержке совета по грантам Президента Российской Федерации была значительно модернизирована Лингвогеографическая информационная система (ЛГИС) «Диалект», созданная в Удмуртском государственном университете в 2005 году.

Усовершенствованная ЛГИС «Диалект» позволяет проводить полноценное картографирование диалектной лексики, собранной по программе Лексического атласа русских народных говоров.

Русские говоры Удмуртии традиционно относят к северно-русскому наречию. С исторической точки зрения они представляют собой говоры территории позднего заселения, поэтому, с одной стороны, диалектный язык данного региона не имеет особых, характерных лишь для этой местности черт, но, с другой стороны, можно сделать предположение, что говоры переселенцев из различных областей способны образовать ареалы, обнаружить которые должно

* Работа выполнена при поддержке совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках проекта «Лингвистическое и программное обеспечение исследования диалектного языка методами картографирования и лексикографии», грант Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук № МК-3121.2011.6.

помочь лингвогеографическое исследование русского языка на территории Удмуртии.

В данной работе мы представим несколько карт, созданных в ЛГИС «Диалект» по вопросам Программы ЛАРНГ, отражающим некоторые лексические особенности русских говоров Удмуртии, и комментарии к ним.

Карта к вопросу № 188 «Медведь» программы «Природа» демонстрирует различия в основе наименования медведя: помимо общеупотребительного обозначения *медведь*, преобладающего в русских говорах обследуемого региона, на юго-западе Удмуртии зафиксирована лексема *ведмедь*. При этом данная карта отражает лишь лексическое различие, варианты одной и той же основы с [д] или [д'] картографируются одним и тем же значком.

Карта к следующему вопросу программы «Природа» № 189 «Медведица» репрезентирует не только лексические различия, проявляющиеся в разнице основ *медвед-* и *ведмед-* (*ведм-*), от которых образованы картографируемые наименования, но и словообразовательные особенности, проявляющиеся в использовании суффиксов *-иц(а)* или *-их(а)* для наименования самки медведя. На карте нашло отражение и историческое чередование *д//ж*, возникшее на стыке морфем.

Лексические различия переданы разной конфигурацией значков, словообразовательные и фонетические различия — диакритическими знаками.

Как показала карта, образование обозначения самки медведя от диалектной основы *ведмед-* (*ведм-*) отмечено в тех же пунктах, что и наименование *ведмедь*. Суффиксы *-иц(а)* и *-их(а)* присоединяются к одним и тем же основам, причем второй оказывается распространён в южной и центральной части Удмуртской Республики. Фонетическое чередование *д//ж* на стыке морфем оказалось не характерным для русских говоров обследуемого региона.

Карта к вопросу № 18 146 «Рукавицы» программы «Материальная культура» показывает, что помимо общеупотребительных слов *рукавицы* и *варежки* в западной части Удмуртии сохраняются традиционные диалектные наименования рукавиц *поддёржки* и

вачаги. Слово *поддёржка* ‘верхняя рукавица из холста’, по данным Словаря русских народных говоров (СРНГ, 27, 390), отмечено в Кировской области, с которой Удмуртия граничит на северо-западе. Лексемы *вачаги*, *вачеги* широко распространены в северно-русских говорах (СРНГ, 4, 77).

Карта демонстрирует прежде всего лексические различия, поэтому произносительные и орфографические варианты *подержки*, *подёжки*, *падешки*, *поддёвки*, словообразовательные синонимы *рукавки*, *рукавицы*, *рукавички*, а также *варежки* и *вареги* отображаются одинаковыми значками.

ЛГИС «Диалект» дает пользователям возможность сделать выборку по нескольким вопросам и увидеть на карте соответствующие данные. Также возможен поиск ответов по «маске» слова или его части. Эти возможности оказались важными для построения семантических карт.

При обработке записей, сделанных студентам во время диалектологических экспедиций, оказалось, что на большое количество семантических вопросов получены, к сожалению, некорректные ответы, лишенные формулировки значения. Так, например, на вопрос программы «Природа» № 156 «Употребляется ли и в каких значениях слово *зубы*?» ответом в большинстве случаев служит простая констатация факта употребительности данного слова. Однако во многих случаях ответы на семантические вопросы дублируются ответами на вопросы других типов. Поэтому задав в качестве критерия отбора материала основу наименования *зуб-*, мы получили выборку, включающую все слова с этой основой, имеющиеся в базе данных ЛГИС «Диалект». На следующем этапе мы отобрали для картографирования те ответы, которые соответствуют тематике программы «Природа», отведя все соматизмы с омонимичной основой и их дериваты, в результате чего на карте нашли отражение следующие наименования:

- зуба* — гриб (общее наименование),
- зуба* — съедобный гриб (общее наименование),
- зуба* — белый гриб,
- зуба* — грибной нарост на стволе дерева.

Как показывает получившаяся семантическая карта, слово *зуба* как наименование гриба, характерное для северо-русских говоров, является повсеместно распространенным на территории Удмуртии. Наиболее употребительным оказывается слово *зуба* как общее наименование гриба. Фиксация этого слова для обозначения съедобных грибов в тех же пунктах может свидетельствовать об отсутствии в этих говорах особого наименования для съедобных грибов и употребление лишь общего обозначения.

Аналогичным образом была составлена семантическая карта, отражающая употребление в Удмуртии слов с «маской» *пестерь*. Так же, как и в предыдущем случае, ответы на соответствующий семантический вопрос не дают представления о значении этого наименования в русских говорах Удмуртии. Однако, по нашим наблюдениям, оно хорошо известно жителям данного региона, что подтвердило и лингвогеографическое исследование.

Как показывает карта, словом *пестерь* в Удмуртии называют различные плетеные из лыка или бересты предметы, используемые для переноски чего-либо (корзина, кошель). В некоторых населенных пунктах это слово используется в качестве обозначения других предметов, изготавливаемых аналогичным образом из тех же материалов (лаптей, посуды). В юго-восточной части республики слово *пестерь* служит наименованием более широкого круга предметов, выполняющих функцию средства для переноски (различного рода сумок).

На сегодняшний день составлено несколько десятков карт по вопросам программ ЛАРНГ «Природа», «Питание», «Материальная культура». Данные карты не дают основания говорить о четком диалектном членении территории Удмуртии. В основном лексический состав говоров данного региона отражает особенности северо-русских говоров и говоров территории западного Урала. Однако на многих картах можно выявить небольшие ареалы некоторых диалектных лексических и словообразовательных явлений. Чаще такие ареалы встречаются в западной или восточной части республики, что может свидетельствовать о том, что изоглоссы явлений лексического уровня в нашем регионе проходят в основном с севера на

юг. Более точная информация может быть получена в результате внесения в базу ЛГИС «Диалект» новых данных, а также путем картографирования более обширной территории, включающей соседние регионы.

О составлении «Лингвистического атласа Оренбургского края»

Л. В. Дюсупова

Евразийское пространство, одной из частей которого является территория Оренбургской области, образует с лингвистической точки зрения чрезвычайно интересный объект для изучения одного из актуальных вопросов социолингвистики — вопроса о взаимодействии языков на ограниченном ареале.

Современное Оренбуржье представляет собой естественным образом сложившийся этнокультурный регион, в котором в результате длительного исторического процесса сформировались оптимальные условия для взаимодействия сразу нескольких, не всегда генетически родственных языков.

Всего в Оренбургской области согласно Всероссийской переписи 2002 г. проживают 2 млн. 179 тыс. человек.

Как известно, длительное совместное проживание на одной территории приводит к активным языковым контактам. Так, длительное проживание на территории Оренбургской области представителей разных народов привело к совместному существованию таких языков, как русский, украинский, немецкий, татарский, казахский, башкирский, чувашский, мордовский, относящихся не только к различным группам, но иногда к различным языковым семьям, что само по себе предопределяет сложность той языковой ситуации, которая характерна для нашего региона. Для многих из этих этнических групп характерен билингвизм. В то же время, как указывают исследователи, полной симметрии в социально-этнических условиях функционирования даже двух языков в одном обществе

Народы	Численность (тыс.)	%
Русские	16 111,5	73,9
Татары	166,0	7,6
Казахи	125,6	5,8
Украинцы	76,9	3,5
Башкиры	52,7	2,4
Мордва	52,5	2,4
Немцы	18,1	2,4
Чуваши	17,2	
Армяне	10,6	
Белорусы	9,2	
Азербайджанцы	7,8	
Узбеки	3,3	

практически не бывает. Уравновешенная двуязычная ситуация возможна только тогда, когда большинство жителей данного региона владеют полностью обоими (или сразу несколькими) языками, используют их в любых речевых ситуациях или с легкостью переходят с одного языка на другой.

В условиях Оренбургского региона такие языки, как татарский, башкирский, чувашский, мордовский, казахский поддерживаются еще и тем, что территории, на которых эти языки являются коренными, автохтонными, незначительно удалены, контакты с ними постоянны и непрерывны в течение веков. Вместе с тем специалисты ставят сохранение и функционирование языка в прямую зависимость от культуры и заинтересованности самого индивидуума, а не от государственно-политических и общественно-психологических факторов.

Таким образом, языковая панорама современного Оренбуржья — это сложная мозаика из нескольких десятков различных как по происхождению, так и по своим социальным функциям языков. Неоднородность мира преломляется в социальном статусе самих языков: языки различны по количеству говорящих на них людей, по своим общественным функциям, по сферам использования, по

авторитету в данном регионе и за его пределами. Адекватное и комплексное картографирование языков Оренбургского края позволило бы гораздо целостнее представить себе многие процессы этноязыкового взаимодействия и контактирования языков на территории нашей области.

В «Лингвистическом атласе Оренбургского края», над составлением которого работа только начинается, должны найти отражение последние изменения в этнолингвистическом пространстве Оренбургской области в связи с локализацией представителей отдельных народностей по тем или иным районам области. Помимо картографических таблиц будет представлена также обширная справочная информация, включающая варианты названия этносов по-русски и их самоназвания, указывающая на то или иное число говорящих и территорию их проживания, сведения о письменности, а также литературные иллюстрации, представленные текстами на тех языках, носители которых проживают на территории Оренбуржья. Статистические сведения будут даны по результатам переписи 1989, 2002 г. и в перспективе — 2010 г.

Данный проспект является уникальным, так как до сих пор не выпущено какого-либо лингвогеографического издания, нацеленного не только непосредственно на Оренбургскую область, но и на Урало-Поволжский регион. Это касается как системы карт, так и справочного раздела.

План работы над Атласом включает в себя следующие части:

1) изучение материалов переписи населения Оренбургской области 1989 и 2002 гг. и 2010 гг. в аспекте отражения в них степени владения жителей родным языком;

2) разработка компьютерной картографической основы, на которую затем будет накладываться собственно лингвистическая информация;

3) подготовка языковых карт отдельных районов области (в Оренбургской области 35 районов, 12 городов, 4 рабочих поселка, 604 сельсовета, 1 742 сельских населенных пункта);

4) подбор иллюстративных текстов для каждого из языков;

5) компьютеризация лингвистической карты Оренбургского края, окончательное редактирование карты и справочной части; создание полного указателя всех языков; подготовка атласа к изданию.

Атлас будет рассчитан на специалистов в области лингвистики и лингвистического краеведения, социологии, этнографии и картографии, преподавателей и студентов высших учебных заведений, журналистов, юристов, географов, а также на широкий круг читателей; он может использоваться как справочное и учебное пособие.

«Лингвистический атлас Оренбургского края» станет своеобразным информационно-справочным изданием, в котором такой многонаселенный ареал как Оренбургская область будет впервые не только представлен на языковой карте, но и получит максимально полные историко-лингвистические и этнографические комментарии.

Литература

Дюсупова Л. В. Особенности языковой ситуации в современном евразийском пространстве // Евразийское ожерелье. Альманах общественного института истории народов Оренбуржья им Муссы Джалиля. Оренбург, 2003.

Дюсупова Л. В. Языковая политика в евразийском пространстве // Культура славян Оренбуржья: история и современность. Материалы региональной научно-практической конференции. 26–27 октября 2002. Оренбург, 2003.

Иванов В. В. Общеславянский лингвистический атлас (1958–1993). Итоги и перспективы // Общеславянский атлас. Материалы и исследования. 1991–1993. М., 1996.

Мы — оренбуржцы. Историко-этнографические очерки /Под общ. ред. В. В. Амелина. Оренбург, 2007.

Характеристика национального состава населения Оренбургской области. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. (сборник). Госкомстат РСФСР. Оренбургское областное управление статистики. Оренбург, 1990.

К вопросу о картографировании глаголов, обозначающих в русских народных говорах звуки, издаваемые жаворонком

С. А. Ганичева

Первый раздел Программы «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ) посвящён лексике природы. Двадцать три вопроса этого раздела предполагают построение карт глаголов, обозначающих звуки животных и птиц (лисы, волка, сороки, курицы и др.). Эта группа глаголов (глаголы-зоофоны), достаточно однородная по семантике и структуре [Азарх, 104–105], уже рассматривалась в русской лингвистике в разных аспектах, том числе при изучении глаголов звучания и звукоизобразительной лексики (см. работы Л. М. Васильева, Ю. С. Азарх, Н. А. Курашкиной, И. В. Ивлиевой, П. С. Третьяковой, Р. Г. Карунц и др.). В диалектологических атласах русского языка отдельным синонимическим рядам глаголов-зоофонов посвящено несколько карт (звуки коровы, лошади, овцы и собаки в «Диалектологическом атласе русского языка» и др.). Однако подобных карт мало, и они, в основном, отражают территориальную дистрибуцию глаголов, обозначающих звуки, издаваемые домашними животными и птицами. Программа ЛАРНГ предполагает значительно более подробное лингвогеографическое изучение данной лексико-семантической группы, в том числе обозначений криков диких животных и птиц. В Пробном выпуске ЛАРНГ уже опубликованы карты глаголов, обозначающих звуки дикого кабана и лисы. Кроме того, некоторые составленные карты ещё не изданы. Так, в Вологодском государственном педагогическом университете карты глаголов-зоофонов были подготовле-

ны Е. Н. Шабровой (Ильиной) (крик совы), А. Л. Смирновой (пение соловья). Наша работа продолжает начатое этими исследователями изучение территориального распределения глаголов, обозначающих звуки диких птиц.

В частности, мы обратились к словам, обозначающим пение жаворонка (вопрос Программы ЛАРНГ Л 281 «Петь (о жаворонке)»). В данной статье мы излагаем результаты предварительной работы с материалами картотеки. С нашей точки зрения, вызывает вопросы целесообразность включения в ЛАРНГ карты, посвящённой данному синонимическому ряду слов. Это связано как с особенностями семантики глаголов, так и с их территориальным распределением.

В картотеке вопроса Л 281 «Петь (о жаворонке)» зафиксировано 64 лексемы и 3 глагольных словосочетания: *блѣять* (1; в скобках приведено количество фиксаций), *ворковать* (2), *выводить трѣли* (1), *высвистывать* (1), *выфёркивать* (1), *давать трель* (1), *жаворонить* (5), *жаврывать* (1), *журавить* (1), *журчать* (1), *завиваться* (1), *заголосить* (1), *заливаться (залиться)* (74), *заливать* (12), *затвѣлить (затвѣливать)* (20), *затвѣливать* (3), *затвѣлять* (1), *затлѣивать* (1), *звенѣть* (23), *играть* (3), *квѣлить* (1), *кричать* (3), *курлькать* (1), *насвистывать* (1), *невучить* (1), *перепевать* (1), *петь* (293), *петь хорошо* (1), *пѣять* (1), *пиликать* (1), *пищать* (6), *подпевать* (1), *посвистывать* (2), *распевать* (3), *свиристѣть* (2), *свистать* (1), *свистѣть* (17), *спивать* (4), *стрекотать* (3), *твѣлить* (2), *тѣнькать* (1), *трѣлить* (3), *трѣлькать* (1), *трезвонить* (7), *трещать* (5), *трѣлѣть* (1), *тютюкать* (1), *цвиринчить* (1), *чѣвкать* (1), *чѣкать* (1), *чивѣкать* (1), *чивѣлѣть* (1), *чивѣркать* (2), *чиликать* (8), *чирикать* (232), *чѣркать* (1), *чирликовать* (1), *чувѣкать* (1), *чулюкать* (2), *чурюкать* (1), *щѣлкать* (2), *щѣбетать* (20), *щѣкотать* (1), *юлить* (1). В дальнейшем не рассматриваются слова *блѣять*, *ворковать*, *выфёркивать*, *жаврывать*, *журавить*, *журчать*, *завиваться*, *заголосить*, *квѣлить*, *курлькать*, *пиликовать*, *свиристѣть*, *стрекотать*, *тютюкать*, *цвиринчить*, *щѣлкать*, *щѣкотать*, *юлить*. Эти глаголы встретились не более двух раз, не имеют родственных среди более частотных слов и не

зафиксированы в значении ‘петь (о жаворонке)’ в использованных нами словарях, поэтому возможно, что они попали в картотеку вопроса Л 281 по ошибке. Также от рассмотрения сразу были отведены словосочетания.

Большая часть оставшихся глаголов обладает широкой семантикой. Среди них почти нет видоспецифичных слов типа *куковать*, *кукукать* (о кукушке); исключением, вероятно, является лексема *жаворо́нить*. При этом величина денотативного охвата глаголов различна. Ряд слов может относиться практически ко всем птицам, имеющим песню, вне зависимости от её акустических характеристик (громкая, тихая, с переливами и др.): *петь*, *спивать* (*спевать* — «петь» (СРНГ, 40, 127)), *пéять* «петь» (СРНГ, 27, 17), *играть* ‘издавать голосом свистящие, щелкающие и т. п. звуки (о птицах)’ (СРНГ, 12, 68). Семантика других слов уже, так как они употребляются только по отношению к птицам, издающим звуки с определёнными акустическими характеристиками. Это глаголы с семами ‘громко’ — *кричать* (МАС, 1, 131), ‘с трелями’ *трéлить* (МАС, 4, 403), ‘с переливами, трелями’, ‘звонко’ *заливаться* (МАС, 1, 538), ‘высоко’, ‘похоже на металлический звон’ *звенеть* (МАС, 1, 601), ‘тонко’ *пицать* (МАС, 3, 129), ‘резко’, ‘высоко’ (*свистеть*, *свистать* (МАС, 4, 51)), ‘резко’, ‘сухо’ (*трещать* (МАС, 4, 410)); видимо, также ‘тихо, негромко’ (*щебетать* (МАС, 4, 739); *чирикать* (МАС, 4, 678) и сходные с ним *чивикать*, *чиликатать*, *чикать*, *чівкать*, *чивёркать*, *чирликатать*, *чёркать*, *чивилить*; *твилить*; ср. у. В. И. Даля: *щебетать* — «о пташках, петь тихо, чирикать» (Даль, 4, 1493), *чирикать* — «чиликатать, щебетать» (Даль, 4, 1344)). Информацию о временных и количественных, а также некоторых других характеристиках звука несут глаголы модификационного словообразования, производные от слов *петь*, *свистеть*, *твилить*: *высвистывать* (‘старательно’, ‘интенсивно’), *затвилить* (также *затлвить*, *затвилкатать*, *затвила’ть*, *затвиливать*) (‘начало действия’), *насвистывать* (‘тихо’, ‘неинтенсивно’), *подпевать* (‘слабо’, ‘неинтенсивно’), *посвистывать* (‘негромко’, ‘время от времени’), *распевать* (‘продолжительно’, ‘медленно’) [АГ-80, 1, 379].

Исключением из глаголов широкой семантики является, видимо, слово *жа́воро́нить*. Однако возможность его употребления по отношению к жаворонку требует дополнительной проверки. В большинстве толковых словарей литературного и диалектного языка лексема не зафиксирована. В «Словаре русских народных говоров» значение глагола вслед за словарем В. И. Даля определяется как «высоко поднявшись в небо, порхать на месте (о птице)» (Даль, 1, 1307; СРНГ, 9, 55). По данным картотеки ЛАРНГ, слово зафиксировано только в 5 районах, при этом ни в одном случае не приведён контекст. Таким образом, использование глагола *жа́воро́нить* ‘петь (о жаворонке)’ в русских говорах вызывает сомнение. В случае, если такой глагол действительно существует, он образован от существительного *жа́ворон* «жаворонок» (СРНГ, 9, 55) с помощью суффикса *-и-* так же, как *соро́чить* от *сорока*, *гра́чить* от *грач* и др.

Широкая семантика характерна для большинства глаголов, обозначающих звуки певчих птиц (Ивлиева, 39). Вероятно, это объясняется следующим. Во-первых, песни птиц, обладающих красивым голосом, очень сложны. Они состоят из множества колен разного характера: пиньканья (*пинь*, *пиньк*), тевканья (*тек*, *чев*, *тев*), колокольчика (*тинь*, *зинь*, *цвинь*), раската (*чо-чо-чо-чо*), россыпи (быстрое повторение одного слова в одном тоне), щёлканья (короткие щёлкающие звуки), ручейка (люющиеся неопределённые колена), свистов (отдельные красивые сильные звуки), помарок, полупомарок (колена, режущие слух, трескучие, скрипящие, чавкающие) (Никонов, 16). Кроме того, многие певчие птицы способны подражать своим сородичам. Таким образом, пение этих птиц трудно даже приближённо воспроизвести средствами человеческой речи. С этим связана сложность образования лексики звукоподражательного характера, к которой обычно относятся видоспецифичные глаголы (*куку́кать*, *ухать*, *кукаре́кать* и т. д.). Для человека проще обозначить пение птицы через сопоставление его со сходными звуками путём развития переносного значения уже имеющегося глагола (*звенеть*) или образование отсубстантивного производного (*свистеть*) или вообще использовать слово предельно широкой семантики типа *петь*. Во-вторых, в человеческом восприятии таких

птиц как соловей и жаворонок на первый план, видимо, выдвигается их красивый голос. Поэтому более существенным становится обозначение самого процесса пения или акустической характеристики звука, а не того, что его издает определённая птица. Следует также отметить, что из-за сложности пения разные его отрезки могут быть обозначены разными глаголами (*свистеть*, *пищать*, *звенеть* может одна и та же птица в разные моменты пения). Поэтому часто затруднительно разграничить ситуативные глаголы и слова, которые употребляются по отношению к пению птицы в целом.

Итак, глаголы, обозначающие пение жаворонка, обычно обладают широкой семантикой. В ряде случаев они имеют дифференциальные семы, связанные с акустическими, количественными, временными и некоторыми другими характеристиками звука. Подобные глаголы могут быть ситуативными. При составлении карт ЛАРНГ слова широкой семантики и ситуативные слова обычно отводятся от картографирования (см., например, карту «Издавать звуки, характерные для лисы», составленную Т. И. Вендиной, в Пробном выпуске ЛАРНГ). Исключение могут составить случаи, когда употребление таких слов по отношению к определённой птице становится узуальным (*трещёть* — о сороке). Видимо, для того, чтобы это стало возможным, глагол должен обозначать такие характеристики звука, которые постоянно проявляются в пении или крике птицы (например, крик сороки всегда грубый и резкий, напоминающий треск).

Среди глаголов, обозначающих звуки жаворонка, узуальное употребление, вероятно, характеризует слова *заливаться/залиться* (реже используется невозвратная форма *заливать*) и *трёлить* (к нему, видимо, можно добавить и единичный глагол *трёлкать* с той же внутренней формой). Об этом свидетельствуют примеры в словарях, тексты художественных произведений: *На воле заливались жаворонки, и в поезде, шедшем из Москвы, везли задыхавшееся солнце на множестве полосатых диванов.* Б. Пастернак (НК); *Трелит жаворонок, исчезая в свете.* Н. В. Гоголь (МАС, 4, 403). Внутренняя форма этих глаголов вполне соответствует тому, что в пении

жаворонка практически всегда есть трели и переливы. Использование слов *трещё́ть*, *пища́ть*, *звенеть*, *трезвóнить*, *высвистыва́ть*, *насвистыва́ть*, *подпева́ть*, *посвистыва́ть*, *распева́ть*, по всей видимости, ситуативно. Об этом свидетельствует незначительное количество фиксаций этих лексем, а также сопоставление словарных толкований слов и описаний голоса жаворонка. Сложнее дело обстоит с глаголами *щебета́ть*, *чири́кать* (и сходными с ним словами), *твилить* (и однокоренными *затви́лить*, *затли́вить*, *затвилі́кать*, *затвлиа́ть*, *затви́ливать*), а также *свисте́ть*. Эти слова зафиксированы достаточно значительное количество раз, в словарях их значение обычно определяется как «издавать пение (о некоторых птицах)» (по-видимому, речь идёт о тихих звуках, ср. толкование из словаря В. И. Даля, приведённое выше), «издавать высокие, резкие звуки (о некоторых животных и птицах)» (*свисте́ть*). Возникает вопрос: является ли употребление этих глаголов по отношению к жаворонку узуальным? По-видимому, однозначно ответить на него сложно. Анализ контекстов показывает, что эти глаголы способны употребляться в отношении жаворонка: *И музыка шарманная, и жаворонки поверху свистят, да Настя тут, да песня тут.* А. Д. Фурманов (НК); *А я, молча проворчал Волк, поистине удивляюсь, что это ты так веселишься.* *Щебечешь*, ну прямо жаворонок над полем. М. Семенова (НК) и др.

Таким образом, с точки зрения семантики не вызывает сомнений отражение на карте глаголов *залива́ться/зали́ться* (*залива́ть*) и *трели́ть* (*трелька́ть*). Скорее всего, с учётом оговорки, сделанной выше, к этим словам можно добавить глагол *жаворóнить*. Кроме того, мы сочли возможным обозначить на пробной карте глаголы типа *щебета́ть*, *чири́кать*, *свисте́ть*, хотя они вызывают сомнения.

Анализ получившейся карты позволяет сделать следующие выводы.

Самым частотным и наиболее распространённым является слово *чири́кать* (*чили́кать*, *чиви́кать*; прочие глаголы, сходные с *чири́кать*, не были картографированы из-за сложности решения вопроса о границах фонетического варьирования в них корневых мор-

фем). Следует добавить, что, если говорить обо всех глаголах картотеки, то самое частотное слово — *петь* (37 % всех фиксаций), однако нанести его на карту не позволяет широкая семантика. Во-вторых, достаточно распространено слово *заливаться*, однако оно не образует ареалов. Форма *заливать* в основном представлена на юго-западе территории картографирования (Курская область) и на севере (Вологодская и Кировская области). Слово *жаворо́нить* в четырех случаях из 5 точно зафиксировано в центральной части (Ивановская, Рязанская, Тамбовская области). Слова с корнем *-трел'-* (*трéлить*, *трéлькать*), имеющие всего 5 фиксаций, представлены в северной части территории картографирования (Псковская, Ивановская, Пермская области и республика Удмуртия). Слово *щебетать* тяготеет к Северо-Восточной и Юго-Восточной диалектным зонам (Ивановская, Московская, Владимирская, Тульская, Курская области); отмечены фиксации и на других частях территории. Глаголы с корнями *-свист-* (*свистéть*, *свистáть*) и *-твил-* || *-тлив-* (*твилéть*, *затвéлить*, *затвлéкать*, *затвлиáть*, *затвéливать*) точно встречаются практически на всей территории картографирования за исключением Северо-Западной диалектной зоны.

Итак, глаголы на карте не образуют ярко выраженных ареалов, хотя в ряде случаев может быть выявлено тяготение к определённой части территории картографирования. Кроме того, как уже было отмечено, семантика большей части слов, видимо, не вполне соответствует формулировке вопроса («Петь (о жаворонке)»). Таким образом, карта оказывается не вполне информативной, что вызывает вопрос о целесообразности её включения в Лексический атлас.

Литература

Азарх Ю. С. О сводных картах слов одной лексико-семантической группы (на материале русских диалектных глаголов, обозначающих крики животных) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1972. М., 1974. С. 104–139.

Ивлиева И. В. Русские глагольные модификации: опыт составления словаря. М., 2008.

Никонов Н. Г. Певчие птицы. 2-е изд. доп. Свердловск, 1973.

Словарь «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» А. В. Громова как источник ЛАРНГ

Статья 2. Прядение

Н. С. Ганцовская

Это вторая статья по книге А. В. Громова, предназначенная для целей ЛАРНГ. В первой статье (см. Сборник статей и материалов Совещания ЛАРНГ в 2011 году) даётся описание произведения А. В. Громова и особенностей представленного в нём материала поунженских говоров Кологривского, Межевского, Макарьевского и Мантуровского районов Костромской области по темам «Названия льна и конопли. Уборка волокнистых растений» и «Переработка льна и конопли на волокно». В данной статье рассматриваются примеры материалов из книги А. В. Громова только по теме ЛАРНГ «Прядение» [см. Программу ЛАРНГ].

Как и прежде, вопросы о конопле мы опускаем. Формулировки вопросов даём по Программе ЛАРНГ с подчёркиванием, сохраняем сокращения А. В. Громова и объясняем их ниже, указываем страницы цитируемой работы автора. Ударения вслед за Громовым обозначаем жирным шрифтом, его примеры выделяем курсивом.

СЛ 12 035. Женщина, которая прядёт. «НЕПРЯХА. Плохая прядильщица или совсем не умеющая прядсть. Повсем. = *Были которые ленивыя прядсть-то. Одну такую непряху муж ругаёт: «Вот умру я — чем покрывать-то будёшь?» жена ему отвецяёт: «Помирай, старой покрою. И вот он, как-то притворився мёртвым, и жена с простеньёв ниткам всево ево обмотала и воёт: «Милой ты мой, на итё ты похож?» — На балалайку, такая-сякая,*

отвечает муж. Мант. Фат. ПРЯДЕЯ. Женщина, которая занимается ручным прядением, умеет прядь. Повсем. = *Одна прядея тонко прядёт, другая товсто.* Мант. Мос. • ПРЯДИЛЬЩИЦА. = *Моя мама была хорошая прядильщица.* Мант. Сам. • ПРЯХА. Фольк. = *У ленивой пряхи и про себя нет рубахи.* (посл.). Мак. Ил. *Раньше говорили: пряха-неряха, теперь все стали ряхи.* Мант. Ус. • ПРЯДЕЙКА. Ласк-снихс. = *Села прядейка прясь и веретенце об пов хрясь!»* — так мне, маленькой прядее, дедушко шутливо говаривав. Мант. Фат. • ПРЯДЕЮШКА. Фольк. = *Ты пряди, прядеюшка. Вот тебе куделюшка, Вот те пряха, вот те лён, вот те десять веретён* (частушка). Мант. Фат. // ПРЯДЕЮШКА = *Санопрядка новая, Много ли напряла? Прядеюшка у стовбушки Всю ночь простояла* (частушка). Мант. Фат. // ПРЯДЕЯ. Хорошая прядильщица. = *Вот сестра моя — прядея так прядея!* Мант. Ус. СУПРЯЖАНКА. Женщина, принимающая участие в супрядке (см.). Повсем. = *Супряжанок угоишали, стов для их собирали хозяева.* Мак. Выш. • СУПРЯДНИЦА. = *Супрядницы в колхозе собирались в одной избе прядь на мешки.* Мант. Сам. ТОЛСТОПРЯХА. Плохая прядильщица. Повсем. = *По рукам узнаешь товстопряху-ту.* Меж. Род. • ТОЛСТОПРЯДИЦА. = *Сестру мою называли толстопрядицей.* Мант. Ус. К словам **толстопряха** и **толстопрядица** синонимы более широкого значения: **беспелюха**, **ленивица**, **лялява**, **неделуха**, **неумеха**. *Беспелюха напряла с перележынам.* Кол. В.-Пол. ТОНКОПРЯХА. Мастерница прядь. Повсем. = *Тонкопряха, дева, она нитоцьки прядёт — хоть на машине шей.* Мант. Сам. • ТОНКОПРЯДИЦА. = *Меня хвалили, называли токопрядицей, а сестру ругали за плохое пряденьё.* • ТОНКОНИТНИЦА. = *Были тонконитницы прядеи.* Меж. Трус. К словам **тонкопрядица**, **тонкопряха**, **тонконитница** синонимы более широкого значения: **гораздёна**, **делавицица**, **задорница**, **рукодельница**. *Сестра моя гораздёна была прядь.* Мант. Шул. *И за девушку не считали, если не ручодельница.* Мант. Еф. *Задорница я была прядь.* Мант. Хляб.» (с. 51–52).

СЛ 12 037 Прялка (о.н.).

«ПРЯЛКА. Ручная прялка, представляющая собой столбик с широкой верхней частью, укрепленный на краю горизонтальной дос-

ки, на которой сидят во время прядения. Повсем. = *Осенью измолотим розжь, овёс. Выкопаем картошку и садимся за пряху.* Кол. В.-Полом. *Прежде прытко прядли. Как на тоциле, на пряхе сидели.* Мант. Хляб. • ПРЭСНИЦА. = *Пресница где-то ишишо валяецца на повите.* Меж. Род. • ПРЯЖКА. Ласк. = *У меня красивая была пряжка-нетунышка.* Меж. Род. • ПРЯЛКА. = *Эта прядка у меня из девок.* Меж. Сол. ♦ **Под пряху.** Рядом с прядкой около прядеи. *На биседах парень под пряху сядёт. К подорешине подсядёт.* Мант. Ус.

ЛОПАСТНА́Я ПРЯ́ХА. Ручная прядка с широкой лопастью для прядения шерсти. = *Шерсть прядли за лопасной пряхой.* Мант. Ус.

САЖО́НАЯ ПРЯ́ХА. Ручная прядка со столбиком, вставленным («посаженым») в копыл (см.) в отличие от коренушки (см.), изготовленной из одного куска дерева с остатком корня. = *Коренушок в нашей деревне было мало, прядли за сажоным пряхам и их не покупали, а сами делали.* Мант. Сам.

СТО́ЛБЕНИ́ЦА. Ручная прядка с узорной резьбой на столбике в виде коротких делений со сквозными отверстиями. = *У мамы была стовбениця, у меня — тоцёная пряха.* Мант. Ус. • ПРЯ́ХА СО СТОЛБО́М. = *Пряха со стовбом моё приданство.* Мант. Ус. • СТОЛБУ́ШКА. = *За стовбушкой, бывало, пряду — в стовбики (см.) охлопоцьки сую, веретено с прязгой подоткну.* Мант. Мос.

ТОЧЁ́НАЯ ПРЯ́ХА. Ручная прядка со столбиком, выточенном на токарном станке. Повсем. = *Тоцёнки делали с разным фигурам на стовбушке, эти пряхи мы на базаре покупали.* Меж. Сол.

Л 12 038. Прядка, изготовленная из цельного изогнутого куска дерева. КОПЫ́Л. Ручная прядка, вырезанная из целого куска дерева с корнем. = *Раньше девки с копылам ходили на биседки прядь.* Мак. Неж. *Толстоё прядли за копылом, тонкоё — за гребнём.* Мак. Неж.

Л 12 039. Прядка, изготовленная из корневища. • КОРЕНО́ВКА. = *Бабушкина кореновка и мне послужила.* Мант. Гус. • КОРЕНОВА́Я ПРЯ́ХА. = *На старой кореновой пряхе мы в детстве со зьезда катались.* Мак. Ник. • КОРЕНОВУ́ШКА. = *У нашова подростка не было коренушек, а были только пряхи со столбикам.* Мак. Шем. • КО-

ПАНИЦА. = *Пряхи-копаницы у риденских сохранились*. Мант. Сам. • КОПАНУШКА. Мак. Ун.» (с. 36–37).

СЛ 12 040. Усовершенствованная колёсная прялка.

«САМОПРЯДКА. Прялка с колесом, которое приводится в движение ногой через подножку. Повсем. = *Самопрядка не прядёт: Нитоцька изгрёбная. Седни милой не придёт; дороженька сугробная* (частушка). Мант. Ус. • САНОПРЯДКА. = *Санопрядки у нас в каждом доме*. Мант. Знам. • САМОПРЯЖКА. Мак. Выш., Неж., Ник., Мант., Мос. • САМОПРЯЛКА. Мак. Юр. САМОПРЯХА. = *В справных домах в трёх пряхи в самопряхи*. Мак. Стар. • ПРЯЛКА. Мак. Ил., Мант. Уг. ♦ **Берёт самопрядка.** Тянет нитку из волокна на прялке. = *Санопрядка сильно берёт, нали выхватывает нитку из руки, потому штё винт шьбыко подвёрнут*. ♦ **Уставлять самопрядку.** Регулировать винтом натяжение приводной нити на колесе самопрялки. = *хорошо уставляешь самопрядку винтом, нитки с колеса не слёстываёт*. Мант. Еф. (С. 40). **Разновидности самопрялок.** КОРОВА. Меж. Род. • ЛЕЖАЧКА. Кол. Запр. СТОЛБУНОК (-ЧИК). Меж. Род. • СТОЯЧКА. Кол. Запр.» (с. 40).

ЛСЛ 12 041. Горизонтальная часть прялки, доска, на которой сидит пряха. «КОПЫЛ. Горизонтальная доска ручной прялки, на которой сидит пряха во время прядения. Повсем. = *Девки всю зиму пряхи, с копыла не слезали*. Мант. Ус. • КОПЫЛО. *Копыло расколось у моей пряхи*. Кол. Запр. • ДЁНКО. Мак. Юр. • ДОНЦЕ. Мак. Юр.» (с. 37).

Л 12 042. Вертикальная часть лопатообразной прялки, на которой закрепляется куделя. «ЛОПАСТЬ. Верхняя широкая часть ручной прялки, к которой привязывают свёрток волокна для прядения — кужель, куделю. Повсем. = *Кужель свернёшь куфтырьком, насадишь ево на спицю и привяжешь мутофцём к лопасти пряхи*. Мант. Мос. • ЛОПАТА. Мак. Неж. ♦ **За лопасть заткнуть.** С внешней стороны лопасти под мутовец воткнуть веретено с пражей. = *Перестанешь прять — веретено за лопасть заткнёшь*. Мант. Ус.» (с. 38).

Л 12 043. Вертикальная часть гребнеобразной прялки. В своём труде А. В. Громов отразил и особенность обработки льна и

прядения при помощи гребня, которая была распространена в Вознесенском, Юровском и Нежитинском сельсоветах Макарьевского района. Он полагает, что это черта соседних Владимирско-Поволжских говоров (с. 86). «ГРЕБЕНЫ. Приспособление для чесания льна и прядения в виде деревянного гребня на стойке, укрепленной на краю горизонтальной доски — копыла. Для обработки льна использовался гребень с редкими зубьями, для прядения — с частыми зубьями. = *На редком гребне надёрнем мочек, навертим куфтырькёв и садимся прять за частой гребень.* Неж.» (с.86). «● ГРЕБЁНКА. — *На Меже гребёнкой называли эту цысть санопрядки, рашманка не слышала.* Кол. Меж., Сол.» (с. 42).

Л 12 044. Вертикальная часть вилкообразной прялки. Частью ножной прялки, самопрялки, является «ВІЛКА. Рогатка, укреплённая на корпусе самопрялки, в которое вставляется колесо. Повсем. = *Вивка держит колесо самопрядки.* Мак. Неж.» (с. 40). «РАШМАНОК. Деревянная рогатка с полусогнутыми гвоздями, зубчиками, на её сторонах, с железным стержнем, веретеном, в середине, на которое надевается катушка для пряжи, запираемая волчком. Рашманок соединяется с колесом самопрялки двумя толстыми нитками, шнурами. = *Рашманок — это сама вилашка и то, итё в ёй: веретено, вьюшка, вовцёк.* Мант. Сам., Гус., Глаз., Еф., Знам., Мос., Под., Рог., Шул. ● РАШКА. Мант. Рог. ● РАШМАКИ. Меж. Род. ● РАШМАН. Мант. Мед. ● РАШМАНИЦА. Мант. Мед. РАШМАНКА. = *Санопрялка прядёт, Рашманка не вертиция, Ко мне милой не придёт, Когда-нибудь подвернёцца* (частушка). Мант. Под., Гус., Знам., Княж., Рог. ● РЯШМАНКА. Мант. Под. ● РАШПИЛЬ, м. Мант. Гус., Знам., Мос., Ус. ● ВИЛАШКА. Мант. Мед, Мос., Уг., Ус., Хляб., Шул. ● ВІЛКА. Мак. Тим. Мант. Уг. ● ВИЛОШКИ, мн. Мант. Мед., Под., Меж., Петр. ● ГРАБЕЛЬКИ. = *Принеси, доцька, с мосту грабельки от санопрядки.* В.-Пол., Запр. { . . . } ● РОГАТКА. Мак. Неж., Мант. Гус., Мос., Рог., Ус., Шул., Хляб. ● РОГАЧ. Мак. Еф. ● РОГОВАТКА. = *На колесо и на роговатку натягивают шнуры.* Мак. Ник., Греб., Ун., Мак., Рог., Уг., Шул. ● ЩЁТКА. Меж. Алеш. // РАШМАНОК. Только сама рогатка. = *Большую вьюшку напряла, на самый рашманок.* Мант. Фат. С этим значением употребляются все равнозначные рашманку

слова» (с. 41–42).

СЛ 12 045. Орудие, на которое при прядении наматывается пряжа. «ВЕРЕТЕНО́. Заострённая палочка длиною 30–50 см. с утолщением посредине — для кручения и наматывания нити при ручном прядении. Повсем. = *У нас самопрядок не было, пряли только на веретёнах.* Мак. Еф. • ВЕРЕТЁНЦЕ. Ласк. = *На веретёнце-то потужэ навивай — с мужом будёшь жить лутшэ.* Мак. Ил.» (с. 38).

ЛСЛ 12 046. Надевается ли при прядении на веретено колечко? Как оно называется? «ПРЯ́СЛЕНЬ, род. п. ед. ч. -ЛЕНЯ, им. п. мн. -НИ, -НЬЯ. Колечко, подвязанное к ушку лопасти ручной прялки, в которое втыкается веретено, когда временно прерывается прядение. Повсем. = *Веретено с пряжей в преслень вденёшь али снизу за кужель подоткнёшь.* Мак. Ил. *На прясленья ишли: железная гаецькя, пуговиця, прозвонок от большой рыбы, колецько от детской простушки, от катушки, от рога, от костянова гребня.* Мант. Знам. • ПРЯ́СЛЕНЁК. Уменьш.-ласк. = *Прясленёк — это колецько на верёвоцьке у лопасти пряхи для веретена с пряжей.* Кол. В.-Пол. • ПЕ́РСТЕНЬ. = *Перстень для повнова веретена али зацятыша.* Мак. Ил.» (с. 38–39).

Л 12 047. Зарубка в нижней части веретена. «Части веретена. . . ПЯ́ТКА — нижняя часть веретена. == *На биседках не пойдёшь в барабу с парнём — он со зла пятку на веретене откусит.* Мант. Фат.» (с.38).

Л 12 048. Полное веретено. «ПРÓСТЕНЬ, м., род., п., ед. ч. -ТНЯ, им. п. мн. ч. -ТНИ, -ТЕНЬЯ. Полное веретено пряжи. Повсем. = *Повноё веретено пряжы извеку называют простень.* Мант., Ус. *На биседках в барабе не засидисся, дома-то простенья спрашывають.* Мант., Елиз. • ПРО́СТЕШО́К. Уменьш.-ласк. = *Не в кую пору уж простешок напяла.* Меж., Род. *Пряла, пряла, тонила, Не дары готовила. А мои-то простешки Угадали на мешки (частушка).* Мант., Сам. • ВЕРЕТЕНО́. = *За вецер веретено напяла, из ево пасма намотала.* Мант. Сам. • ЗАЧА́ТЫШ. = *Мы зацятышам пряли, проснем у нас не называли.* Мак. Выш. • РУ́ЧЕНЬКА. = *Из одной рученьки три пучька пряжи наматаешь.* Мак. Неж., Сол.» (с.48).

Л 12 049. Неполное веретено. «ЗАЧА́ТЫШ. Неполное веретено

пряжи. Повсем. = *Зацятыйш* — это нацин пряжи на веретене. Мант. Гус. *При сватанье невесту проверяли пряденьём: выведут на середину избы прять и сваха возьмёт у её зацятыйш.* Мант., Сам.

- КУБЫШКА. = *Зацятыйш и кубышка одно и то же.* Мак., Ник.
- КЛУБЫШКА. Меж. Алеш. КУБЫШЕЧКА. Уменьш.-ласк. = *Перво кобышецьку напрядёшь, потом уж вприсуцьку прять будешь.* Мант. Княж. // ЗАЧАТЫШ. Полное веретено пряжи. = *Зачатыйш напрядла и на мотовило смотала.* Мак. Выш. См. Простень» (с. 48).

ЛСЛ 12 050. Соединять во время прядения концы оборвавшейся нити. «Соединять концы порванной нити при прядении. Повсем. = *На переслежыне нитка порвёцца и ты припрядёшь её.* Меж. Род.» (с. 45).

Л 12 053. Слабо скрученная, мягкая пряжа. «СЛАБИНА. Слабо натянутая часть основы, вызывающая брак при приготовлении ткани. Повсем. = *Где слабина на навое, подложышь бумажку, берестецько, даже соломки.* Кол. Запр. *Как камень надэ навивать основу на навой, без слабин. От слабин один край хвоста идёт плотной, другой — как решето: кромка слабая, лямоватая: зыбкой, нали упадёт.* Мант. Сам.» (с. 73).

Л 12 054. Сильно скрученная, жёсткая пряжа. «КРУТАЯ ПРЯЖА. Нитки, сильно скрученные при прядении. Повсем. = *Крутая пряжа — грубая.* Мак. Ун.» (с. 50).

Л 12 055. Брак в пряже в виде торчащих перекрутин. «СУКРУТИНА. Перекрученное место на выпряденной нити. Повсем. = *Которая прядея больно круто прядёт, с сукрутинам.* Мак. Шем. *Ковда сильно берёт самопрядка, на нитках сукрутин напрядёшь.* Мант. Сам. • СучОК. = *Без сучьков не напрядёшь и не выткошь.* Мак. Ил.» (с. 47).

Литература

Громов А. В. Словарь. «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже». Ярославль, 1992.

Сокращения

- Запр. — Деревня Запрудново (Кологривского района)
Кол — Кологривский район
Мак. — Макарьевский район,
Выш — Деревня Вышково (Макарьевского района)
Марк — Деревня Марковица (Макарьевского района)
Неж. — Деревня Нежитино (Макарьевского района)
Юр. — Деревня Юрово (Мантуровского района)
Еф. — Деревня Ефимово (Межевского района)
Сам. — Деревня Самылово (Межевского района)
Ус. — Деревня Усолье (Межевского района)
Фат. — Деревня Фатьяново (Межевского района)
Хляб. — Деревня Хлябишино (Межевского района)
Род. — Деревня Родино (Межевского района)
Сол. — Деревня Соловьёво (Межевского района)

Способы описания и представления слов-фитонимов в «Словаре смоленских говоров»

В. С. Картавенко

«Словарь смоленских говоров» содержит большое количество слов, называющих различные виды растений: лекарственных, злаковых и огородных культур, сорняков и др. Эта группа диалектных слов тесно связана с жизнью народа, с его историей и культурой.

На базе «Словаря смоленских говоров» (в дальнейшем — ССГ) постараемся проанализировать народные названия растений, особенности их описания и представления. Рассмотрим группу диалектных слов, называющих лекарственные растения.

Лечение растениями на Руси имеет свою историю. Из самых известных лекарственных растений чаще всего применялись шиповник, одуванчик, лопух, лук, береза, клюква. Знахари, колдуны лечили травами не только простудные заболевания, но и многие другие болезни: астму, желтуху, малярию, стенокардию, туберкулез, цингу.

Известно, что в России выращивали лекарственные растения начиная с XVII века. Есть данные о том, что в 1666 году из Полоцка и Смоленска доставили в Москву для разведения 20 пудов окопника лекарственного. В середине XVII века был создан специальный Аптекарский приказ, стали появляться оригинальные русские сочинения по применению лекарственных растений. В дальнейшем накопленные сведения послужили материалом для создания таких обобщающих трудов, как «Врачебное веществование» Н. М. Максимовича-Амбодика (1783 г.), «Фармакография» А. Н. Нелюбина (1827 г.), «Ботанический словарь» Н. И. Анненкова (1878 г.) и др.

Для каждой русской территории были характерны свои лекарственные растения, соответственно и названия они часто имели народные, диалектные. В смоленских говорах выявлено достаточно много слов, называющих такие растения: *аверьяновка, баранец, бальзаминка, белокопытник, бружжесельник, бруслица, сонник, трипутник, тысячник* и ряд других.

Для более полной характеристики растений авторы Словаря дают при диалектном слове и латинские названия деревьев, трав, цветов.

Так, слово *аверьяновка* представлено в ССГ следующим образом: «Аверьяновка, и, ж. 1. Растение *Valeriana officinalis* L., валериана. Для Карейки авирьянъуки многа растеть. Вяз. Староселье. Авирьянъука цвитить белыми цвитами. Ярц. Михайково. Авирьянъуку збирають и здають у аптеку. Гаг. Баскаково» (ССГ, 1, 61).

В книге «Определитель растений средней полосы Европейской части СССР» даны такие сведения о валериане: «*Valeriana officinalis* L. — Валериана, кошачий маун. Цветки большей частью неправильные, белые или бело-розовые, собранные в щитковидное соцветие. Венчик спайнолепестный, о 5 лепестках. Чашечка незаметная. Тычинок 3. Пестик на верхушке трехраздельный. Тычинки и пестик выдаются из венчика. Завязь нижняя. Листья супротивные, непарно-перистосложные. Стебель бороздчатый. Рост 60–150 см. Цветет с половины июня до середины августа. По заливным и болотистым лугам, на сырых опушках и в кустарниках.

Название *Valeriana* растение получило в честь одного из римских императоров — Валериана. По другой версии — от латинского слова *valere* — «быть здоровым», по лечебным свойствам растения. Кошачьим мауном зовется благодаря тому, что кошки очень любят запах этого растения. *Officinalis* в переводе с латинского — «лекарственная», «аптечная»... .

Валериана — очень важное медицинское растение. Из ее корней готовят все известные валериановые капли. Самый корень имеет характерный запах валериановых капель» [Определитель... , 429–430].

Если сравнить данные о валериане, представленные в ССГ и в Определителе растений, то можно сделать вывод, что, несмотря на немногочисленные примеры и не очень богатые данные о растении в ССГ, все же основные сведения совпадают: обильное произрастание, цветет белыми цветами, используется как лекарственное растение.

Еще одно растение — *багун* — представлено в ССГ многочисленными примерами: «Багун. Вечнозеленый кустарник. *Ledum palustre*; багульник. *Багун у лаишыных растеть, такой у ёльчку. Ад бьгуна можна пумяреть.* Дор. Савино. *Багун, как чарнишник, ли чарницы бываить. Растеть ён большой у сыром мести, иде сырей. Можыть у маху ли клюквы. Пахнить дужа уренна.* Дем. Мочары. *Раншы нъ сыбниках жыли, у хатъх грясъ была, клапоу тожса хвытала. Толька бьгуном и спъсались ат клапоу, как пракуриши хату бьгуном.* Дух. Андроново» (ССГ, 1, 101). И далее в ССГ приводятся данные из «Смоленского областного словаря» В. Н. Добровольского: «*Растет в болотистых лугах, отличается дурающим вредным запахом, пыль багуна садится на ягоды голубики, отчего последняя называется дурником. Курыт хаты от клопов, прусов; топят и пьют от кашля. Высушенный и стертый в порошок, в смеси с овсом, дается лошадям, когда они подвергаются урчанию в желудке и раздутию его. Балить майго милаго галава. «А идитя, ребятушки, у мошок, вы нарвитя, ребятушки, багану, привяжытя мильму галаву».* Употребляется и в грудных болезнях. Ельн. Добров. 1914» (Добровольский). То, что багульник (*багун*) действительно опасен, подтверждает «Определитель растений. . .»: «Все растение очень ядовито. Обладает одурманивающим запахом, особенно листья при растирании их, что объясняется содержанием в багульнике особого эфирного масла. Это масло представляет ценность для парфюмерной и фармацевтической промышленности. Животные не трогают багульника, однако наблюдались случаи, когда овцы и козы поедали его листья, что приводило к тяжелым отравлениям» [Определитель. . . 352]. Синонимами к слову *багун* выступают слова *багон*, *багонец*, *бодяг*.

Можно назвать много растений, обладающих горьким вкусом,

но «королем» горечей остается трава полыни горькой. Полынь всегда считали символом горечи, а врачи древности приписывали ей многостороннее действие на организм человека. Известно, что сок полыни уже в XVII веке применяли на Руси как ранозаживляющее и очищающее от гноя средство, а траву употребляли при лихорадке, заболеваниях желудка, кишечника, печени, почек. В смоленских говорах *полынь* называют *быльником*: «Быльник. 1. Растение *Artemisia vulgaris* L.; полынь. *Быльник жа етыт — дужа харошыя трыва аты усяких балезней*. Ельн. Ново-Брыкино» (ССГ, 1, 305).

Лекарственное растение чабрец в смоленских говорах называют *бальзаминка*, *баранец*, *богородская трава (травка)*, *чѣбор*, *чѣбчик*. Здесь каждое из слов выделяет то или иное свойство растения. Например: «Чѣбор. Растение *Thymus serpyllum* L., чабрец, или тимьян. *Мы звирабой, душицу, чобър сушыли. Кард. Кривцы. У чай чабору дыбавиш — укусна дужа, духмяна*. Росл. Кириллы. *Чай зываривѣли с чобыра*. Красн. Рахово» (ССГ, 11, 97). В данных примерах подчеркивается аромат растения, его «духмяность». На то, что растение используется для ароматических ванн, припарок, говорит следующий пример к слову *чѣбчик*: «*Нада чѣпчику зыварить нагу мыть*. Хисл. Выдрица» (ССГ, 11, 98). Значение следующего слова — *бальзаминка* — указывает на то, что растение обладает лечебными свойствами (ср. бальзам — целительное средство). При слове *баранец* в ССГ дана ссылка на словарь Добровольского: «*Баранец... употребляется против падучей болезни*. Добров. 1914» (ССГ, 1, 124).

Кстати, если многие из рассмотренных выше слов известны и в других русских говорах, то слова *бальзаминка* и *баранец* отмечены только в смоленском диалекте.

Представлены в ССГ и названия-фразеологизмы: *адамова голова*, *бабьи уши*, *белая горлянка*, *белые курочки*, *белый курослеп*, *боговы слезки*, *божьи слезки*, *романова кровь*.

Цветок гвоздику называют в смоленских говорах *боговы слѣзки*: «*Боговы слѣзки*. Растение *Dianthus carthusianorum* L., гвоздика. *Галубинькии цвяточки — богѣвы слѣски*. Дор. Слобода. *Нѣбрала букет богѣвых слѣзѣк*. Поч. Светлое» (ССГ, 1, 202).

Синонимичным рассмотренному выступает фразеологизм *божьи слёзки*: «Гвоздика травянистая. *Dianthus deltoides*. *Ета твяти такиш, растуть нъ сухих мистах, малинькиш. Тветики, как агонь.* Вел. Селезни. *Божьи слёски — цвятюк. Пахош нах гвездикю, цвтить усё лета. Адин аццвитить, другой нъчинаить. Растеть нъ сухих мистах, кучичкъми, нивысокий, пять липясткоу. Им иконы укрьшають.* Смол. Бельчевицы. *Божьи слёски, как сердца. Ета малиньвыи твятючки. Събирають и ат сердца пьють.* Мон. Барсуки» (ССГ, 1, 208).

Иногда описание лекарственного растения дается информантами настолько полно и красочно, что представляет собой настоящую маленькую художественную зарисовку: «Романова кровь. Зверобой исколотый (*Hypericum perforatum*). *Мы нъзываем ръманъва кроу. Пу-мидицински нъзываютъ звирабой. Стебиль жолтый, листик дробнинький, длиннуватый. Цвятётъ, как атростычки, выходють галовычки, ани пръдългъватыи. Цвятюк жолтый. Как ръзатреш цвятюк у руке, тьк пълучаицца химичискыя чарнила. Растётъ нъ сухом мести. У няго харошый запъх. Палезин ат мълакровия, ат жалутка, ат мъчавога пузыря. Ръманъва кроу дужа краснъя. Нада зъвариветь капильку, ствалочик адин. Если многа пълажыть, то чай станить красным, как кроу.* Смол. Тягловщина» (ССГ, 9, 140–141).

Часть слов, называющих растения, не имеет при себе латинских соответствий, ср. слова *амховик, антополь, арбуз, белосливка, белянка, брусница, розовка, романец, сока, солодчак, трипутник* и др. Значение в таких случаях выявляется с помощью примеров.

Много столетий используется подорожник в народной медицине для остановки кровотечений, очистки гноящихся ран, для лечения органов дыхания и пищеварения. «Русское название растений этого рода понятно само собой. Оно дано им за их постоянное произрастание у дорог. Научное название рода *Plantago* составлено из двух латинских слов: «ступня» и «водить», «следовать», т. е. растение постоянно сопутствует человеку. Так, например, индейцы называют эти растения «следом белого человека». Они заметили, что по мере продвижения европейцев в их стране — Америке — эти

растения постоянно шли за ними следом» [Определитель... 417]. В смоленском диалекте подорожник называют словом *трипутник*, значение слова объясняется в приведенном примере, а также в примерах подчеркиваются целебные свойства этого растения: «Трипутник. Подорожник. *Трипутник нь дароги усё уремя растеть нь путях. Нарыу какой, парес — усё прикладыають этим листом, ат жалутка пьють, ат панижыный кислотнысти.* Поч. Макшеево. *Трипутник ат сырыка балезний пумугаить.* Дем. Кашкурино. *Ты найди трипутнику ды привяжы к пальцу, а то апать усю ночь спать ни будиш.* Дор. Шульгино» (ССГ, 10, 203).

Говоря о целебных свойствах растений, нельзя не вспомнить о березе. Издревле это дерево использовалось человеком (из бересты делали посуду, на бересте писали, березовую лучину использовали для освещения, заготавливали березовые дрова, березовые веники считались самыми лучшими и т. д.). В одной из загадок говорится о широком использовании березы: «Стоит дерево, цветом зелено, в этом дереве четыре угодя: первое — больным на здоровье (банный веник), другое — от тьмы свет (лучина), третье — дряхлых пеленание (связка берестой битых горшков), четвертое — людям колодец (березовый сок)». Березу можно назвать «зеленой аптекой», так как все части этого дерева обладают целебными свойствами. Настой березовых листьев помогает при многих заболеваниях, чай из березовых почек используют при простуде, спиртовая настойка почек помогает при пролежнях, березовый деготь лечит кожные заболевания, березовый сок применяется в народной медицине как противогинготное и мочегонное средство.

В смоленских говорах широко известны фразеологизмы со словом *береза*: *береза-веселка*, *глухая береза* и *береза-глушица*. *Береза-веселка* — это «береза с острыми блестящими листьями. *На веники толька вясёлку лымають.* Вел. Люковцы. *Вясной ня то: што зимой: и траука, и вясёлка, и тяплей становицца.* Шум Язовка»; *глухая береза* — «береза с круглыми тусклыми листьями. *С етый бярэзы глухой веник ня дельють. Листья у ей маслины, кысматыи.* Ельн. Матренино»; *береза-глушица*. То же, что *глухая береза*. *На веники лымають толька вясёлку, а ни глушыцу.* Смол. Туринци-

на» (ССГ, 1, 163).

Итак, наше небольшое исследование позволяет сделать некоторые выводы. Влюбленность русского народа в природу, любовь к деревьям, травам, цветам выразились в разнообразных названиях растений, в их описании и представлении. В смоленских говорах диалектные наименования многих растений, в отличие от латинских, имеют народную этимологию.

Литература

Определитель растений средней полосы Европейской части СССР / Пособие для учителей средней школы. 5-е изд. М.: Учпедгиз, 1957.

О некоторых фонетических изоглоссах в двух архангельских говорах

(история и современное состояние)

А. А. Лопухина

Одной из задач исторического направления в диалектологии является реконструкция фонетических систем более раннего периода. Основным источником сведений о диалектных особенностях являются ошибки, сделанные авторами и переписчиками текстов под влиянием живого произношения. Считается, что памятники церковно-книжного характера менее пригодны для реконструкции говоров, чем написанные скорописью тексты делового и бытового содержания, которые активно создавались на территории исконного распространения русского языка с середины XVI в. Вероятно, противопоставление книжного и скорописного письма воспринималось писцами в связи с разграничением книжного и некнижного языка, см. [Хабургаев, 106], так что различные аспекты диалектной речи (ярче всего — фонетический) могли находить отражение в памятниках деловой и бытовой письменности XVI–XVII столетий достаточно хорошо, см. [Галинская, 8–9].

Методика исследования древних рукописных памятников с точки зрения отражения в них фонетических особенностей диалекта была сформулирована Р. И. Аванесовым. Она заключается в рассмотрении орфографии памятников как системы, а отступления от нее могут быть интерпретированы как следование живому произношению авторов рукописных текстов. Полученные данные необходимо сравнивать с данными живого диалекта позднейшей эпохи [Аванесов, 79]. Таким образом, у исследователя фонетики говора

в диахронии появляется возможность сравнить фонетические особенности диалекта в разное время (как, например, в данном случае, с XVII в. по наши дни) и проследить эволюцию основных звеньев звуковой системы. Это позволяет глубже понять природу некоторых явлений в диалекте, а также обнаружить в прошлом такие звуковые особенности говора, которые к настоящему моменту нивелировались.

Далее речь пойдет в основном о двух архангельских говорах, фонетическая система которых была восстановлена по рукописям XVII в., а также изучена по записям XX и XXI вв. Эти диалекты — холмогорский и шенкурский. Они не напрямую соотносятся с соответствующими районами Архангельской области, а занимают лишь часть этой территории. Ограничением здесь является территориальное распространение рукописей, по которым были реконструированы фонетические системы говоров и которые составлялись монастырскими старцами в Свято-Троицком Антониевом Сийском монастыре (в Холмогорском районе совр. Арх. обл.) и в Важском Иоанно-Богословском монастыре (в Шенкурском районе совр. Арх. обл.). Всего для реконструкции холмогорского говора XVII в. была исследована 31 рукопись общим объемом в 761 лист (все документы хранятся в Российском государственном архиве древних актов в Москве), а для реконструкции шенкурского говора — 126 рукописей общим объемом в 1 560 листов (основная часть документов хранится в Государственном архиве Архангельской области в Архангельске). Сведения о фонетических особенностях говоров XVII в. затем сопоставлялись с материалами описательной диалектологии начала XX в., середины и 2-ой половины XX в. и начала XXI в.

В настоящей работе будут рассмотрены 3 фонетические особенности холмогорского и шенкурского диалектов, которые сближают архангельские говоры с севернокривичским диалектом. Речь пойдет, во-первых, о рефлексе праславянского сочетания *tl, во-вторых, о следах отсутствия 2-ой палатализации и, наконец, о произношении широкого открытого гласного типа [’a] на месте древних *ě и *e.

Обратимся сначала к шенкурскому диалекту. Рукописи, в ко-

торых отражаются фонетические особенности шенкурского говора XVII в., оказываются довольно показательными по сравнению с другими текстами того же периода, созданными на севере Руси. В них обнаруживаются написания, отражающие смешение аффрикат и переходное смягчение заднеязычного [к'], что, вообще говоря, редко бывает в письменных памятниках. Примеры замены аффрикаты **ч** на **ц** и обратной: *железа цере^нного* («черен» — (2) сковорода для выпарки соли; солеварный котел (Фасмер 4, 340)), *железа крицю* («крица» — (2) слиток, кусок металла определенного веса (СлРЯ XI–XVII вв. 8, 59)); а также примеры, в которых отражается мягкость [ц'], что также нетипично для севернорусских деловых текстов: *кожицю мяти^нную, купи^н крицю, да^н ста^рцю тихану*. Гиперкорректные написания, свидетельствующие о наличии в шенкурском говоре переходного смягчения заднеязычных [к'], [г']: *верхо^нки новые мяки^нные* (в той же рукописи *верхо^нки мяти^нные*; «мятинный» — сыромятный (СлРЯ XI–XVII вв. 9, 352)); *ме^зляш^ско^у вл^сти* (в той же рукописи *ме^дляш^ско^у вл^сти* — топоним «Медлеша»). Все это подтверждает ценность рукописей для реконструкции диалектной фонетики.

В тех же текстах отразилось неожиданное для архангельских говоров явление — произношение [кл] из праславянского сочетания *tl, которое, как известно, во всех восточнославянских диалектах упростилось в [л]: *считали и со^чкли, по книга^м. . . со^чкли, по книга^м соч^ккли, соч^ккли, за^чкли ему* — всего 9 примеров в рукописях, написанных разными авторами. Известно, что реализация праславянского сочетания *tl в кл была характерна для говоров севернокривичского ареала, а также некоторых западнославянских (севернолехитских) [Соболевский, 233]. Можно предположить, что аналогичным образом сочетание *dl реализовывалось в гл, хотя примеров этого в исследованных рукописях мы не нашли. Сочетания кл, гл на месте *tl, *dl отмечены в псковских рукописях уже с XIII в. [Зализняк, 198–199], такая реализация сохраняется псковских говорах вплоть до XX в., см. [Николаев 1989, 191–192]. В шенкурском диалекте подобное сочетание в записях XX и XXI вв. не отмечается, однако вообще в архангельских говорах, согласно

«Словарю русских народных говоров», встречаются отдельные слова с сочетанием [кл] из праславянского *tɫ: *клёска́ть* — «шлепать, хлопать» (СРНГ, 13, 283); глагол *простыть* в сочетаниях типа [ужэ просты́гло фс'о], записанный нами в Холмогорском и Пинежском районах Архангельской области.

Получается, что консонантная система шенкурского говора в XVII в. характеризовалась особым явлением — произношением [кл] на месте праславянского *tɫ, сейчас же эта фонетическая особенность утратилась или значительно редуцировалась.

Кроме того, в рукописях, отражающих шенкурский диалект, было обнаружено написание *ке^mвери^k рэсы да че^mверикъ жита* («четверик» — единица объема сыпучих тел). Мена букв *к/ч* нетипична для скорописи и больше в рукописях не отмечалась. Таким образом, мы можем предположить, что имеем дело с отражением фонетического явления. Слово *четверик* в говоре с мягким цоканьем должно было произноситься *[ц'ет'в'ер'йк], то есть перед нами написание *ке-* вместо ожидаемого *це-* (*че*). Возможно, подобное написание опосредованно указывает на отсутствие в говоре 2-ого переходного смягчения заднеязычных согласных. Известно, что «в русском языке переход начального *к>ц перед гласными переднего ряда наблюдается в пяти корнях: *цевка, цедить, целый, цена, цеп*; 3 корня из этих 5 представлены в современных северо-западных говорах с начальным *к*» [Глускина: 27]. Слово *четверик*, естественно, не попадает в этот список, однако произношение его с [к'] может объясняться аналогией. В современных записях шенкурского диалекта нет примеров этого фонетического явления, однако, по материалам «Словаря русских народных говоров», в современных архангельских говорах отмечены слова без эффекта 2-ой палатализации: *кэвка, кэж, кэжь, кэпы, кэлить* (СРНГ, 13). Итак, можно с большой осторожностью предположить, что шенкурский диалект вслед за севернокривичскими говорами до определенного периода не знал 2-ого переходного смягчения заднеязычных и что в рукописи XVII в. есть отражение реликтового аналогического произношения [к'] вместо [ц'].

Наконец, в рукописях, по которым был реконструирован шен-

курский диалект XVII в., обнаружены написания, свидетельствующие о том, что на месте древних *ѣ и *е иногда произносился открытый гласный типа [’а]: *обра³ вымяни^а* — буква я пишется на месте этимологического *ѣ в заударном положении; *яраси^мку, данилу яфимову, якатериныне дне, пятериму ста^рцу* (при регулярном *петерим*), *за пшаницу; уляди, четыря^а тына* и других формах — буквы я и а пишутся на месте *е в предударном и заударном положении. Интересно, что большая часть примеров с заменой е на я — это не книжная лексика или имена, то есть те слова, графический облик которых мог быть неизвестен писцам.

Известно, что праславянский *ѣ реализовывался в виде открытого широкого гласного в севернопсковском диалекте, например, *яла* ‘ела’, *кяп* ‘цеп’, *ряпа* ‘репа’ [Николаев 1994, 31]. Таким образом, можно считать, что написание *вымяни*^а из рукописи XVII века, а также примеры из современных записей шенкурского говора, сделанных во время диалектологических экспедиций филологического факультета МГУ в 1974 и 1975 гг.: [п’асу́, п’аско́м, в л’асу́, в л’асо́ц’ек, два м’едв’ажо́нка, б’аго́м, за р’ако́ж, см’ашну́жу, с’м’ахо́м, пр’иб’ажы́ш, н’е б’агу́, б’ажы́т, с’адо́ж, јады́ н’ет, п’ату́х], в которых звук [’а] произносится на месте *ѣ, — это наследие псковского говора. Произношения открытого гласного на месте этимологического *е напрямую связано с таким же произношением на месте *ѣ. Существует предположение, что различия между *ѣ и *е в некоторых праславянских диалектах, которые легли в основу древнерусского языка, основывались на отношениях долготы/краткости, а не тембра. Об этом свидетельствуют заимствования финскими племенами из новгородского и псковского говоров, в которых *ѣ передавался через *ää*, а *е — через краткий *ä* [Касаткина: 72, со ссылкой на В. Кипарского]. Поэтому если на месте праславянского *ѣ звучал гласный типа [’а], то резонно ожидать похожей реализации на месте *е. В современном шенкурском говоре до сих пор на месте *е в позиции 1-ого предударного слога перед твердыми согласными эпизодически встречается открытый гласный [’а]: [б’ару́т, в’арну́ли, кор’ашо́к, п’ер’ен’асу́, п’ер’ев’аду́, ц’а́тыр’е, фп’а́хну́ли, п’ер’ашо́л, л’а́хко́, д’ер’аву́шка, пр’ив’азу́, пол’ажы́т,

на б'ер'агу́, н'а́ буду́, б'азу́мнаја, соб'ару́, в'арну́лс'а, п'атрѡвна, т'алу́шка, отв'арну́л'и, н'иц'аго́, ос'т'ер'ага́јец'а, п'акү́] (записи филологического ф-та МГУ 1970-х гг.).

Итак, в фонетической системе шенкурского диалекта XVII века встречаются явления, которые также были свойственны северно-кривичскому (псковскому) диалекту.

Рассмотрим теперь материалы холмогорского говора. Рукописи, по которым были реконструированы звуковые особенности диалекта XVII в., менее показательны, чем те, примеры из которых были приведены выше, поэтому мы будем привлекать также материалы других исследований.

По свидетельству А. А. Шахматова, в лодомских актах XVI–XVII вв., которые составлялись в различных населенных пунктах по течению Сев. Двины, встречаются примеры *сочклисьь*, *сочклисье* — они свидетельствуют о произношении [кл] на месте праславянского сочетания *tl [Шахматов, 101–102].

На месте древних *ě и *e, как и в шенкурском говоре, в холмогорском диалекте XVII в. восстанавливается эпизодическое произношение открытого гласного типа [’а]: *стефане^ч голянищю^б* — буква *я* пишется на месте этимологического *ě в предударной позиции; *пняжани^н*, *решато*; *уляди*, *макари^н лебядевъ* — буквы *я* и *а* пишутся на месте *e в предударной и заударной позиции. Для холмогорского диалекта данную особенность — произношение открытого гласного на месте древних *ě и *e — удастся проследить на протяжении XX–XXI вв.

Записи холмогорского говора 1907 года, сделанные А. Грандилевским [Грандилевский, 22]:

<i>На месте *ě</i>	<i>На месте *e</i>
гняздó,	вясна́, вярши́на, жані́хъ,
пяту́хъ,	жалту́ха, пше́но, шасто́къ;
вянча́тъ	де́вярь, о́сянь, по́мярь, де́нягъ

Материалы холмогорского говора 1950-х гг. (собраны Л. И. Пироговой) [Пирогова, 185–186]:

*На месте *ě*[л'асно́ј,
р'акá,
за р'акóј]*На месте *e*[т'аплó, п'ир'ашы́та, побр'аду́, пов'арну́лас',
у с'астры́, ц'агó, н'из'амну́жу, с'в'акро́ф', кол'асó,
кол'анко́ровы, п'аку́т, прив'азу́]

Записи холмогорского говора 2010–2011 гг. (сделаны автором статьи):

*На месте *ě*[б'ажы́т, п'ашко́м,
гн'аздо́, б'ады́,
в л'асу́, яду́ вар'йт']*На месте *e*[пол'ажы́т, р'амóнт, в'асно́ј, у н'авó,
в'ес'алуха́, с'азóн'ник'и, св'аклу́,
кор'анно́ј, ја пр'ин'асу́]

Все приведенные примеры свидетельствуют о произношении гласного типа [ʼa] в безударном положении, однако существует ряд записей, в которых открытый гласный на месте *ě произносится в положении под ударением. Такие примеры были записаны в XX в. в разных частях Архангельской области: *ця́лый, ця́лой, тя́стице, зды́лал, пры́сной, ся́л* (в Приморском и Холмогорском р-нах Арх. обл.) [Касаткина, 68]; [*о́н тако́ј бы́л. . . н'е́пос'а́да*] (Мезенский р-н Арх. обл.) — пример из записей диалектологической экспедиции МГУ 2010 г.

Итак, получается, что в холмогорском и шенкурском диалектах XVII в. и XX–XXI вв. отмечаются фонетические явления, генетически свойственные кривичским говорам.

Очевидно, к уже известным «наследникам» севернокривичского диалекта (к псковскому и к диалектам, производным от севернокривичского говора — онежским, вятским, уральским) следует добавить, по крайней мере, часть говоров, расположенных на территории Архангельской области.

Вероятно, можно также уточнить тезис о заселении современной Архангельской области славянами. Считается, что первая волна славянского населения попала в Поморье из Новгородской земли. Опираясь на проделанные исследования холмогорского и шенкурского говоров, можно предположить, что значительное число колонизаторов было носителями псковского диалекта, то есть происходило из западной части Новгородских земель.

Литература

Аванесов Р. И. Фонетика // Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955.

Галинская Е. А. Историческая фонетика русских диалектов в лингво-географическом аспекте. М., 2002.

Глушкина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские горы II. Псков, 1968.

Грандильевский А. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор // Сборник ОРЯС. АН, том 83. № 5. 1907.

Зализняк А. А., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.

Касаткина Р. Ф. Рефлексы *ё в некоторых севернорусских говорах // Вопросы языкознания. М., 1991, № 2.

Николаев С. Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989. С. 191–192.

Николаев С. Л. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. 1994, № 3.

Пирогова Л. И. Описание говора 6 пунктов Холмогорского района Архангельской области (по материалам экспедиций 1952 и 1956 гг.) // Материалы и исследования по русской диалектологии, Т. 134. М., 1959.

Соболевский А. И. Важная особенность старого псковского говора // Русск. филол. вестник. 1909. Т. 62. № 3–4.

Хабургаев Г. А. Локальная письменность XVI–XVII вв. и историческая диалектология // Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969.

Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петроград., 1915.

Глаголы, мотивированные именами существительными со значением времен года, в донских казачьих говорах*

Р. И. Кудряшова

В данной работе мы рассматриваем глагольные образования от наименований времен года (*весна, лето, осень, зима*), бытующие в донском диалекте. Словарь донских говоров Волгоградской области (СДГВО) и Большой толковый словарь донского казачества (БТСДК) фиксирует следующие дериваты: *завеснѣть, завеснѣть, лѣтовать, перелѣтовать, зимовать, зимовать, заосенѣть, заосенѣть, осенѣть, повосенѣть*.

Обратим внимание прежде всего на модели образования рассматриваемых глаголов. Материал свидетельствует о том, что они могут быть образованы от имен существительных суффиксальным способом (*лѣтовать, зимовать, зимовать; осенѣть*), а также суффиксально-префиксальным способом (*завеснѣть, завеснѣть, перелѣтовать, заосенѣть, заосенѣть, повосенѣть*).

В Словаре русских народных говоров (СРНГ) представлены следующие дериваты, мотивированные существительными со значением времени года (образованы преимущественно префиксально-суффиксальным способом):

с корнем *весн-*: *весновать, завесновать, завесноваться, обвесенить, обвесенить;*
с корнем *осен'-*: *заосенѣть, заосенѣть, заосенѣвать, обосенѣть, поосенѣть;*

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда Проект № 11-14-34002а/В.

с корнем *зим-*: *зазимнѣть, зазимовать, озимовать, позимѣть, позимнѣть*;
 с корнем *лет-*: *лѣтовать, залѣтовать, облѣтовать, перелѣтовать, полѣтовать, пролѣтовать*.

Вызывает большой интерес семантика рассматриваемых дериватов, точнее — различие в семантике глаголов, образованных, с одной стороны, от названий таких времен года, как *весна* и *осень*, с другой стороны — от имен существительных *зима* и *лето*. Наблюдения показывают, что подавляющее большинство глаголов, мотивированных существительными *весна, осень*, имеют значение начала действия, в то время как глаголы, мотивированные существительными *зима* и *лето*, в редких случаях имеют семантику, связанную с началом, наступлением зимы и началом, наступлением лета. Рассмотрим это более подробно.

Словари свидетельствуют о том, что в донских говорах и в подавляющем большинстве других русских диалектов только глаголы, мотивированные существительными *весна* и *осень* (с корнями *весн-*, *осен'*-, все безличные), имеют значение начала действия: 'начало, наступление весны' и 'начало, наступление осени, начало похолодания'.

Словарь донских говоров Волгоградской области фиксирует глаголы:

завеснѣть 'о начале, наступлении весны': *Вот уш и зависнула* (Ман.). *Вясна, тяпло-тяпло, а патам снижок — ну, завяснула, гаварять ф шутку* (Ман.). КЛМ.;

завеснѣть 'то же, что *завеснить*': *Зависнела, гаварять, висна начинаица* (Ман.). КЛет.;

заосенять — 'похолодать (о приближении осени)': *Заасняить скоро — скот будим заганять* (Бжн.). *Сонца светить, а ни греить — заасняла* (Ктл.). *Заасняла — осинью дерева начинать уже жылтеть* (Лук.). *Кагда заасняить или халадно вясной, гетры адвяють* (Клет.). *Что-та в августу заасняла* (Акч.). Буд., Лар., Скр., Трц. «Летом-то, конечно, некогда: там огородишко, там пчѣлы, и всё один, без старухи, а как заосеняет — я сразу писать» (И. Данилов. Друзья-приятели). «Как чуть заосеняет — в детском садике

обязательно какая-нибудь зараза объявляется, и зовут ее (бабушку) в город приглядывать за внуком» (И. Данилов. Последний жеребенок);

заосенеть — ‘то же, что *заосенять*’. Клч., Пятзб. «А как заосенеет, надевал резиновые сапоги» (Б. Екимов. Горький ветер земли). «Как заосенеет, он верхом, и на чужие поля, на разведку» (А. Иванов. Если не я, то кто же).

В Большом толковом словаре донского казачества представлены глаголы только с корнем *осен*’-:

заосенять — ‘о начале осени’: *Вроди уш заасиняла, нада убиратца г зиме* (Бгявл.);

осенять ‘о наступлении осени’: *Асиняить, синьябрьь прииол* (Каз.);

повосенеть ‘о наступлении осени’: *Да, как навасинеить, так птицы и уходят ф палёт* (Мнч.).

В Словаре русских народных говоров фиксируются следующие глаголы со значением начала действия:

обвесениваться — ‘о появлении признаков весны’ (Калин.);

обвеснеть — ‘о наступлении весны’ (без указания места, ссылка на Даля);

заосенеть — ‘о наступлении осени’. Кубан., Петерб.;

заосенять — ‘то же, что *заосенеть*’. Дон., Ворон.;

поосенять — ‘о наступлении осени’. Терск.

Глагол *весновать*, представленный в СРНГ, имеет несколько лексико-семантических вариантов, одно из значений также связано с началом весны — ‘праздновать наступление весны’. Влад. (СРНГ, 4, 185).

Глагол *завеснить*, бытующий в донских волгоградских говорах, в СРНГ не отмечен.

Диалектные глаголы, образованные от имен существительных *зима* и *лето*, не имеют значений, связанных с началом, наступлением зимы и началом, наступлением лета. Можно отметить только один глагол, зафиксированный в воронежских говорах, — *зазимнеть* ‘приблизиться (о зиме): *Говорится при появлении первых признаков зимы (наступление морозов, холода)*’ (СРНГ, 9, 92). Глаголы же *по-*

зиметь, позимнеть, представленные в СРНГ, имеют несколько иное значение, т. к. они, судя по приведенному иллюстративному материалу, употребляются в том случае, если речь идет не о начале зимы, а о уже наступившей зиме, о зимнем периоде: ‘стать, прийти, наступить зиме’ (*Вот уж по правде позимело — Вят. Напратывай шубку: на дворе позимело — Смол.*) (СРНГ, 28, 333).

Причины различий в лексическом значении дериватов, образованных от существительных *весна, осень*, с одной стороны, и *зима, лето*, с другой — трудно поддаются объяснению. Чем можно объяснить такое различие?

В первую очередь обратим внимание на приставки, при помощи которых образованы префиксально-суффиксальные дериваты. Многие глаголы образованы прибавлением префикса *за-*, который, как известно, может придавать значение начала действия (*завеснеть, завеснить, заосенеть, заосенять, зазимнеть*) [АГ-70, 259]. Но среди рассматриваемых словоформ есть глаголы и с другими префиксами: *по-*, который тоже может придавать глаголу значение начала действия, — *поосенять* [АГ-70, 267]; *об-*, который в литературном языке не имеет такого значения (*обвеснеть, обвесениваться*) [АГ-70, 261–262]). Кроме того, имеются и бесприставочные словоформы (*осенять*) со значением начала похолодания.

Возможно, такая семантика рассматриваемых словоформ связана с особенностями восприятия времен года носителями диалекта. Весна и осень — это времена года между зимой и летом, можно сказать, «промежуточные» времена года, когда после холодной зимы начинаются теплые дни или после жаркого лета начинается прохлада. Возможно, на эти особенности весны и лета обращают внимание местные жители, т. к. после холодной зимы хочется тепла, а после жаркого лета — прохлады. Но, наверное, более важно, что весной начинаются на селе полевые работы, а осенью — сбор урожая и подготовка к следующему году, к новому урожаю и т. п. Известно, что для сельского жителя каждый промежуток времени, каждая единица времени связаны с какой-либо хозяйственной деятельностью, с бытовым поведением, повседневной жизнью [Кондратенко, 2003; Михеева, 2004]. Поэтому и глаголы, мотивирован-

ные существительными с временным значением, отражают особенности восприятия времени диалектоносителями, обозначают действия, связанные с выполнением каких-либо работ в определенные промежутки времени. Для сельских жителей начало весны и начало осени являются значительно более важными, нежели начало лета или зимы.

Осень начинается в сентябре. Именно поэтому, видимо, от названия месяца *сентябрь*, как и от названия *осень*, в донском казацком диалекте образованы безличные глаголы, указывающие на похолодание, наступление осенней погоды (примеры взяты из СДГВО и БТСДК):

сентябрить ‘о наступлении холодов’: *Чавой-т ныня рана синтябрить, куфайкю даставать нада. Синтябрить — лету канец. Синтябрила нядолга* (Масл.). *Захаладить, и гаварять: «Што-та синтибрить»* (Смкр.). *Сентябрь уш синтибрить* (Елиз.). □ *Августовский полдень был ясен, но уже сентябрило* (Б. Екимов. Родительский дом);

засентябрить и *засентябреть* ‘похолодать (о наступлении осени)’: *Сразу как засинтябрила: холат, доц, картошку капать нада. Пагади, засинтябрить так, што ня рад будиш* (Масл.). *Уже засинтябрила* (Чрк.); *Как засинтябрела: утрам холодна, дош пашол, агароды убярать нада* (Каз.).

Глагол *сентябрить* представлен и в СРНГ (приставочные образования не зафиксированы) в значении ‘об осенней, пасмурной, дождливой погоде, наступлении холодов’, отмечен на Дону, в Волгоградской обл., в верховьях Лены, Иркутской, Хабаровской, Калининской областях (СРНГ, 37, 176).

Восприятие сентября как месяца, связанного с началом похолодания, вызвало в казачестве развитие переносных значений глагола *засентябреть*, характеризующих человека. БТСДК зафиксировал на территории Ростовской области данный глагол со следующими переносными значениями: 1) ‘захандрить’: *А другой рас он ходить, как бальной, а ни балеить, засинтябрел* (Веш.); 2) ‘рассердиться’: *Идѣть мима и глянул синтябрѣм. И чаво ента он засинтябрел на мине?* (Каз.) (БТСДК, 179).

Бытуют в говорах и устойчивые выражения с существительным *сентябрь*, характеризующие человека, его отношение к окружающим: *коситься сентябрём* — ‘смотреть косо, мрачно’: *Идётся, атварачиваица ат людей, синтибрём касица* (Кчт.); *стоять (стать) сентябрём* — ‘стоять боком, проявляя невнимание к кому-л.: *Я иму гаварю, даказываю правату, а он ня слухаить, стал ка мне синтибрём и падрыгаваить нагами* (Клнд.)’; *бежать, идти сентябрём* ‘важничать’ (БТСДК, 481). Эти сочетания зафиксированы и в СРНГ как характерные для донского региона. Кроме них, в СРНГ представлено выражение *ходить, пойти сентябрём* в значении ‘(начать) плясать; выделывать коленца’, отмеченное в Пермской области, мотивацию появления которого трудно объяснить.

Заметим, что в МАСе отмечено в качестве шуточного выражение *смотреть сентябрём* ‘иметь хмурый, угрюмый вид’ (МАС, 4, 78), которое пришло, по-видимому, из диалектов, т. к. имеет ту же семантику с дериватами от существительного *сентябрь*, которые бытуют в русских говорах.

Основное значение диалектных глаголов, мотивированных существительными *зима, лето*, отличается от рассмотренных ранее глаголов: в русских говорах они имеют значение ‘прожить, проводить это время’ (время, названное мотивирующим существительным). Дериваты, образованные от имен *весна, осень*, представлены в этом значении незначительно.

Приводим перечень таких глаголов

А) из донских словарей:

летовать — 1) ‘Проводить где-л. лето; жить летом’: *Я у сына литавала* (Урюп.). *Летавал он там да самых халадоф* (Кчл.). *У нас унучка летуишь тут* (Веш.); *Приятель мой — хуторской рожак, а нынче который уже год летует и зимует на хуторе* (Б. Екимов. Мишка). // ‘Переживать лето’: *Бирём тилёнка, выкармываем, будим зимавать, патом летавать* (Груш.). 2) ‘Оставлять на лето’: *В мае месяцы лес рубили, патом яво летавали, а чирис гот он патсохня, и лес лопацца ня будя, тагда рубють сталбянку* (Кук.). Имеется также устойчивое сочетание *лето летовать*. Жить всё лето, проводить лето где-л. Кчл., Мхл.;

перелетовать — широко употребителен в донских говорах, образован префиксальным способом от *летовать* и имеет значение ‘прожить, провести лето’: *Лета пирилетавал адин* (Ольх.). *Вот пирилетуим, и ни так жарка станить* (Н.Ябл.). *Пирилетуим, а там видна будить* (Н-др.). *Пирилетавали мы в этом гаду харашо: кармоф заготовили — на зиму хватить* (Медв.). *Как лета пирилетавал, так и леташиник* (Блщ.). *Как бы нашый карови пирилетавать* (У-Бзл.). □ *В кустах зашуришало, и кто-то, порскнув, явно напрашивался на внимание людей. — Да, кубыть, кузёнок. Как перелетуют, ну и злуют они, черти!* (Е. Кулькин. Крушение);

зимоваться — ‘зимовать, т. е. проводить где-л. зиму, оставаться где-л. на зиму’: *Варанки зимуюцца и сами выходят из зимли* (Смкр.);

Б) из Словаря русских народных говоров:

лétовать — ‘проводить где-л. лето, оставаться на лето’. Волог., Сев.-Двин., Ленингр., Пск., Смол., Ср. Урал, Якут., Камч., Амур., Краснояр., Том., Новосиб.;

залétовать — ‘провести где-л. лето’. Даль (без указания места), Сев.-Двин.;

облétовать — ‘прожить, провести где-л. целое лето’. Даль (без указания места);

перелétовать — ‘прожить, провести лето’. Ворон., Дон., Пск., Смол., Иван., Сев.-Двин., Камч.;

полétовать — ‘остаться где-л. на лето, провести где-л. лето’. Смол.;

пролétовать — ‘прожить, провести где-л. лето’. Волог., Новосиб., Перм., Пск., Свердл., Сев.-Двин., Сиб., Смол., Том.;

озимовать — ‘перезимовать’. Новосиб.

Глагол *засзимовать*, образованный от имени существительного *зима*, своей семантикой не связан конкретно с этим временем года, в Нижегород. регионе он означает ‘остаться где-л. надолго’ (возможно, мотивацией для развития такого значения послужило то, что зима в данной местности длится очень долго?).

Глаголы от существительных *весна*, *осень* в значении ‘прожить, проводить это время’ в донских говорах (в СДГВО и БТСДК) не от-

мечены. В Словаре русских народных говоров такие глаголы представлены, в основном они зафиксированы на территории севера страны или в Сибири:

весновать — ‘проводить где-л. весну, оставаться где-л. на весну’. Арх., Костром., Помор., Ворон., Tobол.;

завесноваться — ‘остаться где-л. на весну’. Енис.;

заосеневать — ‘остаться где-нибудь на осень’. Енис.;

осеневать и *осеновать* — ‘проводить где-л. осень, оставаться на осень’. *Годовать* — *жить год*, *зимовать* — *зиму*, *летовать* — *лето*, *весновать* — *весну*, *осеновать* — *осень*. Том. Tobол., Приангарье, Якут.

Все приведенные диалектные глаголы с значением ‘прожить, проводить это время’ образованы префиксально-суффиксальным или суффиксальным способом с использованием суффикса *-ова(ть)/-ева(ть)*. В литературном языке глаголы с суффиксом *-ова(ть)*, мотивированные именами существительными со значением времени, являются непереходными и имеют то же самое значение ‘проводить это время’ (день — *дневать*, ночь — *ночевать*, зима — *зимовать*) [АГ-70, 237; АГ-80, 1, 338; МАС, I, 406, 610; II, 511]. Таким образом, диалектные глаголы с указанными суффиксами, образованные от существительных, обозначающих времена года, и литературные глаголы с теми же суффиксами, образованные от временных имен существительных, сближаются по своей семантике.

В то же время наблюдаются различия, касающиеся и семантики, и переходности-непереходности глаголов. Если в литературном языке такие глаголы являются непереходными, то в донском диалекте они могут быть не только непереходными, но и переходными. Некоторые глаголы, употребляющиеся в обеих разновидностях национального языка (литературной и диалектной), различаются по своему лексическому значению.

Покажем это на примере глагола *зимовать*. В донских говорах глагол является переходным и означает ‘кормить, содержать скот в течение зимы’ (в СРНГ этот глагол не зафиксирован): *Зимавать лихко карову* (Ктв.). *Лихко зимавать карову* — *значить харашио зи-*

мой пракармить (Ктв.). В литературном языке это непреходный глагол со значением ‘проводить где-л. зиму, оставаться где-л. на зиму’: *Пришло известье: полк уланский в Тамбове будет зимовать* (Лермонтов) (МАС, 1, 610).

Обратим внимание также на глагол *годовать*, образованный от существительного *год*. В МАСе он дан как *прост.* и *обл.* со значением ‘проживать, проводить год где-л.’: *Год годовать — не век вековать* (посл.) (МАС, 1, 324). Однако в казачьих говорах глагол *годовать* имеет значения: 1) ‘Выкармливать в течение года’: *Бурака садим многа: гадуим парасёнка* (БТСДК, 110). *Да вот сена было мала, типерь гаую тялка* (СДГВО, 112). 2) ‘Растить, воспитывать’: *Нам шио нужна сваих дитей гадавать* (СДГВО, 112). *Унушку сама гадала* (БТСДК, 110). Отражается это значение и в произведениях местных писателей, главными персонажами в которых являются донские казаки: *Думал, за коров, которых он годует, так благодарят* (Е. Кулькин. Покушение). *{...} скотину годуют* (А. Серафимович. Белая глина) (СДГВО, 112). Глагол совершенного вида *перегодовать*, образованный префиксальным способом от диалектного *годовать*, совмещает на Дону значения ‘выкормить’ и ‘прожить год’: *Адну зиму тялок пиригадал* (СДГВО, 410).

В СРНГ глагол *годовать* в значении ‘жить где-нибудь в течение года’ фиксируется во многих регионах России (Ворон., Курск., Тамб., Костром., Волог., Новг., Том., Якут. И др.). И как омоним ‘выращивать, вскармливать, воспитывать’ отмечается преимущественно в южнорусских говорах (Смол., Орл., Дон., Курск.) (СРНГ, 6, 270–271). Представлены в СРНГ и префиксальные глаголы, не имеющие широкого распространения. Два из них имеют значение — ‘провести, прожить год’ (*перегодовать*. Мурман., *прогодовать*. Волог.); один — ‘порастить, повыкармливать’ (*погодовать*, отмечен в Литве), и глагол *загодовать* может употребляться в двух значениях (‘прожить год’. Курск. и ‘откормить’. Южн., Зап.).

Некоторые наблюдения над глаголами, образованными от имен существительных, обозначающих времена года, позволяют сделать вывод, что в непредметной лексике, как и в номинативной, запечатлена особая картина восприятия носителями диалекта времени

вообще и деятельности (хозяйственной, бытовой), связанной с единицами времени.

Литература

Кондратенко М. М. Семантическая структура обозначений времени в ярославских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2000. СПб, 2003. С. 91.

Михеева Л. Н. Время в русской языковой картине мира: лингвокультурологический аспект. Автореф дисс. . . доктора филол. наук. М., 2004.

Сокращенные названия населенных пунктов

Волгоградской (ВО) и Ростовской (РО) областей
 Акч. — х. Акчернский Урюпинского района ВО
 Бгявл. — ст. Богоявленская Константиновского района РО
 Бкн. — ст. Букановская Кумылженского района ВО
 Блш. — х. Большой Серафимовичского района ВО
 Буд. — х. Буденновский Новоаннинского района ВО
 Веш. — ст. Вешенская Шолоховского района РО
 Груш. — ст. Грушевская Аксайского района РО
 Елиз. — ст. Елизаветинская Азовского района РО
 Каз. — ст. Казанская Верхнедонского района РО
 Клет. — ст. Клетская, райцентр ВО
 Клм. — х. Калмыковский Клетского района ВО
 Клнд. — х. Колундаевский Шолоховского района РО
 Клч. — г. Калач-на-Дону, райцентр ВО
 Ктв. — х. Котовский Серафимовичского района ВО
 Ктл. — х. Котельников Котельниковского района ВО
 Кук. — х. Кукуевский Верхнедонского района РО
 Кчл. — х. Качалин Суrowsикинского района ВО
 Кчт. — ст. Кочетовская Семикаракорского района РО
 Лар. — х. Ларинский Алексеевского района ВО
 Лук. — ст. Луковская Нехаевского района ВО
 Ман. — х. Манойлин Клетского района ВО
 Медв. — х. Медведев Иловлинского района ВО
 Мнч. — ст. Манычская Багаевского района РО
 Мхл. — г. Михайловка, райцентр ВО
 Н.Ябл. — х. Нижний Яблочный Котельниковского района ВО

Н-др. — х. Новодербеновский Суровикинского района ВО
Ольх. — х. Ольховский Урюпинского района ВО
Пятзб. — ст. Пятиизбянская (х. Пятиизбянский) Калачевского района

ВО

Скр. — ст. Скуришенская Кумылженского района ВО
Смкр. — ст. Семикаракорская (ныне г. Семикаракорск) РО
Трц. — х. Троецкий Новоаннинского района ВО
У-Бзл. — ст. Усть-Бузулуцкая (б. Хоперский округ) ВО
Урюп. — г. Урюпинск, райцентр ВО
Чрк. — х. Черкесовский Новоаннинского района ВО

Фразеологизмы с глаголами движения

(на материале пермских говоров)

И. И. Бакланова

В данной статье анализируются пермские диалектные фразеологизмы, включающие в свой состав глаголы движения. Источником материала стал «Фразеологический словарь пермских говоров», составленный К. Н. Прокошевой. Своей задачей мы видим выявление соотношения значения фразеологизма и включенных в его состав глаголов.

Глаголы движения являются устойчивой структурно-семантической группой глаголов. Они имеют свою специфику в образовании видовых пар: бесприставочные глаголы неоднаправленного движения никогда не образуют видовой пары — их семантика неопредельна [АГ-80, 591]. Это глаголы *ходить*, *ездить*, *бегать*. Приставка, появляющаяся в глаголе, меняет его значение: *идти* — *дойти*, *зайти* и пр.

Анализ материала показал, что в диалектных фразеологизмах встречаются только общерусские глаголы: *идти*, *выйти*, *войти*, *пойти*, *дойти*, *отойти*, *пройти*, *подойти*, *зайти*; *ходить*, *заходить*; *ездить*; *бежать*, *обежать*; *бегать*, *подбегать*; *выбежать*; *вылететь*; *ездить*; *ехать*, *проехать*, *ухать*, *переехать*, *заехать*, *поехать*; *выезжать*; *шагать*, *шагнуть*; *волочиться*. Как видим, это глаголы с корнями *ид-*, *ход-*, *езд-*, *ех-*, *бег-*, *беж-*, *лет-*, *шаг-*, *волоч-* и приставочные глаголы, образованные от глаголов с названными корнями.

Во фразеологизмах представлено много тем, среди которых тема человеческого существования. Фразеологизмы с глаголами дви-

жения логически можно выстроить таким образом, что человеческая жизнь будет представлена от начала до конца как некий путь, на котором есть определенные пункты, видимо, важные для тех, кто создавал эти фразеологизмы. Эти пункты очевидны: рождение, расставание с детским возрастом, взросление, армия для мужчин, замужество для девушек, семья, самостоятельная взрослая жизнь, работа, старость и смерть. Можно предположить и то, какие глаголы будут употребляться в данной группе: *выйти* (из пункта), *отойти* (от пункта), *дойти* (до пункта). Представим теперь наш материал:

Рождение человека зафиксировано во фразеологизмах: *в семью войти* ‘родиться’; *на Русь выйти* (выходить) ‘появиться на свет; родиться’. Глагол *войти* — «проникнуть во что-нибудь, внутрь чего-нибудь с помощью действия, названного мотивирующим глаголом». Этот глагол сильно управляет вин. п. с предлогом *в*, причем во многих случаях предлог дублирует префикс: *войти в комнату* [АГ-80, 372], в нашем же материале *в семью войти* фразеологизм включает глагол в переносном значении.

Взросление человека идет последовательно, и его этапы представлены так: *от земли отойти* ‘подрасти’ (*Раньше-то чуть от земли отошёл, и работает уж*); *из детства выйти* ‘повзрослеть, стать совершеннолетним’; *в пору войти* ‘достичь совершеннолетия, стать взрослым; возмужать’; *отойти от дому (от родителей)* ‘покинуть родной дом, семью’ (*Теперь уж она как отошла от дому-то, пятый год учится*); *из годов выйти* ‘достигнуть возраста, достаточного для призыва в армию, поступления в учебные заведения, назначения пенсии’.

Армия — значимый период в жизни мужчины и семьи, из которой он уходит, поэтому фразеологизмы отражают и это: *от армии (армию) отойти* ‘отслужить в армии’; *по службе ходить* ‘служить в армии’. А после армии, как известно, человек приобретает определенную свободу, он предоставлен сам себе, волен выбирать разные дороги. Работая, любой человек, не только мужчина, становится самостоятельным, что тоже отражено во фразеологизмах с глаголами движения: *к месту выйти* ‘определиться в жизни, стать самостоятельным’; *в строй войти* ‘приобрести способность к нормальной

жизнедеятельности»; *в путь пойти* 'обрести самостоятельность'. Значимыми являются не только глаголы движения, но и имена существительные: *в путь, в строй, к месту*.

Молодость — это здоровье, свобода передвижения, безрассудство, легкомыслие. Неслучайно в следующих фразеологизмах употребляется глагол *убежать*: *беглой свадьбой убежать* 'выйти замуж без обряда венчания'; *бегом убежать* 'замуж (взамуж) убежать'; *замуж (взамуж) убежать* 'выйти замуж'; *убегом убежать (уйти)* 'выйти замуж без согласия родителей'.

Степеньность семейной жизни представлена фразеологизмами с глаголами *идти, пойти*: *под венцы идти* 'заключать брак'; *по замужью пойти* 'жить замужем'. Семейную жизнь трудно представить без появления детей, и это тоже схвачено народной фразеологией. Интересно употребление как приставочного глагола *съездить*, так и самого противопоставления во фразеологизмах: *в Москву съездить* 'родить мальчика'; *под лавку съездить* 'родить девочку'.

В народных фразеологизмах жизнь осмысливается как дорога, у которой есть стороны, обочины. Существительное *сторона* употребляется во фразеологизмах *пойти по стороне* 'разойтись'; *на сторону пойти* 'уйти из семьи; проявлять супружескую неверность'; *за стороной идти* 'изменять в супружестве'. Глагол *пойти* мотивируется однонаправленным глаголом *ехать* и означает не только «начать действие», но и «совершить его в одном направлении» [АГ-80, 367]. Слово *сторона* употребляется в одном из своих общерусских значений: 'пространство, место, расположенное влево или вправо от кого- чего-л.' (БТС, 1274). Сторона — это обочина дороги, т. е. человек, изменяя в супружестве, идет не по пути, сбился с него. Сравните также: *возле дороги идти (пойти)* 'вести неправильный образ жизни'; *по бабиной сторонке идти* 'подчиняться жене, быть послушным мужем'; *в другую сторону пойти* 'измениться; переменить прежнее мнение'; *отойти на три лаптя в сторону* 'не вмешиваться в чужие дела, разговоры'; *забежать в сторону* 'ошибиться, сбиться с мысли'.

Взрослая жизнь во фразеологизмах с глаголами движения предстает как трудовая жизнь.

В основном в материале отражен способ занятости крестьян: если человек работает, то, как правило, указывается, где работает или кем; если не работает, то определяется, каким образом добывает средства к существованию. Работающий человек так представлен во фразеологизмах с глаголами движения: *ходить (пойти) по хлёб* ‘зарабатывать на жизнь’; *по людям (по найму) пойти* ‘работать у кого-л. по договоренности’; *в люди идти (пойти)* ‘работать по найму’; *в песту ездить* ‘наниматься на работу в качестве няньки’; *в подводку ездить* ‘заниматься извозом’; *в ямщину ездить* ‘ямщичить’; *гужом ездить* ‘перевозить грузы, сопровождаемые одновременно несколько повозок’; *на выкладку ездить* ‘наниматься на погрузку дров на баржи’; *по людям ходить*; *по строкам ходить*; *ходить в подёщицу (по подёщинам)* ‘работать по найму в течение определенного срока’; *по чужим полям ходить* ‘работать по найму в поле’. Монотонность жизни, ее рутинность отражена в глаголах многократного действия: *ходить, ездить*, которые явно преобладают над другими.

Особо отметим небольшую группу, представленную глаголом *выходить*, который, употребляясь с отрицанием, делает невозможным выполнение действия, названного глаголом. От этого фразеологизм имеет значение ‘жить в постоянном труде’: *из оглобель не выходить*; *из работы не выходить* (*Дак у нас все бабы сподряд, кого хошь возьми, из оглобель не выходят, каждой день на работе; Я всю жись робила, все из работы не выходила*).

Работающему человеку противопоставлены те, которым в жизни пришлось легче: *ходить с сумочкой* ‘занимать руководящий пост’; *ходить (проходить) с вицей* ‘не утруждать себя заботами’; *в малине ходить* ‘жить в достатке’; *широко шагнуть* ‘иметь большие возможности’; *шагом не шагнуть* ‘ничего не сделать’; *в белой майке идти* ‘пользоваться привилегиями’. В данной группе представлен глагол неоднаправленного действия *ходить*, поддерживающий значение фразеологизмов, отражающий длительность, многократность описанного во фразеологизме состояния. Глагол *шагнуть* — глагол однократного действия используется во фразеологизме со значением ‘иметь большие возможности’ (*Пензия двадцать*

рублей, на их я не широко шагну). Думается, данный контекст не очень показателен для выражения значения фразеологизма, наверняка есть люди, о которых можно сказать, что они *широко шагнули*, т. е. добились высокого положения и пр. Однократность, представленная в глаголе *шагнуть*, отражает то, что говорящий почему-то не информирует нас о том, как досталось человеку его высокое положение, важен лишь конечный результат. Но ясно одно: достижение высокого положения было быстрым.

Возможно, к фразеологизмам, характеризующим этот же возрастной период, в качестве периферийных можно включить фразеологизмы: *на свет идти* ‘иметь будущее, перспективу’; *выйти в свет* ‘добиться уважения, прочного общественного положения’; *дойти до людей* ‘выйти в люди, зажить нормальной жизнью’. Показательно здесь употребление приставочных глаголов *выйти* и *дойти*. Префиксальный глагол *выйти* имеет значение «направиться наружу посредством действия, названного мотивирующим глаголом» [АГ-80, 358]. Понятно, что *выйти* можно из чего-то темного (неслучайно же *выйти в свет*), ненормального и *дойти* до предела нормы (*дойти до людей*), т. е. жить, как люди живут.

Социальный статус неработающего человека определяется как нищенский, бедный, незавидный. Значение ‘нищенствовать; побижаться; оказаться в крайне бедственном положении’ зафиксировано у целого ряда фразеологизмов с глаголами движения: *по дворам ходить, через лапоть ходить, за сбором ходить, в лямках ходить, нищенским куском (кусочком) идти; пойти по дворам, по займам пойти; дойти (дожить, дожива́ть, дожиться) до туки; дойти до края; из нужды не выходить; из лапот (лапоток) не выходить*.

В данной группе употреблены глаголы неоднаправленного действия: *ходить, ездить*. Они поддерживают значение длительности происходящего. Глагол одинаправленного действия *идти* менее всего ожидаем здесь, что и подтверждается лишь единичным употреблением во фразеологизме: *нищенским куском (кусочком) идти*. А вот приставочные глаголы, образованные от него: *пойти, дойти* вполне предполагаемы. Глагол *дойти* — «действие, названное мотивирующим глаголом, довести до конца или до какого-ни-

будь предела» *дойти, долететь, домыть* и под. В отличие от мотивирующих глаголов, такие глаголы сильно управляют род. п. с предлогом *до* [АГ-80, 359]. В нашем материале у глагола *дойти* значение «довести до какого-нибудь предела»: *дойти (дожить, доживать, дожиться) до туки (В войну-то, еко было времё, до туки дожилися, ничего не было)*; *дойти до края (Вчера женщина ходила, собирала на пожар, до краю видно уж дошли)*. Символично здесь и слово *край* — предельная точка: *на краю пути, на краю земли*.

Глагол *выходить* (опять же с отрицательной частицей) показывает беспросветность нищенского существования: *из нужды не выходить; из лапот (лапоток) не выходить*. Отметим, что этот глагол в нашем материале употребляется преимущественно с отрицанием (ср.: *из синяков не выходить* ‘постоянно быть в синяках’ *из рук не выходит* ‘кто-либо постоянно пользуется каким-либо предметом’).

Старость — еще один этап на жизненном пути каждого человека. К этому времени человек оценивает прожитые годы, смотрит на жизнь философски. Неслучайно *годы* осмысляются как нечто живое: *годы* способны *подбегать, выходить: годы вышли* ‘наступила старость’; *годы подбегают (год идет)* ‘подходит старость’.

Плохое самочувствие связывается прежде всего с приходом старости: *через лапоток шагать* ‘передвигаться с трудом’; *уходить жизнь (здоровье, силу)* ‘испортить здоровье’; *на бадогах ходить* ‘ходить, опираясь на палку’; *одва душа волочится* ‘кто-л. слаб, немощен’.

Человек в преклонном возрасте не только думает о смерти, но и говорит о ней: *около смерти ходить, край могилы ходить* ‘быть очень старым или тяжело больным’ (*Да где поёт? Она около смерти ходит*).

Неслучайными видятся здесь и глаголы с приставками *пере-, за-*, в которых дается оценка возрасту, проговаривается то, что человек слишком долго живет: *за границу переехать* ‘дожить до глубокой старости’ (*Я уж за границу переехал, прожил долго, многое повидал*); *в чужую дачу заехать, в черную границу заехать* ‘Достигнуть преклонного возраста’ (*Много уж мне-ка лет-то. Годами-то я уж в чужую дачу заехала*). Глаголы с префиксом *за-* *заехать за-*

бежать имеют значение «с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, переместиться в какое-нибудь место, иногда — отдаленное» [АГ-80, 360].

Конечным пунктом следования человека является смерть, широко представленная в анализируемых фразеологизмах. Смерть мыслится как возвращение домой: *домой поехать* ‘умереть’ (*Хватит жить, отгостились здесь, теперь домой поедём, пора уж*). Она связана с землей, а значит умирать — это *книзу идти, идти (пойти) на поклон*. «Древняя мифологема «земля-прародительница», божество, в чрево которого возвращается умерший, восстанавливается в народных выражениях *землю накормить* ‘умереть’, *земля зовет*», в наших материалах умереть — *в землю идти (уйти), в землю пойти (Из земли взяты, в землю обратно пойдём)* [Подюков, 62]. Кладбище связано с лесом, березками, отсюда и *в лес идти (уйти), в сосняк идти (уйти), отправиться на Брекун (в березник, на могильник)*. Глаголы однонаправленного действия *идти, отправиться* показывают неизбежность происходящего. Другой глагол аналогичной семантики *ехать* и его приставочные производные также используются во фразеологизмах этой группы: *на кладбище ехать (поехать), ко кресту ехать (поехать), в берёзки уехать, под зелёную сосну уехать* ‘умереть’. Об умершем либо неожиданно, либо молодым могут сказать, что он *убежал на могилу (Старик убежал на могилу, меня оставил, об ём реву каждый день)*.

Олицетворенными представлены во фразеологизмах *душа* и *смерть*: *душа вышла* ‘наступила смерть’; *душа (душе) выйти* ‘находиться в тяжелом, безнадежном или предсмертном состоянии’; *по смерть зайти* ‘умереть, погибнуть’. Необычно употребление глагола *войти* во фразеологизме *в смерть войти* ‘умереть’. И. А. Подюков пишет: «Представляя смерть как некое существо, человек считал место обитания мертвых определенным населенным пунктом (для этого древними создавались города мертвых, некрополи). Отсюда и распространенное в народной речи обозначение кладбища как *семейная тихая деревня, уйти в Могилевку*» [Подюков, 64]. Жизнь во фразеологизмах воспринимается как пространство, ограниченное воротами, за которыми смерть: *за ворота выйти* ‘уме-

реть’.

Так представлен жизненный путь человека во фразеологизмах с глаголами движения. Употребление глаголов движения во всех перечисленных фразеологизмах вряд ли можно назвать случайным. Глаголы поддерживают, укрепляют развитие мысли о том, что жизнь — это дорога, путь; подтверждают старую истину, сформулированную в выражении: движение — это жизнь. Семантика фразеологизмов напрямую зависит от значения глаголов движения: однонаправленные глаголы показывают разовое действие или движение в заданном направлении, а неоднаправленные — постоянное. Сравните хотя бы не упомянутые нами фразеологизмы: *на арену выезжать* ‘появляться среди людей, в обществе’; *из тележки вылететь* ‘оказаться не у дел’ и другую группу: *по нитке ходить* ‘подчиняться во всем’; *за богатством ходить* ‘искать выгоды’. Фразеологизмы показывают, что русский человек ведомый, причем это его постоянная черта (глаголы неоднаправленного действия): *за примером ходить* ‘обращать внимание на то, как поступают другие’; *по той же тропке пойти* ‘повторить чью-либо жизнь, чье-либо поведение’; *за богом идти* ‘верить в бога, быть набожным’; *пойти по божьей путе* ‘поверить в Бога, уйти в монастырь’. Таким образом, глаголы движения являются неотъемлемым структурно-семантическим компонентом проанализированных нами фразеологизмов.

Литература

Подюков И. А. Народная фразеология в зеркале народной культуры. Пермь, 1990.

Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.

Донские диалектные глаголы со значением «трудовая деятельность», составляющие словообразовательный круг

М. А. Захарова

Среди глаголов донского диалекта, обозначающих трудовую деятельность, выделяются единицы, составляющие такие словообразовательные цепочки, в которых первое и последнее звенья связаны отношениями опосредованной мотивации и практически тождественны семантически. Примерами таких цепочек могут служить следующие: *орать* ‘пахать’ — *орало* ‘борона с зубьями в виде лапок, как у культиватора’ — *оралить* ‘пахать’ и *пахать* — *пахарь* — *пахарить* ‘пахать’.

Особенностью заключительных звеньев (производных глаголов) таких цепочек является то, что название соответствующего орудия или субъекта деятельности входит на правах дифференциальной семы в состав деноминативных глаголов (однако может использоваться и при толковании непродуцированных глаголов). Заключительные звенья словообразовательного круга — деноминативные глаголы — семантически обогащаются, так как в отыменных глаголах «происходит сжатие, конденсация за счёт втягивания внутрь глагола (в качестве его основы) имени, которое синтаксически связано с глаголом, является уточнителем, конкретизатором самого действия» [Капанадзе, Красильникова, 117].

Термин «**словообразовательный круг**» используется нами вслед за С. Б. Козинцом [Козинец, 22], в работе которого указанным понятием определены цепочки типа *франт* → *франтить* → <*франтитель*>. От метафорически мотивированных глаголов типа

франтить наименования деятеля — *франтитель* — практически не образуются [Там же, 21], так как в противном случае получается тавтология.

В диалекте же такие тавтологические цепочки возможны. Однако ввиду того, что подобное дублирование информации для языка нежелательно, словообразовательных кругов у глаголов со значением трудовой деятельности в донском диалекте насчитывается немного: четыре с промежуточным звеном — названием орудия (словообразовательный круг-1) и три с промежуточным звеном — наименованием субъекта действия (словообразовательный круг-2).

Рассмотрим каждый из кругов в отдельности.

В словообразовательном круге-1. промежуточные звенья образованы при помощи суффикса *-л-* и принадлежат к словообразовательному типу «Орудие, приспособление для производства действия» [АГ-80]¹. Формальные и семантические связи производящих и производных выглядят следующим образом (толкования донских слов даются по (БТСДК: 240–241, 340, 502–503), (СДГВО: 120, 430, 484, 561)) (см. Табл. 1).

Помимо формально-семантических связей внутри словообразовательного круга, вышеперечисленные непроизводные и производные глаголы входят и в другие деривационные ряды. Так, непроизводным глаголом *грабить* формально и семантически мотивируются префиксальные производные *сграбить* ‘обл. Грести, сгребать граблями’ (МАС, 1, 340), *взграбить* ‘взрыхлить землю граблями’ (БТСДК, 76).

Глагол *грабить* представляет собой реликт древнерусского языка: *грабить* (*сграбить*) ‘сгребать сено, солому’ (Слов. Акад. 1847, 1, 286). В настоящее время он воспринимается как омоним к *грабить* ‘похищать чужое имущество’ (МАС, 1, 340), исторически же ‘сгребать сено, солому’ — это первое значение (лексико-семантический вариант) единого слова *грабить*, значение же ‘отнимать насильно, разбойничать’ является вторым (Слов. Акад. 1847, 1, 286). Таким образом, в словообразовательный круг в качестве первых

¹ Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru/208--255.html>

Таблица 1. Словообразовательный круг-1.

г^раб-ить 'грести, сгребать граблями'	г^раб-л-и '1) колодка с зубьями, насаженная на длинную руко- ятку, для сгребания сена, соло- мы и разрыхления огородной и садовой земли; 2) сельско- хозяйственное орудие, машина для сгребания сена, соломы, сжатого хлеба и т. п., основной рабочей частью которого явля- ются зубья' (МАС, 1, 341)	по-г^рабл-ить 'грести некоторое время, погрес- ти; сгрести граблями.// Побороновать', про-г^рабл-ить 'обрабо- тать землю граблями или бороной' (в дон. диалекте отсутствует *г ^р абл ^{ит} ь, но в (СРНГ, 7, 108): г ^р абл ^{ят} ь 'сгребать граблями')
к^ресать 'то же, что кресалить' (архаичные вари- анты: к^рес'ить , к^решать)	к^реса-л-о 'огниво'	к^ресал-ить 'арх. Высе- кать огонь кресалом'
сош^ить 'рыб. Ра- ботать с сошилom'	соши-л-о 'шест для прижи- мания пятного крыла невода ко дну, когда его подтягивают к берегу.// Тяжелый металли- ческий лом с острым концом и рукоятью для удерживания пятного крыла невода'	сошил-ить 'рыб. Закреп- лять крыло невода при по- мощи сошила'
о^рать 'пахать'	о^ра-л-о 'борона с зубьями в ви- де лапок, как у культиватора'	о^рал-ить 'пахать'
исходный глагол	отглагольное имя существи- тельное, обозначение орудия — nomen instrumentalis;	глагол, образованный на базе отглагольного име- ни существительного (де- номинативный глагол);
внутренняя форма слова затемнена;	внутренняя форма слова доста- точно ясная	внутренняя форма слова достаточно ясная (актуа- лизована);
семантические ва- лентности импли- цитные;		актуализирована семанти- ческая валентность 'ору- дие'
↙ обозначают одно и то же действие ↘		

Таблица 2. Словообразовательный круг-2.

<i>пахать</i> 'обрабатывать землю плугом' (МАС, 3, 34)	<i>пах-арь</i> 'тот, кто пашет; земледелец' (МАС, 3, 34)	<i>пахар-ить</i> 'пахать'
<i>постовать</i> 'шерстоб. То же, что постовалить: валять шерсть'	<i>постова-л</i> <i>пустова-л</i> 'валяльщик шерсти, шерстобит'	<i>постовал-ить</i> 'шерстоб. Валять шерсть'; <i>пустовал-ить</i> 'валять валенки, войлок из шерсти, работать постовалом'
<i>шворить</i> 'шить драгвой, шпагатом'	<i>швор-ник</i> 'шорник'	<i>шворнич-ать</i> '1) рыб. Сшивать сеть шворкой; 2) шорн. Шить кожаные изделия, упряжь для лошадей, шорничать'
исходный глагол	отглагольное имя существительное, наименование активного субъекта — <i>nomen agentis</i> ;	деминативный глагол
внутренняя форма слова затемнена;	внутренняя форма слова достаточно ясная	внутренняя форма слова достаточно ясная;
семантические валентности имплицитные;		актуализирована семантическая валентность 'субъект'
↙ обозначают одно и то же действие ↘		

звеньев могут входить лексемы, сохраняющие тесную связь с более древними периодами истории языка.

Вернёмся к рассмотрению структурно-семантических связей глаголов внутри первого словообразовательного круга.

Глаголом *орать* формально и семантически мотивировано префиксальное производное *поорать* 'вспахать' (БТСДК, 401).

Производными глаголами формально мотивированы дериваты с более сложной морфемной структурой: приставка + корень + суффикс *-и-* деноминативного глагола. Так, глаголом *оралить* формально мотивированы префиксальные производные *заоралить* 'взрыхлить землю', *прооралить/пооралить* 'вспахать', *разоралить* 'раз-

рыхлить землю оралом' (БТСДК: 176, 401, 432, 447). Семантически указанные дериваты сохраняют актуализированную семантическую связь с наименованием орудия — *орало*.

Глаголом *сошилить* формально мотивированы приставочные дериваты *пересошилить* 'рыб. Перенести шест — сошило с одного места на другое при ловле рыбы неводом' (СДГВО, 415) и *засошелить* 'рыб. Закрепить край невода на дне при помощи сошила' (БТСДК, 180). Однако семантически указанные дериваты сохраняют актуализированную семантическую связь с наименованием орудия — *сошило*.

Некоторую аналогию представленному выше словообразовательному кругу можно обнаружить и в литературном языке, например: *мыть* — *мыло* — *мыть*. Отличие «литературной» цепочки от диалектной состоит в том, что в диалекте I и III звенья тождественны по значению, а в «литературной» цепочке значение третьего компонента уже, чем у первого: *мыть* '1) очищать от грязи водой или водой с мылом, а также какой-либо другой жидкостью... ' — *мыть* '1) натирать мылом, смоченным в воде; 2) растворять мыло в какой-л жидкости' (МАС, 2: 316, 318). Это связано со стремлением избежать дублирования информации.

В **словообразовательном круге-2** промежуточные звенья (наименования субъекта действия) образованы при помощи суффиксов *-арь-* (непродуктивный словообразовательный тип), *-л-* и *-ник-*. Формальные и семантические связи производящих и производных выглядят следующим образом (толкования донских слов даются по (БТСДК: 357, 410, 589), (СДГВО: 464, 493, 670)) (см. Табл. 2.).

Глаголом *шворить* формально и семантически мотивированы префиксальные глаголы *отшворить* 'отсоединить сети друг от друга', *расшворить* 'разъединить, распороть нить для сшивания сетей — шворку (по месту прохождения шворки)', *сошворить* 'Рыб. Связать, соединить между собой две рыболовные сети' (СДГВО: 398, 513, 561).

Возникает вопрос о степени членимости глаголов, образующих словообразовательный круг, и производных этих глаголов. Одна из наиболее полных классификаций степеней членимости была пред-

ложена М. В. Пановым [Панов, 220]. Основываясь на его классификации, Е. А. Земская выделяет 5 базовых степеней членимости слова [Земская, 47–48] (примеры Е. А. Земской и М. В. Панова):

1) слова включаются в полный словообразовательный квадрат: по корню и по аффиксу, включают неуникальные корни и неуникальные аффиксы, например: *разведать* — *разведчик*,

2) слова включаются в неполный словообразовательный квадрат — только по корню, аффикс по форме является уникальным, но семантически он соотносим с другими неуникальными аффиксами: *попадья* (ср. *врачиха*, *генеральша*, где суффиксы *-их-*, *-ш-* синонимичны унисуффиксу *-адьj-*);

3) слова с аффиксами, уникальными не только по форме, но и по семантике; такие унификсы выделимы только на основе соотнесения деривата с однокоренными образованиями: *стеклярус* (ср. *стекло*, *стеклянный*; других же образований с суффиксом *-jарус* нет);

4) слова с уникальными корнями: *буженина*; такие корни выделимы потому, что существуют аналогичные по семантике образования с неуникальными аффиксами (*лососина*, *осетрина*, *конина* и т. п.);

5) различные типы практически нечленимых или полностью нечленимых основ: *малина*, *крушина*, *кочегар*, *кенгуру*. Такие слова включают унирадиксоиды, их аффиксы, даже неуникальные по форме, в составе данных слов обладают нерегулярным значением ('ягода' у *-ин-* в *малина*, *крушина*, *калина*).

Поскольку первые звенья словообразовательных кругов донских диалектных глаголов являются непроизводными, основное внимание исследователя должно быть обращено на членимость последующих звеньев. Принадлежность названий орудий (*орало*, *сошило*, *кресало*) и наименований субъектов (*пахарь*, *постовал*) к непродуктивным словообразовательным типам практически не влияет на снижение их членимости, так как в языке обнаруживаются другие дериваты, соотносимые с ними по аффиксу (названия орудий: *мыло*, *шило*, *било*, *точило*; названия лиц по профессии: *писарь*, *пекарь*, *токарь*; *меняла*, *зазывала* (прост.), *запевала*, устар.: *стри-*

гала, трепала, подсыпала, подметала; примеры даны по [АГ-80]). Поэтому существительные типа *сошило* и *пахарь*, а также образованные от них глаголы типа *сошилить* и *пахарить* обладают степенью членимости не ниже второй.

Для слов в цепочках *грабли — граблить, орало — оралить, кресало — кресалить, сошило — сошилить, пахарь — пахарить, шворник — шворничать* на основе всего вышесказанного устанавливается I степень членимости.

Существительное же *постовал* (*пустовал*) и глагол *постовалить* (*пустовалить*) могут быть квалифицированы как обладающие четвёртой степенью членимости. Трудности с членением их на морфемы возникают, во-первых, в связи с тем, что дериваты с *-л-* со значением субъекта действия обычно являются существительными общего рода (ср. выше *меняла*), *постовал* (*пустовал*) же относится к мужскому роду. Однако предположение, что *постовал* образовано от *постовалить* при помощи нулевой суффиксации, не выдерживает критики, так как существует более простой глагол — *постовать*. Следовательно, направление словообразовательной мотивации может быть только таким (как и отмечено в вышеприведённой схеме): *постовать* → *постовал* → *постовалить*.

Во-вторых, является ли глагол *постовать* непроизводным? Он не отмечен словарями литературного языка (даже как областной), в (СРНГ, 30, 230–231) зафиксирован с пометой *донское*, т. е. другим русским народным говорам он, по-видимому, неизвестен. Отсутствие в словаре форм 1 л. ед. ч. осложняет выполнение задачи, так как возникает вопрос: является ли сегмент *-ова-* суффиксом (тогда форма 1 л. ед. ч. *постую/пустую*)? Если это так, то в глаголе *постовать* и его непосредственном производном *постовал* и опосредованном производном *постовалить* содержится уникальный по семантике корень *-пост-*, омонимичный соответствующему корню литературного языка. Из всех рассмотренных нами основ морфемная структура основы глагола *постовалить* в таком случае будет наиболее сложной — четырёхморфемной: глагольный корень *пост* + глагольный суффикс *-ова-* + суффикс отглагольного производного *-л-* + суффикс деноминативного глагола *-и-* (+*ть*, показатель инфи-

нитива).

Таким образом, диалектные глаголы представляют собой богатый материал для изучения словообразовательного потенциала различных частей речи общенародного русского языка.

Литература

Капанадзе Л. А., Красильникова Е. В. Об актуализации морфемной членимости слов в речи // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. — М., 1975.

Козинец С. Б. Словообразовательная метафора в русском языке: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2009.

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 2012.

Панов М. В. О степенях членимости слова // Труды по общему языкознанию и русскому языку. Том 2. М: Языки славянской культуры, 2007. С. 218–223.

Глагол, причастие и деепричастие в говоре села Измалково Измалковского района Липецкой области

Т. В. Карасёва, А. А. Колесников

Предметом нашего научного интереса является говор села Измалково Измалковского района Липецкой области (см. Литературу). Материалом для исследования послужили полевые записи живой диалектной речи, сделанные в данном населённом пункте в 2005–2008 гг. В настоящей статье остановимся на характеристике глагола, причастия и деепричастия.

1. Глагол. Формы инфинитива. Образуются от основы прошедшего времени: *читал — читать, работал — работать, жил — жить*. У глаголов на *-ти* в результате перемещения ударения с окончания на основу происходит редукция конечного *-и*: *везть, весть, плесть, несть, мечь, гресть, скресть, цвесть, рость, тресть, бресть*. То же самое наблюдается в приставочных формах: *принесть, отцвесть, подроствь*. Глагол *идти* в инфинитиве имеет вторичное /т'/: *иттить, идить*; глагол *бежать* — две формы: *бежать, бечь*. Таким образом, в инфинитиве всегда безударное окончание, всегда основа на гласный и никогда не встречается конечной фонемы /и/.

Формы изъявительного наклонения. Разрядная принадлежность. Под влиянием закона морфологической аналогии происходит «выравнивание основ» под воздействием разрядов с более простым их соотношением. Оно может идти от основы прошедшего времени к основе настоящего времени: *давал — давая, дают; ехал — ехья; колыхал — колыхая; махал — махая, махаешь*

/махáй'иш/, *махаитя* /махáй'ит'а/, *махают*; *орал* — *орая* — *орают*; *пахал* — *пахая*; *плакал* — *плакаю* /плáкый'у/; *стонал* — *стоная*, *стонаешь* /станáй'ишь/; *командывал* — *командываю*; *праздывал* — *праздываю*; *пользовался* — *пользуюсь*; *пожалывался* — *пожалываюсь*; *затоплял* — *затопляю*; *растоплял* — *растопляю*. Кроме того, этот процесс может происходить от основы настоящего времени к основе прошедшего времени: *жму* — *жмал*, *жмали*; *бегу* — *бег*, *бегли*.

Настоящее время. Спряжение. Большая часть глаголов распределяется между I и II спряжением. Различие этих спряжений выражается гласными фонемами окончаний. У глаголов с безударными окончаниями спряжения не различаются. Это во многом определяется фонетикой говора, а именно неразличением в заударной позиции /е/ и /и/, — то есть тех гласных фонем, которыми различаются окончания I и II спряжения:

1 л.	слушаю /слúхый'у/	слушаем /слúхый'им/
2 л.	слушаешь /слúхый'иш/	слушаете /слúхый'ит'а/
3 л.	слушая /слúхый'а/	слушают /слúхый'ут'/
1 л.	кошу	косим
2 л.	косишь	косите
3 л.	косит	косят

Таким образом, мы можем говорить о наличии общего спряжения. Интерес представляет глагол *иттить*, *идить*, который обнаруживает окончания как I, так и II спряжения:

1 л.	идú	идём, íдим
2 л.	идёшь, íдишь	идётя, íдятся
3 л.	иде́, íдя	идúть, íдуть

При спряжении глагола *не идти* в настоящем времени в результате перехода ударения с начального /и/ глагола на частицу (раньше было только: *ня идить*, да и сейчас этот вариант употребителен) /и/ редуцировалось в /й/, и два слова стали произноситься как одно. Перетягивание ударения происходило так: *не иде́* → *ня íдя* → *не́йдя*, причём все эти три формы в говоре функциональны:

1 л.	не иду, нѣйду	не идѣм, ня ѣдем, нѣйдим
2 л.	не идѣшь, ня ѣдешь, нѣйдишь	не идѣтя ня ѣдетя, нѣйдитя
3 л.	не иде', ня ѣдя, нѣйдя	не идуть, ня ѣдутъ, нѣйдуть

Бытуют глаголы *броить* 'брить' и *владать* 'владеть': *броя, броютъ, владая*.

Форма 2 лица множественного числа. Конечное безударное /е/ переходит в /'а/, отсюда окончания *-етя, -итя*: *несетя, водитя, решаютя, стоитя*.

Форма 3 лица единственного числа. Характерной особенностью является ударное окончание *-е* и безударное *-я*, а также отсутствие конечного /т/ у глаголов в форме 3 лица единственного числа I и II спряжения: *бере* /б'ар'э'/, *иде, идя, едя,нося, решая, возя, коля, показывая*. В говоре наблюдается процесс вытеснения форм без /т'/ формами с /т'/ (прежде всего в безударной флексии). Это явление, прежде не характерное для данного говора, можно объяснить влиянием соседних диалектных систем. Укажем, что в ударном окончании у глаголов I спряжения наблюдаются фонетические варианты: *идѣть — идеть; несѣть — несеть; берѣть — береть*; глаголы II спряжения с ударной флексией всегда имеют конечное /т'/: *стоитъ, ворчитъ, молчитъ, торчитъ, спитъ*. Данные особенности характерны главным образом для речи жителей среднего и старшего поколения.

Форма 3 лица множественного числа. Отсутствие конечного /т/ у глаголов I и II спряжения: *сидя, идя, глядя, видя, едя, вертя, летя, следя*. Только такая форма, характерная для речи всех поколений, встречается в речи жителей старшего возраста. Конечное /т'/: *сидять, едять, глядять* — появилось недавно.

Глаголы исконно II спряжения с безударными окончаниями обобщили в форме 3-го лица множественного числа окончание *-уть* (*-ють*): *плотють, носятъ, сыпють, варють, делють*, — то есть то же окончание, что глаголы I спряжения: *идуть, берегутъ*. Окончание *-уть* (*-ють*) выступает здесь, следовательно, как в соответствии с ударным *-уть* (*-ють*), так и с ударным *-ать* (*-ять*): *растять, хотять*. Приведём парадигму спряжения глаголов *нести* (I спряжения) и *носить* (II спряжения):

1 л.	несу /н'асу́/	несем /н'ис'эм/
2 л.	несешь /н'ис'эш/	несете /н'ис'эт'а/
3 л.	несе /н'ис'э/	несут /н'асут'/
1 л.	ношу	носим
2 л.	носишь	носите /нос'ит'а/
3 л.	нося	носят

Чередования в основе. Чередование у глаголов I спряжения по типу II спряжения с характерным для него выделением формы 1-го лица единственного числа (основа «губной + л»):

1 л.	дремлю /др'амл'у'/	дремим
2 л.	дремишь	дремите /др'эм'ит'а/
3 л.	дрема	дремют
1 л.	сыплю	сыпим
2 л.	сыпишь	сыпите /сып'ит'а/
3 л.	сыпя	сыпют

Отсутствие чередования /г/ // /ж/, /к/ // /ч/ у глаголов на заднеязычный:

1 л.	жгу	жгем
2 л.	жгешь	жгете /жг'эт'а/
3 л.	жге	жгут
1 л.	теку /т'аку'/	текем /т'ик'эм/
2 л.	текешь /т'ик'эш/	текете /т'ик'эт'а/
3 л.	теке /т'ик'э'/	текут /т'акут'/

Прошедшее время. В говоре отмечаются рудименты плюсква-перфекта, выраженные глагольной формой на -л и формой прошедшего времени вспомогательного глагола. В зависимости от контекста они могут выражать разные оттенки давнопрошедшего времени (например, начатого и внезапно прерванного действия), при этом чаще всего они имеют значение действия, предшествующего другому, также отнесённому к прошлому: *Я был села кино паглядеть, ды свет атключили; Я был сабрался у магазин, ды дош улил у руку; Витька с пьянкью акаратилси была, ды Васька-брат приехал — он ишишо дюжеса пье типерча; Я ноньча пить ня буду, а то учара пичёнка был выскачила.*

Будущее время. Приведём парадигмы спряжения некоторых глаголов: *вернуться, найти, прийти*.

1 л.	верну́сь	вернемся /в'э́рн'имс'и/
2 л.	вернешься /в'э́рн'ишс'и/	вернетесь /в'э́рн'ит'ас'/
3 л.	вернется /в'э́рн'итса/	ве́рнутся
1 л.	найду́	найдем /на́й'д'им/
2 л.	найдешь /на́й'д'иш/	найдете /на́й'д'ит'а/
3 л.	на́йдя	на́йдутъ
1 л.	приду́	придем /пр'и́д'им/
2 л.	придешь /пр'и́д'иш/	придете /пр'и́д'ит'а/
3 л.	придя /пр'и́д'а/,/при́й'д'а/	при́дутъ

По этому же образцу спрягаются однокоренные глаголы с другими префиксами.

Отметим также отсутствие чередования в основе глагола *лечь*, что определяется особенностями неподвижного ударения на основе:

1 л.	ля́жу	ляжем /ла́жым/
2 л.	ляжешь /л'а́жыш/	ляжете /л'а́жыт'а/
3 л.	ля́жа	ля́жутъ

Особое чередование в основе имеет глагол *упасть*:

1 л.	упану́	упанем /упа́н'им/
2 л.	упанешь /упа́н'иш/	упанете /упа́н'ит'а/
3 л.	упа́ня	упану́тъ

Формы повелительного наклонения. Простая форма повелительного наклонения образуется от основы настоящего времени, при этом формы имеют окончание *-и*: *бежи* /б'а́жы'/, *иди*; нулевое окончание: *ляжьсь, положьсь, трожьсь, становьсь, упаньсь, весьсь* 'вешай'; от основы прошедшего времени — окончание *-ай*: *ехай, плакай, прятай, сытай*. Диалектный характер при этом определяется не особенностью образования форм повелительного наклонения, а необычными для этих глаголов основами.

Отмечаются усечённые формы: *гля* 'гляди'. В значении 'бери' используются лексемы *на, нате, на-ка*.

Сложная форма повелительного наклонения образуется при помощи частицы *нехай*: *Саиш, нехай Алех у магазин за хлебом идя, а*

ты памагни мне ис погриба картошки дастать; Саиш, пастаранися, няхай тядушка у закуту узайде; Если пасадили, няхай сидить — мош, паумнея.

Категория возвратности. Наличие/отсутствие возвратного постфикса. В соответствии с невозвратными формами литературного языка выступают возвратные: *Ешь, сынок, када естся, и пей, када пьетса; Пажыл у тётки харашо: паелси, папилси.* Особую группу составляют глаголы с возвратным постфиксом, имеющие значение длительного, интенсивного действия в пользу субъекта: *Я ноньча долга у ва гароди капалыся, увесь день стиралыся; Нада ноня пакаситса; Ой, дажди льють — гарот ня тяпыййтса!; Он ляжыть бальной увесь — за ним ни прибираййтса, ни притираййтса, ни выноситса.*

И наоборот, в соответствии с возвратными глаголами литературного языка употребляются невозвратные: *Я дажыдал тебе и даждал накануне; Ана толька и зная, што у зеркалу сматреть; Серца калотя — ни магу; Тах-та нячесна играть: ани сидели и пирямыгывыли друг с другом; Мы с Баскакавыми ища ня знайимси ('находимся в ссоре').*

Модификации возвратного постфикса. В положении после гласной возможны формы с сохранением гласного, при этом после гласных выступает постфикс *-ся* или *-сь*: *учуся — учусь; училися — училась; училися — учились; учися — учись; учится — учитесь; ругаюся — ругаюсь; ругалыся — ругалась; ругалися — ругались; после согласных — -си: ругалси, ругайси; училси, вертелси, вертайси, пыталси, пытайси.* Основные разновидности постфикса возводятся к энклитическим формам возвратного местоимения *себя*, имевшему в винительном падеже форму *ся*, а в дательном падеже — *си*.

Аспектуальная система. Категория вида. Видовая пара — два глагола, имеющие одинаковое лексическое значение и относящиеся к разным видам (совершенному и несовершенному) — образуется способами перфективации (префиксации) и имперфективации (суффиксации).

Перфективация. Для того чтобы приставка, присоединяясь к глаголу, изменяла только его вид и не изменяла лексическо-

го значения, глагол и приставка должны обладать общим семантическим признаком. Очень продуктивной является приставка *вз-/уз/*, *взо-/узо/*: *уметь* — *узуметь* ‘суметь’; *думать* — *уздумать* ‘надумать’; *лезть* — *узлезть* ‘влезть’; *греть* — *узогреть* ‘согреть’, ‘разогреть’; *хотеть* — *ухотеть* ‘захотеть’; *входить* — *узойти* ‘войти’; *бечь* — *узбечь*; *бежать* — *узбежать* ‘взбежать’.

Имперфективация. Суффикс *-а-* характеризуется большей продуктивностью по сравнению с литературным языком (глаголы, оформленные в литературном языке суффиксом *-ива (-ыва)* в говоре могут быть образованы с помощью суффикса *-а-*): *накласть* — *накладать*; *научить* — *научать*; *загородить* — *загорожать*; *затопить* — *затоплять*; *растопить* — *растоплять*; *подготовить* — *подготовлять*; *запрудить* — *запружать*; *обокрасть* — *обкрадать*.

Глагол *залиться* ‘пойти быстро’ не имеет соответствующей формы несовершенного вида и употребляется только в прошедшем времени.

Способы глагольного действия — лексико-грамматические разряды глаголов, обозначающие различные временные, количественные, пространственные и результативные способы осуществления действия.

Дистрибутивный способ действия. Глаголы обозначают постепенный охват действием всех объектов или субъектов. Продуктивные модели:

1) приставка *по-* + бесприставочный глагол совершенного или несовершенного вида: *«Газель» астанавились, мы все у неё пассажиражились* (‘постепенно сели’); *Местными да трёх часов разбрядались, а приежжыи хто иде палягли* (‘постепенно легли’); *Милицыя на них надавила, и ани усё краденныя павяртали* (‘постепенно возвратили’);

2) приставка *по-* + приставочный глагол совершенного или несовершенного вида: *Я прошлай гот агурцоф панасалила, памидо-раф пазакрыла; Марозы йету зиму дюжа сильныи были — все драва и угаль увесь папирияжгла; Я прошлай гот агурцоф пазакрывала!; Все двери параскрывала — мухаты паналятела!; Мы все дяла адним днём папирядели.*

Начинательный способ действия. Глаголы обозначают момент возникновения действия. Продуктивные модели:

1) приставка *за-* + бесприставочный глагол несовершенного вида: *пить — запить: Хорошай был мужык, а виш, запил, запил; Радива малчала, малчала, а то как заработыя, как забалакыя!*;

2) приставка *вз-* /*уз-*/ + бесприставочный глагол несовершенного вида: *бояться — узбояться; смеяться — уссмеяться*; приставка *вз-* /*уз-*/ + бесприставочный глагол несовершенного вида + постфикс *-ся*: *кричать — ускричаться; бегать — узбегаться; говорить — узговориться*;

3) приставка *по-* + бесприставочный глагол несовершенного вида: *Я иё акарачивать, а ана панясла, панясла — з дурью баба!*

Интенсивный способ действия. Приставка *по-* + приставочный глагол совершенного вида с двумя приставками, одной из которых является *по-*: *Усе яблыки папасабрала, пирямыла, папавыжмыла сокавыжымалкыю — вино будя; Увесь мусар папавымятала, палы пирямыла.* Подобные глаголы встречаются в памятниках древнерусской письменности.

Глаголы интенсивного действия на *-ануть*, *-онуть* образуются от основ на *-а*: *летать — летануть; стучать — стукануть; стегать — стегануть*; от основ на *-е*, *-и*: *долбить — долбануть; крутить — крутануть; вертеть — вертануть*. Очень часто наблюдаются варианты: *крутить — крутнуть, крутануть; прыгать — прыгнуть, прыгануть; кушать — кушнуть, кушануть; кусать — куснуть, кусануть; резать — резнуть, резануть; толкать — толкнуть, толкануть; пихать, пхать — пихнуть, пхнуть, пихануть; черкать — черкнуть, черкануть*.

2. Причастие. Говору не свойственны причастия настоящего времени, как действительного, так и страдательного залога.

Действительные причастия прошедшего времени. Используются редко, при этом характерно их предикативное употребление в полной форме в составе составного именного сказуемого: *Как жа мне у церкву идить голыву ни покрывашай?; Пришол са свадьбы ня пифшай, ня евшай; Усю ночь ня спафшай, а на работу-та сиравно идить!*

Страдательные причастия прошедшего времени. Очень распространены, причём диалектную специфику их формообразования составляет иное, чем в литературном языке, распределение суффиксов *-н-, -т-, -ден-*: *рватый, драмый, вьгнатыи, настлътый, собратый, запхътый, вьбратый; даден, отдаден, сдаден, наеден* (от *наесться*), *поеден, отъеден*. Как видно, для глаголов I спряжения характерно образование причастий с суффиксом *-т-* от тех глаголов на *-ать*, которые в литературном языке образуют причастия с суффиксом *-н-*. Отмечается также более продуктивное использование суффиксов *-онн-, -он-* /он/, /ын/, (*-енн-*) /ин/, (*-ённ-*): *кóлоный, пóлоный, пóроный, смóлоный*. Наблюдаются варианты: *завáленный — завалённый; уклóченный — уключённый; свáренный — сварённый; запру́женный — запружённный; укру́ченный — укручённый*.

3. Деепричастие. Деепричастия от основы настоящего времени на гласный с суффиксом *-учи-/-умчи-* — очень ограниченная группа, хотя и более широкая, чем в литературном языке: *знаючи (знаюмчи), играючи (играюмчи), крадучи (крадумчи), сидючи (сидюмчи), умеючи (умеюмчи)*. Второй суффикс появляется здесь под влиянием деепричастий на *-миш*.

Деепричастия *знаючи (знаюмчи), умеючи (умеюмчи)* употребляются, как правило, в предложении, которое подытоживает сказанное, и в риторическом высказывании: *Знаюмчи усягда лехшы; Долго ли умеючи?; Вот как оно — умеючи*. Деепричастие *играючи (играюмчи)* даёт положительную оценку действию ('легко, без труда'): *Дом сабе настроил играючи; Работыа играючи усягда*; деепричастие *сидючи (сидюмчи)* — негативную оценку действия: *Сидюмчи ничаво ни издэльйшиш!; Сидить сидюмчи день деньской!*

Очень продуктивны деепричастия на *-миш*, образованные от основ приставочных и бесприставочных глаголов прошедшего времени на гласный; в большинстве случаев они употребляются с частицей *не*: *поспамшиш, убрамшиш, вытимшиш, нагнувшиш; не емиши, не дамиши, не звамиши, не тимшиш, не ждамиши, не спамиши, не думымиши, ни гадамиши, не убрамшиш, не жрамшиш*. Деепричастия не имеют такого специального средства для выражения залоговых отношений, как

постфикс *-ся*: *разумиши, обумиши, раздемиши, одемиши, не покрывиши*. О том, что это устойчивая часть речи, свидетельствует появление новых деепричастий: *не завтракымиши, не обедымиши, не ужинымиши*.

От глагола *работать* деепричастие образовано с помощью суффикса *-а-*: *работя*’ — причём употребляется оно только с частицей *не*: *Как же ты, ни рабатья, жить харашо хочиши?*

Как видно, деепричастия от основ настоящего и прошедшего времени по своему грамматическому значению противопоставлены друг другу в говорах менее чётко, чем в литературном языке.

Такова краткая характеристика глагола, причастия и деепричастия в сохраняющемся говоре села Измалкова.

Литература

Карасёва Т.В., Колесников А. А. Имя прилагательное, имя числительное и местоимение в говоре села Измалково Измалковского района Липецкой области // Лексический атлас русских народных говоров. СПб., 2009.

Карасёва Т.В., Колесников А. А. Имя существительное в говоре села Измалково Измалковского района Липецкой области // Труды молодых учёных Воронежского государственного университета. Вып. 1–2. Воронеж, 2009.

Карасёва Т.В., Колесников А. А. Фонетика говора села Измалкова Измалковского района Липецкой области // Лексический атлас русских народных говоров. СПб., 2008.

Колесников А. А. Диалектная лексика села Измалкова Измалковского района Воронежской области // Этнография Центрального Черноземья России. Вып. 7. Воронеж, 2008.

Колесников А. А. Из истории села Измалкова Измалковского района Воронежской области // Этнография Центрального Черноземья России. Вып. 7. Воронеж, 2008.

Колесников А. А. Старинная игра «Клепы» в с. Измалково Измалковского района Липецкой области // Этнография Центрального Черноземья России. Вып. 6. Воронеж, 2007.

Русская диалектология / [под ред. Л. Л. Касаткина]. М., 2005.

Особенности функционирования некоторых наречий в архангельских говорах

Я. В. Мызникова

При анализе материалов по архангельским говорам обращает на себя внимание использование некоторых общеупотребительных лексических элементов в речи информантов: *больше, боле, сзади*, а также *взади, впереди* (условно назовём их наречиями, хотя функционально они не всегда служат таковыми). Записи были сделаны в ходе фольклорной экспедиции в 2011 году в населённых пунктах Кеба, Едома, Карашелье Лешуконского района Архангельской области. В записях содержатся в основном беседы с информантами по тематике духовной культуры. Такая тематика во многом и поспособствовала выявлению особенностей употребления указанных наречий.

И. А. Попов в докторской диссертации «Наречие в русских народных говорах» особо говорит о «внутренней сложности наречия как части речи», о чём свидетельствует и то, что «исследователи одни из них относят к полнозначным словам, т. е. к словам с лексическим значением, называющим вещи, явления, процессы, другие — к служебным, словам с грамматическим значением» (Попов 22–23). Лексические единицы *боле, больше* в Архангельских говорах могут приобретать функции служебных элементов.

Основным значением наречия *больше* является сравнительная степень к *много*, омонимичная сравнительной степени прилагательного *большой*. В академических словарях, помимо значений степени проявления и количественной характеристики признака, приводятся следующие значения наречия *больше*: в отрицательных пред-

ложениях (типа *Больше не приходи!*) — ‘потом, после того, вперед, теперь’ (БАС 1, 566), ‘далее, впредь, уже’ (БТС, 90). Наречие *боле* рассматривается как устаревшее (БТС, 89).

В СРНГ приводится вводное слово *больше́*, отмеченное в Сибири (Том. с указанием «термин, постепенно выходящий из употребления», Иркут.), на Алтае, в Челябинской области, в значении ‘кажется, должно быть, вероятно, пожалуй’ (СРНГ 3, 87). Наряду с *больше́*, в говорах Сибири, а также в Череповецком уезде Новгородской губернии, отмечено и *большо́* в качестве вводного слова с близким значением ‘кажется, словно бы, думается, знать’ (СРНГ 3, 90). *Больше́* также зафиксировано в идиоматически связанном употреблении в обороте *больше́ всё* со значением ‘конец, всё; достаточно’ в пинежских говорах Архангельской области, а также в Свердловской области (СРНГ 3, 87).

В АОС оба слова (*больше* и *боле*) характеризуются как наречия и частицы (АОС 2, 54–55, 64–65). Помимо своих основных значений компаративов, а также встречающихся в разговорной речи и в говорах значений ‘главным образом, чаще всего, преимущественно’, ‘ещё, вдобавок’ (*А больше кто поедет?*), в Архангельском словаре указаны и специфические значения этих наречий в архангельских говорах. Так, оба слова отмечены в значении ‘теперь, в настоящее время, уже’ (*Больше всё позабыли*). *Больше*, как наречие, в словарной статье имеет также значения ‘потом, после, позже’ (*Пускай идет — схватяце больше!*) и ‘совсем, совершенно’ (*Вы уж опристали больше*). *Боле* и *больше*, по материалам словаря, используются и как частицы: *боле* — усилительная частица (‘уж, ведь, то’ — *Я боле совсем стала видеть худо*); *больше* — побудительная частица (‘ну, -ка, уж, давай’), а также частица — вводное слово со значением возможности, неуверенности (‘пожалуй, что ли’ — *Больше нать собираця*).

В Картоотеке пинежских говоров Г. Я. Симиной также обнаруживаются особые (не общеупотребительные) значения наречий *боле* и *больше*. Наречие *больше* чаще употребляется в значении ‘теперь, уже’ (6 примеров), хотя в некоторых из этих примеров элемент *больше* может быть определён и как усилительная частица: *Я боль-*

ше пристала так бедово дело как... (усилительная частица — определение Г. Я. Симиной) Кеврола, Пин. Можно обнаружить и другие значения этого наречия: ‘тогда, потом’ (*Больше уежжае жоних домой.* Кеврола, Пин.); ‘совсем’ (*И тем глазом больше худо вижу.* Кеврола, Пин.). *Больше* встречается и в устойчивых сочетаниях: *всё больше* ‘всё, конечно’ (2 случая) и *больше хватит, хватит больше* ‘довольно!’ (4 примера: *Больше хватит пить чай.* Летопола, Пин). Первый оборот отмечен в АОС и в СРНГ (*всё большѣ*).

Наречие *боле* в пинежской картотеке встречается реже и с меньшим спектром значений: в 4 примерах отмечено *боле* в значении ‘теперь, уже’ (*Я артисткой попала боле. Что скажу, что скостѣрю, то и записывают.* Кеврола, Пин.); в 2-х случаях *боле* можно интерпретировать как частицу и вводное слово ‘вроде, что ли, будто’ (*У ней так всё боле позвоночник переломило.* Кучкас, Пин.; *Во сни вижу: она из олтаря бежит. Тут я и разбудилась. Пропала боле.* Юрас, Пин.).

Материалы АОС и пинежской картотеки относятся к одному временному отрезку: конец 50-х — 70-е годы прошлого века и в целом отражают соответствие данных о функциях лексических элементов *больше, боле*. Сопоставим рассмотренные материалы с современными данными по Лешуконскому району.

В современных записях отражаются следующие особенности функционирования элементов *больше, боле*: активность этих элементов — их высокую частотность — зафиксировано 128 примеров (*боле* — в 47 примерах); функционирование этих лексических элементов не только в качестве наречий с широким спектром значений, но и в роли служебных слов с диффузной семантикой, передающей целый ряд преимущественно модальных значений, т. е. показывающей различные оттенки субъективного отношения к сообщаемому.

Около одной трети примеров (46) отражают употребление элементов *больше, боле* в общеупотребительных (не всегда характерных для литературного языка) значениях. Так, в 14 примерах *больше* является сравнительной степенью прилагательного *большой* и сравнительной (или превосходной) степенью наречия *много*, а также обозначает превышение указанного количества: *Больше они*

песен-то знают. Кеба; Жили они в Германии двадцать пять годов, больше наверно. Кеба. В двух случаях встречаем наречие больше в значении 'преимущественно, главным образом': Изо дня в день ничё не делал, больше ходил. На кладбище ходил, как захоронил. Едома.

Большая часть зафиксированных общеупотребительных конструкций (30 случаев) — это отрицательные предложения, в которых элементы *больше* и *боле* употребляются в значениях 'уже, ещё, далее, кроме этого': *Боле не встретишь никогда никого. Кеба; Ну все, больше не знаю что вам рассказать. Карашелье. Возможно, отрицательные конструкции и является связующим звеном с узкодиалектным употреблением этих слов в аналогичных значениях, но уже в утвердительных конструкциях, ср.: А она чё больше сказала, не помню чё. Кеба; Тоже очень она интересная была, но позабыла боле. Кеба.*

Значительная часть зафиксированных примеров (83), почти две трети, отражают использование элементов *больше*, *боле* в особых функциях, характерных для этих наречий именно в архангельских говорах. Здесь они активно используются не только в качестве наречий с широким спектром значений, но и в роли служебных элементов, часто с трудно дифференцируемыми функциями и значениями.

В 32 примерах *больше* (16 примеров) и *боле* (16 примеров) используются в качестве наречий со следующими значениями. В большинстве случаев это наречия времени со значениями 'теперь, уже, потом, после, тогда, когда, ещё'. Оба слова (*больше*, *боле*) отмечены во всех указанных значениях, однако можно заметить тяготение элемента *боле* к значениям 'теперь, уже': *Все разъехались боле и живёт она с этой со своей со сестреницей, с двояродной. Кеба; Тоже очень она [песня] интересная была, но позабыла боле. Кеба; а элемента больше — к значениям 'потом, после': Вот и расскажу [сказку], и больше уснет. Кеба; Болел-болел, да и умер больше. Кеба. В единичных случаях оба наречия используются в значениях 'совсем, вовсе, совершенно': *Она боле расстроилась, а вишь позна-та приехала она, боле расстроилась. Кеба.**

Как указано в Грамматике-80, «наречия служат базой для образования частиц» (АГ-80 1, 705). При этом «характерной чертой

многих частиц является то, что по своему строению и функциям они сближаются с наречиями» (АГ-80 1, 723). В целом ряде случаев однозначно определить функцию элементов *больше*, *боле* в высказывании достаточно сложно: *Николай, тётка Таня боле поежжат в дом пристарелых* (ср. *уже*, *теперь* — наречие или *ведь* — частица?) Кеба; *Кое-как, я не знаю как, мы выбежали к этой Вызе больше, с одним грибом, домой* (*-то* — частица или *наконец* — наречие?). Едома.

Другая значительная группа примеров (30) отражает употребление *больше*, *боле* в функции частиц. Немного чаще в этой роли встречается *больше* (18 случаев), чем *боле* (12 случаев). Оба лексических элемента используются в качестве модальных частиц, *больше* — чаще всего как усилительная частица, акцентирующая ту или иную часть высказывания (ср. частицы *ведь*, *же*, *-то*, *уже*): *Так и лишились больше коровы, три коровы лишились из-за этого. Все, ничё не сделать*. Едома. Частица при этом, не имея полноценного ударения, примыкает к акцентируемому знаменательному элементу: *Так я забыла уже — она больше длинная, позабыла*. Кеба. В единичных случаях (при глаголах в форме повелительного наклонения) частицы *больше*, *боле* приобретают побудительный оттенок: *Я скажу: «Бабушка, расскажи, расскажи»*. *Скажут: боле устали, больше спи*. Кеба.

Частица *боле* может вносить значение обусловленности, следственности: *И мы записались с ним. Год жили. А потом я боле там работала, в Коми*. Кеба; *Вышел из-за кустов испуганный... Боле на этом кончилась*. Кеба. Обе частицы могут выражать и другие оттенки субъективной характеристики сообщаемого, например, неуверенность, неопределённость в отношении к высказываемому (ср. частицы *и*, *да и*, *-то*, *уж*): *А че-то вот так больше решила. Так сама вздумала да и решила пойти*. Кеба; *Потом боле все же вроде полегче стало и теперь*. Кеба.

Рассказывая сказку или отвечая на вопрос о том, какие нравятся песни, информанты часто прерываются, колеблются, выражают сомнение, неуверенное допущение. Тогда роль изучаемых слов становится близка к вводным словам типа *вроде*, *пожалуй что*, *видно*:

Вот мы больше нам вроде и понравилось. Кеба; <А потом почему решили в хор пойти?> — А чё-то больше ровно это... боле не так, когда я в хор-то [пошла], мне наверно пяддидсят девять было. Кеба. В исследованных материалах можно отметить около десятка подобных примеров, но при этом следует указать, что чётких границ между наречиями, вводными словами и частицами провести невозможно. Есть примеры, допускающие разные варианты интерпретации: *И тут испугался и больше, это, убежал.* (ср. *потом* — наречие или *вроде* — вводное слово?) Кеба; *Да когда и заспят, да вот больше не заспят* (ср. *пожалуй, скорее*), *да скажут боле устáли* Кеба. «Круг субъективно-модальных значений, выражаемых вводными словами... , близок к кругу значений, выражаемых модальными частицами», но синтаксические связи с каким-либо членом предложения у них отсутствуют, акцентологически они, в отличие от частиц, самостоятельны. (АГ-80 2, 229).

Как отмечено в Грамматике-80, «многие частицы по своему значению и по своим синтаксическим функциям не противостоят резко словам других классов — союзам, вводным словам, междометиям, наречиям, а совмещают в себе признаки частиц с признаками названных слов: частицы-союзы, частицы-наречия, частицы-междометия и частицы-вводные слова» (АГ-80 1, 730). Так, частицы-союзы (например, *а ведь, вот и, всё, да, даже, же, и, и то*) «совмещают разные модальные значения со значениями связующих слов»: *Боле подружки когда и дают [санки]: на, катись.* (ср. *вот и, а то и*) Кеба; *Я приду, пристану да сплю, боле и детей положу спать. Дети бегают-бегают, летают, по улице бегают, придут — я и... Больше сами улягутся спать.* (*а то и, да и* — союз) Кеба. Зафиксировано 5 подобных употреблений *больше, боле* в функции частиц-союзов.

В изученных материалах дважды встретился устойчивый оборот *боле всё, всё боле: Больше ничё не знаю. Боле всё.* Кеба.

Итак, в изученных материалах *больше, боле* активно используются не только в качестве наречий с широким спектром значений, но и в роли служебных элементов, часто с трудно дифференцируемыми функциями и значениями. Однако обилие такого рода служебных элементов, синтаксически организующих высказы-

вание, характерно именно для речи подлинных диалектоносителей. Как свидетельствуют наши материалы, хорошее владение нормами литературного языка (например, у представителей сельской интеллигенции), в первую очередь, оказывает влияние на грамматику, в частности, на построение высказывания, более устойчива лексика, а также некоторые фонетические черты.

Ещё одна группа общеупотребительных наречий *сзади* (чаще словообразовательный вариант *взади*), *впереди* (вариант *вперёд*) в фольклорных материалах по архангельским говорам обнаруживает фразеологически связанные значения, хорошо выявившиеся при целенаправленном опросе в певческом селе Кеба о традициях местного хорового пения: *Вот я все забыла, я и забыла слова-то. Забыла, сзади-то я бы помнила, а вперед-то я не знаю, не помню.* Кеба. Всего в изученных материалах было зафиксировано 7 примеров на употребление указанных наречий в составе устойчивых сочетаний типа *петь взади* (*сзади, сзаду*) ‘подпевать’ и *петь впереди* (*вперёд*) ‘запевать, затягивать песню’: *Запевала у нас Настасья Семеновна у Маши. . . Запоет — взади-то мы поем потихоньку.* Кеба.

В материалах СРНГ подобных оборотов не зафиксировано. Нет их и в «Словаре областного архангельского наречия» А. О. Подвысоцкого. В «Словаре русских говоров Низовой Печоры» под ред. Л. А. Ивашко при наречии *сáди* находим следующее устойчивое сочетание: *сáди петь* ‘исполнять партию второго голоса, подпевать’ с иллюстрацией *Я взади пою, запеть-то не умею* Тр. (СРГНП 2, 268). В «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» в статье *сзади* (*сзаду*) соответствующие иллюстрации приводятся на значение ‘потом, спустя некоторое время’: *Я не мастер была петь, а сзади подпою, а начать не умею.* Подп. и далее на оттенок этого значения ‘после кого-, чего-н.’: *Я и песни-то забыла теперь, ещё сзаду людей буду петь, а одна никак.* Шим. (СРГК 6, 83)

Выражение (*сзаду*) *петь* со значением ‘подпевать, а не вести песню’ отмечено в Картотеке пинежских говоров Г. Я. Симиной с иллюстрацией: *Я только сзаду пою, а вперёд не знаю.* Труфаново, Пин. В АОС находим несколько подобных примеров: на наречие

взади в 4-м значении 'позже, после чего-н., кого-н., вслед за чем-н., кем-н. по времени' (*Я взади-то хорошо пою*. Хчл. Онеж.; *Не пою! — Це ли взади приведеця, а впереди-то — нет* (запевать не сможешь) Смл. Леш.); на предлог *взади* с род. п. (*А я хотя плохо петь умела, а фсё равно пела взади йей*. Рч. Мез.); на предлог *взади за* с указанным выше значением (*Она приплакиват взади за ней*. Мд. Мез.) (АОС 4, 49–50). На наш взгляд, представляется целесообразным собрать подобные примеры в описание фразеологического сочетания *петь взади* с возможными вариантами первого элемента (*подтянуть, подпеть, плакать*) и второго элемента (нар. *сзади*, предлог *взади* с род. п., предлог *взади за*). По аналогии выделяется и ещё одно устойчивое сочетание *петь впереди* (*вперёд*).

Подводя итоги, отметим, что не только тематика беседы с информантом, но и жанровые, стилистические характеристики способа ведения опроса, помогают раскрыть особенности функционирования в говоре многих служебных элементов, а также такой внутренне сложной и многогранной лексической единицы, как наречие.

Литература

Попов И. А. Наречие в русских народных говорах. Дис. соиск. докт. филолог. наук. Л., 1983.

Судьба среднего рода в самарских говорах

Г. В. Михеева, Т. Ф. Зиброва

По наблюдениям ученых, «уже в самый ранний период засвидетельствованной истории всех индоевропейских языков род представляет собой полностью сложившуюся категорию» [Маньков, 79]. Ю. С. Степанов пишет, что в древнейшем общеиндоевропейском языке отчётливо прослеживаются две родовые системы: различие «одушевленного-неодушевленного» рода и различие «мужского-женского-среднего» рода [Степанов, 127–128]. Система «одушевленный-неодушевленный» род более ранняя из данных двух систем. Впоследствии «одушевленный» род преобразовался в поздней системе в мужской и женский, а «неодушевленный» — в средний род. Принципы формирования категории рода в праязыке остаются не выясненными до сих пор и являются темой научных дискуссий.

В. В. Иванов отмечает, например, что категория рода в исходной системе древнерусского языка была такой же, как и в настоящее время [Иванов, 244].

По выражению академика В. В. Виноградова, категория среднего рода в русском языке, в отличие от значительных и выразительных категорий мужского и женского рода, представляет собой «расплывчатую», «фиктивную», неустойчивую категорию, семантически обезличенную и малопродуктивную [Виноградов, 77–79].

В современных говорах, как и в литературном языке, различаются три грамматических рода существительных: мужской, женский и средний. Однако категория среднего рода в говорах оказывается специфичной.

Таблица 1. Утрата категории среднего рода. Село Александровка
Большеглушицкого р-на.

	Утрата категории ср. р.	Сохранение ср. р.
Род. п.	ис ста́ды ; у ста́ды ; иж жыл'эзы ; н'э былъ кр'эслы ; дв'э ад'еялы	ис ста́дь; два́ пьлат'э́нць
Дат. п.	к ста́д'ь ; к пла́т'ь	к ста́ду; па с'э́ну; к по́л'у
Вин. п.	см'э́р'ил давл'э́н'ю ; хаз'а́йству ; ф т'э́сту ; в м'а́су ; на пла́т'ю	прада́й на по́л'ь; ф ста́дь

Класс имен существительных, относящихся в литературном языке и большей части говоров северного наречия к среднему роду, во многих говорах сужается за счет расширения категории мужского или женского рода, например, *мое полотенце — мой полотенц, это яйцо — этот яйцо, в моем платье — в моей платье* [Русская диалектология, 116]. Явление утраты среднего рода наблюдается в значительной части русских говоров, что отражено в диалектологических атласах, прежде всего, в ДАРЯ (ДАРЯ, 2). На карте № 11 этого атласа «Окончание 1 склонения у существительных среднего рода с ударением на основе» показан переход существительных среднего рода в женский. Явление утраты наблюдается в говорах на юге и юго-востоке от Москвы — это тамбовские, липецкие, воронежские говоры. На востоке утрата отмечена в рязанских говорах, во владимирских и новгородских — единичные случаи. На западе от Москвы, в орловских, курских, брянских говорах и северо-западе, в псковских говорах фиксируются единичные случаи утраты категории среднего рода. На севере явление утраты практически не наблюдается.

В «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» также есть карта, отражающая явление утраты среднего рода (АРНГЦВ). Судя по карте № 97 «Формы родительного, дательного и винительного падежей единственного числа суще-

Таблица 2. Утрата категории среднего рода. Село Парфёновка
Кинельского р-на.

	Утрата категории ср. р.	Сохранение ср. р.
Род. п.	б'ас плáт'ји ; из уч'йл'иш'ш'и	ис ста́дь; б'аз д'эльь; б'аз м'áсь; б'ас с'энь
Дат. п.	нет	к ста́ду; к плáт'ју; к уч'йл'иш'ш'у
Вин. п.	стро́ју правл'ён'ју ; нъ сабрáн'ју ; про́су с'э́ют; ф т'эсту ; пада́м бл'у́ду ; да́л'и нът'иран'ју ; в'йжу ару́д'ју ; ваз'ыл ару́д'ју ; ф кары́ту ; в уч'йл'иш'ш'у ; на плáт'ју ; в управл'ён'ју ;	зь нач'áл'ствь; ф ста́дь

ствительных среднего рода с ударением на основе», наиболее последовательно процесс утраты происходит в южнорусских говорах: в говорах на территории южнее Рязанской области в большинстве случаев фиксируется окончание женского рода. В среднерусских говорах территорий, расположенных севернее Рязанской области, встречается окончание женского рода, но здесь много и говоров, где явление утраты не проявляется. В севернорусских владимироповолжских говорах окончание женского рода отмечено в единичных случаях.

Категория среднего рода не является новой темой для научного исследования в Поволжье. Известны работы Р. И. Кудряшовой, Л. М. Орлова, описавших категорию среднего рода в южнорусских донских говорах Волгоградской области [Кудряшова, 68–76]. Проводилась также работа по изучению среднего рода в говорах Самарской области. В 1976 году в Куйбышевском госуниверситете была защищена дипломная работа И. В. Новиковой «Категория среднего рода в говорах Куйбышевской области». В 1982 году была напечатана статья Е. С. Скобликовой «Средний род существительных в говорах Куйбышевской области» [Скобликова, 49–63].

Таблица 3. Переход среднего рода в женский. Село Алексеевка
Алексеевского р-на.

	Утрата категории ср. р.	Сохранение ср. р.
Род. п.	нет	с тау́о л'эть; б'ез д'эль; б'ес с'энь; ис ста́дь
Дат. п.	нет	па по́л'у; па ма́слу; к л'эту; к ста́ду; пь хаз'айству; пь капы́ту
Вин. п.	с'э́йл'и прóсу ; жа́л'и по́л'у ; кас'и́л'и по́л'у ; ф ста́ду јэз'д'ил'и	ф ста́дь; в уч'и́л'иш'ш'ь; мака́йт'ь в ма́сл'ь; нь балóть

В других говорах утрата фиксируется частично: только в **родительном** и **винительном** падежах. Приведем для примера материал по говору с. Парфёновка Кинельского района (№ 178).

В нашем исследовании использованы материалы диалектологических экспедиций Самарского государственного университета и Поволжской государственной социально-гуманитарной академии. Время проведения экспедиций — с 1972 по 1998 годы. Новизна нашего исследования, в отличие от предыдущих работ, заключается в том, что его основу составляет фактический материал экспедиций, собранный после 1976 года (по говорам 89-ти сел из 154-х, нами рассмотренных). В данной статье представлены результаты анализа материалов обследования по 154 селам области; из них в 64-х отмечен севернорусский тип говора¹, в 40 — южнорусский, в 43-х — среднерусский, в 7-ми селах наблюдается совмещение акающих и окающих диалектов. Как показали ареалы составленных нами карт, на территории Самарской области явление **утраты среднего рода** характерно для **южнорусских** говоров, частично отмечается в

¹ Здесь (как и в других наших исследованиях по самарским говорам) севернорусскими называем восточные среднерусские окающие говоры владимиро-поволжского типа.

Таблица 4. Переход среднего рода в женский. Атрибутивные сочетания.

Примеры атрибутивных сочетаний	Н. п.	Адм. р-н	№ на карте
фс'у с'ел'эн'ју уд'ив'йл; парна'јъ мълач'кó; вз'али фс'у имуш'ш'ьствъ; строил'и как'у'ју-то здан'и'ју	Покровка	Борский	180
хл'ажу нъ мъладу'ју п'ькал'эн'и'ју;	Самовольная Ивановка	Алексеевский	200
бал'ша'јъ удавол'ств'и'јъ;	Телешовка	Пестравский	211
с'елó бахат'јъ как'а'јъ ;	Баженовка	Борский	184
д'элајут п'раву'ју атапл'эн'и'ју;	Благодатовка	Большечерниговский	212
тва'ја мн'эн'и'јъ; так'а'ја слóвъ;	Чувичи	Хворостянский	196
из аднóй бл'ушцы п'је д'ат;	Высокое	Пестравский	204
как'у'ју н'страјен'и'ју	М.Мальшевка	Кинельский	167
н'ема'јъ к'инó	Александровка	Большеглушицкий	199

среднерусских и почти полностью отсутствует в **севернорусских** диалектах (см. карты № 1 и № 2 в этой статье)¹.

В самарских говорах утрата категории среднего рода может проявляться как на **морфологическом** (в изменении падежных форм самих существительных: *купить платю*), так и на **синтаксическом** (в формах согласуемых слов: *худую ведро, лето была*) языковых уровнях.

В различных диалектах нашей территории процесс утраты среднего рода протекает неодинаково (если судить по материалам

¹ Южнорусские говоры расположены на юге и юго-востоке области; окающие говоры бытуют на севере и северо-западе области; среднерусские — в центре и на востоке территории края.

Таблица 5. Переход среднего рода в женский. Предикативные сочетания.

Примеры предикативных сочетаний	Н. п.	Адм. р-н	№ на карте
үул'ан'јъ харóшьјъ была́ ; н'ьдъ јадán'јъ была́ у нас	Новомихайловка	Безенчукский	176
óз'ьрь была́ аүрómнъјъ; фч'арас' была́ к'инó	Б.Дергуновка	Большеглушицкий	205
нашь с'алó курóртнъ м'эсть была́ ; у нас тóт была́ б'ьзабрáз'јъ	Тяглое озеро	Пестравский	209
сóлнышкъ взашла́ ; кака́јъ п'эклъ была́	Тростянка	Пестравский	203
вр'эм'ь така́јъ пашла́	Морша	Большеглушицкий	207

экспедиций). В части говоров (в основном, **южнорусского** типа) явление утраты фиксируется во всех **трёх** падежах, обозначенных в программе (родительном, дательном и винительном)¹. Примером такого типа проявления трансформации среднего рода может служить материал по южнорусскому говору с. Александровка Большеглушицкого района (№ 199 по карте)². Материал по говору данного села и в последующих иллюстрациях приводим в таблицах.

Есть говоры, где переход существительных среднего рода в женский отмечается собирателями только в форме **винительного** падежа. Для примера приведем материал по говору с. Алексеевка Алексеевского района (№ 202).

¹ В «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» указаны падежные формы, по которым можно определить утрату категории среднего рода на морфологическом уровне — это формы родительного, дательного и винительного падежей единственного числа (Программа... , 77).

² Номер населенного пункта дается по нумерации, принятой в «Атласе говоров Самарского края» [Зиброва, Барабина, 30–43]. Эта же нумерация сохраняется на картах, приводимых в данной статье.

Таблица 6. Местоименная замена среднего рода женским.
По И. В. Новиковой.

Примеры местоименной замены в Им. п.	Н. п.	Адм. р-н	№ на карте
бал'на́йъ т'эль/ анá мн'э пакóжу н'ъ да́йо́т	Украинка	Больше- черниговский	214
з'ирно́ н'ьплаха́йъ/ анá на скла́д'ь л'ежи́т	Волчанка	Красноармейский	198
так анá д'эль-тъ н'ь пайд'о́т; жыво́тнѣй/ анá каг зър'ив'о́т	Михайло- Лебяжье	Хворостянский	—
т'ип'ёр н'эту в'ина́-тъ/ дъ куды́ анá д'эльс'	Тростянка	Пестравский	203

На **синтаксическом** уровне переход среднего рода в женский обнаруживается в **атрибутивных** и **предикативных** сочетаниях.

Выборка материала по синтаксической утрате была более сложной, чем по морфологической, так как в «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» нет специального вопроса о синтаксической утрате, но есть вопрос, косвенно связанный с трансформацией среднего рода — вопрос № 85в) «Какие окончания имеют прилагательные в форме именительного падежа единственного числа среднего рода?». При выборке мы опирались на ответы по данному вопросу, а также использовали примеры иллюстративных материалов по морфологической утрате и выборку из описания диалектных особенностей говоров. Приведем примеры утраты, записанные в разных селах нашей области.

Синтаксическая утрата проявляется также при **замене** существительного среднего рода **местоимением** женского рода 3 лица. В нашей выборке примеров местоименной замены практически нет, поэтому проиллюстрируем (табл. 6) материалом из дипломной работы И. В. Новиковой (Новикова, 19–20).

Таблица 7. Местоименная замена среднего рода женским.

Примеры местоименной замены в Вин. п.	Н. п.	Адм. р-н	№ на карте
(о молоке) паста́ф' јајо́ ф падва́л; (о стаде) пахна́л'и у́тръм в н'ијо́ каро́ф	Б. Глушица	Больше- глушицкий	206
как је"јо́ јел'и мьлако́-тъ; (о платье) зач'ём ја је"јо́ пълуч'у	Тростянка	Пестравский	203
т'эсту/ја́ јијо́ хат'эль з'д'эльт' м'ахкују // а ана́ жо́скъјъ	Ореховка	Алексеевский	200
куп'ыл пал'то/ ана́ јей мало́; ст'икл'анньъ бл'удь/ јијо́ давно́ разб'ыл'и	Украинка	Больше- черниговский	214
м'асъ зда́м/јес'т' штъл' б́уду је"јо́	Высокое	Пестравский	204

Особый интерес представляет **местоименная** замена существительных среднего рода. По словам Е. С. Скобликовой, «именно при местоименной субституции процесс перехода существительных среднего рода в женский род проявляется особенно ярко» [Скобликова, 50].

Достаточно редко в говорах нашей территории встречается **переход** среднего рода **в мужской** (отмечено в говорах десятка сел):

По замечанию Е. С. Скобликовой, «в тех относительно немногих **севернорусских** говорах, где отмечаются факты разрушения среднего рода, в большинстве случаев фиксируется переход не в женский, а в мужской род» [Скобликова, 51]. При этом, по нашим наблюдениям, нередко переход в мужской род сочетается с сохранением среднего рода и (реже) с переходом в женский. Р. И. Кудряшова пишет о том, что трансформация среднего рода в мужской «преимущественно встречается на территории переходных среднерусских говоров (в частности, в говорах к западу от Москвы, в говорах Приуралья), а в южнорусских говорах переход среднего рода в мужской наблюдается очень редко» [Кудряшова, 63].

Таким образом, утрата категории среднего рода представляет

Таблица 8. Переход среднего рода в мужской.

Примеры перехода ср. р. в м. р.	Н. п.	Адм. р-н	№ на карте
в'йд'ьл бол'шóй óбл'ьк	Подстёпки	Ставропольский	119
óз'ьр был бал'шóй ; ч'íстый з'ернó; бóрска'ь бал'шóй	Борское	Борский	175
ч'íстый крыл'ёц; з'ёркъл какóй ; нóвый к'ьрам'ыс; с'ён'ь пач'т'и сухóй ; с'ён'ь сырóй ;	Шираево	Ставропольский	131
бал'шóй óз'ьр'ь; нóвый плáт'ь	Выползово	Волжский	145

собой диалектное явление, характерное для целого ряда русских говоров, в том числе и для говоров Самарской области. Бытование данного явления на нашей территории по характеру диалектных ареалов сходно с бытованием его в русских говорах других территорий.

Представленные в данной работе результаты изучения утраты категории среднего рода свидетельствуют об **устойчивости** этого явления, ибо оно последовательно фиксируется в материалах обследования южнорусских говоров Самарского края последних десятилетий, несмотря на значительную в целом трансформацию диалектных систем в условиях позднего заселения.

Литература

Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы /Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) /Под ред. Г. А. Золотовой. М., 2001.

Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. 2: Морфология. Словообразование. Комментарии к картам/ под ред. С. В. Бромлей. М., 1989.

Зиброва Т. Ф., Барабина М. Н. Атлас говоров Самарского края. Самара, 2009.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1990.

Кудряшова Р. И. Категория среднего рода в южнорусских донских говорах Волгоградской области // Вопросы русской диалектологии. Куйбышев, 1982.

Маньков А. Е. Происхождение категории рода в индоевропейских языках // ВЯ, № 5. М., 2004.

Новикова И. В. Категория среднего рода в говорах Куйбышевской области. Куйбышев, 1976.

Русская диалектология /Бромлей С. В., Булатова Л. Н., Гецова О. Г. и др.; под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005.

Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка /отв. ред. Р. И. Аванесов. М.-Л., 1947.

Скобликова Е. С., Новикова И. В. Средний род существительных в говорах Куйбышевской области // Вопросы русской диалектологии. Куйбышев, 1982.

Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975.

Рис. 1. Карта 1. Морфологическое проявление утраты категории среднего рода (в родительном, дательном и винительном падежах).

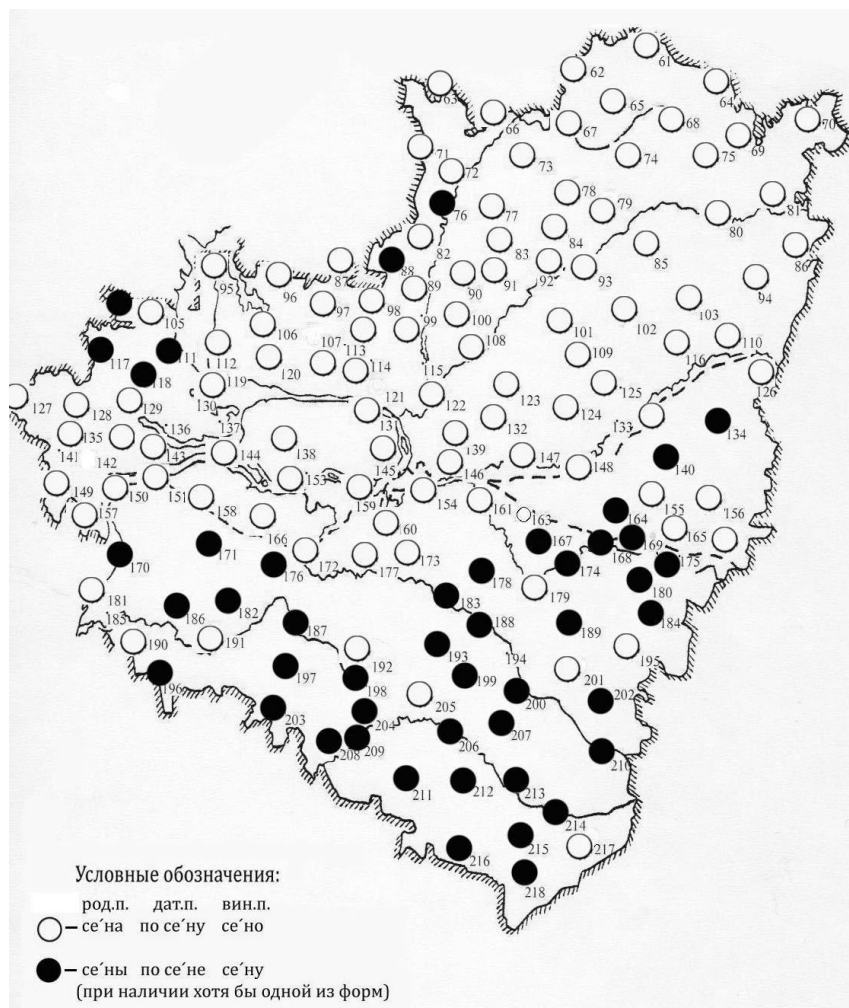
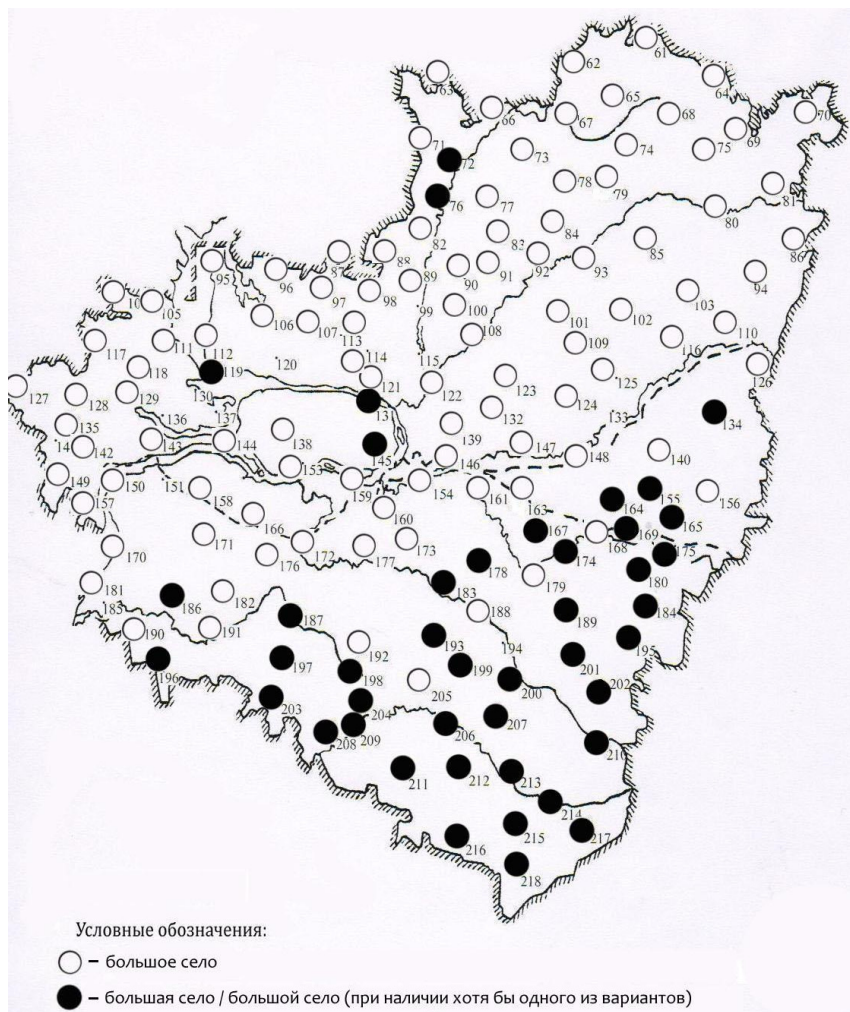

Рис. 2. Карта 2. Синтаксическое проявление утраты категории среднего рода.

Об одном междиалектном явлении в говорах территории позднего заселения

Т. Ф. Зиброва, Ю. Д. Фурман

Самарская область относится к территориям так называемого позднего заселения, что во многом определяет типологическое своеобразие говоров края и уникальность лингвогеографической картины Поволжья в целом. На сравнительно небольшой территории представлены все известные типы диалектов: на севере области — севернорусские неполноокающие с остатками полного оканья, на юге — акающие южнорусского типа, в центральных областях — акающие среднерусские говоры.

Классическая картина расположения говоров нарушается особыми условиями формирования и сосуществования диалектов на территориях позднего заселения, приводящими к определенным типологическим отличиям данных говоров от говоров исконных земель (несколько волн заселения от XVII до начала XX вв., миграционные потоки из разных «материнских» земель). В результате, в каждом массиве того или иного типа диалектов (окающего или акающего) достаточно много вкраплений инодиалектных систем, при этом не только в пределах административного района, но и в пределах одного села. Это создает значительную диалектную пестроту и обуславливает интенсивные трансформационные процессы на территории края.

По наблюдениям самарских диалектологов, многие узкодиалектные черты говоров центральных областей приобретают у нас характер междиалектных явлений. К ним можно отнести, например, формы на *-e* в родительном падеже у существительных жен-

ского рода (*у сестрё, около маме*), формы существительных 3-го склонения в дательном/предложном падежах на *-е* (*по грязё, на лошаде*), глагольные формы типа *пекёшь — стерёгёшь* и др. Эти явления фиксируются и в городском просторечии [Зиброва, 482–486]. Нас заинтересовал вопрос о характере бытования в говорах Самарского края форм творительного падежа множественного числа существительных на *-ими* (*ниткими, лавкими*).

В науке имеются разные точки зрения относительно происхождения данных форм. Одни исследователи появление форм типа *вилкими*, объясняют морфологическими причинами. Так, З. С. Агеева причину возникновения флексии *-ими* видит во влиянии формы именительного падежа множественного числа [Агеева, 7]. С. П. Обнорский объясняет появление таких форм влиянием адъективного или, шире, местоименного типа склонения в данной падежной форме на склонение именное. [Обнорский, 236]. Другие ученые связывают появления данного окончания с фонетическими причинами. А. А. Добряк, не отвергая возможности влияния форм прилагательных на формы существительных, пытается дать чисто фонетическое объяснение происхождению форм творительного падежа множественного числа с безударной флексией *-ими* после заднеязычных согласных в свете данных памятников южнорусской письменности. Автор полагает, что редукция заударного гласного в окончании *-ами* и его уподобление гласному следующего слога имели место в южновеликорусском наречии ещё до завершения процесса изменения *кы > к'и, гы > г'и, хы > х'и* [Добряк, 125–128]. По мнению М. А. Романовой, о неправдоподобности данной гипотезы свидетельствуют следующие факты, отмеченные в материнских говорах: во-первых, в современных южнорусских и среднерусских говорах до сих пор существуют формы типа *лыкыми, старухыми*; во-вторых, отсутствует мягкость заднеязычных в форме множественного числа прошедшего времени глаголов типа *плакали, прыгали, ехали* и подобных, «где [а] находится в тех же фонетических условиях, что и в форме творительного падежа мн. числа существительных типа *старухами*, а именно в заударном положении, в неконечном открытом слоге перед мягким согласным и следующим за ним

[и]» [Романова, 69–101].

Мы считаем наиболее убедительной гипотезу Р. И. Аванесова, учитывающую действие как фонетических, так и морфологических факторов [Аванесов, 135–236]. По его мнению, чисто фонетические закономерности — редукция гласного в заударном неконечном слоге — привели к отождествлению безударных окончаний творительного падежа множественного числа у существительных и прилагательных с основой на парнотвердый и мягкий согласный, а также шипящий и *ц*: *сытymi* — *ребятymi*, *старymi* — *парymi*, *синими* — *песними*, *свежymi* — *улицymi*. Это подготовило условия, при которых могло осуществиться воздействие форм прилагательных на существительные с основой на заднеязычный согласный. В результате в творительном падеже множественного числа после *к*, *г*, *х* явилось окончание *-ими* с начальным *и*, смягчающим предшествующий заднеязычный звук: *тихими* — *старухими*, *долгими* — *книгами*, *русскими* — *яблоками* и т. п. Таким образом, говоря о происхождении форм типа *ниткими*, необходимо учитывать как фонетические (редукцию заударного слога), так и морфологические (влияние предшествующего прилагательного) причины.

Представить ареал данного явления в современных говорах затруднительно, так как в ДАРЯ нет соответствующей карты. [Диалектологический. . . 1989]. Отдельные замечания о распространении форм на *-ими* находим в книге С. В. Бромлей и Л. Н. Булатовой «Очерки морфологии русских говоров», по мнению которых формы типа *ниткими* распространены в говорах Рязанской мещеры. [Бромлей, Булатова, 111]. В «Русской диалектологии» под ред. П. С. Кузнецова сказано, что окончание *-ими* известно во многих среднерусских и южнорусских говорах. [Русск. диал., 120]. Авторы «Диалектного членения русского языка» пишут, что данное явление характерно для южной части владимирско-поволжских неполноокающих говоров [Захарова, Орлова, 155]. В «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» на соответствующей карте (Карта № 114. Безударное окончание на *-ми* творительного падежа множественного числа существительных с основой на заднеязычный согласный) ареал бытования форм на *-ими*

охватывает южнорусскую территорию около Рязани, Сапожка, Михайлова, среднерусскую около Москвы, Елатымы, Темниково. На севере — вокруг Владимира, Нижнего Новгорода, Покрова, Суздаля — примерно в 30 населенных пунктах с окающим диалектом. [Атлас... , Карта № 114]. Можно сказать, что формы на *-ими* — характерная черта **восточных южнорусских** говоров, не чужды они также **акающим среднерусским** и **среднерусским восточным неполноокающим** говорам.

На этом фоне интересно посмотреть, как ведут себя формы на *-ими* в позднепереселенческих говорах нашего края. Изученные материалы показали, что формы *ниткими* отмечены *во всех* обследованных *южнорусских* говорах края (более 40 населенных пунктов); широко представлены они и в *среднерусских* акающих диалектах (в 50 % обследованных сел); есть они и в *окающих* говорах области (зафиксированы в говорах 27 населенных пунктов из 60 обследованных).

Как показала составленная нами карта, ареал данного явления на территории Самарского края достаточно широк: формы типа *ниткими* представлены в говорах 109 населённых пунктов из 144 обследованных (см. карту, приложенную к статье). В следующей таблице приведём количественное соотношение форм на *-ими* и *-ами* в говорах Поволжья.

Окончание тв. п. мн. ч. с осн. на заднеязычный согласный				Общее кол-во н. п.	
-ими			-ами		
109				35	144
только -ими	единично -ими	-ими > -ами	-ами > -ими		
17	11	68	13		

Приведем примеры, записанные от диалектоносителей в селах с разным типом говоров:

с. Красная Поляна Пестравского р-на, с. Герасимовка Алексеевского р-на, **южнорусский говор**: пожитками, братками, пышками, дворняшками, пенками, пелёнками, свинками, клетками, яичками, овечками, шляпками, уздечками

- с. Богдановка Борского р-на, с. Преображенка Волжского р-на, **среднерусский говор:** валенками, боженькими, куколками, мотыгами, конфетками, внучками, грелками, таблетками, аборками, воровками, деньгами, собаками
- с. Сосновка, с. Кротково Похвистневского р-на, **севернорусский говор:** чехими, ярмарками, нитками, ленточками, утками, рюшками, крылышками, водокачками, девушками, татарками, верёвками, подушками,

Привлекают внимание факты фиксации форм на *-ими* в речи городских жителей, при этом не только у людей среднего и пожилого возраста, но и в речи молодежи. Так, студент аэрокосмического университета произнес *«листочками»*; у молодого консультанта магазина бытовой техники в речи прозвучала фраза *«с микроволновыми печками»*, у ведущей утреннего шоу на одной из радиостанций — *«Всю жизнь проходила с красненькими часикими и не жалеюсь!»*. Кроме того, записаны от разных жителей города — *ложкими, охлаждательными напитками, проблемы с почками, бесплатными мешочками, дырочками, с удочками, с кудряшками* (заметим, что последние 2 слова произнесены женщиной средних лет, руководителем отдела в коммерческом банке г. Самары) и др.

Интересны наблюдения Ю. Фурман за речью бабушки Ивановой Тамары Константиновны. Тамаре Константиновне — 78 лет, она живет в городе более 50 лет, родом из села Федоровка Кинельского района, где бытует южнорусский диалект, в родном селе практически не бывает. Между тем в ее речи сохраняются многие черты родного диалекта: γ -фрикативный в сильной и слабой позиции (*снеуом, вдрух*), *t'* в окончаниях глаголов 3-го лица ед. и мн. числа (*она лечит свои нервы*), яканье (*вчярá, стяклá, вясít, глядi, тяплó*), отпадение конечного *t'* в сочетаниях *с't'* (*злось, совесь*), прогрессивное смягчение заднеязычного *к'* (*у меня была Катьк'я*), стяжение глагольных форм (*знат, умет*) и др. В том числе зафиксированы формы с *-ими* в творительном падеже: *с яблочкими, с лавками, с кудряшками, с девчонками, за подарками, с бабками, за мешочками, вилочками, пончиками, сапожками, таб-*

леткими, рюжкими, брошками, ребяташиками, почками, носочками, полкими, балкими, тарелками, сумками, ножками и др. (всего записано около 40 слов).

Формы типа *ниткими* с основой на заднеязычный согласный, как мы убедились, представляют собой очень распространенное явление в говорах нашего края и обладают большой устойчивостью. На этом фоне интересно было бы проследить, встречается ли флексия *-ими* в творительном падеже существительных с основой **не на заднеязычный** согласный или она возможна только в формах с основой на *з, к, х*? В ходе сбора материала в говорах 21 села из 144 были зафиксированы единичные формы с *-ими* с основой **не на заднеязычный** согласный. Приведём примеры, зафиксированные в сёлах с **южнорусским** типом говора: *лапатыми* (с. Четыровка Кошк. р-на), *вожжымы, душимы* (с. Б. Лозовка Сергиевск. р-на), *братымы, цыганымы* (с. Баженовка Борск. р-на); с **среднерусским** типом говора: *де^нревными* (с. Алакаевка, Кинельск. р-на), *те^нтрадими* (с. Петровка Борск. р-на); *семьими, песними, салдатыми* (с. Долматовка, Борск. р-на), *гнёздымы* (с. Утёвка, Нефтегорск. р-на); с **севернорусским** типом говора: *сарайымы* (с. Кашпир, Приволжск. р-на), *гранымы* (с. Бобровка, Кинельск. р-на). Если мы обратимся к карте, то увидим, что формы, оканчивающиеся на *-ими*, с основой **не на заднеязычный** согласный встречаются и в тех населённых пунктах, где формы типа *ниткими* отсутствуют. К сожалению, мы не обладаем достаточным количеством материала, чтобы сделать обобщающие выводы. Эта задача остается в перспективе исследований по данной теме.

Таким образом, с уверенностью можно говорить о том, что на территории нашего края флексия *-ими* в основах **на заднеязычный** согласный фиксируется во всех типах говоров, **междиалектный** характер данного явления не вызывает сомнений.

Литература

Аванесов Р. И. Очерки диалектологии Рязанской Мещеры. Описание одного говора по течению р. Пры // *Материалы и исследования по рус-*

ской диалектологии. Т. I. М.-Л.: АН СССР, 1949.

Агеева З. С. Акающие говоры Красноуфимского района Свердловской области // Автореф. дис. канд. филол. наук. Томск, 1954.

Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. М., 1957.

Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.

Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР). Карты. Вып. II Морфология. М., 1989.

Добряк А. А. К вопросу о происхождении окончания -ими после заднеязычных согласных в творительном падеже множественного числа имен существительных // Говоры Урала и Западной Сибири. Нижний Тагил, 2004.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

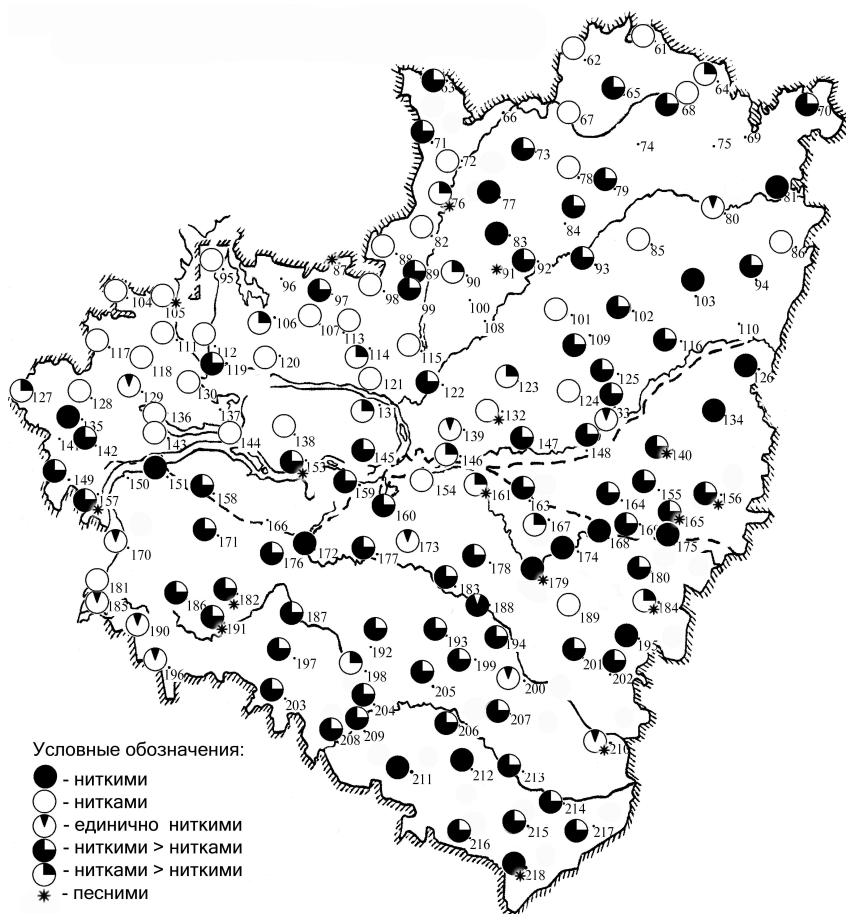
Зиброва Т. Ф. О процессах в современных диалектах (на материале изучения позднепереселенческих говоров) // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2007. СПб., 2007.

Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. II. Множественное число. Л.: АН СССР, 1931.

Романова М. А. Формы творительного падежа множественного числа имен существительных в русских говорах среднего зауралья // Учен. зап. Тюменского гос. пед. ин-та. Т. XXI. Вып. 3. Тюмень, 1963.

Русская диалектология /Под ред. П. С. Кузнецова. М., 1973.

Рис. 1. Формы существительных в творительном падеже множественного числа.

Семантическая оппозиция «страх/отвага» в языковом сознании казачества

Е. В. Брысина

Бинарность бытия определяется наличием в природе и сознании человека противопоставленных чувств, эмоций, представлений о строении Вселенной в целом и ближайшего жизненного пространства в частности. **Добро** осознается как таковое только благодаря тому, что человеческое сознание выделяет систему мыслей, чувств и поступков, ему противоположных, — **зло**. В окружающем мире большое противостоит маленькому, тяжелое — легкому, высокое — низкому и т. д. Одним из первичных жизненных противопоставлений выступает оппозиция «страх/отвага», во многом определяющая отношение человека к действительности.

Страх как базовая эмоция сопровождает человека с момента осознания им себя как части окружающего мира до последних мгновений его жизни. В самых разных жизненных ситуациях люди бояться остаться без близких, без поддержки, бояться потерять что-либо или что-то нежелательное обрести, бояться смерти, катаклизмов, одиночества, бояться предательства и лжи, клеветы, боли, перемен. И должно пройти немало времени, пока человек научится сражаться со своими страхами, а уж победить их и вовсе удастся не каждому. Отсюда философская диада «страх/отвага» занимает в языковом сознании народа одно из важнейших мест.

Страх и отвага рассматриваются в физиологии как некий биохимический процесс, в психологии — как определенные психоэмоциональные состояния, в педагогике — как, с одной стороны, весьма постыдное, а с другой — похвальное качество характера, от которого

либо необходимо как можно скорее избавиться (страх), либо развивать и совершенствовать в себе это свойство натуры (отвага).

Особым образом данная семантическая оппозиция представлена в языке донского казачества.

В словарях русского литературного языка обозначены пять основных существительных, обозначающих эмоциональное состояние страха: *боязнь, испуг, ужас, паника* и собственно *страх*. Все они различаются интенсивностью переживаний и их длительностью: испуг и боязнь менее интенсивны, чем страх, а паника и ужас более интенсивны. Кроме того, испуг кратковременен; ужас и паника тоже не могут длиться продолжительное время. *Страх* и *боязнь* — состояния, характеризующиеся длительностью переживаний, растянутых во времени, порою, составляющие значительную часть жизни человека. В донских говорах для обозначения страха во всех его проявлениях используются лексемы *забузан, одер (одор), боязка, боязность*.¹

Согласно истолкованию значений, входящих в понятие *страх*, любое состояние, обозначаемое этими словами, возникает и существует только в том случае, если для этого имеется какая-нибудь причина, реальная или воображаемая, внешняя или внутренняя. Реальная причина вызывает эмоциональное состояние боязни, ужаса, паники, испуга, которые проявляются в конкретной жизненной ситуации. В донских говорах существует значительное количество глаголов (главным образом приставочных), отражающих данное состояние, ср.: *пужаться* — пугаться, бояться, *испужаться* — сильно испугаться, *напужаться* — испугаться, напугаться, *выпужаться* — пережить страх, сильно испугаться и др.

Древний корень *пуж-*, активно функционирующий в диалектах, отсутствует в литературном языке, но служит продуктивной основой диалектного словообразования. В Словаре русских народных говоров зафиксированы лексемы *пужа* — страх, устрашение (СРНГ, 33, 110), *пужака* — тот, кто слишком пуглив (СРНГ, 33, 110), *пужала* — тот, кто наводит страх, пугает своим внешним видом,

¹ Все примеры взяты из Словаря донских говоров Волгоградской области /Под ред. Р. И. Кудряшовой. Волгоград: 2011.

страшилище (СРНГ, 33, 110), *пужало* — пугало, чучело (СРНГ, 33, 110), *пужание* — страх, испуг (СРНГ, 33, 111), *пужанка* — 1. Домовой, нечистая сила. 2. Привидение (СРНГ, 33, 111), *пужануть* — испугать, пугануть (СРНГ, 33, 111), *пужаный* — пуганый (СРНГ, 33, 111), *пужать* — пугать, страшать (СРНГ, 33, 111), *пужаться* — пугаться (СРНГ, 33, 111), *пужнуть* — испугать, застрашать (СРНГ, 33, 112), *пужище* — большое пугало (СРНГ, 33, 112), *пужкой* — пуганый (СРНГ, 33, 112), *пуживать* — пугивать (СРНГ, 33, 112), *пужливый* — пугливый (СРНГ, 33, 112).

В донских говорах состояние высокой степени страха — ужаса передается также глаголами *ужахаться/ужахнуться* — придти/прийти в ужас, очень испугаться, ужаснуться/ужасаться (ср. укр.: *жах* — ужас). Слабая степень страха — робость, несмелость, чрезмерная застенчивость — представлена в донском диалекте глаголом *уробеть* — испытывать боязнь, смущение, неуверенность в себе; оробеть. Для характеристики робкого человека и его поведения используются диалектные фраземы *бояться тележного скрипу*, *куры заклюют кого, как чужой гусак посередь свойских*, *как курица по молодому снегу* — робко, неумело, неловко.

Человек трусливый по своей природе или испытывающий боязнь в какой-либо конкретной жизненной ситуации, номинируется в донском диалекте следующими единицами: *напужанный*, *пужливый*, *как курёнок*, *как овечий (собачий) хвост*.

Боязнь, испуг, страх, ужас, паника имеют вполне материальные референты. Особенно, если речь идет о детских страхах. В языковом поведении человека явно присутствуют эмоционально-поведенческие и культурные стереотипы: дети, например, боятся мифических существ. При этом каузаторами страха выступают *бабайка* — мифическое существо — страшная бабка, которой пугают непослушных детей (*Ни балывайси, ня то бабайка забирёт к себе*), *ночница* — ночное мифическое существо (*Дети баянца чудовищ, начнищ*), *хыка* — мифологический персонаж, упоминаемый для устрашения детей при непослушании (*Ни балуйси, а то хыка забирёт. Ни пайду я, тама тьмно, я хыку баюсь*) и др. Взрослые боятся, например, разгула стихии, особенно огня (ср. в донских го-

ворах: *Вор пришел — стены оставил, хмыл (огонь) пришел — ничего не оставил; как хмылом смыло — пусто, ничего нет, ничего не осталось*). Мир взрослых также населен мифическими существами, которые, согласно древним верованиям, доставляют немало хлопот и горя, ср.: *ведьмак, ведьмач* — колдун (*Видьмак — он калдуить. Видьмак карову испортил. Пахомыч такой вядьмач, на скатину порчу наводит*). *Дояк* — существо, которое на заре доит коров, оставляя семью без молока. *Карова нынча утрам ничаво ни дала, апячь да-як прихадил. Домовик* — добрый или злой дух, обитающий в доме; домашний дух, покровительствующий семье, домовой. *Нынча за группай апячь дамавик стучал*) и др.

Страх, боязнь, испуг человека могут быть вызваны как мифическими существами, так и вполне реальными людьми — через их поступки и вербализованные угрозы. В донских говорах система коммуникативных угроз имеет вполне разработанный характер. Это может быть угроза возможного наказания (*Я те бока намну! Аж шерсть загорится!*), недоброго пожелания, «посыла вслед» (*Гроза тебе в бок!*), пожелания нездоровья, всевозможных хворей (*Чтоб тебе наповылазило! Чтоб тебя хвятина поломала! Игрец тебя заломай! Истряси тебя лихорадка!*) и др.

Целый ряд диалектных глаголов и фразем в донских говорах называют действия по «наведению» страха: *выпужать* — сильно испугать, *испужать* — напугать, испугать, *напужать* — испугать, *пужать* — пугать, *пужнуть* — пугнуть, вспугнуть, *траццать* — пугать, стращать, *нагнать жуду (жули)* — навести страх, напугать, *напустить холоду* — испугать, нагнать страху.

В говорах существует целый ряд слов и выражений, описывающих и характеризующих проявление ужаса, испуга, боязни. При этом реакция человека, испытывающего, переживающего чувства страха, испуг, может проявляться на разных уровнях: прежде всего это физическая рефлексия: дрожание колен, дрожь по телу, онемение тела, затемнение сознания, выпученные глаза, побеление лица (кровь отлила), физиологические реакции и др., ср.: *трястись трясочкой, вытаращить (вытрескать) зенки, с лица сбледнуться, сойти с лица, жаром обдало, в штаны напустить (накласть)* и т. п.

Дескриптором страха выступают и диалектные единицы, описывающие поведенческую реакцию испуганного человека: неподвижность или, наоборот, желание ретироваться, быстро исчезнуть, убежать, скрыться, спрятаться, ср.: *упираться на все четыре ноги* — убежать, удирать без оглядки, *раком, раком* — да и в сторону — испугавшись, исчезнуть, скрыться, *кидаться щучкой* — быстро убежать, *нет позныку* о ком-л. — быстро исчез, скрылся, *и с фонарем не сыскать* — кто-л. быстро скрылся, исчез, пропал, *ни костей ни вестей* — с тем же значением и под.

Нередко чувство страха сопровождается вербальными реакциями — возгласами, бормотанием, чаще криками, ср.: *кричать во всю губу, как на живот (кричать, орать), орать дурным голосом, орать во всю варежку, орать, как с горы бежать*.

Из приведенных примеров видно, что дескрипторы страха вполне применимы и к описанию других чувств — гнева, печали, страдания. Тем не менее, они в равной степени используются диалектоносителями при характеристике тех чувств и переживаний, которые испытывает испуганный человек. Вопрос о четком разделении реакций, соответствующей той или иной эмоции, в науке до сих пор окончательно не решен.

Ощущения ужаса, испуга, боязни обычно связаны с конкретной жизненной ситуацией и поэтому имеют в языке четкие дескрипторы, в то время, как эмоциональное состояние, обозначаемое словом *страх*, абстрактно. Страх существует либо в ожидании чего-либо неприятного, угрожающего, часто воображаемого, либо после того, как все пережито и существует только в памяти. Это закреплено и в поговорках, ср. у Даля: «*Страшно видится, а сделается терпится (слюбится); Глаза страшатся, а руки делают*» (ср. в донском диалекте: *Глаза серуны, а руки деруны*).

Внутренняя форма некоторых диалектных фразеологических единиц позволяет сделать вывод о том, что средоточием эмоции страха в донских казачьих говорах выступает *дух* или *душа*, представляющие собой, с одной стороны, абстрактную субстанцию, а с другой, осязаемые физически проявления, т. е. то, что нельзя увидеть, но можно почувствовать, ср.: *Дух дрожит (трясется)*

у кого-л. — кто-л. испытывает сильный страх, испуг; *дух тлеет* у кого-л. — кто-л. боится, страшится; *душа прыгает* у кого-л. — кто-л. испытывает сильный страх; *душа с телом расстаётся* — 2. Кто-л. испытывает чувство сильного испуга; *нет души* в ком-л. — кто-л. испугался, напуган. Подобные единицы чаще всего используются диалектоносителями по отношению к самим себе и не содержат отрицательной оценочности при характеристике собственного состояния [Григорьева, 114].

Страх, боязнь, испуг сопровождают людей на протяжении всей жизни, актуализируясь то в одной, то в другой жизненной ситуации. В конце концов народ научился жить со своими страхами. В. И. Даль приводит целый ряд пословиц и поговорок на эту тему: «*Прямо страху в глаза (и страх мигнёт); Бояться смерти — на свете не жить; Волков бояться — в лес не ходить; У страха глаза велики; Хуже, как боишься — лиха не минешь, а со страху надрожишься*» (Даль, 2001).

Отсутствие страха или умение его побеждать, смелость, отвага является для казаков базовой ценностью, что во многом обусловлено социально-историческими причинами: формирование казачества осуществлялось в условиях постоянных схваток с кочевниками. Казаки — прежде всего отважные, смелые воины, не знающие страха. Принять смерть на поле боя для них лучший выбор, ср.: *Лучше смерть в поле, чем в бабьем подоле. Руби меня, татарская сабля, не бей меня, царская плеть.*

В донском диалекте находим множество номинаций смелого, отважного человека и его поступков, причем, что интересно, одни единицы используются для положительной оценки смелости (*бойкого десятка (из храброго десятка, не трусового десятка)*) — о человеке смелом, решительном, отважном, *голова не дрогнула* у кого — кто-либо не испугался, не растерялся, *брать на себя удаль* — проявлять смелость, храбрость, *бояться как летошнего снега* — ирон. не испытывать боязни, не реагировать на угрозы); другие слова и выражения (их большинство) в целом отрицательно характеризуют проявление смелости, так как она порою немотивирована и осуществляется на грани безрассудства (*держи-голова* — смелый, ре-

шительный, непокорный человек, *мастер на все лиха* — об отчаянном, безрассудно смелом человеке, *отчаюга* — с тем же значением, *оторви собаке цыка (хвост)* — о крайне смелом, чрезвычайно решительном человеке, *отрывок от нечистого духа (от черта)* — отчаянный, ничего и никого не боящийся и не перед какой опасностью не останавливающийся ребенок; сорвиголова, *угар-баба* — очень бойкая, решительная, смелая женщина и др.).

Языковой материал явно свидетельствует о высокой значимости в среде казаков переживаний страха во всех его проявлениях, как, впрочем, и среди всех людей. Отношение к страху неоднозначно. С одной стороны, страх — естественное явление в жизни человека. Он выполняет очень важную адаптивную функцию, так как заставляет человека искать способы защиты от возможного вреда. «Предчувствие страха может стать импульсом для укрепления “Я”, может побуждать индивида к самосовершенствованию с целью снижения собственной уязвимости» [Изард, 324]. С другой стороны, среди донского казачества особо приветствуется смелость, храбрость, конечно, в разумных ее проявлениях — если не нарушаются границы привычных, устоявшихся норм поведения.

Литература

Базылев В. Н. Лингвистика страха // Филология и культура. Тамбов, 2005. С. 77–79.

Брысина Е. В. Этнокультурная идиоматика донского казачества. Волгоград, 2003.

Григорьева Н. А. Лексико-фразеологические средства вербализации эмоций в донских казачьих говорах. Дисс. . . канд. филол. наук. Волгоград, 2009.

Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 2001.

Изард К. Эмоции человека. М., 2007.

Семантика глаголов родить/рожать, родиться/рождаться

(на материале архангельских говоров)

А. Б. Коконова

Исследователи диалектной лексики в последнее время часто обращаются к проблемам семантики общерусского слова в системе диалектного языка. Общерусское слово может сохранять архаические значения, утраченные в литературном языке, или развивать новые значения в рамках определенного «семантического ядра». В данной статье мы обратимся к описанию значений общерусских глаголов *родить/рожать* и *родиться/рождаться* в архангельских говорах¹.

Родить/рожать

1. 'произвести (производить) на свет младенца (детеныша)'

Производитель действия в этом случае — женщина: *Скóро родит, эка пузánка, да йеишó скáжут: з брjóхом. Рóдит рожанíца, вьóмоют ребéнка с какíми-то словáми. Родит, дак подрушкí-ти, да сусéди, да свой скáжут: «Нáть сходíть на кáшу». О четвёртом углу Богорóдица стоит, сьíна рождáйет о двенáцати апóстолах, о четырёх йевангелíстах: Мáрк, Матвéй, Лукá, Ивáн згóнят врагá в óгненную рéку.*

Субъектом действия может быть и самка животного:

¹ Привлекается материал 14 выпусков АОС, его картотеки и электронной базы данных, а также полевые записи автора.

Нóчью как зарожáт, тря́нку ќину, на тря́нки род́ит (о кош-ке). Во хлэф Мурку заперлá, пускáй там рожáт. Медвѣть — он род́ит через гот. Кóшка кот́ицца, и оф́ца кот́ицца, корóва тел́ицца, собáка вродѣ рожáт, лóшадь жэреб́ицца. Он́и на льд́у род́ят (тю-лени).

Интересно, что производителем действия может быть земно-водное, птица или рыба: *Змѣи, он́и не рожáют на земл́и, з дѣрева. Не моглá род́ить яйц́о (курица). Сѣ́мга толста, когдá онá род́ит, у йей бѣло мýсо, слáбенька, пустá такá.*

Субъектом действия могут становиться и родовые пути женщины: *Поштó-то род́ы не могл́и у йей род́ить, да жывотóм в́ыняли йей (о кесаревом сечении).*

Родившийся ребенок характеризуется с точки зрения пола (*род́ить девоч́ку, парня*); количества (*род́ить двойников*), законности/незаконности рождения (*род́ить выблядка, род́ить незаконно*).

Важными обстоятельствами рождения считается место рождения (*род́ить в лесу, в хлеву, в бане, в избе*), а также социальный статус роженицы (*род́ить бесчестно*).

Естественные роды противопоставляются родам с хирургическим вмешательством; последние описываются сочетанием *кесаревым род́ить*.

Событие, описываемое глаголом *род́ить/рожать*, может оцениваться количественно: *Люд́но мáтинка род́илá (о большом количестве детей).*

1.1. С основным значением глагола *род́ить/рожать* связано конверсивное употребление глагола: *род́ить* — ‘помочь принять роды у кого-нибудь’: *У нас ф прóшлом гóде стару́шка былá, онá бóльшэ ста лѣт прожылá дак скóльких род́илá (приняла роды).*

2. ‘дать (давать) начало чему-нибудь, создать (создавать) что-нибудь’.

Субъектом действия в данном случае может быть Господь как высшая созидательная сила: *Навѣрно Госпóть род́ил нам дутки-то эт́и (растения с мясистым стеблем, которые ели в голодные годы).*

Человек, созданный по образу и подобию Божьему, также обладает способностью созидать: *Квác? Я сѣ́дня йевó род́илá. Во сво́их*

людях, а вот сколько роди́ж добра́, скоты́ бессове́сны (сделать добро).

Так как человек создает предметы рукотворным образом, функция субъекта действия переносится на руки: *Да веть у когó как рука́ роди́т: у когó краси́во, а у когó смотре́ть неохо́та. Делово́й тако́й, путе́вой, рука́ всё роди́т. Говоря́т, как ру́цки родя́т, такы плéцки сно́сят* (об одежде).

Созидательной силой обладает и слово. Умение хорошо, складно говорить описывается фраземой *сло́во сло́во роди́т: Та́-от прохóднá ба́ба. Она́ мно́го знат. У и́ей как-то сло́во сло́во роди́т.*

Умение видеть взаимосвязи между событиями и их следствиями дает возможность употреблять в качестве субъекта действия абстрактные имена: *Нужда́ ум роди́т.*

Употребление глагола *роди́ть* в значении ‘вспомнить’ связано с представлением о созидательной силе человека, способной рожать, производить не только материальные предметы, но и нематериальные сущности, что может быть перенесено и на воспоминания: *Не зна́й, не рожу́* (не вспомню) — *помоги́*. Думается, что здесь может подчеркиваться и трудность процесса воспоминания, сопоставимая с трудностью рождения ребенка.

3. ‘принести (приносить) плоды, урожай’.

В качестве субъекта действия, как и в литературном языке, часто используется слово *земля* и обозначения земельных наделов (*пожня*):

Земля́ мя́хка у ни́х, всё рожáйет. Старáлись, што́п сво́й по́жни рожáли. Земéлка, так она́ у и́ей ницё́ не рожáйет, не удо́брéна-то. Ны́нь нача́ла земля́ роди́ть хорошо́. Кро́фь на земл́и — дак не роди́д земл́я-то.

Глагол *родить/рожать* может употребляться и без конкретного субъекта: *Всё роди́ло, всё пахáлось* (о полях).

Как субъект действия могут использоваться слова *лес, приро́да*: *Сечя́з жэ́ лёс хúdo рожáйет. Приро́да не дава́т, не рожáт.*

В отличие от литературного языка, субъектом действия могут быть наименования любых растений: *А копу́ста хоро́ша рожáла. Иёсли трава́ вы́цветёт, на б́дуций гóт сно́ва рожáдь б́дет.*

Огурцы́-то хорошо́ рожáли, а щя́с нѣт. Кѣдра не ф кáжной гóт орѣхи рожáла. А сморóдина давнó посáжэна, прóшлой гóт перестáла родить. Хорошá малина — тá, што самá рóдит. Вѣшня у меня́ не рóдит, сли́ва вот рóдит. Се́ця́с картóшка не бо́ица, а когда́ цветѣ́т и убьѣ́т морóзом, то не рóдит.

Родиться/рождаться

1. ‘появиться (появляться) на свет’.

Чаще всего употребляется по отношению к людям: *От хоро́шых родíteлей и хоро́шы дѣти рóдяца. У меня́ млáтшы брáтики рожáлись. Придѣ́м в дóм и слáвим: «Христóс рожáйецца и слáвицца». Тепѣ́рь фсе прáзники возобнови́ли, рóдица кто, за попом ъѣ́здят. Так ы идѣ́т фсѣ, умира́ют, рожáюцца, так из векóф ыдѣ́т. Человѣ́к рожáйецца, и áнгелы присужáют томú угорѣ́ть, томú утонúть, томú в авáрию попáсть. На том свѣ́т стои́т, фсѣ умира́ют, молоды́ рожáюцца. МЕЗ. Бч. Нѣнцы здесь не рожáлись, приѣ́зжы́е.*

Зафиксированы употребления глагола по отношению к животным, но только в пословицах: *От му́хи слóн не рóдица — та-кие приговорки смешны́ да дурны́. Сорóка да ворóна в одно́ перó рóдяцца (о похожем характере).*

Единично встречается употребление глагола *родиться* по отношению к червякам: *Червякú рóдяца — сѣеда́ют капúсту.*

При рождении младенца обращают внимание на то, какой он родился: *слабый, мёртвый, больной, здоровый. Сла́бый рóдица, так помрѣ́т, а кто здоро́вый рóдица, так уш и не бо́лет никогдá. А парнѣ́к мёртвой рожáлся. Рожáюцца и больны́е.*

Врожденная болезнь приходит в мир вместе с младенцем: *То з зайчѣ́йей губóй рожáюцца.* Поэтому о больном человеке говорят, что он *от рóду такóй: От рóду родíлась така́я.*

При описании врожденной болезни субъектом процесса рождения может стать нездоровая часть тела: *Позвонóчник такóй родíлсе.*

Надо сказать, что и при описании врожденных свойств и качеств человека может говориться, что они родились сами (вместе с человеком или внутри него): *Ма́рья Ива́новна пёсельница, фсе́ родило́си* (голос, слух. . .).

Впереди человека может родиться его счастье: *А кото́ра ото́рви́ да брóсь, ща́сьи́е фпреди́ себя́ ро́дище*.

Младенец оценивается как *непутёвый, неразу́мный, ди́кий*, то есть не принятый в социум, не наученный нормам человеческого поведения. *Непутёвые́ ро́дью́ца (дети). Де́ти рожаю́ща неразу́мные́, ди́кие*.

Важны обстоятельства рождения: время (*канун праздника, в ноябре, при этой власти*), место (*в этом доме, в Явзоры*), социальный статус (*сколотно родиться, не так родиться*).

Важно также положение младенца при родах: головой или ногами вперед. В говорах фиксируется ненормальное положение младенца: *Оди́н был живо́й, да то́жэ но́шками ро́дился*.

Если младенец рождается в остатках околоплодного пузыря, говорят, что он в *рубáшке, пупо́не, попóнке ро́дился*: *В рубáшке ро́дился — дак э́то ща́стье. Родила́-то она́ ф пупо́не ма́льчика. Ф попóнке ро́дилась — ща́сли́ва*. Подчеркивается, от кого родился младенец: *Од де́фки рожа́лся, вот и прозва́ли. Да у и́ей ма́льчик рожа́лся от Миха́йла, у́мер, заму́чили, наве́рно*.

Фразема *не от дуба ро́дился* подчеркивает обязательное наличие у ребенка биологического отца: *А как не ба́бушка, за ко́го шла́, не од дуба ро́дился Пё́тя-то*.

Важно также, *в кого* родился ребенок, т. е. на кого он похож/не похож: *Ф чю́жых не рожаю́ща, фсе́ ф сво́их* (о сходстве детей и родственников). *Сестра́ ф сестру́ не ро́дище, не одина́кие*.

В народной культуре особенно значимым было и каким по счету рождается младенец, особенно выделялись первые и последние дети в семье, о которых говорят, что они *родили́сь с краю́*: *Ро́дища с краю́* (о первых и последних детях).

Рождение человека неразрывно связано со стремлением угадать его судьбу: *Ма́ма заре́вет: «Ой, де́фка, де́фка, на му́ку жэ ты ро́дилась!»*.

Пословицы подчеркивают важное для народного сознания тождество человека самому себе: *Рányиэ какóй родíлся, такóй и за стóл садíлся.*

Рождаются, выходя из родовых путей, плацента (сгolóвьє, дѣтское мѣсто, послѣд) и околоплодные воды: *А тóжэ-ка не рожáлось этó зголо́вьє. У йѣй фпередí náцяло рожáйце дѣцко мѣсто. Как мórдочыка появицца, так обдуйѣш, штоб не задóхся (теленек), рубáшка и послѣт рожáйеца. У не́ё вóды не рождаю́ца.*

1.1. Можно выделить как отдельное подзначение глагола *родиться* ‘становиться, приобретать какие-нибудь свойства’: *А дáльиэ — Кривóй, а тáм — Неродíмой руце́ек — мáл, не родíлся большóй.*

2. ‘появиться (появляться), возникнуть (возникать)’.

Это переносное значение связано в первую очередь с созидательной силой человека: *Матѣ́ра крíнка, пиро́гоў трíцать рожáлось. У нíх и пѣсни не рожáлись. Грязно жыть неохóта, и чíсто нíкак не рóдице. Таг два мѣтра только привезлí матерья́ла-то, плáтьѣ не родíлось. Пóртно у нáс рóдица. Суслóноф-то 50 рóдице. Ис кряжá чóрки три рожáйеца. Ис кудѣли мóт рожáйеца. Онó и фкúсно рожáйеца, испекѣ́це. Берѣ́мя неслí, 62 вѣника родíлось. Зѣркало старíнно, стогодóво, до меня́ кáжэца родíлось. У нíх и пѣсни не рожáлись.*

По аналогии со вторым значением глагола *родить/родиться*, созидательные функции переносятся на руки человека. Разница только в том, что возвратный глагол *родиться/рождаться* описывает этот процесс как исподволь происходящий: *Сту́лья, ту-барѣ́тки дѣлал, вотцѣ в руках фсѣ́ рóдица у нево́. У него́ фсѣ́ в руках рожáйеца.*

Характеристика *и в руках, и в щекáх всѣ́ рóдится* описывает идеального, с точки зрения народной культуры, человека, который умеет хорошо потрудиться и хорошо поесть: *О нѣй говорíли: «У этóй в руках и ф шчокáх фсѣ́ рóдица».*

Глагол *родиться* может употребляться безлично: *У Лѣ́ни-то тóжэ рóдица такóйє сказáть.*

По аналогии с человеком и тем, что он создает, рождаться могут и разные природные явления — дождь, луна, месяц:

Ника́г до́жжя не рожа́йеца, Го́споди ты поми́луй. Не роди́лся ле како́й до́щи. Луна́-то она́ когда́ йе́сть, когда́ не́ту, пото́м о́пять рожа́йеца. Рожа́йеца ме́сяц, когда́ луна́, спа́ли, мо́жэд быть па́рали́чь.

Появление чего-либо после его отсутствия также воспринимается как рождение: *И не зна́ли, и́чо закрыва́ет — а пото́м и родило́сь, сно́ва* (солнце, о солнечном затмении).

Наступление праздника интерпретируется как рождение: *Ро́жэ́ствó рожа́йеца, зве́зда́ кружа́йеца, ба́пка ша́ньгами срежа́йеца, де́тка с пе́чьки слезова́т, кошелё́к отрушыва́т, ребя́там де́нешки достава́т.*

3. ‘вырасти (вырастать), дать (давать) урожай’.

Субъектом действия, как и у глагола *родить/рожать*, может быть природа в целом или отдельные растения: *Затра́вили фсо́ приро́ду, ниче́м не рожа́ица. Я́блоки-то у на́с не рожа́юция. Пти́цы щя́с в ле́се ма́ло ста́ло, я́гот ма́ло рожа́йеца. Хле́п не ка́ждый го́т рожа́лся. Не ка́жный го́т рожа́юция так я́годы.*

Итак, проведенный анализ семантики глаголов *родить/рожать* и *родиться/рождаться* показывает, что значения эти глаголы развивают одинаковые. Первое значение связано с появлением на свет человека или животного, второе — с появлением предмета материального или нематериального, третье — с плодородной функцией земли и растений.

Земля у всех народов обожествляется, мифологизируется, а в своей основной функции уподобляется женщине, которая зачинает и вынашивает плод. Данное значение сопоставимо с существующим в литературном языке, разница только в том, что для описания данного значения ЛЯ использует приставочный глагол (*картошка уродилась*). В говорах такое значение развивают бесприставочные возвратные и невозвратные глаголы. Получается, что и природа в целом, и любое животное и растение наделены продуцирующей силой и имеют способность рожать, давать урожай.

Второе значение, метафорическое, можно описать как ‘возникать, появляться’. По приведенным примерам видно, как широк круг явлений, которые в народной культуре воспринимаются как создаваемые (можно *родить* квас, добро; *родиться* могут *полотно, пироги, песня, чистота*). Итак, созидательной силой наделены Бог-Творец, и сам человек, все явления природы и вещи, которые его окружают, что говорит о мифологическом восприятии мира и важности концепта рождения в нем.

Семантические особенности лексики по теме «Питание» в костромских говорах

И. В. Лебедева

В программе Лексического атласа русских народных говоров в разделе «Питание» выделяется тематическая группа «Пища, напитки и их приготовление», включающая широкий круг вопросов, которые направлены на изучение семантики и географии диалектных слов, отражающих материальный быт и культуру русской деревни.

Лексико-тематическая группа «Питание» в народной речи довольно разнообразна. Наименования, входящие в её состав, постоянно привлекают внимание исследователей. Достаточно интересный материал по описанию лексики данной тематики содержится в работах В. Н. Гришановой, К. И. Демидовой, С. В. Дмитриевой, Т. В. Карасёвой, М. В. Костромичёвой, И. С. Лутовиновой, Н. В. Павловой, Ю. В. Судакова и других. Наименования блюд и кушаний на материале костромских говоров рассматривались в исследованиях Н. С. Ганцовской и Г. И. Машировой. Собранный по Программе ЛАРНГ материал показывает, что данный пласт имеет в говорах Костромской области довольно широкую представленность. Однако лингвистическому исследованию и описанию подвергались лишь отдельные наименования или небольшие фрагменты этой лексико-тематической группы.

Целью исследования является семантический анализ лексики, обозначающей пищу и напитки, а также уточнение ареальной характеристики некоторых наименований, зафиксированных в процессе работы по программе ЛАРНГ на территории Костромской области.

Большинство названий различных кушаний часто встречаются в повседневной жизни человека, поэтому они имеют определённое своеобразие и отражают особенности мировосприятия народа.

Собранный нами лексический материал можно распределить по 4 основным лексико-тематическим подгруппам (ЛТП).

1 ЛТП «Первые блюда (горячие и холодные)». Среди горячих первых блюд представлены как обобщенные наименования: *варево, вареница, варенька, взвар, хлёбово, похлёбка*, так и частные названия, в которых конкретизируется вид кушаний: *морковница, молоконка, крошенина, болтушка, гороховица, крупеник, грибовник, суп, ишти, уха, ущица, верещалка, ушанка, ушник, ушное, топлёнка*. В обобщенных названиях происходит актуализация семы ‘технология приготовления’, а в конкретизированных — семы ‘основной продукт, из которого приготовлено кушанье’.

Для номинации холодных блюд используются в основном видовые лексемы: *окрошка, холодное, холодавое, луковник, луковница, луковик, крошево, свекольник, квас*. В семантической структуре наименований *холодное, холодавое* на первый план выходит сема ‘качественный (температура) признак блюда’, а у лексем *окрошка, крошево* — сема ‘технология приготовления’: *Окрошку готовить легко: луку туды нарубил, квасу залил, а то и огурцов с мясом накрошил* (с. Ёлкино Нейского р-на).

Семантический диалектизм *луковник* широко представлен в русских народных говорах в следующих значениях: 1) слоёный пирог с луком; пышка из кислого теста с луком; 2) кушанье из лука, сваренного в квасе. *Костром.*; 3) огородник, выращивающий и продающий лук; торговец луком (на базаре) (СРНГ, 17, 190). Данная лексема зафиксирована в Ярославском областном словаре со значениями: 1) пирог с зелёным луком; 2) кушанье из лука, варёного в клюквенном соку (ЯОС, 1987, 18). В костромских говорах это наименование имеет конкретизированное значение: *луковник* — ‘кушанье из лука, сваренное в квасе’: *В корчагу большущую, што пиво ставят, начистят луку, квасом зальют, поставят крышку и замажут глиной, чтобы пропарилось хорошио* (с. Коткишево Нейского р-на); *Луковник всегда с квасом варили* (с. Горевое Нейского р-на).

Наименование *квас* в говорах Костромской области имеет значение ‘холодное блюдо из порезанных овощей, заправленное квасом’: *Што квас, што крошка, всё квасом называется* (с. Горевое Нейского района). Вероятно, оно возникло на основе метонимического переноса: напиток → кушанье из этого напитка.

2 ЛТП «Вторые блюда из различных продуктов». Это наиболее многочисленная и разнообразная подгруппа, в которую входят следующие наименования: а) блюда из круп: *гуца, густуха, жидуха, завар, заварёха, завариха, затирка, мазня, размазня, манник, овсянка, гороховник, гороховик, крупник, крупяник, пиённик, ржаница, толоконник, толокнина, плосечник*; б) блюда из овощей и грибов: *картошница, картофенник, картофельник, драчёна, морковник, грибовник, обабник, толчёнка, толкач, дрипница, галань, брюкольніца, разварыши, солёнка, квашенина, парево, паренина, парёнка, паря, жарёха, мятево*; в) блюда из мяса и рыбы: *взвар варенец, студень, холодец*; г) блюда из яиц и молока: *селянка, варенец, заливушка, заливашка, заливушница, хлебник, насковородник*.

Номинация вторых блюд часто происходит на основе особенностей технологии их приготовления: одни кушанья варят, заваривают (*варенец, взвар, завар, заварёха, завариха*), другие парят (*парево, паренина, парёнка, паря*), третьи толкут (*толчёнка, толкач*), а ещё квасят (*квашенина*), жарят (*жарёха*), мнут (*мятево*) и заливают молоком или яйцами (*заливушка, заливашка, заливушница*).

Однако в основе значительной части наименований данной подгруппы лежит всё же не способ приготовления, а продукт, который является основным ингредиентом в том или ином блюде (*манник, гороховник, гороховик, крупник, крупяник, пиённик, ржаница, толоконник, картошница, картофенник, картофельник, морковник, грибовник, обабник, галань, брюкольніца, хлебник*).

Лексический диалектизм *дрипница* зафиксирован в костромских говорах со значением ‘овощное блюдо из дрюпы (дрюпа — род репы, брюквы)’: *Дрипницу варили быстро — запаришь репу да дрюпу — и вся недолга* (с. Солтаново Нейского района); *Дрипницу помню. Её сперва почистят, дрюпу-то, потом нарежут кубиками и под крышечку в чугунок-от, да в печь. Тама она запарится, а*

потом и едим — сладкая она (с. Солтаново Нейского района); *Дрипницу варили из дрюпы. Дрюпу-то давно не растим, не помню, как и делали-то* (с. Ёлкино Нейского района). Данное наименование встречается только в речи пожилого поколения, а молодым оно не знакомо, так как в настоящее время этот сорт репы не выращивается повсеместно. Синонимичны данному наименованию более употребительные лексемы *галань* и *брюкольница*.

В смысловой структуре единиц данной подгруппы может актуализироваться и дифференциальный признак, который отражает качество того или иного блюда: *гуца, густуха, жидуха, мазня, размазня, солёнка*.

Отметим, что в костромских говорах встречаются единичные наименования кушаний, в которых происходит актуализация либо семы 'цвет блюда' — *чёрная каша* 'гречневая каша' (Межевской район), либо семы 'посуда, которая используется для приготовления блюда' — *насковородник* 'блюдо, приготовленное из кусочков хлеба, залитых молоком и яйцами на горячей сковороде' (Нейский район), *плешечник* 'каша из ячменя' (Кадыйский район).

3 ЛТП «Выпечные изделия из муки». Среди наименований данной группы следует отметить лексемы, обозначающие разные способы приготовления теста как основы для любой выпечки. В костромских говорах дрожжевое тесто называют *опарой* и *квашнёй*, а пресное тесто — *нехожонка*.

Обязательным блюдом на столе крестьянина всегда был хлеб. Для обозначения круглого хлеба из ржаной или пшеничной муки используется лексема *каравай*. Наряду с этим литературным словом в говорах распространены диалектные наименования, отличающиеся от общепринятого суффиксальными морфемами: *караваец, каравайка, каравайчик, каравашка*. Общей семой для литературного слова и его диалектных дериватов является сема 'форма': этимологию лексемы *каравай* связывают с *коло* «колесо, круг». Разница в семантической структуре данных лексем определяется дифференциальной семой 'размер изделия'. Диалектизмы *караваец, каравайка, каравайчик, каравашка* служат для наименования хлебных изделий небольшого размера: *Каравайки-то быстрее пропекаются, раз*

и вынимай из печи (Солигаличский район); *Не поспевала ужю, дак каравашек небольших спекла* (Антроповский район).

В костромских говорах для обозначения свежевыпеченного хлеба весьма продуктивной является корневая морфема *мяг-* (*мяк-*), представленная дериватами *мяконец, мяконец, мякый, мякоський*: *Из ситной муки мякоськи пекли. Поставишь в печку сковороды, дух-то какой пойдёт!* (Вохомский район).

Наряду с хлебом большой популярностью на столе сельского жителя пользуются различные пироги. В наименованиях *заворотень, выворотень, загибень, загибник, загибенька, загибушка, загибыши* находит отражение сема ‘действие при изготовлении пирога’. Существительные *заворотень, выворотень* восходят к действиям, обозначенным глаголами *заворачивать* ‘загнуть, отогнуть немного, подвернуть’, *выворачивать* ‘перевернуть внутренней стороной наружу’, а лексемы *загибень, загибник, загибенька, загибушка, загибыши* соотносятся с глаголом *загибать* ‘согнув, завернуть, подвернуть конец, край чего-нибудь’: *Тесто раскатаешь, загнешь края-то навроче ватрушки, и капуста туды — вот и загибенька* (Сусанинский район); *Напекёшь загибень, и все сыты. Надо только рассучить его потоньше, да наложить чинёнки всякой: и луку, морквы, и картошин мятых, и грибов* (Нейский район).

Для обозначения пирогов с разными начинками используются следующие наименования: *галанник* ‘пирог с брюквой — галанкой’ (Вохомский район), *рыбник* ‘пирог с рыбой’ (Галичский, Поназыревский районы), *курник* ‘пирог с курицей или с мясом’ (Нейский, Кадынский районы), *грибник* ‘пирог с грибами’ (Пыщугский район), *ягодник* ‘пирог с ягодной начинкой’ (Буйский, Сусанинский, Антроповский районы).

В говоре деревни Зяблуха Межевского района для обозначения блинов используются две диалектные лексемы: *листки* ‘тонкие блины’ и *олелюхи* ‘пышные, толстые блины’ *У матери всегда листики получались, а у меня никогда не выходили, всегда олелюхи*. В основе наименования *листки* лежит метонимический перенос: предмет → кушанье.

Диалектные наименования *олелюха, олелюшка* в костромских

говорах употребляются давно и являются многозначными, что подтверждают и данные СРНГ: «**Олелюха** — 1. Колоб, колобок. *Буйск., Костром.*; 2. О толстой неуклюжей женщине; 3. Разиня, болван. *Костром., Даль*» (СРНГ, 23, 184); «**Олелюшка** — 1. Пирог, сочень и т. п., испечённый на скорую руку (плохо пропечённый, невыходившийся, без начинки). *Яросл., Костром.*; 2. Пирог из жидко замешанной ячменной муки. *Волог.*; 3. Род пресного пирожка с начинкой. *Костром.*; 4. Род ватрушки или лепёшки, смазанной маслом, сметаной и т. п. *Ветл., Костром.* 5. Мелкое сдобное печенье, которое готовили по годовым праздникам. *Костром.*» (СРНГ, 23, 184). В говоре Кадыйского района зафиксирована лексема *лелюхи* со значением ‘олады из сырой тёртой картошки’.

Диалектизм *витушка* имеет несколько значений и довольно широкую территорию распространения. В значении ‘калач, булка, крендель, свитые из нескольких полос с витыми украшениями’ он употребляется в говорах Архангельской, Вологодской, Пермской, Тверской, Московской, Воронежской, Саратовской, Новгородской и других областей (СРНГ, 4, 302). В костромских говорах имеет значение ‘баранка, бублик’: *Витушки с маком хороши, ароматные* (с. Никола Межевского района), «изделие из пресного теста, сдобный крендель, калач. *Костром.*; крендель из ржаной (ячменной) муки. *Сегодня сдобных витушек напекла*. *Буйск. Костром.*» (СРНГ, 4, 302).

Наименование *пряженец, пряженник* зафиксировано в говоре с. Якшанга Поназыревского района в значении ‘пирожок, обжаренный в масле’: *Дак в масле пряжили — вот и пряженец*. Семантика данного слова раскрывается при соотнесении его с глаголом *пряжить* «жарить в масле (что-либо мучное). *Я по коробу скребен, На сметане мешен, Да в масле пряжен, На окошке стужен*. *Перм., Яросл.*» (СРНГ, 33, 82).

Лексема *жаворонки* имеет значение ‘выпеченные изделия, внешне напоминающие подкову или птицу — жаворонка’. На День сорока мучеников — 22 марта часто пекли птичек — жаворонков. В бедных семьях, где не было изюма, вместо глазок птичке вкладывали кусочек ржаной корочки: *Мамка, помню, напекёт птичек, да*

крошки черного хлеба в глаза им понатыкает. А мы, детишки, рады — радёхоньки. Бегаем с булками-то, да друг друга угощаем (Нейский район).

4. ЛТП «Напитки» представлена лексемами, обозначающими как безалкогольные: *квас, кисель, компот, конпот, извар, сироп, рассол, отвар, гороховник* ‘гороховый кисель’ (Межевской район), *вершок* ‘сливки’, *простокиша* ‘простокваша’ (Межевской район), *молозиво* ‘молочный напиток’, *кисляк, кислуха, кислятина, кислять* ‘кислое молоко’, так и алкогольные напитки: *самогон, самогонка, первач, спотыкач, сивуха* ‘алкогольный напиток, домашняя водка’, *приманка* ‘водка’ (Кадыйский район), *пиво, пивцо, поставуха* ‘пиво’ (Кадыйский район), *брага, бражка* ‘слабоалкогольный напиток; разновидность домашнего вина, более крепкого, чем пиво’, *медовуха* ‘брага, настоянная на мёде’. В Октябрьском районе синонимом лексемы *медовуха* будет слово *бурда*, а в Костромском районе — название *сластюха*.

По наблюдениям Н. В. Суворовой, с течением времени некоторые наименования напитков изменили свою семантику. «Лексема *пиво* в XI веке была многозначной. Данное слово изначально имело значение ‘то, что пьют, питьё, напиток’. В конце древнерусского периода (XIV в.) возникает второе, более узкое значение ‘хмельной напиток’. Со временем основное значение (‘то, что пьют’) стало восприниматься как вторичное, а в современном русском языке совсем утратилось. В настоящее время пиво — это ‘слабоалкогольный напиток с характерным хмельным запахом, изготавливаемый преимущественно из ячменного солода с добавлением хмеля’. Таким образом, можно говорить о сужении значения данного существительного» (Суворова, 75).

Рассматривая особенности семантики данных наименований, отметим, что в основе значений могут лежать названия сырья (*гороховник, медовуха, молозиво*). Семантику других слов определяет технология приготовления напитка (*извар, отвар, самогон, поставуха*), вкус (*кисляк, сластюха*) и воздействие напитка на поведение человека (*спотыкач, приманка*).

Рассмотренный нами материал убедительно свидетельствует,

что обычно лексика по теме «Питание» отражает один, самый существенный для носителя диалекта, признак.

Анализ наименований, входящих в лексико-тематическую группу «Питание», позволяет установить универсальные семантические модели, среди которых наиболее продуктивными являются следующие:

1. технология приготовления → кушанье (*варенец, парево, толчѐнка, квашенина, жарѐха, мятево, заливушка*);
2. основной ингредиент → кушанье (*манник, гороховник, крупник, крупяник, пиѐнник, ржаница, толоконник, картошница, морковник, грибовник, обабник, галань, брюкольница*);
3. температура приготовления, подачи → кушанье (*холодное, холодавое, студень*);
4. форма → кушанье (*каравай, жаворонки, свинки*);
5. действие → кушанье (*заворотень, загибень, загибник, загибенька, загибушка, загибыш, выворотень*);
6. вкус → кушанье, напиток (*кисляк, сладюха*);
7. воздействие на человека → напиток (*спотыкач, приманка*);
8. посуда → кушанье (*насковородник, плошечник*);
9. напиток → кушанье (*квас*);
10. предмет → кушанье (*листки*)

Таким образом, диалектные наименования пищи позволяют запечатлеть народные представления о реальном мире, связях и отношениях объектов действительности, деятельности человека в познании и освоении этого мира. Именно лексическая семантика отражает всё многообразие вещей, признаков, явлений, с которыми сталкивается человек в процессе своей жизнедеятельности.

Литература

Суворова Н. В. Названия напитков в русском языке XI–XVII веков // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней. Иваново, 2004. С. 73–76.

О номинации географических объектов в орловских говорах

Н. В. Бурко

Исследование орографической лексики орловских говоров позволило (на основе существующей в геоморфологии классификации рельефных форм) построить семантическую классификацию лексем, обозначающих орографические объекты в изучаемых говорах. Можно выделить две большие группы орографических апеллятивов, называющих отрицательные и положительные формы рельефа, неравнозначные по объёму и структуре. Первая — «Отрицательные формы рельефа местности» — включает три лексико-семантические группы (ЛСГ): ЛСГ «Овраги», ЛСГ «Низменное место, низина», ЛСГ «Ямы». Вторая — «Положительные формы рельефа местности» — представлена одной ЛСГ: ЛСГ «Возвышенности». Это объясняется экстралингвистическими факторами: спецификой геоморфологической структуры территории Орловской области (которая представляет собой приподнятую равнину, изрезанную оврагами, балками) и особенностями восприятия и оценки различных географических реалий диалектоносителями.

Анализ наименований орографических объектов показал, что в сознании носителей орловских говоров существуют оппозиции: «овраг» — «возвышенность», «низменное место, низменность» — «возвышенное место, возвышенность». Эти реалии воспринимаются как противоположные. Они важны и существенны при определении географической структуры территории Орловщины, так как являются ландшафтообразующими, сразу фиксируются взглядом и могут выступать в качестве определённых ориентиров. Оппозиция

«яма» — «очень небольшая возвышенность» не возникает, так как последнее (*глыба, глуда, ком на дороге*) не существенно, с точки зрения субъекта речи, быстропреходяще, изменчиво, поэтому не воспринимается носителями говоров как рельефная структура и, следовательно, не вступает в отношения с реальией «яма».

Выявленные ЛСГ характеризуются наличием номинативно-денотативных и номинативно-характеризующих единиц. Существенно, что среди последних наблюдается сходный набор характеризующих признаков:

Характеризующие признаки	ЛСГ			
	Овраги	Низменное место	Ямы	Возвышенности
Квантитативный	+	+	+	+
Качественный	+	+	+	+
Локативный	⊕	+		+
Реляционный				+
Функциональный			+	
Партикативный	+			+

+ — релевантный признак
⊕ — дополнительный, факультативный признак

Многие из рассмотренных наименований орографических объектов имеют сложную семантическую структуру. Новое значение у таких лексических единиц появляется в результате различных семантических переходов, сдвигов как в пределах одного семантического поля географической лексики, так и в результате взаимодействия различных семантических полей: получения географического значения словом, ранее относящемся к другой понятийной сфере.

Из переносов внутри семантического поля географической лексики можно отметить семантические изменения по линии:

1. «верх» ↔ «низ»: *верх, вершок, круча* («овраг» ↔ «возвышенность»);

2. «целое» ↔ «часть целого»: *вершина, вершок* («овраг» ↔ «начало оврага»), *вывершек, вывершки* («начало оврага» ↔ «ответвление оврага»), *лог, логовина, ложина, луговина* («овраг» ↔

«дно оврага»), *круча*, *косогор* («возвышенность» ↔ «склон возвышенности»), *огривок* («возвышенность» ↔ «вершина возвышенности»), *пригорок* («возвышенность» ↔ «подножье возвышенности»);

3. «большой» ↔ «малый»: *рытвина* («овраг» ↔ «яма на дороге»), *бук*, *бочаг*, *яма* («овраг» ↔ «яма в поле, на лугу»), *колдобина* («яма на дороге» ↔ «яма в поле, на лугу»).

На пересечении разных семантических полей в орловских говорах находятся лексемы, получившие географическое значение в результате перехода из следующих понятийных сфер:

1. названия животных: *жабина* «углубление в земле, ямка»;

2. части тела человека и животных: *голова*, *головка*, *головочка*, *головище*, *лапка*, *лапочка*, *охвосток* «начало оврага», *бок* «склон оврага»;

3. посуда: *ендова*, *ендовище* «овраг», *бочаг* «овраг», «специально выкопанная и заполненная водой яма для замачивания пеньки»;

4. строительство: *рыга* «углубление в земле, яма», *крюк*, *крючок* «поворот оврага», *порог* «уступ на возвышенности», *каланча* «значительная возвышенность, гора», *вышка* «бугор», *печурок* «ответвление оврага»;

5. одежда: *порточки* «ответвление оврага»;

6. растительность: *мишара* «низкое сырое или заболоченное место», *миара*, *мошара*, *мошник* «болотистое место, поросшее мхом»;

7. земледелие: *ляда*, *лядина* «низкое сырое место», *карёк* «яма с родниковой водой», *заложка* «небольшой овраг».

Наши наблюдения подтверждают вывод о том, что рассмотрение полисемии орографического термина приводит к выводу о регулярном пересечении в его значении нескольких определённых семантических пространств» [Невская, 149].

Анализ местных географических апеллятивов, обозначающих отрицательные и положительные формы рельефа, позволил выделить группу наименований, сохранивших в своей семантической структуре значения, известные в древнерусский и старорусский период и не вошедшие в литературный язык (*подол*, *миара*, *шелом*, *вершок*, *вышь*, *косогор*), а также слова, в которых мотивировоч-

ный признак можно установить, лишь прибегнув к помощи этимологического анализа (*вертепь, ложбина, лощина, подол, кук, буй*), и группу слов с утраченным мотивировочным признаком (*буерак, плота, тяпник, яр, кабичка, конубри, рычки, лылы, шихан*).

Известно, что с семантическим анализом тесно связан анализ словообразовательный. Словопроизводство в говорах Орловщины идёт по известным в современном русском языке моделям, чисто диалектных словообразовательных моделей в данной группе лексики нами не обнаружено. Однако зафиксированы изменения значений, не свойственные аффиксам в литературном языке.

Проведенный анализ лексического материала показал, что он многообразен и выразителен. Основной процент его занимает диалектная лексика. По отношению к литературному языку входящие в состав различных ЛСГ географические апеллятивы можно условно разделить на:

1. тождественные литературному языку в плане содержания и в плане выражения: *овраг, рытвина, колдобина, низина, низ, возвышенность, бугор, бугорок, пригорок* и др.;

2. совпадающие в плане выражения, но различные в плане содержания: *верх, вершок, вершина, бук, бок, голова, яма, лог, луговина, лиман, левада, каланча, вышка, бугор, косогор* и др. (тем самым пополняющие процент диалектной лексики);

3. не отмеченные в литературном языке: *вывершек, отвершек, охвосток, сугибель, буковище, болотник, тяпник, мочерина, мочняк, мотяжина, лоинка, ржавец, кабичка, конубри, копанюшка* и др.

По отношению местных орографических апеллятивов к лексике других русских народных говоров можно выделить группу узко-региональных (собственно-орловских) слов: *бугорочка* «небольшой бугор, пригорок», *взлобок* «небольшой холм, горка», *взлыз* «небольшой бугор, пригорок», *густовань* «овраг, заросший травой и кустарником», *заверх* «возвышенное место, расположенное на противоположной стороне оврага», *зарой* «овраг», *заройка* «яма, образовавшаяся после добычи торфа», *заяма* «возвышенное место, расположенное на противоположной стороне оврага», *кабичка* «яма, наполненная родниковой водой», *конубри* «рытвина или выбоина на дороге»,

«трудно проходимая из-за большого количества ям, рытвин и т.т. местность», «место, находящееся очень далеко, захолустье», *кручка* «глубокий овраг с крутыми склонами», *обвалье* «крутой откос, склон берега, оврага», *обвалья* «овраг, в котором берут глину», *обвалища* «овраг с ручьём», *охвосток* «узкая неглубокая часть оврага, его начало или конец», *сугиб* «поворот оврага», *сугибчик* «поворот оврага», *ямник* «овраг».

Наблюдения над ареалом орографических единиц в орловских говорах показали, что большая часть слов известна на всей территории Орловщины. Отмечены также лексемы, имеющие ограниченную территорию распространения и единично зафиксированные.

Анализ географических апеллятивов Орловщины позволил выявить монофункциональные лексемы (содержащие указание на один признак географической реалии): *буковище, вертепь, густовань, каланча, обвал, обрыв, ровчак, рынок, тяпник, шелом, шихан* и др. и полифункциональные лексемы (содержащие указание на несколько признаков географического объекта): *балка, буерак, вал, гривка, косогор, круча, кручка, лог, огривок, плота, подзаяма, проваль* и др. Чем больше количество дифференциальных признаков в значении насчитывает лексическая единица, тем дальше отстоит она от так называемого «беспризнакового члена» [Чернейко, 16], от нуля и тем ближе находится к периферии и пересечению семантических микрополей.

Литература

Невская Л. Г. Балтийская географическая терминология. К семантической типологии. М., 1977.

Чернейко Л. О. Опыт парадигматического анализа лексики (на материале географических терминов архангельских говоров). Автореф дис. ... канд. филол. наук. М., Изд-во Моск. ун-та, 1980.

Традиционная народная культура и ее отражение в диалектном тексте

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова

В отделе диалектологии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в течение ряда лет велась работа по теме «Язык русской деревни». Её цель — записать интересные и правдивые рассказы о жизни российского крестьянства. Хотя сбор этнографических сведений и фольклора не оговаривался в качестве отдельной задачи, тем не менее собранные тексты — автобиографии, рассказы, воспоминания — оказались весьма насыщенными подобного рода материалом. Это прежде всего заговоры, былички, причитания, частушки, которые всегда были неотъемлемой частью жизни деревни, то есть старина по-прежнему жива и актуальна, несмотря на выкорчевывание традиционной ментальности в годы советской власти. Таким образом, полевые исследования русских говоров последнего десятилетия свидетельствуют, что традиции и обряды, отражающие архаическое мировосприятие, сохранились в середине XX в. и сохраняются до сих пор в большей степени, чем можно было предположить ранее. Об этом неоднократно писал Н. И. Толстой [Толстой] и свидетельствуют работы современных фольклористов [Фольклор, 15–19]. Подход к диалекту как к лингвистическому и этнографическому феномену был известен давно, но со временем исследования становились все более автономными. Именно Н. И. Толстому принадлежит заслуга возрождения и дальнейшего развития подхода к народному языку и народной культуре как единому целому: «Диалект представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и

культурологическую. . . » [Толстой, 21].

В данной работе авторы опираются на труды современной этнолингвистической школы, в которой принято пользоваться термином *культурный диалект*.

Нами были обследованы различные регионы Европейской части России: говоры Поветлужья (Варнавинский р-н Нижегородской обл.) — северо-восточные; говоры русско-белорусского пограничья — Невельский р-н Псковской обл., а также Городокский и Полоцкий р-ны Витебской обл. Белоруссии — западные говоры, Любытинский р-н Новгородской обл. — северо-западные говоры, Задонский р-н Липецкой обл. — южные говоры. В процессе работы мы старались выявить общие черты архаического сознания, присущие большинству носителей русских говоров, с одной стороны, а с другой — определить, насколько эти черты сохранны.

Остановимся на характеристике говоров Поветлужья, которые в силу исторических причин достаточно мало трансформировались. Заселение этого края русскими происходило, по утверждению археологов и историков, не ранее XIV вв. с запада на восток — с р. Унжи через леса на Ветлугу; городов в этой местности не было (да и сейчас мало), а о глуши края писал еще М. В. Ломоносов. Первоначально ветлужские земли входили в состав Галицкого княжества, а с подчинением его Москве становились уже частью Московского великого княжества. Русские деревни и села в среднем Поветлужье появились в основном в XV в. Безусловно, изучение говоров данного региона представляет особый интерес, так как они считаются «потомками» Ростово-Суздальского диалекта, легшего в основу русского литературного языка. Как уже отмечалось, говоры края мало изменились к началу XX в., поскольку находятся в российской глубинке: в них до настоящего времени сохраняются архаические черты в области лексики и этнографии.

Множество источников XVIII–XIX вв. описывает историю, хозяйство, быт и культуру жителей Поветлужья [Варнавинская старина, 42–50], при этом на протяжении веков краеведами, этнографами, приходскими священниками отмечались одни и те же черты местного населения: стойкое **суеверие** (вера в колдунов, нечистую си-

лу, магию, распространение знахарства, гаданий); обязательное **подавание** бедным, подача милостыни, сопровождавшая праздники, а также погребальный и поминальный обряды; **любовь** к различного рода **праздествам**; которая выражалась в большом их количестве и продолжительности; неперенное **соблюдение** основных **семейных обрядов** — свадебного и похоронного. Как показал собранный материал, все перечисленные элементы народной культуры существуют и по сей день и имеют определенное языковое воплощение. Следует отметить, что погребальный обряд сохранился полнее свадебного. Что касается календарной обрядности, то она оказалась более разрушенной в силу социально-исторических причин. Тем не менее оставались живыми в 70–80 гг. XX в. действия, связанные с такими важными праздниками, как Рождество, Святки, Крещение, Масленица, Пасха, Троица. В постсоветское время многие из праздников восстанавливаются, одни — благодаря возродившейся церкви, другие — силами клубных работников. При проведении современных праздников используются воспоминания старожилов и фольклорная литература, правда, не всегда восстановленный обряд соотносится с традицией данной местности.

Рассмотрим названные выше четыре черты. Так, в обследованных нами говорах Варнавинского района до настоящего времени широко представлены различного рода заговоры, элементы колдовства, знахарство, вера в общение с миром усопших, в вещие сны. Все это свидетельствует о живучести магического сознания, которое является «наиболее стабильным элементом традиционного крестьянского мировоззрения» [Виноградова, Толстой, 221].

Наиболее распространенными магическими текстами являются заговоры от болезней — лечебные. Как известно, основными источниками восточнославянской заговорной традиции были, с одной стороны, магические формулы, восходящие к языческим представлениям о мире, а с другой — книжные тексты, связанные с церковностью и народной религиозностью. Это касается многих заговоров, в которых виден синтез двух начал: наряду с языческими элементами, заклинаниями, используются слова, свойственные православным молитвам. Мы записали различные по тематике заговоры, при

этом более других распространены, как было сказано выше, лечебные. В них используются два основных приема воздействия на болезнь: ее изгнание или уничтожение. В качестве иллюстрации приведем заговор на грыжу, в котором болезнь изгоняется, что является редкостью, в восточнославянской традиции основным способом лечения является уничтожение грыжи: её «загрызают», «закусывают» [Агапкина, 350–351].

Заговор записан авторами в 2002 г. от В. И. Маряевой (1931 г. рождения) жительницы д. Лапшанга Нижегородской обл.:

Со святыми духа помоги / Господи // выйди / грыжа / из дуба / выйди / грыжа / из древа / выйди / грыжа / из моря / выйди / грыжа / из тела // этому заговору аминь / во имя Отца и Святого Духа // три раза читать надо // по заре //

Этот заговор традиционен по структуре: содержит зачин (*Со святыми духа помоги / Господи*), закрепку (*этому заговору аминь / во имя Отца и Святого Духа*), перечисления и повторы [Левкиевская, 230–231, 238]. В нем сохраняются архаические элементы, отражающие мифологическую картину мира. Прежде всего это упоминание *древа*. Дерево — мировое древо — манифестирует центр мироздания, это один из образов, который присутствует в большом числе восточнославянских заговоров и обрядов. Упоминается в тексте и *море* — образ стихии, первоэлемент мира. В заговоре в ряд этих образов включается и *тело*, приобретая в контексте других символов обобщенное значение, становясь в силу этого включения одним из первоэлементов бытия. Таким образом, магией заговора болезнь должна изгоняться из микрокосмоса человека, связанного со всем миром — макрокосмосом.

В Поветлужье широко распространено всякого рода знахарство, связанное с насыланием порчи и исцелением от нее. Рассказывает та же информантка:

... на меня была порча сделана / меня сглазили // подкинута от собак шерсть / а где вот подкинута / не знаю // а я стала сохнуть и сохнуть //

— А что значит с трех собак шерсть?

А вот я тебе / миленька / скажу // вот с собаки выстригают шерсть / три собаки чтобы // эту шерсть наговаривают и подкидывают вот тебе или под порог / или где хошь // и с тобой делается плохо / ты сохнёшь / идешь на тот свет / сорок дней // это сорокоуст называется /

Существует, по рассказам информантов, много способов наведения порчи, сглаза, которыми пользуются до сих пор: подсыпание заговоренной пищи с целью нанесения ущерба, например, *подсахарить невесте*, чтобы развести ее с женихом, *накормить в крошке*, чтобы муж бросил жену, *наговорить на воду, на масло, на соль*. Одним из распространенных способов привлечения неприятностей на кого-либо является уже описанный выше способ *подбросить шерсть* (с кошки, собаки, трех собак) или что-то вообще неприятное, грязное:

В Великий четверг под окно закапывали дохлую курицу и стучали в окно / чтоб человек знал / что его хотят сжить со света / чтобы человек хворал // даже с кошки вон шерсть выстриги и брось / и завтра же разойдешься с мужиком // или вот ты управляешься говном / этого говна взять / размешать и брызнуть / и тожо разойдутся //

Мертвое существо, кости, черепа животных, шерсть, перья — это объекты, символизирующие связь с потусторонним миром и потому могущие нанести вред человеку (Славянская мифология 2002, 429–430).

Подбрасывание предмета поддерживалось вербальным рядом: *Как кошка живет с собакой // так и вы будете жить // как говно не любить / так и ты //*

Для наведения порчи делали **тороп**, т. е. выкладывали дорогу от калитки к дому чем-нибудь колючим, **колюном**: *Ну шишки-ти / колючки-ти / и вот их срубает и кладут как ёлку // вот это колюн // вот у меня сыну тороп сколько делали // он приехал // тоска невысказанная //*

Обычно функции колючих и жгучих растений (еловых веток, крапивы, репейника, боярышника и др.) амбивалентны, т. е. они выступают и как защищающие от порчи, и как насылающие ее. Так, в

избе, сенях, хлеву, чтобы уберечься от сглаза, к стене прикрепляют репейник или крапиву; общепринятым у восточных славян является разбрасывание еловых веток на дороге от дома до кладбища во время похорон, чтобы покойник не смог вернуться.

Похожие способы насылания порчи и защиты от неё распространены и по сей день в Архангельской обл.: подбрасывание шерсти человеку, рассыпание еловой хвои у двери дома, кормление заговоренной едой, в бане вешаются ножницы в качестве защиты от сглаза, с этой же целью принято вкалывать иголки и булавки в одежду, в стены жилища.

Причиной наведения порчи часто становилась ревность, месть со стороны соперницы/соперника, в этом случае использовали различного рода «отсушки», представленные как вербальными, так и невербальными средствами. Любовная магия была столь же распространённой, как и лечебная. Приведем пример из рассказа В. И. Маряевой:

Неудачное замужество

На меня была сделана насмерть // вот когда я с первым мужиком разошлась / так получилось / троюродная сестра у меня его отбила // она с ним гуляла по-плохому // забеременила // а со мной он гулял по-хорошему // председатель приходил / потом агроном приходил сватами // меня пропили //

а она бегала вокруг дома нашего / кулдовала // и он у меня вот в это окошко выпрыгнул / когда мы пошли спать // он ушел вперёд меня / я гляжу // батюшки // окошко раскрыто / а его нет // я говорю: // «его нету // он убежал / он убежал к ней» // она его караулила / а он ее видал и к ней ушел //

... так он пришел / сволочь / на колени встал передо мной и заревел: // прости меня / я больше этого не сделаю никогда // будем жить по-хорошему // и жили мы с ним по-хорошему // туда уже к ним пошла я //

и вот жили мы с ним месяц // они рыбаки были / а он работал бригадиром // что ты думаешь / у нас там еще одна была бригадир-

*ша // она с этой бабой / с Нинкой / дружилася // и оне его напо-
или / накормили в окрошке // представь себе / он мне сознался //
как иду / он стоит на берегу / меня ждет // а я тогда плавала на
пилораму / надо лес был // ну / эти плоты сганивали // иду / он ме-
ня уже встречает: // я насили тебя дождался! // приходим домой //
«Валь // вот как хошь / вот скажи / как змея по полу ползёшь // вот
нет тебя / не нахожу места / не знаю / как тебя дождаться / тут
как ты пришла / скажи / змея по полу ползёшь» //*

*вот как было // я заревела // что делать? // пошли мы с ним в
Варнавино в дом культуры в кино // прямо кладбишином идём / а он
говорит // «Валя / лечи меня» // Говорю: / от чего // «а я сам стал
замечать / вот нет тебя / не могу дождаться / пришла / прямо
змея // иишии старуху. . .*

Поскольку существует наведение порчи на людей и домашний скот, широко практикуется и защита от порчи и сглаза. С этой целью используются вербальные и акциональные обереги. В семантике оберегов также присутствует синтез христианских и языческих мотивов: в Великий четверг, чтобы сохранить свой дом от злых сил, нужно обсеять его маком или зерном. Хозяйка обходит дом (постройку), обсыпая и приговаривая:

Иду торной тропой / торною тропой / засыпаю чертову тропу // вот три раза обойдешь и всё // и бояться ничего не надо // и вот пшено под порог // пшена взяла и посыпала Богородице // ни один дьявол не перейдет //

В заговоре выражена обычная для оберега магия круговой границы, замещения плохого хорошим. Зерно в данном случае выполняет охранительную, а не продуцирующую функцию. Пшено и мак — это вообще растения-апотропеи, защищающие человека от сил зла, так как бесконечное множество их зерен не поддается счету. Именно это свойство делает границу непреодолимой. Подобный способ защиты от сил зла широко распространен во всем восточнославянском регионе.

Некоторые тексты оберегов представляют собой «молитвенный заговор» [Виноградова, Толстой, 222], в котором упоминаются христианские святые: *Господи благословен // пресвятая Троица впе-*

реди / ангел сзади и по бокам // отведи глаза и руки врагам от рабы такой-то // нужно читать три раза //

Избавиться от злых сил возможно также с помощью магических предметов или действий (невербальные апотропеи): так, чтобы защитить брак нужно подложить ладан в обувь молодых, в гостях надо сдуть с пицци заклятия: *когда гуляете в гостях / всегда сдувайте*, используется также закрепчивание: *Вот я знаю одну старуху / и меня она учила // ставишь стол / ставишь соль / воды стакан и с угла на угол перекрещиваешь // и вот эту воду пьешь // ... где бы ни была / ноги перекрести //*

Существуют способы, возвращающие зло его отправителю. Ветки *колуна* следует собрать и сжечь (акциональная часть), приговаривая (вербальная часть): *Зепишише зепишишево / откуда пришло / туда и иди // три раза переговори и всё // оно все уйдет / на который делат //*

Скорее всего в этом тексте *зепишише* имеет значение ‘сглаз, вред’. В Ярославском областном словаре находим слова *зѣпать* ‘вредить дурным глазом’, прил. *зепливый* ‘о человеке с дурным глазом’, *зепать*, *зепалить* — ‘кричать, громко орать’ (ЯОС, 5) У Даля: *зепь. ж. ниж. прм.* карман, мошна, сумка, пазуха. . . *Пск. твр.* горло, хайло, глотка. **Зѣпать** *пск. пен.* кричать, зевать, вопить, орать во все горло, *зѣна* крикун (Даль, 1). Глагол **зѣпать** дан и у М. Фасмера, где наряду с примерами из словаря Даля, зафиксировано укр. *зіпати* ‘кричать, вдыхать’, болг. *зяпам* ‘зеваю’, приведены также глаголы в чеш. со значением ‘пыхтеть’ и польск. ‘тяжело дышать’. Фасмер считает рассматриваемые слова родственными гл. *зевать*, *зиять* и *зяпать* ‘орать во всю глотку, широко разевать рот’ (Фасмер, 2).

В случае тяжелого заболевания, вызванного порчей, спасти жизнь человека возможно только прибегнув к помощи хорошего знахаря. Мы располагаем большим количеством свидетельств о подобной ситуации, приведем в качестве примера один из выразительных рассказов о снятии сглаза, записанный от той же информантки.

Исцеление

Вот я стала сохнуть и сохнуть // грудь у меня болела / операцию сделали / все равно я сохну // неизвестна стала //... он (муж) уж тоже стал беспокоиться / и кто-то ему шопнули / кто-то ему там на работе подсказали / «ишиши старуху» // и он эту старуху из Залесного / Залесное есть / а она была в Богородском / кого-то тоже лечила / нашел // она была даже чернонемошинная или как называются они // всё-то на свете знает / ну знает с лешиим / со всем этим... / темной силой // и вот он ее привез к нам домой / привез к нам домой / значит // она слепая / глаза глядят / а не видит / не видит // вот тебя всю так обшарит // всю / всю / всю / всю // говорит / «ну ладно / была не была / возьму» // меня / значит // она у нас жила наверно недели две //

вот заставляет его баню топить // «истопи баню» // меня в баню // токо / значит / чтобы тепла была // кладет меня на кутник / где парятся / и виником / и читает молитву / чего она читала / это уж ее дело // и вот не то / чтобы меня парит / шлепает / а просто только надо мной водит виник // и вот она наделала шесть бань эдак // и последнюю баню она сказала делать // вот / значит / последнюю баню она истопили тамotka // и мужику наказала / «ты ее не встречай // она пойдет одна» //

и вот шла // вон там овраг / я дошла до этого оврага / и вот скажи / с крестов / вот это кресты называется / когда туда улица / сюда улица // и вот слышу / у-у / вот такой гул / гул такой / понимаешь // я / это / опешила / встала / и вот пыль на меня / пыль // трясет меня всю // гляжу / вот так собака сидит / так собака и так собака // три собаки // я одну собаку узнала // всё кричу / «Валет / нельзя / нельзя!» / оне в сторону отошли // я домой дошла / бежать / у меня ноги не идут // упала / уж мужик меня ждал // как дошла до крыльца-то // шлепнулась в дверьки и упала без памяти / без сознания // он меня втащишил //

«а утром / она сказала / придите парой» // утро пришло // говорю / «уж она велела придти нам с тобой» // ну что / поехали // она говорит / «ну вот ишишо бы три дня и ты бы ушла на

*тот свет / моя взяла» // старуха / моя / говорит / взяла //
а чего она делала / не знаю // вот / милая / надо ли врачей или
чѐ //*

В рассказе говорится о традиционном месте лечения — бане, помещении, связанном с потусторонними силами, здесь же присутствует обрядовый предмет — веник, магическое пространство — перекресток, животное — собака. В мифологической картине мира такие домашние животные, как кошка и собака, имеют амбивалентную семантику и могут выполнять демонические функции, являясь посланниками злых сил. В продолжении этого рассказа присутствует еще и мотив лечения водкой, которая наделяется в данном контексте магической силой.

*А когда ешио баушка меня лечила / то хозяину говорит /
«принеси бутылку» // принесет бутылку / наливает мне стакан //
«пей» // как воду пила // бутылку вынью и даже ни в одной гла-
зе // а вот когда пошло на лечение / налили мне стограммовку / и
всѐ // упала за столом // она говорит / «всѐ / пошло на лечение» //
а то / видимо / всѐ по костям расходилося // она сама прямо на-
ливала мне в стакан из бутылки водку / как она это делала / она
ж слепая / вот так берет в руку и льет / значит / Николай го-
ворит / «полный стакан» // «всѐ, пей» // я выпивала стакан / вто-
рой / третий // честно слово / вот крест Богом даю // когда стала
на излечение пошла / выпила стограммовку токо и тут же упала
за столом // она говорит / «ну всѐ теперя» // вот так // а я с тех
пор ношу крестик / антарь и ладан //*

Изучение диалектных текстов, описывающих различные слу-
чай, связанные с магическими действиями, позволяет выделить
пласт бытовых слов, обладающих «обрядовым» значением. Лишь
знание культурных реалий делает употребляемые в говоре слова и
выражения понятными для носителей другой ментальности: *пере-
говорить* ('прочитать заговор'), *подбросить шерсть, сделать, сде-
лать сорокоуст, сделать тороп* ('навести порчу'), *подсахарить*
*невесте, накормить в окрошке, напоить, сдувать с пицци, посы-
пать пишено, найти старуху* и др. Приведенные выражения не яс-
ны, если исходить только из языковой семантики. Представляется

крайне важным, изучая народные традиции, учитывать и описывать не только языковую, но и культурную семантику текста, обрядовый дискурс.

Значимой особенностью культуры Поветлужья является обязательная подача милостыни, сохраняющая актуальность до настоящего времени. Милостыня — важный атрибут всех основных моментов жизни: праздников, семейных и календарных обрядов. К ним относятся церковные праздники: Рождество, Троица, Пасха, дни поминовения усопших: родительские субботы, годовщины со дня смерти. Иногда в сенях избы делалось небольшое окошко, куда ставили подавание, предназначенное бедным и странникам. В названные дни было принято выносить подавание (еду, иногда деньги) на крыльцо, на перекресток, ставить на окошко в сенях, оставлять у колодца, куда приходит много народа. Этнографы, исходя из источников XVIII–XIX вв., делают вывод о том, что милосердие и подача милостыни нищим были свойственны русскому крестьянину повсеместно. Мы же столкнулись с этим явлением именно в Поветлужье. Кормление бедных сохраняется до сих пор. Здесь принято одаривать или угощать человека, приходящего в дом, так, нам в каждом доме что-нибудь подавали: хлеб или другую еду.

Распространенным в Поветлужье был обычай «первой встречи», заключающийся в том, что первому встреченному человеку следовало подать что-нибудь съестное (пирожок, кусок хлеба, конфету). Вот как подобный случай, произошедший во время Великой Отечественной войны, описывает В. А. Владимиров, 1916 г. рождения (Варнавино, запись 2002 г.): *Иду по полю / идёт женщина / вот // мне / как принято в народе / первому человеку давать пирожок / сдобный дала // а в то время это было деликатес //*

Подобное происходило и при похоронах: первому человеку, встреченному процессией за околицей, следовало подать узелок «первая встреча», в котором была пища и обязательно иголка с ниткой. Иголка в данном случае выступает как оберег, защищающий от воздействия смерти, а поскольку иголку во многих местностях не принято давать *голую*, она подается с ниткой. Получить «первую встречу» считалось хорошим знаком, взявший ее должен был по-

мянуть покойного. Такое одаривание во время похорон отмечалось во многих местах России: Архангельской, Ярославской, Владимирской, Костромской, Нижегородской, Новгородской, Пензенской обл. Однако не характерно для Вологодской обл., кроме Белозерья, которое исторически связано с Новгородом [Кремлева, 681]. В Полесье краюху хлеба давали первому встречному, когда шли крестить ребенка, а на Русском Севере одаривали встречного, когда шли поминать усопших родственников [Валенцова, 195]. В Поветлужье вообще было принято одаривать первого встречного. Он представлялся лицом, посланным свыше, знаком судьбы, а подношение ему являлось жертвой, задабриванием судьбы, т. е. сам ритуал можно рассматривать как своего рода оберег. В сознании крестьян дарение «первой встречи» при похоронах осуществляется для того, чтобы покойному простился самый тяжкий грех.

Известен и особый обычай *тайной милостыни*, как правило, на 40 или какой-то другой поминальный день, её кладут ночью, чтобы никто не видел, кто ее положил. Она предназначена для поминания всех усопших, которым за это также прощались тяжкие грехи.

Вероятнее всего, все виды подаяния, принятые в Поветлужье, можно расценивать именно как жертву, которая выполняет защитную функцию, потому и пищу оставляют в периоды, значимые для семьи, рода, причем в «опасных» местах: на перекрестке дорог, на пороге, на кладбище. В этом обычае просматривается древний культ предков, которые могут как помогать, так, в случае неуважения со стороны живущих, и наносить ущерб, вредить им. Еще в XIX в. во многих губерниях пища выставлялась на улицу для душ умерших, в ряде мест первый блин, испечённый на Масленицу, подавался нищим [Пропп, 21–23]. А современные люди, выставляя еду, воспринимают этот ритуал как дань традиции, не думая о его глубинном смысле, руководствуясь бытовой формулой «так надо».

Судя по этнографическим источникам, в 18–19 вв. в России было 140–150 различных праздников, сюда входили государственные, христианские, аграрные, семейные. Праздники являлись важной составляющей крестьянской жизни и противопоставлялись будням в первую очередь наличием запрета на работу. И хотя народный ка-

лендарь опирается в основном на христианские праздники, само отношение к празднику имеет языческие корни (Пропп; Славянская мифология 2002).

На церковные праздники распространялся запрет на работу, в случае невыполнения этого условия, по представлениям крестьян, нарушившего ждали печальные последствия, о чем и свидетельствует один из рассказов жительницы Поветлужья А. И. Антоновой 1909 г. рождения (д. Лубяны Варнавинского р-на):

*Вот отец мой и я шли с Лапианги / а его товарищ с женой мечут стог сена // мой отец и говорит / «Иван Семёнович / дружка // ведь сегодня Казанская / стога-те не мечут / очень опасно / может сгореть» // «ну да / это пустяки» // надвигатся облачко чёрной / токо успели слезть со стога-то / как грянуло / так прямо в стог и стог-то пыхнул // вот оглянулись / идем // говорит Ваня // «батюшки / стог горит» // вот это уж не враки / **в Казанскую стоги метать нельзя** //*

Особое значение в крестьянской среде имели престольные, или храмовые праздники. Гуляния в этих случаях отличались многолюдностью: на них приезжали родственники, знакомые со всей округи и гостили от одного до нескольких дней. Семейные праздники справлялись обязательно, даже в том случае, если хозяева тратили на его проведение последние копейки.

Все эти черты сохранились в Поветлужье, где праздникам по-прежнему уделяется большое внимание, начиная от узко семейных до современных общегородских, все они отмечаются с размахом, с приглашением множества гостей.

Как вспоминают старожилы, каждая деревня имела свой престольный праздник, порой два. На этом фоне поселение, не имеющее такового, выглядело неполноценным и его жители не могли мириться с подобным положением. Рассказывает Н. Ю. Козырева 1948 г. рождения, библиотекарь из д. Зяблицы Варнавинского р-на:

В каждой деревне был праздник / свой престольный праздник // в Зяблица / значит / была Никола / это 22 мая и Петров день 12 июля // два праздника было в Зяблицах // в Прудовке была Девятая пятница / от Христова дня считали // и значит / ну в

каждой /каждой деревне / кроме Звернихи // в Звернихах не было // Зверниху обделили праздником // теперь это стало центральной усадьбой // ну вот эта Зверниха за быка покупала праздник / чтобы в деревне тоже был престольный праздник // в Зяблицах было два праздника / может еще в какой деревне было два праздника // и вот они купили за быка // а раньше-то как деревня / так и колхоз / как деревня / так и колхоз / или там две деревни // вот **они отдали в ту деревню быка / им отдали праздник // вот они купили / Иванов день / это вот 10 сентября** (в действительности это 11 сент. — день усекновения головы Иоанна Предтечи). *И к этому празднику уж как готовились // мыли / уж весь-то год копили денежки на этот праздник // собирали всю родню / приглашали // а народу / народу в деревне гуляло / это ужас // в гости в эту деревню приходила вся молодежь //*

мы еще были маленькие // мы садились или на бревнышки и смотрели // идет ряд // девушки, парни / потом опять девушки // гармонист / каждый ряд поёт что-то своё // в кругу собираются, пляшут // такие там эти // кто-то кого-то побил / прибил // а вот у нас было в мае / цвела черемуха // и вот девушки с черемухой размахивают // гармонист идет вперед // ой / до чего ж было хорошо посмотреть на эти праздники // потом мы и сами подросли и ходили на Девятую пятницу / в Вознесенском — Воскресение // молодежь вокруг костров / покровитель моря Никола и на этот праздник пекли рыбные пироги в Лапианге //

Во многих деревнях продолжали справлять храмовые праздники и тогда, когда церкви были разрушены, так как такие праздники превращались в территориально-соседско-семейные, что и способствовало их сохранению [Полищук, 607]. В самом Варнавине (поселке городского типа) отмечали и продолжают отмечать местный праздник — день св. Варнавы, называемый *годиной*, несмотря на то что храм, посвященный ему, был разрушен в годы советской власти, и лишь недавно построена небольшая деревянная церковь. О традиции праздновать деревенские *годины* в Варнавинском районе пишут и этнографы, подчеркивая, что «в начале XX в. именно пиры нередко были главной сутью годин» (Там же, 613).

В большинстве деревень не прекращалась традиция отмечать двенадцатые праздники, особенно ярко отмечались Рождество, Пасха, Троица. Во многих местах на Святках было принято гадание и колядование: группы ряженой молодежи ходили из дома в дом с песнями и пожеланиями благополучия хозяевам, за что их щедро одаривали. Этот ритуальный обмен «дарами» (с одной стороны, в вербальной форме, с другой — в вещественной) имеет древние корни — он типичен для архаических обществ и отражает способ задабривание сверхъестественных сил с целью обеспечить процветание живых [Виноградова, Толстой, 215].

Свадьба, один из главных семейных праздников, обязательно справлялась несколько дней: от 3 до целой недели. Даже если денег у семьи не было, их занимали, хотя впоследствии приходилось расплачиваться за это в течение нескольких лет. Необходимо было приготовить несколько ведер браги, созвать огромное количество народа. В свадебном обряде по-прежнему остается важным сватовство (*пропой*) и застолье.

Достаточно полно в Поветлужье сохраняется похоронный обряд, осмысляющий наиболее значимое порубежное событие — переход (возвращение) человека в иной мир. Ритуал включает в себя следующие обязательные компоненты: причитание, кормление покойника, собирание его «в дорогу», «первую встречу», одаривание присутствующих на похоронах (платками, ложками, стаканами), трапезу с поминовением усопших по определенным датам (2, 9, 20, 40 день, полгода, год, три года). Но описание похоронной и свадебной обрядовости требует отдельного разговора.

Из признаков, характеризующих традиционную жизнь Поветлужья, в других обследованных областях засвидетельствованы не все. Так, в говорах Архангельской обл. (по материалам Е. В. Колесниковой) хорошо сохраняются три компонента: суеверие (знахарство, наведение порчи, вещие сны, общение с покойниками, мифологическими существами и др.), обязательное празднование деревенских престольных, а также общецерковных праздников, точное соблюдение похоронной обрядности.

В северо-западных говорах (Новгородская, Псковская обл.) и

говорах русско-белорусского пограничья (Витебская обл.) представлены лишь две черты: стойкое суеверие и похоронная обрядность. При этом большинство праздников, связанных со старой деревней, ушло, так как в большей степени, чем на севере и северо-востоке, был разрушен традиционный быт, хотя остались многочисленные свидетельства о том, как отмечались праздники до Великой Отечественной войны. Здесь удерживаются лишь отдельные компоненты аграрных и церковных праздников. Так, одним из важных событий года для западных и северо-западных регионов является день Иоанна Крестителя, 7 июля (ст. ст. 24 июня), именуемый в народе Иван Купала (Иван-Цветной, Иван-Травник): накануне праздника женщины и девушки собирали цветы и травы, крапиву или репейник (деды) развешивали в избах и дворах, чтобы отогнать нечистую силу; в ночь жгли костры, прыгали через них и купались.

Таким образом, черты, свойственные архаической картине мира, представлены по-разному в культурных диалектах разных территорий, из обследованных нами диалектов наиболее полно они были зафиксированы в Поветлужье. Изучая особенности традиционной культуры, этнографические и лексико-семантические явления в народных говорах, важно опираться не только на толкования отдельных слов и выражений, но и на диалектные тексты различных жанров, так как именно в них получает отражение обрядовый дискурс.

Литература

Агапкина Т. А. Топика восточнославянских заговоров (истоки и параллели) // Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов. М., 2008. С. 345–364.

Валенцова М. М. *Первый* в славянской традиционной культуре // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 192–208.

Варнавинская старина. Очерки истории Поветлужья. — Нижний Новгород, 1993.

Виноградова Л. Н., Толстой Н. И. Древнейшие черты славянской народной традиции // Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 196–222.

Кремлева И. А. Похоронно-поминальные обычаи и обряды // Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX вв. М., 2001. С. 661–705.

Левкиевская Е. Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М., 2002. 334 с.

Полищук Н. С. Местные праздники // Русские. М., 1997. С. 602–615.

Пронн В. Я. Русские аграрные праздники. М., 2004.

Славянская мифология. Энциклопедический словарь, 2 изд. М., 2002. 512 с.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Фольклор Новгородской области: история и современность. М., 2005.

Признаки речевой активности

(на материале беседы со 100-летним информантом)

А. Д. Черенкова

Язык является связующим звеном между мышлением и окружающей действительностью. Мышление индивидуально. Язык по отношению к мышлению является объективно существующей субстанцией. Однако речь каждого как с содержательной точки зрения, так и в плане владения языком сугубо индивидуальна. Диалект как особая форма существования языка также представляет собой передающуюся из поколения в поколение традиционную языковую систему, и каждый диалектоносите́ль пользуется диалектом по-разному.

Тематическая разноплановость, логика рассуждения, выразительность и др. качества речи обуславливаются генетически развитым уровнем мышления, уровнем образованности и опытом общения, что в свою очередь во многом обеспечивается степенью социальной активности индивида, профессией, возрастом, полом и др. показателями. Опыт работы собирателя диалектного материала в полевых условиях предоставляет большие возможности убедиться в этом на практике. Речь информантов, с которыми мы работаем в диалектологических экспедициях, иногда нас восхищает, иногда удивляет, иногда расстраивает. В данной работе мы произведём анализ речи одного диалектоносителя с содержательной точки зрения, которая и удивила и восхитила нас одновременно.

Какую бы цель ни преследовал собиратель во время диалектологической экспедиции, он неминуемо обращается к жителям старшего поколения. Причём чем старше информант, тем он ценнее в

плане сохранения в его речи традиционного диалекта и в плане сохранения этнологического материала, элементов материальной и духовной культуры социума, представителем которого он является, что очень важно, в свою очередь, для сбора лексики по тематическим группам, по изучению активного и пассивного запаса слов и др. параметрам. И как часто бывает трудно найти среди жителей старшего поколения хорошего информанта. Болезни, особенно слабоумие, не позволяют обычно перешагнуть 80-летний рубеж. Очень редко встречаются люди и в этом возрасте в здравом уме и твёрдой памяти. Но бывают и счастливые исключения.

В 2009 году нам удалось провести полуторачасовую беседу с Ольгой Сергеевной Гостевой, которой в то время исполнился 101 год.

Тогда она жила в селе Тагайка Терновского района Воронежской области.

Деревня Тагайка находится в 22 км к югу от Терновки и в 222 км от г. Воронежа. Как пишет В. А. Прохоров, эта деревня основана крепостными крестьянами в 1760-е годы. Название произошло по небольшой степной речке Тагайке, которая вблизи населённого пункта имела изгиб, напоминающий подкову (ср. тюрк. со значением 'подкова' «такау» < «тагау») [Прохоров, 314]. Эта же информация повторяется и в работе С. А. Попова [Попов, 248]. Народная молва гласит, что деревню основал некий татарин по имени Тагай, или Тагал, как его называет житель села С. Г. Мурашов, что вряд ли соответствует истине. Деревня расположена на берегу реки Тагайки, поэтому вывод о гидронимическом происхождении названия напрашивается как само собой разумеющееся.

Об истории сельского поселения известно немного. В музее Костино-Отдельской средней школы хранятся сведения, добытые учителем истории М. И. Берестневой в архивах Тамбовской области, в которых говорится, что деревня возникла на земле, «пожалованной генералу Арбеневу». Небольшой участок этой земли приобрёл захудалый помещик Анучин, который перевёл сюда в период между 1760 и 1770 гг. 5 или 6 семей крепостных крестьян. В канун отмены крепостного права в деревне было уже 25 дворов и 171

житель.

Сохранились данные о грамотности в деревне за 1880-й год. Несмотря на то что школы в Тагайке не было, здесь проживало 13 грамотных людей, которые учились читать и писать у отставных солдат и монашек.

Со слов старожил, Тагайка была расположена по Астраханскому тракту, по которому гнали скот из Астрахани в Москву. В деревне было 2 постоянных двора, где отдыхали перегонщики. Скот при этом загоняли в специально ограждённые места.

По воспоминаниям жителей, село всегда делилось на 2 части, видимо, к концу XIX — началу XX в. оно принадлежало уже 2-м помещикам. Кроме того, по селу проходила граница между Воронежской и Тамбовской областями в советский период. Так до сих пор и разделяют деревню на Поштево (Поштино) и Кашаевку. Происхождение этих названий нам выяснить не удалось.

В настоящее время село является бесперспективным, вымирающим, в котором живут только пенсионеры. Единственным достоянием цивилизации является асфальтированная дорога, построенная, видимо, по ошибке в годы советской власти. По меткому выражению жительницы села, чего в Тагайке только нет: нет ни магазина, ни школы, ни больницы, ни почты — ничего нет. Хлеб им 2 раза в неделю привозит глава Костино-Отдельской сельской администрации, в то время (2009 г.) Г. И. Кавешников.

Итак, О. С. Гостева родилась в 1908 г. Несмотря на почтенный возраст, она сохранила здравый ум и твёрдую память. Речь Гостевой мы рассматриваем как дискурс, некую субстанцию, репрезентантами которой являются различные виды связи её с окружающей действительностью и и её собственным психофизиологическим состоянием. Судим мы об этом по способности реагировать на реплики собеседника во время диалога и по содержанию самих высказываний — ответов на соответствующие вопросы.

Анализируя речь информанта, мы выделили несколько репрезентантов дискурса, отражающих и уровень мышления, и уровень развития речи.

1. Социальный репрезентант «трудная жизнь» заключается в таких ключевых минитекстах, как: [*а какúй дóч'к п'ир'ижы́тък п'ир'ижы́ла // ка́да муш пау'ип / хаты н'и было́ / сын с а́рм'ии пр'ишо́л / стрóилс'и / адна́ уо́р'а*]; [*рабо́тъл'и ф калхо́з'и / нь с'иб'е снапы́ таска́л'и в вайну́... // а э́т'и д'ифч'о́нк'и был'и / снапы́ н'и ум'ел'и клас'т' // но мы их и уч'и́л'и / по тр'и снапа́ // тр'ина́цэт' снапо́ф ф хр'ис'т'е́ / от ан'и́ клал'и снапы́ // п'ир'жыва́л'и и д'е́т'и с мно́йу / адна́ уо́р'а*]. Своеобразным рефреном такого рода высказываний являются выражения «адна́ уо́р'а», «плóхэ п'ир'жыва́ла», «п'ир'ижы́тък бал'шо́й», символизирующие трудную жизнь, тяжкий, изнурительный труд.

На вопрос, что ели во время голода, ответила: [*о-о-о / ш'ш'ав'ил' / дэ жалу́тк'и* (имеются в виду жёлуди. — А.Ч.) / *фс'о же́л'и // в л'асу́ па́дъл'и*].

2. Морально-этический репрезентант «законопослушность: не воровать, ничего не брать без разрешения государственных чиновников» представлен в таких текстах, как: [*дом стрóил'и из л'эсу́ / из л'эсу́ / из л'эсу́ ваз'ил'и / трудо́нь ваз'ил'и / тада́ стрóу́ь было́ // вайенкама́т жа́л'ил'с' же́з'д'ила / даку́м'ьн тада́ ап'и́шут' / шоб рьзр'ишы́л'и ба пр'ив'ес'т' л'эсу́ / так пр'иваз'ил'и // плóхэ п'ир'жыва́ла*].

3. Индивидуально-психологический представитель дискурса состоит, несмотря на весьма преклонный возраст, из нескольких компонентов: адекватная реакция на окружающую действительность, желание жить, эмоциональная полноценность. Её речь насыщена подобного рода репрезентациями: [*сы́н уш по́м'ьр маладо́й // м'ин'е б на́дэ пьм'ир'эд' ба // а фс'о равно́ дóч'к / ско́л'к н'и жы́в'ош / на б'елэм св'е́т'ь жы́т ахо́та*]. Несмотря на свой возраст, Ольга Сергеевна не потеряла интереса к жизни, следит за собой. Как только я достала видеокамеру, сразу же засуетилась, поняла, что я собираюсь делать, позвала свою дочь и попросила её принести новое платье, сменить платок. Смотрясь в зеркало, запричитала: [*ох дурна́йя // ух ста́р'ьйя какáйя*]. Подготовка к съёмкам была достаточно долгой: [*дава́й та́пк'и / же́с'л'и ан'и́ пал'эзут' / а то н'и пал'эзут'... // как'и́й пра́сто́рныи там / зой / от тут*

ид'ей-та цв'атастыи]; [л'уб'ила нър'ижáциць / дóч'ка / л'уб'ила нър'ижáциць]; [как мн'е рúk'и лúч'шы слажýт']; [л'убл'у кóл'цы / да и ч'асы л'уб'ила / нас'ила брóшк'и / жыр'элк'и / кóл'цы / фс'о]; [о / доч'к / харóшуу б м'ин'е с'н'ат' / мýладуý].

4. В речи О. С. Гостевой легко вычленяется и культурологический компонент, репрезентирующий глубокую нравственность информанта, христианские ценности: [дóч'ка / н'ир'жыла́ // çаспóд' д'эржа дь кáйх пор зь маýу пръвату́ / зь маýу слъбату́ // н'и с к'ем н'и рууáльс' / н'икадá штоб с сас'едъм пърууáциць / у м'ин'е пр'ивыч'к'и н'ет // фс'ем уважáла фс'у жызн'у]. После войны на предложение познакомиться с женщиной, чтобы устроить её личную жизнь, ответила отказом: [н'и хач'у́ д'ит'ей м'ин'ат' // жын'их был у́рацкóй // тр'и д'ит'а́ у м'ин'а́ / нь какóвъ-тъ д'ат'ку м'ин'ат' // н'ет-н'ет-н'ет-н'ет / н'и б́уду / ја дáжы аб'ид'илъс' / çр'у / пól'a / ја нь т'иб'а́ аб'ид'илас' / н'икакóва жын'ихá мн'е н'и нáда / и фс'о / н'и хач'у́ // н'и дай бох / н'и нужóн // рас çаспóт' н'и дáл п'арвá мýжа / вáйна / вáйна уб'ила / фс'о / н'и изм'ин'ила д'ит'ей сваих / н'ет / н'и хач'у́]. Ольга Сергеевна всегда готова положительно характеризовать других людей. О погибшем на войне муже отзывается так: [быйавóй был / быйавóй был / о-о-о / ја н'и думъла / шоб он пау'иб ба / а он пау'ип // он на п'урдавóй и нь п'урдавóй / и вот пау'ип // а кто ззád'и / ан'и астáл'ис' жывы́йа]. С благодарностью говорит о брате и своих детях: [так'их в м'ир'и н'и найд'ош брат'jóф / дь анá и дъч'ир'ей так'их н'и найд'ош / анá б давнó ујэхъль / здарóв'ја н'ет / а вóзл'и мáт'ър'и крúт'ицица / б'ыз здарóв'ја (о своей дочери, которой тоже уже 80 лет. — А.Ч.)].

5. Этнографический репрезентант речевой активности представлен в воспоминаниях о свадьбе, об одежде. На вопрос, кто приходил свататься, Ольга Сергеевна вспомнила: [брат пр'ихад'ил јавó ж жанóйу / ж жанóйу / м'ихáл с'им'óныч' с кумóй óл'кэй / вдвајóm]; [пад мáтку сажáл'и // пад мáтку за стóл сажáл'и // а патóm мат' с ациóm / эт уш патóm бóуу мал'ициць пр'ихóд'ут' / и жын'их пр'ихад'ил / и фс'е мал'ил'ис' бóуу]. На вопрос, как одевались, ответила: [о-о-ой / шьбалáтыи хад'ил'и... / ад'ин платóк

был // на лух нашл'и вароч'ит' траву / потныи // пр'ид'оши / пь-
 ласкаши дь пакрoши / а ш'и'ас уш н'и знаяш / какой платок
 накрыт' / слава богу]; [плат'я был'и / в'ин'ч'ал'ныи была
 бат'иствьей у м'ин'е была б'елья плат'я]. Отвечая на во-
 прос, какие юбки тогда носили, О. С. Гостева наше время сопо-
 ставила с тридцатыми годами: [ды как'иуи ан'и / эт ш'и'ас вот
 бох ых зная как'иуи // тада прастьи јупк'и был'и / сат'инвыи //
 сат'ин бол'иш / сат'ин был // эт ш'и'ас уьсударства д'ержыт'
 ч'удоч'ек / пад'д'ержывьит']; [пан'овы / н'ет / у нас так н'и на-
 зывал'и].

6. Богато представлен и исторический аспект. Ольга Сергеев-
 на помнит барина: [бар'ин / а как жа / језд'ил'и / от ид'е ол'х'и /
 тут мы клубн'ику съб'ирал'и // сабрал'и фс'у з'ил'онью / а он нас
 праунал // ... а патом пьпрас'ил'и / ды крич'ал'и // уьвар'им / мы
 думьл'и фс'у надр'ат / а патом астав'ил нас // ..абјисн'ил], кол-
 хозную жизнь, войну [н'емцы / н'емцьф тут н'е былъ / н'емцьф
 н'и в'идал'и // выкуирьвныи л'уд'и был'и / а н'емцьф н'и в'идал'и];
 [о-о-о / астальс' адна / адна астальс'а / муш пау'ип / а ја адна
 астальс'а / уул'а н'и былo]; [уольд был / вайна была // ... плoхъ /
 п'ир'ижытк бал'шой / доч'к / п'иржывала / уольт был / фсо
 п'иржывалъ] и др.

Таким образом, речь О. С. Гостевой богата с содержательной
 точки зрения, показательна в плане индивидуально-психологиче-
 ской и информативна с точки зрения использования в ней языковых
 средств: почти во всех случаях в ней в чистом виде представлены
 особенности тагайского диалекта. При сопоставлении речи Ольги
 Сергеевны с речью других жителей села выяснилось, что в её речи
 отсутствует социально-политический репрезентант речевой актив-
 ности. О. С. Гостева живёт прошлым, современные процессы на
 селе она или не в состоянии оценить, или не хочет в этом участ-
 вовать. Беседы с другими информантами этого села начинались ис-
 ключительно с оценки современного состояния сельского хозяйства
 и, прежде всего, положения в их селе.

Литература

Попов С. А. Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин: Монография. Воронеж, 2003.

Прохоров В. А. Вся Воронежская земля: краткий историко-топонимический словарь. Воронеж, 1973.

Лексика по теме «Нравственная характеристика личности» в самарских говорах

Н. Ю. Баженов

Объектом данного исследования является лексика русских говоров Самарского края. Диалектологические сведения, на которых базируются наши наблюдения, были собраны экспедициями преподавателей и студентов СамГПУ/ПГСГА в 2006–2011 гг. Большую часть этих материалов составляют ответы на вопросы программы ЛАРНГ по разделу «Человек» (231 вопрос), полученные экспедициями в следующих селах области: Давыдовка Приволжского р-на (далее – Д), Крепость Кондурча Шенталинского р-на (КК), Криволучье-Ивановка Красноармейского р-на (КИ), Муранка Шигонского р-на (М), Новый Камелик Большечерниговского р-на (НК), Печинено Богатовского района (П), Тимашево Кинель-Черкасского р-на (Т), Украинка Большечерниговского р-на (У). Использовались также личные записи, сделанные в 2011 г. в с. Мосты Пестравского р-на (Мс). Все указанные говоры являются акающими (среднерусскими и южнорусскими), за исключением одного села, в котором бытует владимирско-поволжский окающий говор (Крепость Кондурча). Выборка составила 394 лексические единицы.

Данные самарских диалектологических экспедиций показали, что, несмотря на известные трудности её фиксации, лексико-семантическая группа (ЛСГ) «Нравственная характеристика личности» в диалектном языке отличается богатством и разнообразием, входит в активный словарный запас. Активное использование диалектной лексики, в которой закреплена народно-разговорная характеристика «внутреннего» человека, традиционно связывается диалектологами

с экстралингвистическими факторами: «Черты характера, свойства натуры, модели поведения человека в обществе настолько многообразны, что необходимо большое количество средств для их вербализации» [Гурская, 189]. Между тем эта лексика ещё не получила достаточного освещения в научной литературе.

Цель нашего исследования заключается в предварительном обзоре и общем лексико-семантическом и словообразовательном анализе диалектной лексики, входящей в раздел программы ЛАРНГ «Человек» и ограниченной рамками темы «Нравственная характеристика личности».

Особое внимание уделялось именам существительным и прилагательным, которые характеризуют внутренние качества человека. Всего мы насчитали 179 существительных (45% от общего количества), 158 прилагательных (40%) и 57 глаголов (15%). Преобладание существительных и прилагательных очевидно, ведь именно они обозначают и характеризуют внутренние свойства человека как устойчивые, постоянные признаки, присущие конкретному индивиду; в то время как глаголам свойственно обозначать проявление этих признаков. Таким образом, именно существительные и прилагательные составляют ядро данной лексико-семантической группы.

Проанализированный материал показывает, что данную ЛСГ составляют диалектные слова словообразовательного, семантического и собственно лексического типа. Они характеризуют человека по особенностям поведения, чертам характера, личностным характеристикам и т. п. — словом, по тем качествам, которые отличают человека «внутреннего» от человека «внешнего». Значительная часть слов имеет прозрачную внутреннюю форму, что характерно для диалектной лексики. Например, говоруха (У), ревун, реву́нья и хны́кса (КК) ‘плакса’, обсудник (У) ‘сплетник’, горлопáй, горлопáнка ‘крикун, крикунья’ (П), надо́еда ‘надоедливый человек’ (Мс), глупе́нь (КК), глупе́ец (П) ‘глупый человек’, головáн ‘умный, сообразительный человек’ (У, П), гордун ‘гордый человек’ (У), добродéтель ‘благодетель’ (М, П), дога́дчик ‘умный, догадливый человек’ (КК), домáч ‘трудолюбивый, хозяйственный человек’ (У), злю́га ‘злой человек’ (Мс), завидник ‘завистливый человек’ (КИ,

КК), сорóмник ‘бесстыдник’ (У) и мн. др.

Наименования, характеризующие лицо по его внутренним качествам, дают представление о нравственных ценностях русского человека. При этом, как показывает анализ фактического материала, чаще в народной русской речи встречается не прославление хороших качеств, а осуждение негативного поведения, склонность человека к пагубным привычкам: из 394 слов только 46 имеют положительную коннотацию, что составляет всего 12% от общего количества. Это можно объяснить особенностями менталитета русского человека, отличающегося скромностью и имеющего большую склонность к осуждению, нежели к восхвалению. Как справедливо считает С. Л. Гурская, «указывая на негативные свойства характера, на предосудительные модели поведения, носители говоров придают большое значение нравственности» [Гурская, 189].

Носителями диалектов среди прочих выделяются такие негативные свойства человеческой природы, как лень (ва́линь У), безхозяйственность (бездомóвка Д), а также злобность (злю́га Мс), завистливость (зави́дник КИ, КК) и чванливость (засна́й, засна́йшица КК). Особенно выделяется и осуждается склонность человека к пагубным привычкам: к обжорству (прожо́ра КК), к пьянству (пропива́ла, оторо́шник У) и гулящему образу жизни (беспу́тник Д, М, У), а также бесстыдное поведение (сорóмник У) и порочный образ жизни (гуле́на ‘распутница’ Д). При этом наиболее ценятся ум, сообразительность и смекалка (головáн У, П; дога́дчик КК; мозговáтый У), трудолюбие и хозяйственность (домáч У), а также умение выразительно говорить (басли́вый, речы́стый КК). Так, из контекста видно, как высоко ценятся проявления доброты и участия, особенно по отношению к старшим: «Хажáалка у миня из миласердия/ана у миня убираеца/за мной ходит/жела́нная/внимательная» (Мс). В то время как люди неприветливые и негостеприимные наделяются неодобрительными характеристиками: «Фу/какой неприи́мчивый/гаварили вслед дяде // ну не любил гостей/ну что ж паделать» (Мс).

Среди отрицательных характеристик человека чаще всего вербализуется **назойливость, надоедливость** (11 единиц): докучник,

липун, надоёдник (все — У), надоёда (Мс), *назольник*, назольница, навяза (все — КИ), докучница (П), назолистый (Мс). Словами настёрник и настёрница (КК) характеризуют неугомонного и навязчивого ребёнка.

Немало слов содержит оценочные характеристики **ленивого, медлительного** человека: *ва́линь* (У), *потягúша* (КК), *опромётка* (СМ), а также прилагательные: *ва́ловый* (У), *лénный* (КИ), *лодырный*, *лежебокий*, *кво́лый* (все — КК). Эти 8 слов совпадают в количественном отношении с наименованиями/характеристиками **бесхозяйственных** людей: *беспúтник* (Д, П), *бездомóвник*, *бездомóвница* (оба — КК), *бездомóвка* (Д), *непúтница* (П) и *недомóвник* (СМ) называют плохих хозяев и хозяек, а прилагательные *бездомо́вой* (П) и *недомо́вный* (У) обозначают бесхозяйственных людей. Слова *домóвник* (КК), *домовни́к* (Мс), *домáч* (У), а также *гонóшистый* (КК) характеризуют **трудолюбивого, хозяйственного** человека. Слово *домáха* (КК) обозначает хорошую хозяйку. Все эти обозначения можно объединить в единую ЛСГ ‘Характеристика человека по его отношению к труду’. Семантическим центром данной ЛСГ является оппозиция ‘трудолюбие — лень’, причём с количественным преобладанием отрицательных характеристик (16 из 21).

Как видно, отношение к своему хозяйству и к труду вообще являются немаловажными характеристиками личности в глазах носителей диалекта, что объясняет многочисленность примеров и широкое распространение данных слов.

Широко представлены обозначения **скупых и алчных**, а также **завистливых** людей: *зажимо́х* ‘скупой человек, скряга’ (У), *жмо́да* (КИ), *жадо́бна* (Т), *ска́редник*, *скава́льжник* (оба — Мс), *крохобóр* ‘скупой человек’ (НК), *завидúщий* (КК), *завидник* ‘завистник’ (КИ, КК) — всего 8 слов. Разнообразии примеров свидетельствуют о широком распространении их в диалектной среде.

В количестве 7 единиц представлены оценочные лексемы, обозначающие **злых и ехидных** людей, образованных аналогичным способом от общеупотребительных основ *зл-*, *ехид-*, *лих-*: *злю́га*, *м. и жс.* (Мс), *ехидник*, *м.* в знач. ‘злой, ехидный человек’ (М, КК),

ехідница, жс. (КК), лихомán, м. ‘злой человек, мошенник, обманщик’ (У) и лихомánка, жс. (КК). Также присутствуют единичные случаи семантических диалектизмов (ка́верза ‘человек, делающий вред другим, приносящий неприятности’ КК) и собственно диалектных слов: оха́йщица ‘насмешница’ (КК).

Ряд слов характеризует человека по его умственным способностям. Важной особенностью является то, что лексемы, характеризующие умного человека, более разнообразны по семантике, нежели характеристики **глупого** человека, такие, как долдо́н (Мс), глупее́ц (П), глупе́нь, дуботёс (оба — КК), малоу́мок, безмозглова́тый (оба — П). Слова же, несущие положительную оценку, содержат более широкий спектр значений и имеют более сложную семантическую структуру: голова́н (У, П) ‘умный человек’, дога́дчик ‘догадливый, сообразительный человек’ (КК), разу́мница (КИ) ‘грамотная и сообразительная женщина’, а также до́брый в значении ‘умный, дельный’ (М) и мозгова́тый (У) ‘умный, сообразительный’. **Сообразительный, находчивый** человек может характеризоваться как придумчивый (КИ, КК), а словом неве́жий (КИ, Мс) называют **необразованного и неотёсанного, грубого** и часто **глупого** человека. Таким образом, число обозначений, несущих отрицательную характеристику личности, ненамного превышает число противоположных им положительных наименований (7 к 6). Подобное соотношение обусловлено, по-видимому, небольшим количеством зафиксированных лексем.

Отрицательный оценочный компонент содержат в себе наименования **гордых** людей: гордя́чий, гордова́тый (оба — М), горду́н (У), кочевря́жный, кочевря́жник, кочевря́жница (все — КК) (6 слов). Диалектными синонимами понятиям **щёголь** и **франт** являются форсу́н (Д, Т), фольсы́к, фольсу́нья (оба — НК), нарядник (НК, У), нарядница (У). Общепринятому слову ‘нарядный’ в диалектной речи соответствует слово фо́рсный (Д).

При обозначении **грубых, невоспитанных**, а также **задиристых** и **сварливых** людей используются слова вздо́рник ‘любитель ссориться, вздорить’ (КИ), заце́па ‘задира, забияка’ (НК), хаба́лка (П). Словами зазна́й, зазна́йщица (оба — КК), хвальби́шка (Д) мо-

гут назвать **хвастуна**, **бахвала**. Все они выражают отрицательную оценку обозначаемого лица.

Немало слов (44) насчитывает ЛСГ «Характеристика личности по речевому поведению и качествам, проявляющимся в речи». Данная подгруппа слов очень разнообразна в плане семантики.

Это выражается в том, что некоторые слова могут иметь несколько значений, и, следовательно, в неоднородности оценок. Так, слова балабóл и балабóлка могут обозначать как болтуна (болтунью), так и шутника (шутницу) (Мс), а слово балагúр помимо красноречивого и занятого человека может обозначать также шалуна, озорника (У). Слово же болтовнѣ может обозначать как просто болтуна, так и лгуна, обманщика (КИ). Исходя из значений выявленных лексем, можно сделать вывод о том, что при характеристике человека могут использоваться как его собственно речевые характеристики, так и содержание его речи. Например, того, кто любит громко разговаривать или кричать, носители диалекта могут охарактеризовать как ора́стый (Д), зевла́стый (М), горла́ч (НК), *горлопáй*, *горлопáнка* (оба — П), а на **болтуна**, т. е. на человека, который *много* говорит, указывают такие слова, как *балабóл*, *балабóлка* (Д, КК, НК, Мс, У), *балабóн*, *бала́сник*, *бала́сница* (все — КК).

В данной подгруппе также прослеживается довольно чёткое разделение положительных и отрицательных наименований, с количественным преобладанием последних. Так, обозначениями **общительного**, **разговорчивого**, **красноречивого** человека служат следующие примеры: говорúха (У), людíмый (М), баслívый, речíстый (оба — КК), пова́дливый (Мс) — они характеризуют человека скорее с положительной стороны, нежели наоборот. При этом болтуны, пустословы и сплетники традиционно заслуживают наименований с ярко выраженным отрицательным оттенком. Так, оха́льник (М), брѣх (У), брехúн (КК), брехáла (КК) — характеризуют **лгуна**, а зубочѣс (У, КК) и обсúдник (У) — **сплетника**. **Ворчуны** часто именуются словами зазúда (НК), грызúн и грызúнья (КК).

Угрюмый и **мрачный** человек может быть наделён эпитетом насу́пистый (КИ). Наименования **плакс** (ревúн, ревúнья и хнѣкса; все — КК), а также **капризных** и **упрямых** людей — капризúха (Мс),

капризник (П) — чаще всего употребляются применительно к детям.

Единичными лексемами представлены обозначения **угрюмого** и **мрачного** человека, который может быть наделён эпитетом насупистый (КИ), а также наименования **замкнутого** и **необщительного** человека: нелюди́мок (КИ). Очевидно, что такие слова не могут нести в себе позитивной оценки.

Из положительных качеств в людях наиболее выделяется доброта. Обозначения **добро́го**, **заботливого** человека образуются чаще всего от основ, присутствующих в общеупотребительных словах *доброта*, *забота*, *жалость*, *желать*, *ходить*, а также от диалектных основ (*баж-*) путём суффиксации или сложения основ: добродéтель (М, П), добродéй, жа́лостник (оба — НК), желáнник, желáнница (оба — КИ), хожáлка (Мс), бажáнный (Мс), доброло́бчивый (КИ), забот́ный (КК) — всего 8 слов.

Таким образом, среди негативных свойств человеческого характера наиболее выделяются назойливость, леность, скупость, завистливость и неспособность вести хозяйственные дела. При этом в человеке больше всего выделяются и ценятся доброта, ум, хозяйственность и трудолюбие, а также умение хорошо говорить.

Единичными образованиями представлены характеристики **неприветливого**, **негостеприимного** человека (непримчивый Мс), а также человека, который умеет быстро входить в доверие к другим: подлабу́зник (НК). **Весёлый**, **смешливый** человек может именоваться словом гоготу́н (П, У). По-видимому, эти качества не являются основными в характеристике личности человека, поэтому редко заслуживают особого наименования.

Особую подгруппу составляют слова, несущие в себе характеристики людей, склонных к дурным привычкам. Несмотря на обширное количество лексем, входящих в её состав, мы считаем нужным отнести данную группу к периферии освещаемой тематической группы. **Бесстыдников** характеризуют слова срамни́к (Мс), соро́мник, позо́рник (оба — У); **пьяниц** и **гулящих** людей — гулёна ‘распутница’, латры́га ‘пьянчуга, бездельник, гуляка, пройдоха, процельга, мошенник’ (оба — Д), беспу́тник (Д, М, У), пропóйца (У, НК), пропивáла, оторо́шник (оба — У), побегу́н (Мс).

В бытовом общении особую характеристику получили **люди, которые любят поспать**: сону́ля (М, Т), дрѣхала (У), засо́ня (КИ, КК, Мс). При обозначении **изнеженного, избалованного** человека помимо литературного *неженка* употребляется диалектное *нежень* (У). Специальное обозначение имеют **люди, которые любят вкусно поесть**: лизу́н в значении ‘сладкоежка, лакомок’ (У), сласте́нник (КК, Мс). Ярко выраженная негативная коннотация прослеживается у слов, именующих человека, невоздержанного в еде, **обжору**: прожо́ра (КК), прогло́т (КИ, НК); характеристику таких людей дополняют прилагательные: жо́ристый (КК), обжо́ристый (П), обжо́рчивый (Мс).

На основании перечисленного можно сделать вывод, что диалектные названия лиц по проявлениям их внутренних качеств чаще всего являются оценочными и в большинстве случаев передают отрицательную характеристику. В научной литературе неоднократно отмечалось активное функционирование эмоционально-оценочной лексики в говорах [См.: Ховрина, 140; Ибрагимова, Курбангалеева, 150; Леонтьева, 277; Баженова, 139].

Чаще всего для характеристики внутренних качеств личности в самарских говорах используются лексико-словообразовательные диалектизмы. Они в большинстве случаев образованы морфологическим способом при помощи продуктивных суффиксов. Прилагательные часто характеризуются суффиксами *-ист-*, *-аст-*: насу́пистый (КИ), назо́листый (Мс), речі́стый (КК), ора́стый (Д), зевла́стый (М), жо́ристый (КК), обжо́ристый (П). В целом в прилагательных к основе слова присоединяются аффиксы, использующихся при образовании слов в литературном языке. Это суффиксы *-н-*, *-лив-*, *-чив-*: кочевря́жный (КК), фо́рсный (Д), баслі́вый (КК), пова́дливый (Мс), приду́мчивый (КИ, КК), добролю́бчивый (КИ), непри́ймчивый, обжо́рчивый (все — Мс). Диалектные прилагательные могут образовываться при помощи специфических аффиксов, не встречающихся в литературной речи. Так, прилагательные могут образовываться путём добавления к основе суффикса *-ач/-яч-*, *-уц-*: гордя́чий (М) от *гордиться* (ср. *ходячий, сидячий, лежащий*), завиду́ющий (КК). Суффикс же *-оват-*, в литературном языке выра-

жающий значение неполноты признака, в диалекте может менять своё значение, что видно из примеров: гордовáтый (М) ‘гордый человек’, безмозглова́тый (П) ‘глупый человек’ (ср. *безмозглый*), мозговáтый (У) ‘сообразительный человек’. Во всех этих случаях задействована общезыковая словообразовательная модель — образования новых слов посредством суффиксации, разница только в том, что в диалектных лексемах к основе общеупотребительного слова могут присоединяться другие суффиксы. Таким образом, здесь уместно говорить не о какой-то специфической модели образования новых слов, а об особенных, не встречающихся в литературном языке, комбинациях морфем.

Суффиксация является доминирующим способом образования и для диалектных существительных. Чаще всего существительные со значением оценки внутренних качеств человека образуются при помощи суффиксов *-ник-*, *-ниц(a)*, *-чик-*, обозначающих лицо: жа́лостник (НК), желáнный и желáнница (оба — КИ), беспúтник (Д, М, У), докúчник, надоédник (оба — У), назóльный и назóльница (КИ), настýрник и настýрница (КК), балýсник и балýсница (оба — КК), охáльный (М), обсúдник, оторóшний, сорóмник, позóрник (все — У), срамн́ик (Мс), наря́дник (НК, У), наря́дница (У), подлабúзник (НК), дога́дчик (КК). Продуктивность этого способа словообразования подтверждается не только многочисленными фиксациями, но и зафиксированной собирателями корреляцией по роду. По-видимому, соответствие общерусской модели словообразования является в данном случае причиной устойчивости диалектной лексики.

Особо стоит отметить диалектные слова с суффиксами, которые в литературном языке редко используются для обозначения характеристики человека, например: *-ач* (горла́ч НК, дома́ч У), *-ун* (брехúн КК, побегúн Мс, липúн У, гоготúн П, У), *-ах(a)* (дома́ха КК) *-ух(a)* (говорúха У, капризу́ха Мс), *-ок* (малоúмок П, нелюди́мок КИ), *-ох* (зажимóх У), *-j* (засна́й КК), *-ай* (горлопа́й П). Суффикс *-ец-*, в литературном языке выражающий значение принадлежности лица к какой-либо социальной группе, территории либо к определённом роду занятий, в диалекте может утрачивать это значение: глупéец

(Мс) ‘глупый человек’, ср. *глупец*. Ряд примеров отмечен наличием суффикса *-ень*: *нежень*, *валень* (оба — У), *глупень* (КК), ср. в литературном языке *дурень*, *увалень*, употребляющиеся в разговорной речи. Отглагольные существительные иногда образуются при помощи суффикса *-л-*: *пропивала* (У), *брехала* (КК). У слов этой группы корреляция по роду не фиксируется, и записанные слова помещены в ответах как существительные либо мужского, либо женского рода.

Префиксальные образования в данной лексической группе нами не зафиксированы.

Способ сложения в самарских говорах малопродуктивен: нам встретилось только сложное слово *зубочёс* (У, КК), которое образовано от двух общезыковых основ: *зуб-* и *чес-* (ср. *чесать*). Сложные существительные в диалектах подтверждают подмеченное многими лингвистами стремление народной речи к яркости, образности, прозрачности внутренней формы [Ховрина 140–145].

В диалектах широко распространено отглагольное словообразование существительных и прилагательных: *басли́вый* (КК) от *баса́ть*, *баса́ть* ‘занимать кого-либо разговорами, рассказами’ (СРНГ 2, 129–130); *насу́пистый* (КИ) от *насу́питься*, ср. *заливистый*, *отрывистый*; *ора́стый* (Д) от *ора́ть*, ср. в лит. языке отыменные *глазастый*, *щекастый*; *баля́сник* от диал. *баля́сить* ‘шутить, пустословить, рассказывать что-либо забавное’ (СРНГ 2, 92); *брёх* (У), *бреху́н* (КК), *бреха́ла* (КК) от *бреха́ть*, ср. *пустослов* от *пустословить*; *доку́чник*, *доку́чица* (У) от *докуча́ть* ‘надоедать’; *завиду́щий* (КК) от *завидова́ть*; *зазу́да* (НК) от диал. *зазудить* ‘начать надоедливо повторять одно и то же’ (СРНГ 10, 98); *вздо́рник* (КИ) от *вздо́рить*; *реву́н* (КК) от *реве́ть*; *обсу́дник* (У) от *обсужда́ть*; *оха́льник* (М) от *оха́ять* ‘бранить, опорочить’. Среди отглагольных образований выделяется группа семантических диалектизмов: *ка́верза* (КК) ‘человек, делающий вред другим, приносящий неприятности’, *грызу́н* (КК) ‘ворчун’, *болтовня́* (КИ) ‘болтун’. Особое значение в говорах имеют слова *до́брый* (М) ‘умный, дельный’, *добродете́ль* (М, П) ‘человек, делающий другим добро’.

Таким образом, в самарских говорах слова, характеризующие человека по внутренним качествам, образуются чаще всего от об-

церусских глагольных основ с помощью суффиксации. Признаки, характеризующие человека по его внутренним качествам, являются очень ёмкими, подвижными и сложными, допускающими большую вариативность. Характеристику человека по внутренним качествам определяют его поведение, поступки. В основу характеристики кладётся не абстрактная норма, а деятельность; именно дело является мерой нравственных качеств человека и его поведения.

Этот семантический признак является очень перспективным с точки зрения факторов, влияющих на сохранение и развитие диалектной лексики в современных говорах.

Литература

Баженова Т. Е. Русский человек в зеркале диалектной речи // VIII Международная научно-практическая конференция «Наука и культура России», 26–27 мая 2011 г. Самара, 2011. С. 138–141.

Гурская С. Л. Имена существительные общего рода, характеризующие человека по особенностям его характера и поведения, в ярославских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010/ИЛИ РАН. СПб., 2010. С. 189–200.

Ибрагимова В. Л., Курбангалеева Г. М. Из наблюдений над тематической группой ‘Человек’ в русских говорах Башкирии // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995/ИЛИ РАН. СПб., 1998. С. 145–151.

Леонтьева Т. В. Опыт установления концептуального поля ‘интеллект’ в лексике русских народных говоров // Материалы и исследования по русской диалектологии, I (VII). М., 2002. С. 277–286.

Ховрина Т. К. Наименования человека по внешности в ярославских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995/ИЛИ РАН. СПб., 1998. С. 140–145.

Диалектная лексика и фразеология,
характеризующая человека
по его отношению к труду*

(на материале идиолектного словаря)

З. В. Сметанина

Объектом внимания в данной статье является лексикон конкретного диалектоносителя Смирновой Анны Тихоновны (1928–2011), сын которой записывал рассказы матери, записывал слова и выражения из её речи, обращался к диалектным словарям с целью поиска знакомых с детства слов и стремлением научиться объяснять их значение. И однажды пришёл к коллективу «Областного словаря вятских говоров» за профессиональной консультацией и рецензией. Научное редактирование растянулось более чем на год совместной работы. Итогом этого сотрудничества и стал идиолектный словарь, включающий в себя диалектную лексику говора языковой личности вятской крестьянки из д. Мокруша Советского района Кировской области.

Состав лексикона конкретной языковой личности, соотношение в нем единиц разных типов может служить одной из типологических характеристик человека. В работах диалектологов рассматриваются теоретические и практические подходы и методики описания диалектной языковой личности (далее ЯЛ). См., напр., диссертационное исследование Е. В. Иванцовой, в котором представлен обзор и анализ результатов обращения ученых к индивиду-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ 11-04-00118а «Систематизация и изучение лексики вятских говоров в лексикологическом и лексикографическом аспектах».

альному речевому опыту диалектоносителей. Несомненны заслуги А. А. Шахматова [Шахматов 1914], получившего данные от диалектоносителя И. С. Гришкина как представителя лекинского говора; В. П. Тимофеева [Тимофеев, 1971], в течение 20 лет изучавшего язык своей матери и создавшего «Диалектный словарь личности» (в 2010 году вышло дополненное второе издание словаря, подготовленное к печати его дочерью), Т. С. Коготковой [Коготкова, 1975], сделавшей некоторые наблюдения над данными словаря В. П. Тимофеева; Сахарного и Орловой [Сахарный, Орлова, 1969], О. Д. Черепановой [Черепанова, 1976], В. Д. Лютиковой, объектом описания для которых послужил язык конкретных носителей диалекта; целой группы ученых, рассматривающих идиолект А. Г. Горшковой как представительницы акчимского говора Пермского края.

В обобщающей работе В. Д. Лютиковой по языку конкретной ЯЛ диалектоносителя дается в общем виде характеристика диалектного лексикона Валентины Михайловны Петуховой из Курганской области, 1920 г. рождения, в котором вычленяется общее и индивидуальное. Особое внимание уделено описанию лингвокреативной деятельности информанта — словотворчеству и формам проявления образности.

Отмечая отсутствие системного, детального, комплексного описания хотя бы одной ЯЛ, Е. В. Иванцова в своем исследовании феномена диалектной ЯЛ Веры Прокофьевны Вершининой предлагает методику, построенную на синтезе трёх основных её составляющих: лексикона, текста и метаязыкового сознания, что способствует комплексному рассмотрению таких вопросов, как язык и поведение человека, язык и система ценностей, язык и культура.

Изучение языка конкретной личности определенной эпохи имеет определенную ценность, поскольку «коммуникативная ЯЛ как совокупный объект и индивидуальная ЯЛ как конкретный носитель языка не существуют друг без друга и представлены как две стороны одной медали. Языковой и речевой опыт совокупного носителя данного языка извлекается из опыта индивидуальных языковых личностей и, в свою очередь, базируется на опыте последних. С другой стороны, речевая деятельность индивида невозможна без

опоры на речевой опыт и традиции социума» [Сентенберг. 14].

Интерпретация образа человека становится обсуждаемой научной проблемой для лингвистов [См.: Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема: материалы Международной конференции 5–7 октября 2011 г. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2011]. Структурообразующий компонент образа, по утверждению С. В. Черновой, — это «деятельность как процесс, включающий в себя совокупность действий человека, осуществляемых определённым образом в конкретных ситуациях и представляемых как его занятия, труд, работа, дело, обусловленные мотивами, направленные на достижение тех или иных целей и имеющие место в течение какого-либо достаточно протяженного отрезка времени» [Чернова, 9].

Цель данной статьи — через анализ языка диалектоносителя, его оценок и самооценок получить представление о личности, ее метаязыковом сознании сквозь призму её деятельности.

Частеречная представленность лексикона Анны Тихоновны, включающего в себя около пяти тысяч слов, выглядит следующим образом: глаголы составляют более 3 300 единиц, чуть более 1 000 имен существительных характеризуют предметный мир, среди них 19 субстантивированных; 404 единицы наречий и слов категории состояния и чуть более 300 имён прилагательных.

Самая многочисленная тематическая группа глаголов представляет понятие «трудиться». Глаголы и фразеологические единицы (далее ФЕ) этой группы передают представления информанта о самом процессе труда (*робить, рабатывать*), его разновидностях (*катать (брёвна) лес, конюшить, бастрыжить*), о степени его тяжести, длительности и интенсивности (*мантулить, пластать и пластаться, пазгать, бухать и бухаться, горбить, хвостать, звитать, ломать, ломить, ломаться, тянуть жилы, попластать, поробить, похвостать и похвостаться, пробарабаться, проробить, извихаться, измантулить и измантулиться, изработаться, изробиться, испичкаться, испластаться, ихлестаться, набарабаться, набутаться, набухаться, наваландаться, назвितаться, наломыхаться, намантулить и намантулиться, намахаться, намолотья, напичкаться, напластаться,*

наробиться, насгибать, наторкаться, нахлобыстаться, нахлопаться и нахропаться, началиться, упичкаться, упластаться), физической невозможности трудиться дальше (*отбабахать, отбухать, отзвигать, отзвигаться, отмантулить, отмахать, отпластать, отробить, отсгибать, отхлестать*).

Среди языковых единиц этой группы есть фразеологизмы: *ёлки толкать (подпирать)* — ‘заниматься тяжёлым физическим трудом’: *Робёнки, учиться надо. Чего я неучёная-то — всю жизнь ёлки толкаю; тянуть жилы* — ‘работать сверх меры, надрываться’: *Для вас ведь всё жилы тяну — работаю на трёх роботах. А вы нисколько не жалеёте матерь.*

Сам факт использования в речи информантки большого числа глаголов данной тематической группы свидетельствует о значимости труда в ее жизни. Иллюстративный материал к словарным статьям и воспоминания Анны Тихоновны, помещенные перед собственно словарем, позволяют сделать выводы о её отношении к своей трудовой жизни. Её высказывания свидетельствуют, что она предпочитала физический труд труду более легкому, но ответственному, поэтому отказалась от работы кладовщика (*Кому как, а мне ломовая работа по душе. Роботала я кладовщиком, дак всё переживала, то вдруг уташишат чего, а мне на недостачу поставят. А потом сиди за енто ворьё. Кое-как я отбарabalася от ентой работы. А сейчас роблю в лесу на заготовке, дак отмахала своё, и душа на спокойе*), что принимала со смирением факт почти бесплатного труда, говоря от лица многих (*За так мы робить привыклише. Сколь лет в колхозе всё за палки робили*), осуждала тех, кто уклоняется от труда, ищет лёгкой жизни (*Федосья всю жизнь за спиной, ни одного дня не робатывала*). Работать Анна Тихоновна начала с раннего детства, ей приходилось трудиться не только на общественных местах — на лесозаготовках, на ферме, кладовщиком, но и в домашнем хозяйстве. (*Ой, девка, жалко тебя. Заездили тебя совсем. — А куды деваться-то? Приходится всё хозяйство ладить. Тятя увесной, а мати умерла, колды мне четвёртой год пошёл. А мачеха-то не боллё ласковая, да и лишиной раз не переломится. Легко ли так двадцать-то лет звигать на ферме? Чего свёкору-*

ошишо надо? Звитаю с утра до вечера, и всё не поему, а ошишо всё хозяйство на мне. / Я всю жизнь ломала в колхозе, а пенсию-то курам на смех дали. / Я за себя и за мужика всю войну ломала. Всю жизнь на двух роботах работала. Хватит мне уж ломаться, не под годы. / Я десять лет мантулила на сплаве, а заработала только редикулит. / Я ужсо своё насгибала, наработала. Мы прежде ни выходных ни проходных не знали. Тепереча вы поробьте. / Отзвиталася кое-как к ночи со дровами, дак еле до кровати дошарачилася. / Отмахалася я, отбегалася. Восьмой десяток мне уж идёт. Полвека, почитай, отробила. / Сколь ни робила — всегда впереди всех была, на передовой, а топеря отмахалася. / — И для кого ты так пластаёшь? Ведь одна живёшь. — По другому-то робить не могу. Сызмалесь нас так приучили. Сколь на веку-то пороблено, не сосчитать и не измерить). Смирение и покорность судьбе в то же время сочетались с прямоот характера, способностью постоять за себя и своих детей, если это было необходимо (Сегодня у меня такой перекрест получился. Дома ни куска хлеба, и я собралася на базар сходить. Попошла немного, а востречу председатель на лошаде едет и давай меня костерить: — Куды пошла-то, роботы на поле невпроворот. — А я ему в ответ: — Кроме палок-то на трудодни ничего не даёть, дак я чем кормиться-то должна. Выпластала всё ему прямо в глаза и пошла своей дорогой).

Глаголы тематической группы «Оценка человека по характеру, темпераменту и отношению к труду» и высказывания Анны Тихоновны свидетельствуют о резко отрицательном отношении к ленивым, неумелым, бесцельно проводящим время людям: (*Люди роботают, а он варлыжит, ни стыда ни совести. Как с тюрьмы пришёл, дак всё варлыжничает, лодырь этакой. / Лежебочить буде, мозоли уж на боках належел, ленишишо! Пора за дело браться. / Хватит перетягаться, робить надо. / Колда пошла нароботу, то наказала робёнкам гряды полить и прополоть, дак они продурели, произгубалися весь день. / Хватит шишляться, роботы невпроворот. / Баландаешися целый день, будто роботы нет); **пинать погоду** — ‘безрезультатно ходить куда-либо, делать что-либо; бездельничать’ (Учим десятую зиму ентого дуботолка, а толку никакого.*

Учится плохо, без желания. Чем пинать погоду, дак пусть лучше робить идёт); **ни трясти ни мести** — ‘о нерасторопном, ничего не умеющем делать человеке’ (Моя свекровка — ну ни трясти ни мести. Ни на что толку нету).

Особое внимание обратим на фразеологизмы разной степени устойчивости и слитности. Среди них чаще всего в речи Анны Тихоновны используются ФЕ с компонентом *руки* и *ноги*, что вполне объяснимо её образом жизни, необходимостью постоянно и напряжённо трудиться, напр.: **отстать от рук** — ‘устать до изнеможения, перетрудиться’ (За день-то так намахалася литовкой, что от рук отстала); **не у рук, не в руках и не к рукам** — ‘о человеке, не умеющем что-либо делать’ (— Изба-то вся падаёт. — Дак что, если не у рук. Дал Бог мужика, что ничего у него в руках не доржится./ — Забор упал, крыша прохудилася. — Дак чего некому починить-то? — Да мужик-от есть, да у него всё не в руках. / Купили сыну мотоциклет, да не к рукам. Толькё одинова проехал на ём да росшиб, а толку ремонтировать нету. Вот и стоит, ржавеёт.); **простые руки** — ‘руки, не занятые работой, грузом, ношей’ (Чего с простыми-то руками идёшь? Захвати хоть грабли али вилы по пути); **руки выйдут** — ‘освободятся для какого-либо дела’ (— Пособи-ко мне нитки смотать. — Роботы невпроворот. Колдаруки выйдут, тогда и пособию.); **руки выпростать (распростать)** — ‘освободиться от какой-либо работы’ (— Счас руки толькёроспростаю и помогу тебе. / Ряд вот довяжу и роспростаюся. / Сейчас руки выпростаю и пойдём с тобой к Маньке. / Счас подою корову, руки выпростаю и дам вам ести. / — Сходи-ко, дай корове. — Вишь, вяжу. Выпростаю руки и устряпаюся); **руки запростать** — ‘занять руки какой-либо работой’ (— Мам, покажи, как этот узор вязать. — Ну, прям, приспелося тебе с этой кофтой. Не видишь — руки запростаны. Вот скотине едиво унесу, руки роспростаю, вот толды и покажу тебе вязку); **руки не доспели** — ‘нет времени, возможности заняться чем-либо, сделать что-либо’ (— Носки-то мне связала ли? — Руки не доспели оишо); **приткнуть руки** — ‘приложить усилия для выполнения какой-либо работы’ (Забор падаёт, да руки приткнуть неколды./ — Чего-то у меня оммёт косой получеётся. — Дак толком

*руки надо приткнуть, дак и уложится ладом); во все ноги — ‘быстро’ (Я толькё дым увидала и давай во все ноги бежать) **отстать от ног** — ‘сильно устать от ходьбы’ (Пока до района добралася, дак от ног отстала. Не дорога, а одно измываньё).*

Предметный мир Анны Тихоновны включает в себя наименования крестьянских построек, предметов быта, одежды, обуви, орудий и результатов труда, природных реалий, ландшафта, обозначения времени. Рассмотрим среди имен существительных те, которые оценивают качества, проявляемые человеком в труде. Ее оценке подвергаются лень, бестолковость, медлительность в труде: *Чего розлегся, **буковишишо**? Прележи уже на боках-то належел. / Этот **варлыжник** всю зиму на пече пролежел. Ничего не делает по хозяйству, лежни уж, наверно, належел. / Баба ему досталася, дак просто **некуваранеукладная**. Всё у неё из рук валится. / Суп-то у тебя уплыл, розвара! / Дал жо ему Бог такую **клушу**. Целыми днями чего-то всё шовыреётся да ничего не успеваёт; неряшливость, неопрятность: *Постирай одежину-то, озорь. Пахнёт от тебя, как от псины, хоть нос затыкай. / Какая ты засора, ведь у тебя в избе месяц не прибирывано.**

Значим и интересен факт использования в речи Анны Тихоновны имен существительных с суффиксом *-(е)ний*, показывающий стремление обобщить, осмыслить, проанализировать происходящее: **измыванье** — а) ‘трудности, лишения’ (*Мы досыта хлеба ести стали толькё в пятьдесят семом годе, а роботали-то сутками за палки, по-вашоуму за трудодни. На трудодни-то ничего не давали. Не жизнь, а одно измываньё*); б) ‘издевательство’ (*Долго я от своего зетя измыванье терпеть буду? Одны тычки кажной день от него получаю*); **манеженье** — ‘изнеженность, избалованность; привычка к лени’ (*Вырос с ёлку, а к работе родители не приучили. Манеженье до добра не доведёт. Этот лодырь до пензии на шее у родителей сидеть будёт*); **пичканье** — ‘тяжелая работа, мученье’ (*Как цыганы ездим с места на место, дак толькё участок к делу приведёшь, опеть переезжаём. Дали сейчас землю, дак одно пичканье с ней. Одного коренника целую телегу натрясла*); **примоцанье** — ‘подготовка к чему-либо, разговор о какой-либо ра-

боте' (*Надо наймовать дрова колоть. — Да чего тутa наймовать-то, я тебе за уповод расхвоишу. Большие примоишанья, чем роботы*); **согрешенье** — 'маята, мученье' (*Сколь разов тебе говорила: на пятку нажимай. А ты всё литовкой по верхушкам машишь. Одно согрешеньё с тобой*); **тираньё** — 'мученье' (*Вся жизнь прошла в тиранье да нужде. И на старости лет никакого спокойя нету*); **владенье** — 'подвижность' (*До чего дожילה, дак никакого владенья не у рук не у ног нету. Помереть бы, да Бог не берёт*).

С помощью имён прилагательных оценке подвергаются следующие основные качества: бестолковость (*Совсем ты **безголовая!** Я тебе в сотой раз объясню одно и то жо, а ты нисколь не чухаёшь. / Дед-то совсем **бестолшой** стал — свой дом тереёт*); легкомысленность, безответственность; невнимательность, рассеянность (*До чего жо ты **беспутой!** Всё зерно сгноил. Всё у тебя не как у людей, **беспутым** был, **беспутым** и остался. / Я велела караулить, колды коров в поле погонят, а он, **полоротой**, прозевоворонил*); непослушание, упрямство, своенравие (*Парень-от без родителей совсем стал **бесчувшой**, совсем от рук отбился. Нисколь меня не слушает. Положить бы его поперёшку лавки да ремнём отцовским отпачесать, дак сразу бы за ум взялся. / Робёнок до чего **некошшой** стал, сладу никакого нету с ним. / Уж болё Васья **кобенистой**. Если упрётся, дак не свернёшь*); леность, нерадивость, вялость, нерасторопность, неумелость в труде (*Некошноськёй из тебя роботник! За целой день палец о палец не ударил. / Вот ведь некувара **неукладная**. Всё у неё из рук валится. / Мужик-то он **немудрашшой**, ничего у него в руках не доржится*).

Реже оценки содержат положительную характеристику: *Ему за шестьдесят, он ещё **бродкой**, везде успеваёт: и на работе первой, и хозяйство один волокот*.

Из лексикона Анны Тихоновны становится ясным, что предметом её особого внимания к жизни и людям является труд и отношение к нему. Основной мотив деятельности Смирновой А. Т. обусловлен необходимостью выжить в трудных условиях, ведь её собственная судьба — это типичная судьба крестьянки, на долю которой выпала коллективизация, война, послевоенная разруха, голод,

труд в колхозе и другие трудовые повинности, перестройка, пьющий муж, единоличная ответственность за детей. Именно поэтому критерием самооценки и оценки окружающих людей является отношение к труду и качества, проявляемые в труде, т. е. «принцип социальной нормы» [Вендина, 34].

Литература

Вендина Т. И. Об ономасиологическом подходе к интерпретации образа человека в языке. // Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема: материалы Международной конференции 5–7 октября 2011 г. Киров, 2011.

Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. Автореф. дис. . . д-ра филол. наук. Томск, 2002.

Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема: материалы Международной конференции 5–7 октября 2011 г. Киров, 2011.

Коготкова Т. С. Заметки об изучении лексики в индивидуальной речи диалектоносителя (по материалам современных областных словарей) // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. С. 285–301.

Лютикова В. Д. Языковая личность и идиолект. Тюмень, 1999.

Лютикова В. Д. Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000а.

Лютикова В. Д. Языковая личность: идиолект и диалект: Автореф. дис. д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2000б.

Нефёдова Е. А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве: Монография. М., 2008.

Сахарный Л. В., Орлова О. Д. Типы употребления в речи нескольких вариантов гиперлексемы (опыт психолингвистического анализа текста) // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1969. Вып. 1. С. 83–113.

Сентенберг И. И. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла. Волгоград, 1994. С. 14–25.

Смирнов Г. С. Словарь бабы Нюры. /Под ред. З. В. Сметаниной. Киров, 2011.

Тимофеев В. П. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971.

Черепанова О. Д. К оценке вариантности в речи индивида // Вопросы грамматического строя и словообразования в русских народных говорах. Петрозаводск, 1976. С. 74–78.

Чернова С.В. Образ человека: толкование термина, источники для изучения, множественность интерпретаций, лингвистический анализ. // Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема: материалы Международной конференции 5–7 октября 2011 г. Киров, 2011. С. 9.

Шахматов А.А. Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии. СПб., 1914.

К специфике функционирования анатомической лексики в костромских говорах

(на материале речи пыщуган)

Т. Е. Никулина

Один из двадцати четырех районов Костромской области — Пыщугский. Расположен он на северо-востоке Костромского края в бассейне реки Ветлуги, принадлежит Верхнему (Вологодско-Вятскому) Поветлужью. Большая часть его территории в прошлом относилась к Никольскому уезду Вологодской губернии, поэтому пыщугский традиционный говор относится к вологодской, а не костромской диалектной группе.

Современный Пыщугский район, к сожалению, имеет тенденцию к резкому сокращению числа жителей: сейчас в нем проживает чуть более пяти тысяч человек. Этот район в конце 1920-х годов был обследован известными учеными Р. И. Аванесовым и В. Н. Сидоровым; в конце 50-х годов прошлого столетия в селах и деревнях Пыщуганья работали ленинградские фольклористы (экспедиции организовывал сектор народного творчества Института русской литературы — Пушкинского дома). В годы перестройки, в 1994–95 гг., проводились фольклорные экспедиции филологического факультета МГУ. Свою лепту в исследование народного языка пыщуган вносит и коллектив кафедры русского языка Костромского государственного университета.

Думается, что внимание к костромской глубинке неслучайно: народное творчество Поветлужья и особенности речи его жителей представляют несомненный научный интерес. Даже в наши дни в

речи пожилых жителей Пыщугского района фиксируется немало диалектных особенностей, в том числе раритетных.

Настоящая статья посвящена специфике функционирования анатомических названий человека в пыщугских говорах. Нам кажется важным остановиться на способах языкового выражения понятий, связанных с названиями частей тела человека, на весьма ограниченной периферийной территории с целью выявления общего, типичного и эксклюзивного.

Известно, что в диалектной языковой картине мира как части национального языка сохраняются «традиционные, во многом уникальные черты мировидения, мироощущения диалектного сообщества того или иного этноса» [Демидова, 371]. В анатомической лексике заметную составляющую, судя по уже имеющимся описаниям в разных регионах, образуют те общенародные наименования, которые воссоздают древнейшие представления славян о человеке, определяют его место в окружающем пространстве. Ощущая себя в единстве с природой, человек давал однотипные названия частям собственного тела и животного: *морда, коготь, лапа, хвост, клешня*. В диалектных системах до настоящего времени подобные слова словно законсервировали свои значения, подчас даже не изменив стилистическую планку. В литературном языке как языке элитарной культуры постепенно укрепились в качестве нейтральных анатомические наименования, фиксирующие новый уровень человеческих отношений с миром природы, новый тип жизни, разделяющий «права и обязанности» людей и животных. В силу этого прежние номинации по отношению к человеку в литературном языке приобрели отрицательную коннотацию, сопровождаются в толковых словарях пометами «просторечное», иногда «бранное».

Диалектные контексты по костромским, в том числе пыщугским, говорам не вносят принципиально новых моментов в отношении функционирования приведенных выше слов, лишь подтверждают выявленную лингвистами закономерность: *Хвосты нонче не плетут. Фсё распушионные ходят. От раньше заплетет мать косы, или хвост ищю зовём, и ходишь, не мешают волосья.* (Пыщугский); *Да ну и красота топерь когти отрицивать! Катька, со-*

седка, отрастила — ничаво по дому не делает. Все Санька у нее. (Пыщугский); *Внучка моя поначалу все когтям скребла краску с них, а нонче ацетоном стирает* (Нерехтский); *Клешию-то убери со стола. Неровён час, плошки-от смахнёшь* (Галичский).

В анатомических названиях, зафиксированных в речи нынешних жителей старшего поколения Пыщуганья, сохранились некоторые фонетические признаки, характерные для говоров северновеликорусского наречия: прибавление начальных гласных и согласных (*онёбо, вухо, зморцины*), замена фонемного состава (*лоноть* ‘локоть’, *шкелет, кишочник*). Жизнеспособность говора демонстрируют, вне сомнения, морфологические диалектизмы (*брова, волося, ступень*) и словообразовательные (*пята, грудница* ‘грудь’, *потьлицца* ‘затылок’, *горлицца* ‘горло’).

Однако без преувеличения можно сказать, что архаичность говора более всего ощущается в семантических и лексических диалектизмах, некоторые из которых сохраняют древнейшие значения. В наших материалах особый интерес представляют семантические диалектизмы *зуба, лицо, живот*.

В народных говорах общерусское слово *зуба* многолико: не зря ему в Программе-вопроснике ЛАРНГ посвящена отдельная семантическая карта № 1034, предполагающая выявление в речи диалектоносителей до шести значений. Этимологи не исключают возможность общего происхождения номена *зуба* в значении ‘рот’ и ‘губка, гриб’ (Фасмер, 1, 468). П. Я. Черных считает, что поначалу *зуба* (из о.-с. *gǫba*) значило ‘гриб’, или *spongia* ‘губка’, и намечает следующую линию развития значений полисеманта: *гриб* или *губка* > *рот* > *зуба*; при этом ученый не исключает, что и значение ‘гриб // губка’ не являлось первоначальным (Черных, 1, 225).

Очевидно, что со временем многозначное слово *зуба* уже не справлялось со своими обязанностями различения совершенно самостоятельных понятий, поэтому «важные» значения оно передавало другим словам. В литературном языке так появились абсолютно разные названия для выражения существенных понятий: *грибы, рот, губа*. Но народная память способна сохранить многое на века. В Верхнем Поветлужье, в речи людей преклонного возраста, лек-

сема *губы* демонстрирует два значения, расценивающиеся сейчас как омонимичные: 1) хорошо известное в севернорусских говорах значение ‘грибы’ (*Вцерась губ наломали на губницу. Белениць мно-го нанесли, дак осолילה в кринке, к загнетке поставила, утром все съили. Ватага эдакая за столом. Слава Богу, есвяныё все, штё не налажу, всё едят*); 2) более архаичное значение ‘рот’, отчетливо отраженное в следующих контекстах: *Онёбо у людей в губе есть; Шти губу открьл? Ворона зелетит*. Показательно, что в вологодских говорах зафиксировано другое древнее «анатомическое» значение у рассматриваемого номена — ‘подбородок’: *Это губы, а и это губы, подбородок по-вашему* (ВОС, 1, 134).

В исследуемой частной диалектной системе в речи пожилых людей понятие ‘верхняя и нижняя подвижная кожно-мышечная складка, образующая края рта’, выражается распространенным в народных говорах словом *брила* (*Ну, брилу-ту выпустил. Обидел-си, што ли?*) и его стилистическим синонимом *сковородник* (*Давай не оттопыривай свой сковородник, не оттопыривай*). СРНГ среди 11 значений полидиалектной лексемы *сковородник* выделяет значение ‘рот, лицо’ с указанием именно на костромской ареал (СРНГ, 37, 157).

Литературное слово *лицо*, согласно этимологическим данным, производно от существительного *лик* ‘лицо; изображение лица (на иконе)’ и в качестве первичного манифестировало значение ‘щека’ (Фасмер, 2, 506). В пыщугских говорах оно зарегистрировано в подобном архаичном значении: *На морозе лицо всё красное. Лицом-от мы щеки зовём*. Словарь русских народных говоров регистрирует рассматриваемое значение в карельских, рязанских, архангельских и вологодских говорах (СРНГ, 17, 85). Наши материалы, таким образом, расширяют ареал бытования слова *лицо* в значении ‘щеки’ на севернорусской территории.

Завершить список семантических диалектизмов хочется не менее показательным в плане функционирования словом *живот*. «Все, что связано с существованием живого организма и прежде всего человека, славяне обозначали корнем *жи-*. Корень этот древний, восходит к индоевропейским временам (*gi-*), форма его *жи-*

уже славянская» [Колесов, 75]. В народном языке слово *живот* сконцентрировало немало прежних частных значений (данной лексеме также посвящена семантическая карта № 1008), одно из которых, не фигурируемое в литературном языке, — ‘детородные органы’. Диалектоносители пыщугских говоров обстоятельно поясняют: «*Живот — это все женские органы, которые помогают ей ребёночка свою выносить*». В рабочей картотеке для Костромского областного словаря подобное архаичное значение фиксируется в удаленных от центра районах — Антроповском, Сусанинском, Шарьинском. В СРНГ данное значение идет лишь с указанием на Челябинскую область (СРНГ, 9, 157). Полагаем, что дальнейшая работа над картами атласа позволит более полно воссоздать картину употребления лексемы *живот* в исследуемом значении, но, по видимому, ареалы его распространения будут островные.

Обзор анатомической лексики в пыщугских говорах будет неполным без собственно лексических диалектизмов: *воробь*, *каляпы* ‘руки’; *пáишелки* ‘пальцы’, *лупышii* ‘глаза’, *вёйки* ‘веки’, *жевáлки* ‘зубы’, *охóдня* ‘кишечник’, *нозýра* ‘нос’, *зрýчка* ‘зрачок’, *брýла* ‘губы’, *озáдок* ‘ягодицы’, *лýшка* ‘бедро’, *левица* ‘левая рука’ и др. Хотя они уже не поражают обилием номинаций, но могут многое рассказать о формировании наивной «анатомической» картины мира, представить различия и сходства в диалектном континууме. В качестве иллюстрации остановимся на наиболее показательных примерах.

С. В. Барацевич, посвятив наименованиям головы в орловских говорах отдельную статью, убедительно показал, что в славянской традиционной культуре, в народном мироощущении *голова* выступает как синоним человека, как вершина его «анатомического» кода, соотносимая с небом. [Барацевич, 175]. Голова не только номинирует определенную часть тела, но и «отвечает» за умственные способности человека, восприятие им окружающего мира. В пословицах русского народа эти ощущения аккумулируются: «Голова с печное чело, а мозгу совсем ничего» (Даль, 4, 584).

В исследуемой частной диалектной системе в речи пыщуган, помимо литературной лексемы *голова*, зарегистрировано слово *че-*

репёня (как просторечный вариант в толковом словаре отмечено слово *черепушка* — см. Ожегов, 881), актуализирующее в своей семной структуре благодаря лексическим конкретизаторам оценочный компонент: *Ну вот што ты наделал? Думала ли твоя пустая черепеня?* Заметим, однако, что в костромских говорах слова с корнем *череп-* (*черепёнька, черепóк, черепёня*) в рассматриваемом значении могут и не проявлять коннотации: *Черепок-от побаливат* (Галицкий).

Показательно в связи с номеном *череп* обращение к этимологии слова *голова*: общеслав. *golva*, возможно, сначала значило ‘голая, лысая башка’, может быть, даже череп (Черных, 1, 200; Фасмер, 1, 429).

В некоторых анатомических названиях в пыщугских говорах отчетливо представлены те признаки, которые оказались наиболее значимы в языковом народном сознании. Так, мотивировочной базой для возникновения лексем *жева́лка* в значении ‘зуб’, *оходня* ‘кишечник’ послужило функциональное назначение данной части тела: 1) *Наша семья жила бедно. Исть было нечиво. Ели плохо. От к старости от жевалок ничаво ни осталось. Две жевалки в губе. Им и жую.* 2) *У нас говорят хоть кишочник, хоть оходня. Болит-то все одно, когды поишь чаво не так. Кишочник цасто став болеть, питание плохо нонце, одне вредности.*

В наших материалах среди лексических диалектизмов обращают на себя внимание такие лексемы-эксклюзивы, которые, вне сомнения, характеризуют историческое прошлое говора.

К примеру, для номинирования руки старшие носители говора используют в качестве синонимичного не только общеизвестное слово *лапа* (*лапище*), но и *воробы*: *Ну, размахалась воробами-ти. Чево машешь-то? Люди ведь кругом.* Первичное значение слова *воробы* — снаряд для размотки пряжи (мотков) на клубки (отсюда второе название — *мотовилка* см. Даль, 1, 242). СРНГ фиксирует переносное употребление лексемы ‘о бегающих глазах’ с указанием на вологодский и костромской регионы: *У её глаза-ти бегают, как на воробах* (СРНГ, 5, 103–104). Очевидно, что в речи пыщуган возникла еще одна диалектная метафора, в которой актуализируется

значение ‘руки’ и продуцируется эмотивно-оценочная коннотация.

Следующий эксклюзивный диалектизм *пашишелки* пожилые пыщугане комментируют как «пальцы»: *Нечево пашишелки свои расшеперивать*. В СРНГ *пащелки* ‘руки, кисти рук, пальцы’ идет с указанием на казанский, костромской и сев.-двинский ареалы (СРНГ, 25, 309). Этимология данной лексемы затемнена. Следует сказать, что сохранилось в рассматриваемой диалектной системе и название *персты́*: *У ково лапа большая, так и персты большие*.

Как реликт прошлого выступает и экспрессивное наименование *лупыши́*: *Нечево на меня лупыши-ти свои вытараскивать!* — которое соседствует параллельно с номинациями *глаза* и *зенки*. Оно поддерживается в речи диалектоносителей за счет дериватов *лупыч*, *лупогла́з* ‘человек с большими навывкат глазами’: *Он у нас Колька — лупыч. Зенки-от навывкат*. В костромских говорах представлен словообразовательный синонимический ряд *лупыши́й* — *лупаны* — *лупётки* в значении ‘глаза’: (*Хватит лупетки пялить на улицу, лучшее делом займись* — Макарьевский), причем функционирование номена *лупётки* осложняется за счет иных значений, характеризующих физические особенности человека, — ‘круглое, здоровое лицо’, ‘полное, толстое лицо’ (*Внучок здоровым растет, лупетка румяная, как яблоко* — Мантуровский; *Таку лупетку отрастила — будь здоров* — Костромской). В СРНГ слово *лупыши* идет с пометой «бранное» или «насмешливое» с указанием на северные регионы (СРНГ, 17, 203). Семантика наименования *лупыши* формируется от глагола *лупить* (глаза) с исходным значением «сдирать кожицу (с плода), вылупляться из яйца» (Фасмер, 2, 534–535).

Конечно, в рассмотренных анатомических наименованиях Пыщуганья налицо социально-возрастная дифференциация: молодежь и люди среднего поколения употребляют общерусские слова, диалектные же синонимы-дублиеты несут дополнительную темпоральную функцию, указывая на возраст говорящего [см. Гришанова, 2003].

Литература

Барацевич С. В. Названия головы в орловских говорах (на материале «Словаря орловских говоров») // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2009. СПб., 2009. С. 174–179.

Барацевич С. В. Названия лица в орловских говорах (на материале «Словаря орловских говоров») // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2010. СПб., 2010. С. 365–370.

Гришианова В. Н. Анатомические названия в говоре одного села // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2000. СПб., 2003. С. 59–65.

Демидова К. И. Метафорические модели в русских народных говорах как способ вербализации концептов окружающего мира // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2009. СПб., 2009. С. 371–377.

Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб, 2000.

Образ дороги в архангельских говорах

М. С. Картышева

Дороги в русской культуре играют очень важную роль. Дорога — это не просто полоса земли, по которой осуществляется передвижение в пространстве, это то «место, где проявляется судьба, доля, удача человека при его встречах с людьми, животными и демонами», «мифологически «нечистое» место, служащее для удаления вредных и опасных объектов, для совершения лечебных, продуцирующих и вредоносных магических действий» [Левкиевская, 125].

С дорогой связано множество суеверий и обычаев. Так, например, чтобы обезопасить себя, избавиться от опасности, человек выбрасывает на дорогу различные предметы, олицетворяющие эту опасность. Случайно найденные на дороге вещи, считалось, приносят счастье нашедшему их (найденная подкова или кусок железа предполагает благополучный путь). Человека ожидает неудача или несчастье, если черная кошка перебежала ему дорогу. Существует обычай, отправляясь в поездку, «посидеть на дорожку», иначе дорога не будет удачной. Важность дороги в народной культуре подтверждается и словоупотреблением лексемы *дорóга*.

В Словаре русского языка *дорóга* определяется как «полоса земли, служащая для езды или ходьбы», а также как «место для прохода, проезда». В то же время дорогой называют «путешествие, поездку». Кроме того, под дорогой понимается «направление движения». В словаре зафиксировано переносное значение лексемы — «средство к достижению чего-либо» (МАС, 1, 432). Все эти значения отмечены и в диалектных словарях, например, в Архангельском

областном словаре (АОС, 12, 9–20). Однако в архангельских говорах слово *дорóга*, кроме общих с литературным языком значений, имеет и собственно диалектные значения¹.

Семантическая структура слова *дорóга*:

1. Полоса земли, служащая для езды или ходьбы, дорога
 - 1.1. Жизнь, жизненный путь
 - 1.1.1. Судьба, доля
2. Место для проезда или прохода куда-нибудь
3. Расстояние, которое проезжает или проходит кто-нибудь
4. Возможность проехать или пройти где-нибудь
 - 4.1 Вероятность, возможность осуществления чего-либо
5. Направление движения, путь следования, маршрут
 - 5.1 Направление деятельности, образ, способ действия
 - 5.1.1. Принципы, взгляды на что-нибудь, мнение о чем-нибудь
6. Время пребывания в пути
 - 6.1 Время жизни человека
7. Поездка, путешествие
 - 7.1. Поездка домой

Следует отметить, что даже в тождественных с литературным языком значениях слово *дорóга* может различаться своей сочетаемостью. Например, значение ‘полоса земли для прохода или проезда’: действия, посредством которых прокладывается или очищается полоса земли, описываются с помощью глаголов *дорóжить*, *заéздить*, *колупáть*, *мять*, *объéздить*,

¹ В качестве материала для исследования используются данные из 1–13 выпусков Архангельского областного словаря, его электронной картотеки и собственных наблюдений автора, сделанных в диалектологических экспедициях 2006–2011 гг.

огребать, топтать, торить: Дорогу дорожыт-то трактор. Бураны зайездят эту дорогу, так мы и ходим. Опять проїехано, Саша дорогу к Великонїде ишио колупала, прочышиала. Я дорогу мяла. Сю дорогу обїездят, дорога хороша будёт. А на ледянке были да огребали дорогу. Ноги длинны, дорогу топчи (поговорка). Кабы эти дороги не торили, нам бы никак не попась.

Постоянное использование дороги делает ее непригодной для проезда: *Тракторá фсё розїездят да расхлябуют фсю дорогу. Лётom їездят — розїездили, дороги не крєпят, изїездили.*

Плохую дорогу нужно ремонтировать, *крєпїть, ладить, налаживать: Лётom їездят — розїездили, дороги не крєпят, изїездили. Фсё ладят дорогу, да эта кривулина, где столкнүлись афтобусы, прямую делают. Пашибнник сьтєлют, мосты дєлали ис пашибннику, дорогу налаживали.*

Чтобы избежать этого, следует сохранять дорогу: *Старались так, штоп держать одну дорогу — тебе надо опять дорогу торить.*

Непригодная для езды *дорога заглохла, пала, попуталась, сломалась: Ни ходока, ни їездока, дороги фсе заглохли. Дорога пала, сломалась фся, нельзя їехать. Дорога фся попуталась, распутью.*

Кроме специально отведенных полос земли, человек приспособивает другие места для проезда или прохода. Так, в результате десемантизации признака ‘специально отведенное место’ развивается значение ‘любое место для проезда или ходьбы’. Человек, мешающий проходу, проезду, *мишит дорогу: Не миши дороги, уйди!*

Пьяному человеку *дорога мала: Накачяясь до такой степени (спиртным), што дорога мала.*

Передвигаясь по дороге, человек преодолевает какое-то расстояние, *едет, идёт, ходит дорогу: Взрослой не один не бывал, штобы їехать такую дорогу. Дорогу не могу итти, согнуло вдвой, ноги софсем отказываюця шагать. Да мне ходить нельзя дорогу дальней, ногами страдаю.*

По мнению Н. Д. Арутюновой, в семантике слова *дорога* в литературном языке «компонент «движение» занимает второстепенное место» [Арутюнова, 6]. В диалекте, напротив, этот компонент

выходит на первый план: например, *идти, пойти, сходить такую дорогу* ‘преодолевать большое расстояние’: *Этих отправляйте — такую ведь дорогу итти. Думаи, я ф сапогах пойду такую дорогу? А как жо, такую дорогу сходите, дък знайеш как промрיתесь?*

В результате метонимического переноса от значения ‘место для прохода или проезда куда-нибудь’ развилось значение ‘возможность проехать или пройти где-нибудь’. Диалект отражает преимущественно ситуации, когда отсутствует возможность передвижения, когда *нет дороги*: *Зимой у нас дороги нет, никто и не ходит, по полю дороги не делают.*

В свадебном обряде очень часто перекрывают дорогу свадебной процессии с целью получения выкупа у жениха, эта ситуация описывается с помощью разных глаголов: *И им как раз завалили дорогу у маслозавода. Парни дорогу завалили — выкуп за невесту просили. А через три-четыре дня свадьба. Раз дорогу закроют — выкупай. Бутылку вотки или конфет. Дорогу загородят, кони остановаця, жэних выхóдит, дайот денёк. Цевó-нибуть задёрнут — мы заделали дорогу. Заламывали дорогу молодым, выкуп давали. Дороги закресьят, бутылку выпросят. Застеняют (дорогу) руками, не пропускают к невесте. Друшки застеняют дорогу — не пускают ф колидор. Да дороги заставляли, штоп вотку ставили. По невесту йедут, дорогу крепят, так не пропускают, огорот загородили.*

Передвижение по дороге подразумевает направление передвижения, путь следования. Следя за правильным направлением, человек *гонит, правит дорогу*: *Ну, кто йдет, тот дорогу правит. Он такой погонный был, крепко гонил, новыи кони, хоть и зимой дорога така хороша, новы ить не понимают, насколько дорогу гонить, а он гонил.*

Изменить направление движения значит *повернуть дорогу, отвернуть в ту дорогу*: *Я взела да дорогу повернула — да к Натке пошла. Он ф ту дорогу отвернул, а я ф ту, идём ругайемся.*

Отклонившись от правильного пути, человек может заблудиться, *сбиться с дороги*: *З дороги збилась, на лесной попала слёт.*

Сочетание *в одну доро́гу* имеет значение ‘в одну сторону, в один конец’: *В одну только доро́гу я проїе́здила полторы́ ты́сечи рублѐй. Далеко́ и́е́здить во́семь кило́метроф в одну́ доро́гу, в оди́н конѐц. В одну́-то доро́гу уйду́, наобра́тно не вы́йти.*

Маршрут от исходного пункта к конечному — *пе́рвая, пе́редняя доро́га*: *Пе́рву доро́гу и́де́ш полтора́ часа, а в обра́тну и́де́ш два́ часа, з гру́жэвом-то и́де́ш уш тишэ́йе. Сочетания (на) пе́реднюю доро́гу, (в) пе́рвую доро́гу имеют значение ‘в ту сторону, туда’:* *Уйе́дет пе́редню доро́гу, возы́ накладу́т, а та́м ызбу́шка бы́ла, ноціо́ут. На пе́реднюю доро́гу са́ми денек взя́ли, на за́днюю они да́ли. Ва́ся можэ́ пе́рву-то доро́гу увесы́ти на тра́кторе. Ф пе́рву-то доро́гу по ла́вам, где коро́вы пасу́ця.*

Обратный путь — *за́дняя доро́га*: *И на за́дню и на пе́редню доро́гу купи́л билѐт.*

Слово *доро́га* в значении ‘направление движения’ часто встречается в пословицах и поговорках: *До поро́га — одна́ доро́га, а за поро́к — се́мь доро́к. Ла́дно, доро́га от свое́го поро́га, а язы́к до Кие́ва доведе́т. Хва́тит, найде́т за поро́к-то доро́гу.*

Фразеологические выражения *зна́ть доро́гу домо́й, не забыва́ть доро́ги домо́й* синонимичны литературному *пора́ и честь зна́ть* и означают, что пришло время заканчивать пребывание где-нибудь, уходить откуда-нибудь: *Кури́ сват да переку́ривай сват. Го́сьти ско́лько хо́ш да то́лько домо́й-то не забыва́й доро́гу. То́лько домо́й доро́ги-то не забыва́й. Хорошо́ сиде́ть с ва́ми, на́до домо́й доро́гу зна́ть, до́сыта досидѐлась.*

Перемещение по дороге предполагает время такого перемещения, отсюда значение ‘время пребывания в пути’. Лексема *доро́га* в этом значении употребляется в форме творительного падежа или в предложно-падежных конструкциях, которые можно рассматривать как наречия времени: *Война́ нас доро́гой заста́ла. Зо́я приходи́ла или доро́гой ви́дели? Та́к-то вот в доро́гах-то фся́ко привіде́це. Ли́ж бы у ва́с Ли́ж бы у ва́с фсе́ хорошо́ было в доро́гах — о́ни уда́чницы.*

Поездка домой, *домашняя доро́га* является важным событием в жизни носителя диалекта: *Тепе́рь доро́га домо́шняя на ра́досы́тях.*

Как я наприклáдывала (гадание на картах) — домáшняя дорóга.

Слово *дорóга* развивает метафорические значения: ‘жизнь, жизненный путь’, ‘судьба, доля’, ‘возможность, вероятность осуществления чего-либо’, ‘принципы, взгляды на что-нибудь, мнение о чем-нибудь’.

Дорога в сознании носителей диалекта ассоциируется с жизнью, является символом жизни в ее развитии. Метафора «жизнь — дорога», являющаяся универсальной, в говорах реализуется в разнообразных глагольных, атрибутивных сочетаниях. В сочетаниях лексемы *дорóга* с прилагательными содержится оценка жизненного пути как легкого, без осложнений и затруднений (*Жысь прожы́ть — не по́ле перейти́. Глáткой дорóги не быва́ет, фсё́ какі́-то бугры́, и на́до э́ти бугры́ ка́к-то переша́гивать. Схожэ́ ф четвёрк (к обетному кресту), штобы́ у меня́ была́ шóлкова, усту́пчива дорóга.*) или, напротив, как трудного, сложного (*Вы́, ми́лые мо́й, не вида́ли худóй-то дорóги.*).

Человек выбирает свой жизненный путь: *Слáва Бóгу пошóл по то́й дорóге, хоть в а́рмию пошóл, не ф тю́рмэ пошóл, а в а́рмию-то ра́дось кака́, дете́ш в а́рмию пошóл. Ма́л да уда́л, не ф ту́ дорóгу я попа́л. Хулига́нил дак.*

На протяжении всей жизни человек вынужден преодолевать разные трудности, *пробивáть, торíть дорóгу: На́до самому́ дорóгу пробивáть, родíтели веть не поста́вят ру́ки, но́ги, самому́ пробивáца на́до. Я дорóгу-то торíла — пёрва родилáсь.*

Перед человеком, у которого есть несколько возможностей, но он не использует ни одного шанса, имеются *две дорóги, óбе врозь.*

В течение жизни человек может придерживаться своих принципов, *э́здить, жить, идти́ своёй дорóгой: Ну́ йоуó г Бóгу, ну́сь он идёт сво́ей дорóгой. Я фсё́ сво́ей дорóгой жы́ла. Ну́ йшү г Бóгу. Ка́жной йэ́здит сво́ей дорóгой, ты мо́ей не задева́й.*

Не всегда человек сам выбирает свой жизненный путь, в таком случае то, что происходит с ним, определяется как судьба, доля: *Нехорóшо де́ло, не про́мысеў, будеш пítь — нехороша́ дорóга.*

Дорога также соотносится с исчерпанностью, концом жизни: *Про́жыла́ — дорóгу пройё́хала. Тебе́, те́тушка, дорóга кончáййца,*

тебе, тётушка, могла да приближайеца.

С дорогой связано много народных примет, по ним определяется, состоится ли путешествие, будет ли оно удачным или нет: *Длинные волосы — з дальней дороге. Это обязательно з дороге. На дорогу малёнько посидят. На дорогу не зошывають. Как уй-ежжать — посидим на дорожку, да и фсе́, говорят. Вот так на дорожку (говорили). Когда в дорогу йедут, нельзя ни мыть, ни подметать. Пояс — дорога будет тебе. Посуду мыть на дорогу нельзя и зашивать — дорогу зашивать. Мы как-то зашивали, да и в аварию попали. Вот поля запахла — ты себе дорогу замела. Помоги выливали у дёрева, штобы никто не переступил, а то здоровья не будет или дороги.*

Поездка будет благополучной, если накануне отъезда устроить прощальные посиделки, чтобы *угладить* дорогу: *Когда будем дорогу углаживать?*

Человек может не вернуться из поездки, если перед его отъездом будет дождь, он *замывает* дорогу: *После ваз дои пойдёт — плохо: дорогу будет замывать, боле не придете — следы замойот.*

Лексема *дорога* часто встречается в пожеланиях хорошего пути или в молитвах перед поездкой: *Как (если) не увижу, щясливой вам дороги. Благословй вас ф пути-дороге.*

По суеверным представлениям, с помощью колдовства можно лишить человека возможности осуществления чего-нибудь, *закрыть, перекрыть, отнять, скрасть, спрятать* дорогу: *Только навеку один рас я дёфке дорогу закрыла, да и то по злосьти. Только Сергей Пáвлович дорогу перекрыл, без нок сидид дёфка, в руках сила йесть. Он перекрыл дорогу, испóртил ноги дёфке. Штобы он никуда не уйехал, отнела дорогу от невó. Дорогу скрадем, не уйедеш. У этой дёфчёшки спрятал старик дорогу, а долго мы тут походили. Надо бы так итьти, а мы по озеру дались, и далеко ушли.*

В заключение следует отметить, что понятие дороги в говорах окружено богатым метафорическим и мифологическим ореолом. С передвижением по дороге соотносятся все важные события в жизни человека, дорога определяет его жизненный путь, направляет. На дороге проявляется человеческая судьба, его удача. Кроме того,

с дорогой связано множество примет, суеверий. Диалектный материал, таким образом, подтверждает, что дорога является одним из важнейших русских культурных феноменов.

Литература

Арутюнова Н. Д. Путь по дороге и бездорожью // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999, С. 3–17.

Левкиевская Е. Е. Дорога // Славянские древности. Этнолингвистические исследования. М., 1989. Т. 2, С. 124–129.

Символика предметного кода свадебного обряда

(на материале тульских говоров)

О. С. Фомичева

Свадебный обряд — явление сложное и многогранное, это комплекс, объединяющий в себе элементы различного уровня (поведенческие акты, материальные предметы, поэтический фольклор). Он состоит из определенных действий, которые обладают функциональной значимостью и смысловой завершенностью.

Как отмечает М. Л. Житникова [Житникова, 36–41], всякий обряд может быть представлен как определенный текст, как некая последовательность действий, ритуальных манипуляций с предметами-символами. Исключением не является и свадебный обряд. Он, представляя собой бесконечно путь, идущий по спирали, происходит в одном и том же интерьере, при обращении к одним и тем же вещам, выступающим в зависимости от ритуального действия в соответствующей функции.

К сожалению, ритуально-магическая наполненность обряда в наше время постепенно утрачивается. Для того чтобы восстановить знание о символических функциях действий и предметов, необходимо тщательное изучение лексем, существующих в контексте свадебного обряда.

Обратимся к анализу основополагающего элемента обрядового текста — к анализу предметного кода.

За многими предметами в системе свадебного обряда закреплены определенные символические функции: ограничительные, соединительные, охранительные и т. д. Эти функции коренным образом отличаются от функций, которые выполняют данные предметы

в обыденной жизни. Обряд «как бы высвечивает ту сторону вещей, действий, явлений, которые в обыденной жизни затемнены, не видны, но на самом деле определяют их истинную суть и назначение. Отсюда и двойственность всех явлений, способность быть чем-то одним в быту и совершенно другим в ритуале, та двойственность, которая обеспечивает удивительное переключение с уровня ежедневной жизни на уровень актуальных ценностей» [Банкова, 22–33].

Анализируя символическую нагруженность предметов свадебного обряда, в Тульской области мы пришли к выводу, что существуют предметы монофункциональные и полифункциональные. Если предметы используются в свадебном обряде лишь в единственной символической функции, то такие предметы мы будем называть монофункциональными. Если же предметы используются в различных символических функциях в пределах свадебного обряда, то их мы будем называть полифункциональными.

Обратимся к анализу монофункциональных предметов и называющих их лексем в свадебном обряде Тульской области.

Наиболее распространенная функция предметов свадебного обряда — соединительная функция. Она репрезентируется лексическими единицами, обозначающими предметы, которые в ходе свадебного действия выполняют функцию соединения двух сторон. Анализ материала, полученного в ходе диалектологических экспедиций и изучения этнографической литературы, позволил выделить следующие предметы, наиболее часто реализующие данную функцию: **сшивалка, каравай, кольцо**.

СШИВАЛКА — изделие в виде удлиненного полотна, иногда с вышивкой, предназначенное для вытирания: *Через две недели после сватовства запой был. Невесту с женихом ставили на одну сшивалку и родители обособляли их хлебом и иконой.* [Гайсина, 340]. Таким образом, обрядовое значение лексемы **сшивалка** — предмет домашнего обихода, использующийся во время запоя в качестве показателя объединения двух сторон.

КАРАВАЙ (КАРАВАЕЦ) — «крутая каша, запеченная в миске или латке, подаваемая на стол целиком вынутой из посуды» (СРНГ,

13, 64). *(На свадьбу всегда готовили каравайцы. Возьмешь крупы, лучше рисовой или гречневой, убьешь туда яичко, добавишь сахарку, маслица и в печь. Записано в с. Стояново Одоевского р-на Тульской области). Обрядовое значение лексемы **каравай** — блюдо, символизирующее своей круглой формой соединение двух сторон (у круга нет ни начала, ни конца).*

КОЛЬЦО — «предмет (чаще всего из металла), имеющий форму обода, обруча, носимый на пальце как украшение или как символ брака» (МАС, 2, 79). *(В церкви венцы на головы невесте и жениху кладут, кольцами обмениваются. Три раза вокруг аналая. После поп меняет три раза кольца. Записано в с. Николо-Жупань Одоевского р-на Тульской области). Обрядовое значение лексической единицы **кольцо** — предмет, использующийся в качестве показателя соединения двух сторон.*

Наряду с соединительной функцией, у предметов, используемых в свадебном обряде, часто встречается и ограничительная функция. Функцию границы получают предметы, которые в ходе свадебного обряда выполняют роль преграды, рубежа. Такая функция репрезентируется лексическими единицами **ворота, ёлка**.

ВОРОТА — «широкий вход или проезд, запираемый створами» (МАС, 1, 213). Ворота использовались в качестве границы двух миров (семей). *(По приезду свадебного поезда к дому невесты затворяют ворота, и у приехавших спрашивают со двора: «Что за люди», на что один из сватов отвечает: «Мы, люди, охотники, едем по следу» и просит осмотреть след, на что ему отвечают: «У нас не куница, а красная девица, с терему не ходила, следу не следила, наши ворота запираются клином, а отпираются вином». [Краснопевцев, 346]. Жених с дружкой за воротами стоят, а мы выкуп требуем, невесту продаем. Записано в д. Балево Суворовского р-на Тульской области). Значение обрядовой единицы **ворота**, — предметы, использующиеся в качестве границы миров («закрывать ворота» — значит обозначить границу), которую должен преодолеть жених.*

ЁЛКА — «вечнозеленое хвойное дерево семейства сосновых, с кронной конусообразной формы и длинными чешуйчатыми шишками» (МАС, 1, 465). *(На девичнике елку наряжали ленточками*

разными, бантами. Записано в с. Николо-Жупань Одоевского р-на Тульской области. *Перед тем как жених в дом зайдет, невесту за стол сажали, а перед ней елку ставили наряженную. Жених должен был выкупить елку и тогда только за стол к невесте сесть.* Записано в с. Стояново Одоевского р-на Тульской области. *На следующий день после свадьбы или ярку искать. Елку несли с собой. Одеколнами разными наряженную. Высоко ее надо держать было, чтобы никто не сорвал.* Записано в Богородицком р-не Тульской области). Обрядовое значение лексемы *ёлка* — предмет, символизирующий переходное состояние невесты — из незамужней девушки в замужнюю женщину. Ёлка — граница для жениха. В то же время ёлка, как свадебное дерево, является символом перехода девушки из одного социального статуса — в другой. Как только выкупил елку, можно забирать и невесту.

Как мы отмечали выше, существуют в свадебном обряде и полифункциональные предметы. Например, *стол*.

Стол — «род мебели (в виде широкой доски или нескольких досок, соединенных вместе и укрепленных в горизонтальном положении на одной или нескольких ножках), на которую ставят или кладут что-либо при работе, еде и т. п.» (МАС, 4, 271). (*У стола четыре угла, значит — четыре рубля, а по середке — золотой!* Записано в с. Стояново Одоевского р-на Тульской области). Значение обрядовой единицы *стол* в данном контексте — предмет, который выставляли в качестве границы на пути жениха во время выкупа невесты. Но существует и другая функция в системе свадебного обряда у этого предмета и называющей его лексемы. *Потом за стол садятся. Пляска, свадьба!* Записано в с. Стояново Одоевского р-на Тульской области). Обрядовое значение лексической единицы *стол* в этом контексте — предмет мебели, который используется в качестве показателя согласия, соединения. «Сесть за стол» — согласиться. Показательно то, что обряд застолья завершает каждый этап свадебного обряда: сватовство, запой, рукобитье, осмотр колышек, выкуп, свадебный пир.

Также полифункциональными являются лексемы *платок, рушник*.

Рушник — «полотенце, обычно праздничное, вышитое» (СРНГ, 35, 263). ПЛАТОК — «кусоч ткани или вязаное изделие, обычно квадратной формы, надеваемые на голову или набрасываемые на плечи (преимущественно женщинами)» (МАС, 3, 136). *(У жениха с невестой свечи в руках, а руки платком перевязаны. Записано в с. Кураково Белевского р-на Тульской области). Во время свадебного торжества, когда жениха и невесту после венчания встречали родители с хлебом-солью и свадебным караваем, руки молодых связывали рушником для того, чтобы весь свой жизненный путь они шли рука об руку. Затем рушник развязывали и клали под ноги жениху и невесте, которые вставали на него. Записано в д. Малёвка Богородицкого р-на Тульской области).* Обрядовое значение лексических единиц **платок**, **рушник** в данном контексте — женское украшение для волос/предмет домашнего обихода, в то же время символизирующие путь, единение. Платком или рушником перевязывают руки жениха и невесты во время обручения в качестве иллюстрации их соединения, с целью пожелания дальнейшего согласия и счастливого жизненного пути. Но употребляются данные лексемы и в другом значении: *Едешь, бывало, с венчания, а дорогу так и перегораживают платками и рушниками!* (записано в с. Кураково Белевского р-на Тульской области). Обрядовое значение лексических единиц **платок**, **рушник** — предмет хозяйственного обихода, который натягивали на пути жениха и невесты во время свадебного обряда в качестве границы, которую необходимо было преодолеть, заплатив выкуп. Таким образом, рушник и платок являются границей на пути новобрачных к новой жизни, к новой семье.

Выявляя и раскрывая символику предметного кода тульского свадебного обряда, мы еще раз доказываем, что народная речь до сих пор хранит особенности обрядов, веками существующих на данной территории.

Литература

Банкова Т. Б. Словарь сибирских обрядов: к постановке проблемы // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998.

Гайсина Ю. В. Свадебный обряд в селе Стояново // Тульская область. Одоевский край. Очерки прошлого и настоящего. М., 2007.

Житникова М. Л. Свадебный обряд как источник изучения народной культуры // Язык и культура: сборник статей XVIII Международной научной конференции Томского государственного университета. Томск, 2006.

Краснопевцев И. Сватовство и свадебные обряды // Тульская область. Одоевский край. Очерки прошлого и настоящего. М., 2007.

Наименования участников свадебного обряда Калужской области

М. С. Миронович

Тематическая группа «Наименования участников свадебного обряда» состоит из четырёх подгрупп: 1. Наименования жениха и невесты; 2. Наименования ближайшего окружения (мать, отец, в т.ч. крёстные, свахи); 3. Наименования дружек-подружек; 4. Наименование прочих участников свадебного обряда. Рассмотрим последние две подгруппы подробнее.

Лица, помогающие жениху или невесте на протяжении всего свадебного обряда, часто выступающие вместо главных действующих лиц, являются обязательными в свадебном обряде. Их наименования строго делится на две группы по принадлежности помощников к той или иной стороне брачующихся.

Помощник жениха на территории Калужской области имеет общераспространённое наименование *дружка*, представленное фонетическими, акцентологическими и пр. вариантами: *дружкó*, *дру́жко*, *дружий*. Также зафиксировано префиксное образование от *жених*: *подженишник*, *пожанишок*, *подкняжник* — где жених выступает в образе князя. Схожее образование со значением подчинения присутствует у лексем, обозначающих помощников дружки — *поддружье*. Помощники дружки — неблизкие друзья, что передаётся наименованием: *полудружье* — их участие в свадебном обряде было факультативно. В настоящее время наименование для помощников помощника жениха отсутствует. Для обозначения помощника жениха всё большее распространение получает общерусское — *свидеть*.

Помощница невесты не является, в отличие от дружки, обязательным свадебным чином. В современной игровой свадьбе на свидетельницу возлагается организация и проведение «выкупа» невесты, активное участие в конкурсной программе застолья. В довоенное время она присутствовала не во всех свадебных обрядах — функций у помощницы невесты было значительно меньше, чем у *дружки*. В XIX веке в значении ‘помощница невесты’ фиксируется наименование, по форме полностью совпадающее с наименованием дружки — *поддружка*. Вероятно, произошло смешение омофонов: *поддружка* и *подружка*. Первая лексема, образованная от существительного *дружка* с добавлением префикса *под-*, имеет значение характерное для одушевлённых существительных с данным префиксом ‘низшее звание или должность’, по отношению к лицу, названному в производящей основе. Вторая лексема образована от существительного *подруга* суффиксальным способом (уменьшительный *-к-*), с палатальным чередованием на стыке морфем.

В начале и середине XX века было распространено несколько наименований подруг невесты, часто бытовавшие только во множественном числе, применительно ко всем подругам сразу, без выделения одной из них и без делегирования ей каких-либо полномочий: *поддевичник*, *провожатки*, *накручальница*, *накручалки* — наименование происходит от выполняемых девушками функций в определённый момент свадебного действия (провожание, кручина). На девичнике, происходившем без приглашения жениха и его родни, распорядительницей была подруга невесты — *подсвадебная подруга*, но на многих *вечаринах* присутствовала и мужская часть свадебного обряда, тогда обязанности распорядителя переходят к помощнику жениха — дружке.

Лексемы тематической подгруппы «Другие гости» возможно классифицировать по трём основаниям: 1. отношение к стороне жениха и/или невесты; 2. легитимность присутствия на свадьбе; 3. принадлежность к свадебному поезду.

1. Отношение к стороне жениха и/или невесты. *сродачь*, *сродич*, *сродник* — лексемы, обозначающие любого родственника, не являлись специально свадебными, а были распространены и в по-

вседневной жизни крестьян Калужской губернии.

Лексема **почетные** чаще относится к родственникам с обеих сторон. Данное наименование подчёркивает родственные связи, почётное отношения к в чём-то выдающимся родственникам (богатство, умение), существует разделение между понятиями **близкие** и **почётные**, они не являются синонимами: «близкие и почетные родственники», но в некоторых случаях **близкие** и **почетные** выступают синонимами: *«отец и мать невесты и большая родня едут почетными гостями в дом жениха»*. **Почетными** называли также гостей (не являющихся родственниками), пользующихся уважением в данной местности; например, в качестве почетного гостя приглашали старосту.

Близкое по происхождению к **почетным** наименование **почетные** чаще относится к родне невесты. В Словаре В. Даля зафиксировано на территории Калужской области значение «родные жениха» (Даль, 3, 371). Позднее подтверждению этому значению не найдено.

Существуют различные трактовки образования данных слов. А. А. Зализняк связывает данное чередование с разной суффиксальной оформленностью [Зализняк, 388]. Г. А. Николаев, разбирая лексему почётга, относит образование подобных слов к двум различным основам: *почьст-* и *почьт-*, говоря об их вариативности [Николаев, Николаева, 93].

Лексемы **почетные** (образована суффиксальным способом от *почесть*) и **почетные** (от *почет*) — восходят к старославянскому *чьсть* (к санскр. *cittih*) [Мейе, 275. № 373], что подчёркивается схожестью словесной формы и их лексической синонимичностью в свадебном обряде Калужской области.

Для обозначения гостей со стороны невесты существовала лексема **ранние**, соответственно **вечерние** — со стороны жениха. Но **вечерник**, **вечерни** фиксировались и для гостей невесты. Путаница возникла из-за потери значения в обряде.

Среди гостей невесты особое наименование имеют ‘родственницы невесты, неотлучно находящиеся при ней весь день’ — **глазки**. А. Толмачёв связывает наименование с функцией этих женщин —

неустанно следить за невестой, сопровождать её весь день. Известно, что невесте не полагалось носить при себе никаких вещей (включая гребень), забота о внешнем облике невесты полностью ложилась на сопровождающих её лиц, а данном случае — *глазок*. В обязанности этих женщин входило так же укладка волос после венца (заплетение волос в две косы и надевание повойника).

Среди гостей жениха выделяются люди, отвечающие за определённые действия в процессе свадебных церемоний, их роли настолько важны, что для их обозначения используются довольно распространённые и повторяющиеся лексемы. *Объщницы, общные* — родня жениха, привозившая угощения и подарки (шубу, поддёвку, чулки, башмаки, зеркало) в дом невесты в день девичника (молодёшника). В соседних областях подобная лексема с данной семантикой не найдена. Уже в начале XX века эта лексема теряет значение участников свадебного обряда и в народной памяти закрепляется лишь распространённое на значительной территории Центральной России, значение 'огород'. Самый старший по возрасту мужчина из *овощних* — *старшбй* был главным и по функции — руководил на данном свадебном этапе роднёй жениха.

От жениха выбирался *разносчик* — отвечающий на свадебном пире за вино, в этой роли мог быть дядя жениха или друг. Часто данная функция не выделялась в отдельную обязанность, а распределялись на лиц, отвечающих за угощения (чаще родственники).

Шапошник — шафер, человек из родни жениха, надевающий в утро свадьбы невесте на правую ногу обувь, также в его обязанности входит извещение жениха о готовности невесты к венцу. Общераспространённое *шафер* — 'участник церковного свадебного обряда, держащий венцы' (головные уборы брачующихся). Церковные функции шафера (от которых и происходит наименование диалектного слова) скорее всего были настолько хорошо известны в середине XIX века, что собиратели не уточняли их в своих записях, фиксируя лишь особенные обязанности.

2. Все гости, независимо от степени родства и отношению к жениху или невесте, на любой свадьбе делятся на две основные группы: *званные* и *незванные*. К первой группе относятся все при-

глашённые гости и родственники в том числе. Ко второй — случайно зашедшие на свадьбу или оказавшиеся на пути её следования. По сложившейся традиции независимо от того как гости попали на свадьбу угощают водкой всех. Ещё в начале XX века по воспоминаниям современных старожилов, бывших тогда молодыми девочками, смотреть свадьбы ходила вся деревня и всех немного угощали.

3. Лексем, обозначающих гостей в составе свадебного поезда на территории Калужской области зафиксировано несколько. Общераспространённым, всегда подразумеваемым, но редко называемым диалектоносителями вариантом является сочетание *свадебный поезд*. В семантике данной лексики присутствует метонимический перенос с самой процессии в виде поезда (следующие друг за другом телеги, сани) на участников церемонии. В народной речи для обозначения участников свадебного поезда чаще бытуют варианты, непосредственно образованные от *поезд*: *поезжане, поезжанье, паизжаки* — довольно распространённые в центральной России.

В свадебном поезде невесты из прочих его участников особо выделяется *повозник* — правящий лошадьми — возница. В. И. Даль (Даль, 3, 40) фиксирует общераспространённость данного значения на всей территории Центральной России. *Повозником* мог быть брат невесты, задействованный и в других обрядах и имевший несколько наименований в зависимости от этапа свадебного действия: при выкупе места подле невесты брата именуют *шорник* — по действию, совершаемому им в данный момент — он шьёт (чинит) седелку. Шорник — в том числе и на территории Калужской области ‘специалист по кожаной ремённой упряжи’.

Схожую роль в сопровождении жениха играл *блюдник*. Во всех фиксациях *блюдник* — маленький мальчик (семилетний), едущий в поезде жениха со свахой. В более ранних источниках — отмечается его функция кучера или держателя иконы, что исключает возможность управления лошадью. В начале XX века значение данного свадебного чина утрачивается, происходит деэтимологизация лексики, что приводит к назначению ему новых, чаще шутейных функций: «Блюда надъедает, тарелки подчищает». В настоящее время данная лексема не фиксируется.

На возницу последней подводы свадебного поезда, направляющегося в церковь и из неё, — кормового — возлагались обязанности, связанные с угощением загораживающих дорогу людей вином и закусками. «*Кормовой* к корму относящ.» (Даль, 2, 165). Данное субстантивное прилагательное от *корм* было распространено в центральном районе России в схожих значениях: В Рязанской области *кормовая* ‘угощение на пасхальной неделе’ [Деулино]; в Тульской губернии лексема *кормный* существовала «в виде сущ. в свадебном поезде: едущий за женихом со свахой, и везущий все съестное и питьёное» (Даль, 2, 165).

Дорогу свадебному поезду перегораживали много раз — в зависимости от численности и характера деревенских жителей. Людей, натягивающих верёвку или кладущих жердь, называли *околичники*, *околишники* — по наименованию действия *околичная*. В настоящее время данная лексема не фиксируется, заменяется общими *мужики*, *бабы*, *соседи*.

Не все лица, передвигающиеся в свадебном обряде, входят в состав свадебного поезда. *Дерюжники* — носильщики приданого — перемещаются вне поезда. Приданое (сундук и постельные принадлежности) могли привозить на телеге или торжественно и демонстративно переносить на шестах. Акт передачи приданого был после венчания, во время пира в доме у молодого. За привезённые вещи просили выкуп, который обязаны были заплатить дружка или родные жениха. В крестьянском быту XIX — начало XX вв. любое тряпичное изделие ценилось высоко, поэтому в состав приданого и входили постельные принадлежности, чаще всего состоящие из подушки и дерюги — ткани из грубого холста, служащей простыней, одеялом. *Дерюгой* — так же именовали любую другую схожую ткань, вне зависимости от назначения. Отсюда и название свадебного чина — *дерюжники* — носители дерюг (тканевых изделий или самих тканей).

Большинство лексем данной тематической подгруппы в настоящее время не воспроизводятся и не понимаются носителями говора, в связи с утратой реалий, вызванной унификацией свадебного обряда.

Общее наименование травы, растущей на болоте, в русских народных говорах

(на материале карты ЛАРНГ Л 132)

Е. В. Цветкова

Вопрос раздела «Растительный мир» темы «Природа» Программы ЛАРНГ под номером Л 132 предполагает создание карты, посвящённой репрезентации лексических различий, которые проявляются в русских народных говорах в наименовании травы, растущей на болоте. Однако ответы на данный вопрос свидетельствуют о том, что на карте необходимо отразить и словообразовательные различия картографируемых лексем. Материалы, собранные исследователями на территории Европейской части России для составления данной карты атласа, разнообразны, во многом дополняют имеющиеся в различных источниках сведения по изучаемой тематике и в то же время вызывают вопросы в связи с определёнными противоречиями и сложностями, которые возникли в процессе их систематизации и анализа.

Наиболее распространёнными в говорах, как выяснилось, являются наименования с корневыми морфемами *болот-/болот'-*, *мок-/моч'-*. Именно инвариантный ряд данных лексем образует первый уровень противопоставления. Второй уровень противопоставления образует вариантный ряд лексем, различающихся суффиксами: *болóтина, болóтник, болóтница, болотнѣя, болотнѣяк, болотнѣянка; мочáжѣина, мочáжѣник, мочáжѣница*. Третий уровень противопоставления связан с номинативными различиями: однословные номинации или описательные конструкции. Описательные конструкции (*болóтна трава, болóтная трава, болóтистая тра-*

ва, болóтова трава) включают в себя только компонент с картографируемым корнем *болот-/болот'*, основной описательной конструкцией является сочетание *болотная трава*.

Лингвогеографический анализ карты показал, что основную группу наименований болотной травы составляют производные образования с корнем *болот-/болот'*. Карта демонстрирует широкое распространение в русских народных говорах лексем *болотница* (наиболее часто) и *болотина*, а также составного наименования *болотная трава*. Анализ дополнительной карты, отображающей распространение только лексем *болотница* и *болотина*, свидетельствует о том, что в южнорусских говорах преобладает наименование *болотница*, на значительной территории Восточного региона (Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Челябинская область) зафиксирована только лексема *болотница*, а в говорах Северо-западного региона — номинация *болотина*. На карте чётко отображается в виде ленты, тянущейся от Воронежской области (и даже несколько ранее) до Архангельской области (в основном вдоль границы, водных объектов), распространение лексемы *болотина*. Во многих пунктах (в основном Центрального региона) отмечено употребление обеих лексем.

Лексема *болотина*, как и номинация *болото*, широко распространённая в восточнославянских диалектах, реконструируется ещё для эпохи праславянского языка. Она отмечается в русских памятниках XVI века (СлРЯ XI–XVII, вв. 1, 283). О наличии у лексемы *болотина* в русских народных говорах значения 'трава, растущая на болоте, сено из этой травы' имеются сведения в словарях. По данной номинации лексикографических подтверждений больше всего. В СРНГ, например, названы следующие регионы распространения данной лексемы (с указанием значения 'болотная трава или сено, скошенное на болоте и поэтому плохого качества'): Арх., Ленингр., Калинин., Тобол., Олон. (СРНГ, 3, 79). В Вологодском областном словаре даются иллюстрации: *Болотину и корова не будет ись. Нет хорошего сена, так и болотину едят. Болотина-то уж некуда не годится* (СВГ, 1, 37). Отмечается данная номинация также словарными материалами в нижегородских, псковских, архангельских,

пермских говорах. О соответствующем теме карты ЛАРНГ значениях (с подтверждением и расширением географии) свидетельствуют и имеющиеся в материалах к ней иллюстрации (основная часть всех иллюстраций к карте): *Лес на болоте, трава болотина* (п. 18). *Болотина-та и растёт только на болотах и на влажных местах* (п. 45). *На болотах болотина растёт* (п. 46). *На болоте растёт трава болотина* (п. 53). *На болоте болотина да и всё* (п. 55). *Болотину раньше мама косила да корове носила* (п. 56). *Худо коровы едят болотное сено — траву болотину. На болоте одна болотина растёт* (п. 62). *Косить пойдёшь, дак болотину-ту не коси, больно жёсткая* (п. 64). *Какая болотина! Пройти невозможно* (п. 116). *На болоте растёт болотная трава болотина* (п. 121). *На болоте-то болотина растёт* (п. 124). *Болотина растёт на болоте, есть и высокая, и низкая* (п. 132). *На болоте ягод-то нет, всё болотинной заросло* (п. 140). *Ноги в болотине все запутались* (п. 187). *Там трава-то болотина, плохая, да и сушить дольше* (п. 189). *Место там плохое, одна болотина растёт* (п. 196). *Накопил болотины на болоте* (п. 232). *В этой сырости может расти одна болотина* (п. 246). *Болотину хорошо косить на подстилку скоту* (п. 279). *Стало красиво, зелено, всё болотиной заросло* (п. 340). *На болоте растёт болотина, значит, трава така...* (п. 341). *Клюкву собирали, так в болотине запутались* (п. 392). *За болотиной и воды не видать* п. 394). *Болотина она и есть болотина, на болотах растёт* (п. 433). *Трава на болоте. Болотиной кормют скотину* (п. 436). *Та, что на болотине растёт, мы зовём болотина* (п. 439). *На болоте одна болотина. Это трава така* (п. 483). *Набрала болотины одной... С ней коровы ни бывают наливными* (п. 549) и т. д.

Как видим, лексикографические сведения и данные картотеки ЛАРНГ подтверждают, уточняют и дополняют друг друга. Однако словари чаще едины в других значениях лексемы *болотина*: ‘болото, небольшое болото, низкое болотистое место, топкое место, лужа, сенокосный луг и т. п.’ По материалам СРНГ, болотиной называют и конкретные виды растений: ‘вид осоки на топких местах, клевер (Олон.)’ (СРНГ, 3, 79). В говорах Карелии, Ленинградской, Вологодской областей зафиксированы значения ‘осока’, ‘сено с бо-

лота' [Васильев, 68]. Имеются и другие значения: 'поёмный луг' — Ярославск. (ЯОС, 2, 11), 'лу́жа, низина, сырой луг' — Костромск. (по сведениям картотеки Костромского областного словаря) и т. д.

Лексема **болотница** в словарях либо отсутствует, либо обычно даётся с иными значениями, например: «мифическое существо, дорога через болото» (СРНГ, 3, 79), «жительница болот» (Даль, 1, 110) и т. п. В БАС характеризуется как «род растения семейства осоковых» (БАС, 1, 551). В интересующем нас значении данная номинация раскрывается в основном материалами для ЛАРНГ. Подтверждением являются примеры из живой народной речи: *Болотница сочная, воды под ней много* (п. 27). *По болоту идёшь — болотница по ногам хлещет* (п. 46). *Болотную траву зовём болотницей* (п. 61). *Много болотницы. . . Трава болотная* (п. 80). *Болотницы много в сыром месте* (п. 81). *Эта болотница вся такая водянистая, скоро не высохнет* (п. 109). *Болотницу видать, а воду нет* (п. 119). *Всё болото затянуло болотницей* (п. 132). *В сырой год болотница так и прёт* (п. 181). *Вчера Сашка притащил домой болотницы* (п. 245). *На болоте усякой болотницы полно: и баган, и ужовник* (п. 267). *Там одна болотница растёт* (п. 277). *На дальнем болоте тяжело ходить: болотница высокая* (п. 280). *Болотну-ту траву болотницей зовут* (п. 341). *Болотница така мокра всегда* (п. 344). *Много её на болоте. Это вся трава, которая на болоте растёт, вот и болотница* (п. 346). *За деревней много болот, так там и болотница растёт* (п. 384). *Болотница. . . — да трава болотная* (п. 390). *Её и коровы-ти не едят — одна болотница* (п. 396). *На болоте растёт болотница* (п. 398). *Болотницу-то мы тоже косим* (п. 402). *На болоти трава растёт, это болотница* (п. 433). *Болотница-то тонка да водяниста* (п. 437). *Вон болотницы как много!* (п. 476). *На Бяляковском болоти клюкву собираешь, так эта болотница мешает очень* (п. 518). *Болотница растёт в болотнике, порой так сильно разрастается, что и не видно, куда ступать* (п. 539). *Болотница в болоте растёт* (п. 731). *В болоте много болотницы растёт* (п. 764). *По болоту растёт болотница* (п. 809). *Да вон та, что на болоте. Она растёт на болоте, вот мы её так и зовём* (п. 845) и т. д.

Реже встречаются такие названия болотной травы, как *болотник* — в говорах Карелии, Пермской, Псковской, Тверской, Костромской, Ивановской, Владимирской, Московской, Рязанской, Тульской, Орловской, Тамбовской, Курской, Оренбургской, Саратовской, Ростовской, Волгоградской областей, Удмуртии (более характерно для южнорусских и среднерусских говоров), *болотняк* — в говорах Карелии, Ленинградской, Вологодской, Псковской, Ивановской, Нижегородской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Липецкой, Воронежской областей, Удмуртии, Башкортостана, Краснодарского края (почти во всех регионах). Значения данных лексем подтверждаются соответствующими иллюстрациями: *Трава болотная болотником называется* (п. 18). *На болоте много болотника* (п. 390). *Среди болотников много черники* (п. 438). *Болотник, болотница на болоти растёт. Я ни хожу к болоту: страшно* (п. 522). *Трава, которая на болоте растёт, болотником называется. На болоте растёт болотник* (п. 548). *Дед скосил болотник* (п. 701). *Болотну траву болотняком зовут* (п. 295). В словарях чаще даётся значение 'лес, растущий на болоте'. Напр., в воронежских говорах: болотняк 'лес на болоте' (СВГ, 1, 124); БАС: «**Болотняк**. В просторечии и обл. Лес, растущий на болоте» (БАС, 1, 551); Даль: болотник 'лес по болоту' (Даль, 1, 110). Имеют место и другие значения: «болотник — род растения семейства вересковых» (БАС, 1, 551), «растение семейства частуховых» (СРНГ, 3, 78), «влажная низина, заросшая деревьями и кустарниками» (СОГ, 1, 85), «птица кулик (разные виды), багульник и другие конкретные растения» (Даль, 1, 110) и т. д.

Небольшим количеством представлены однокоренные наименования *болотня* (как в южнорусских, так и в среднерусских и севернорусских — брянских, владимирских, кировских — говорах), *болотнянка* (в основном в южнорусских говорах — курских, ростовских, волгоградских, а также в кировских говорах). Иллюстрации, к сожалению, малочисленны: *Болотню лучше корове не косить: там осока* (п. 391). *Вокруг болота одна болотня растёт* (п. 765). По материалам словарей: *болотнянка* — маленькая змея (Даль, 1, 110), птица отряда куликов и т. п. (СРНГ, 3, 80) и т. д.

Малочисленны наименования *болотняга* (в ивановских говорах, пп. 289, 291), единичны лексемы *болотьянка* (Ивановская область, п. 291), *заболоть* (Вологодская область, п. 84); на карте они даются как единичные названия с картографируемыми корнями. Данные номинации подтверждаются иллюстрациями: Балатнянку на балоти найдём (п. 950). *Заболоть не годится на корм скоту* (п. 84). Возможно, в эту группу стоит внести также наименования *болото* (пп. 177, 845), *болотинка* (п. 121), поскольку для данных лексем в говорах возможно интересующее нас значение. Используемые нами словари подтверждений этому не дают. На значение 'трава, растущая на болоте, сено с заболоченных мест' лексемы *болотинка* указывает В. Л. Васильев в своей работе «Новгородская географическая терминология»: ср.-урал. [Васильев, 68]. В новгородских говорах *болото* 'болотная осока, резунец; грубая трава, растущая на низких местах, сено из такой травы' [Васильев, 65] В данном случае мы наблюдаем семантический перенос 'место' → 'трава', 'сено'.

Незначительно количество составных названий *болотистая трава* (в основном в южнорусских говорах), *болотна трава* (в основном в нижегородских говорах, а также в других среднерусских говорах и ряде южнорусских говоров), редко встречается название *болотова трава* (в нижегородских, владимирских говорах). Иллюстрации: *Болотну траву корова не ест, её только на подстилку можно. Всю траву, которая на болоте растёт, мы зовём болотова трава* (п. 472). *На болоте растёт трава, болотна она* (п. 475). *На болоте — эт болотна трава* (п. 476). *Болотна трава, значит, на болоте растёт* (п. 478). *Трава болотистая, она непригодная к еде, к скотине* (п. 677). *Болотистая трава на болотах растёт* (п. 381). В основном в ответе на вопрос Программы ЛАРНГ звучит описательная конструкция *болотная трава*: *На болотах шибко много болотной травы растёт* (п. 10). *На болотах-то много болотной травы растёт* (п. 26). *Болотную траву косила* (п. 137). *Болотная и всё* (п. 169). *А трава, что на болотах растёт — болотная. Болотная трава сырость любит* (п. 331). *Болотная трава — которая на болоте растёт. Вона на горелом. Большие её никак не назовёшь —*

только болотная трава (п. 380). *В клюквенных болотах свои травы, болотные* (п. 381). *Болотная трава — да ну её!* (п. 385). *Траву на болоте мы зовём болотная трава* (п. 388). *Болотная трава — что на болоти растёт* (п. 436). *На болоте много всякой болотной травы растёт* (п. 440). *На болоте растёт болотная трава, там мху много, осоки* (п. 479). *Я сквозь болотную траву прошла, а топкое место не кончалось* (п. 514). *Болото-то болотной травой заросло* (п. 529). *То болотная трава растёт на болоте* (п. 764).

Географический термин **мочажина** образован от слова *мочаг*, восходящего к праславянскому *močagъ/*močaga ‘сырое, непросыхающее место’ (ЭССЯ, 19, 72). В словарях обычно даётся со значениями ‘сырое, низкое место’, ‘болотистое место’. Слово *мочевина*, означающее то же, что и лексема **мочажина**, а также и небольшое озерко, болотце и т. п., восходит к праславянскому *močevina, образованному от слова *močava ‘сырость, влажность, болото’, отмечается в памятниках XVIII в. (ЭССЯ, 19, 75–76).

Количество названий болотной травы с корнем *моч-/мок-* невелико, однако выявлены они в говорах почти всех регионов. Коррелируя с лексемами **болотница**, **болотина**, **болотник**, лексемы с корнем *моч-* (**мочажница**, **мочажина**, **мочажник**) располагаются на карте небольшими ареалами, спорадически на разных территориях (как в севернорусских, так и в среднерусских и южнорусских говорах — архангельских, вологодских, ярославских, Кировских, пермских, республик Удмуртия, Марий Эл, Башкортостан, Татарстан, Мордовия, тверских, владимирских, нижегородских, тамбовских, брянских, оренбургских, воронежских, волгоградских), являясь более характерными для севернорусских (чаще номинация **мочажница́**) и южнорусских (чаще номинация **мочажина**) говоров. Иллюстрации: *Мочажина на болоте-то растёт, без воды сохнет, гибнет* (п. 475). *А ближе к осени мочажник рвали на Олдаккином болоте. Тростину, а особо осоку, сушили её и в сараях клали, она крыс отпугивала* (п. 675). *Да и мочажницу-то тоже можно на сено косить* (п. 259). *Таньк, иди на болото и нарви мочажницу, потом нарежь её и сыпни во двор — пусть гуси с утками поклюют* (п. 675). *Мочажница раньше на корм скоту шла* (п. 558). *На*

болоте росла мочажница (п. 729). По материалам СРНГ, в русских народных говорах для наименования болотной травы используются такие лексемы, как *мочáг* Омск. (СРНГ, 18, 317); *мочажéйник* Донс., Пенз.; *мочежéйник* Тамб., Пенз. (СРНГ, 18, 315); а также *мочежéйнина*, *мочажéйнинá* Тамб., Пенз. (СРНГ, 18, 314). В донских говорах болотную траву называют мочежинником (СРДГ, 1).

Единичные лексемы *мочаженица* (удар?) (Пермская область, п. 259), *мочежéйник* (Ростовская область, п. 948), *мочéги* (Московская область, п. 467), *мочáг* (Республика Мордовия, п. 557), *мочéга* (Воронежская область, п. 907), *мокруха* (Тамбовская область, п. 800) и малочисленные лексемы *мочá* (Республика Мордовия, п. 557; Воронежская область, п. 907), *мочевéинá* (Республика Удмуртия, п. 207; Брянская область, п. 764) даются на карте как наименования с единичными картографируемыми корнями. К сожалению иллюстрация имеется всего одна: *Мачиги сочные, за ними воды ни видно, можно отупиться в воду. Это вся болотная трава* (п. 467).

Незначительно количество названий с иными корнями: *бочаж-* (*бочажéина* — в ярославских и брянских говорах, пп. 239, 764; *бочáжница* — в ленинградских и брянских говорах, пп. 74, 764), коррелирующих с наименованиями *болотина*, *болотница*, *мочажина*, *мочажница*; *дур-* (*дурмéнь* — в кировских и московских говорах, пп. 201, 281, 336; *дурнйáк* — в ярославских говорах, пп. 240, 336); единичный характер носят названия с корнями *топ-* (*уто́па* — в ярославских говорах, п. 133: *Ну-ко ты, богатая, плати-ка за утопу сто шестьдесят рублей. — Не за что.* (ЯОС, 10, 22)), *вод-* (*водя́нка* — в тульских говорах, п. 604), *сыр-* (*сырнякú* — в воронежских говорах, п. 885); они отмечены на карте как единичные названия с некартографируемыми корнями. В эту группу, с учётом последних сведений диалектологических экспедиций, можем внести и лексему *багна* (пп. 322, 523, 903 — в псковских, московских, белгородских говорах: *Багной зовём*).

Как видим, не все лексемы, как общее наименование болотной травы, данные в вопросе Программы ЛАРНГ, в словарях, оказались подтверждёнными лексическими материалами, которые были собраны во время полевых экспедиций для ЛАРНГ. Предполагаем,

что связано это не только (а точнее, не столько) отсутствием в говорах ряда лексем, но и (сколько) с недостаточно тщательным, ответственным, опросом информантов, недостаточно точной записью их ответов. Высвечивается проблема, на которую многими неоднократно обращалось внимание на совещаниях по ЛАРНГ. Как показывают лексические материалы к карте, собиратели, а следовательно, и информанты, не всегда разграничивали понятия «общее наименование травы, растущей на болоте» и «название любой, конкретной травы, растущей на болоте». В связи с этим, значительная часть собранного материала была отведена от картографирования. Например, *осока, клоповник, баган, баговник, чакан, булыза, белокучка, камыш, мох, белоголовник, вязель, гусенич, дударь, куга, череда, клевер, тrefоль* и мн. др. Имеются и ответы, полностью не соответствующие теме карты. В отношении ряда лексем сложность в решении вопроса их картографирования — некартографирования возникла ввиду их единичности или немногочисленности и при этом отсутствия подтверждающих их значение иллюстраций. Часто не подтверждены соответствующими иллюстрациями и названия многочисленные. Особенно это важным является в тех случаях, когда одна и та же лексема может являться и общим наименованием болотной травы, и названием конкретной болотной травы.

Примеры из живой народной речи позволяют сделать выводы об особенностях функционирования названий в речи информантов. Например, иллюстрации демонстрируют различное отношение информантов к болотной траве: она и дурная, дурманящая, мешающая и в то же время красивая (Болотина вонючая, от неё голова болит, ею мышей и крыс травят (п. 61); *Всякая болотина с запахом* (п. 219); *Кроме как болотиной такую траву и не назовёшь* (п. 344); *За селом болотины полно, запах от неё нехороший* (п. 401); *Голова от болотницы заболела, у неё больно запах дурманящий* (п. 48); *Болотница-то дурная уж очень травушка* (108); *Болотница всегда гнилью воняет* (845); *Посмотришь, а болотина-то красива* (п. 341) и т. д.), она для корма скоту не годится, но её всё-таки используют, если другой травы нет (*Косить пойдёшь, дак болотину-ту не коси, больно жёсткая* (п. 64); *Корова болотницы нажралась, занемо-*

жила, фельшера вызывала. Мы болотницу на корм скотине косим (п. 432); *Болотиной кормят скотину* (436) и т. д.).

Лексические материалы карты позволили сделать наблюдения не только над апеллятивами, но и над топонимами, поскольку значительная часть названий основана на семантическом переносе «место» → «травя». Наименования *болотина, болотняк, заболоть, мочажина, мочаг, мочевина, бочажина* и др. часто входят в состав микропонимов или самостоятельно, без каких-либо преобразований выполняют роль имён собственных.

Литература

Васильев В. Л. Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки). Великий Новгород, 2001.

Костючук Л. Я. Лингвистическая оценка собираемого для лексического атласа материала /Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006. СПб., 2006. С. 63–66.

Наименования растущего дерева в курских говорах

(по материалам лексикографических источников и полевых данных)

Т. М. Малыхина, Л. Е. Писарева

В курских народных говорах наименования «растущего дерева» представлены лексемами с корнями *дерев-/древ-/дерв-, вет-, верб-*.

Лексемы *дѣрево (дрѣво, дѣрво)* (ср. р.), *дѣрева (дрѣва)* (ж. р.), *древ* (м. р.), *деревина* распространены на большей территории курских народных говоров и очень частотны: *Растущее дерево так и есть дѣрево* (Кореневский район). *Дѣрево росло у берега речки* (Льговский район). *Древ у нас очень много* (Кореневский район). *Спили ту дереву́* (Рыльский район). *Эта деревá молодая еще* (Пристенский район). *Хорошая дрѣва растет* (Курский район). *Это дрѣво уже выросло* (Железногорский район). *А за нашими окнами сплошные деревá* (Обоянский район). *Глядь, а у деревíны заяц сидит* (Обоянский район). *Ты куда на деревíну забрался?* (Глушковский район). *Деревíны такой у нас нет* (Железногорский район). *Я к древíне красну тряпку привяжу* (Медвенский район). (Картотека курских говоров).

Широко распространены в курских говорах в значении 'растущее дерево' также лексемы *вѣтки, вѣрба*: *До тех вѣток еще идти долго* (Глушковский район). *Вѣрба — это и береза, и липа, и клен* (Курский район). *У нас в лесу одни вѣрбы растут, а елок нет* (Черемисиновский район). (Картотека курских говоров).

Нередко они сосуществуют в одном и том же говоре с лексемой *дѣрево*, образуя двучленные противопоставления.

Этимологический словарь славянских языков под редакцией О. Н. Трубачева указывает: **dervo*: ст.-слав. *дръво* ср. р., *arbor*, *lignum* дерево (ЭССЯ, 5, 211).

В латинско-русском словаре находим: лексема *arbor* (арх. *arbors*), *oris* «дерево», *origo* «род», *origo* ‘зарождаться, вставать, восходить, появляться, вырастать, подниматься’ (ЛРС, 71, 543).

В этимологическом словаре русского языка под редакцией М. Фасмера читаем: «допустимо думать, что славян. слово *род* родственно арм. *ordi* «сын», хетт. *hardu* — «правнук» и восходит к и.-е. **ǵordh* — «высокий, выросший», сюда же *pacmú*, лат. *arbor* «дерево», др.-инд. *vrādhant-* «поднимающийся», *vārdhati* «растет, умножается», авест. *vərədaiti* «растет» (Фасмер, 3, 491).

Таким образом, этимологический анализ показывает, что лексема **дерево** (*arbor*) несет в себе значение роста, **дерево** буквально — то, что зародилось, поднялось, то есть выросло.

В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» находим: **верба** — кустарник или дерево, в народной культуре символизирующие быстрый рост, здоровье, жизненную силу, плодородие (СД, 1, 333).

В России **верба** как символ весны заменила священные пальмовые ветви (листья вайи) в праздник памяти входа Иисуса Христа в Иерусалим (ЭС, 733).

В церковно-славянском словаре находим: «**верба** — дерево, подобное ивѣ или ветлѣ, обыкновенно растущее на влажныхъ мѣстах; вѣтви этого дерева вмѣсто ваи употребляются у насъ въ недѣлю Ваи на утрени. На вербѣихъ посредеѣ его. Ваѣа = вѣтви (пальмовыя) (по Остр. ев. вѣѣе или вѣи, по другимъ вѣѣа)» (ПЦСС, 71).

В этимологическом словаре М. Фасмера читаем: *ѣрба*, укр. *верба́*, др.-русск. *вьрба*, ст.-слав. *вьрба*, болг. *вьрба*, сербохорв. *врба*, чеш. *vrba*, словц. *vřba*, польск. *wierzba*, в.-луж. *wjerba*. Родственно лит. *virbas* «прут, стебель» (Фасмер, 1, 293). Ср., др.-русск. *прутъ* «прут», словен. *prót*, полаб. *prqt*. Вероятно, первонач. «ветвь», родственно **prodz* — «течение», др.-исл. *spretta* «прорастать, вскакивать, брызгать» (Фасмер, 3, 390).

Прут буквально — «ветка, побег», ср. *отпрыск, побеги; отпрыскивать* «давать молодые побеги», исходное *прыск* — «брызги» (ЭСРЯШ, 219, 260).

Ср., *ветвь, ветка*, укр. *вiть*, др.-русск., ст.-слав. *вѣтвь*, болг. *вѣтка, вѣтва, вѣя*, словен. *vêja*, чеш. *větev*, слвц. *Větev*, польск. *witwa* «ива». Родственно др.-прусс. *Witwan* «ива», греч. **voituvā* «ива», авест. *Vaēiti* — «ива», сюда же *вью, вить* (Фасмер, 1, 306).

Таким образом, можно предположить, что лексемы *дерево* (лат. *arbor, oris* — «дерево», *orior* «зарождаться, вырастать»), *ветвь* (**prodz* — «течение», др.-исл. *spretta* «прорастать, вскакивать, брызгать»), *верба* (лит. *virbas* «прут», лат. *verbena* «ветвь», авест. *vərədaiti* «растет») являются этимологически родственными и включают в себе сему роста.

Наименования берёзы в русских говорах

(к вопросу о картографировании видовых апеллятивов)

М. В. Флягина, Е. В. Сердюкова

Береза (*Betula*) — одно из распространеннейших растений северного полушария. В северной и средней полосе России, а также в Белоруссии береза растет чистыми сплошными рощами (*березник, березняк* и т. п.), что не встречается больше нигде. Поэтому и называют березу русским деревом. Действительно, трудно себе представить более «русское дерево», неслучайно береза стала поэтическим символом русской земли. Береза имела огромное хозяйственное и ритуальное значение еще у древних индоевропейцев, что до сих пор сохранилось у многих народов, но особенно широко использовалась береза на Руси, поскольку служила в древности и служит в отдельных случаях до сих пор материалом для изготовления самых разнообразных предметов от обуви, посуды, корзин до материала для письма. Таким образом, береза для русского человека — это источник практической пользы и эстетического наслаждения одновременно. Об этом убедительно свидетельствует высокая номинативная плотность концептуального поля и предельная детализация наименований березы. В материалах карты ЛАРНГ Л 53 «Береза» отмечены следующие лексемы: *белая, белёсая, бѣлица, белянка, березень, березина, березовина, березуха, берёза, весёлка, витуха, глушина, глушка, глушинина, глушняга, глушняк, крушина, кудря, кудрявая, невѣста, повитуха, чиснега, чиснеговая берёза, чистарка, чистка, чистоліст, чистополь, чистуха, чистяк*. Анализ лексического материала показал, что в группе названий представлены как общее название дерева, так и видовые апеллятивы.

При работе над первым томом «Лексического атласа русских народных говоров» «Растительный мир» составители карт не раз сталкивались с проблемой картографирования видовых наименований растений. Согласно картографической концепции Атласа видовые наименования отводятся от картографирования, однако материал отдельных карт свидетельствует о возможности представления видовых апеллятивов на карте.

Карта Л 53 «Береза» посвящена лексико-словообразовательным различиям наименований в названии березы. Основное противопоставление представляют лексические различия, которые формируются лексемами с корнями *берез-/берёз*, *весёл-*, *бел-*, *чист-*, *глуш-*, *круш-*, *кудр-*, получившими наибольшее распространение в русских диалектах. Для названия дерева *Betula* основным является слово *берёза* и производные от него (*березень*, *березина*, *березовина*, *березуха*). Самыми распространенными разновидностями березы являются *Betula pubescens* (береза пушистая) и *Betula verrucosa* (береза бородавчатая), которые объединены общим названием — *Betula alba* (береза белая). Говоря о происхождении слова *берёза*, О. Н. Трубачев отмечает: «Название дерева берёзы представляет собой классический случай в древней ботанической лексике, когда, во-первых, все славянские формы, обладающие одним и тем же значением ‘*Betula alba*’, восходят к праслав. *berza, не поддающемуся этимологическому анализу на слав. почве; во-вторых, реконструированное праслав. *berza восходит к и.-е. *bherǵos, *bherǵā, кот., в свою очередь, весьма распространено в и.-е. языках и обозначает различные разновидности *Betulaceae*, ... название березы обнаруживает исключительную древность, но оно же характеризуется и редкой ясностью этимологии, поскольку бесспорно произведено от и.-е. основы со знач. ‘блеск, свет, белый цвет’». Слав. слово родственно др.-инд. *bhūrjā*- ‘вид березы’, из коры которой изготовлялся материал для письма, др.-в.-нем. *birihha* (нем. *Birke*), др.-англ. *beorc*, *birce* (англ. *birch*) ‘береза’, прус. *berse* ‘береза’, лит. *bēržas* ‘береза’, рус. диал. *бересто* ‘береста’, ‘письмо’, др.-рус. *бересто* ‘березовая кора’, польск. *brzesta* ‘кора вяза’, с переносом значения, а также лат. *fraxinus* ‘ясень’ (с переносом значения). Все и.-е.

названия березы связаны с первичной основой **b^lerək^l* в значении ‘светиться’, ‘блестеть’: ср. др.-инд. *bhrājate* ‘блестит’, ‘сияет’, гот. *bairhts* ‘светлый’, ‘ясный’, ‘блестящий’, др.-англ. *beorht* ‘блестящий’, ‘яркий’ (англ. *bright*). (ЭССЯ, 1, 202). Связь этих значений (‘светлый’, ‘яркий’ → ‘береза’) легко объясняется характерным цветом блестящей коры березы, по которой и было названо само растение. Отсюда появилось и ритуальное использование березы в качестве символа ‘чистоты’, ‘невинности’, что нашло лексическое выражение в русских говорах — в материалах карты зафиксирована лексема *невёста* (пп. 289, 675, 863, 920).

Названия, характеризующие разновидности растения *Betula alba* ‘береза’ *Betula pubescens* (береза пушистая) и *Betula verrucosa* (береза бородавчатая), в ряде говоров не только составляют видо-вые пары (например, *глушняк* — *чистяк*), но и являются единственными обозначениями реалемы. В материалах карты Л 53 отмечены следующие видовые названия берёзы: *глушнега*, *глушняк*, *глушина*, *глушнина*, *глушка*, *крушина*, *чистуха*, *чистушка*, *чистка*, *чистяк*, *весёлка*. Для народных говоров характерна детализация, конкретизация при назывании тех предметов и явлений окружающего мира, которые важны с точки зрения носителей диалектов: *Глушка не как чистка, на язык возьмишь — как тертуха* (п. 69). *На веники надо ломать чистку, а то опаришишь* (п. 107). *Чистяк гладкий, на веники* (п. 49). *С весёлки сок собирать любили. Из весёлки веники делали* (п. 219). *Весёлка — та на веники, а глушняк нет* (п. 332).

Опыт диалектологического исследования показывает, что при номинации природных объектов диалектоносителями далеко не все значимые с точки зрения литературного языка оппозиции активизируются. Как известно, в процессе номинации явлений и объектов природы диалектоносители учитывают самые мельчайшие признаки реалий, так возникают дифференцирующие названия, в которых актуализируются различные особенности местных объектов природы. Березу бородавчатую на веники не используют, так как у нее жесткие листочки, нижняя поверхность их шероховата. В архангельских, вологодских, псковских и тверских говорах такую березу называют *глушняк*, *глухарь*, *глушина*, *глушнина*, *глушница*.

Н. В. Таранов отмечает: «Как видим, народ подметил характерную черту этого вида березы — нечувствительность ее ветвей, “глухоту”» [Таранов, 117]. Ф. П. Филин в СРНГ указывает, что слово *глушина* (*Betula verrucosa*) встречается в псковских, олонекских, смоленских, вологодских говорах. «Береза, из которой не делают веников, потому что такие веники, как говорят, обжигают тело в бане и скоро осыпаются». Но это и «береза, растущая в глухом лесу, противоположность березе-весёлке» (СРНГ, 6, 218). Слово *глушняк* (СРНГ, 6, 220) обозначает и растение ‘*Betula alba*’, и ‘лес, состоящий из березы такой породы’, но этим словом называют также ‘глухой, непроходимый лес’. В «Словаре Академии Российской» зафиксировано слово *глушняк* в значении ‘глухой, непроходимый лес’ (Слов. Акад. 1789–1794). В псковских говорах березу глухую называют также *береза лешая*: «*Вясёлка больша на сухом месте, глухая берёза на балоте растёт. . .*»; «*на веники бярем харошую бярэзу, а та что на балоти, то лешая берёза, листики у неё скольскии*» (ПОС, 1, 176). Место произрастания *глухой, лешей березы* связано с болотистыми, глухими местами, где, по преданиям, обитали лешии, то есть в названии акцент сделан все-таки на месте, где растёт эта берёза, а не только на ее внешних признаках, свойствах (не используется для веников). В говорах Московской области, по данным Н. В. Таранова, встречается для березы пушистой название *пелева* (*Пелева — это береза, из которой делают веники, у нее листик мягкий*). Н. В. Таранов предполагает, что здесь возможен корень *пел-* как в слове *пелена* [Таранов, 117].

Каждый исследователь диалектной лексики должен принимать во внимание особенности народного мировосприятия и исследовать названия тех природных объектов, которые считаются таковыми в понятии диалектоносителей. Более активное употребление видовых наименований по сравнению с общим названием свидетельствует об избирательности диалектоносителей в выборе средств языкового осмысления действительности. Осознавая и признавая общенародную языковую оппозицию ‘общее название’ — ‘видовое наименование’, диалектоносители тем не менее настаивают на конкретизации названий близких им, «родных» природных объектов. Именно

в этом проявляется своеобразие их языковой картины мира, сравните иллюстративные контексты: *Ну берёза, это как берёза, это где-то, а у нас вот чистуха есть, а есть глушина* (п. 219). *Берёза есть берёза, весёлка на веники иде, а глушина не* (п. 221). *Чистка — это берёза, листочек возьмёшь на язык, он и гладенький* (п. 69). *У берёзы-весёлки лист мягкой, гладкой. А у берёзы-глушины твёрдай лист* (п. 223). Приведенные контексты показывают, что общее видовое название не употребляется самостоятельно, чаще служит толкованием названий местных разновидностей дерева березы. Интересна народная этимология таких видовых наименований: *Березы в нас разные, есть весёлки, в ей ветки вверх поднявшись, с весёлки веники вяжут. А крушина — эта плакучая березина, ветки вниз растут* (п. 168). *А у весёлки ветви смотрят вверх* (п. 327). Название **весёлка** связано с ритуальным использованием березы: ею украшали избу в праздник. В Псковской области словом **весёлка** называют и срубленное деревце, которое ставили для украшения в праздник Троицы.

В Лексическом атласе Московской области А. Ф. Войтенко для названия березы пушистой зафиксированы такие слова и словосочетания: *правская береза, працкая береза, прямая береза, прямская береза, лоза, лозочка, лозина, лозняк, пушистая береза, чуткая береза, пелева, светелка, чистуха, чистка, весельник, веселка*; для березы бородавчатой: *глухая береза, глушня, глушина, глушняк, глушина, плакса, плакучая береза, плакучка, бородавка, бородавчатая береза, кудрявая береза, семяник, семенная береза, припыль, хохлушка, болотная береза, сережки, глухарь* (Войтенко, 26). На территории Московской области березовые рощи, леса встречаются повсеместно, поэтому данные этих говоров очень показательны.

В материалах карты единожды встретилось слово **ёрник** (п. 240), не подкрепленное иллюстративным материалом. В СРНГ: **ёрник, ёрник** ‘низкорослый (преимущественно березовый) кустарник, стелющийся по земле’, (беломор., сев.-двин., волог.), ‘кустарник из карликовой березы, весьма широко распространенный в Сибири’ (забайк., колым., якут., амур.), ‘заросли полярных и горных кустарников, главным образом из карликовой березы, полярной ивы

и других растений. На Крайнем Севере, как, например, на Кольском п-ове, ерником называют стелющиеся кустарники, а в других местах их исключают из понятия ерник. В Восточной Сибири и в горах Южной Сибири ерник — горные болотистые лугово-кустарниковые ассоциации. На Канином п-ове — *ерá* (Мурзаевы, 1959), ‘мелкий кустарник, чаще березовый, но не стелющийся по земле’ (беломор.), *березовый ерник* ‘растение *Betula fruticosa* Pall., сем. березовых; березовый ёрник, сланец, сланка’ (Даль [без указ, места]., якут., амур., сиб.), *ёрник таловый* ‘растение *Salix herbacea* L., сем. ивовых; ива травянистая’ (волог), ‘растение *Empetrum* L., сем. ворониковых; вороника, водяника’, ‘растение *Empetrum nigrum*, сем. ворониковых; вороника, черная, ерник ягодный черный’, ‘растение *Calluna vulgaris* Salisb., сем. вересковых; вереск обыкновенный’ (костром., арх., урал.), ‘растение *Spiraea* L., сем. розанных; таволга, спирея’ (ангар., волог., сиб.), *ольховый ёрник* ‘растение *Alnus* Willd., сем. березовых; белая ольха’ (СРНГ, 9, 31). По мнению Фасмера, слово *ёрник* образовано от слова *ёра* ‘ивняк’ (печорск.), заимствовано из коми *jeга* ‘карликовая береза, *Betula nana*’, *jõr*, *jõrpu* — то же (Фасмер, 2, 22). Таким образом, лексема отведена от картографирования как неубедительная, не подкрепленная лексикографическими материалами и тем самым не отвечающая теме карты.

Предпочтение в употреблении видовых наименований отдельными говорами, а значит и правомерность их включения в состав картографируемого материала подчеркивается не только частотностью этих наименований в русских диалектах, но и словообразовательной вариативностью (ср.: *чистуха — чистушка — чистотка — чиснега — чистка — чистяк*; *глушина — глушнега — глушка — глушняк*), а также типизмом словообразовательных моделей в рамках разных корневых гнезд (ср.: *чистяк — глушняк, чистка — глушка, глушина — крушина*).

Одним из важнейших аргументов в пользу возможности отражения видовых апеллятивов на карте Л 53 «Берёза» является четкий ареал распространения наименований на территории русского диалектного континуума. Ареал представляет собой достаточно широкий пояс, проходящий по территории восточной группы севернове-

ликорусского наречия, отдельные фиксации указанных апеллятивов обнаруживаются на территории юго-западных говоров, граничащих с белорусской территорией, где береза также произрастает рощами. Лексема *весёлка* имеет компактный ареал распространения в западной части среднерусских говоров (большой частью в псковских и западной части тверских говоров).

Таким образом, учет вышеизложенных факторов, таких как особенности народного мировосприятия, многообразие форм, высокая частотность употребления апеллятивов и (самое главное!) четкость ареала распространения наименований, позволяет включить известные видовые наименования в состав картографируемого материала и тем самым показать особенности диалектного противопоставления русских говоров на лексическом уровне.

Литература

- Войтенко А. Ф.* Лексический атлас Московской области. М., 1991.
Таранов Н. В. Береза в названиях народных // Русская речь. 1981. №3. С. 116–118.

Русские названия растений, производные от орнитонима «воробей», на общеславянском фоне

С. Ю. Дубровина

В настоящей статье подвергается этносемантическому исследованию один из участков ботанического словаря русского языка — названия растений орнитологического происхождения, производные от слова «воробей». Задачей осуществлённого исследования явилось выяснение причин мотивации тех или иных названий в связи с этнокультурными характеристиками птиц, структурной композиции названий растений «орнитологического» ряда, моделирование диалектных терминов на основе принципов номинации общего для народной ботаники и частного характера.

Народная ботаника представляет собой специальную область знания, прежде всего, медицинскую и утилитарную, вошедшую, малой своей частью, в профессиональное знание о медицине и свойствах растений. Народная ботаническая терминология, в свою очередь, влилась частично в литературные языки и научную ботаническую систематику.

Лексика растений номинативна по своей природе и непосредственно отражает их свойства и особенности. Ботанические термины есть слова-ономатемы: прочная и устойчивая связь ботанического названия с реальией не позволяет развиваться переносным значениям. Тем не менее, число названий, относящихся к одному виду, широко и многообразно, так как на номинацию растений оказывают решающее влияние этнокультурные коннотации.

На протяжении 20 века в растительном мире, как и в гуманитарном, диалектном, произошли (и происходят ныне) необратимые изменения, связанные со сменой природной экологии и утратой растений. В настоящее время многих растений, отмеченных в 19 веке пометой «повсеместно», уже не существует на пространствах России; они стали уникальными, ограниченными зоной единичного произрастания, или исчезли вообще. Сами имена растений, воплощающие космологические, вероучительные представления народа, его практический и духовный опыт, исчезают из памяти, теряются и уходят под влиянием «точного» научного знания.

Наши наблюдения о дикорастущих травах в этнической культуре русского народа и славян обращены, прежде всего, к тому источниковедческому материалу, который, в силу реальности его существования и времени выхода в свет, отражает традиционные, представления о растениях, птицах и народной медицине.

Курсивом выделяются диалектные и национальные номенклатурные названия.

Обратимся непосредственно к рассмотрению названий растений.

Количество ботанических терминов, производных от основы «воробей», невелико: в «Ботаническом словаре» Н. И. Анненкова приводится около 10 названий, многие из которых принадлежат нескольким растениям сразу. При ознакомлении выявляются две наиболее яркие особенности номинации: во-первых, «воробьиные» травы реализуют сему уменьшительности («воробьиный щавель» — невысокий щавель; «воробьиное просо — крошечная трава *Anagallis*; «воробьятник» — мелкое растение вообще); во-вторых, они же указывают на дикорастущие виды, имеющие схожесть с некоторыми культурами («воробьиный горох», «воробьиное просо»). Нельзя не заметить также, что «воробьиными» называются чаще всего гороховидные растения (*Coronilla*, *Vicia*, *Lathyris*, *Medicago* и др.).

Единичные названия образованы на основе метафоры по сходству («воробьиные язычки») и употреблению (*Lysimachia*).

Интерес представляет атрибутивная составляющая названия *воробьиное просо* растения *Anagallis*, способного, по мнению сербского ботаника Д. Симоновича, вызывать хорошее настроение, что, в свою очередь, согласуется с фольклорным образом воробья — весёлого, молодцеватого парня, хвастуна, участника любовных похождения. Интересно в связи с этим, что в медицине растение известно благодаря своим секреторным свойствам.

Рассмотрим этнокультурные представления о воробье и проведём параллели между русской ботанической лексикой оторнитонимного происхождения и более широком общеславянском фоном.

В восточнославянских сказках, быличках, легендах воробей олицетворяется и наделяется сатирическими чертами: легкомыслием, беспечностью, мошенничеством, воровством, плутовством, невоздержанностью в любви и пище, хвастовством и весельем (Анненков 1858, с. 92). В словаре воровского жаргона: «воробей» — ‘висячий замок’. В пословицах и поговорках: «до обеда соловей, а после обеда — воробей, т. е. хмелен» (Даль 1955, 1, 242); «воробьиная память» — плохая память (*вор., курск.* СРНГ, 5, 106).

Не случайно к образу воробья прилагается эпитет «пьяный»: он варит пиво, пьёт водку и вино (ВС 1978, 92, 233). В восточнославянских сказках известный своими любовными похождениями воробей-ловелас домогается любви кобылы, но и терпя неудачу, считает себя молодцом (ВС 1978, 91–92, № 223, 229, 233Д).

Эротическая, брачная символика воробья раскрывается в русских свадебных песнях: воробей — холостой молодой парень, прилетающий к девице («Летит, летит, воробьюшка, извивается, молодёшенек. Он ко девице на воротичка» (*мезен., арх.*); «Все-то воробьюшки женаты, как один-то воробейко Он и холост, неженатый» (*смол.*) (СРНГ, 5, 102–106).

Прилёт воробья к конопле означает ухаживание («Повадился воробей в конопельку» — Даль, 1, 242). Считалось, что видеть воробья во сне, и, тем более, ловить его, предвещает начало знакомства и любви: «воробья поющего во сне слышать значит стыд иметь» — (Волшебное зеркало. . . 1827, 11). В народном снотолкователе Минской губернии: «Воробья видеть — кали жену, дак забяремень».

В связи с известной семантикой воробья как хитреца и пройдохи символическое толкование сновидений склоняется к незаконным отношениям полов, неверности, ср.: «Воробья видеть — люди хитрят. Воробья ловить и поймать — уличить вора» (Ляцкой 1989, 139–148).

Подобные фольклорные олицетворения воробья как ухаже-ра, неверного любовника и повесы, скорее всего, являются мотивацией к созданию «воробьиной» терминологии растения *Passerina* [Steller] — *воробинка*. Мотивация поддерживается отмеченным В. И. Далем синонимичным наименованием *Passerina* [Steller] *мужик-корень* (Даль 1994, 1, 594).

Функциональное сходство с примером из снотолкователя, проецирующим связь воробья с деторождением, обнаруживается в народной рекомендации лекарственного употребления растения *Lithospermum officinale* L. По данным ботаника П. Крылова, работавшего в Пермской и Казанской губерниях, оно употреблялось во время родов для облегчения их: «*Lithospermum officinale* L. *Воробьиное семя*. . . женщины едят семя этого растения перед родами для облегчения родов. . . Кроме того, даётся на хлеб коровам, когда нет последа» (перм. Крылов 1876, 36). «*Воробьиное семя*. *Lithospermum officinale*. Собирают зрелые семена, их растирают и готовят отвар, которым поят женщин во время родов для облегчения последних» (каз. Крылов 1882, 11). По другим данным: «*Lithospermum officinale* L. Fam. Boragineae. *Воробейник* (Кузнецкий округ). . . Женщины едят семя этого растения перед родами, для облегчения родов. . .» (Томск. Горст 1894, 11). «*Воробьиное семя*. Раст. *Lithospermum officinale*, сем. Бурачниковых: *воробейник аптечный* (Даль без указ. места). Зёрна закатываются в мякиш хлеба и даются роженицам для усиления родовых потуг» (енис. Макаренко. СРНГ, 5, 105).

Растение *Polemonium coeruleum* L. также употреблялось при родовспоможении в народной медицине. При этом отмечено его диалектное название *воробьиная трава* (курск.), известное и в научной ботанике. Помимо этого, с помощью растения лечили детские испуги, бессонницы: «В народной медицине употреблялось от многих

болезней: от бессонницы, происшедшей от испуга, пьют пареную траву (вор.), после разрешения от бремени (влад.). На Вятке трава в виде настоя даётся детям от родимца» (Анненков 1878, 262). Чрезвычайную лекарственность *Polemonium coerulum* поддерживает архангельское название *Егорьево копьё*, основанное на имени святого Егория (Георгия Победоносца) и вере в его защиту.

Родильная символика воробья и отражение её в народной медицине восходят к аспектам праславянской категории родства и теме пращуров. На основании сопоставления древнерусских текстов и восточнославянских обрядов исследователь-этнограф Л. А. Тульцева делала вывод о связи почитания воробья с аграрными культами и культом предков. Отношение к земледельческим обрядам устанавливается на основе фактов «обязательного разговления воробьями в строго установленное время» (Тульцева, 164). Примером таких ритуальных пиршеств служит, указывает учёный, например, тот факт, что ещё в середине прошлого (19-го — С.Д.) века тамбовские переселенцы в Оренбургской губернии на Рождество разговлялись воробьями «на первом поданном блюде» с самую лучшую приправую, с целью восстановления физических сил, приобретения быстроты и лёгкости» (там же, 163).

Этнокультурные представления о воробье и его свойствах могли влиять на закрепление «воробьиных» названий у растений, обладающих тонизирующей и иной спецификой.

Таково диалектное русское *воробьиное просо*, относящееся к *Anagallis*. Н. И. Анненков пишет: «... от греч. *ανα-γέλω* ‘смеяться’ (ср. Вейсман 1991, 82, ‘засмеяться’); по употр. в прежнее время для возбуждения весёлого расположения духа. Или от *ανα* и *γαλλος* — то есть средство, восстанавливающее производительную способность» (Анненков 1878, 31)¹. В других славянских языках названий, похожих на «воробьиное просо», относящихся к *Anagallis*, нам не встретилось.

¹ Пояснение, аналогичное замечанию Н. И. Анненкова, приводит автор сербского словаря Драгутин Симонович: «се билька некад употреблавала као средство за изазивање расположења» [это растение когда-то употреблялось в качестве средства для вызывания хорошего настроения] (Симонович, 32).

Автор заметок о русской народной медицине Г. Попов приводит пример лечения мужских болезней с помощью растения под названием *воробьёво семя*: «мужчины. . . принимают в воде толчёное *воробьёвое семя* (*Lithospermum arvense* L.), толчёные семена спаржи и льна, едят анис и тмин» (Попов Г., 316). Параллельное название — *воробинка, ж.* — имеет растение *Passerina* [Steller] (Даль, 1994, 1, 594). Его синонимичный вариант по отношению к *Passerina* [Stelleri] *мужик-корень* (там же у Даля), появился, судя по названию, благодаря медицинским лечебным или секреторным свойствам растения, оказывающим афродизиаческое влияние.

Воробей передвигается, одновременно отталкиваясь обеими лапками от поверхности. В русском, украинском фольклоре существует множество рассказов, быличек, которые дают объяснение причинам необычной прыгучести этой маленькой птицы.

В восточнославянских сказках зоологического цикла объясняется, что воробей прыгает из-за того, что наказан за воровство: «из-за вороватого воробья всех птиц стали называть ворами; возмущённые птицы заковали воробья в кандалы и бросили в тюрьму; но злодей сбежал прямо в кандалах и с тех пор не может ходить шагом, а только прыгает» (ВС 1978, 91). По русским легендам, возникшим, возможно, под влиянием апокрифической литературы, злокозненность воробья объясняется иначе: если ласточки предостерегали Спасителя от преследователей Его, то воробьи, напротив, пугали Его, крича «жив, жив», и приносили римлянам гвозди, которыми распинали Христа, — поэтому ноги воробьёв спутаны невидимыми путами» (Даль 1880, 80).

Украинский вариант этой легенды был записан и опубликован П. П. Чубинским: «Горобьи — проклятии пташки, их треба выдырять, бо вони казали: «жив», як жиды прыйшли, да дывылысь: чы же вмер Сус Хрыстос? Вони б не знали, як бы не сказав горобей, а то як сказав він: «жыв, жыв», до едень жыд ўзяв, дай проколов пикою бока Сусу Хрысту» (Чубинский 1872, 60). По этиологическим рассказам жителей Ушинского и Литинского уездов, записанным П. П. Чубинским, «воробьи вышли из чертей, или из козьего помёта, который прятали и держали в своих пуховиках подчинен-

ные дьяволу жида, а потому и воробьёв нельзя назвать иначе, как только «чертовым насиньнем», они враждебны людям. «Воробьи, подобно жидам и чертям, не любят сало и потому советуют всякому, желающему отогнать воробьёв от посева, при сеянии мазать руки освященным салом» (Чубинский 1872, 59–60).

В Саратовской губернии верили, что в виде воробья колдунья насылают порчу, отчего влетевшего в избу воробья непременно надобно разорвать и бросить в огонь» (Зеленин 1916, 1249).

Происками воробьёв объяснялась головная боль: воробьи уносят разбросанные где попало волосы в гнездо, оттого и болит голова (*иркут., нижегород.* (Виноградов 1915, 341).

Внешний вид растений

К мелким растениям (10–20 см высотой) относится *Lithospermum arvense* L., научное название которого («воробейник») совпадает с народными — *воробейник, воробьино семя, горобейник, воробьиное зелье, воробьиное семя, воробьиное просо*, также *дикое семя, журавлиное семя* (Анненков 1878, 196). Очевидная связь научной номенклатуры с народной, а также тот факт, что растение в народе именуется «диким», позволяет предположить заимствование в национальную научную терминологию из говоров восточнославянских языков. Орнитонимное определение при этом призвано подчеркнуть второсортность *Lithospermum arvense* L.

Растение имеет твёрдые, сухие семена (*деребяшка*). Об отличии семян *Lithospermum arvense* L. от семян других растений по твёрдости пишет В. Махек: «a při lístku každem semíčko hladké . . . , tvrdě, jako kámen a okrúhle» («а при каждом листке семя гладкое. . . твердое, как камень, и округлое» — Махек, 187).

Русское название *воробейник* (Анненков 1878, 196, 257, 754, 772; СРНГ, 5, 105; Горст, 11 — *Томск.*; Скалозубов, 14 — *Тобол.*; Мартыанов, 5 — *каз.*) находит соответствие в других славянских языках: «в сербохорватском — *врабје семе, врабчије семе, врансеме, птичије просо*; в чешском — *vrabí símě*; в польском — *wróble prosa*; в хорватском — *vrebče prosa*; в болгарском — *ptiči pruso*» (по: Machek,

187; Zelinska, 20, 58); *вrabчево семе, vrabчено семе* (Ахтаров, 200; Козаров, 441).

Диалектное *воробейник* выделяется из числа других названий своей повторяемостью, являясь основным. Как мы уже отметили, оно закрепилось в языке науки и употребляется здесь как родовое название к *Lithospermum*. Греческое именование этого рода восходит к *λίθος* — ‘камень’ и *σπέρμα, ατος, τό* — ‘семя’.

Название *воробьиное семя* может относиться и к другим видам: *Rumex acetosella* (сем. гречишных, *нижегор.*), *Potentilla argentea* L. (сем. розанных, *вор.*), *Viola tricolor* L., сем. фиалковых, *нижегор.* — СРНГ, 5, 105).

Воробьиным горохом называют виды вики — *Vicia sylvatica*, *Vicia villosa* (Анненков 1878, 380), *Vicia grassa* (Анненков 1878, 379; Симоновић, 497), *Vicia angustifolia* (Анненков 1878, 379), *Vicia sativa* (Симоновић, 497). Эти лесные растения с тонким голым стеблем и перистыми листьями, заканчивающимися усиками, с белорозовыми цветами, очень похожие на настоящие горох. *Воробьиный горох* называют ещё «мышинным», что соответствует принципу обозначения мелких растений с помощью названий маленьких зверьков и птиц. (Ср. в русских говорах: *воробейчик* — «о мужчине маленького роста» — СРНГ, 5, 102).

В сербскохорватском языке виды *Vicia* называют ещё *птичьи, голубиным горохом* (Симоновић, 497), в чешском — *ptači vika*, в болгарском — *птича глушина, птичи фий* (*Vicia grassa* — Ахтаров, 309), в украинском — *ptyča vyka* (Machek, 126); а в русском — *гусенцом*, (Симоновић там же, без указ. места), по-видимому, оттого, что *Vicia* едят гуси. Как мы видим, в данном случае славянские названия объединяет общая семантическая модель: «дикое растение — птичье растение», чрезвычайно продуктивная в группе орнитологических фитонимов.

Трудно сказать, возникли ли «птичьи» названия вики под влиянием европейских Травников и Лечебников (ср. *vīcīa*, ае, f. ‘бобовина, журавлиный горох’ — Петрученко, 698); во всяком случае единство и множественность русских диалектных и иных славян-

ских названий свидетельствует о возможности славянского происхождения наименований этого растительного рода.

Латинское *Vicia* Д. Симонович производит от глагола *vincere* «связывать» (у Н. Анненкова: «может быть от *vincere* «обвиваться»), т. к. концами своих вершков вика хватает за стебель себя и другие травы. (При лат. *vicis* — чередование, смена, перемена. Петрученко 1994, 698).

Из-за своей маленькой величины и сходства тонкой ниточки листьев с языком птиц растение *Corrigola litoralis* было названо *воробьиными язычками* (Анненков 1858, 34, 257, 268). Латинское название происходит, вероятно, от *corrigia* ‘кожный шнурок’, оттого, что маленький, лежащий на земле стебель, имеет вид шнурка (Симонович, 142).

Сходство с воробьиным языком отражено и в сербскохорватском названии *Lithospermum arvense* *вребчи језик*: в польском *wrōble języzki* к *Polygonum aviculare* (Симонович, 277).

Основа «воробей» является производящей для обозначения многочисленных видов мелкого щавеля *Rumex*. Самое большое количество «воробьиных» наименований мы обнаружили у невысокого щавеля *Rumex acetosella* — «воробьёв щавель, воробьятник, воробьиный щавель («бол. ч. Рос.»), горобьячий щавель (мал.), горобьячий квасец, горобинный квасец (полт.), воробьиное семя (нижег.), воробьёвая кислота (вятск.)» (Анненков 1858, 81; Анненков 1878, 305), *воробьиное семя* (СРНГ, 5, 105).

Могли различаться «мужские» и «женские» особи травы. Н. И. Анненков указывает, что в Тамбовской губернии мужские особи назывались *щавель воробьиный*, а женские — *щавель цветущий* (Анненков 1878, 305).

Народное название *воробьиный щавель* по отношению к *Rumex acetosella* закрепилось в языке науки.

Как уже отмечалось, в состав многих «воробьиных» названий в качестве второго компонента структуры названия входит существительное «семя» (*воробьиное семя* — *Lithospermum*, *Rumex acetosella*); ср. болг. *врабчево семе, врабчено семе* (Ахтаров, 347). Это объясняется, во-первых, строением семян растения. Как, на-

пример, у *Lithospermum*, имеющим гладкие, маленькие «орешки» в качестве плодов (Станков, Талиев, 772).

Кроме того, понятно пристрастие воробья, как и любой другой птицы, к твёрдым, семянообразным плодам, что также является мотивационным объяснением термина. Наличие семян у «воробьиных» растений *Lithospermum*, *Rumex acetosella* сопоставляется с образом клюющего семя воробья и служит семантической основой именованья. В русской детской дразнилке: «Андрей, воробей, не летай на реку, не клюй песку, не тупи носку: пригодится носок на овсян колосок», в пословице: «Повадился вор воробей в конопельку» (Даль, 1, 242).

Компонент «семя» может быть заменён другим близким названием (например, «просо»): *воробьиное просо* — *Anagallis* (Анненков 1858, 15; ТР, 2, 107); чешск. *vřabí seteno*; польск. *wroble proso*; сербох. *vřabче proso*, *vřabче сјеме* (Анненков 1878, 31).

На русской территории название *воробьиное семя* было отмечено в нижегородских говорах по отношению к *Rumex acetosella* и *Viola tricolor*, в воронежских говорах по отношению к *Potentilla argentea* (СРНГ, 5, 105).

Дикорастущие растения

«Воробьиные» наименования указывают на бесполезность и дикость вида, часто схожего с культурным растением.

Воробьиный горох *Vicia sativa* называют и «диким» горохом, т. к. он является сорняком, растущим по окраинам полей, на земельных залежах, и засоряет посевы (ТР, 1, 483).

О *воробьином просе* *Anagallis* писал ещё Феофраст: «Пословица гласит: «Воробьиное просо среди овощей»: как этому просу нет места среди овощей за его горечь, так нет места такому-то человеку или предмету среди таких-то людей или предметов. Удивительно, что это растение попало в число овощей, так как оно считается ядовитым» (Феофраст, кн. 7, 299, 478–479).

Воробьиным просом во владимирских говорах русского языка называли растение *Echinochloa crus galli* из семейства злаков (СРНГ,

5, 105). В противовес настоящим гречихе и гороху и по сходству с ними появились названия *воробьиная гречиха* (волог.), *воробьиный горох* (Анненков 1858, 26).

Известно множество растений под названием *воробьиный щавель*. В России, на Украине это имя чаще всего принадлежит *Rumex acetosella*. («бол. ч. Рос.» у Анненкова); оно же *воробьёвая кислота* (вят.), *кисличная* (олон.), *воробьёв щавей*, *горобячий квасец* (мал.), *горобиный квасец* (полт.) (Анненков 1878, 305; Симонович, 407). Помимо *Rumex*, название *щавель воробьиный* отмечено у растения *Silene nutans* с пометой *вор.* (Анненков 1858, 87), а также без латинской отсылки в Полесском словаре Д. А. Бейлиной (Бейлина, 217). Название *воробьиный щавель* принадлежит невысокому, маленькому растению.

Если сравнить между собой «конский» и «воробьиный» щавель, то один только лист «конского щавеля» окажется примерно в два раза больше всего растения «воробьиный щавель» (ТР, 1, 322, табл. 27).

Номинация по действию и свойствам

Н. И. Анненков отмечено название *воробей трава* с пометой «изм.» нижег. (изменённое нижегородское — С.Д.) (также *воробьиный горох* (влад.), *вербейник*, *вербенник* (моск.), *завивальная трава* (тамб.) и мн.др. Принадлежат эти названия растению, которым истребляют мух, на что указывает автор: «*Lysimachia vulgaris* L. . . Трава употребляется против кровотечения, поноса и скорбута, а снаружи к ранам. Сушеная и сожженная истребляет мух» (Анненков 1878, 205). Учитывая примечание Н. И. Анненкова («изм.»), с натяжкой можно предположить, что название *воробей трава* растение получило по аналогии с воробьём, охотно поедающим мух и мелких насекомых.

Названия *воробьино око* (укр.), *воробьева кашка* (екат., херс.), *воробьиная кашница* (сарат.) по отношению к *Capsella bursa pastoris* свидетельствуют, что данное растение служит биологически ценным питанием птиц, в том числе воробьёв. Это подтверждают си-

нонимичные названия *гречиха полевая* (вил.), *полева гречка*, а также замечание Н. И. Анненкова об использовании растения: «... Листья могут быть употреблены в пищу, из семян может готовиться горчица и получаться масло» (Анненков 1978, 82). То есть растение является как бы второсортной едой и для человека, его листья могут принести пользу в случае необходимости.

Итак, среди ботанических терминов, образованных от орнитонима «воробей», выделяются следующие:

— названия, принадлежащие невысоким растениям с мелкими листьями и цветами.

— названия, включающие в свой состав детерминанты «семя», «просо» и принадлежащие невысоким растениям или растениям, имеющим мелкие семена и плоды. Таковы, например, именованья мелкого щавеля *Rumex acetosella* — «*воробьёв щавель*, *воробьятник*, *воробьиный щавель*, *горобьячий щавель*, *горобьячий квасец*, *горобиный квасец*, *воробьиное семя*, *воробьёвая кислота*»; названия плодов *воробьиного семени* — *Lithospermum*;

— названия, заключающие в себе указание на второсортность растения, принадлежащие, как правило, растениям, похожим на культурные. Такие наименования призваны отделить дикий вид от культурного растения и создаются в противовес названию полезного вида. Обычно имеют синонимы, указывающие на культурное растение или продукт (*гречка*, *просо*, *кашка*). Второсортность растений, выраженную посредством орнитонимных признаков, показательно демонстрируют, к примеру, славянские названия видов *Vicia* и *Rumex*;

— названия, заключающие в себе указание на кислый вкус (*воробьиный щавель*, *воробьёвая кислота*, *горобиный квасец*);

— названия с признаком «воробьёв», «воробьиный» и под., принадлежащие растениям с секреторными свойствами. Подобные свойства, возможно, обусловили наименования растений, наиболее интересные в этнокультурном плане, соответствующие традиционным представлениям о воробье как молодцеватом ухажёре, любовнике и повесе, с одной стороны, с другой — птице, связанной с архаикой рода и культом предков. Определить мотивацию подобных

названий достаточно сложно, т. к. прямых свидетельств нет. Имеются только косвенные сведения, касающиеся медицины, а также синонимичные названия «воробьиных» растений (*воробѣнка*, ж. раст. *Passerina* [Steller], *мужик-корень* — Даль, 1, 594).

— названия по внешнему сходству: русск. *воробьиные язычки* *Corrigola litoralis*, сербскохорв. *вребчи језик* *Lithospermum argense*, польск. *wróble języzki* к *Polygonum aviculare* и др.;

— названия, возникшие в связи с представлением о том, что птицы, в том числе и воробьи, охотно едят растение.

При этом отсутствуют (неизвестны) названия, связь с птицей в которых подтверждалась бы прямым текстом легенды.

Отдельные растения имеют названия, мотивация которых проходит по целому ряду признаков. Так, *Lithospermum argense* — мелкое растение, имеющее твёрдые мелкие семена (*воробьиное семя*), обладающее, к тому же биологическими секреторными свойствами, позволяющими комментировать наименование некоторыми этнокультурными традиционными представлениями о воробье. Такие названия растений мы определили как созданные по комплексному принципу номинации *signatura rerum*, особенность которого заключается в том, что он связывает воедино внешний вид растения, его употребление, знаковое выражение реалии и легенду о ней воедино (Дубровина, 79–86).

Словарь народной ботаники предстаёт перед нами как раскрытая книга природы, вобравшая в себя именованья, образы и понятия древнего славянского и христианского миров, опыт выживания, лечения, биологических взаимосвязей и метких характеристик, без которых невозможно осмысление неизмеримого мира живых существ, в центре которого находится человек.

Литература

- Анненков Н.И.* Простонародные названия русских растений. М., 1858.
Ахтаров Б. Материал за български ботаничен речник. София, 1932.
 Апокрифические сказания об Иисусе, святом семействе и свидетелях Христовых /Авт.-сост. *И. С. Венцицкая, А. П. Скогоров.* М., 1999.

Бейлина Д. А. З батанічної тэрміналогіі Палесея // Народная лексика /Рэд. Крывіцкі и др. Минск, 1977. С. 216–221.

Волшебное зеркало, открывающее секреты великого Алберта... (Сонник). М., 1827.

Виноградов Г. С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири. Материалы по народной медицине и ветеринарии // Живая старина. 1915. Вып. 4. С. 325–432.

Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1991.

Горст М. Материалы для исследования народных лекарственных растений Томской губернии. Томск, 1894.

Дубровина С. Ю. Русская ботаническая терминология в этнолингвистическом освещении... Дис. ... канд. филол. наук /Дубровина Светлана Юрьевна. М., 1991.

Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского Географического общества. Петроград. Вып. I. 1914. Вып. II. 1915. Вып. III. 1916.

Козаров П. Български народни названия на растенията. София, 1925.

Крылов П. О народных лекарственных растениях, употребляемых в Пермской губернии Порфирия Крылова // Труды Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Казань, 1876, с. 1–103.

Крылов П. Некоторые сведения о народных лекарственных средствах, употребляемых в Казанской губернии // Труды Общества естествоиспытателей при Имп. Казанском ун-те. Казань, 1882. Т. 11, с. 1–72.

Ляцкой Е. Материалы для народного снотолкователя Минской губернии // Этнографическое обозрение. 1989, с. 139–148.

Мартьянов Н. М. Материалы для флоры Минусинского края Николая Мартьянова // Труды общ. естествоисп. при Имп. Казанском ун-те. Т. X. Вып. 3. Казань, 1882.

Петрученко О. Латинско-русский словарь. Репринт 9-го издания 1914 г. М., 1994.

Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903.

Симонович Д. Ботанички речник имена биљака са именима на руском, англеском, немачком и француском језику. Београд, 1959.

Скалозубов Н. Л. Материалы к вопросу о народной медицине. Народная медицина в Тобольской губернии // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1904. Вып. XIV, ч. 2, с. 1–30.

Станков С. С., Талиев В. И. Определитель высших растений европейской части СССР. М., 1949.

Тульцева Л. А. Символика воробья в обрядах и обрядовом фольклоре (в связи с вопросом о культе птиц в аграрном календаре) // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982, с. 163–179.

Феофраст. Исследование о растениях. Кн. 1–9. М., 1951.

Чубинский П. П. Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. . . Материалы и исследования. Т. 1. СПб., 1872.

Machek V. Česka a slovenska jmena rostlin. Praha, 1954.

Zelinska R. Polske i łacinskie nazwy krajowych roślin leczniczych. Państwowy zakład wydawnictw lekarskich. Warszawa, 1957.

Список латинских названий

Anagallis. *Воробьиное просо*

Capsella bursa pastoris. *Воробья́ва кашка. Воробьиная кашница.*

Corrigola litoralis. Из-за своей маленькой величины и сходства тонкой ниточки листьев с языком птиц растение *Corrigola litoralis* было названо *воробьиными язычками*

Echinochloa crus galli. *Воробьиное просо.*

Lithospermum officinale. *Воробьиное семя.* Собирают зрелые семена, их растирают и готовят отвар, которым поят женщин во время родов для облегчения последних

Lithospermum arvense. *Воробейник, воробьино семя, горобейник, воробьиное зелье, воробьиное семя, воробьиное просо, также дикое семя, журавлиное семя*

Lysimachia vulgaris L. *Воробей трава, воробьиный горох, вербейник, вербенник, завивальная трава (тамб.)*

Passerina [Stelleri]. *Воробинка.*

Polygonum aviculare. сербскохорв. *вребчи језик*, польск. *wróble języczki*

Polemonium coeruleum L.

Potentilla argentea. *Воробьиное семя.*

Rumex acetosella. *Воробьиное семя.*

Vicia sylvatica, Vicia villosa. *Воробьиный горох.*

Viola tricolor. *Воробьиное семя.*

Названия лопуха и репейника в русских говорах

Н. А. Красовская

Данная статья посвящена проблемам диалектных названий растений *лопух* и *репейник* (вопросы Программы ЛАРНГ Л 142 и Л 147). Фитонимы связаны с историей народа и языка, об этом неоднократно писали исследователи диалектной речи. Представление о *лопухе* и *репейнике* как в научной, так и в наивной картине мира оказывается весьма разнообразным. В ботанике выделяют от 3 до 11 разновидностей этой травы. Остановимся на некоторых толкованиях.

М. И. Нейштадт в «Определителе растений средней полосы европейской части СССР» даёт следующие характеристики: «*Arctium majus* Bernh (*Arctium lappa* L.) — Лопух большой, или репейник. Цветки лилово-пурпуровые или пурпуровые, собранные в корзинки, расположенные в виде щитка... Листья крупные, очередные, снизу войлочные, серовато-белые... Научное название рода *Arctium* происходит от греческого слова *arctos* — «медведь». Название *lappa* происходит от греческого слова *lavein* — «брать», «цеплять», «хвататься», — намёк на свойство растения цепляться за платье прохожих благодаря крючковатым шипам цветочных головок... Благодаря листочкам обёртки, имеющим на концах крючки, головки легко застревают в шерсти животных и разносятся последними» [Нейштадт, 573]. Помимо лопуха большого автор описывает также лопух мелкий (*Arctium minus* Bernh), лопух паутинистый, или репейник (*Arctium tomentosum* Mill, *Lappa tomentoso* Lam.).

А. В. Фисюнов в работе «Сорные растения» рассматривает *лопух*, *репейник большой* — «*Arctium lappa* L. Семейства астровые

(сложноцветные) — Asteraceae (Compositae). Двулетник настоящий» и лопух паутинный — «*Arctium tomentosum* Mill. Семейства астровые (сложноцветные) — Asteraceae (Compositae). Двулетник настоящий» [Фисюнов, 151–152].

Подытоживая анализ этих источников, следует сказать, что, во-первых, в номенклатуре растений определяется несколько разновидностей *лопуха*, наиболее частотными являются лопух большой, лопух мелкий и лопух паутинистый, во-вторых, лопух, по мнению ботаников, можно назвать репейником.

Подобная ситуация, связанная со смешением представлений о *лопухе* и *репейнике*, наблюдается и в сознании диалектоносителей, подтверждение находим в «Словаре русских народных говоров»: «Лопух... 1. Лопух, *собир.* Весенний репейник» (СРНГ, 17, 144). И другие лингвистические источники не опровергают эти данные. Так, в «Этимологическом словаре современного русского языка» сказано: «Лопух — репейник, а также широкий лист его...» (ЭС-СРЯ, 1, 481). «Большой академический словарь русского языка» отмечает: «Лопух... 1. Сорное растение сем. сложноцветных с широкими листьями и цепкими колючками; репейник» (БАС-3, 9, 306).

Следует уточнить, что такое *репейник*. «Большая советская энциклопедия» даёт следующее определение: «Репейник, сборное название растений, имеющих цепкие плоды или соплодия. Чаще репейником называют лопух, репешок и чертополох. Своё название репейник получил от своеобразного способа распространения плодов, прицепляющихся к шерсти животных и одежде человека» (БСЭ, 22, 35)¹.

«Словарь современного русского литературного языка» определяет *репей* и *репейник* следующим образом: «Репей... 1. Колючая головка, соцветие репейника... Репейник... 1. Сорное растение с колючими цепкими соцветиями или плодами; лопух. 2. Колючая цепкая головка, соцветие этого растения» (БАС, 12, 1225). В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера говорится: «*репей*, ... *репейник*, укр. *репик* «*Agrimonia eupatolia*», русск.-

¹ Большая советская энциклопедия. Изд 3-е, М., 1969–1978

цслав. *ръпци* «репейник, шип», болг. *репей*. . .» (Фасмер, 3, 471). Хотя в энциклопедии лекарственных растений трава *Aggrimonia eupatoriа* определяется как «Репяшок обыкновенный — многолетнее травянистое растение из семейства розоцветных. Стебель прямостоячий, шершавоволосистый, высотой 80–90 см. Листья прерывчато-перистые. Цветки золотисто-желтые, расположены длинным колосовидным соцветием. Чашечка пятираздельная с 5 лепестками»¹. В «Этимологическом словаре русского языка» А. Г. Преображенского сказано, что «*репей*. . . репея растение, *lappa tomentosa*, также *agrimonia*)» (Преображенский, 917). Учитывая всё вышеотмеченное, можно сделать следующие выводы: во-первых, лексемой *репейник* называют несколько различных растений, имеющих цепкие плоды или колючки; во-вторых, фитоним *репейник* может являться синонимом к фитониму *лопух*. Следовательно, с одной стороны, становится понятно, что *лопух* и *репейник* — это одно растение, но отличающееся стадиями вегетации и, соответственно, некоторыми признаками, а с другой стороны, лексемы *лопух* и *репейник* могут быть использованы для обозначения целого ряда иных растений, в чем-то сближающихся.

Проанализированный материал картотеки «Лексического атласа русских народных говоров» позволяет сделать выводы, что и для называния *лопуха*, и для называния *репейника* практически на всей территории Европейской части России используются в равной степени как лексемы с корнем *лоп-* (*лопух*, *лопуха*, *лопушок*, *лопушняк*, *лопушник* и др.), так и лексемы с корнем *-реп-* (*репы*, *орепы*, *арепы*, *репьях*, *репяхи*, *репли* и др.). При именовании растения *лопух* зачастую наблюдается метонимия: наименования плода, семян *репейника*, как более яркий, заметный показатель, перешло и на название самой травы. Реже наблюдаются обратные процессы, при которых название растения используется для именовании его плодов или его самого во второй год вегетации. В целом можно констатировать: лопух чаще назовут *репейником*, чем *репейник лопухом*. Это подтверждается многочисленными примерами: *Лопухи-то ре-*

¹ Режим доступа в Интернете: <http://lecherbs.com/> Энциклопедия лекарственных растений.

пейник чай и есть (Владимир.). *Лопух-то, да вот колючий куст* (Нижегород.).

Для наименования *лопуха* также могут использоваться лексемы с основами *собак(ч)-, кол-, дед-, шишобар, дур-, шляп-, утр-, молоч(ш)-, горьк-, уставок*. Корни *собак(ч)-, кол-, дед-, шишобар, дур-* имеют место и в обозначении *репейника*, который также может именоваться лексическими единицами с основами *чертополох, татар-, буд-, ден-(дн-), цеп-, поч- (пуч-), баб-, кажущ-, жених*.

Однако при сопоставительном анализе использования этих фитонимов приходим к выводу о том, что они чаще используются всё-таки для названия *репейника*. Так, лексемы с корнями *собак(ч)-, кол-, дед-, дур-, шишобар* всё-таки изначально употреблялись в значении «репейник», а значение «лопух» эти лексемы приобрели, по всей вероятности, в процессе метонимического переноса.

Однако нельзя не остановиться на целом ряде слов, которые номинируют только *лопух*. Это такой инвариантный ряд корней и основ, как: *шляп-, утр-, молоч(ш)-, горьк-, уставок*. В отдельных населенных пунктах зафиксированы единичные лексемы для названия *лопуха*: *рапортник, вдовец, пикульки, мачешник, листовник, чернодырка, чертополох, пиханы, проскок, решалошник, брыль, зонтик, жабрей, косни, кочни, пучки, верблюжник, папушник, колпак, лягушатник, коржанка, бабурка, былльник, беленина, пырей, конятник, брыльёвник, панёвник, татарка, медведь-трава, пупырь, цепун, двулеток, подбел*. Остановимся на анализе тех из них, которые встречаются только в названиях *лопуха*, как распространенных, так и одиночных. В целом ряде случаев эти наименования содержат указания на свойства этого растения, особенности его применения человеком: лексемы с корнями *шляп-, листовник, зонтик, колпак*, безусловно, восходят к лексическим единицам, которые указывают на размеры листа этого растения, на то, что они по форме напоминают головной убор или зонтик. Об этом свидетельствуют и контексты: *Из шляпошнику голову себе делали* (Псков.). *Ходим летом по лесу, я себе и внукам лопух на голову кладу, чтоб удара не было, у него, у лопуха-то, листья большие, прям на всю голову* (Воронеж.).

Единожды зафиксированное название *медведь-трава* (Пензен.),

скорее всего, связано с латинским названием *Arctium*, которое восходит к греческому *arctos* — «медведь». Действительно, очень часто трава потрясает своими размерами, мощными листьями, стволем и корнем.

Указание на вегетативные свойства растения находим и в лексеме *двулеток* (Курск.), это слово характеризует данное растение по типу периода развития: два года. Отмеченная особенность лопуха, по нашему мнению, становится мотивировочным признаком для появления наименований с корнем *утр-*: утро как первый, ранний этап вегетации (сравни: на этой же территории для наименования *репейника* употребляются лексемы с корнем *ден-*).

Трудно определить мотивацию, лежащую в основе появления лексем *брыль*, *брылёвник*, *жабрей*. Однако, на наш взгляд, они могут быть связаны с формой, размером и положением листьев лопуха, которые напоминают отвисшие щеки, нижние челюсти человека (диалект. *брыли*, *жабры*).

Казалось бы, самым парадоксальным оказывается появление для наименования *лопуха* лексем, явно именующих другие растения: *молочай*, *пырей*, *чертополох*, *лягушатник* и др. Часть из них связана с наименованиями *репейника*, поэтому остановимся на этом ниже. А такие наименования, как *молочай*, *уставок*, *лягушатник*, *подбел*, *беленина*, видимо, по тем или иным признакам сближают растение *лопух* с целым рядом других растений, то есть здесь невозможно анализировать оным без рассмотрения вопросов семантики. О такой особенности переноса наименований трав и растений с одного вида на другой в силу наличия схожих признаков пишет В. А. Меркулова в книге «Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы, грибы, ягоды»: «Народное название растения не обладает признаком однозначности, и значение его не может раскрываться в аналогичном определении. Обычно одним словом называются разные растения, а иногда целые группы растений» [Меркулова, 7]. В «Словаре русских народных говоров» отмечается, что слова *лопух*, *лапуха*, *лопушка* называют разные растения, объединенные признаком наличия больших листьев: «Лопух... 4. Растение *Nymphaea L.*, сем. кувшинковых; кувшинка.

Nymphaea alba L.; кувшинка белая. Саратов, Бот. музей АН. Водяной лопух. *Nuphar luteum* (L.) Smith.; кувшинка желтая. Морш. Тамб., 1849... 7. Лопух [удар.?] озерный. Растение *Limnanthemum peltatum* Gmel., сем. горечавковых ... 8. Лопух [удар.?]. Растение *Petasites officinalis* Mnch., сем. сложноцветных; подбел гибридный. ... 9. Всякое растение с крупными и широкими листьями. ... 4. Лапуха студеная [удар.?]. Растение *Tussilago farfara*; подбел или матерник, также мать-и-мачеха, белокопытник, двоелистник. ... 8. Лопушка [удар.?]. Растение *Euphorbia procera* auct., сем. молочайных; молочай полуволосистый. Пенз., Анненков» (СРНГ, 17, 144–147). Можно сделать вывод о том, что слово **лопух** называет и подбел, и кувшинку, и молочай и др. Следовательно, возможна и обратная ситуация, перенос наименования с одного растения на другое: растение лопух в говорах могут назвать подбелом, молочаем и др. Приходится констатировать, что появление таких наименований лопуха, как *молочай*, *уставок*, *лягушатник*, *подбел*, *беленина* связано со смешением в народном сознании и народном языке самих реалий и их словесных обозначений. Возможно, что размеры и форма листа, мощный стебель, место произрастания, близость к дорогам, заброшенным, водным и заболоченным местам (например, в украинском языке *ставка* — «водоём, чаще искусственный», отсюда: *уставок* — «у воды») или какие-либо иные признаки породили смешение ряда названий разных видов растений.

Безусловно, следует сказать, что основной корпус лексем, обозначающих лопух, всё-таки целым рядом мотивировочных признаков связан с **репейником**.

Остановимся на распространении тех лексем, которые имеют значение только «репейник». Слова с корнем *буд-* представлены в самых западных регионах рассматриваемой территории, простираясь с севера на юг. В Пермском крае находится компактный ареал распространения лексем с корнями *поч-(пуч-)*. Лексемы с корнем *баб-* образуют компактную область на территориях Ярославской и Ивановской областей. Использование слова *чертополох* а значении «репейник» характерно для Вологодской, Ярославской, Тверской областей. Так же, как лексема с корнем *утр-* встречается в Волго-

Донском регионе в названиях лопуха, так и в этих же районах встречается лексема с корнем *ден-(дн-)* в значении «репейник» (отдельные районы Саратовской, Волгоградской, Воронежской областей и Республики Мариэл). Достаточно компактные ареалы на юго-западе и востоке Европейской части России образует лексема с корнем *татар-*: Тульская, Тамбовская, Ростовская области, Республика Удмуртия, Пермский край и Республика Коми. В нескольких районах Белгородской области встречается лексема с основой *кажуш-*. В отдельных районах Пермского края, Краснодарского края, Курской области репейник обозначается словом *жених*.

Отмечаются и одиночные названия *репейника*: *жучка, сорушник, шовей, решалки, пырей, жабрей, пикульки, бадыжник, лягушатник, колобрылк, вдовцы, косни, пиканы, безяйка, вавачка, ёжик, двенадцатиколенник, панёвник, закатух, чеплыжник, кудри, колова-тик, пырейник, мясовки, грохот, приставуха, кочень*.

Остановимся на анализе тех лексем, которые, по нашему мнению, изначально связаны с названием *репейника*, но не перешли на него вследствие метонимии от названий *лопуха*. *Репейник* обладает более яркими, заметными внешними признаками, негативно оценивается носителями языка, вследствие этого он даёт больше мотиваций для создания целого ряда фитонимов.

Например, ряд лексем с корнями *собак(ч)-, кол-, цеп-, жених, жучка ёжик, панёвник, закатух, кудри, приставуха, кошка* явно основан на признаках колючести, «цеплючести», «приставучести» *репейника* к одежде людей, шерсти животных. В противоположность к «приставучести» *жениха, репейник* иногда называют *вдовцами* (пристаёт, а всё одинок).

Способность издавать некоторые звуки (думаем, что в сухом состоянии — треск, шорох) легла в основу появления таких названий, как *грохот* и *вавачка*. Обратимся к «Словарю русских народных говоров». Диалектные *вавака* — «косноязычный человек, плохо поющий перепел» (СРНГ, 4, 8), *грохот* — «болтун» (СРНГ, 7, 154). Хотя вполне возможно, что это лишь предположения. Лексема *сорушник*, думаем, своим появлением обязана тому, что *репейник* так же, как и *лопух*, относится к сорным травам. Форма и другие внеш-

ние признаки колючек стали мотивационной основой для слов с корнями *поч-*(*пуч-*) и слов *коловатик*, *мясовки* и др. А указание на особенности вегетативного периода находим в лексемах с корнями *ден-*(*дн-*): *дневной*, *денный*. День как метафорическое наименование второго вегетативного этапа развития травы, этапа созревания семян, колючек. Само развитие листьев растения связано с корнем *утр-* (см. выше).

На наш взгляд, очень интересно рассмотреть лексемы *дед-*, *баб-*, *чертополох*, *шишобар*. В основе наименования репейника словом с корнем *дед-* могут быть актуальными несколько версий. Одна из них высказывается М. Фасмером: «**дедок**. . . «лопух, репейник», от *дед* — из-за колючек, которые напоминают небритую бороду старика» (Фасмер, 1, 424). Согласно иным подходам, *дед-* (сравни с *баб-*) в названиях **репейника** могло появиться из-за его «приставучести» к людям. Эти версии, безусловно, очень интересны, но, нам кажется, возможно предложить и еще одну. В украинском языке *дідько* — «черт» (Сравни украинские выражения: *Дідько його бери*; *дідько з ним*), в этом же ряду оказывается слово *шишобара*. По мнению В. А. Меркуловой, оно восходит к *шиш*, *шишак* («черт») и корню *-бор-* («брать, взять»), похожей же структуры и слово *чертополох*. Следовательно, «чертовское» начало в названиях **репейника** вполне может быть. Возможно, это связано с внешним видом его колючек, возможно, с его способностью отгонять нечистую силу. Об этом, например, свидетельствует контекст: *На Иван деда подтаркивают под стреху, чтоб чертей пугал* (Псков.). Негативная оценка репейника проявляется и в распространении в названиях его корня *дур-*: *дуравник*, *дурмень*, *дурнига*. Иллюстрации нередко содержат именно такую оценку этой травы: *В народе говорят, что репейник — дурная трава* (Владимир.).

И опять же встречаемся с тем, что одно наименование может относиться к совершенно разным видам вследствие близости некоторых признаков этих растений (см. работы В. А. Меркуловой), поэтому вполне закономерно появление наименований с корнями *буд-*, *татар-*, *пырей*, *чертополох* и некоторых других, обозначающих **репейник**, хотя эти же слова называют и целый ряд иных

растений. В «Определителе растений средней полосы Европейской части СССР» М. И. Нейштадта находим: «*Oporogon acanthum* L. — Татарник колючий. Корзинки темно-малиновые, иногда розовые, одиночные или по 2–3... Нижние листья широкоэллиптические, лопастные, волнистые... *Carduus crispus* L. — Чертополох курчавый. Корзинки лилово-пурпуровые... *Cirsium lanceolatum* Scop. — Бодяк ланцетолистный, или чертополох. Корзинки лилово-пурпуровые, одиночные» [Нейштадт: 373, 573–575]. Из этих определений вытекает наличие нескольких объединяющих признаков, лёгших, по всей видимости, в основу смешения представлений о растениях: наличие корзинок, корзинки розового или пурпурового цвета, достаточно широкие листья. На первый взгляд, нет никаких общих признаков с растением пырей. Однако эта сорная трава именно своей способностью заполнять поля, разрастаться у дорог, полей, огородов похожа на такую же особенность *репейника*, думается, что именно эта особенность сблизила в народном представлении два эти растения.

Само понятие *репейник*, как мы указали выше, — понятие собирательное, указывающее на многие колючие травы. Вот пример иллюстрации, в которой *репейником*, скорее всего, именуется растение репешок: *Репейник цветок на поле, цветом желтый, головка маленькая, как репка* (Владимир.). По всей видимости, действительно, в народном сознании наименования растений способны закрепляться за целым рядом их разновидностей. Вспомним также, что часть именовании *репейника* сформировались в результате переноса от наименований *лопуха* (см. выше): *жабрей, лягушатник*.

Подытоживая рассуждения о названиях *лопуха* и *репейника*, можно отметить следующее: 1) лексемы *лопух* и *репейник* (и однокоренные) могут обозначать целый ряд растений, сближающихся некоторыми ведущими признаками и свойствами (форма листьев, место произрастания, размер и свойство плодов и семян и др.); 2) указанные лексемы вследствие метонимического переноса в равной степени используются носителями русских диалектов как для именовании растения первого года вегетации (*лопуха*), так и второго года вегетации (*репейника*); 3) если сравнивать те уникальные фи-

тонимы, которые именуют только *лопух* или только *репейник*, то приходится констатировать, что большая часть их свои появлением связана со свойствами *репейника*, по всей видимости, более ярких и заметных.

Литература

Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы, грибы, ягоды. М., 1967.

Нейштадт М.И. Определитель растений средней полосы Европейской части СССР. М., 1963.

Фисюнов А.В. Сорные растения. М., 1984.

Ресурс в Интернете: <http://lecherbs.com/> Энциклопедия лекарственных растений.

Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. сост.: А. К. Шапошников. М., 2010. Т. 1.

Наименования пресмыкающихся (ящерица, змея) в курских говорах

Л. И. Ларина

Пресмыкающиеся в зоосистеме относятся к классу позвоночных животных, передвигающихся преимущественно ползком или волоча брюхо по земле (змеи, ящерицы, крокодилы, черепахи) (БАС, 11, 285). Из перечисленных видов в лесостепной зоне, где расположен Курский регион, встречаются только ящерицы и некоторые виды змей.

Ящерица — «небольшое пресмыкающееся с удлинённым телом, покрытым мелкой роговой чешуей и с длинным хвостом» (БАС, 17, 2122). Их насчитывается свыше трех тысяч видов, в умеренных широтах распространено семейство обыкновенных ящериц, небольших по размеру, подвижных, с развитыми конечностями и длинными, самопроизвольно отбрасываемыми хвостами. В курских говорах этот вид пресмыкающегося называют общеупотребительным *ящерица*, чаще *ящарка/ящурка*, спорадически *вьюн*.

Этимологические лексикографические источники констатируют исконно русское (общеславянское) происхождение номинации *ящерица*, уточняя, что общепринятой этимологии не имеет, может быть, образовано как деминутив с суфф. *-ица* от *ящерь* — «ящерица», засвидетельствованного в памятниках XIV в. и возможно, являющегося производным с первоначально деминутивной приставкой *я-* (ср. болг. *ядовица* — «вдова») от той же основы, но с перегласовкой *ole*, что и *скора* — «шкура». В таком случае первоначальное значение — «животное, меняющее шкуру, кожу». Возможно, однако, что сущ. *ящерь* образовано с помощью приставки *я-* от той же основы,

но с перегласовкой (*sker), что и *скорый*. Если это так, то животное получило свое название по свойственной ему быстроте передвижения (Шанский, 527). М. Фасмер, раскрывая этимологию слова *ящерица*, связывает его с праславянским *aseerъ, которое родственное слову *скорый* (Фасмер, 4, 83).

В большинстве районов Курщины рептилию номинируют уменьшительным *ящарка/ящурка*: *С рецки рибитня ящирку при- нисли* (Обоянский район, д. Лукшино), *Гля, у траве ящурка шмы- ганула, фост адин и увидала* (Касторенский район, с. Олым). Сло- варь В. Даля отмечает обобщенную семантику указанных обозначе- ний: *ящерица, ящерка* — ‘общее название отдела гадов, чревозем- ных, земноводных, род четырехлапой змейки’ (Даль, 4, 683).

В основе номинации локальной лексемы *вьюн* (Курский рай- он) лежит внешний отличительный признак ящериц — специфичная манера передвижения. В диалектах данный полисемант обладает широким спектром значений — от наименований различных реалий флоры и фауны до предметов народного быта (СРНГ, 6, 65–66), объединенных мотивационным признаком, заключенным в произ- водящем глаголе *виться*. Как репрезентант пресмыкающегося дан- ная лексема не отмечена, в связи с чем можно констатировать, что курские говоры расширили семантические рамки указанной лекси- ческой единицы.

На территории Курского края встречается особый вид ящериц, внешне отличающийся от широко распространенного, — это веретеница. Толковые словари объясняют: *веретѣница* — ‘род безногой, похожей на змею ящерицы; *медяница* (зоол.)’ (МАС, 1, 150; БАС, 2, 173). Курским говорам известны оба обозначения, распростра- ненных в ряде северных и северо-восточных районов Курщины: *Виритеница* — *нибальшая ящерица, водица на лугу, у лису, а то и пападаица на гародах* (Щигровский район, д. Охочевка), *Мидяни- ца как змиюка, но ни апасна, такая ящерица* (Советский район, п. Кшень). Данные наименования в народной речи характеризуют ящериц вообще, не дифференцируя на принятые в научной клас- сификации разновидности, что подтверждают диалектные словари: *веретѣница* — ‘медяница, переходная к змеям безногая ящерица;

всякая ящерица' (Даль, 1, 180); 1. 'Ящерица' (Орловская, Курская, Воронежская, Липецкая, Тульская). 2. 'Змея' [какая?]. (Смоленская, Псковская, Калужская) и др. (СРНГ, 4, 136).

Отмеченные зоонимы в речи курских диалектоносителей чаще представлены фонетико-акцентологическими или словообразовательными вариантами: *веретени́ца, верте́льница, веретёльница, вертяни́ца, медянка, медвянка, медница, медяник*: *Паймал унук виртельницу, дак я са слепу ни панила, думала змия какая* (Касторенский район, с. Бараново), *На лугу у рещки так и шмыгають мидвянки, как щирвяки бальшыи* (Суджанский район, с. Плехово), *Прям с-пад наги как юркня медниса, так напужала* (Рыльский район, с. Мазеповка).

Как видим, довольно разнообразно представлен ряд лексем с корневой морфемой *верет-/верт-*, производные от глагола *вертеться* — 'находиться в круговом движении; вращаться, кружиться' (БАС, 2, 192). Наиболее частотен дериват *веретельница*, известный не только южным, в частности курским, орловским, но и многим северным (вологодским, архангельским и др.) говорам, как 1. 'Ящерица' и 2. 'Род безногой, похожей на змею ящерицы: медянка' (СРНГ, 4, 13).

Наименования *медянка, медвянка, медница, медяник* в курских говорах синонимичны обозначению *веретельница*, обе лексеммы характеризуют безногую ящерицу, хотя по данным толкового словаря *медянка* относится к другому классу пресмыкающихся — змеям: 1. 'Неядовитая змея из семейства ужей бурого или серого цвета'. 2. обл. 'Гадюка', а однокорневая лексема *медяница* — это 1. 'Безногая змеевидная ящерица медного или серого цвета; веретеница'. 2. устар. и народно-поэт. 'То же, что медянка' (БАС, 6, 776–777). Судя по определениям, в основе мотивации однокоренных существительных лежит колоративный признак.

В диалектах употребляются почти все указанные номинации: *медянка* — 1. 'Безногая змеевидная ящерица; веретеница'. Олон., Волог., Свердл., Тул. 2. 'Ядовитая змея, гадюка'. Волог., Смол., Калуж., Новг. (СРНГ, 18, 76); *медница* — 1. 'Безногая змеевидная ящерица; веретеница'. Ряз. 2. 'Змея медянка'. Моск. 3. 'Ядовитая змея'.

Свердл., 4. 'Неядовитая змея'. Калинин.; *медяник* — 'безногая змеевидная ящерица; веретеница'. Олон. (СРНГ, 18, 70). Как видим, в народном восприятии отсутствует строгая дифференциация между разными видами, семействами пресмыкающихся, это находит отражение в номинациях.

Змеи, как и ящерицы, также относятся к классу пресмыкающихся. На территории Курской области этот вид представлен ограниченно — гадюкой обыкновенной и ужами. В основном они населяют лесную и лесостепную зону нашего края, предпочитая смешанные леса с солнечными полянами и хорошим травостоем, вырубки, болота, берега рек [Банников, 21].

Жители сельских поселений ядовитую особь называют *змея*, *гад*, *гадюка*, *гадина*, *козюля*, *козюляка*. Репрезентант *змея* функционирует более чем в 10 районах Курской области (Курский, Октябрьский, Глушковский, Курчатовский, Железногорский, Щигровский, Черемисиновский и др. районы). Употребление родового обозначения вместо видového для народных говоров является довольно распространенным явлением.

Параллельно с обобщенным обозначением пресмыкающегося в курских говорах бытует ряд однокоренных лексем, номинирующих конкретный вид ядовитой змеи: *гадюка* (Обоянский, Горшеченский, Курский, Большесолдатский районы), *гад* (Поныровский, Октябрьский, Курский районы), *гадина* (Черемисиновский, Поныровский, Железногорский, Октябрьский, Курский, Пристенский районы), хотя последние два сузили семантическое поле, поскольку известны в общепотребительной сфере: *гад* — 'всякое земноводное и пресмыкающееся животное', *гадина* — 'то же, что гад' (БАС, 3, 8–9), в отличие от *гадюки* — 'ядовитая змея, широко распространенная в Европе и Азии' (БАС, 3, 12), 'южн. змея, ученые так назвали ряд ядовитых змей наших стран; козюлька, гадюка черная, с зубчатой пестриной по хребту' (Даль, 1, 340). Мотивация номинаций связана с отрицательным восприятием этого вида пресмыкающихся, что констатируют этимологические источники: *гадюка* — 'вос.-слав. Образовано с помощью суффикса -юк(а) от *гад*', общеславянское, первоначальное значение которого «отвратительный, мерзкий» (Шанский, 100),

гадюка — ‘гадь «отвратительное животное»’ (Фасмер, 2, 381). Нужно сказать, что народный язык, в отличие от литературного, обладает довольно обширной группой производных номинаций с корневой морфемой *гад-*: *гадница, гагадуха, гадыня, гадюга, гаданя* (СРНГ, 6, 90–92).

Многим южным, в том числе и курским говорам известна номинация *козюля* в качестве обозначения ядовитой змеи: *Ранышы, када укусить казюля, знали банки атговор* (Медвенский район, с. Любач). Этимологические словари единодушны во мнении относительно данного слова: *козюля* (змея) — собств.-русск. Образовано с помощью суф.-юля (ср. ходуля, рогуля и т. д.) от коза как табуистического названия змеи. Вероятно, эта возможность объясняется тем, что жало змеи похоже на козлиные рога (Шанский, 203), «змея» (ср. блр. козюлька «мошка, козьявка»). Вероятно, табуистическое название от *коза*. Жало в том случае сравнивается с рогами козы (Фасмер, 2, 279). В. И. Даль дает следующее пояснение: *козуля* — ‘юж. козюлька, змея, козюля, козюлька или козулька, юж., кал., орл., змея, ползучий гад’ (Даль, 2, 132). Словарь русских народных говоров уточняет семантику и ареалогию данной лексемы: *козюля* — 1. ‘Змея, гадюка’. Калуж., Смол., Брян., Орл., Кур., Куйб., Кубан., Ставроп., Южн., Свердл. 2. ‘Уж’. Брян. (14, 80). В ряде южных и юго-западных районов Курщины (Рыльский, Льговский, Обо-янский, Беловский районы) отмечен словообразовательный диалектизм *козюляка* — ‘змея, гадюка’, представленный в сводном словаре как региональный, курский (СРНГ, 14, 81).

Местные жители юго-западных ареалов Курщины змею-медянку называют *гладус/гладуш* (Курчатовский, Обоянский, Суджанский, Беловский, Хомутовский районы): *Мине у детцтва гладуш напугал: с папашью сень косим, дак ён пад нагами у нас праскальзнул* (Беловский район, с. Песчаное). Лексема бытует не только в курских, но и в ряде других южных говорах — калужских, брянских, смоленских (СРНГ, 6, 181). Название, возможно, создано на основе внешнего признака — гладкой поверхности кожного покрова рептилии.

К одному из видов неядовитых змей, распространенных на тер-

ритории Курской области, относится уж, определяемый как ‘неядовитая змея сем. ужовых’ (БАС, 16, 372). Лексема относится к числу древних, поскольку является общеславянской индоевропейского характера. Корень тот же, что *угорь*. Звук [у] восходит к [o], звук [ж] из [г] перед гласными переднего ряда [ь] (*ужь*) (ср., например, др.-прусское *angis* — «змея») (Шанский, 462).

В курских говорах неядовитое пресмыкающееся обозначено чаще дериватами *ужак* (Касторенский, Конышевский, Пристенский районы), *ужака* (Золотухинский, Фатежский районы), *вужака* (Мантуровский, Обоянский, Кореневский, Пристенский районы), *ужик* (Поныровский, Советский, Черемисиновский, Мантуровский районы), *пятныш* (Курский район): *Принес как-ть вужаку с лесу* (Обоянский район, с. Павловка). Словарь В. И. Даля также отмечает названные диалектные варианты в некоторых южнорусских говорах: *ужа, ужак, ужака* — вор., тмб., уж, ‘неядовитая змея’ (Даль, 4, 476).

Последнее из перечисленных выше обозначений, как нам представляется, создано в курских говорах, поскольку отсутствуют сведения в диалектных словарях. Вполне объяснимо его образование в качестве номинации ужа, т. к. мотивация обусловлена характерным внешним признаком пресмыкающегося — наличием желтых пятен на голове: *Как увидала пятны у иво, ну и страх прапал: пятныш ета, уж, ни вредный* (Курский район, с. Каменево).

Народный язык практически не создал специальных обозначений, которые дифференцировали особи мужского и женского пола змей, но довольно много наименований встречается в курских говорах, характеризующих детеныша ползающего пресмыкающегося. Это такие лексемы, как: *змееныш* и *змеёнок* (Глушковский, Горшеченский, Октябрьский, Щигровский, Железногорский, Курский, Мантуровский районы), *змеенёнок (змеенята)* (Золотухинский, Обоянский, Горшеченский, Кореневский, Солнцевский, Черемисиновский районы), *гадючонок (гаденята)* (Глушковский район), *козюленок (козюлята)* (Фатежский, Львовский, Рыльский районы), *ужачонок (ужачата)* (Золотухинский район). Представленные синонимы созданы от известных производящих основ с помо-

щью продуктивных суффиксов *-енок/-онок-*, *-ат-/ят-*, частотность употребления каждой номинации и степень активности в народном языке подтверждает перечень районов, где зафиксированы указанные лексические единицы. Большинство из них — словообразовательные диалектизмы, существующие в говорах параллельно с литературными аналогами: *змееныш* — ‘детеныш змеи; молодая змея’; *змеёнок* — ‘детеныш змеи’ (БАС, 4, 1267), *ужонок* — ‘детеныш ужа’ (БАС, 16, 389) и *козюлята* — ‘змеёныши’ (СРНГ, 14, 80), *гаденята* — ‘детеныши змеи’ (СРНГ, 6, 90), *змеёнёнок*, *змеенятки* — ‘змеенята’ (СРНГ, 11, 299).

Мы обратились лишь к небольшому фрагменту программы «Животный мир» Лексического атласа, рассмотрев номинации некоторых пресмыкающихся, распространенные в курских диалектах. Анализируемый региональный материал дал возможность продемонстрировать лингвистический потенциал, который до настоящего времени присущ живым народным говорам и будет востребован для дальнейших научных изысканий.

Литература

Банников А. Г. Охрана природы /А. Б. Банников, А. К. Рустамов, А. А. Вакулин; под ред. А. Г. Банникова. М., 1985.

Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка /Под ред. С. Г. Бархударова. М., 1971.

Псковские наименования дней недели

Е. Г. Мельникова

Представление о временных координатах является существенным элементом любой языковой картины, в том числе и диалектной. Не являясь специальной темой разговора в диалектной среде, время зримо присутствует почти в каждом коммуникативном акте, находя многочисленные лексико-фразеологические воплощения.

Как показывают лингвистические исследования, лексико-фразеологическая представленность в говорах не является однородной, равномерно покрытой соответствующими языковыми единицами. Кроме того, временная референция, отмеченная в говорах, существенно отличается от соответствующей области литературного языка. Найти общее и отличительное от литературного языка и является целью статьи.

Данная статья является продолжением исследования различных временных отрезков в псковских говорах (далее — ПГ).

Следующая по возрастанию за сутками единица времени — это **неделя**.

Вопрос о возникновении семидневной недели не вполне ясен. Вероятно, физической основой недели является продолжительность одной фазы Луны ($\frac{1}{4}$ часть лунного месяца). Дни недели с течением времени получили особые названия. Древние вавилоняне каждый день связывали с тем или иным небесным телом и тем самым поставили его под покровительство определенного божества, начиная с первого дня (нашего «воскресенья»): Солнце (Гелиос), Луна (Селена), Марс (Арес), Меркурий (Гермес), Юпитер (Зевс), Венера (Афродита) и Сатурн (Кронос). Такая планетарная неделя широко

использовалась астрологами и не входила в повседневный быт римлян и греков, познакомившихся с ней в I в. до н.э.

Известно, что семидневной неделей широко пользовались древние иудеи. Названия дней производились от порядковых числительных, и лишь последний, седьмой, день носил особое имя «шабат» (отсюда «суббота»). В таком виде семидневная неделя нашла отражение в Библии. Важную роль в ее становлении сыграло то обстоятельство, что, согласно «Книге Бытия», Бог трудился над созданием мира 6 дней, а на 7 отдыхал. На территории Римской империи библейское представление о неделе пересеклось со старым вавилонским, и христиане стали называть дни именами языческих богов. Именно такая структура закрепилась в латинском языке. У греков, напротив, было принято различать дни по порядковым номерам, и лишь первый, «божий», день (воскресенье) получил особое название. Славянские народы, долго находившиеся под влиянием Византии, производят названия дней от числительных, но первым днем недели у славян считается понедельник, а не воскресенье, как у греков и западных европейцев [Бородин, 26–28].

Таким образом, в настоящее время мы пользуемся смешанной формой названий дней недели: с понедельника по пятницу — порядковые номера дней, суббота и воскресенье — названия религиозного происхождения.

Лексема *неделя* в ПГ, как и в литературном языке, функционирует в значении ‘единица исчисления времени, равная семи дням, от понедельника до воскресенья включительно’ (МАС, 2, 434) (*Нидели толька*. Пыт.). Само слово *неделя* восходит к **nedělja* — калькирование лат. *feria*, *diēs feriāta*. Первоначальное значение ‘нерабочий день, воскресенье’ (ср. др.-рус. *недѣля* ‘воскресенье, неделя’, блр. *недзеля* ‘воскресенье’). Перенос значения с воскресенья на неделю, начинающуюся с воскресенья, произошел ввиду наличия двойного значения греч. *σαββατα* (откуда лат. *sabbatum*), поскольку суббота считалась символом недели (Фасмер, 3, 57).

Понятие *неделя* входит в обозначение более длительного отрезка, зафиксированного в ПГ в лексеме *декада* (Десять недель. — *Ат Ильи да Пакрава целая дякада*. Кар.) (ср. лит. декада — промежуток

времени в десять дней, третья часть месяца (Ожегов, 1952, 133). Заметим, что объединяет слова сема ‘десять’, но диалектная лексема обозначает более длительный временной отрезок (в семь раз больше).

Первый день недели (после воскресенья) выражен в ПГ лексемами **понедельник** (сопоставимой с литературным языком) (без контекста), **понеделок** (*А ф паниделака и так гуляли*. Кун.) (ср. укр. понеділок). Первоначальное значение — ‘день после праздника (воскресенье)’ (Фасмер, 3, 324). В названии дня сохранился след (корень *-нед-*) старого значения слова **неделя** ‘воскресенье’. Отсюда понедельник — день, который следует после воскресенья (понедель-ник — день после недели). Префикс *по-* имеет значение ‘совершившийся после того, что названо мотивирующим словом’ (ср. **повечерки**).

Второй день, следующий за понедельником, — это вторник. Названия вторника в ПГ отмечены в лексемах **вторник** (*Первый афторник есь праздник раданицы*), **авторак** (*Паниделака, афторак — праздники тириминяли на числам*. Вл.), **второк** (*Ва фторак снова привязуть*. Нев.) (ср. блр. *овторок*, укр. *вівторок* (Фасмер, 1, 364).

Третий день недели в современном языке называется **среда**. Слово является заимствованным из церковно-славянского *срьда* в значении ‘средний день недели’. Отмечено также калькирование из древне-верхне-немецкого *mittawëcha* ‘среда’ (Фасмер, 3, 607).

В ПГ значение ‘третий день недели, середина недели’ отмечено в лексемах **среда** (*среда, среда*) (*Сивоння какой у нас день, сирида; са ишшоту я збилась*. Стр.), **полнедели** (*В васкрясенье мы за грибам ня ходим, мы на палнядели ходим*. Сер.).

Слово **полнедели** в ПГ имеет единственную фиксацию и единственный контекст, поэтому работа над словом будет продолжена.

В названии лексем **четверг** и **пятница** отражено представление о четвертом и пятом дне после воскресенья. В ПГ в лексемах **четверг** (*четверег, четвериг(-к)*) сохранено значение ‘четвертый (после воскресенья) день недели’ (*Ф четверик мужа на вайну*. Дед.), а в слове **пятница** ‘пятый (после воскресенья) день недели’ (контекст отсутствует).

Шестой день недели, предшествующий воскресенью, в ПГ обозначен общерусской лексемой *суббота* и диалектной *субботка* (ласк. к *суббота*) (*Это сена будит к субботы гатовае.* Пыт.).

Значение ‘седьмой день’ в ПГ зафиксирован в лексемах *воскресенье* (*Зафтра сусетка пагоницица, а нам в васкрясенья.* Гд.), *сускресенье* (*Кажнае сускрисенье ф церкафь хадили.* Остр.).

Этимологически слово *воскресенье* связано со значением ‘день воскресения из мертвых’. Позднее появляется значение ‘воскресный, нерабочий день’ (Фасмер, 1, 357).

Временная референция в псковском языковом материале находит также выражение в устойчивых сочетаниях с названиями праздников, в том числе и религиозных.

В ПГ отмечены названия праздников с временным компонентом *неделя* и лексемы, называющие дни недели: *четверг, пятница, суббота, воскресенье*.

Так, компонент *неделя* встречается в следующих наименованиях праздников, отражающих разные события в жизни псковских крестьян.

В зимний период в сельской местности отмечали такие праздники, как: *Никольская неделя* (Никольская неделя во время праздника Николы (12–19 декабря). — *Была две Никольских нядели: с 12–19 дикабря — Зимняя Никола.* Пушк.). Праздник *Николы* (День святого Николая, Мирликийского чудотворца, празднуемый 19 декабря) в деревнях проводили в веселье, плясках — *На Николу саломы натащут в избу и дают пляска.* Нев.

Народные наименования празднеств в честь святого Николая обозначают такие временные отрезки, как день и неделя. Неделя выступает как время, предшествующее собственно празднику 19 декабря. В названиях праздников имя собственное *Николай* представлено в виде усеченной основы. В словосочетании *Зимняя Никола* имя собственное выступает в качестве главного слова, а в словосочетании *Никольская неделя* в качестве производящей основы для прилагательного *Никольский*. Определение *зимняя* в названии праздника *Зимняя Никола* (*зимний* — прил. к *зима*; ‘связанный с

зимой, происходящий зимой' (МАС, 1, 610) дается в противопоставлении «летнему» празднику в честь этого святого (22 мая).

Бархатная неделя (Зимний деревенский праздник, начиная с 19 января. — *Севодня бархатная неделя в Апоках, а зафтра в Баравичах.* Палк.). Этот праздник наступал после Крещения. Слово **бархат** в наименовании употреблено в переносном (метафорическом) значении. Возможно, метафорический перенос связан с тем, что погода меняется после крещенских морозов: наступают более теплые, мягкие дни, меняется температурный режим (ср. **бархатный сезон** — осенние месяцы (сентябрь, октябрь) на юге (МАС, 1, 63).

Период от Рождества до Крещения обозначается в ПГ словами **святки** (у православных христиан: праздничное время от Рождества до Крещения, сопровождающееся хождением ряженных, гадаанием и т. п. — *Святки да 19 января, да Крищения; на святки визде гуляли в диривнях.* Беж.), **субботки** (у В. И. Даля — это 1. 'святочные вечера, где собираются нарядные девушки и поют' и 2. 'род посиделок, для пряжи'), **сплошная неделя** (время от Рождества до Крещения. — *Фсё, што ат Раждества да Крищения, — это фсё сплашная ниделя, бес пастоф, нет пастоф.* Нев.). После завершения длительного Рождественского поста снимаются все ограничения в пище и веселье.

Масленая неделя (то же, что **масленица** — переходящий религиозный праздник; неделя, предшествующая Великому посту) отмечалась накануне Великого поста чаще в феврале: *В маслиницу гуляли весила. Фсю ниделю блины пикем.* Порх.

Период Великого поста включает в себя ряд праздников. Так, особое место занимает третья неделя Великого поста, которую называют **Крестопреклонная неделя** 'третья неделя Великого поста, посвященная Кресту Христову; крестопоклонная неделя' *Кристаприклонная ниделя есь, бута бы третья ниделя.* Н.-Рж.

В воскресенье за всенощной на середину храма выносятся Распятие, чтобы напоминать кающимся о спасительном даре искупления Христова. Название **Крестопреклонная неделя** образованно путем сложения основ слов **крест** и **преклоняться** (**поклоняться**).

Четвертая неделя как середина Великого поста в ПГ названа **переломная неделя**: *Пириломнай называли старики четвертую неделю*. Пуст. (ср. лит. *переломить* — ‘сломать надвое’ (Ожегов, 1952, 457).

Средопостольная неделя — это середина четвертой недели Великого поста: *Была три недели с палавиной ат масленицы пасреди поста, и звали средопостольной*. Нев. (ср. лит. середина — ‘средняя часть чего-нибудь, равно отстоящая от границы или от начала и конца чего-нибудь’ (Ожегов, 1952, 657).

Последняя неделя перед Страстной неделей называется в ПГ **Вербная неделя**, а последнее воскресенье перед Пасхой — Вход Господень в Иерусалим именуется лексемой **Вербница** (словообразовательная компрессия) (Церковный праздник, воскресенье за неделю до Пасхи) и словосочетаниями **Вербное (Вербовое, Вербино) воскресенье**. «Во время всенощной под праздник Входа Господня в Иерусалим люди стоят с ветвями вербы (на Востоке это ветви пальм, лавра, цветы), вестницы наступающей весны. Обычай освящать вербы (пальмы) был введен церковью в IV веке. Отсюда и название праздника. В Вербное воскресенье облегчается пост» [Бородин, 170].

Последняя предпасхальная неделя — это **Страстная (Страшная) неделя** (Неделя перед пасхой. — *Масленица, масляная неделя — последняя неделя перед Великим постом; страсная неделя перед Пасхай*. Н.-Рж.), посвященная воспоминанию последних дней земной жизни Иисуса Христа, его страданий, искупительной смерти и погребения. Каждый день страстной недели исполнен особого смысла и значимости для верующих.

В **Великий (чистый) четверг** — должно происходить духовное очищение перед Пасхой. В этот день красили яйца, готовились к пасхальному столу. **Страстная пятница** отмечена страданиями Иисуса Христа (в этот день не положено готовить пищу и вообще есть что-нибудь (есть могут только старики, дети и больные).

Великая суббота — день печали и, наконец, собственно **Светлое воскресенье Христово, Пасха (Пастка, Паска)**.

За пасхальным воскресеньем следует **Святая неделя** (неделя, следующая за пасхальной — *Святая ниделя посли пасхи да радунок, а первае васкрисенье — Фамино, паминать нильзя, фси выпущены с ада.* Н.-Рж.), или **Фомина неделя** (то же, что *Святая неделя — Скрисенье Фамино, так и ниделя Фамина.* Порх.).

Со Святой недели начинались первые весенние хороводы, игры, стол оставался накрытым, угощали нищих, больных.

Как известно, любой день, связанный с поминовением усопших, имеет название **родительская суббота**. В ПГ имеется фиксация слова **субботки** как синонимичное сочетанию **родительская суббота** и слову **радуница** (поминальные родительские дни; родительские субботы. — *Радыница и субботки — радительские дни.* Опоч.).

Словом **субботки** в ПГ может обозначаться и другой временной период ‘субботный период для приготовления приданого’. В таком значении слово отмечено у В. И. Даля с пометой *пск.*

Троица или Троицын день — один из праздников православной церкви, празднуемый в пятидесятый день после Пасхи [МАС, 4, 414].

За Троицей следует более длительный временной период, который называется **Троицкая неделя** (неделя, следующая за Троицыным днем. — (без контекста). Нев. и синонимичные наименования с тождественным значением **русальная неделя, зеленые святки**: *Русальная ниделя перет Иваном за ниделю; фсе гаварят, што русалки бегают в рошь, узлы завязывают.* Нев. По народному поверью в Троицын день русалки падают с деревьев и в глубокую полночь бегают по берегам рек и озер, поют, хлопают в ладоши и мяукают [Степанов, 53–54].

В ряду летних июньских праздников отмечен религиозный праздник, отмечаемый на девятой неделе после Пасхи. Этот праздник связан с неделей «всех святых». Для него в ПГ отмечено слово **девятник** и словосочетание **темная пятница**: *Темная пятница есь, но не помню кагда, мой батька гаваривал, дивятникам ее зовут.* Беж. *Темная пятница — праздник такой пристольный, в няе*

часта грозы. Стр. Название слово **девятник** мотивировано числовым обозначением девять

В ПГ ряд религиозных праздников содержит информацию об атмосферных (погодных) явлениях.

Религиозный праздник Иван-градобой (градобойник) в речи псковских крестьян обозначался как *Градобойная пятница* или *Иван грозный: Градабойная пятница — 5 июля, за неделю да Пятрова дня* [12 июля]. *Кагда-та градам рош пабила, и стали молебен служыть с тех пор.* Вл. В названии Градобойная пятница крестьяне подчеркивали появление града именно в определенный день недели: *Вот в градобойную пятницу апать градабой пашол.* Кун.

Градобойная пятница отмечалась и по отношению к другим праздникам, во время которых мог выпадать град: *Градабойная пятница перед Ильёй, и грат бывает.* Н-Рж.; *Ильинская пятница, в неё не работают, перед Ильёй градабойная, из-за грома не работают.* Пск.; *Зафтра градабойная пятница, а патом ильинская пятница будет; перед Ильёй; а грат, наверна, как-нибудь в эту пятницу выпал.* Вл. Градобойная пятница называлась еще и *Громовая пятница*, *Грозовая пятница* (перед праздником святого Ильи): *Градабойная пятница пирид Ильиным днём, эта бываит громовая, грозовая пятница.* Гд.

К циклу осенних праздников относится религиозный праздник Параскевии Пятницы, отмечаемый 27 октября/14 ноября. В этот период наблюдаются продолжительные дожди с сопутствующими явлениями, например: распутицей. Видимо, такое состояние атмосферы отражено в названии праздника — *Грязная Пятница: Грязная в актябре, праздник у нас религиозный, гуляим, пьём.* Холм. В псковских говорах слово *грязный* имеет значение ‘с частыми дождями, распутицей’. Следовательно, прилагательное *грязный* содержит погодную сему, указывающую на состояние атмосферы. Месяц октябрь в псковской области дождливый месяц. В это время наблюдается появление грязи, слякоти. В говорах отмечено значительное количество производных лексем, называющих грязь, слякоть.

Таким образом, референция временного отрезка, связанного с обозначением дней недели, представлена в ПГ более развернуто,

чем в литературном языке. Имеются отличия в количественном составе лексем и фонетической репрезентации (*среда — середа, четверг — четверег* и др.).

Лексико-фразеологический материал, содержащий информацию о видении временного пространства псковскими жителями, способствует воссозданию фрагмента языковой картины.

Литература

Бородин О. Р. Человек и время (Возникновение современной хронологии). М., 1991.

Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира: /Модели пространства, времени и восприятия. М., 1994.

О происхождении фамилии Замятин

(к использованию лингвогеографических данных бытования диалектных слов и территориальной отнесенности личных имен в этимологических исследованиях ономастических единиц)

А. С. Щербак

Фамилия Замятин, принадлежавшая в числе прочих ее носителей известному русскому писателю, уроженцу Тамбовской области в ее исторических границах, неоднократно рассматривалась на страницах справочников и исследований по русской исторической антропонимике. Хотя научное систематическое исследование современных русских фамилий в границах лингвистики, связанное с историей русского языка и диалектологией, насчитывает не так уж много времени, тем не менее выясняются два интересных обстоятельства.

Во-первых, фамилия Замятин привлекала внимание исследователей в контексте прозвищных и отыменных фамилий, во-вторых, большая часть исследователей, писавших о фамилии Замятин, не выдерживала необходимой строгости сопоставлений исходного имени с фамилией на словообразовательном уровне.

Б. О. Унбегаун в своей классической работе «Русские фамилии» отметил в одном ряду фамилии *Замятин* и *Замятнин* как фамилии, образованные от отрицательных имен без противопоставления этих двух фамилий и без отсылок к мотивирующим их именам (Унбегаун, 165). В. А. Никонов в своем Словаре русских фамилий подводил под диалектное слово *зámять* в значении «метель» фамилию *Замятнин* допустив, на наш взгляд, ошибку в сопоставлении мотивирующего слова и рассматриваемой фамилии на словообра-

зовательном уровне, отметив, что «вариант Замятин стал самостоятельной фамилией» (Никонов, 44).

На самом деле ученый был в одном шаге от решения проблемы, однако решить ее не позволили ему, во-первых, отсутствие ареальных данных на диалектные слова и имена собственные, привлекаемые к исследованию, и излишняя пиететность перед трудом Б. О. Унбегауна (а также инерция, заданная трудом Б. О. Унбегауна).

Сходное решение предложили и авторы словаря фамилий Тамбовской области. Ср.: «Замятин — прозвищная фамилия. Восходит к нехристианскому личному прозвищному имени Замятня, которое давали либо крикливому ребенку, либо в качестве имени-оберега (Фамилии Тамбовской области. Словарь-справочник. Ч. 2. Тамбов, 1999, 52).

В словаре-справочнике Тамбовских фамилий также не было учтено то обстоятельство, что от имени *Замятня* может происходить только фамилия *Замятнин*, а имя *Замята* или форма такого имени, которая должна была бы дать основу фамилии *Замятин*, в источниках полностью отсутствует, т. е. ни в одном из ономастических словаре не зафиксирована. Сходное мнение, поддержанное объемной выпиской из словаря Н. М. Тупикова, выражено и в словаре русских фамилий И. М. Ганжиной [Ганжина, 211]).

Эта же коллизия воспроизведена в одном из электронных справочников по истории русских фамилий:

ЗАМЯТИН. Замять — метель, вьюга, но также шум, крик, возмущение. В древности существовало «охранительное» имя Замятия: крикун, крикунья. Уже с XV в. оно прослеживается как фамилия, приобретая форму *Замятнин*. Несколько позднее самостоятельной фамилией стала и *Замятин*.

Повторяем, у нас нет данных, чтобы сводить фамилии *Замятин* и *Замятнин* к одному этимологическому гнезду.

Интересное решение, как мы полагаем, очень близкое к истине, было предложено в «Энциклопедии русских фамилий» Т. Ф. Вединой. Она пишет:

ЗАМЯТИН. Первое упоминание о фамилии *Замятня* относится к началу XV в. С помощью суффиксов впоследствии она приобрела

формы *Замятин*, *Замяткин*, *Замятнин*, *Замятов*, *Замятовский*. В ее основе слово *замять*: *метель*, *вьюга*, *пурга*, в других говорах — «возмущение, замешательство». Замятка — то же, что и заминка, т. е. остановка, помеха.

Вероятно, первые *Замятни* получали свое имя-прозвище по двум причинам: либо появились на свет зимой, когда мела метель, либо были уж больно горласты и крикливы [Ведина].

Для того, чтобы рассматривать высказывавшиеся гипотезы о происхождении фамилии *Замятин* и предлагать собственные версии, в нашем распоряжении имеются одновременно и данные о географическом распространении имени *замятня* в древнерусских исторических источниках и данные о распределении диалектных слов, из которых возможно выводить фамилию *Замятин*.

Речь идет о том, что древнерусское личное имя *Замятня* действительно хорошо документировано несколькими десятками употреблений в словаре Н. М. Тупикова. Однако прослеживаемая по источникам география распространения этого имени, восходящего с определенностью к диалектному слову, почти не связана с территориями, близкими к родине известного писателя Евгения Ивановича Замятина (1884–1937), уроженца Лебедянского уезда Тамбовской губернии (ныне Липецкой области).

Фиксации имени *Замятня* по Тупикову — территории поблизости от Москвы, к западу и к востоку от Москвы, но не регионы, лежащие к югу или юго-востоку от Москвы. Словарь Н. М. Тупикова отмечает ближайшую фиксацию этого имени. Ср.: Замятня Кондауров рязанский помещик 1651 г. (Тупиков, 156–157). Однако это нам ничего не дает, поскольку повторяем, фамилии *Замятин* и *Замятнин* сводятся друг к другу только при игнорировании словообразовательных нюансов.

Обращение к диалектным словарям дает нам в распоряжение данные, согласующиеся с нашими собственными наблюдениями. В Словаре русских народных говоров зафиксировано следующее диалектное слово:

ЗАМЯТЬ, и, ж. *Метель*, *пурга*, *снежная буря*. *По снегу носилась легкая сероватая пыль: можно было ожидать замяти*. Орл.,

1863. Ворон. (СРНГ, 10, 272). В отличие от размытой географии имени *замятня*, ареал слова *замять* как метеорологического термина оказывается весьма узким — оно отмечено только в орловских и воронежских говорах. И при этом он увязывается с той территорией, которая претендует на то, чтобы быть исторической родиной предков Е. И. Замятина — это Воронежская область.

Наше толкование истории фамилии *Замятин*, во-первых, основывается на строгости словообразовательного анализа. В сопоставлении слова *замять* и фамилии *Замятин* нет «лишних» морфологических элементов. Далее, предлагая нашу версию происхождения фамилии Замятин, мы по существу не наблюдаем ни географической дисперсии мотивирующего слова и интересующей нас локализации фамилии Замятин. Привлекающий наше внимание ареал исторической родины предков русского писателя располагается достаточно близко к ареалу бытования мотивирующего диалектного слова *замять*.

Как показывают наблюдения, слово *замять* как будто бы не совсем выпало из употребления и сохраняется в языке писателей — знатоков и ценителей русского языка. Прекрасный стилист: поэт-бард и автор мемуарной прозы Александр Городницкий пишет в одном из стихотворений — стихотворений, помещенных в песенный альбом «Двадцать первый тревожный век»:

Пыльные книги смотрят в обиде в снежную замять.

Кончился идиш. Кончился идиш. Вечная память.

(А. Городницкий. Поминальная идишу)¹.

Таким образом, выясняя этимологические истоки фамилии Замятин, мы не только внесли необходимые коррективы в словообразовательный анализ потенциальных мотивирующих данных антропоним лексических единиц, но и совершенно неожиданно получили возможность наблюдать согласование ареала распространения мотивирующей лексемы и территории проживания носителей фамилии, мотивированной данной лексемой *замять*.

¹ <http://gorodnit.progessor.ru/text.par?id=911> — 2001 год.

Данный случай выступает интересным подтверждением гипотезы В. А. Никонова о связи географии фамилий с географией областных и диалектных слов, хотя сама эта гипотеза в наши дни должна учитывать разные векторы изменения ареалов распространения диалектной лексики и ареалов бытования фамилий и прозвищ, в основе которых лежат диалектные слова.

Литература

- Ведина Т.Ф.* Словарь фамилий. М., 1999.
- Ведина Т.Ф.* Энциклопедия русских фамилий: тайны происхождения и значения. М., 2008.
- Ганжина И. М.* Словарь современных русских фамилий. М., 2001.
- Дмитриева Л. И., Голузо Л. В., Голузо И. Г., Щербак А. С.* Фамилии Тамбовской области. Словарь-справочник /Отв. ред. Л. И. Дмитриева. Тамбов, 1999. Ч. 2.
- Никонов В.А.* Словарь русских фамилий. М., 1993.
- Туников Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004.
- Унбегаун Б.* Русские фамилии. М., 1989.

Номинация растений по признаку цвета в финно-пермских языках

И. В. Бродский

В финно-угорских языках, как и во многих других языках мира, распространена номинация растений по различным признакам. Одним из наиболее часто встречающихся признаков является наличие цвета (цветности). В данной работе номинация по признаку цвета рассматривается на материале финно-пермских языков, то есть, исключая угорские языки. Исследуются только народные фитонимы, исключая номенклатурные, система которых существует в финском и эстонском языках.

Признак наличия цвета, наряду с признаком места произрастания, является статистически наиболее частотным в финно-пермских языках. Действительно, настоящее разнообразие цвета во всех его оттенках проявляется, в первую очередь, во флоре. Показательно, что практически все природные красители, известные издревле финно-угорским народам, имеют растительное происхождение. Прилагательные со значением цветности чаще всего применяются по отношению к растениям и мотивируют именно фитонимы.

Носителем признака цвета в фитонимах являются:

(а) соответствующие качественные прилагательные со значением цветности (например, *фин. musta* ‘черный’, *эст. tõmmu* ‘бурый’, *коми лӧз* ‘синий’). В отдельных случаях простой по форме фитоним состоит только из такого прилагательного, например, *эст. rüüane* ‘клевер луговой, посевной’, ‘чистотел большой’, букв. ‘красный’.

(б) существительные, обозначающие реалии, ассоциирующиеся с определенным цветовым тоном или красителем, например, сажа

(черная), ржавчина (рыже-коричневая), моча (желтая), огонь (желтый). Таким образом, в этом случае цветность указывается не напрямую, а метафорически. Как показывают нижеследующие примеры, ряд таких имен-носителей признака во всех рассматриваемых языках имеет одинаковые значения. Тем не менее, в отдельных языках в силу этнокультурных особенностей народов наблюдается и уникальное использование в качестве носителей признака какого-либо существительного.

Цветность (признак наличия цвета) в фитонимах обычно относится к цветкам растений, шляпкам грибов, реже — к стеблям (стволам), корням, листьям. Этим определяется и круг используемых детерминантов — определителей класса объекта номинации — сложных названий растений. Простые фитонимы данной группы образуются почти исключительно от прилагательных со значением цвета (см. фин. *mustikka-*, эст. *sinik* и др.), почему при этом и используются отыменные суффиксы, образующие существительные.

Прилагательные со значением ‘зеленый’ используются в номинации чаще всего в отношении названий грибов, так как это обычный цвет растительности. Редко используются и прилагательные со значением ‘черный’, так как черные части растений встречаются редко: это, в основном, ягоды, и чаще всего эти прилагательные мотивируют названия черники. Оттого же редко встречается и определяемый компонент со значением ‘сажа’.

В качестве детерминанта (определителя класса объекта номинации) чаще выступают названия отдельных растений; в таком случае дополнительное определение цветности указывает на похожесть номинируемого растения на другое, но при этом имеющее иной цвет (обычно относится не ко всему растению, а его части), например, фин. *valkia ruis* || *kukkain* ‘нивяник’, букв. ‘белый василек’, или эст. *punane rukki* || *lill* ‘*Agrostemma ghitago*’, букв. ‘красный василек’. Поэтому большинство представленных ниже фитонимов, строго говоря, следует относить к образованным в результате номинации по двум признакам. Как правило, модели такого вида номинации не выходят за пределы одного языка. Общими, как это показано ниже, становятся именно модели с более общими детерминантами.

В связи с тем, что при номинации высших растений признак цветности, как правило, относится к травянистым растениям, то из распространенных детерминантов в данном случае чаще всего можно встретить существительные со значениями ‘трава’ и ‘цветок’.

Далее лексический материал дается в следующем порядке: фитонимы прибалтийско-финских, мордовских, марийского и пермских языков. Материалы лугово-марийского языка даны в качестве основных, горно-марийского языка — со специальной пометой (Г.). Внутри каждого языкового раздела фитонимы сгруппированы по признаку цветности, причем вначале даются прилагательные, далее — существительные-носители этого признака.

Наши представления о рассматриваемом материале во многом зависят от степени его собранности. Очевидно, что фитонимическая лексика языков, имеющих давние исследовательские и письменные традиции — финского и эстонского — собрана несравненно лучше, чем материал других финно-пермских языков.

В качестве источников лексики для данной статьи использовано свыше сорока лексикографических работ, основные из которых приведены в списке литературы; кроме того, материал был почерпнут в целом ряде монографических работ и отдельных статей. Автор следовал транскрипции оригиналов.

Прибалтийско-финские языки

Финский язык

НАРМА(А) ‘серый’: *harmaa* || *leppä* ‘ольха серая’, букв. ‘то же’; *harmaa* || *paju* ‘виды ивы *Salix aurita*, *cinerea*, *lapporum*’, букв. ‘серая ива’; *harmaa* || *heis* ‘бузина’, букв. ‘серая калина’

НОРЕА ‘серебряный’: *hopea* || *asteri* ‘бегония’, букв. ‘серебряная астра’; *hopea* || *lehti* ‘манжетка’, букв. ‘серебряный лист’; *hopea* || *puu* ‘бегония’, букв. ‘серебряное дерево’

КЕЛТА, KELTAINEN, KELLANEN и др. ‘желтый’: *kelta*, *kelda* ‘калужница болотная’, ‘лютик’, ‘чистотел большой’, букв. ‘желтая’; *keltanen* ‘пупавка красильная’, букв. ‘желтая’; *kellanen pillikäs* ‘пикульник красивый’, букв. ‘желтый пикульник’; *kelda* || *ruoho* ‘лю-

тик жгучий’, ‘чистотел большой’, букв. ‘желтая трава’; *kelta*||*apila*, *kelta*||*apilas*, *keltaist apilat* ‘клевер золотистый’, ‘клевер темно-каштановый’, букв. ‘желтый клевер’; *kelta*||*bulbukka*, *kelta*||*bulpukka* ‘кубышка желтая’, ‘лютик’, букв. ‘желтая кувшинка’; *kelta*||*horsma*, *kelta*||*horsmu*, *kelta*||*horma* ‘вероника длиннолистная’, ‘воробейник кистецветный’, ‘золотарник’, ‘марьянник лесной’, букв. ‘желтый кипрей’; *kelta*||*juuri* ‘чистотел большой’, букв. ‘желтый корень’; *kelta*||*kukka*, *kelto*||*kukka*, *kelda*||*kukka*, *kiilto*||*kukka*, *kelta*||*kukkain*, *kelta*||*kukka(i)nen*, *kelta*||*kukkii*, *kelta*||*kukkia* ‘золотарник’, ‘календула’, ‘калужница болотная’, ‘кульбаба осенняя’, ‘купальница европейская’, ‘лютик’, ‘одуванчик’, ‘пулавка красильная’, ‘скерда кровельная’, ‘ястребинка’, букв. ‘желтый цветок’; *kelta*||*laukka* ‘желтушник левкойный’, букв. ‘желтая сумка’; *kelta*||*lumme*, *kelta*||*lummet*, *keltainen lumme* ‘кубышка желтая’, букв. ‘желтая кувшинка’; *kelta*||*lättänä* ‘одуванчик’, букв. ‘желтый плоский’; *kelta*||*mali* ‘пижма’, букв. ‘желтая полынь’; *kelta*||*matara* ‘подмаренник настоящий’, букв. ‘желтый подмаренник’; *kelta*||*norj*||*heinä* ‘пижма’, букв. ‘желтая трава [от] норицы’; *kelta*||*nätkelmä*, *kelta*||*nätkin*, *kelta*||*nätky* ‘чина’, букв. ‘желтая чина’; *kelta*||*pilliäänen* ‘пикульник красивый’, букв. ‘желтый пикульник’; *kelta*||*pupmpula* ‘кубышка желтая’, букв. ‘желтая кувшинка’; *kelta*||*rekko* ‘кубышка желтая’, букв. ‘желтая кувшинка’; *kelta*||*savi*||*ruoho* ‘калужница болотная’, букв. ‘желтая лебеда’; *kelta*||*sieni* ‘рыжик’, букв. ‘желтый гриб’; *kelta*||*takiainen* ‘череда трехраздельная’, букв. ‘желтый репейник’; *kelta*||*torvi* ‘недотрога’, букв. ‘желтая трубка’; *kelta*||*ulpukka*, *kelta*||*urukka*, *kelto*||*ulpukka*, *kelta(i)nen ulpukka*, *keltainen urukka* ‘кубышка желтая’, ‘купальница европейская’, букв. ‘желтая кувшинка’; *kelta*||*vuokko* ‘калужинца болотная’, букв. ‘желтая ветреница’; *keltainen formu*||*kukkanen* ‘подмаренник’, букв. ‘желтый кипрей’; *kelta*||*harakan*||*kukka*, *keltainen harakan*||*kukka* ‘одуванчик’, ‘пулавка красильная’, букв. ‘желтая ромашка’; *keltain hiiren*||*heinä* ‘чина луговая’, букв. ‘желтый мышиный горошек’; *keltaanen hiiren*||*hernet*, *kelta(i)nen hiiren*||*herne* ‘чина луговая’, букв. ‘желтый мышиный горошек’; *keltainen*

hiiren||*rista* ‘чина луговая’, букв. ‘желтый мышинный горошек’; *keltainen kirs*||*kukka* ‘ветреница лютичная’, букв. ‘желтая ветреница’; *keltainen kylmä*||*kukka* ‘ветреница лютичная’, букв. ‘желтая ветреница’; *keltainen myrky*||*kukkainen* ‘лютик’, букв. ‘желтый ядовитый цветочек’; *keltainen puikko*||*lehti* ‘марьянник лесной’, букв. ‘желтый острый лист (букв. спица-лист)’; *kelta*||*päivän*||*kakkara*, *keltainen päivän*||*kakkara* ‘пупавка красивая’, букв. ‘желтая ромашка’; *keltainen saaronin*||*kukka* ‘пупавка красивая’, букв. ‘желтая пупавка’; *keltainen sirkan*||*risto* ‘чина луговая’, букв. ‘желтый мышинный горошек’; *keltainen sorsan*||*kukka* ‘кубышка желтая’, букв. ‘желтая калужница’; *keltainen uisma*||*heinä* (*keltanen uisma*||*heenä*) ‘воробейник кистецветный’, букв. ‘желтый звербой’; *keltainen vesi*||*unikko* ‘кубышка желтая’, букв. ‘желтая кувшинка’; *merän maan keltanen apila* ‘клевер темно-каштановый’, букв. ‘приморский желтый клевер’

Названия плауна сплюснутого (или обоюдоострого) *Diphasiastegum complanatum* L. в финском языке, мотивированные *kelta* ‘желтый’ (*kelta*, *kellat*, *kelto*, *keltoi*, *keltoja*, *kelto*||*heinä*, *kelto*||*kaarne*, *kelta*||*lieko*, *kelta*||*ruoho*, *kallio*||*kelta*, *maan*||*kelta* (*maan*||*kelda*)), даны не по цвету растения, а по его хозяйственному использованию: из растения делали традиционную желтую краску для тканей. То же наблюдается и в карельских наречиях: ср. *кар. собств. kelta*, *kelda*, *кар. ливв. keldu*, *кар. люд. kelda* ‘плаун сплюснутый’, букв. ‘желтый’. В то же время старейшее из его зафиксированных названий *keldataudin warsi*, букв. ‘стебель [от] желтухи’ (*Tillandz 1683*) основано на лекарственном использовании.

KIRJAVA ‘пестрый’: *kirjava apilas* ‘черноголовка’, букв. ‘пестрый клевер’; *kirjava pillike* ‘пикульник’, букв. ‘пестрый пикульник (марь)’

KULTA ‘золото, золотой’: *kulta*||*lumme* ‘кувшинка’, букв. ‘золотая кувшинка’; *kulta*||*nurikka* ‘кувшинка’, букв. ‘золотая кувшинка’; *kulta*||*ruoska* ‘золотарник’, букв. ‘золотая розга’ (*ruoska* < *rus.*)

Сомнительно отнесение П. Сухоненом (*Suhonen 1936*) указанных названий, мотивированных *kulta*, к кувшинке из-за ее белой окраски. Мы полагаем, что они относятся к кубышке желтой.

MUSTA ‘черный’: *mustikka* ‘черника’, мотивировано *musta* ‘черный’ (здесь не перечислены сложные названия ягодных растений, в которых *mustikka* является определяемым компонентом); *musta*||*apila*, *musta*||*apilas*, *musta*||*apelias* ‘черноголовка’, ‘клевер темно-каштановый’, букв. ‘черный клевер’; *musta*||*herukka* (также с дополнительным детерминантом: *musta*||*herukka*||*pehko*, *musta*||*herukka*||*pensas*) ‘черная смородина’, букв. ‘то же’; *musta*||*kukka* ‘клевер темно-каштановый’, букв. ‘черный цветок’; *musta*||*pää*, *musta*||*piä* ‘пушица’, ‘timoфеевка альпийская’, букв. ‘черная голова (верхушка)’; *musta*||*pää*||*luhta(n)*||*ruoho* ‘ежеголовник’, букв. ‘трава заливного луга с черной верхушкой’; *musta*||*pään*||*ruoho* ‘марьяник дубравный’, букв. ‘трава с черной верхушкой’; *ингерм. musta*||*ruusti* ‘черный груздь’, букв. ‘то же’; *musta neitsen hiuksi*, *musta*||*neitzen*||*hius* ‘костенец волосовидный’, букв. ‘черный девичий волос’; *musta*||*viina*||*marja*, *musta*||*vinnan*||*marja*, *musta*||*viini*||*marja* (также с дополнительным детерминантом: *musta*||*viina*||*marja*||*puu*, *musta*||*viin(i)*||*marja*||*pensas*) ‘черная смородина’, букв. ‘то же’ (или ‘черная винная ягода’);

Название овса *musta caura* (‘черный овес’) у Элиаса Тилландза (*Tillandz 1683*), по-видимому, относится к какому-то сорту этого злака. Мы предполагаем, что речь идет об известной в России разновидности овса с черными пленками (так наз. *темный овес*).

PUNA, PUNAINEN ‘красный’: *puna*||*apila*, *puna*||*apilas*, *puna*||*apelias*, *puna(i)nep apila*, *punanep apilas* ‘клевер красный’, ‘клевер средний’, букв. ‘то же’; *puna*||*harja* ‘бодяк разнолистный’, букв. ‘красная грива’; *puna*||*herukka*, *punainen herukka* (с дополнительным детерминантом *punainen herukka*||*pehko*) ‘красная смородина’, букв. ‘то же’; *puna*||*horma*, *puna*||*horsmi* ‘кипрей’, букв. ‘красный кипрей’; *puna*||*humala* ‘черноголовка’, букв. ‘красный хмель’; *puna*||*här(j)än*||*kieli*, *punainen härjän*||*kieli* ‘воловик лекарственный’, букв. ‘красный воловик’; *puna*||*imiäinen*, *punainen imijäinen* ‘клевер красный’, букв. ‘то же’; *puna*||*juuri*, *puna*||*juurikka* ‘воробейник полевой’, ‘лапчатка прямостоячая’, ‘свекла’, букв. ‘красный корень’; *puna*||*juuri*||*heinä* ‘воробейник

полевой’, букв. ‘трава с красным корнем’; *puna*||*juuren*||*kukkain* ‘лапчатка прямостоячая’, букв. ‘цветочек с красным корнем’; *puna*||*kello* ‘гравилат речной’, букв. ‘красный колокол’; *puna*||*kukka*, *puna*||*kukkanen* ‘дербенник иволистный’, ‘лапчатка прямостоячая’, ‘мак’, ‘щавель кислый’, букв. ‘красный цветок’; *puna*||*la(t)va* ‘луговик дернистый, щучка’, ‘метлица’, ‘овсяница красная’, букв. ‘красная верхушка’; *puna*||*paola*, *puna*||*paula* ‘клевер красный’, букв. ‘то же’; *puna*||*reipin*, *puna*||*reip(p)onen* ‘ясотка пурпурная’, букв. ‘красная ясотка’; *puna*||*pensseli* ‘бодяк разнолистный’, букв. ‘красный бодяк (букв. красная кисть)’; *puna*||*piikkijäinen*, *puna*||*piikki*||*heinä* ‘пикульник ладанниковый’, букв. ‘красный пикульник’; *puna*||*pillike*, *puna*||*pillikäs*, *punanen pillikäs*, *puna*||*pilliäinen* ‘ясотка пурпурная’, ‘ясотка стеблеобъемлющая’, букв. ‘красная ясотка’; *puna*||*pää*||*apilas* ‘клевер средний’, букв. ‘клевер с красной верхушкой’; *puna*||*takku* ‘белоус торчащий’, букв. ‘красный белоус’; *puna*||*tatti* (*punikki*||*tatti*) ‘подосиновик’, букв. ‘красный гриб’; *puna*||*yrtti*, *punainen yrt(t)i*, *puna*||*yrtin*||*juuri* ‘амарант хвостатый’, ‘лапчатка прямостоячая’, ‘маргаритка многолетняя’, букв. ‘красная трава’ (‘корень красной травы’); *punainen kissan*||*käpälä* ‘кошачья лапка двудомная’, букв. ‘красная кошачья лапка’; *punainen crop*||*ruoho* (Tillandz 1683) ‘полынь’, букв. ‘красная полынь’; *punainen kärmen juuri* (Tillandz 1683) ‘горец живородящий’, букв. ‘красный горец’; *punainen pursu* ‘подбел’, букв. ‘красный багульник’; *punainen suo*||*kanerva* ‘подбел’, букв. ‘красный багульник’; *punanen suo*||*pursu* ‘подбел’, букв. ‘красный багульник’; *punainen päivän*||*kakkara* ‘пупавка красивая’, букв. ‘красная ромашка’; *punainen suo*||*kukka* ‘подбел’, букв. ‘красный болотный цветок’; *punainen weri ruoho* (Tillandz 1683) ‘герань кроваво-красная’, букв. ‘красная кровяная трава’; *puna(i)nen viini*||*marja*, *punaanen viina*||*marja* (с дополнительным детерминантом *punainen viin(i)*||*marja*||*pensas*) ‘красная смородина’, букв. ‘то же’; *punainen viina*||*puu* ‘красная смородина’, букв. ‘то же’

RUSKEA, RUSKOA, RUSKO||-, RUSO||- ‘коричневый’, ‘красный’: *ruskea apila*, *ruskoa apila* ‘клевер темно-каштановый’, букв. ‘ко-

ричевый клевер'; *ruskea luike* 'пушица рыжеватая', букв. 'красная (коричневая) пушица влагалищная'; *ruskea ulpukka* 'кубышка желтая', букв. 'красная кувшинка'; *rusko||heinä* 'воробейник полевой', букв. 'красная трава'; *rusko||juuri, ruso||juuri* 'воробейник полевой', букв. 'красный (коричневый) корень'; *rusko||ruoho* 'горец земноводный', букв. 'красная (коричневая) трава'

SINI|-, SININEN (SINIIN) 'синий': *isot sini kellot (Tillandz 1683)* 'колокольчик персиколистный', букв. 'большие синие колокола'; *mäki||sini||kello* 'незабудка полевая', букв. 'горный синий колокол'; *sini||apila(s)* 'клевер красный', 'черноголовка', букв. 'синий клевер'; *sini faderma (Tillandz 1683)* 'ежевика', букв. 'синяя малина'; *sini||heinä* 'герань лесная', 'незабудка', букв. 'синяя трава'; *sini||helekkö* 'колокольчик круглолистный', букв. 'синий колокольчик'; *sini||horsma* 'вероника длиннолистная', букв. 'синий кипрей'; *sini||joulu, sini||jouluksa* 'голубика', букв. 'синяя голубика'; *sini kaali (Tillandz 1683* и др. источники того времени) 'катран приморский', букв. 'синяя капуста'; *sini||kauno, sini||kauni* 'василек синий', букв. 'синий василек'; *sini||kello* 'колокольчик круглолистный', 'колокольчик персиколистный', букв. 'большой колокол'; *sini||kukka, sini||kukkainen, sini||kukkain, sin||kukka, sini||kukka* 'борец синий', 'василек синий', 'вероника весенняя', вероника дубравная, 'герань лесная', 'колокольчик сборный', 'незабудка', 'шлемник', букв. 'синий цветок'; *sini||kukkaro* 'колокольчик круглолистный', букв. 'синий кошелек'; *sini||latva* 'борец синий', 'синюха голубая', букв. 'синяя верхушка'; *sini||liina* 'борец синий', букв. 'синий платок'; *sini||myntti* 'вероника дубравная', букв. 'синяя мята'; *sini||nätkymiä* 'мышинный горошек', букв. 'синий мышинный горошек (чина)'; *sini||orvokki* 'ветреница', 'фиалка болотная', 'фиалка собачья', букв. 'синяя фиалка'; *sini||pillike* 'ясотка стеблеобъемлющая', букв. 'синяя ясотка'; *sini||poika* 'борец синий', 'синюха голубая', букв. 'синий мальчик'; *sini||ritari* 'синюха голубая', букв. 'синий рыцарь'; *sini||sieni* 'паутинник фиолетовый', букв. 'синий гриб'; *sini||silmä* 'вероника дубравная', букв. 'синий глаз'; *sini vuohen miecka (Tillandz 1683)* 'ирис германский', букв. 'синий ирис'); *sini||vuokko, sini||vuokkoloita, sininen vuokko* 'вероника дуб-

равная', 'ветреница', 'незабудка полевая', 'фиалка Ривинуса', букв. 'синяя ветреница'; *siniin hiiren*||*heinä* 'мышинный горошек', букв. 'синяя мышинная трава'; *sininen hiiren*||*herne* 'мышинный горошек', букв. 'синий мышинный горошек'; *sininen hiiren*||*rista* 'мышинный горошек', букв. 'синий мышинный крест'; *siniin kirs*||*kukkain* 'ветреница', букв. 'синяя ветреница'; *siniin ruis*||*kukka* 'василек синий', букв. 'то же'; *sinine elo*||*kukkane* 'василек синий', букв. 'синий цветочек жизни'; *sininen kylmä*||*kukka* 'ветреница', букв. 'синяя ветреница'; *sininen mettis*||*kukka* 'черноголовка', букв. 'синий гравилат'; *sininen päivän*||*kakkara* 'василек синий', букв. 'синяя ромашка'; *sininen uisma*||*heenä* 'дербенник иволистный', букв. 'синий звербой'; *sininen voi*||*heinä* 'шлемник', букв. 'синий одуванчик'; *siniä kissan*||*kello* 'колокольчик круглолистный', букв. 'синий кошачий колокол'; *sinikka* 'брюква'; 'голубика' — мотивированы *sini-* 'синий'; *sinikaiset* 'вероника дубравная', 'вероника лекарственная' — мотивировано *sini-* 'синий'; *wähet sini kellot* (*Tillandz 1683*) 'колокольчик ранункулевидный', букв. 'малые синие колокола'

VALKEA, VALKO-, VALKOINEN и др. 'белый': *valakee käen*||*pottu* 'любка двулистная', букв. 'белая любка'; *valakoonen kanerva* 'вереск белый *Calluna vulgaris* v. *alba*', букв. 'белый вереск'; *valkea*||*apila(s)*, *valakia apila*, *valko*||*apila*, *valko*||*apilas*, *valako*||*apila(s)*, *valko*||*apelas*, *valkoinen apilas*, *valakonen apilas*, *valakoonen apila*, *valkea*||*paula*, *valko*||*paula*, *valako*||*paula*, *valkea paulan*||*kukka* 'клевер гибридный', 'клевер ползучий', букв. 'белый клевер'; *valkia horma* 'таволга вязолистная', букв. 'белый кипрей'; *valkea jäniksen*||*käpäälä* 'кошачья лапка двудомная', букв. 'белая кошачья лапка'; *valkea kanerva*, *valko*||*kanerva* 'багульник болотный', букв. 'белый вереск'; *valkia kirsi*||*kukkain*, *valkoinen kirs*||*kukka* 'ветреница дубравная', букв. 'белая ветреница'; *valkia kissän*||*käpäälä* 'ветреница дубравная', букв. 'белая кошачья лапка двудомная'; *valkea koiran*||*käpäälä* 'кошачья лапка двудомная', букв. 'белая кошачья лапка'; *valkia kukka*, *valko*||*kukka* 'нивяник', букв. 'белый цветок'; *valkea käen*||*peru* 'любка двулистная', букв. 'белый кокушник длиннорогий (ятрышник)'; *walckia leppä* (*Tillandz 1683*) 'ольха серая', букв. 'белая ольха'; *valkea pulpukka*,

valkea ulrukka, valko||ulrukka, valkonen ulrukka, valkonen ulrukka, valkoinen ulrukka, valkoinen ulrukka ‘кувшинка’, букв. ‘белая кувшинка’; *valkea||pää, valko||pää* ‘пушица различных видов’, букв. ‘белая верхушка’; *valkia ruis||kukkain (valkia ruvis cuckainen—Variarum 1668)* ‘нивяник’, букв. ‘белый василек’; *valkia sammal, valko||sammal* ‘кладония’, ‘кукушкин лен’, ‘сфагнум’, букв. ‘белый мох’; *valkea||selän heinä* ‘бодяк разнолиственный’, букв. ‘трава с белым хребтом’; *valkea||selän lehti, valkia selän lehti* ‘бодяк разнолиственный’, букв. ‘лист с белым хребтом’; *valkea||sieni* ‘волнушка белая’, букв. ‘белый гриб’; *valkea||tatti* ‘боровик’, букв. ‘белый гриб’; *valkian puolen lehti* ‘бодяк полевой’, букв. ‘лист с белой стороной’; *valkean||puolus* ‘бодяк разнолиственный’, букв. ‘белая сторона’; *valkeita karpeita, valko||karpeita* ‘ягель’, букв. ‘белый лишайник’; *valkeata karvetta* ‘ягель’, букв. ‘белый мех’; *valko||imiäinen* ‘клевер ползучий’, букв. ‘белый клевер’; *valko||juuri* ‘ведьмина трава’, букв. ‘белый корень’; *valko||juurikka* ‘репа’, букв. ‘белая свекла’; *valko||laukka* ‘пастушья сумка’, букв. ‘белая сумка’; *valko||lehti* ‘стрелолост’, букв. ‘белый лист’; *valko||lemmikki* ‘пастушья сумка’, букв. ‘белая незабудка’; *valko||lumme* ‘кубышка’, букв. ‘белая кувшинка’; *valko||raju* ‘ветла, ива белая’, букв. ‘белая ива’; *valko||peip(p)onen, valko||peippi* ‘ясотка белая’, букв. ‘то же’; *valko||pillike, valko||pillikäs* ‘ясотка белая’, букв. ‘то же’; *valko||pää||apilas* ‘клевер гибридный’, букв. ‘клевер с белой верхушкой’; *valko||ruusu* ‘роза бедренцелистная’, букв. ‘белая роза’; *valko||taarna* ‘осока свинцово-зеленая’, букв. ‘белая осока’; *valko||vuoko, valko||vuokkolo, valkonen vuoko* ‘ветреница дубравная’, ‘кислица’, ‘седмичник европейский’, букв. ‘белая ветреница’; *valkonen heinä* ‘ветреница дубравная’, букв. ‘белая трава’; *valkoinen Jeesusken kätmen* ‘любка двулиственная’, букв. ‘белая ладонь Иисуса’; *valkoinen kylmä||kukka* ‘ветреница дубравная’, букв. ‘белая ветреница’; *valkoinen sorsan||kukka* ‘кувшинка’, букв. ‘белая калужница’; *valkoinen vesi||unikko* ‘кувшинка’, букв. ‘белая кувшинка’; *valkosia plumpusia* ‘кувшинка’, букв. ‘белая кувшинка’

НОКИ ‘сажа’: *noki||heinä* ‘пушица широколиственная’, букв. ‘сажа-трава’; *noki||nenä* ‘пушица широколиственная’, букв. ‘сажа-нос’;

noki||*pää* ‘головня’, букв. ‘сажа-верхушка’; *noki*||*tauti* ‘головня’, букв. ‘болезнь сажи’

RUOSTE ‘ржавчина’, ‘ржавый’: *ruoste*||*kukka* ‘клевер темно-каштановый’, букв. ‘ржавый цветок’; *ruoste*||*ruis* ‘головня’, букв. ‘ржавая рожь’; *ruoste*||*sara* ‘осока пузырчатая’, букв. ‘ржавая осока’

TULI ‘пламя’: *tuli*||*heinä*, *tul*'||*heinä*, *tulj*||*heenä*, *tulj*||*heinä*, *tyl*||*heinä* ‘полынь’, ‘кипрей’, ‘ястребинка’, ‘лютик различных видов’, [‘щавель различных видов’], букв. ‘пламенная трава’; *tuli*||*horsma*, *tuli*||*horma*, *tuli*||*formu*, *tuli*||*forsmu*, *tuli*||*normu* ‘кипрей’, ‘таволга вязолистная’, букв. ‘пламенный кипрей’; *tuli*||*kukka*, *tul*'||*kukka*, *tuli*||*kukkai*, *tuli*||*kukkane*, *tuli*||*kukkanen* ‘гвоздика травянка’, ‘кипрей’, ‘коровяк’, ‘лапчатка гусиная’, ‘лапчатка прямостоячая’, ‘лютик различных видов’, [‘щавель различных видов’], букв. ‘пламенный цветок’; *tuli*||*ohjake* [‘щавель’], букв. ‘пламенный чертополох’; *tuli*||*ruoho* ‘горец земноводный’, ‘лютик различных видов’, [‘щавель’], букв. ‘пламенная трава’.

Определительный компонент со значением ‘пламя’ встречается, в основном, в названиях растений с желтыми цветами разных оттенков, реже — с красными цветами.

TURAKKA ‘табак’: *turakka*||*heinä* ‘белена черная’, ‘василек фригийский’, букв. ‘табачная трава’; *turakka*||*kukka*, *turakki*||*kukka* ‘коровяк’, ‘тысячелистник’, букв. ‘табачный цветок’; *ингерм. turakka*||*sieni* ‘валуй’, букв. ‘табачный гриб’ (то есть гриб табачного цвета)

Фин. *sian*||*kukka* (букв. ‘свиной цветок’) в знач. ‘колокольчик круглолистный’ является народно-этимологической переработкой *sini*||*kukka* (букв. ‘синий цветок’); отметим также, что название того же растения *sini*||*kukkaro* (букв. ‘синий кошелек’) является своеобразным народно-этимологическим развитием того же *sini*||*kukka* (сами же финские слова *kukka* и *kukkaro* этимологически не связаны).

Фин. *sini*||*paja* ‘синюха голубая’, по-видимому, также является народно-этимологической переработкой *sini*||*poika* ‘то же’. Это под-

тверждается уникальностью *sini*||*paja* в сравнении с распространенным и многозначным *sini*||*poika*.

В фин. *valko*||*laukka* ‘пастушья сумка’ (источник: *Suhonen 1936*) определяемый компонент следует уверенно истолковать как *laukku* ‘сумка’ (*laukka* ‘лук’, скорее всего, ошибочно).

Карельские наречия

KELTA, KELDA, KELDANE ‘желтый’: *kelda*||*bilbo* ‘сыроежка желтоватая’, букв. ‘желтая сыроежка’; *kelda*||*gruwz’ni* ‘желтый груздь’, букв. ‘то же’; кар. *собств.* *kelta*||*heinä*, *kelda*||*heinä*, кар. ливв. *keldu*||*heiny* ‘кульбаба осенняя’, ‘лютик’, ‘одуванчик’, букв. ‘желтая трава’; кар. *собств.* *kelda*||*krīpa*, кар. ливв. *keldu*||*grība* ‘масленок’, букв. ‘желтый гриб’; кар. *собств.* *kelda*||*kukka* ‘лютик’, ‘кульбаба осенняя’, букв. ‘желтый цветок’; *kelda*||*pöččö* ‘масленок’, букв. ‘желтое пузо’; *kelta*||*pää*||*heinä* ‘ястребинка’, букв. ‘трава с желтой верхушкой’; кар. *собств.* *kelta*||*šieni*, *kelda*||*šieni*, *kelda*||*sieni*, кар. ливв. *keldu*||*sieni* ‘масленок’, ‘моховик’, ‘лисичка’, букв. ‘желтый гриб’; кар. *собств.* *kelda*||*vahoi*, кар. ливв. *keldu*||*vahoi* ‘масленок’, ‘лисичка’, букв. ‘желтая волнушка’; кар. *собств.* *keldane bul’oi* ‘кубышка’, *ke(l)to*||*bulrukka* ‘лютик’, букв. ‘желтая купальница’

MUSTA, MUŠTA ‘черный’: кар. *собств.* *mussikka*, *muššikka*, *mustikka*, *mussikkaine*, *mussik(k)aini*, *mussikkane*, *mušt’oi*||*marjaine*, кар. люд. *mušt’oi*, *mušt’uoi*, *mušt’oi*, повсеместно *mušt’oi*(||*muarju*), *mušt’oi* ‘черника’ (мотивировано *musta*, *mušta* ‘черный’, либо ‘черная ягода’); кар. *собств.* *mušta*||*piä* ‘рогоз’, букв. ‘черная голова (верхушка)’; кар. *собств.* *musta*||*pää*||*heinä* ‘схенус ржавый’, букв. ‘трава с черной верхушкой’

RUSKEE, RUŠKIE ‘красный’: кар. *собств.* *ruskee*||*heinä* ‘росянка’, букв. ‘красная трава’; *ruškie*||*bilbo* ‘сыроежка красная’, букв. ‘то же’; кар. *собств.* *ruškie*||*grība*, *ruskei*||*grība* ‘подосиновик’, букв. ‘красный гриб’; кар. *собств.* *ruškie*||*pää* ‘подосиновик’, букв. ‘красная голова’

SINI, SINIE, SININE ‘синий’: *sini*||*bilbo* ‘сыроежка синезеленая’, букв. ‘синяя сыроежка’; кар. *собств.* *sini*||*heinä* ‘клевер’, ‘василек’,

букв. ‘синяя трава’, *кар. собств. sini*||*kukka*, *sin'*||*kukka* ‘василек’,
букв. ‘синий цветок’

VALGEA, VALKEA, VALGIE и др. ‘белый’: *кар. твер. valgie*||*griba*
‘белый гриб’, букв. ‘боровик’; *valgie*||*gruwz'n'i* ‘белый груздь’,
букв. ‘то же’; *кар. собств. valgie*||*kukka*, *valkee*||*kukka* ‘пуши-
ца болотная’, ‘кошачья лапка двудомная’, букв. ‘белый цветок’;
valkee||*pää*(||*heinä*) ‘тмин’, ‘пушица’, букв. ‘трава с белой верхуш-
кой’

ROŽMA, RUOŽMI ‘ржавчина’: *ruožmi*||*heinä*, *rožma*||*heinä* ‘та-
волга’, букв. ‘ржавая трава (имеет цветки ржавого оттенка)’

TULI ‘пламя’: *кар. собств. tuli*||*heinä*, *кар. ливв. tuli*||*heiny* ‘лю-
тик’, букв. ‘пламенная трава’

Ижорский язык

MUSSA, *musta*, *mušša* ‘черный’: *mussikka*(*in*), *muššikka*(*in*)
‘черника’, мотивировано *mus*sa ‘черный’

PUNA, PUNAIN ‘красный’: *puna*||*pää*(||*obokka*) ‘подосиновик’,
букв. ‘(гриб) — красная головка’; *punain*||*siehtarlain* ‘красная смо-
родина’, букв. ‘то же’

VALKEA ‘белый’: *valkea*||*sammal* ‘лишайник’, букв. ‘белый мох’

KUZI ‘моча’: *kuzi*||*muna* ‘дождевик (уже желтый, созревший)’,
букв. ‘мочевое яйцо’ (‘мочевой гриб’)

Вепсский язык

MUST ‘черный’: *must'ik*, *must'ikäin'e*, *mustikšine* ‘черника’,
мотивировано *must* ‘черный’ (цвет плода); *must*||*pä* ‘подберезовик’,
букв. ‘черная голова’

must||*pä* — ср. *рус. черноголовик* ‘подосиновик’

RUSKED ‘красный’: *rusked*||*pä* ‘подосиновик’, букв. ‘красная го-
лова’

rusked||*pä* — ср. *рус. красноголовик* ‘подосиновик’

VAUGED, VOUGED ‘белый’: *vouged*||*babuk* ‘белый гриб, боро-
вик’, букв. ‘белый трубчатый гриб’.

Венс. must||*pä* и *rused*||*pä*, по-видимому, являются кальками русских названий, как и миконим *vouged*||*babuk* ‘белый гриб’.

Эстонский язык

HALJAS ‘зеленый’: *haljas kadakas* ‘можжевельник’, букв. ‘зеленый можжевельник’

HALL ‘серый’: *hall lepp* ‘ольха серая’, букв. ‘серая ольха’; *hall lips* ‘белоус торчащий’, ‘сеслерия голубая’, букв. ‘серый галстук’; *hall paju* ‘ива козья’, ‘ива ломкая, ракета’, ‘ива ползучая’, букв. ‘серая ива’

HELE ‘светлый’: *hele paju* ‘ива мирзинолистная’, ‘ива пятитычинковая’, букв. ‘светлая ива’

HÕBE ‘серебро; серебряный’: *hõbe hani jalg* ‘лапчатка серебристая’, букв. ‘серебряная лапчатка гусиная’; *hõbe hein* ‘двуклесточник (канареечник) тростниковый’, ‘сеслерия голубая’, букв. ‘серебряная трава’; *hõbe leht* ‘бегония’, ‘двуклесточник (канареечник) тростниковый’, ‘лунник оживающий’, букв. ‘серебряный лист’; *hõbe nõges* ‘бегония’, букв. ‘серебряная крапива’; *hõbe pappel* ‘тополь белый’, букв. ‘серебряный тополь’

KOLLANE ‘желтый’: *kollane akaatsia*, *kollane aagats* ‘карагана древовидная, желтая акация’, букв. ‘желтая акация’; *kollased eesused*||*vermed* ‘подмаренник настоящий’, букв. ‘желтые рубцы (раны) Иисуса’; *kollane hain* ‘пупавка красильная’, букв. ‘желтая трава’; *kollane haraga lill*, *kollane harak lill*, *kollase harak lilli* ‘ветреница лютичная’, ‘пупавка красивая’, букв. ‘желтая ветреница’ (также возможно ‘желтая pupavka’ и др., так как *эст. haraklill*, *haragalill* может относиться к целому ряду растений); *kollane hiire hernes*, *koolane iire ernes* ‘чина луговая’, букв. ‘желтый мышинный горошек’; *kollane hiire läüts* ‘чина луговая’, букв. ‘желтый мышинный горошек’; *kollane härja pea*, *kollane härja pää*, *kollane ärja pea*, *kollane ärjar*, *kollane ärjar pää* ‘клевер золотистый’, ‘люцерна хмелевидная’, ‘язвенник ранозаживляющий’, букв. ‘желтый клевер’; *kollane jaani lill* ‘марьянник луговой’, букв. ‘желтый иванов цветок’; *kollane jooksja rohi* ‘зверобой продырявленный’, букв.

‘желтый лютик’ — в качестве определяемой части выступает название многих лекарственных растений, применяемых от ревматизма, ломоты (*эст. jooksja*); *kollane juur* ‘лапчатка прямостоячая’, букв. ‘желтый корень’; *kollane jõe||nupp* ‘кубышка’, букв. ‘желтая кувшинка’; *kollane kana||pasa||lill* ‘пупавка красильная’, букв. ‘желтая pupavka’ (также ‘желтая ромашка’, ‘желтый первоцвет’ и др.: *kana||pasa||lill*, букв. ‘цветок куриного помета’, относится к целому ряду растений, имеющих, в основном, желтые цветки); *kollane kanarbik* ‘лапчатка кустарниковая’, букв. ‘желтый вереск’; *kollane kari||kakar*, *kollane kari||kakal*, *kollane karikas* ‘пупавка красильная’, букв. ‘желтая pupavka’ (вторая часть фитонима чаще всего относится к pupavke красильной, но также может относиться к целому ряду других растений, например, жимолости, лядвенцу рогатому); *kollane kassi||käpp* ‘бессмертник песчаный’, букв. ‘желтая кошачья лапка’; *kollane kesa||lill* ‘пупавка красильная’, букв. ‘желтая ромашка непахучая’ (вторая часть может относиться и к другим растениям); *kollane kitse||kell* ‘козелец приземистый’, букв. ‘желтый прострел луговой’; *kollane kuld||täht* ‘гусиный лук’, букв. ‘желтая гусиный лук’ (*kuldtäht* может относиться и к другим растениям); *kollane kupu||leht* ‘кубышка’, букв. ‘желтая кувшинка (кубышка)’; *kollane käbi||hein* ‘клевер золотистый’, букв. ‘желтая череда (черноголовка)’; *kollane käo||king* ‘башмачок’, букв. ‘желтый аконит’; *kollane käväjä||lill* ‘ветреница лютичная’, букв. ‘желтый весенний цветок’; *kollane lill*, *kollased lilled*, *kollased lälled* ‘ветреница лютичная’, ‘горчица полевая’, ‘лютик едкий’, ‘ноготки (календула) лекарственные’, ‘свербига восточная’, букв. ‘желтый цветок’; *kollane lips* ‘зигингия лежачая’, ‘колосок душистый’, ‘осока горная’, букв. ‘желтый галстук’; *kollane maran*, *kollased maranad* ‘подмаренник настоящий’, букв. ‘желтая лапчатка’; *kollane marjas||rohi* ‘осока желтая’, букв. ‘желтая ожика’; *kollane markareeta* ‘пупавка красильная’, букв. ‘желтая маргаритка’; *kollane mesi||hein* ‘донник лекарственный’, букв. ‘белый донник (белая яснотка)’; *kollane mesikas*, *killane meesikas*, *kollane mesik*, *kollane mees* ‘донник лекарственный’, ‘люцерна серповидная’, букв. ‘желтый донник’; *kollane nupp* ‘кубышка’, букв. ‘желтая кувшинка’; *kollane nõges*

‘зеленчук желтый’, букв. ‘желтая крапива’; *kollane raju* ‘ива ушастая’, букв. ‘желтая ива’; *kollane peet* ‘свекла кормовая’, букв. ‘желтая свекла’; *kollane pune* ‘вербейник’, букв. ‘желтая душица’; *kollane põld*||*kakar* ‘пупавка красильная’, букв. ‘желтая полевая ромашка’; *kollane ristik*, *kollane ristik*||*hein* ‘донник лекарственный’, ‘клевер золотистый’, ‘лядвенец рогатый’, ‘язвенник ранозаживляющий’, букв. ‘желтый клевер’; *kollane rõigas* ‘редька’, букв. ‘желтая редька’; *kollane sea*||*hernes* ‘чина луговая’, букв. ‘желтая чина’; *kollane sirel*, *kollane tsirel* ‘*Lonicera tatarica*’, букв. ‘татарская сирень’; *kollane tarn*, *kollane tärn* ‘осока желтая’, букв. ‘то же’; *kollane tina*||*neitsi* ‘первоцвет весенний’, букв. ‘желтый первоцвет мучнистый’; *kollane tutt*||*õis* ‘язвенник ранозаживляющий’, букв. ‘желтая пушица’; *kollane tõrva*||*lill* ‘лютик едкий’, букв. ‘желтая смолка’; *kollane vares*||*jalg* ‘ветреница лютичная’, букв. желтые сокирки полевые (*tõrva*||*lill* может относиться также к другим растениям); *kollane vares*||*lill* ‘ветреница лютичная’, букв. ‘желтая ромашка (пупавка)’; *kollane vee*||*kupp* ‘кубышка’, букв. ‘желтая кувшинка’; *kollane vee*||*roos* ‘кубышка’, букв. ‘желтая кувшинка’; *kollane vesi*||*hein* ‘воробейник кистецветный’, букв. ‘желтая водяная трава’; *kollane virn* ‘вербейник’, букв. ‘желтый подмаренник’; *kollane võhu*||*mõek* ‘ирис ложноаировый’, букв. ‘желтый ирис’; *kollane võsa*||*üläne* ‘ветреница лютичная’, букв. ‘желтая ветреница’; *kollane ülane*, *kollane ülas*, *kollane ölas*, *kollased elased*, *kollased ölased*, *kollased õlased*, *kollased ülased*, *kollased völäsed* ‘ветреница лютичная’, букв. ‘желтая ветреница дубравная’; *kollased kalmused* ‘ирис ложноаировый’, букв. ‘желтый аир’; *kollased kana*||*persed* ‘пупавка красильная’, букв. ‘желтая пупавка (ромашка, василек)’; *kollased kumelid*, *kollased kommelid*, *kollased kumedid*, *kollased kumed* ‘пупавка красильная’, букв. ‘желтые ромашки’; *kollased külma*||*lilled* ‘ветреница лютичная’, букв. ‘желтая ветреница’; *kollased lume*||*lilled* ‘ветреница лютичная’, букв. ‘желтая ветреница дубравная (белозор)’; *kollased mahla*||*kannid* ‘ветреница лютичная’, букв. ‘желтая ветреница дубравная’; *kollased maitseed* ‘подмаренник настоящий’, букв. ‘желтый подмаренник’; *kollased mets*||*arnikad* ‘золотарник’, букв. ‘желтая ястребинка (зо-

лотарник); *kollased pirdid* ‘лядвенец рогатый’, букв. ‘желтая гвоздика’; *kollased roosid* ‘ноготки (календула) лекарственные’, букв. ‘желтые розы’; *kollased sõstrad* ‘смородина белая’, букв. ‘желтая смородина’; *kollased ätsed, kollased ärtsed* ‘пупавка красильная’, букв. ‘желтые ромашки’; *kollatse kana||kakri* ‘пупавка красильная’, букв. ‘желтый нивяник (ромашка)’; *metsa||maa kollane ärja||pea* ‘язвенник ранозаживляющий’, букв. ‘желтый клевер лесной стороны’; *nõmme-kollane lill* ‘пазник’, букв. ‘желтый цветок пустоши’

KULD ‘золото, золотой’: *kuld||kann, kuld||kannike* ‘солнцецвет монетолистный’, ‘первоцвет весенний’, букв. ‘золотой цветок (цветочек)’; *kuld||kella, kuld||kellad* ‘ветреница лютичная’, ‘купальница европейская’, букв. ‘золотые колокола’; *kuld||käpp* ‘бессмертник песчаный’, букв. ‘желтая лапа’; *kuld||lilleke, kulla||lill* ‘гусиный лук’, букв. ‘золотой цветочек’; *kuld||nupp* ‘купальница европейская’, букв. ‘желтая пуговица’; *kuld||nutt* ‘осока желтая’, букв. ‘желтая голова’; *kuld||ohakas* ‘бодяк огородный’, ‘колочник’, ‘одуванчик’, букв. ‘желтый осот (бодяк, чертополох)’; *kuld||paju, kuld||pajo* ‘ива ушастая’, букв. ‘золотая ива’; *kuld||pall* ‘ноготки (календула) лекарственные’, букв. ‘желтый шар (комоч)’; *kuld||ristik, kuld||ristik||hein* ‘клевер золотистый’, ‘люцерна хмелевидная’, букв. ‘золотой клевер’; *kuld||silml* ‘лапчатка прямостоячая’, букв. ‘золотой глаз’; *kuld||sostar* ‘белая смородина’, букв. ‘золотая смородина’; *kuld||täht, kuld||tähed* ‘ветреница лютичная’, ‘гусиный лук’, ‘лютик весенний’, букв. ‘золотая звезда’; *kuld||võti, kuld||võtmed* ‘первоцвет весенний’, букв. ‘желтые ключи’; *kuld||ärja||pead* ‘клевер темно-каштановый’, букв. ‘золотой клевер’

MUST ‘черный’: *mustikas, mustikad* ‘черника’; *must härja||pea, must härjä||pää, must härjap, must härep* ‘клевер темно-каштановый’, ‘черноголовка’, букв. ‘черный клевер’; *must jooksva||puu* ‘воронец колосистый’, букв. ‘черный паслен’; *must||juur* ‘козелец приземистый’, ‘окопник лекарственный’, букв. ‘черный корень’; *must||kõõmel, must||kõõmnes* ‘лядвенец рогатый’, ‘поручейник широколистный’, букв. ‘черный тмин’; *must lepp* ‘ольха черная’, букв. ‘черная ольха’; *must||lips* ‘сеслерия голубая’, букв. ‘черный галстук’; *must maa||vits* ‘паслен черный’, букв. ‘черный паслен (мы-

шехвостник)'; *must||mari* 'вороний глаз', букв. 'черная ягода'; *must mulikas, must muulakas* 'ежевика неская, куманика', букв. 'черная земляника'; *must murakas* 'ежевика', букв. 'черная морошка'; *must||nupp* 'сеслерия голубая', букв. 'черная пуговица'; *must||nõges* 'норичник узловатый', букв. 'черная крапива'; *must paju* 'ива мирзинолистная', букв. 'черная ива'; *must||pea, must||pead, must||pää, must||pea||hein, must||pea||rohi, must||pee||rohud* 'осока высокая', 'ожика волосистая', 'пушица влагалищная', 'сеслерия голубая', 'черноголовка', 'чернушка', букв. 'черная верхушка'; *must ploom* 'слива домашняя', букв. 'черная слива'; *must ristik||hein* 'клевер темно-каштановый', букв. 'черный клевер'; *must rõigas* 'редька черная', букв. 'то же'; *must sitik, must sitk* 'черная смородина', букв. 'то же'; *must sõstar, must sõstra||puu, must sõster, must sooster, must soostre||puu, must suoster, must sõstra||puu, must süstra, must süstra||puu* 'черная смородина', букв. 'то же'; *must türn||puu* 'жостер слабительный', букв. 'черная крушина'; *must vabarn* 'ежевика неская, куманика', букв. 'черная малина'

PUNA, PUNANE 'красный': *puna||hein, puna||ein(a), puna||hain, punane hein* 'душица', 'зверобой продырявленный', 'пушица узколистная', 'тимьян ползучий', букв. 'красная трава'; *puna||lill, puna||lilled, punane lill* 'герань Роберта', 'зверобой продырявленный', 'горицвет кукушкин', 'душица', 'куколь', 'мак самосейка', 'первоцвет мучнистый', 'подмаренник северный', букв. 'красный цветок'; *puna||rai, puna||raju, punane raju* 'ива мирзинолистная', 'ива пурпурная', 'кизил', 'свидина кроваво-красная', букв. 'красная ива'; *puna||pea* 'кровохлебка лекарственная', букв. 'красная верхушка'; *puna||puravik* 'подосиновик', букв. 'красный трубчатый гриб'; *puna||puu* 'кизил', букв. 'красное дерево'; *puna||rohi, punane rohi* 'душица', 'зверобой продырявленный', 'пушица узколистная', 'си-няк', букв. 'красная трава'; *punane* 'клевер луговой, посевной', 'чистотел большой', букв. 'красный'; *punane ärjar, punane ärja||pea, punane ärja||pää* 'клевер луговой, посевной', 'клевер средний', букв. 'красный клевер'; *punane hane||malts, punane hani||malts* 'марь красная', букв. 'красная марь сизая'; *punane ime||nõ(g)es* 'ясотка пурпурная', букв. 'красная ясотка'; *punane jooava||puu*

‘паслен сладко-горький’, букв. ‘красный паслен’; *punane jorjen* ‘георгина перистая’, букв. ‘красная георгина’; *punane kanabrik* ‘вереск’, букв. ‘красный вереск’; *punane kari*||*kakar* ‘куколь’, букв. ‘краный нивяник (ромашка)’; *punane kesa*||*lill* ‘куколь’, букв. ‘красная ромашка (нивяник, пупавка)’; *punane kusla*||*puu* ‘жимолость’, букв. ‘красная жимолость’; *punane lepp* ‘ольха серая’, ‘ольха черная’, букв. ‘красная ольха’; *punane loom* ‘слива домашняя’, букв. ‘красная слива’; *punane maa*||*vits* ‘паслен сладко-горький’, букв. ‘паслен (мышехвостник)’; *punane malts* ‘марь красная’, ‘свекла’, букв. ‘красная лебеда’; *punane mesi*||*lill* ‘яснотка гибридная’, букв. ‘красная яснотка’; *punane mesi*||*nõges* ‘яснотка пурпурная’, букв. ‘красная яснотка’; *punane nelk* ‘гвоздика турецкая’, букв. ‘красная гвоздика’; *punane nõges*, *punane noges* ‘яснотка пурпурная’, букв. ‘красная крапива’; *punane peet* ‘свекла’, букв. ‘красная свекла’; *punane puju*, *punane pujukas* ‘щавель длиннолистный’, ‘щавель курчавый’, букв. ‘красная полынь (чернобыльник)’; *punane risti*||*ein*, *punane ristik*||*hain*, *punane ristik*||*hein* ‘клевер луговой, посевной’, букв. ‘красный клевер’; *punane rukki*||*lill* ‘куколь’, букв. ‘красный василек’; *punane sitik* ‘красная смородина’, букв. ‘то же’; *punane soo*||*kaer* ‘подбел’, букв. ‘красный багульник’; *punane sõstar*, *punane sõster*, *punane sõstra*, *punane soostar*, *punane sooster*, *punane soostre*||*pu*, *punased sõstrad*, *punased soostrad*, *punased sestrad*, *punased sestrid*, *punased soostrid*, *punased sostrad*, *punased sõstrad*, *punased ansperid* ‘красная смородина’, букв. ‘то же’; *punane tass* ‘марьянник полевой’, букв. ‘красная чашка’; *punane tigane* ‘яснотка пурпурная’, букв. ‘красная яснотка’; *punane vere roht* ‘чистотел большой’, букв. ‘красная кровяная трава’; *punane vits* ‘кизил’, букв. ‘красный прут’; *punased kuke*||*marjad* ‘дерен шведский’, букв. ‘красная водяника’; *punased külma*||*öläsed* ‘печеночница (перелеска)’, букв. ‘красная ветреница’; *punased lillesed* ‘первоцвет мучнистый’, букв. ‘красные цветочки’; *punased nogelased* ‘яснотка пурпурная’, букв. ‘красная крапива’; *punased pirdid* ‘гвоздика травянка’, букв. ‘красная гвоздика’; *punased pujud* ‘герань кроваво-красная’, букв. ‘красная полынь (чернобыльник)’; *punased rukki*||*lälled* ‘куколь’, букв. ‘красные ва-

сильки'; *punased terva*||*liiled* 'смолка липкая', букв. 'красная смолка'; *punased toomingad* 'ирга колосистая', букв. 'красная черемуха'; *punased õlased* 'горицвет кукушкин', букв. 'красная ветреница дубравная'

ROHELINE 'зеленый': *roheline raju* 'ива пепельная', букв. 'зеленая ива'

SINI, SININE 'синий': *sinik(as)* 'голубика'; *sini*||*elle*||*lilli*' 'печеночница (перелеска)', букв. 'синяя ветреница'; *sini*||*harjakad*, *sini*||*arjakad* 'василек', букв. 'синий клевер'; *sini*||*hein* 'вероника лекарственная', 'пролесник многолетний', букв. 'синяя трава'; *sini*||*juur* 'пролесник многолетний', букв. 'синий корень'; *sini*||*kann*, *sini*||*kannid* 'фиалка пахучая', 'фиалка собачья', букв. 'синий цветок'; *sini*||*kannik*, *sini*||*kannike*, *sini*||*kannikesed* 'печеночница (перелеска)', 'фиалка собачья', букв. 'синяя фиалка' (либо 'синий цветочек'); *sini*||*kellud* 'василек', букв. 'синие колокола'; *sini*||*kopad*, *sini*||*kupp*, *sini*||*kupu* 'колокольчик', букв. 'синяя чашка'; *sini*||*lill*, *sini*||*lilli*, *sini*||*lilli*', *sini*||*lilled*, *sini*||*lillid*, *sini*||*lillesed*, *sini*||*läll*, *sini*||*lillikas*, *sinine lill*, *sinised lillakad*, *sinised lillesed* 'василек', 'вероника дубравная', 'ирис сибирский', 'незабудка болотная', 'первоцвет мучнистый', 'печеночница (перелеска)', 'фиалка пахучая', 'фиалка собачья', 'фиалка топяная', букв. 'синий цветок'; *sini*||*luht* 'ирис сибирский', букв. 'синяя осока'; *sini*||*mari*, *sinine mari* 'вороний глаз', 'черника', букв. 'синяя ягода'; *sini*||*ninn*, *sini*||*ninni*' 'василек', букв. 'синий цветочек'; *sini*||*nukk* 'букашник горный', букв. 'синяя кукла'; *sini*||*ohakas*, *sini*||*uhakas* 'воловик лекарственный', 'мордовник шароголовый', 'синяк', букв. 'синий осот (бодяк, чертополох)'; *sini*||*ohtja* 'воловик лекарственный', 'синяк', букв. 'синий бодяк'; *sini*||*pea* 'василек', букв. 'синяя верхушка'; *sini*||*puju* 'полынь лечебная', букв. 'синяя полынь, синий чернобыльник'; *sini*||*silm*, *sini*||*silmad*, *sini*||*silmik* 'вероника дубравная', 'незабудка болотная', 'фиалка собачья', букв. 'синий глаз'; *sini*||*täht* 'печеночница (перелеска)', букв. 'синяя звезда'; *sini*||*vill* (также *sini*||*villi*||*leht*, *sinise*||*ville*||*lehed*, *sini*||*vili*||*mari*, *sinise*||*villi*||*mari*, *sini*||*villi*||*rohi*, *sinise*||*villi*||*rohi*, *sinise*||*villi*||*taim*) 'вороний глаз', 'телорез', букв. 'синий вороний глаз (однако ука-

занные сложные названия, выступающие в качестве определяемой части с первым компонентом *vill(i)-*, могут относиться ко многим другим растениям, хотя чаще это названия вороньего глаза); *sinii*||*võhu*||*mõõk*, *sinine võhu*||*mõõk* ‘ирис сибирский’, букв. ‘синий ирис’; *sinii*||*ätsed*, *sinised ätsed* ‘василек’, букв. ‘синяя ромашка’; *sinii*||*õis*, *sinised õied*, *sinised õied* ‘василек’, ‘печеночница (перелеска)’, букв. ‘синий цветок’; *sinii*||*õll*, *sinii*||*õllud*, *sinised elased*, *sinised õlased*, *sinised võlased* ‘первоцвет мучнистый’, ‘печеночница (перелеска)’, букв. ‘синяя ветреница’; *sinine hiire*||*hernes*, *sinine iire*||*ernes* ‘горошек заборный’, ‘мышинный горошек’, букв. ‘синий мышинный горошек’; *sinine kalmus* ‘ирис сибирский’, букв. ‘синий аир’; *sinine karu*||*lill* ‘прострел луговой’, букв. ‘синий прострел (синяк)’; *sinine kassi*||*käpp*, *sinised kassi*||*käpad* ‘букашник горный’, ‘истод горьковатый’, букв. ‘синяя кошачья лапка’; *sinine külma*||*lill*, *sinised külma*||*lilled* ‘печеночница (перелеска)’, букв. ‘синяя ветреница’; *sinine külma*||*õla* ‘прострел луговой’, букв. ‘синяя печеночница (перелеска)’; *sinine loomi*||*puu* ‘слива домашняя’, букв. ‘синяя слива’; *sinine lume*||*kelluke* ‘печеночница (перелеска)’, букв. ‘синий снежный цветок’; *sinine lume*||*lill*, *sinine lume*||*lilles*, *sinised lume*||*lilled*, *sinised lume*||*lillid* ‘печеночница (перелеска)’, ‘хохлатка’, букв. ‘синий снежный цветок’; *sinine mesi*||*lill* ‘воловик лекарственный’, букв. ‘синий медовый цветок’; *sinine rukki*||*lill*, *sinine rukki*||*läll*, *sinised rukki*||*lälled* ‘василек’, ‘сокирки полевые’, букв. ‘синий ржаной цветок’; *sinine talve*||*lilles* ‘печеночница (перелеска)’, букв. ‘синий зимний цветок’; *sinine ära-un* ‘незабудка болотная’, букв. ‘синяя незабудка’; *sinine ärja*||*pea* ‘черноголовка’, букв. ‘синий клевер’; *sinise roosi*||*rohi* ‘сокирки полевые’, букв. ‘трава синих роз’; *sinise õiega villi*||*rohi* ‘вороний глаз’, букв. ‘вороний глаз с синими цветками’ (*villi*||*rohi* может относиться и к целому ряду других растений, своим видом не напоминающих вороний глаз); *sinised kiriku*||*kellad* ‘колокольчик’, букв. ‘синие церковные колокола’; *sinised külma*||*alased* ‘печеночница (перелеска)’, букв. ‘синие ветреницы дубравные’; *sinised mahla*||*kannid* ‘печеночница (перелеска)’, букв. ‘синие ветреницы дубравные’; *sinised mustikad* ‘голубика’, букв. ‘синяя черника’; *sinised nõgesed* ‘пи-

кульник красивый’, букв. ‘синяя крапива’; *sinised pirdud* ‘синюха голубая’, букв. ‘синие гвоздики’; *sinised tali||öläsed* ‘печеночница (перелеска)’, букв. ‘синие ветреницы дубравные’; *sinised talu||lilled* ‘печеночница (перелеска)’, букв. ‘синие ветреницы дубравные’; *sinised öö||lilled* ‘ятрышник шлемоносный’, букв. ‘синие ночные цветы’; *nisu||sini||lill* ‘василек’, букв. ‘пшеничный синий цветок’; *põllu||sini||lill* ‘незабудка болотная’, букв. ‘полевой синий цветок’; *rugi||lille||sinised* ‘василек’, букв. ‘ржанные цветочные васильки’; *rukki||sini||lill, rüä||sini||lill, rukki||sinine, rukki||sinised, rugi||sinised* ‘василек’, букв. ‘ржаной синий цветок’; *ruki||sini||öll, ruki||sini||öllud, rukki||sini||ellud* ‘василек’, букв. ‘ржаной синий цветок’; *soo||sini||öllad, soo||sini||ellud* ‘герань болотная’, букв. ‘болотные синие цветы’

TÕMMU ‘бурый’: *tõmmu||rüisikas* ‘груздь черный’, букв. ‘бурый млечник’

VALGE ‘белый’: *valge härja||pää, valged härja||pead, valge ärja||pää, valge ärja||pea, valge ärja||bea, valge ärja||buu, valge ärja||betutt, valge ärjap, valge ärjep, valged ärjapid* ‘клевер горный’, ‘клевер ползучий’, букв. ‘белый клевер’; *valge iire||ernes* ‘горошек лесной’, букв. ‘белый мышинный горошек’; *valge ime||nöges, valge eta||nöges* ‘ясотка белая’, букв. ‘то же’; *valge||inimese||jalg* ‘подошник большой’, букв. ‘белая человеческая нога’; *valge jaani||kann* ‘сердечник луговой’, букв. ‘белый иванов цветок’; *valge jorjen* ‘георгина перистая’, букв. ‘белая георгина’; *valge juani||tutt* ‘клевер горный’, букв. ‘белый клевер ползучий’; *valge juss* ‘белоус торчащий’, букв. ‘белый волос’; *valge jõe||nupp, valged jõe||nupud* ‘кувшинка’, букв. ‘белая кувшинка’; *valge jõe||roos* ‘кувшинка’, букв. ‘белая речная роза’; *valge kakar, valged kakrad* ‘нивяник’, ‘ромашка непахучая’, букв. ‘белая ромашка’; *valge kana||kakri* ‘нивяник’, букв. ‘белый нивяник (ромашка)’; *valge kana||pasa||lill* ‘ромашка непахучая’, букв. ‘белая пупавка’ (также ‘белая ромашка’, ‘белый первоцвет’ и др.: *kana||pasa||lill*, букв. ‘цветок куриного помета’, относится к целому ряду растений); *valge kari||kakar, valged kari||kakrad* ‘нивяник’, ‘пупавка полевая’, ‘ромашка непахучая’, букв. ‘белая ромашка’; *valge kask* ‘береза’, букв. ‘белая

береза'; *valge kesa*||*lill* 'нивяник', букв. 'белый цветок[, растущий] на паровом поле'; *valge kirss* 'вишня', букв. 'белая вишня'; *valge kummel*, *valge kommel*, *valged kumed* 'ромашка аптечная', букв. 'белая ромашка'; *valge*||*kupp* 'кувшинка', букв. 'белая шишка'; *valge kupu*||*leht* 'кувшинка', букв. 'лист белой шишки'; *valge kärna*||*rohi* 'мытник болотный', букв. 'белый щавель курчавый'; *valge*||*lepp* 'ольха серая', букв. 'белая ольха'; *valge*||*lill*, *valge*||*lilli*', *valged lilled*, *valged lillesed*, *valge*||*läll*, *valged lälled* 'багульник болотный', 'ветреница дубравная', 'нивяник', 'поповник', 'пупавка полевая', 'ромашка непахучая', 'сердечник луговой', букв. 'белый цветок'; *valge*||*lips* 'пушица', 'сеслерия голубая', букв. 'белый галстук'; *valge lume*||*kelluke* 'ветреница дубравная', букв. 'белый снежный колокольчик'; *valge maarja*||*ristik*||*hain* 'клевер горный', букв. 'белая крестовая трава Марии'; *valge maksal*||*rohi* 'белозор болотный', букв. 'белая печеночница (перелеска)'; *valge markareeta* 'маргаритка многолетняя', букв. 'белая маргаритка'; *valge maran*, *valged madarad* 'подмаренник мягкий', букв. 'белый подмаренник'; *valge meeles*||*pea*||*lill* 'незабудка лесная', букв. 'белая незабудка'; *valge me(e)sik*, *valge mesikas* 'донник лекарственный', букв. 'белый донник'; *valge mesi*||*hein*, *valge mii*||*hain* 'донник лекарственный', букв. 'белый донник'; *valge mesi*||*lill* 'пикульник', 'ясотка белая', букв. 'то же'; *valge*||*mäda*||*rõigas* 'хрен', букв. 'белый хрен'; *valge nelk*, *valg nelkõ* 'гвоздика турецкая', 'мыльнянка лекарственная', букв. 'белая гвоздика'; *valge*||*ninni*' 'нивяник', букв. 'белые цветочки'; *valge nuttega kobra* 'кувшинка', букв. 'бобер с белой головой'; *valge nõges*, *valge nõgess*, *valge nõgesse*', *valge nõgene*, *valged nõeksed*, *valge nogelased* 'ясотка белая', букв. 'белая крапива'; *valge*||*paju*, *valge*||*pajus*, *valge*||*paõ* 'ива козья', 'ива трехтычинковая', букв. 'белая ива'; *valge*||*pea*, *valge*||*pead*, *valged pead* (также *valge*||*pea*||*hein*) 'клевер горный', 'пушица влагилищная', 'пушица узколистная', букв. 'белая верхушка'; *valge peaga mets*||*ärja*||*pea* 'клевер горный', букв. 'лесной клевер с белой верхушкой'; *valge piima*||*nõges*, *valge piim* 'ясотка белая', букв. 'то же'; *valge poolega* 'мать-мачеха', букв. 'имеющий белую сторону'; *valge pääsu*||*silm*, *valged pääsu*||*silmad* 'первоцвет мучнистый', 'сердечник луговой',

букв. ‘белый первоцвет’; *valge põllu||roes* ‘нивяник’, букв. ‘белая полевая роза (шиповник)’; *valge||riisikas* ‘волнушка розовая’, букв. ‘белый млечник’; *valge ristik, valge risti||hein, valge risti||ein, valge ristik||hein, valge ristik||hain* ‘клевер горный’, ‘клевер ползучий’, букв. ‘белый клевер’; *valge risti||nael* ‘белозор болотный’, букв. ‘белый крестовый гвоздь’; *valge roos* ‘кувшинка’, букв. ‘белая роза’; *valge roosi||hein* ‘ромашка непахучая’, букв. ‘белая трава розы’; *valge roosi||leht, valge roosi||lehed* ‘кувшинка’, ‘манжетка’, букв. ‘белый лист розы’, ‘белая манжетка’ (*roosi||leht* относится к растениям, внешне несхожим с кувшинкой, поэтому в качестве определяемой части ее названия мы не видим самостоятельного названия растения); *valge rõigas* ‘редька’, букв. ‘белая редька’; *valge sirel, valge tsirel* ‘сирень белая’, букв. ‘белая сирень’; *valge sitik, valge sitkie, valge sitka, valgõ sitka* ‘белая смородина’, букв. ‘белая смородина’; *valge soo||kaer* ‘багульник болотный’, букв. ‘белый багульник’; *valge sõstar, valged sõstrad* ‘белая смородина’, букв. ‘белая смородина’; *valge talve||lilles* ‘ветреница дубравная’, букв. ‘белая ветреница’; *valge tigane* ‘ясотка белая’, букв. ‘то же’; *valge tõrva||lill* ‘каменеломка’, букв. ‘белая смолка липкая’; *valge vares||jalg* ‘ветреница дубравная’, букв. ‘белая ветреница’; *valge vares||lill* ‘ветреница дубравная’, букв. ‘белый ветреница’; *valge vee||kupp, valge vesi||kupp* ‘кувшинка’, букв. ‘белая кувшинка’; *valge vee||lill* ‘кувшинка’, букв. ‘белая кувшинка’; *valge vee||roos, valged vesi||roosid, valge vii||ruus* ‘кувшинка’, букв. ‘белая кувшинка’; *valge ära||unustamind* ‘незабудка лесная’, букв. ‘белая незабудка’; *valge ätse, valge ätsets, valged ätsed, valged ärtsed, valged ärtsad, valged ärtsmed* ‘нивяник’, ‘пупавка полевая’, ‘ромашка аптечная’, ‘ромашка непахучая’, букв. ‘белая ромашка’; *valge||õie||leht* ‘бодяк девясиловидный’, букв. ‘лист белого цветка’; *valge õitega kuke||hein* ‘*Sedum album*’, букв. ‘петушиная трава с белым цветком’; *valge ülane, valge ülāne, valge ölas, valged ülād, valged ülised, valged elased, valged völased* ‘ветреница дубравная’, букв. ‘белая ветреница’; *valged ansperid* ‘белая смородина’, букв. ‘то же’; *valged eesuse||verned* ‘подмаренник северный’, букв. ‘белые раны Иисуса’; *valged hobu||maitсед* ‘подмаренник мягкий’, букв. ‘белый подмаренник’; *valged jõe||kupud* ‘кувшинка’, букв. ‘бе-

лая кувшинка»; *valged kana*||*persed* ‘ромашка непахучая’, букв. ‘белые ромашки’; *valged kannid* ‘ветреница дубравная’, букв. ‘белые цветы’; *valged käbarad* ‘морошка’, букв. ‘белая морошка’; *valged kõhmta*||*lilled* ‘ветреница дубравная’, букв. ‘белый белозор болотный’; *valged külma*||*alused* ‘ветреница дубравная’, букв. ‘белые ветреницы’; *valged külma*||*lilled* ‘ветреница дубравная’, букв. ‘белые ветреницы’; *valged külma*||*ölad* ‘ветреница дубравная’, букв. ‘белые ветреницы’; *valged külma*||*persed* ‘ветреница дубравная’, букв. ‘белые ветреницы’; *valged lume*||*lilled* ‘ветреница дубравная’, букв. ‘белые ветреницы’; *valged mahla*||*kannid* ‘ветреница дубравная’, букв. ‘белые ветреницы’; *valged maitseed* ‘подмаренник мягкий’, ‘подмаренник северный’, букв. ‘белые подмаренники’; *valged metsa*||*arnikad* ‘золотарник’, букв. ‘желтые ястребинки’; *valged metsa*||*lilled* ‘белозор болотный’, букв. ‘белые лесные цветы’; *valged nupud* ‘клевер ползучий’, букв. ‘белые шишки’; *valged pihlakad* ‘рябинник рябинолистный’, букв. ‘белые рябины’; *valged tali*||*ölased* ‘ветреница дубравная’, букв. ‘белые ветреницы’; *valged tee*||*ainad* ‘ромашка непахучая’, букв. ‘белые ромашки’; *valged tutid* ‘пушица узколистная’, букв. ‘белые кисти’; *valged vee*||*libbled* ‘сердечник луговой’, букв. ‘белый сердечник горький’; *valged öö*||*lilled* ‘любка двулистная’, букв. ‘белые ночные цветы’; *metsa*||*valge*||*risti*||*hein* ‘клевер горный’, букв. ‘лесной белый клевер’; *vääkene valge ristik*||*hein* ‘клевер ползучий’, букв. ‘маленький белый клевер’

LUMI ‘снег’: *lume*||*kannikene* ‘ветреница дубравная’, букв. ‘снежный цветочек’; *lume*||*kelluke*, *lume*||*kelluk(e)sed*, *lume*||*kiltuksed* ‘ветреница дубравная’, ‘ландыш’, букв. ‘снежные колокольчики’; *lume*||*lill*, *lumi*||*lill*, *lume*||*läll*, *lume*||*lillekesed* ‘белозор болотный’, ‘ветреница дубравная’, ‘ветреница лесная’, ‘калина’, ‘снежноягодник белый’, букв. ‘снежный цветок’; *lume*||*mari*, *lumi*||*mari* ‘снежноягодник белый’, букв. ‘снежная ягода’; *lume*||*marja*||*puu*, *lumi*||*marja*||*puu* ‘снежноягодник белый’, букв. ‘дерево снежных ягод’; *lumi*||*marja*||*põõsas* ‘снежноягодник белый’, букв. ‘куст снежных ягод’; *lume*||*mägi* ‘снежноягодник белый’, букв. ‘снежная гора’; *lume*||*pall*, *lume*||*pallike* ‘калина’, букв. ‘снежок’; *lume*||*valge*, *lumi*||*valge* ‘снежноягодник белый’, букв. ‘снежно-белый’; *lumi*||*puu*

‘слива’, букв. ‘снежное дерево’; *lumi*||*rohi* ‘двуклесточник (канареечник) тростниковидный’, букв. ‘снежная трава’; *sügis*||*lume*||*lill* ‘белозор болотный’, букв. ‘осенний снежный цветок’

NÕGI ‘сажа’: *nõgi*||*pea* ‘головня’, букв. ‘сажа-голова’

VERI ‘кровь’: *verri*||*paie* ‘красногал’, букв. ‘кровь-ива’ (*Vilbaste; из рукописей Д. Х. Юргенсона*)

Эст. *lume*||*valge* ‘снежягодник’, *valge*||*piim* ‘ясотка белая’ — результаты выпадения детерминанта.

Эст. *sini*||*kannik*, *sini*||*kannike*, *sini*||*kannikesed* ‘печеночница (перелеска)’, ‘фиалка собачья’ могут быть истолкованы и как ‘синий цветочек’, и как ‘синяя фиалка’.

Эст. *ärjar*, *ärjer* — детерминант сложных фитонимов — результат сокращения фитонима *härja*||*pea* ‘клевер’, букв. ‘бычья голова’.

Piima||*lill* имеет еще значение ‘молочай’; в этом случае определяющий компонент *piim* ‘молоко’ — носитель признака наличия млечного сока. Растения, указанные выше, такого сока не имеют, зато лепестки их цветков окрашены в белый цвет.

В эстонском языке имеется ряд сложных названий растений с определяемым компонентом *punad* ‘румяна’, представляющем собой субстантивированное прилагательное со значением ‘красный’. Часть этих названий относится к растениям, части которых, содержащие естественный краситель, употреблялись как народное косметическое средство, например, *naeste punad* ‘душица’, *neitsi punad* ‘подмаренник’.

Водский язык

KAUNIS, KAUNIZ ‘красный’: *kaunis* *sössör* ‘красная смородина’, букв. ‘то же’; *kauniz*||*griba* ‘подосиновик’, букв. ‘красный гриб’; *kauniz marjõ* ‘красная смородина’, букв. ‘красная ягода’

KÕLTA ‘желтый’: *kõlta*||*kukka* ‘калужница’, букв. ‘желтый цветок’; *kõlta*||*putki* ‘борщевик’, букв. ‘желтый дудник’

MUSSA (MUSS, MUUS) ‘черный’: *musikaz*, *musikõz*, *musikka* ‘черника’; *muus* *sössör* ‘черная смородина’, букв. ‘то же’; *muus*

marjõ ‘черная смородина’, букв. ‘черная ягода’, *mussa*||*pää* ‘головня’, букв. ‘черная голова’

PUNA ‘красный’: *puna*||*pää* ‘подосиновик’, букв. ‘красная голова’; *puna*||*sini* ‘сыроежка красная’, букв. ‘красный гриб’

VALKA ‘белый’: *valka*||*paju* ‘ветла, белая ива’, букв. ‘белая ива’; *valka*||*sammõl* ‘лишайник (вид?)’, букв. ‘белый мох’

NÕKI ‘сажа’: *nõki*||*pää* ‘головня’, ‘спорынья’, букв. ‘сажа-голова’

Ливский язык

MUSTAA ‘черный’: *muškõz* ‘черника’; *mustaa*||*lieppaa* ‘ольха черная’, букв. ‘черная ольха’

PU’NNI ‘красный’: *pu’nni*||*lieppa* ‘ольха черная’, букв. ‘красная ольха’; *pu’nni*||*pussk* ‘мак-самосейка’, букв. ‘красный куст’

RUOGÕLD, RUOGUULD(A) ‘соломенного цвета’ (< нем. *strohgelt* ‘соломенно-желтый’): *ruoguulda*||*aaina* ‘череда трехраздельная’, *ruogõld*||*aainad* ‘плаун булавовидный’, букв. ‘трава соломенного цвета’

SIN’N’I ‘синий’: *sin’n’i*||*put’kõz* ‘очанка’, букв. ‘синий цветок’; *sin’n’i*||*pää* ‘айра’, букв. ‘синяя голова’

VAALDA ‘белый’: *vaalda*||*lieppaa* ‘ольха серая’, букв. ‘белая ольха’

Мордовские языки

Эрзянский язык

АШО ‘белый’: *ашо гриба* ‘подберезовик’, букв. ‘белый гриб’; *ašo inđe.r̄*, *ašo inđe.re* ‘какой-то куст’, букв. ‘белый терн (бересклет, жимолость)’ (MW); эрз. *ашо каль* ‘ветла, ива белая’, букв. ‘белая ива’; *ašo лора*, *aš? lo.p̄a* ‘кувшинка’, ‘лопух’, ‘подбель’, ‘пу-павка’, ‘ромашка’, ‘хризантема’, букв. ‘белый лист’ (MW); *ашо ну-поть* ‘ягель’, букв. ‘белый мох’; *ашо панго* ‘белый гриб (боровик)’, ‘подгруздок’, ‘трюфель’, ‘шампиньон’, букв. ‘белый гриб’; *ашо пря* ‘анис’, ‘клевер горный’, ‘ромашка’, ‘тысячелистник’, букв. ‘белая

верхушка'; *ašo prá-tíkše* 'ромашка белая', 'клевер горный', букв. 'трава с белой верхушкой' (MW)

БЕЛОЙ 'белый' (< рус.): *белой гриба* 'белый гриб (боровик)', букв. 'то же'

ЛАЗОРЕВОЙ 'лазоревый' (< рус.): *лазоревой тветка* 'мальва', букв. 'лазоревый цветок'

ОЖА, ОЖО 'желтый': *ožo lopa* 'серпух *Serratula tinctoria*', букв. 'желтый лист' (MW); *ожа пря цеця* 'адонис весенний', букв. 'цветок с желтой верхушкой'; *ожа твет* 'лютик', букв. 'желтый цветок'; *ожа тикше* 'сурепка', букв. 'желтая трава'; *ожа цецька* 'одуванчик', букв. 'желтый цветочек'; *ожо цеця* 'лютик едкий', букв. 'желтый цветок'; *ožo čvoto, ožo čufto* 'крушина', букв. 'желтое дерево' (MW)

ПИЖЕ 'зеленый': *пиже панго* 'зеленушка', букв. 'зеленый гриб'

РАУЖО 'черный': *raužo inđer, raužo inđere* 'дерен кроваво-красный', букв. 'черный терн (бересклет, жимолость)' (MW); *raužo in'zej, rau-žo in'ze-j, ravž inđi-j, ravž(a) inđi, rav'ž in'zi* 'ежевика', букв. 'черная малина' (MW); *раужо нартемкс* (MW: *ravžo-nar'te-mks, raužo nar'ketks*) 'полынь обыкновенная', 'чернобыльник', букв. 'черная полынь'; *раужо папоротник* 'род папоротника', букв. 'черный папоротник'; *раужо панго* 'груздь черный', букв. 'черный гриб'; *раужо тикше* 'чернобыльник', букв. 'черная трава'; *rav'ž ita-ř* 'черника', букв. 'черная ягода' (MW); *раужо шукшторов* 'черная смородина', букв. 'то же'; *раушкай* 'паслен черный', мотивировано *раужо*

САНДАЛОНЬ 'сандаловый': *сандалонь пря* 'горицвет кукушкин', букв. 'сандаловая верхушка' ('верхушка сандалового цвета')

ТЮЖА 'желтый': *тюжа пря (тикше)* 'лютик едкий', букв. 'желтая верхушка(-трава)'

ЯКСТЕРЕ 'красный': *ek'sti-ř inđi* 'малина', букв. 'красная малина' (MW); *jakšteře řeps* 'свекла', букв. 'красная репа' (MW); *якстере шукшторов* 'красная смородина', букв. 'красная смородина'

Мокшанский язык

АКША ‘белый’: *акшо, акшу* ‘ветла’, ‘ива серебристая’, букв. ‘белый’, ‘беловатый’; *akš(a) isa* ‘ива пятитычинковая’, букв. ‘белая верба (ветла)’ (МВ); *akša kaí* ‘ива’, букв. ‘белая ива’ (МВ); *акша панга* ‘белый гриб, боровик’, букв. ‘белый гриб’; *акша пря тише* ‘ромашка белая’, букв. ‘трава с белой верхушкой’; *акша тол тише* ‘белозор болотный’, букв. ‘трава белого света’; *akšuks, akšəks* ‘ветла’, ‘ива’, мотивировано *акша* (МВ); *акшалкс* ‘тополь черный’, мотивировано *акша*

КУЛУВОНЬ ТЮССА ‘пепельного цвета’: *кулувонь тюсса каль* ‘ива пепельная’, букв. ‘ива пепельного цвета’

ПИЖЕ ‘зеленый’: *пиже панга* ‘зеленушка’, букв. ‘зеленый гриб’

РАВЖА ‘черный’: *ravža vīndər, ravžə vīndər, ravžə inđərks* ‘дерен кроваво-красный’, ‘шиповник’, букв. ‘черный терн (бересклет, жимолость)’ (МВ); *ravžə inəži* ‘ежевика’, букв. ‘черная малина’ (МВ); *ravža nār-kamas* ‘полынь обыкновенная’, ‘чернобыльник’, букв. ‘черная полынь’ (МВ); *равжа панга* ‘груздь’, ‘шампиньон’, букв. ‘черный гриб’; *равжа тополь* ‘тополь черный’, букв. ‘черный тополь’; *равжа тума* ‘дуб черный’, букв. ‘черный дуб’; *равжа шапарякс* ‘редька черная’, букв. ‘черная редька’; *равжа шукшторукс* ‘черная смородина’, букв. ‘черная смородина’

РАВЧКОДЫ ‘чернеющий’: *равчкоды каль* ‘ива корзиночная’, букв. ‘чернеющая ива’

СЕНЕМ ‘синий’: *сенем панга* ‘сыроежка’, букв. ‘синий гриб’

СИЯНЬ ‘серебряный’: *сиянь каль* ‘ива серебристая’, букв. ‘серебряная ива, ива белая’

ТОБДА-ЯКСТЕРЬ ‘пурпурный’: *тобда-якстерь каль* ‘ива пурпуровая’, букв. ‘пурпурная ива’;

ТЮЖЯ ‘желтый’: *тюжя панга* ‘рыжик’, букв. ‘желтый гриб’; *тюжя пря тише* ‘лютик ядовитый’, ‘сурепка’, букв. ‘трава с желтой верхушкой’; *тюжя пря цеця* ‘одуванчик’, букв. ‘трава с желтым цветком’; *тюжя куфтолкс* ‘акация желтая’, букв. ‘желтая акация’

ЯКСТЕРЬ ‘красный’: *jakstərä inəzi* ‘малина’, букв. ‘красная малина’ (MW); *jakstər isa* ‘краснотал, красная ива’, ‘ива остролистная’, букв. ‘красная верба (ветла, ива)’ (MW); *ɟapstəraps, jakstəraps, ʝakstər räps, jakstər räps, jakstər räps, jakstər räps, jakstərä räps* ‘свекла’, букв. ‘красная репа’ (MW)

КЕЛАЗЬ ‘лисица’: *келазь панга (келазень панга)* ‘лисичка’, букв. ‘лисий гриб’

Марийский язык

ЙОШКАР (Г. *якшар*) ‘красный’, ‘рыжий’: *йошкар||ya* (Г. *якшар||ya*) ‘краснотал, красная ива’, букв. ‘красная ива’; *йошкар||ушмен* (Г. *якшар||ушман*) ‘свекла’, букв. ‘красная редька’; *йошкар||шоптыр* (Г. *якшар||шантыр*) ‘красная смородина’, букв. ‘то же’; *йошкар||шудо* ‘лисохвост’, букв. ‘красная (рыжая) трава’

КАНДЫ ‘синий’: *канды||вуй* ‘василек’, букв. ‘синяя верхушка’

ОШ ‘белый’: *ош||пеледыш* ‘ромашка белая’, букв. ‘белый цветок’; *ош||понго* ‘белый гриб, боровик’, букв. ‘белый гриб’

СУР ‘серый’: *сур||лўвал* ‘серушка’, букв. ‘серая нижняя часть’

ТҮКЫ ‘желтый’: *тўкы||вуй* ‘калужница болотная’, букв. ‘желтая верхушка’, *тўкы||шудо* ‘калужница болотная’, букв. ‘желтая трава’

ТҮСЛЫ ‘цветной’: *тўслы||вуй* ‘короставник обыкновенный’, букв. ‘цветная верхушка’; *тўслы||шудо* ‘калужница болотная’, букв. ‘цветная трава’

ТҮТЫРА ‘дымчатый’: *тўтыра||шудо* ‘дымянка лекарственная’; ‘грыжник голый’; ‘синеголовник плосколистный’, букв. ‘дымка-трава’ (‘дымчатая трава’)

УЖАР (Г. *ыжар*) ‘зеленый’: *ужар||ўмбал* ‘сыроежка зеленая’, букв. ‘зеленая верхняя часть’; *ужар||вонго* (Г. *ыжар||вонгы*) ‘сыроежка сине-зеленая’, букв. ‘зеленый гриб’

ЧАЛКА ‘синий’: *чалка||вуй* ‘чертополох’, букв. ‘синяя верхушка’

ШЕМ ‘черный’: *шем||арым||шудо* ‘полынь черная, чернотыльник’, букв. ‘черная полынь’; *шем||вонго* ‘чернушка; чер-

ный подгруздок’, букв. ‘черный гриб’; *шем*||*курезе* (*шем куре-зе*) ‘груздь черный; груздь-чернушка; груздь-черноспинка’, букв. ‘черный груздь’; *шем*||*нёлпö* ‘черная ольха’, букв. ‘черная ольха’; *шем*||*туп* ‘черный груздь’, букв. ‘черная верхняя сторона шляпки [гриба]’; *шем*||*шоптыр* ‘черная смородина’, букв. ‘то же’; *шем*||*шудо* ‘марьянник дубравный’, ‘иван-да-марья’, букв. ‘черная трава’

РЫВЫЖ ‘лисица’: *рвыж*||*вонго* ‘лисичка’, букв. ‘лисий гриб’
 ТУЛ (*Г. тыл*) ‘огонь’: *тул*||*пеледыш* (*Г. тыл*||*веледыш*) ‘горизонт’, ‘кукушкин цвет’, ‘адонис весенний’, букв. ‘огненный цветок’

Пермские языки

Удмуртский язык

БУСÛР ‘фиолетовый’: *бусÿр*||*сяська* ‘анютины глазки’, букв. ‘фиолетовый цветок’

ВОРПО ‘пестрый’: *ворпо*||*губи* ‘волнушка’, букв. ‘пестрый гриб’

ГОРД ‘красный’: *горд*||*губи* ‘подосиновик’, букв. ‘красный гриб’; *горд кушман* ‘свекла’, букв. ‘красный корнеплод’; *горд льöм* ‘черемуха красная’, букв. ‘красная черемуха’; *горд*||*тыбыр* ‘сыроежка красно-желтая’, букв. ‘красная спинка’; *горд чабей* ‘пшеница-красноколоска’, букв. ‘красная пшеница’

ЗАНГАРИ ‘синий’, ‘голубой’: *зангари* ‘василек’, букв. ‘то же’

КУРЕНЬ ‘коричневый’: *курень*||*губи* ‘волнушка’, букв. ‘коричневый гриб’

ЛЫЗ ‘синий’: *лыз*||*губи* ‘сыроежка’, букв. ‘синий гриб’; *лыз*||*йыр* (||*сяська*) ‘василек’, букв. ‘синяя верхушка (головка)’, ‘цветок с синей верхушкой (головкой)’; *лыз*||*мульы* ‘голубика’, букв. ‘синяя ягода’; *лыз сяська* ‘василек’, букв. ‘синий цветок’; *лыз чысны* ‘медуница’, букв. ‘синяя медуница’; *лыз шыргуби* ‘сыроежка синяя’, букв. ‘синяя сыроежка’

СЬÖД ‘черный’: *сьöд бадь*||*пу* ‘ива черная’, ‘чернотал’, букв. ‘черная ива’; *сьöд бадяр* ‘клен черный (черноклен)’, букв. ‘черный клен’; *сьöд мул*||*пу* ‘ольха черная’, букв. ‘черная ольха’; *сьöд мульы*

‘паслен черный’, букв. ‘черная ягода’; *сьöd нин*||*губи* ‘груздь черный’, букв. ‘черный груздь’; *сьöd пушнер* ‘крапива глухая’, букв. ‘черная крапива’.

С *сьöd бадь*||*пу* ср. русские названия и *тат. кара тал* ‘черно-тал’.

Удм. сьöd бадяр ‘черноклен’ букв. ‘черный клен’, соответствует *тат. кара өрәңге* ‘черноклен’.

ТӨДЬЫ ‘белый’: *төдьы ву*||*мульы* ‘кувшинка белая’, букв. ‘белая кувшинка’; *төдьы губи* ‘белый гриб, боровик’, букв. ‘белый гриб’; *төдьы кушман* ‘редька’, букв. ‘белый корнеплод’; *төдьы нин*||*губи* ‘белый груздь’ (‘подгруздок белый’), букв. ‘белый груздь’; *төдьы пушнер* ‘крапива глухая’, букв. ‘белая крапива’; *төдьы сяська* ‘ромашка’, букв. ‘белый цветок’

ЧҮЖ ‘желтый’: *чүж ву*||*мульы* ‘кувшинка желтая’ (кубышка?), букв. ‘желтая кувшинка’; *чүж губи* ‘лисичка’, букв. ‘желтый гриб’; *чүж кушман* ‘морковь’, букв. ‘желтый корнеплод’; *чүж сяська* ‘пупавка’, ‘ромашка’, букв. ‘желтый цветок’

Коми-зырянский язык

ВЕЖ ‘зеленый’: *веж тшак* ‘домовый гриб’, букв. ‘зеленый гриб’

ВИЖ ‘желтый’: *виж йыла турун* ‘одуванчик’, букв. ‘трава с желтой верхушкой’; *виж юра турун* ‘соссурия альпийская’, ‘гвоздика пышная’, букв. ‘трава с желтой головкой’; *вижъ*||*юр турун* ‘девясил британский’, букв. ‘трава с желтой головкой’

ГӨРД ‘красный’: *гөрд гоб* ‘подосиновик’, букв. ‘красный гриб’; *гөрд юра гоб* ‘подосиновик’, букв. ‘гриб с красной шляпкой’

ЕДЖЫД ‘белый’: *еджыд гоб* ‘белый гриб’, букв. ‘то же’; *еджыд йыла турун* ‘ромашка непахучая’, ‘нивяник обыкновенный’, букв. ‘трава с белой верхушкой’; *еджыд юра турун* ‘пастушья сумка’, букв. ‘трава с белой головкой’

ЗАРНИ ‘золото, золотой’: *зарни турун* ‘василистник’, букв. ‘золотая трава’

ЛӖЗ ‘синий’: *лӖз турун* ‘василек’, букв. ‘синяя трава’; *лӖз юра турун* ‘герань лесная’, ‘вероника длиннолистная’, букв. ‘трава с синей верхушкой’

СЬӖД ‘черный’: *сьӖд гоб* ‘боровик’, букв. ‘черный гриб’

ЭЗЫСЬ ‘серебро, серебряный’: *эзысь турун* ‘лапчатка серебристая’, букв. ‘серебряная трава’

Коми-пермяцкий язык

БЕЛЯ ‘белый’: *беля туту* ‘ромашка белая’, букв. ‘белый цветок’

БИ ‘пламя’: *би* || *турун* ‘марьянник полевой’, ‘марьянник дубравный’, букв. ‘пламя-цветок’

ВЕЖ ‘желтый (зеленый)’: *веж йӧн* ‘осот’, букв. ‘желтый (зеленый) осот’; *веж нити* ‘разновидность зеленого мха’, букв. ‘зеленый мох’; *веж* || *цветки* ‘ромашка желтая’, букв. ‘желтый цветок’; *вежсь* || *ягӧд* ‘морошка’, букв. ‘желтая ягода’

ВИЖ ‘желтый’: *виж цвет* ‘ромашка желтая’, букв. ‘желтый цветок’

ГӖРД ‘красный’: *гӖрд* || *гоб* (*гӖрд гоб*) ‘подосиновик’, букв. ‘красный гриб’; *гӖрд* || *гриб* ‘подосиновик’, букв. ‘красный гриб’; *гӖрд* || *сэтӧр* (*гӖрд сэтӧр*) ‘смородина красная’, букв. ‘красная смородина’; *гӖрд кушман* ‘свекла’, букв. ‘красный корнеплод’ (‘красная редька’)

ЛӖЗ, ВӖЗ ‘синий’: *вӧз* || *чача* ‘василек’, букв. ‘синий цветок’; *лӧзв* || *ягӧд* (*вӧзв* || *ягӧд*) ‘голубика’, букв. ‘синяя ягода’

СЬӖД ‘черный’: *сьӖд* || *гриб* ‘подберезовик’, букв. ‘черный гриб’; *сьӧд* || *ягӧд* ‘черника’, букв. ‘черная ягода’

ЧОЧКОМ ‘белый’: *чочком гоб* ‘белый гриб, боровик’, букв. ‘белый гриб’; *чочком гриб* (*чочком* || *гриб*) ‘боровик’, ‘подберезовик белый’, букв. ‘белый гриб’.

Наиболее существенным фактором, влияющим на номинацию по признаку цвета, является не до конца сформировавшееся пред-

ставление о цветности, проявляющиеся практически в каждом финно-пермском языке. Например, в южновепском диалекте русское заимствование *z'el'on* относится как синему, так и к зеленому цвету (СВЯ:550); ср. также *коми веж* 'зеленый' и *виж* 'желтый', восходящие к одной форме (в коми-язьвинском наречии оба значения у *vi.ž*). По этому поводу В. И. Лыткин пишет: «В диалектах коми языка значения перечисленных слов 'зеленый' и 'желтый' не вполне дифференцированы» (КЭСКЯ:49).

В языках ветви обычно отсутствуют прилагательные с основным значением 'рыжий'; в этом значении обычно используются слова с основным значением 'красный'. В связи с этим ясна, в частности, особенность номинации гриба лисички, названия которой чаще всего мотивируются зоосемизмами со значением 'лисица'.

Неполное различение цветов представляет собой весьма древнее явление: так, от индоевропейского корня *ǵ^hel-* 'желтый', 'зеленый', 'яркий' происходят русские названия цветов *желтый*, *зеленый*, а также *золото*.

Далее, как уже было сказано, весьма существенным для работы является степень собранности фитонимического материала. В рассматриваемых языках наиболее полно такая лексика собрана для финского и, особенно, эстонского языков. Менее полно собрана фитонимическая лексика коми языков, и еще хуже — фитонимия других родственных языков. В связи с этим некоторые модели номинации, наличие которых ожидается в ряде языков, ограничены лишь двумя-тремя языками; например, имеются весьма активные в финском и эстонском языках модели, отсутствующие даже в близкородственных языках.

Номинация растений по признаку наличия определенного цвета универсальна: по-видимому, трудно найти на Земле язык, в котором она отсутствовала бы. Активно используется она как во всех финно-угорских, так и в контактных языках — русском, балтийских, германских и тюркских. Это дает возможность сравнивать функци-

онирование модели в финно-пермских и контактных языках или, во всяком случае, отмечать ее соответствие в ряде языков.

В отношении ряда растений в финно-пермских языках наблюдается общность в моделях номинации по признаку цвета. Ниже перечислены модели такой номинации; по степени распространения они значительно различаются, и некоторые представлены лишь в одном языке. Ниже мы представили почти исключительно модели, функционирующие не менее чем в трех языках.

Модели ‘прилагательное со значением цветности + детерминант’ представлены ниже сгруппированными по цвету и детерминанту. Последними приводятся фитонимы, детерминант которых представляет собой самостоятельное название растения.

Белый

Модель ‘белый цветок’ представлена следующим образом: фин. *valko*||*kukka* ‘нивяник’; кар. *собств., кар. твер.* *valgie*||*kukka*, *valkee*||*kukka* ‘пушица болотная’, ‘кошачья лапка двудомная’; эст. *valge*||*lill*, *valge*||*lilli*, *valged lilled*, *valged lillesed*, *valge*||*läll*, *valged lälled* ‘багульник болотный’, ‘ветреница дубравная’, ‘нивяник’, ‘поповник’, ‘пупавка полевая’, ‘ромашка непахучая’, ‘сердечник луговой’; мар. *ош*||*пеледыш* ‘ромашка белая’; удм. *тӧдӧы сяська* ‘ромашка’; коми перм. *беля туту* ‘ромашка белая’.

Ей близка модель ‘белая голова (верхушка)’ (с дополнительным детерминантом ‘трава с белой верхушкой’) (кар. *собств.* *valkee*||*rää*(||*heinä*) ‘тмин’, ‘пушица’; эрз. *ашо пря* ‘анис’, ‘клевер горный’, ‘ромашка’, ‘тысячелистник’, *ашо р’а-т’ик’ше* ‘ромашка белая’, ‘клевер горный’; мош. *акша пря тише* ‘ромашка белая’; коми зыр. *еджыд йыла турун* ‘ромашка непахучая’; ‘нивяник обыкновенный’, *еджыд юра турун* ‘пастушья сумка’), также рус. *бело*||*головник* ‘ромашка’.

По-видимому, прибалтийско-финские названия имеют общее происхождение.

Модель ‘белый мох’ представлена следующим образом: фин. *valkia sammal*, *valko*||*sammal* ‘кладония’, ‘кукушкин лен’, ‘сфаг-

нум'; *ижор. valkea* || *sammal* 'лишайник'; *вод. valka* || *sammõl* 'лишайник (вид?)'; *эрз. ашо нупонь* 'ягель'.

Модель 'белый гриб' представлена следующим образом: *фин. valkea* || *sieni* 'волнушка белая', *valkea* || *tatti* 'боровик'; *кар. твер. valgie* || *griba* 'белый гриб'; *венс. vouged* || *babuk* 'белый гриб'; *эрз. ашо гриба* 'подберезовик', *ашо панго* 'белый гриб', 'подгруздок', 'трюфель', 'шампиньон', *белой гриба* 'белый гриб'; *моки. акша панга* 'белый гриб'; *мар. ош* || *понго* 'белый гриб'; *удм. төдьы губи* 'белый гриб'; *коми зыр. еджыд гоб* 'белый гриб'; *коми перм. чочжом гоб* 'белый гриб'

Вероятнее всего, модель калькирована с русского миконима независимо во все перечисленные языки.

Модель 'белая ольха': *фин. walckia leppä* (*Tillandz 1683*) 'ольха серая'; *эст. valge* || *lepp* 'ольха серая'; *лив. vaalda* || *lieppaa* 'ольха серая'. Это редкий пример модели с определяемым компонентом — самостоятельным фитонимом, которая является общей для ряда близкородственных языков и относится к одному растению. Для нее можно предположить балтийское происхождение, ср. *лит. balt* || *alksnis* 'ольха серая', букв. 'белая ольха'.

Модель 'белая ива' также присутствует в ряде языков: *фин. valko* || *raju* 'ветла, ива белая'; *эст. valge* || *raju*, *valge* || *rajus*, *valge* || *rao* 'ива козья', 'ива трехтычинковая'; *вод. valka* || *raju* 'ветла, ива белая'; *эрз. ашо калъ* 'ветла, ива белая'; *моки. akša kal* 'ива' (так в *МШ*, но, по-видимому, подразумевается ветла). Все перечисленные названия явно не имеют отношения к ученому латинскому *Salix alba*; прибалтийско-финские фитонимы можно сравнить с *лит. balt* || *karklis* 'ива белая', букв. 'то же' (*лит.* также *baltoji blindė* 'ива белая', букв. 'белая ракета').

Желтый

Модель 'желтая трава' представлена следующим образом: *фин. kelda* || *ruoho* 'лютик жгучий', 'чистотел большой'; *кар. собств. kelta* || *heinä*, *kelda* || *heinä*, *кар. ливв. keldu* || *heinü* 'кульбаба осенняя',

‘лютик’, ‘одуванчик’; *эст. kollane hain* ‘пупавка красильная’; *эрз. ожа тикше* ‘сурепка’; *мар. тӱжы* || *шудо* ‘калужница болотная’

Модель ‘желтый цветок’ представлена следующим образом: *фин. kelta* || *kukka, kelto* || *kukka, kelda* || *kukka, kiilto* || *kukka, kelta* || *kukkain, kelta* || *kukka(i)nen, kelta* || *kukkii, kelta* || *kukkia* ‘золотарник’, ‘календула’, ‘калужница болотная’, ‘кульбаба осенняя’, ‘купальница европейская’, ‘лютик’, ‘одуванчик’, ‘пупавка красильная’, ‘скерда кровельная’, ‘ястребинка’; *кар. собств. kelda* || *kukka* ‘лютик’, ‘кульбаба осенняя’; *эст. kollane lill, kollased lilled, kollased lilled* ‘ветреница лютичная’, ‘горчица полевая’, ‘лютик едкий’, ‘ноготки (календула) лекарственные’, ‘свербига восточная’; *вод. kõlta* || *kukka* ‘калужница’; *эрз. ожа твет* ‘лютик’, *ожо цеця* ‘лютик едкий’; *удм. чӱж сяська* ‘пупавка’, ‘ромашка’; *коми перм. веж* || *цветки* ‘ромашка желтая’, *виж цвет* ‘ромашка желтая’. Ср. *рус. желто* || *цвет* ‘лютик’ (Анненков 1876).

Близки ей модели ‘трава с желтым цветком’ (*мокиш. тюжя пря цеця* ‘одуванчик’), ‘желтая верхушка’ (*мар. тӱжы* || *вуй* ‘калужница болотная’) и ‘трава с желтой верхушкой (головкой)’ (*эрз. тюжя пря (тикше)* ‘лютик едкий’; *мокиш. тюжя пря тикше* ‘лютик ядовитый’, ‘сурепка’; *коми зыр. виж йыла турун* ‘одуванчик’, *вижв* || *юр турун* ‘девясил британский’, *виж юра турун* ‘соссюрея альпийская’, ‘гвоздика пышная’). Ср. в русском языке *желто* || *головки* ‘одуванчик’.

Данная модель функционирует и в других контактных языках, например ср. *тат. сары чәчәк* ‘лютик’, ‘желтоцвет’, букв. ‘желтый цветок’; см. также *тат. сары тәтәй* ‘пупавка’, букв. ‘желтый цветок (желтая игрушка)’, *сары* || *баш* ‘лютик’, букв. ‘желтая голова (верхушка)’ — эта модель также относится и к грибам: ‘моховик’, ‘желтушник (гриб)’.

В прибалтийско-финских и эрзянском языках эта модель относится преимущественно к лютику, а в пермских языках — к ромашке.

Модель ‘желтый корень’ представлена следующим образом: *фин. kelta* || *juuri* ‘чистотел большой’; *эст. kollane juur* ‘лапчатка прямостоячая’.

Модель ‘желтый гриб’ представлена следующим образом: *фин.* *kelta*||*sieni* ‘рыжик’; *кар. собств.* *kelda*||*kriipa*, *кар. ливв.* *keldu*||*griba* ‘масленок’, *кар. собств.* *kelta*||*šieni*, *kelda*||*šieni*, *kelda*||*sieni*, *кар. ливв.* *keldu*||*sieni* ‘масленок’, ‘моховик’, ‘лисичка’; *моки.* *тjоуж* *панга* ‘рыжик’; *удм.* *čюж* *губи* ‘лисичка’

Ср. в татарском языке *сары гөмбә* ‘желтяк (гриб)’, букв. ‘желтый гриб’.

Модель ‘пламя-трава’ (‘пламенная трава’) встречается в финском языке и карельских наречиях: *фин.* *tuli*||*heinä*, *tul'*||*heinä*, *tulj*||*heenä*, *tulj*||*heinä*, *tyl*||*heinä* ‘полюнь’, ‘кипрей’, ‘ястребинка’, ‘лютик различных видов’, ‘щавель различных видов’, *tuli*||*ruoho* ‘горец земноводный’, ‘лютик различных видов’, ‘щавель’; *кар. собств.* *tuli*||*heinä*, *кар. ливв.* *tuli*||*heiny* ‘лютик’

См. также сходную модель в *мар.* *тул*||*пеледыи* (*Г. тыл*||*веледыи*) ‘кукушкин цвет’, ‘адонис весенний’ и в *рус.* *гори*||*цвет* ‘адонис весенний’.

Рыжий

Носителем признака наличия рыжего (оранжевого цвета) обычно выступают названия лисицы (только по отношению к грибам).

Модель ‘лисий гриб’ представлена лишь в двух языках, но мы, тем не менее, выделим ее: *моки.* *келазь панга* (*келазень панга*) ‘лисичка’; *мар.* *рывыж*||*вопго* ‘лисичка’

Ср. русское название этого гриба; в данном случае можно предположить калькирование русского миконима.

Значением ‘рыжий’ обладают также прилагательные: *фин.* *ruskea*, *венс.* *rusked*, *мар.* *йошкар* — при основном значении ‘красный’ (см.).

Золотой

Слова со значением ‘золото’ маркируют различные оттенки желтого цвета растений в финском и эстонском языках. Общих моделей практически нет.

Серебряный

Серебряный отлив присущ листьям некоторых видов растений. Мотивация фитонимов словами со значением ‘серебро’ — явление редкое и разрозненное. Общих моделей, проявляющихся в более чем двух языках, нет.

Модель ‘серебряная трава (серебро-трава)’ проявляется изолированно в эстонском и коми-зырянском языке: *эст.* *hõbe||hein* ‘двуклосточник тростниковый’, ‘сеслерия голубая’; *коми зыр.* *эзысь тун* ‘лапчатка серебристая’

Модель ‘серебряный лист (серебро-лист)’ представлена следующим образом: *фин.* *hopea||lehti* ‘манжетка’; *эст.* *hõbe||leht* ‘бегония’, ‘двуклосточник тростниковый’, ‘лунник оживающий’

Фитонимы по данным моделям возникли в языках самостоятельно.

Красный

Модель ‘красная трава’ представлена следующим образом: *фин.* *puna||yrtti*, *punainen yrt(t)i* ‘амарант хвостатый (мтельчатый)’, ‘лапчатка прямостоячая’, ‘маргаритка многолетняя’, *rusko||heinä* ‘воробейник полевой’, *rusko||ruoho* ‘горец земноводный’; *кар. собств.* *ruskee||heinä* ‘росянка’; *эст.* *puna||hein*, *puna||ein(a)*, *puna||hain*, *punane hein* ‘душица’, ‘зверобой продырявленный’, ‘пушица узколистная’, ‘тимьян ползучий’, *puna||rohi*, *punane rohi* ‘душица’, ‘зверобой продырявленный’, ‘пушица узколистная’, ‘синяк’; *мар.* *йошкар||шудо* ‘лисохвост’ (в марийском языке *йошкар* имеет также значение ‘рыжий’).

Модель ‘красный цветок’ представлена следующим образом: *фин.* *puna||kukka*, *puna||kukkanen* ‘дербенник иволистный’, ‘лапчатка прямостоячая’, ‘мак’, ‘щавель кислый’; *эст.* *puna||lill*, *puna||lilled*, *punane lill* ‘герань Роберта’, ‘зверобой продырявленный’, ‘горичвет кукушкин’, ‘душица’, ‘куколь’, ‘мак самосейка’, ‘первоцвет мучнистый’, ‘подмаренник северный’

Модель ‘красный гриб’ представлена следующим образом: *фин.* *puna||tatti* (*punikki||tatti*) ‘подосиновик’; *кар. твер.*

ruškie || *griba*, *ruskei* || *griba* ‘подосиновик’; *вод.* *kauniz* || *griba* ‘подосиновик’, *puna* || *siini* ‘сыроежка красная’; *удм.* *göpd* || *губи* ‘подосиновик’; *коми зыр.* *göpd gob* ‘подосиновик’; *коми перм.* *göpd* || *gob (göpd gob)* ‘подосиновик’, *göpd* || *гриб* ‘подосиновик’. Близка ей модель ‘гриб с красной верхушкой (шляпкой)’ (*коми зыр.* *göpd юра gob* ‘подосиновик’).

Скорее всего, во всех случаях присутствует калькирование русской модели (см. комментарий к модели ‘белый гриб’). *Тат.* *кызыл гәмбә* ‘подосиновик’, по-видимому, также имеет русское происхождение.

Одна и та же модель, в которой детерминант имеет различные вторичные значения — ‘красная голова (верхушка; цветок)’ и ‘красная голова (шляпка гриба)’ может относиться как к травянистым растениям, так и к грибам.

Примеры по первому значению: *фин.* *puna* || *la(t)va* ‘луговик дернистый, щучка’, ‘метлица’, ‘овсяница красная’; *эст.* *puna* || *pea* ‘кровохлебка лекарственная’. Ср. также *рус.* *красно* || *головик*, *красно* || *головка* ‘клевер красный’, *красно* || *головник* ‘кровохлебка лекарственная’, ‘черноголовник кровохлебковый’ (растение внешне похожее на кровохлебку) — все *Анненков 1876*;

Примеры по второму значению: *кар. собств.* *ruškie* || *pää* ‘подосиновик’; *венг.* *rusked* || *pä* ‘подосиновик’; *вод.* *puna* || *pää* ‘подосиновик’, то есть модель всех случаев относится к подосиновнику. По-видимому, речь идет о независимом калькировании русской модели, ср. *рус.* *диал.* *красноголовик* ‘подосиновик’; ср. также *лит.* *raudon* || *viršis* ‘подосиновик’, букв. ‘с красной верхушкой’.

Модель ‘красная ива’ представлена следующим образом: *фин.* *puna* || *rai*, *puna* || *raji*, *punape raji* ‘ива мирзинолистная’, ‘ива пурпурная’, ‘кизил’, ‘свидина кроваво-красная’; *мокш.* *jakštər isa* ‘краснотал, красная ива’, ‘ива остролистная’; *мар.* *йочкар* || *ya* (*Г. якшар* || *ya*) ‘краснотал, красная ива’

Мокшанский и марийские фитонимы можно сопоставить с *тат.* *кызыл тал* ‘краснотал, ива остролистная’, букв. ‘красная ива’.

См. также близкое *эст. verri*||*paie* ‘краснотал’, букв. ‘кровь-ива’.

Зеленый

В связи с нейтральностью зеленого цвета (это общий цвет растительности) прилагательные с этим значением мотивируют названия грибов, обозначая цвет их шляпок. В состав финно-пермских сложных фитонимов прилагательные со значением ‘зеленый’ практически не входят.

Модель ‘зеленый гриб’ представлена следующим образом: *эрз. пиже панго* ‘зеленушка’; *моки. пиже панга* ‘зеленушка’; *мар. Л. унсар*||*вонго*, *мар. Г. ыжар*||*вонгы* ‘сыроежка сине-зеленая’; *коми зыр. веж тшак* ‘домовый гриб’. Это редкая модель, фитонимы по которой образовались в каждом языке самостоятельно.

В русском и балтийских языках миконимы образуются от основ со значением ‘зеленый’ суффиксацией, ср. *рус. зеленушка* и *лит. žaliuokė* ‘зеленушка’ (*žalias* ‘зеленый’).

Синий

Синий цвет присущ цветкам растений и шляпкам отдельных грибов. Мотивация названий растений синим цветом достаточно распространена в финно-пермских языках и контактном русском языке (см., напр., *Анненков 1876:493–494*), но редка в германских, балтийских и тюркских языках.

Модель ‘синяя трава’ представлена следующим образом: *фин. sini*||*heinä* ‘герань лесная’, ‘незабудка’; *кар. собств. sini*||*heinä* ‘клевер’, ‘василек’; *эст. sini*||*hein* ‘вероника лекарственная’, ‘пролесник многолетний’; *коми зыр. лöz турин* ‘василек’.

Несмотря на значение детерминанта, эта модель номинации во всех случаях относится к растениям с синими *цветками*.

Модель ‘синий цветок’ представлена следующим образом: *фин. sini*||*kukka*, *sini*||*kukkainen*, *sini*||*kukkain*, *sin'*||*kukka*, *sini*||*kukkai* ‘борец синий’, ‘василек синий’, ‘вероника весенняя’, ‘вероника дубравная’, ‘герань лесная’, ‘колокольчик сборный’, ‘незабудка’,

‘шлемник’; *кар. собств. sini||kukka, sin’||kukka* ‘василек’; *эст. sini||kann, sini||kannid* ‘фиалка пахучая’, ‘фиалка собачья’, *sini||lill, sini||lilli, sini||lilli’, sini||lilled, sini||lillid, sini||lillesed, sini||läll, sini||lillikas, sinine lill, sinised lillakad, sinised lillesed* ‘василек’, ‘вероника дубравная’, ‘ирис сибирский’, ‘незабудка болотная’, ‘первоцвет мучнистый’, ‘печеночница (перелеска)’, ‘фиалка пахучая’, ‘фиалка собачья’, ‘фиалка топяная’, *sini||õis, sinised õied, sinised õied* ‘василек’, ‘печеночница (перелеска)’, сюда же *sini||ninn, sini||ninni’* ‘василек’, букв. ‘синий цветочек’; *лив. sin’n’i||put’kõz* ‘очанка’; *удм. лыз сяська* ‘василек’; *коми перм. вöз||чача* ‘василек’, *вöз||цветка (лöз||цветка)* ‘василек’.

Близки ей модели ‘цветок с синей верхушкой’ (*удм. лыз||йыр* (||*сяська*) ‘василек’), ‘трава с синей верхушкой’ (*коми зыр. лöз юратурун* ‘герань лесная’, ‘вероника длиннолистная’), ‘синяя верхушка’ (*мар. канды||вуй* ‘василек’) и ‘лазоревый цветок’ (*эрз. лазоревой тветка* ‘мальва’). Удмуртское и марийское название василька можно сопоставить с *тат. күк||баш* ‘василек’, букв. ‘синяя голова (верхушка)’.

Это весьма распространенная в прибалтийско-финских и пермских языках модель, причем разнообразие детерминантов со значением ‘цветок’ в эстонском языке вызывает особенное богатство ее проявления. Вряд ли возможно предположить, что прибалтийско-финские представители модели имеют общее историческое происхождение; возможна лишь связь карельского фитонима с финскими. Модель эта распространена и в славянских языках (напр., *рус. синий цветок* ‘цикорий’; *рус. сино||цветка, болг. сине||цвет* ‘василек’).

Модель ‘синяя ягода’ представлена следующим образом: *эст. sinine tari* ‘вороний глаз’, ‘черника’; *удм. лыз||мульы* ‘голубика’; *коми перм. лöзт||ягöд (вöзт||ягöд)* ‘голубика’. С пермскими фитонимами можно сравнить *тат. күж жсиләк* ‘голубика’, букв. ‘синяя ягода’.

Модель, наблюдаемая в коми и удмуртском языках, является, очевидно, общепермской. Цвет ягод вороньего глаза и, особенно, черники чаще определяется в народной фитонимии как черный (см.

ниже).

Модель ‘синий гриб’ представлена следующим образом: *фин. sini* || *sieni* ‘паутичник фиолетовый’; *мокиш. сенем панга* ‘сыроежка’; *удм. лыз* || *губи* ‘сыроежка’.

Модель редка, как редки и грибы со шляпками синего цвета.

Черный

В финно-угорских языках признак наличия черного цвета определяет номинацию не только ягодных растений с черными ягодами (см. ниже), но и других растений с темной корой либо темными цветками. Черные цветы — большая редкость в природе, и потому ‘черными’ именуются цветки, лепестки которых окрашены в темные оттенки других цветов, например, *эст. must härja* || *pea*, букв. ‘черный клевер’, относится к клеверу темно-каштановому, цветки у которого окрашены в фиолетово-коричневый цвет. Аналогично в русском языке, например, название *черно* || *головник* относится к растениям с фиолетовыми, темно-красными, красно-коричневыми цветками (как номенклатурное название относится к роду *Poterium*); *черно* || *головка* (*Prunella*) имеет фиолетовые цветки, а после цветения соцветия приобретают коричневый цвет; в русских говорах название это относится к васильку фригийскому и другим растениям с синими и фиолетовыми цветками.

Модель ‘черная ягода’ представлена следующим образом: *кар. собств. must’oi* || *muarju*, *must’oi* || *marjaine* ‘черника’; *эст. must* || *mari* ‘вороний глаз’; *вод. muus marjõ* ‘черная смородина’; *эрз. rav* ʒ *ита·r* ‘черника’; *удм. съöd мульы* ‘паслен черный’, букв. ‘черная ягода’.

Модель с синонимичными вариантами детерминантов ‘черный цветок’ и ‘черная голова (верхушка)’ (приводятся и варианты с дополнительными детерминантами), относящаяся к травянистым растениям с темными цветками, присутствует в финском языке и собственно-карельском наречии: *фин. musta* || *kukka* ‘клевер темно-каштановый’, *musta* || *pää*, *musta* || *piä* ‘пушица’, ‘тимофеевка альпийская’, *musta* || *pää* || *luhta(n)* || *ruoho* ‘ежеголовник’,

musta||*pään*||*ruoho* ‘марьянник дубравный’; *кар. собств. musta*||*piä* ‘рогоз’, *musta*||*pää*||*heinä* ‘схенус ржавый’. В вепсском языке в идентичной модели детерминант *pä* ‘голова’ относится к темной шляпке гриба: *must*||*pä* ‘подберезовик’; в водском языке такая же модель относится к головне (*mussa*||*pää*), ср. также *фин. noki*||*pää* и *эст. nõgi*||*pea* ‘головня’, где в качестве определительного компонента выступает слово со значением ‘сажа’, являющееся носителем признака ‘черный’.

Прилагательное со значением ‘черный’ мотивирует во всех прибалтийско-финских языках простые по форме названия черники. Мы предполагаем калькирование индоевропейского фитонима (в которых подобная мотивация широко распространена, ср., например, *латышск. mellene*, *лит. mėlyne*, *нем. Schwarz*||*beere*, в славянских языках: *польск. czernica*, *словацк. jagoda*, *рус. черника*, *черница* и др.). Модель ‘черная ягода’ распространена в меньшей степени и может относиться к различным растениям с черными ягодами. Данные указывают на ее самостоятельное формирование в каждом языке.

Модель ‘черный гриб’ представлена следующим образом: *эрз. раужо панго* ‘груздь черный’; *мокиш. равжа панга* ‘груздь черный’, ‘шампиньон’; *мар. шем*||*вогго* ‘чернушка; черный подгруздок’; *коми зыр. съöd гоб* ‘боровик’; *коми перм. съöd*||*гриб* ‘подберезовик’. Близка ей модель ‘черная верхняя сторона шляпки [гриба]’ (*мар. шем*||*туп* ‘черный груздь’).

Все фитонимы — представители этой модели, скорее всего, калькированы с контактных индоевропейских фитонимов (чаще — русских).

Мордовские миконимы восходят к обшемордовской модели, коми миконимы — к общекоми модели. В прибалтийско-финских языках эта модель полностью отсутствует.

Модель ‘черная ольха’ имеется в ряде языков: *эст. must lepp* ‘ольха черная’; *лив. mustaa*||*lieppaa* ‘ольха черная’; *мар. шем*||*нёлпö* ‘ольха черная’; *удм. съöd лул*||*пу* ‘ольха черная’. Происхождение эстонского и ливского названий может быть балтий-

ским, ср. латышск. *meln* || *alksnis* и лит. *juod* || *alksnis* ‘ольха черная’, букв. ‘черная ольха’.

Модель ‘черная смородина’ представлена следующим образом: фин. *musta* || *herukka* (с дополнительным детерминантом: *musta* || *herukka* || *pehko*, *musta* || *herukka* || *pensas*), *musta* || *viina* || *marja*, *musta* || *vinnan* || *marja*, *musta* || *viini* || *marja* (с дополнительным детерминантом: *musta* || *viina* || *marja* || *puu*, *musta* || *viin(i)* || *marja* || *pensas*) ‘черная смородина’; ижор. *musta* || *siehtarlain* ‘черная смородина’; эст. *must sitik*, *must sitk* ‘черная смородина’, *must sõstar*, *must sõstra* || *puu*, *must sõster*, *must sooster*, *must soostre* || *puu*, *must suoster*, *must sõstra* || *puu*, *must süstra*, *must süstra* || *puu* ‘черная смородина’, вод. *muus sössör* ‘черная смородина’; эрз. *раужо шукшторов* ‘черная смородина’; моки. *равжа шукшторукс* ‘черная смородина’; мар. *шем* || *шонтыр* ‘черная смородина’.

Названия, образованные по этой модели, относятся к одному растению. Модель во всех случаях имеет, по-видимому, русское происхождение.

Прочие модели представлены, как правило, не более чем в одном языке или даже на уровне диалекта. Ряд моделей номинации является общим для финского и эстонского языков, что в немалой степени связано с хорошей собранностью фитонимического материала по этим языкам.

Ниже следуют некоторые дополнительные существенные замечания по строению моделей номинации растений по признаку цвета в рассматриваемых языках.

Модели ‘прилагательное со значением цвета + смородина’ обозначают в финно-пермских языках разные виды смородины (черную, красную). Данная модель широко распространена во многих, в т. ч., контактных языках. В связи с тем, что красная смородина *Ribes rubrum* может иметь белый либо желтоватый цвет, в состав ее названий включаются прилагательные со значениями ‘белый’, ‘желтый’, ‘золотой’.

Модели ‘существительное (носитель признака цветности, не являющийся названием металла) + детерминант’, как правило, уникальны и малочисленны: ‘табачный гриб’ (то есть гриб табачного цвета) (*фин. ингерм. tupakka* || *sieni* ‘валуй’); ‘мочевой гриб’ (*ижгор. kuzi* || *типа* ‘дождевик’). Нераспространенность модели объясняется тем, что обозначение признака прилагательным напрямую проще и яснее; к использованию существительного в роли носителя часто прибегают тогда, когда цвет трудно обозначить иным способом, например, *фин. tupakka* || *sieni*, букв. ‘табак-гриб’, *мар. тўтыра* || *шудо*, букв. ‘дымка-трава’.

Головня и спорынья не воспринимаются в качестве растений, тем не менее, их номинация в финно-угорских языках не отличается от номинации растений или грибов (см. например, *вод. mussa* || *pää*, *nõki* || *pää*), и поэтому их названия следует рассматривать вместе с фитонимами.

Ко всему сказанному выше следует добавить следующее. Фитонимия как необыкновенно обширная и разнообразная по своему составу тематическая группа лексики имеет множество связей с материальной и духовной культурой. Следовательно, имеется необходимость рассмотрения отражения названий растений в традиционной культуре финно-угорских народов. Однако мы исходим из того, что прежде необходимы изучение и классификация самой лексики флоры и способов номинации растений: это может в значительной степени облегчить дальнейшее изучение фитонимов с позиций этноботаники. Работы, в которых рассматривается связь финно-угорских названий растений с традиционной культурой, малочисленны и касаются, как правило, либо какого-либо одного аспекта (например, связь с поверьями, народной медициной), либо какого-либо одного растения. Кроме того, основным предметом подобных исследований обычно является символический образ растений в духовной культуре или их узкое применение в быту (хозяйственное, лекарственное), в то время как иные аспекты остаются неизученными. В качестве еще одной особенности изданных работ, затрагивающих данную тематику, укажем на их ареальную и языковую ограниченность, то есть, как правило, исследуются небольшие территории,

говоры, диалекты, и практически никогда — языки (см., например, *Vilbaste 1937, Rainio 1973, Kalle 2007*).

Сокращения названий языков

балт. — балтийские языки, *болг.* — болгарский, *вепс.* — вепсский, *вод.* — водский, *греч.* — греческий, *ижор.* — ижорский, *кар.* — карельские наречия (*ливв.* — ливвиковское, *люд.* — людииковское карельское наречие, *собств.* — собственно-карельское, *кар. твер.* — тверские говоры собственно-карельского наречия), *лат.* — латинский, *латышск.* — латышский, *лив.* — ливский, *лит.* — литовский, *мар.* — марийский (*Л.* — лугово-марийский, *Г.* — горномарийский), *моки.* — мокшанский, *морд.* — мордовские языки, *рус.* — русский, *саам.* — саамский, *слав.* — славянские, *тат.* — татарский, *удм.* — удмуртский, *уральск.* — уральские языки, *фин.* — финский, *финно-угорск.* — финно-угорский праязык; *хант.* — хантыйский, *чув.* — чувашский, *шв.* — шведский, *эрз.* — эрзянский, *эст.* — эстонский

Литература

Kalle 2007 — Kalle R. Naturaliseerunud ravimtaimed etnobotaanika vaatenurgast. — Mäetagused 36. Tallinn, 2007. S. 105–128.

Rainio 1973 — Rainio J. Vanhaa äänisvepsäläistä lääkäintietoa. — Eripainos Kalevala seuran vuosikirjasta, 1973, № 53. S. 289–312.

Reinholm 1851 — Reinholm H. A. Suomalaisia kasvu-nimejä. — Suomi. X. 1850. Helsingfors, 1851. S. 159–301.

Suhonen 1936 — Suhonen P. Suomalaiset kasvinnimet. Vanamon Kasvitieteellisiä Julkaisuja 7. N I. Helsinki, 1936. 465 s.

Tillandz 1683 — Tillandz E. Catalogus plantarum, quae prope Aboam tam in excultis, quam incultis locis hucusque inventae sunt. Aboae, 1683.

Variarum 1668 — Variarum rerum vocabula latina cum Svetica et Finnonica interpretatione. Editio prioribus auctior et emenatior. Stockholmiae, Anno 1668.

Vilbaste — Vilbaste G. Eesti taimenimetused. Emakeele Seltsi Toimetised, nr. 20 (67). Tallinn, 1993. 708 lk.

Vilbaste 1937 — Vilbaste G. Taimed ja taimeühingud vanasõnades. — Loodusevaatleja 4. Tallinn, 1937. S. 114–116.

Новые данные о дистрибуции финно-угорских заимствований в русских говорах Верхнего Прикамья

(по материалам Картотеки ЛАРНГ)

Р. В. Гайдамашко

Ранее в двух статьях М. В. Богачёвой, опубликованных в «Материалах и исследованиях» Всероссийского диалектологического совещания «Лексический атлас русских народных говоров» [Богачёва 2008; 2009], упоминались финно-угорские по происхождению географические термины, доселе не фигурировавшие в источниках по русским говорам Верхнего Прикамья. Лексемы *вара*, *едма* (*едома*), *мар* (*март*), в силу тематики указанных работ, не подвергнуты ареально-этимологическому анализу, в частности, не ставится вопрос о путях возникновения данных лексических фактов в русских говорах Верхнего Прикамья. Попытка решения этого вопроса приводится ниже.

Вара

Лексема *vára* ‘небольшая возвышенность’, судя по картотеке «Лексического атласа русских народных говоров», бытует в н. п. Покча Чердынского р-на (КЛАРНГ).

На Русском Севере *vára* ‘возвышенность, холм, гора’ (Арх. 1850; Волог. 1959), ‘скалистый остров в море’ (Кем., Кольск. Арх. 1885), ‘лес на возвышенном берегу моря’ (Кем. Арх. 1885) (Даль 3-е изд. 1: 403; СРНГ 4: 40). Чаше фиксируются варианты приблизительно с той же семантикой, но формально с иным исходом:

варака (Арх.) (СлРЯ XVIII 2: 214), *варага* (Кем. Арх. 1910), *вара́к* (Терск. Мурман.; Онеж. Арх.), *вара́ка* (Арх. 1847; Кольск., Онеж. Арх.; Пудож., Беломор., Кем. Карел.; Помор.; Кандалакш., Терск. Мурман.), *вара́кка* (Унежма Беломор. 1939), *вара́ка* (Заонеж. Олон. 1885–1898; Медвежьегор. Карел.; Помор.; Кем. Арх. 1847; Беломор. Арх. 1929; Вят.), *вара́ха* (Пудож., Петрозав. Карел.), *вара́геа* (Кем. Арх. 1885), *варе́й* (Нижн.-Печор.), *ва́рек* (Кем. Карел.), *варе́я* (Арх. 1899), *ва́рик* (Арх. 1844), *ва́ро́к* (Кем., Беломор., Тер., Медвежьегор. Карел.), *ва́ро́ка* (Кем., Пудож., Беломор. Карел.; Кандалакш., Терск. Мурман.; Онеж. Арх.), *ва́рочка* (Кем. Карел.; Терск. Мурман.), *вару́и* (Усть-Цилем. Коми), *вару́й* (Усть-Цилем. Арх. 1951; Печор.), *варь* (Кольск., Беломор. Арх. 1959), *ва́рьяга* (Мезен. Арх. 1885), *варю́й*, *вору́й*, *ворю́й* (Нижн.-Печор.) (Опыт: 21; Даль 3-е изд. 1: 403; Подвысоцкий: 15; Куликовский: 8; СРНГ 4: 41, 49, 62; СРГК 1: 162; ОСВГ 2: 18; СРГНП 1: 54–55; СГРС 2: 22; РГБ: 36; КЛАРНГ; РД-ЭС); [Ивашко 1958: 86] и мн. др.¹. Особо см. примеры, выходящие за пределы говоров севернорусского наречия: *ва́ра* ‘небольшая возвышенность’ (Моск.; Башк.) (КЛАРНГ), ‘гора, возвышенность, холм; скалистый мыс; лес на высоком берегу’ (Тарту Эст.) (Мурзаев 1984: 113–114).

В топонимии часты полукальки с участием указанных географических терминов, так, согласно Б. А. Серебренникову, «название села *Холмогоры* Архангельской области, по всей вероятности, произошло из карельского *Kolmevaara(a)*. Затем оно было включено в тип полупереводов с характерным окончанием *-горы* (довольно многочисленных в Архангельской области, например, *Хаврогоры*, *Нисогоры*, *Карногоры* и т. д.). Под влиянием второго составного элемента *-горы* первая иноязычная составная часть была ассоциирована с русским словом *холм*, откуда современное *Холмогоры*» [Серебренников 1959: 42]. Список топонимов с финалью *-горы*, при

¹ Полагаем, что *вара́куша* ‘гора, особенно каменная’ (Волог.) (Опыт: 21) могло быть усвоено от коми, на что косвенно указывает и распространение, при этом коми этимон, очевидно, являлся гетерогенным по происхождению композитом, ср. коми-зыр. *куш* ‘голый, обнажённый’, ‘лысый’, ‘пустой, по-рожный’ (КРК: 320). Финаль *-а* обретена на рус. почве.

наличии «среди этих однотипных имён двойных — полупереводных и переводных экземпляров», продолжает А. И. Попов: *Шоговара* или *Шогогора*; *Келлогоры* или *Келловарака*; гора *Шари* или *Шаровары* и др. [Попов 1965: 132]. Детальную сводку этимологий топониманта *-вара* и подобных в приб.-фин., саам. и сев.-рус. топонимии см. [Матвеев 1969: 300–303].

В основе севернорусского диалектизма прибалтийско-финский [Погодин 1904: 19; Meckelein 1914: 32; Kalima 1919: 82–83] или саамский [Шёгрэн 1854: 146; Itkonen 1932: 62]; (SKES: 1580) источник, ср. карел. *vaarakka* (диминутив), фин. *vaara* ‘гора, обычно покрытая лесом’ [Погодин 1904: 19; Meckelein 1914: 32], карел. ливвик. *voara* ‘лесистая возвышенность, гора’ [Kalima 1919: 82–83], собств. карел. *vuara* ‘высокий холм, возвышенность, гора’ (KKS: 666), саам. инари *vääri* ‘гора, сопка’, колтта *vää’rr*, кильдин. *vā’rr* ‘лес, гора’, терск. *varçe* ‘лес’ (SKES: 1580; YS: 144–145). Приб.-фин. лексемы или родственны саам., или заимствованы из саам. (SKES: 1580; YS: 144; SSAP 3: 386); [Kalima 1919: 82–83; Мамонтова, Муллонен 1991: 12; Aikio 2009: 175–176]; далее в финно-угорской семье приб.-фин. и саам. данные сравниваются с об.-угор. [Sammallahti 1988: 551], ср. манс. сев., ср.-лозьв., нижн.-лозьв. *ur*, пельм. *vir*, кондин. *vor* ‘гора; вершина (горы)’, тавдин. *or* ‘лес’ (WW: 701), хант. вахов. *wur* ‘цепь гор, холмов (на берегу реки?)’, тромбюган. *wör* ‘цепь гор, холмов у реки’, обдор. *or* ‘лес; глухой, необитаемый лес’, под вопросом с венг. и камасин. словами (UEW: 571).

Основанное на полевых наблюдениях замечание, что «наиболее частотны фиксации [рус. лексем] в поморских и кольских говорах» [Мызников 2003: 219], склоняет и нас к саамской версии, в пользу чего также данные топонимии Русского Севера [Матвеев 2007: 62].

В русские говоры Верхнего Прикамья данное заимствование принесено выходцами с Беломорья.

Едма, едома

Лексемы *эдма* ‘возвышенность, возвышенное место (общее название)’, *эдома* ‘высокий крутой берег’, по материалам картотеки «Лексического атласа русских народных говоров», на территории Прикамья отмечены лишь в н. п. Покча Чердынского р-на (КЛАРНГ).

Слово *едма* ‘болото, болотная земля’ известно в новгородских и двинских памятниках письменности с XIV в. (Срезневский 1: 818; СлДРЯ XI–XIV вв. 3: 202). Отмечена крайне широкая полисемия лексем не только в современных русских говорах, но и в памятниках письменности: *эдома* (Арх. 1567; Двин. 1648); *едма* (Двин. XV), *едмище* (Новг. 1435) (ГВНП: 170, 277) ‘болотистая земля; холмистая земля; крутой берег (реки); плохое угодье; всякая отдалённая земля’ (СлРЯ XI–XVII вв. 5: 34–35). По материалам источников и словарей XIX–XXI вв., рус. *эдма*, *эдóма*, *эдмище* ‘болотистое место’ (без географической пометы), ‘плоскость, поляна, возвышенная равнина’ (Камч.) (Даль 3-е изд. 1: 1285, значения под вопросом), *эдема* ‘лесная глушь’ (Сольвычег. Волог. 1926) (СРНГ 8: 320), *эдóма* ‘всякая отдалённая местность’ (Холмог., Мезен., Шенк. Арх.) (Слов. Акад. 1891–1920 Т. 2. Вып. 1: 62), (Мезен., Пинеж., Лешук., Верхнетоем., Краснобор., Устьян. Арх.; Кадн. Волог.), ‘невысокие горы, всхолмленная возвышенность’ (Лешук. Арх. 1949; Сиб.), ‘высокий берег реки, крутой обрывистый берег’ (Лешук. Арх. 1949; Кадуйск. Волог.; Якут.), ‘большой дальний глухой лес, лесная глушь’ (Виноградов., Верхнетоем., Краснобор., Лешук., Пинеж., Плесец., Холмог., Мезен., Шенк., Печор. Арх.; Сольвычег. Волог.), ‘окрúга, окрестности’ (Пинеж., Шенк. Арх.) (СРНГ 8: 323; АОС 13: 52–53; СГРС 3: 305–306), ‘возвышенность, гряда, покрытая лесом, еловым или смешанным’, ‘лесное пространство вглубь от правого (нагорного) берега реки’, *эдомка*, *эдомной(ый)* (Нижн.-Печор.) (СРГНП 1: 197–198) и мн. др. Лексема встречается и гораздо южнее зоны севернорусского наречия: *едма* ‘возвышенное место’ (Зарайск. Моск.) (КЛАРНГ).

Известны топонимы *Едома* (Волог.) (Мурзаев 1984: 198), *Еде-*

ма, Едома, Едьма (Идьма) (Пинеж., Лешук., Мезен., Краснобор., Вилег., Лешук., Устьян. Арх.) (АОС 13: 52).

Сомнения Я. Калима [Kalima 1919: 17] и, вслед за ним, М. Фасмера (Фасмер 2: 9) относительно этимологии небезосновательны: учитывая многозначность рус. слов (см. в СГРС 12 значений), целесообразно искать для них несколько источников. Ср. фин. диал. *etämaa* ‘далёкое место; далёкий луг’, карел. людик., вепс. *edahän* ‘далёкий’ (SKES: 42; SSAP 1: 109–110). В качестве непосредственного источника рус. лексем предлагается рассматривать вымерший приоб.-фин. язык Подвинья, при карел. *edä-*, вепс. *eda-* ‘далёкий’ + карел. *тоа, тиа*, вепс. *та* ‘земля’ [Теуш 2001: 137]; (МСФУСЗ: 111–112), что не объясняет происхождения рус. лексем с семемой ‘возвышенность’.

Следует внимательно отнестись к сравнению рус. *едома* с саам. сонгел. *vǣjǣ̄A*, *vǣjǣ̄Dom* (генитив) ‘большая гора, поросшая лесом’ (KKLS 1: 708), предложенному в [Шилов 1997: 9–10]. Безусловно, генитивная форма, отмеченная на Кольском полуострове, не могла послужить этимоном для анализируемых русских лексем, которые, к тому же, имеют ранние письменные фиксации, но данная параллель является ещё одним аргументом в пользу того, что некогда (возможно, в историческое время) в Примезенье и Подвинье обитали племена, по языку близкие кольским саамам [Матвеев 2004: 210–231], т. к. большую роль в формировании топонимии бассейнов Северной Двины, Онеги и Мезени сыграл «древнесаамский этнический компонент» [Матвеев 2006: 56].

Как и лексема *вара*, слова *едма, едома*, очевидно, занесены в Прикамье носителями севернорусского наречия.

Мар, март

Судя по картотеке ЛАРНГ, в н. п. Покча Чердынского р-на с семантикой ‘небольшая возвышенность’ бытуют также лексемы *мар* и *март* (КЛАРНГ).

Ареал лексемы *мар*, её вариантов и дериватов на общерусской почве отличается от ареалов, которые обычно выделяются у финно-

угризов, отмеченных в том числе и в Прикамье: *мар* ‘возвышенность, возвышенное место’ (Красноокт. Нижегород.) (КЛАРНГ), ‘курган, насыпь, холм’ (Оренб.; Мякутин. Чкал.; Уральск. казаки; Урал; Саратов; Самар.; Пенз.; Ульянов.; Казан.; Нижегород.; Вост.-Сиб.), ‘пригорок’ (Южн. р-ны Горьк. 1969), ‘большая груда, куча чего-либо’ (Нижегор. Нижегород. 1852), *ма́ра* ‘курган, насыпь, холм’ (Чистоп. Казан. 1846–1847; Самар.) (СРНГ 17: 367–368), *ма́рок* ‘насыпной холм’ (Спас. Казан. 1858), ‘одинокая могила, одинокий холм в степи, поле’ (Чистоп. Казан. 1846–1847), *ма́ро́к* ‘насыпной холм’ (Соль-Илецк. Чкал. 1955), *ма́рочек* ‘уменьш.-ласк. к *марок* (могила, холм)’ (Чистоп. Казан. 1846–1847) (СРНГ 17: 375–376).

Вслед за М. Р. Фасмером, который повторяет версию П. Равилы (Фасмер 2: 571), М. В. Богачёва возводит рус. *мар* (*март*) к морд. мокш. *тар* ‘куча, могильный холм’ [Богачёва 2008: 203; Богачёва 2009: 212], однако требуется уточнение, каким образом заимствование проникло на север Прикамья. Данный диалектизм, судя по всему, занесён в Прикамье из Поволжья (благодаря тому, что Волго-Камский бассейн активно использовался в качестве водного пути), но вопрос о том, носителями какого идиома он был занесён, остаётся открытым.

Мы имеем три предварительных версии о том, кто принёс в Прикамье упомянутый мордовский географический термин: 1) русские диалектоносители из Поволжья; 2) собственно мордва, чья стихийная колонизация в Северное Прикамье имела место во время монголо-татарского ига [Оборин 1990: 69]; 3) некие тюрки, также бежавшие от гнёта монгольских захватчиков. На последнюю возможность может косвенно указывать татар. мишар. *тар* ‘холм’ (Фасмер 2: 571), поэтому не лишним будет выяснить, к чьему исконному фонду принадлежит данная лексема, — к финно-угорскому или тюркскому. Авторы UEW под вопросом сравнивают морд. *тар* ‘куча, груда; могильный холм, курган’ с саам. (откуда, вероятно, фин. диал.), хант., селькуп. данными, на основе которых ими реконструировано урал. **mδrз* ‘холм или горный хребет, поросший кустарником или лесом’; там же указано, что морд. лексема послужила источником диал. рус. и татар. слов (UEW: 291–292).

При этом, конечно, не следует забывать о массовых насильственных переселениях в течение XX в.: так, автору во время диалектологической экспедиции 2010 г. в н. п. Покча Чердынского р-на (где, собственно, и отмечены все анализируемые выше лексемы) довелось беседовать с марийкой Айкашевой Т. С., 1945 г. рожд., которая была переселена из Татарстана в Пермскую область в 1975 г., а сейчас является билингом, постепенно переходящим на русский.

К сожалению, картотека ЛАРНГ не содержит сведений об информантах, а потому с её помощью нельзя проверить, была ли лексема *мар* (*март*) по ошибке записана от нерусского или билингва. Ответы на подобные вопросы могут дать новые диалектологические экспедиции, верифицирующие и уточняющие уже известные диалектные факты.

Источники

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова /Под ред. С. Н. Валка. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 407 с.

КЛАРНГ — Картотека Лексического атласа русских народных говоров, хранится в словарном отделе Института лингвистических исследований РАН.

КРК — Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-рочкывчукор: Коми-русский словарь /под ред. Л. М. Безносиковой. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. — 816 с.

МСФУСЗ — Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера /Н. В. Кабинина, А. К. Матвеев, О. В. Мищенко, О. А. Теуш /под ред. А. К. Матвеева. Вып. 1. А—И. — Екатеринбург, 2004. — 142 с.

РГБ — Мызников С. А. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. — СПб.: Наука, 2010. — 496 с.

РДЭС — Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Вып. 1. А—В. — Рукопись.

KKLS — *Itkonen T. I.* Koltan- ja kuolanlappin sanakirjä. Wörterbuch des Kolta- und Kolalappischen. O. 1–2. — Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1958. — XLIV + 1236 s. — (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XV).

UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–III. — Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1991.

WW – Wogulisches Wörterbuch. Gesammelt von *B. Munkácsi*, geordnet, bearbeitet und herausgegeben von *B. Kálmán*. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. – 950 o.

YS – *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989. – 180 s. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 200).

Литература

Богачёва М. В. Названия возвышенностей в диалектной речи Пермского края // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. СПб.: Наука, 2008. С. 199–211.

Богачёва М. В. Названия возвышенностей в диалектной речи Пермского края II (этимологический аспект) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009. СПб.: Наука, 2009. С. 210–220.

Ивашко Л. А. Заимствованные слова в печорских говорах // Уч. зап. ЛГУ. Серия филологических наук. Вып. 42. № 243. Л., 1958. С. 84–103.

Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1991. 160 с.

Матвеев А. К. Топонимические этимологии. I (Географические термины, имеющие соответствия в прибалтийско-финских и саамском языках, в субстратной топонимике Русского Севера) // Советское финно-угроведение. 1969. № 4. С. 299–304.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Часть II. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 369 с., 32 карты.

Матвеев А. К. Ономатология. М.: Наука, 2006. 292 с.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Часть III. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. 296 с., 8 карт.

Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003. 540 с.

Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVIII века. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 168 с.

Погодин А. Л. Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия. 1904. № 4. С. 1–72.

Попов А. И. Географические названия (Введение в топонимику). М.; Л.: Наука, 1965. 181 с.

Серебренников Б. А. О методах изучения топонимических названий // Вопросы языкознания. 1959. № 6. С. 36–50.

Теуш О. А. Общий фонд географической терминологии в прибалтийско-финских, коми и русском языках // Известия Урал. гос. ун-та. Вып. 20. Екатеринбург, 2001. С. 135–141.

Шёгрэн А. М. Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. I–III /Ред. И. И. Срезневский. СПб.: Тип. Императорской АН, 1854. Стлб. 145–165.

Шулов А. Л. Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология Заволочской Чуди // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 3–21.

Aikio A. The Saami Loanwords in Finnish and Karelian: Academic dissertation. Oulu, 2009. 386 p.

Itkonen T. I. Lappische Lehnwörter im Russischen // Mélanges de philologie, offerts à M. J. J. Mikkola à l'occasion de son 65 anniversaire, le 6 Juillet 1931. — Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1932. P. 47–65. (Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. B. T. XXVII).

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. — Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1919. XV + 265 p. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne XLIV).

Meckelein R. Die finnisch-ugrischen, turko-tatarischen und mongolischen Elemente im Russischen. I. Die finnisch-ugrische Elemente im Russischen. Berlin: Mayer & Müller, 1914. 73 s.

Sammallahti P. Historical phonology of the Uralic languages with Special Reference to Samoyed, Ugric, and Permic // The Uralic Languages: description, history and foreign influences /Ed. by D. Sinor. — Leiden: E. J. Brill, 1988. P. 478–554. (Handbuch der Orientalistik. Achte Abteilung; v. 1).

О некоторых наименованиях картофеля в русских говорах

С. А. Мызников

Картофель как сельскохозяйственная культура получил распространения на территории России довольно поздно. Так, например, в некоторых районах на территории Русского Севера он стал объектом товарного производства только с середины XIX века. Ранее вместо картофеля использовались репа и брюква.

В XVIII веке, когда картофель только входил в употребление, в первом издании «Словаря Академии Российской» для него представлено энциклопедическое толкование: ЯБЛОКО ЗЕМЛЯНОЕ «*Solanum uberofum*. Корень злака в пищу употребляемый, шишковатый, различной величины и вкуса, видом круглый, белесоватый, испускающий мочки пучками горизонтальными, снабженный побежками под землю распространяющимися, испускающий многие стебли по числу рубчиков на ней заходящихся, прямые вялые, изгибистые, коленчатые, развилыстые, треугольные, гладкие, ветвистые; листья при коленцах попеременно выходящие, на ножках наподобие рогатки устроенные нечетом; листочки рогатку составляющие противулежащие, на стебельках обвально-сердцевидные продолговатые, сверху морщиноватые лоснящиеся, шероховатые. Цветки или белые или бледно-фиолетовые, метелкою расположенные. Плод на подобие яблочков круглый, темнозеленый, содержащий в себе семена угловатые. Собственно растет в Перу; но ныне размножают оный и у нас в огородах посредством корней, которые употребляются в пищу вареные и печеные; из них готовят также пудру и крухмал» (САР 1, V). Причем, в словнике этого издания

отсутствует слово **картофель**, которое появляется во 2-м издании с толкованием «земляное яблоко» (САР 2). Таким образом, первоначально в качестве наименования использовалась калька с французского *potmes de terre* ‘картофель — земляные яблоки’. П. Я. Черных также отмечал, что еще в середине XVIII в. в качестве наименования картофеля употребляется словосочетание *земляные яблоки*, семантически подобное французскому названию (Черных, 1956, 50), либо языку староверов. В немецком языке также была представлена семантически тождественная единица, ср. нем. *Erdapfel* ‘картофель’ (дословно — земляное яблоко), причем нем. *Kartoffel* рассматривается как заимствование из итал. *tartuficolo* (Kluge).

Сходная семантическая особенность отмечается в чувашском языке, ср. чуваш. *улма* ‘яблоко’ и ‘картофель’ (Федотов, ЭСЧЯ, 2, 278), причем этот факт рассматривается как результат русского влияния. В севернорусских говорах также отмечается подобные единицы, например: **земляно́е яблоко** ‘клубень картофеля’ Черепов. Волог. (СРГК, 6, 945).

Кроме того, в севернорусских говора (архангельских, костромских, новгородских, ярославских) для обозначения картофеля широко представлена лексема **яблоко**, **яблочко** (Лутовинова, 1995, 51). Ср. также данные с других смежных севернорусских территорий: **Яблоко**, **яблуко**, **яблоки** ‘картофель’: — *По́мню, в войну́ мешо́к я́блок был цю́дом, все голода́ли*. Бабаев. *Доста́нь из подпо́лья я́блоков-то*. Усть-Куб. *В огоро́де я́блоки ещё не са́жённы*. Сямж. Харов., Волог., Кирил., Междуреч., Сокол., Шексн. (СВГ, 7, 126). **Яблоко** ‘клубень картофеля’: — *Яблоко уж большое на моём огороде*. Хвойнин. Новг. (НОС, 1327). **Яблоко** ‘клубень картофеля’ Кирилл., Шексн. Волог., Подпорож. Ленингр. (СРГК, 6, 945). И. С. Лутовинова отмечает, что «ареал распространения слова яблоко в значении ‘плод (фрукт и овощ)’ в русских народных говорах распределяется следующим образом: в севернорусских говорах в основном для названия картошки (клубней)... в псковских говорах, в той части, где они тяготеют к севернорусским, слово яблоко также встречается для называния как картошки, так и яблока» (Лутовинова, 1995, 52). По материалам Словаря современного русского язы-

ка известно, что картофель старoverы называли **содомское яблоко**, **чертово яблоко**, поскольку они выступали против распространения картофеля в России (Слов. карт. ИЛИ РАН). И. С. Лутовинова также отмечает, что в некоторых художественных текстах встречается сочетание **земляные яблоки** в значении ‘картофель’, например, в романе «Петр I» А. Толстого (Лутовинова, 1995, 52).

Отмечаемые в говорах дериваты несколько расширяют ареал распространения данной единицы: **яблочник** ‘запеканка из картофеля с молоком и яйцами’ Сverdл. (СРГСУ, 7, 67). **Яблочная похлебка** ‘род супа из картофеля’ Сverdл. (СРГСУ, 7, 67).

В процессе культивирования картофеля как огородной культуры в говорах стали возникать различные новообразования. Хотя не всегда качественная лексикографическая обработка может затенять прозрачную внутреннюю форму слова. **Матуха** ‘старая картошка’ Подпорож. (КСРГК). ‘Сохранившийся с прошлого года картофель’: — *Новая картошка уже поспела, а у меня матухи полно в яме.* Подпорож. Лодейноп. (СРГК, 3, 203). **Матика** ‘старая семенная картошка’: — *Матика — это старая семенная картошка, вся уже разложилась.* Терск. (СРГК, 3, 202). Речь идет о картофеле, который служил посадочным (маточным) материалом — **матка** для других клубней в гнезде.

Кроме того, имеются наименования, которые вошли в русские говоры как результат позднейших языковых контактов. Неисконная лексика, обозначающая картофель, распадается на три тематических группы:

- Картофель, клубни картофеля;
- Кушанье из картофеля;
- Картофельная ботва.

К настоящему времени зафиксированы два заимствованных наименования для клубней картофеля.

Бараньга ‘картофель’ Башк. (Юналеева, 1961, 270). **Бараньги** ‘клубни картофеля’ Багаряк. Челябин., 1964 (СРНГ, 2, 108).

В данном случае имеются сходные данные в различных языках Поволжья, ср. татар. *бәрәңге* ‘картофель’, по мнению Егорова чуваш. *паранкă* восходит к татарскому слову. Räsänen сопоставляет турец. *фирёнк* ‘европеец’ с татарским словом (Räsänen, 1969, 146; Радлов, 4, 1942, 1951). Ср. также мар. *пареңе*, удм. *баранги* ‘картофель’ при русск. **паренка** ‘вареная (пареная) репа’ (Федотов, ЭСЧЯ, 1, 386; ЭСЧЯ, 143). Особняком стоит мар. *тўри* ‘картофель, растение и его клубни; картошка’ (СМЯ).

Керач ‘картофель’ Лодейноп. Олон. (СРНГ, 13, 183) можно связать с вепскими источниками, ср. вепс. *kerä* ‘клубок, кочан капусты’ (СВЯ, 194), или вепс. *kerata* ‘набирать (ягоды, грибы и т. п.)’ (СВЯ, 195) > **keräč* ‘то, что собирают’.

Вероятно семантика лексемы **бобки** ‘кушанье из картофеля’ является вторичной.

Бобки́ ‘запеченная в масле картошка’ Конош. (СГРС). **Бобок** ‘кусочек, ломтик (брюквы, репы, хлеба, рыбы, горохового киселя)’ Конош., Котлас., Белозер., Вожегод., Великоуст., Кирилл., Сокол., Усть-Кубен., Харов. (СГРС). ‘Клецка из овсяной муки’ Конош. (СГРС). Имеются сходные вепские данные, ср. вепс. *babu* ‘ломтик сушеной репы, брюквы или картофеля’, *babu küitöz* ‘овощной суп (из сушеной репы или картофеля)’ (СВЯ, 39). На прибалтийско-финской почве довольно близки следующие данные: фин. *räppä* ‘хлеб’, ‘картофель (в языке детей)’, кар. *räppä*, ливв. *räppi*, *räppä* ‘жвачка, которую дают маленьким детям’ (SKES, 684), однако направление заимствования остается под вопросом.

Диалектные наименования картофельной ботвы представлены довольно большим числом неисконных наименований, несмотря на довольно поздний характер распространения этой культуры.

Вильва́ ‘картофельная ботва’ Кадуйск. (Вороново) (КСРГК; СРГК, 1, 201). Несмотря на то, что ударения стоит на последнем слоге, возможно связать данное слово с ливв. *vil’l’a*, люд. *vil’l’*, фин. *vilja* ‘хлеб на корню’ (SKES, 1763, 1764).

Вядерина, вядени́на ‘ботва картофеля’ Тихв. Ленингр. (КСРГК). **Ведельё** ‘ботва картофеля’ Пск. (КСРНГ, СРНГ, 4, 92). Данные варианты, образуют ареал на территории псковских говоров

и на р. Ояти (Тихвинский район Ленинградской области). Данное гнездо не исследовалось в этимологическом плане. На наш взгляд, вряд ли возможно его этимологизировать на исконной почве. Ранее допускалась балтийская версия, ср. литов. *vītis* ‘картофельная ботва’, ‘усы хмеля’, *vytinė* ‘хлыст, прут, розга’, ‘ус ползучего растения’ (Fraenkel, 2, 1268) (Мызников, 2004, 163), против чего выступает А. Е. Аникин (Аникин, 2005).

Таймина ‘всходы, ростки у картофеля, репы’ Кандалакш. (Ковда, Княжая Губа) (КСРГК). **Тайменка** Кем. (КСРГК). **Тайминь** Кандалакш. (Ковда) (КСРГК). **Таймина** ‘ботва у картофеля, репы’ Терск. (КСРГК). Кандалакш., Ловозер. (Порья) (Меркурьев). **Таймень** Терск. (Умба) (КСРГК). **Таймена** Кем. (КСРГК). **Тайминка** Терск. (Меркурьев). **Тайбина** ‘молодая ботва у картофеля’ Беломор. (Лапино) (КСРГК). **Тайбинка** Беломор. (КСРГК). **Тайбинка** ‘ботва у репы’ Кандалакш. (КСРГК). **Томина** ‘ботва картофеля’ Онеж. (СРГК, 6, 480). Данный материал восходит к карельским источникам, ср. кар. *taimen* ‘росток, саженец’ (ILKS, 143), люд. *taimen*, вепс. *taimen* ‘то же’ (SKES, 1197, 1198), кар. твер. *taimen* ‘рассада’ (СКЯП, 291), ливв. *taimen* ‘рассада’ (СКЯМ, 373), при фин. *taimi*, эст. *taim*, водск. *taimi* ‘то же’ (SKES, 1198). Мена [м]–[б] в корне произошла уже на русской почве. В СРГК вместо географической пометы Беломор. представлена помета «Белоз.», что является ошибкой; у автора имеются полные выписки из КСРГК.

Лучва́ ‘ботва картофеля, свеклы’ Кашир. Моск., 1946–1947 (СРНГ, 17, 209). Вероятно является преобразованием от **лыч** (см. ниже), **лыч** > *лычва > **лучва**, под влиянием общенародного **ботва́**.

Лы́ко ‘ботва картофеля’: — *У меня этот год лыко у картошки, думала, не отрастет.* Каргоп. (СРГК, 3, 163). Представляет собой результат омонимического притяжения от **лыч** (см.) к общенародному **лы́ко** ‘кора липы’.

Лыч ‘картофельная ботва; ботва корнеплодов’ Вашк. (ПЛГО), Грязовец., Шексн. (СВГ, 1989, 59). Кирил., Шексн. (СРГК, 3, 165). Владыч., Данил., Антропов., Арефин., Большесельск., Буйск.,

Костром., Любим., Молог., Нейск., Орехов., Первомайск., Пошехон., Пречист., Рыб., Серед., Солигалич., Сусанин., Толбух., Тутаев. (ЯОС, 1987, 21). **Лы́ча** ‘картофельная ботва; ботва корнеплодов’ Рыб. (ЯОС, 1987, 21). **Лы́чи** Парфеньев. (ЯОС, 1987, 21). **Лы́чай** ‘картофельная ботва; ботва корнеплодов’ Владыч., Пошехон. (ЯОС, 1987, 21). Волог., Киров., Вят., Мар. АССР (СРНГ, 17, 228). **Лы́чей** ‘ботва’ Сямж., Сокол., Волог. (СВГ, 1989, 59). Владыч. (ЯОС, 1987, 21). **Лы́чей** Любим., Орехов. (ЯОС, 1987, 21). Междуреч., Кадн., Харов., Волог. Волог., Вят., Киров., Мар. АССР (СРНГ, 17, 228). Брюкву дергают из земли и ножом очищают от корешков, складывают в кучу, затем таскают куда-либо под крышу и обрезают ботву, называемую лычеем. Лычей развешивают на жердочках, осенью и зимой это прекрасная заправка для коровьего пойла. Белов, 2000. **Лы́чень** Волог. (СВГ, 1989, 56). **Лы́чей** Сямж. (СВГ, 59). **Лы́чь** Волог., Вят., Арх., Киров., Удм. АССР, Мар. АССР, Свердл., Вост. (СРНГ, 17, 229). **Лы́ч** ‘ботва картофеля’ Кирил. *Лыц из картошки выходит, и потом зацветет белыми цветами.* Шексн. (СРГК, 3, 163). Ареал рассматриваемых данных — вологодские, ярославские костромские говоры, позволяет предположить влияние коми языка, ср. коми *лыч* ‘ботва (редьки, репы и т. п.)’, ‘жилка листа, черешок листа’ (ССКЗД, 209). Однако авторы КРОЧК трактуют слово *лыч* ‘ботва (картофеля, репы, брюквы)’ как диалектное (КРОЧК, 371), при том, что в коми языке более распространена лексема *кор* с основным значением ‘лист’, употребляемая, однако, в сочетании *картупель кор* ‘картофельная ботва’ (КРОЧК, 291). Ср. также коми *паб* ‘ботва’, при удм. *пубы* ‘ножка (детская)’, рассматриваемое на пермской почве (КЭСКЯ, 214). Смущает также то обстоятельство, что картофель получил широкое распространение у коми только с середины XIX века, причем по данным конца XIX века наивысший удельный вес посадок картофеля в Коми крае был в Вологодской губернии (Народы Поволжья и Приуралья, 61). Но даже если направление заимствования не вполне удовлетворяет исследование лексем **лыч** на финно-угорской почве, несомненно все-таки влияние коми языка. Кривошекина-Гантман говорит о неясности направления заимствования, отмечая слово **лыч** ‘стебли корнепло-

дов' в Соликамском районе Пермской области, при коми-перм. *лыч* 'ботва картофеля, репы, брюквы' (Кривошекова-Гантман, 1981, 54). А. Е. Аникин, напротив, говорит о заимствовании из севернорусских говоров, ссылаясь на праслав. **lyčь* (Аникин, 1990, 90), при том что картофель до XV века эндемичное растение американского континента.

Ня́тина 'картофельная ботва' Чагод. (КСРГК). **Нати́на** 'ботва' Вытегор., Кириш. (КСРГК). **Нети́на** 'сорняк' Сегеж. (Валдай) (ПЛГО). **Мети́на** 'стебель и листья растений корнеплодов и клубнеплодов, ботва' Кириш., Кандалакш., Батец, Любыт., Солец., Терск. (СРГК, 3, 233). **Нити́на** 'листья и стебли овощей, ботва' Беломор., Медвежьегор., Кем. (СРГК, 4, 28). **Не́тина** 'зелень и стебли огородных растений' Онеж. (Подвысоцкий). Вариант **нати́на** может быть образован от вепс. *nat'* 'ботва' (СВЯ, 353). Лексемы с другим вокализмом вряд ли связаны с вепс. *ńit*, *ńiit* 'пожня, луг, покос' (СВЯ, 362). Варианты **не́тина**, **ни́тина**, вероятно, также следует рассматривать как образования на русской почве. Сюда же, скорее всего, примыкает лексема **ти́на**, с преобладающими фиксациями в новгородских говорах, возникшая в результате переразложения: **натина** > **на-тина** > **ти́на**. В ЭССЯ праславянское **natъ* интерпретируется как образование, возникшее на основе переразложения: **na-tina* — *nat-ina* — **natъ* (Варбот, 1984, 200, 201; ЭССЯ, 23, 187).

Корба 'высокая густая ботва картофеля' — *Ну и корба у тебя в огороде!* Тихв. (Новинка) (ПЛГО). В данном случае слово в данном значении представляет собой закономерный, но не часто фиксируемый результат метафорического переноса, при более узуальном лексико-семантическом варианте **корба** 'густой дремучий еловый лес'. Слово представлено также в других значениях: **корба** 'высокие, густо выросшие перья лука на грядке' — *Какая у тебя корба лука*. Подпорож. (Важины) (ПЛГО); 'небольшой сосновый лес, растущий в моховом болоте' Борович. (НОС, 4, 109); 'лес на возвышенности' Пудож. (Песчаное) (ПЛГО). Сланц. (КСРГК); «высокое и сухое место в лесу» Подпорож. (СРГК, 2, 420); «молодой лес на сухом месте» Лодейноп. (Пирозеро) (ПЛГО); 'болотистое, труднопроходимое, нередко захлавленное место' Кондоп. (Горка), Пу-

дож. (Канзанаволок), Вашк. (Новец) (ПЛГО); «место, наваленное упавшими деревьями» Кондоп. (СРГК, 2, 420). Имеются также и другие образования семантически сходной природы: **Корба-корбой** ‘очень много’ — *На болоте ягод — корба-корбой*. Лодейноп. (СРГК, 2, 420). **Кóрбяный** ‘густой, частый (о лесе)’ Подпорож. (Грибановская) (КСРГК). **Корбѣнный** ‘густой, преимущественно еловый (о лесе)’ Подпорож. (СРГК, 2, 421). Слово **корба** впервые зафиксировано в «Книге межевой обводной» под 1391 г.: — *Ялгондою рикою в верхь до сухой черное корбы*. (Срезневский). Этимология данной лексемы неоднократно обсуждавшаяся в литературе, традиционно возводилась к кар. *korbi* (Шегрен, 1852, 154; Лесков, 1892, 100; Погодин, 1904, 32; Kalima, 1915, 128; Фасмер, 2, 322). Авторы SKES предполагают, что вероятней ливвиковско-людивиковское происхождение, ср. ливв. *korbi*, люд. *korb* ‘сырой еловый лес’ (SKES, 219). Исходя из ареальной дистрибуции лексемы **корба** с ее деривационными вариантами можно выделить в качестве доминирующего источника вепсский языковой тип, ср. вепс. *korb* ‘глухой лес’ (СВЯ, 225), при участии кар. твер. *korbi* ‘глухой дремучий лес (обычно еловый)’ (СКЯП, 113) — для данных НОС по Демьянинскому, Боровичскому р-нам; ливв. *korbi* ‘глухой лес (обычно еловый)’ (СКЯМ, 153), лид. *korb* ‘сырой еловый лес’ (SKES, 219).

Взятая за основу иллюстрация при выделении переносного значения в СРГК: «корба.. 6. Грядка, густо засаженная овощами. *Вон две корбы луку, приходите и берите*», — привела к ошибочному, на наш взгляд, толкованию. Речь идет не вообще о овощах, а о густых, высоких перьях лука на грядке (см. 4 зн.), в летний период, когда свежая картошка еще не используется в пищу, перья лука со сметаной являются традиционным блюдом.

Литература и источники

Аникин, 2005 — Аникин А. Е. Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке. Новосибирск, 2005. 396 с.

Белов, 2000 — Белов В. И. Повседневная жизнь русского Севера. Очерки о быте и народном искусстве крестьян Вологодской, Архангельской и Кировской областей. М.: Молодая гвардия, 2000.

Варбот, 1984 — Варбот Ж. Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984

Кривошекова-Гантман, 1981 — Кривошекова-Гантман А. С. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 46–62.

Лесков, 1892 — Лесков Н. Ф. О влиянии корельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии // Живая старина. 1892. № 4. С. 97–103.

Лутовинова, 1995 — Лутовинова И. С. Яблоко в говорах // Севернорусские говоры. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1995. Вып. 6. С. 49–55.

Меркурьев — Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.

Мызников, 2004 — Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004. 492 с.

Народы Поволжья и Приуралья — Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне, Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М., 2000. 579 с.

ПЛГО — Полевое лингвогеографическое обследование автора.

САР 1 — Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794. Ч. 1–6.

САР 2 — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806–1822. Т. 1–6.

Срезневский — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1912. Т. 1–3.

Федотов, ЭСЧЯ — Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1996. Т. 1–2.

Черных, 1956 — Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956.

Шегрен, 1852 — Шегрен А. М. Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. СПб., 1852. С. 145–165.

Юналеева, 1961 — Юналеева Р. А. О некоторых тюркских словах в русских говорах северо-восточной Башкирии // Материалы и исследования по диалектологии Волго-Камья. Учен. зап. Казанского гос. университета. Казань, 1961. Т. 121, кн. 3. С. 254–274.

Сокращения

АГ-80 — Русская грамматика /АН СССР. Ин-т русского языка. Т. 1–2. М., 1980.

Акчим. сл. — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) /Под ред. Ф. Л. Скитовой. Вып. I–V. Пермь, 1984–2003.

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., М.-Новосибирск, 2000.

Анненков Н. И. Ботанический словарь или собрание названий как русских, так и многих иностранных растений на языках латинском, русском, немецком, французском и других, употребляемых различными племенами, обитающими в России. 2-е изд. М., 1878.

АОС — Архангельский областной словарь /Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–13. М., 1980–2010.

АРНГЦВ — Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы /Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957. 1101 с. + 271 карта.

Баранникова, 2000 — Баранникова Л. И. Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2000. 103 с.

БАС — Словарь современного русского литературного языка. В 17 тт. М.-Л., 1948–1965.

БАС-2 — Словарь современного русского литературного языка. Издание второе, переработанное и дополненное. Тт. 1–6. М., 1991–1994.

Березович, 2003 — Березович Е. Л. Диалектный словарь М. С. Устиновой (лексика диалекта глазами диалектоносителя) // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 2. М., 2003. С. 267–277.

Богораз, 1901 — Богораз В. Г. Областной словарь колымского наречия // Сб. ОРЯС, Т. 68, № 4. 1901 (Словарь: С. 19–163).

БОС — Брянский областной словарь. Брянск, 2007.

Браславец, 1977 — Словарь русского камчатского наречия. Сост. К. М. Браславец, Л. В. Шатунова. Хабаровск, 1977. 194 с.

БТС — Большой толковый словарь русского языка /Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.

БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003. 608 с.

Бурнашев — Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Тт. 1–2. СПб., 1843–1844.

БЭС — Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М.-СПб., 1998.

Васнецов, 1907 — Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907. 357 с.

Вейсманн, 1731 — Вейсманн. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731.

Вендина, 1996 — Вендина Т. И. Инструкция к составлению карт Лексического атласа русских народных говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1994. СПб., 1996. С. 19–25.

Войтенко, 1991 — Войтенко А. Ф. Лексический атлас Московской области. М., 1991.

ВС — Восточнославянские сказки. Сравнительный указатель сюжетов. Л., 1978.

Второе Доп. — Покровский Ф. И., Яценко Е. Н. Второе дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». 1905–1921. Рукопись СРНГ.

Георгиевский, 1908 — Георгиевский М. Д. Русско-карельский словарь. СПб., 1908.

Грот, 1854 — Грот Я. К. Областные великорусские слова финского происхождения // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. СПб., 1854.

Даль, — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. 1–4. М., 1863–1866 (1-е изд. и другие фототипические издания).

Даль, 1-е изд. — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. 1–4. М., 1863–1866 (1-е изд.).

Даль, 2-е изд. — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Тт. 1–4. М. — СПб., 1880–1882 (2-е изд.).

Даль, 3-е изд. — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка под редакцией проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене. Тт. 1–4. СПб., 1903–1909 (3-е изд.).

ДАРЯ, вып. 1 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. 1: Фонетика / Под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. М., 1986.

ДАРЯ, вып. 2 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. 2. Морфология. Словообразование. Комментарии к картам. М., 1989.

ДАРЯ, вып. 3 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. 3. Синтаксис. Лексика. Комментарии к картам. М., 1996. 375 с.

Деулино — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) /Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.

Дилакторский — Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. По рукописи П. А. Дилакторского. Изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб., 2006.

ДКРЯ — Опыт диалектологической карты русского языка в Европе. Составлена членами Московской диалектологической комиссии, состоящей при Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук: Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым. Исполнена членом ИРГО И. П. Поддубным. Издание Императорского Русского географического общества, Петроград, 1914.

Добровольский, 1914 — Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914. 1022 с.

Доп. Опыт. — Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.

Дружинина, СЯ — Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Тт. 1–2. Якутск, 1997–2002.

Дуров, 1929 — Дуров И. М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. Соловки, 1929. 180 с.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Тт. 1–3. Київ, 1982–1989.

Ефименко, 1878 — Ефименко П. С. Словарь местных наречий // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1878, Т. XXX, вып. 2. С. 254–276.

Ефремова — Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В двух томах. Т. 1–2. М., 2000.

Жмурко, 2001 — Жмурко О. И. Лексика природы. Опыт тематического словаря говоров Ивановской области. Иваново, 2001. 115 с.

Зализняк — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Захарова, Орлова — Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Иванова, 1969 — Иванова А. Ф. Словарь говоров Подмосквья. М., 1969. 597 с.

Кабинина, Матвеев, Теуш, 1999 — Кабинина Н. В., Матвеев А. К., Теуш О. А. Материалы для «Словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера» (Г-И) // Ономастика и диалектная лексика III. Екатеринбург, 1999. С. 247–259.

Колесов — Русская диалектология /Под ред. В. В. Колесова. М., 1990.

Коновалова, 2000 — Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000. 233 с.

Королева, 2000 — Королева Е. Е. Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области). Чч. 1–2. Daugavpils, Saule, 2000.

КПОС — Картотека Псковского областного словаря- Хранится в Псковском государственном педагогическом университете и в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина на факультете филологии и искусств СПбГУ.

КПРС — Коми-пермяцко-русский словарь/Сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М., 1985.

КрКОС — Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь /Сост.: Н. С. Ганцовская, Г. И. Маширова; отв. ред. Н. С. Ганцовская. Кострома, 2006.

КРОЧК — Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Комироч кывчукор. Сыктывкар, 2000. Тт. I–III. 814 с.

КСРГК — Картотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей. Хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина на факультете филологии и искусств СПбГУ.

КСРНГ — Картотека «Словаря русских народных говоров».

Кузнецов И., 1915 — Кузнецов И. Д. Рыбопромышленный словарь Псковского водоема. По материалам, собранным участниками Псковской промыслово-научной экспедиции 1912–1913 года. ППр., 1915. 159 с.

Куликовский, 1898 — Куликовский Г. И. Словарь областного олонцкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

КЭСКЯ — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.

КЭСРЯ — Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. 542 с.

ЛАМО — Войтенко А. Ф. Лексический атлас Московской области. М., 1991. 59 с. + 160 карт.

ЛАРНГ 2004 — Лексический атлас русских народных говоров: Пробный выпуск. СПб., 2004.

Лаучюте — Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в русском языке. Л., 1982.

ЛКТЭ — Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета.

ЛРС — Латинско-русский словарь. М., 2005.

ЛТРС — Латышско-русский словарь. Сост. Я. В. Лоя. М., 1946. 250 с.

Лысенко — Лисенко П. С. Словник поліських говорів. Киев, 1974.

Мазинг, 1960 — Мазинг В. В. Немецко-английско-шведско-финско-эстонско-русский терминологический словарь по болотоведению. Тарту, 1960.

МАНРС — Баландин А. Н., Вахрушева М. П. Мансийско-русский словарь. Л., 1958. 226 с.

МАС — Словарь русского языка /Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. Т. 1–4, М., 1981–1984.

Мейе — Мейе А. Общеславянский язык /Пер. со второго французского издания. Под ред. проф. С. Б. Бернштейна. М., 1951.

Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979, 184 с.

Миртов, 1929 — Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929. 415 с.

МИФС — Мифологический словарь. М., 1990.

Младенов, 1941 — Младенов С. Етимологически и правописен речник на българският книжовен език. София, 1941.

Морохин, 1997 — Морохин Н. В. Нижегородский топонимический словарь. Нижний Новгород, 1997. 215 с.

ММ — Марий мутер. Йошкар-Ола, «Марий книга издательство», 1990–2005. Тт. I–X.

МРС — Мокшанско-русский словарь. /Под ред. Д. В. Бубриха. М., 1949. 359 с.

МРС — Мокшанско-русский словарь. М., 1998. 920 с.

МС — Хромов И. П., Мамонова Л. П. Метеорологический словарь. Л., 1955.

Мурзаев, 1984 — Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. 653 с.

Неуструев, 1914 — Неуструев С. П. Словарь волжских судовых терминов. Нижний Новгород, 1914. 320 с.

Николаев, Николаева — Николаев Г. А., Николаева А. В. Древненовгородское слова почта и его славянские соответствия // Системно-функциональный аспект: Сб. науч. тр. Казань, 2003. С. 92–95.

НК — Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.

Нордстет — Российский с немецким и французским переводами словарь, соч. Иваном Нордстетом. Чч. 1–2. СПб., 1780–1782.

НОС — Новгородский областной словарь /Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000.

Носович, 1870 — Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

Ожегов — Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992, 1995, 1997, 2004, 2008.

ОКДА — Общекарпатский диалектологический атлас. Вопросник. М., 1981. 125 с.

ОЛА, 1988 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир. М., 1988. 188 с.

Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1908.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров. Вып. 1, 2, 3. Киров, 1996, 1998, 2003.

ОСВРН — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии /Ред. В. Г. Орлова. М., 1970.

ОСГКО — Кириллова Т. В., Бондарчук Н. С., Куликова В. П., Белова А. А. Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972. 312 с.

Погодин, 1904 — Погодин А. Л. Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия. 1904. № 4. С. 1–72.

Подвысоцкий — Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–15. Л., СПб., 1967–2004.

Поспелов, 1998 — Поспелов Е. М. Географические названия мира. Топонимический словарь. М., 1998. 503 с.

Поспелов, 2000 — Поспелов Е. М. Топонимический словарь Московской области. М., 2000. 316 с.

Преображенский — Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910–1914.

ПРОБДТВ — Проблемы динамики среднерусских говоров. Коллективная монография. Тверь, 2001. 188 с.

Программа ДАРЯ — Программа собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка. М. — Л., 1947. 219 с.

Программа ЛАРНГ — Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Ч. 1–2. /Отв. ред. И. А. Попов. СПб., 1994.

Проект ЛАРНГ — Лексический атлас русских народных говоров (Проект). СПб., 1994.

Протопопов, 1847 — Протопопов А. Областные слова Яренского уезда Вологодской губернии. 1847. КСРНГ.

Прокошева, 2002 — Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002. 431 с.

ПЦСС — Полный церковно-славянский словарь. М., 1993.

Радлов — Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV. СПб., 1899–1911.

РД, 1972 — Русская диалектология /Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972. 302 с.

РДС — Русский демонологический словарь /Автор-сост. Т. А. Новичкова. СПб., 1995. 639 с.

РКПС — Кузнецов П. С., Спорова А. М. Русско-коми-пермяцкий словарь. Кудымкар, 1946.

РКС — Русско-коми словарь. Сыктывкар, 1966.

РМС — Учаев З. В., Захарова В. С. Русско-марийский словарь. Йошкар-Ола, 1999.

РНС — Русско-ненецкий словарь /Сост. А. П. Пырерка, Н. М. Терещенко. М., 1948. 405 с.

РФС — Русско-финский словарь /Под ред. М. Э. Куусинена и В. М. Оллыккайнен. М., 1963. СПб., 1997. 1000 с.

РЧС — Русско-чувашский словарь /Под ред. Н. К. Дмитриева. М., 1951. 896 с.

Рыбников, 1864 — П. Н. Рыбников. Сборник слов, употребляемых в Олонецкой губернии // Этнографический сборник. Вып. 6. СПб., 1864. с. 1–24.

СБЯ — Словарь брянских говоров /Под ред. В. Н. Чагишевой. Т. 1–4. Л., 1976–1984.

СВГ — Словарь вологодских говоров /Под ред. Т. Г. Паникаровской. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.

СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972.

СГБРС — Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Словарь гидронимов юго-восточного Приладожья. Бассейн реки Свирь. СПб., 1997. 192 с.

СГП — Войтенко А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. Вып. 1. М., 1995.

СГРВ — Сцяшкoвiч Т. Ф. Слоўнік Гродзенскай вобласці. Мінск, 1983.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера /Под ред. А. К. Матвеева. Тт. 1–5. Екатеринбург, 2001–2011.

СГСРПО — Словарь говоров Соликамского района Пермской области /Сост. О. П. Беляева. Пермь, 1973. СД — Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3, М., 2004.

СД — Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3, М., 2004.

СДГВО — Словарь донских говоров Волгоградской области /Сост. Е. В. Брысина, Р. И. Кудряшова, В. И. Супрун. /Под ред. Р. И. Кудряшовой. — Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, Вып. 1. А–Г, 2006; Вып. 2. Д–Й, 2007; Вып. 3. К–Н, 2007. Вып. 4. О–П, 2007; Вып. 5. Р–Т, 2008; Вып. 6. У–Я. Дополнение к вып. 1–5, 2009.

СД — Славянские древности: Этнолингвистический словарь. /Под ред. Н. И. Толстого. Тт. 1–3, М., 1995–2004.

СДК — Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.

Сими́на, 1980 — Сими́на Г. Я. Географические названия (По материалам письменных памятников и современной топонимии Пинежья). Л., 1980. 110 с.

Симони, 1757 — Симони П. К. Словарь областных слов, употребляемых в г. Устюге Великом (по записи 1757 г.) // Живая старина. 1898. Вып. III–IV. С. 443–448.

СИС — Словарь иностранных слов. М., 1989. 621 с.

СКЯМ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) /Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск. 1990. 495 с.

СКЯП — Словарь карельского языка (тверские говоры) /Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. 396 с.

Слов. Акад. 1789–1794 — Словарь Академии Российской. Чч. 1–6. СПб., 1789–1794.

СлДРЯ XI–XIV вв. — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Вып. 1–4. М., 1988–1991.

Слов. Акад. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Тт. I–IV. СПб., 1847.

Слов. Акад. 1891–1920 — Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Тт. 1–41 и в выпусках, изд. 1891–1920.

Словарь охотника-природолоба — Словарь охотника-природолоба. Термины, идиомы, фразеологические обороты /Сост. И. Касаткин. М., 1995.

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–26. М., 1975–2002.

СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–13. Л., СПб., 1984–2003.

СМЯ — Словарь марийского языка. Тт. 1–10. Йошкар-Ола, 1990–2005.

СОБС — Среднеобский словарь /Под ред. В. В. Палагиной. I. Томск, 1983.

СОГ — Словарь орловских говоров /Под ред. Т. В. Бахваловой. Вып. 1–4. Ярославль, 1989–1991. Вып. 5–12. Орел, 1992–2001.

СПГ — Словарь Пермских говоров: В 2 т. Пермь, 2000–2002.

СППП — Словарь псковских пословиц и поговорок /Сост. В. М. Мок-иенко и Т. Г. Никитина. СПб., 2001.

СРГАЛТ — Словарь русских говоров Алтая. Тт. 1–4. Барнаул, 1993–1998.

СРГБ — Словарь русских говоров Башкирии. Вып. 1. Уфа, 1993.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей /Гл. ред. А. С. Герд. Тт. 1–6. СПб., 1994–2004.

СРГП — Словарь русских говоров Приамурья. Отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1983.

СРГКПО — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь, 2006.

СРГНО — Словарь русских говоров Новосибирской области /Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1979.

СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры /Под ред. Л. А. Ивашко. Тт. 1–2. СПб., 2003–2005.

СРГО — Словарь русских говоров Одесщины. Т. 1–2. Одесса, 2000–2001.

СРГП — Словарь русских говоров Приамурья /Отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1983. 340 с.

СРГРМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мор-довия /Под ред. Р. В. Семенковой: А-Я. Вып. 1–8. Саранск, 1978–2006.

СРГС — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби /Под ред. В. В. Палагиной. Тт. 1–3. Томск, 1964–1967.

СРГС-Д — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Дополнение. Ч. 1–2. Томск, 1975.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала /Под ред. А. К. Матвеева. Свердловск, 1964–1988. Тт. 1–7.

СРГСУ-Д — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под. ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996. 580 с.

СРДГ — Словарь русских донских говоров. В 3 т. Ростов-на-Дону, 1975–1976.

Срезневский — Срезневский Н. Н. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1–3. М., 1958.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Тт. 1–44. М., Л., СПб., 1965–2011.

СРНДР — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. /Сост. Л. Г. Панин. Новосибирск, 1991.

СРФ — Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1998.

СС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) /Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994.

ССГ — Словарь смоленских говоров /Под ред. А. Ф. Ивановой. Смоленск, 1974–1985.

ССКГК — Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск, 2009. 350 с.

ССКЗД — Сравнительный словарь коми зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. 489 с.

ССПР — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Т. 1–3. Томск, 1992–1993.

Станков, 1957 — Станков В. И. и др. Определитель высших растений Европейской части СССР. М., 1957. 740 с.

СЭС — Советский энциклопедический словарь /Гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1983.

СЮКК — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края /Отв. ред. В. Н. Рогова. Красноярск, 1988.

ТР — Травянистые растения СССР /Алексеев Ю. Е., Вехов В. Н., Гапочка Г. П. и др. Тт. 1–2. М., 1971.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка /Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. М., 1934–1940.

УРС — Удмуртско-русский словарь /Сост. В. М. Вахрушев, К. А. Корепанова, Е. Н. Лодкина, А. И. Малых и др. М., 1948. 446 с.

УРС — Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 2008. 925 с. ISBN 5-7691-2005-3.

Успенский, 1913 — Успенский П. Русско-чудский словарь с некоторыми грамматическими указаниями. СПб., 1913. 32 с.

Ушаков — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. Тт. 1–4. М., 1934–1940.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Тт. 1–4. М., 1964–1973 и др. факсимильные изд.

ФСРЛЯ — Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. /Сост. А. И. Федоров. М., 1997.

ФСРЯ — Фразеологический словарь русского языка /Под ред. А. И. Молоткова. М., 1967.

ФРС — Финско-русский словарь /Под ред. В. Оллыкайнен, И. Сало. Таллин, 1996. 815 с.

Цыганенко, 1970 — Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1970. 599 с.

Черепанова, 1983 — Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983. 170 с.

Черных — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Тт. 1–2. М., 1994.

Шведова — Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизир. по кл. слов и значений /Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой; Рос. Акад. наук, Отд-ние лит. и языка. Ин-т рус. яз. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос): 39 000 сл. и фразеол. выражений. 2000. 800 с.

Шейн, 1873 — Шейн П. В. Дополнение и заметки к «Толковому словарю Даля» // Сб. ОРЯС, 1873, Т. X, № 8. С. 1–52.

Шипова, 1976 — Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.

ШЭС — Морозов И. А., Слепцова И. С., Гилярова Н. Н., Чижикова Л. Н. Рязанская традиционная культура первой половины XX века (Шацкий этнодиалектный словарь). Рязань, 2001.

ЭСГТ — Энциклопедический словарь географических терминов /Под ред. С. В. Колесник. — М., 1968.

Элиасов — Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

ЭРВ — Эрзянь-рузонь валкс. М., 1993. 803 с. ISBN 5–200–01585–5.

ЭРС — Эрзянско-русский словарь /Под ред. Б. А. Серебрянникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. М., 1993. 804 с.

ЭС — Энциклопедия символов. М., СПб., 2006.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Тт. 1–7. Мінск, 1978–1991.

ЭСМЯ — Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка. Т. 1–2. Йошкар-Ола, 1979–1983.

ЭСРЯП — Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–2. М., 1959.

ЭСРЯШ — Этимологический словарь русского языка /Под ред. Шанского. Вып. 1–8. М., 1963–1982.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков /Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–2011. Вып. 1–37.

ЭСТЯ, 1974 — Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.

ЭСТЯ, 1978 — Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978.

ЭСТЯ, 1980 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В» и «Г», «Д». М., 1980.

ЭСТЯ, 1989 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж'», «Ж», «Й». М., 1989.

ЭСТЯ, 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К'», «К». М., 1997.

ЭСТЯ, 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «К» /Отв. ред. Г. Ф. Благова. М., 2000. 259 с.

ЭСЧЯ — Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. 355 с.

ЯОС — Ярославский областной словарь /Под ред. Г. Г. Мельниченко. Тт. 1–10. Ярославль, 1981–1991.

Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Т. 1–5. Ljubljana, 1977–2007.

Brückner, 1927 — Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.

Fraenkel — Fraehkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Т. 1–2. Heidelberg, 1962–1965.

IS — Inkeröismurteiden sanakirja. Toim. Nirvi R. E. LSFu 18. Helsinki, 1958.

Kalima, 1915 — Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

KKS – Karjalan kielen sanakirja. Toim. Virtaranta P. – Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Helsinki. 1 osa – 1968, 2 osa – 1974, 3 osa – 1983, 4 osa – 1993, 5 osa – 1997, 6 osa – 2005.

Kluge – Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der Deutschen Sprache. Bearb. Von Elmar Seebold. Berlin; New York, 1999. 921 S.

LW – Kettunen L. Livisches Wörterbuch mit grammatischer Einleitung. LSFU V. Helsinki, 1938 (репринт 1999). LXXI + 648 p.

MW – H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. LSFU. B. I–V. Helsinki, 1990. 2703 s. ISBN-10: 9519403523, ISBN-13: 9789519403526.

Räsänen, 1969 – Räsänen M. Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki, 1969.

SKES – Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa 1–7. Helsinki, 1955–1981.

SSAP – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

VKS – Vадja keele sõnaraamat. Toim. H. Adler, M. Leppik. I–VII (A–Ψ). Tallinn. 1990–2011.

Научное издание

**Лексический атлас русских народных говоров
(Материалы и исследования)
2012**

*Печатается по решению Ученого совета
Института лингвистических исследований РАН*

Сверстал И. Магин

Подписано к печати 26.12.12 г.
Формат 60×90/16. Тираж 250 экз. 30 уч.-изд. л.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
«Нестор-История» 198095, СПб., ул. Розенштейна, д. 21
тел.: (812) 622-01-23

